

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 3 (157)
май — июнь 2020

СОЦИОЛОГИЯ
МОЛОДЕЖИ

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

СОЦИОЛОГИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2020. — № 3 (157). — 517 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

Ю. А. Зубок

Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности 4

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Ю. А. Зубок, В. И. Чупров

Жизненные стратегии молодежи:

реализация ожиданий и социальные настроения13

О. А. Александрова, Д. И. Марков

Обеспеченные или нищие: что думают молодые россияне о будущей старости и как намерены действовать?42

С. Г. Ушкин, Е. А. Коваль, Н. В. Жадунова

От теоретических конструкций к практическим убеждениям: как этические принципы реализуются в жизненных стратегиях молодежи66

Ж. В. Чернова, Л. Л. Шпаковская

Переход к взрослой жизни молодых людей, имеющих опыт институциональной заботы94

В. В. Петухов

Российская молодежь и ее роль в трансформации общества 119

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

В. В. Титов

Стратегии социального протеста молодежи в Рунете:

сравнительный анализ поколений Y и Z..... 139

А. Ю. Карпова, А. О. Савельев, А. Д. Вильнин, Д. В. Чайковский

Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) 159

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

А. Л. Темницкий

Формирование индивидуальной субъектности в сфере труда у молодых работников современной России 182

Н. П. Касаткина, Н. В. Шумкова

От самообразования к самозанятости:

непарадный вход молодежи на рынок труда201

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: май — июнь 2020..... 224

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Г. Я. Гузельбаева, М. М. Мчедлова

Мусульманские сообщества в Казани начала XXI века: причины подъема и спада исламского молодежного активизма 247

С. И. Поляков, Ю. В. Епанова

Радикализация и неравенство в нарративах второго городского поколения мусульманской северокавказской молодежи..... 269

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

А. Л. Рочева, Е. А. Варшавер

Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай..... 295

А. В. Одинцов, А. И. Шипицин, А. Ю. Марченко

Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) 335

Е. В. Недосека, Е. Н. Шарова

Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики..... 355

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Е. С. Павленко, А. А. Якубовская

Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий..... 376

М. Б. Богданов, В. М. Малик

Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? 391

С. К. Бекова

Благополучие аспирантов: обзор исследований и практик..... 422

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

Н. Л. Антонова, С. Б. Абрамова, В. В. Полякова

Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства 443

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

О. Н. Безрукова, В. А. Самойлова

Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях
и барьерах доступности детей после развода 463

Д. А. Котов, Н. В. Грек

Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных
стратегий российской молодежи 499

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688

Ю. А. Зубок

МОЛОДЕЖЬ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Правильная ссылка на статью:

Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4—12. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688>.

For citation:

Zubok J. A. (2020) Youth: Life Strategies in a New Reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 4—12. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688>.

МОЛОДЕЖЬ: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

YOUTH: LIFE STRATEGIES IN A NEW REALITY

ЗУБОК Юлия Альбертовна — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научного исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: uzubok@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>

Julia A. ZUBOK¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Center for Sociology of Youth

E-MAIL: uzubok@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>

Аннотация. В статье рассматривается формирование социальных и социокультурных условий, в которых конструируются жизненные стратегии современной молодежи. Среди наиболее значимых их характеристик выделяют: глобальная изменчивость реальности, нарастание неопределенности и эскалация риска, изменение баланса целенаправленного регулирования и саморегуляции, расширение реальности и изменение ее смыслового пространства; углубляющаяся социальная дифференциация. Ставятся ключевые вопросы, актуальные для всестороннего анализа жизненных стратегий молодежи и их саморегуляции в изменяющейся реальности.

Ключевые слова: молодежь, жизненные стратегии, изменяющаяся реальность, выбор, смысл, неопределенность, саморегуляция

Abstract. The article examines the formation of social and socio-cultural conditions shaping the life strategies of modern young people. The major conditions are as follows: reality changing on a global scale, growth in uncertainty and risk escalation, shift in the balance between targeted regulation and self-regulation, expansion of reality and changes in its semantic space, and a deeper social differentiation. The article raises essential questions relevant to a thorough analysis of youth life strategies and their self-regulation in a changing reality.

Keywords: youth, changing reality, choices, meaning, uncertainty, self-regulation, life strategies

Одной из значимых особенностей современного общества является активизация саморегуляционных процессов во всех сферах его жизнедеятельности. Выстраивая свои жизненные сценарии, определяя цели и пути их достижения, организуя свою жизнь, индивиды и группы осуществляют постоянную многоуровневую саморегуляцию. Несмотря на высокую институционализацию современных обществ, ключевые решения принимаются самими людьми. В любой ситуации

за ними остается последнее слово в выборе своих целей и смысложизненных ценностей. Каким образом это происходит — ключевой вопрос, являющийся в современной социологии предметом фундаментальных исследований.

В молодежной среде саморегуляция и самоорганизация имеют особый смысл и значение. Прежде всего, они отражают процесс реализации молодыми людьми своей социальной субъектности, что значимо не только для обретения устойчивого социального положения, но и для подтверждения их самостоятельности и независимости. Наиболее отчетливо содержание и направленность саморегуляции выражаются в конструировании молодыми людьми жизненных стратегий.

Выстраивая жизненные стратегии, молодежь — как относительно самостоятельная группа, находящаяся в активной фазе самоопределения, — следует собственным представлениям об успешной и счастливой жизни, выбирая, наделяя смыслами и значениями цели и пути их достижения. Реализуя свои жизненные цели, молодые люди руководствуются личными стремлениями и амбициями. Но одновременно с этим как неотъемлемая часть общества, связанная с ним множеством отношений, молодежь находится под влиянием всех процессов и явлений, происходящих в нем как во внешней для себя среде. Принимая во внимание эти связи, мы существенно расширяем понимание механизмов конструирования жизненных стратегий, источников жизненного выбора и особенностей саморегуляции, характерных для нынешнего молодого поколения.

Каждая эпоха характеризуется событиями, определяющими характерные условия, в которых молодые люди выстраивают свои стратегии [Strauss, Howe, 1991; Семенова, 2002; Круглова, 2007; Радаев, 2019]. То, какие цели они перед собой ставят, какие средства используют и каких результатов достигают, является продуктом взаимодействия среды и личности, молодежи как группы и общества, а также множества интересубъективных взаимодействий молодых людей в жизненном мире, говоря словами Альфреда Шюца, «общим для всех нас».

Карл Маннгейм, к подходам которого восходят многие современные представления о поколенческом феномене, подчеркивал: «Индивиды наделены положением в социальном и историческом процессе; тем самым... они склоняются к специфическому образу мыслей и характерному, исторически уместному образу действий... Каждому местоположению в позитивном смысле присуща тенденция, ориентирующая на определенные способы поведения, чувствования и мышления»¹. Поэтому понять характер жизненных стратегий отдельных групп молодежи возможно лишь в соотнесении их друг с другом и с условиями, в которых разворачивается жизнедеятельность современного молодого поколения.

Каковы наиболее общие характеристики этих условий?

Во-первых, глобальная изменчивость реальности. Понимаемая как действительность социального мира, отражающая не только объективно существующие явления и процессы, но и субъективные представления о них, современная социальная реальность текуча, аморфна и пластична [Бауман, 2008]. И если темп и конкретное содержание изменений в разных обществах и в разных сферах могут

¹ Цит. по: Луков В. А. Проблема поколений, 1928 // Социология молодежи. Электронная энциклопедия / под ред. В. А. Лукова. 2015. URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/studies/155-problema-pokoleniy-1928.html> (дата обращения: 02.07.2020).

отличаться, то сами изменения де-факто давно стали атрибутом глобального современного мира. Возникающие новации быстро теряют актуальность и уступают место новым, порождая противоречия, связанные с переосмыслением прежнего опыта и освоением нового. Причины и последствия изменений в той или иной форме отражаются в сознании молодых людей, фиксируясь в целях жизнедеятельности и способах их реализации. Изменения, по существу, являются частью образа жизни молодежи, затрагивая в разной степени основы жизнедеятельности каждого молодого человека.

Во-вторых, нарастание неопределенности и эскалация риска как следствие изменчивости. Изменчивость как признак пульсирующей жизни и защита от стагнации проявляется и другой своей стороной — неопределенностью — состоянием, при котором причинно следственные связи нарушены, а внешняя среда и индивидуальная жизненная ситуация плохо структурируются и не поддаются однозначному толкованию. Это означает размывание границ между *имманентными свойствами* объектов реальности и их *временными состояниями* [Готт, Урсул, 1971: 54, 56]. Взаимодействие с такими объектами в ходе реализации жизненных стратегий сопряжено с риском. Для отдельно взятого человека это означает принципиальную невозможность адекватно оценить результативность той или иной стратегии в образовании, на рынке труда, в построении карьеры или семьи. Точно так же в условиях неопределенности утрачивается понимание процессов, происходящих в молодежной среде: мы имеем дело то ли со случайными и отдельными колебаниями состояний (флуктуациями), то ли с устойчивыми изменениями качественных характеристик различных групп молодежи.

Изменения в стране и мире, вызванные пандемией и усиленные очередным внутренним экономическим кризисом, спровоцировали мощнейшую эскалацию неопределенности. Предметное поле рискологии применительно к исследованию жизненных стратегий молодежи получает новый импульс актуальности. На фоне пандемии можно было наблюдать, как рушатся ранее выстроенные планы и меняется образ жизни людей, как сворачивается жизненное пространство, а неясность перспектив сужает и без того скромный горизонт планирования. Ситуация неопределенности дестабилизирует сам механизм выстраивания жизненных стратегий как осмысленного выбора целей и средств. А ее преодоление, поиск новых целей или способов реализации изменяющихся планов связаны с высоким уровнем случайности. Под влияние случайных факторов попадает множество, на первый взгляд, существующих возможностей, которые, не спешат линейно и детерминировано переходить в действительность. Высокая доля случайностей — ситуативно непредвиденных или принципиально непредвидимых обстоятельств — становятся источником воспроизводства неопределенности и риска в пространстве реальности. Успешность конструируемых в этих условиях стратегий определяется не одной лишь открытостью молодежи к изменениям и не только индивидуальной способностью рационализировать риск, но и эффективностью институциональных мер по его локализации и снижению порога неопределенности. Отсутствие таких мер является предпосылкой эскалации риска.

В-третьих, изменение баланса целенаправленного регулирования и саморегуляции. Множество дифференцированных моделей развития молодежи, ее

интеграции в общество, путей самоопределения и самореализации в различных сферах жизнедеятельности давно и прочно ассоциируются с результатами либерализации принципов, на которых выстраиваются взаимодействия в современном обществе. С одной стороны, институты по-прежнему регулируют жизнедеятельность молодежи, с другой стороны, их значение в жизни молодых людей изменилось. Скептицизм и переосмысление ожиданий, адресуемых институциональным структурам, заметно понижает их безусловный авторитет, а взаимодействия с ними оптимизируются молодыми людьми, исходя из индивидуальных целей. Отставание институтов от изменяющихся потребностей молодежи объясняет сокращение доверия к ним, зон их прямого воздействия и сопровождается экспансией самостоятельности молодежи в конструировании жизненных проектов. Расширяется пространство самостоятельного выбора жизненных ориентиров, возрастает роль субъектности молодежи в планировании и организации своей жизни. Этот устойчивый тренд, начавшийся три десятилетия назад, является важнейшим признаком условий, в которых конструируются жизненные стратегии нескольких поколений молодежи. Отразился он и в Стратегии государственной молодежной политики. С одной стороны, в декларации необходимости «воспитания патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи» (курсив мой. — Ю.З.)². А с другой стороны, в повышении «ответственности молодежи за реализацию своих конституционных прав и обязанностей в сферах государственной и общественной жизни»³. Это означает, что баланс свободы выбора и ответственности связан исключительно с появлением рефлексивного сознания самоорганизующихся акторов.

В-четвертых, расширение пространства реальности. В современных условиях механизм расширения основывается на сращении разных форм коммуникативной реальности — так называемой реальной, то есть «офлайн», и виртуальной, протекающей онлайн. Жизнь современного молодого человека выстраивается в сложном пространстве цифровых коммуникаций, радикально изменяющих способы смыслового обмена и формы взаимодействия. Новые коммуникативные возможности обеспечивают успешную диффузию новых образцов поведения и смыслов, расширяя социальную базу их сторонников. Замещая собой традиционные механизмы расширения реальности — образование и путешествия, — современные коммуникативные технологии объединяют смысловое пространство непересекающихся в реальной жизни молодых людей.

В условиях изоляции в период эпидемии коронавируса виртуальная среда приобрела еще большую значимость в поддержании социальности. Ее влияние на жизненные стратегии молодежи будет только только усиливаться.

² Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. С. 4. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 02.07.2020).

³ Там же. С. 5.

В-пятых, изменение смысловых оснований реальности. Фундаментальные жизненные смыслы содержатся в основаниях культуры [Степин, 2011: 67], но в ходе смены поколений, когда многие образцы культуры изменяются, в каждом новом поколении к прежним смыслам базисных ценностей добавляются новые. Возникновение все новых смыслов и ценностей способствует расширению представлений молодежи о смысле жизни, изменяющих направленность ее жизненных стратегий.

Вызвано ли изменение прежних смыслов их распадом или необходимостью заполнения смысловых лакун при радикальной смене условий жизнедеятельности, отказ от существующих смысловых оснований реальности и выдвижение новых выступает формой девиации. Но ее функция в жизненных стратегиях при этом существенно расширяется, и сама девиация также изменяет смысл, становясь способом конструирования новой «нормальности». Так, из смысловой аберрации, то есть искажения чего-то значимого, имевшего статус нормы, из классического признака «отклоняющейся социализации» [Ковалева, 2012] девиация превращается в особую компетенцию — способность усомниться в смысловых основаниях жизнедеятельности и рационализировать жизненные стратегии с учетом изменяющейся реальности. Однако изменение смыслов — процесс небыстрый. Поэтому разные сочетания глобального и локального, традиционного и современного, консервативного и либерального становятся частью смыслового пространства молодежи. Подобный культурный микс — визитная карточка российской молодежи — сказывается на образах реальности, формирующихся в ее сознании, жизненных приоритетах и практическом их воплощении.

В-шестых, углубляющаяся социальная дифференциация реальности. Широта реальности и вариативность стратегий жизнедеятельности не в последнюю очередь определяются качеством и доступностью социальной среды. Именно доступность (разнообразных ресурсов, благ, жизненных шансов, институциональной поддержки и т. д.) является критерием снижения масштабов социального исключения и выравнивания как стартовых возможностей, так и возможностей самореализации разных групп молодежи. Дружественность и открытость среды, возможность освоиться и самореализоваться в ее условиях формируют доверие, устойчивую идентичность и восприятие среды как пространства самореализации. Сама же среда в этом случае становится частью жизненных стратегий молодежи. Иными словами, с ней молодые люди связывают и цели своей жизни, и средства ее построения. Поэтому доступность на определенной территории различных способов производства и передачи знаний, перспективной занятости и профессионального развития, мобильности, защиты прав, создания семей и рождения детей, формирования дружеских и партнерских связей, возможностей жить современной наполненной позитивными событиями жизнью определяет успешность стратегий в целом. Аналогично формируется привлекательность и различных сфер жизнедеятельности. Их значение для жизненных стратегий определяется не только возможностями реализовать смысловые цели, но и адекватностью средств, на которые молодые люди могут рассчитывать.

Когда возможности самореализации сильно различаются на разных территориях, они разделяют молодежь не только экономически, но и социокультурно.

Современной инфраструктуре, новым возможностям и стилевому разнообразию урбанизированных центров противостоят сужение структуры возможностей и запустение большинства территорий страны. Жизненные стратегии живущей там молодежи, совпадая в смысложизненных основаниях как источнике целей, радикально расходятся в доступности средств. Глубокое неравенство стартовых возможностей и возможностей самореализации порождает ключевое *противоречие между доступными локальными средствами и глобализированными целями* современной молодежи, между целями жизненных стратегий и возможностями их воплощения. Социальная дифференциация молодежи закрепляется в культурных смыслах и практиках, отражаясь в жизненных сценариях, готовности брать на себя определенные роли в социальных отношениях (трудовых, семейных, гендерных, общественно-политических и т. д.).

В условиях кризиса, усиленного пандемией и массовым падением уровня жизни это противоречие предельно обостряется. При этом «двухполюсная» стратегия государственной молодежной политики, в фокусе которой помимо показательных тематических форумов лишь крайние группы — одаренные и выходцы из неблагополучных слоев, до которых редуцируется все понимание уязвимости и трудной жизненной ситуации, оставляет без реальной поддержки в условиях массовой депривации численно более представительную часть молодежи [Подъячев, Халий, 2020]. Рост неопределенности, невозможность адекватно осмыслить стремительно изменившуюся реальность, непредсказуемость собственной жизни и, как следствие, нереализованные ожидания отражаются в социальных настроениях молодых людей. В условиях отсутствия системной поддержки, позволяющей использовать ее как опору в конструировании жизненных стратегий, соответствующие настроения конвертируются в экстремальные формы.

Учитывая устойчивые тренды, сформировавшиеся задолго до событий сегодняшнего дня и характеризующие условия взросления уже не одного поколения молодежи, а также текущие процессы, обусловленные новым кризисом, важно понять, каков механизм изменения жизненных стратегий молодежи. Какими смыслами наполняется их выбор и что лежит в основе его саморегуляции? Чем определяются ожидания молодых людей в разных сферах жизнедеятельности и пути выстраивания ими своей жизни — в труде, образовании, в общественно-политических, этнических и конфессиональных, семейных, межличностных и партнерских отношениях? Какими смыслами и культурными образцами руководствуются молодые люди в определении своих жизненных стремлений и выборе путей их реализации? Как влияют нереализованные ожидания на социальные настроения и поведение молодых людей? Как формируются и проявляются социальные конфликты и протестные настроения? Что и при каких условиях запускает механизм радикализации молодежи?

Ответы на эти вопросы способствуют более широкому анализу процесса саморегуляции молодежью своих жизненных стратегий в условиях изменившейся реальности. Их всестороннее обсуждение позволит определить пути оптимизации условий жизнедеятельности молодежи, способы разрешения противоречий ее жизненных стратегий и обосновать не только фундаментальные социальные механизмы, но и актуальные направления государственной молодежной политики.

Поставленные вопросы определили содержание и структуру текущего номера. В него вошли статьи, в фокусе которых концептуализация жизненных стратегий молодежи и механизм их социокультурной саморегуляции (Ю. Зубок, В. Чупров). Стратегии самообразования и самозанятости (Н. Касаткина, Н. Шумкова), специфика образовательных траекторий (Е. Павленко, А. Якубовская), проявления субъектности в сфере труда (А. Темницкий) и этические принципы в жизненных стратегиях молодежи (С. Ушкин, Е. Коваль, Н. Жадунова). Взросление в условиях институциональной заботы (Ж. Чернова, Л. Шпаковская) и стратегии самообеспечения будущей старости (О. Александрова, Д. Марков). Социальное, территориальное, гендерное неравенство (М. Богданов, В. Малик; С. Бекова), особенности жизненных стратегий молодежи северных территорий (Е. Недосека, Е. Шарова) и миграционные намерения разных групп молодежи (А. Рочева, Е. Варшавер; А. Одинцов, А. Щипицин, А. Марченко). Трансформация репродуктивных стратегий молодых людей (Д. Котов, Н. Грек) и проблемы взаимодействия молодых родителей в ситуации развода (О. Безрукова, В. Самойлова). Роль молодежи в общественнополитической трансформации общества (В. Петухов) и участие в производстве городского пространства (Н. Антонова, С. Абрамова, В. Полякова). Процессы радикализации молодежи и роль социальных медиа (А. Карпова, А. Савельев, А. Вильнин, Д. Чайковский). Отражение процессов радикализации и неравенства в нарративах молодежи (С. Поляков, Ю. Епанова), динамика исламского молодежного активизма (Г. Гузельбаева, М. Мчедлова) и поколенческие особенности стратегий социального протеста (В. Титов).

Список литературы (References)

Бауман З. Текущая современность. СПб. : Питер, 2008.

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Готт В. С., Урсул А. Д. Определенность и неопределенность как категории научного познания. М. : Знание, 1971.

Gott V. S., Ursul A. D. (1971) *Certainty and Uncertainty as Categories of Scientific Knowledge*. Moscow: Znaniye. (In Russ.)

Ковалева А. И. Методологические проблемы исследования социализации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 19—24.

Kovaleva A. I. (2012) *The Methodological Problems of the Research of Socialization. Knowledge. Understanding. Skill*. No. 2. P. 19—24. (In Russ.)

Круглова Н. В. Россия: судьба поколений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2007. № 3. С. 88—95.

Kruglova N. V. (2007) *Russia: The Fate of Generations. Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6*. No. 3. P. 88—95. (In Russ.)

Подъячев К. В., Халий И. А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 263—276. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276>.

Podyachev K. V., Khaliy I. A. (2020) The State Youth Policy in Contemporary Russia: Concept and Realities. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 20. No. 2. P. 263—276. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276>. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Radaev V. V. (2019) Millennials. How the Russian Society Changes. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Семенова В. В. Социальный портрет поколений // Россия реформирующаяся. Ежегодник — 2002 / под ред. Л. М. Дробижевой. М. : Academia, 2002. С. 184—212. Semenova V. V. (2002) The Social Portrait of Generations. In: Drobizheva L. M. (ed.) *Reforming Russia. A Yearbook, 2002*. Moscow: Academia. P. 184—212. (In Russ.)

Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2011.

Stepin V. S. (2011) Civilization and Culture. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. (In Russ.)

Strauss W., Howe N. (1991) Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York, NY: William Morrow & Company.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602

Ю. А. Зубок, В. И. Чупров

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ: РЕАЛИЗАЦИЯ ОЖИДАНИЙ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.

For citation:

Zubok J. A., Chuprov V. I. (2020) Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ: РЕАЛИЗАЦИЯ ОЖИДАНИЙ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

ЗУБОК Юлия Альбертовна — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: uzubok@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>

ЧУПРОВ Владимир Ильич — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: chuprov443@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7881-9388>

Аннотация. Статья посвящена проблеме конструирования молодежью собственных жизненных стратегий в сфере образования и труда, а также противоречиям, возникающим в процессе их реализации и находящим отражение в социальных настроениях молодых людей. В статье рассматривается теоретический подход к исследованию жизненных стратегий молодежи. Последние исследуются в культурном пространстве жизнедеятельности молодежи, что позволяет определить их роль в механизме социокультурной саморегуляции. В этой связи цели жизненных стратегий в образовании и в труде рассматриваются в более широком контексте смысложизненных ценностей молодежи, а способы

YOUTH LIFE STRATEGIES: IMPLEMENTATION OF EXPECTATIONS AND SOCIAL MOODS

Julia A. ZUBOK¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Center for Sociology of Youth

E-MAIL: uzubok@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>

Vladimir I. CHUPROV¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Chief Research Fellow at the Center for Sociology of Youth

E-MAIL: chuprov443@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7881-9388>

¹ Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to life strategies constructed by young people in education and labor and highlights contradictions arising from the implementation of life strategies and reflecting in youth social moods. The article offers a theoretical approach to studying youth life strategies. Young people are reviewed within the cultural context helping to define their role in socio-cultural self-regulation. In this respect, the purposes of life strategies in education and labor are considered in a larger context of meaning-in-life values shared by young people, and the ways to achieve those purposes are viewed as characteristics of life strategies. In a changing social reality this approach becomes even more important.

реализации целей — как характеристики жизненных позиций молодых людей. Актуальность такого подхода возрастает в связи с изменяющейся социальной реальностью, в условиях которой выстраиваются и реализуются жизненные стратегии молодежи.

На основе результатов исследований, проводимых Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН, анализируется социокультурная обусловленность целей жизненных стратегий молодых людей и способов их реализации в сферах образования и труда. Показана роль ожиданий в механизме саморегуляции жизнедеятельности, выявлена связь нереализованных ожиданий с социальными чувствами молодых людей, проанализирована их связь с экстремальными настроениями, обосновано их протестное содержание. Анализ связи настроений молодых людей с их представлениями о возможном участии в различных формах протеста позволяет сделать обоснованные выводы не только об источниках эскалации, но и путях предупреждения социальных конфликтов в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, жизненные стратегии, социокультурная саморегуляция, жизнедеятельность, смыслы, смысложизненные ценности, типы культуры, архетипы, социальные ожидания, социальные чувства протестные настроения, образование

Based on the results of a study conducted by the Centre for Youth Sociology (Russian Academy of Sciences), the paper provides an analysis of sociocultural factors behind the purposes of youth life strategies and ways to achieve them. The authors explain the role of expectations in life self-regulatory mechanisms, the relationship between unfulfilled expectations and social moods of young people, analyze a relation with youth extreme moods and substantiate protest contents. The analysis of the relationship between youth moods and the views of possible participation in protest activities leads to well-founded conclusions concerning not only the sources of escalation but also the ways to prevent social conflicts among young people.

Keywords: youth, life strategies, socio-cultural self-regulation, life activity, life-meaning values, culture types, archetypes, social expectations, social feelings, protest moods, education

Введение

Каждому человеку свойственно планировать свою жизнь на ближайшую и отдаленную перспективу. Планирование, в свою очередь, обусловлено целями, то есть желаемым результатом жизнедеятельности и средствами его достижения. Иначе говоря, человек выстраивает собственные жизненные стратегии. В молодежной

среде этот процесс имеет свои особенности, которые связаны с сущностными характеристиками молодежи как социальной группы. Особенности социального положения и сознания молодых людей — неустойчивость, переходность, лабильность — влияют на понимание ими смысла собственной жизни. Проявляются они в выборе целей жизнедеятельности, а также в оценке доступности средств и возможностей их реализации. В этой связи важно рассмотреть особенности жизненных стратегий молодежи в контексте саморегуляции ее жизнедеятельности.

Поскольку жизненные стратегии определяют направленность жизненных выборов, необходимо установить их место и роль в более общем механизме социокультурной саморегуляции. Для этого требуется проанализировать связи жизненных стратегий в образовании и в труде с представлениями молодых людей о смысле жизни, а также с различными культурными установками, содержащимися в разных культурах. Такой подход позволяет, с одной стороны, получить представление о целях жизнедеятельности молодежи и способах их реализации как составляющих жизненных стратегий. А с другой стороны, выявить их связь с ожиданиями молодых людей в сферах образования и труда. Важным аспектом исследования является анализ связи нереализованных ожиданий с социальными настроениями молодежи, при котором раскрывается саморегуляция самых разных настроений, в том числе протестных.

Жизненные стратегии в саморегуляции жизнедеятельности молодежи: методология исследования

Тематика жизненных планов и стратегий молодежи является едва ли не главной для отечественной социологии молодежи с момента ее становления в 1960-х годах. Внимание к ней возникло, во-первых, со стремлением уже тогда перейти от идеологических клише к изучению конкретных социальных проблем, актуальных для молодежи. Во-вторых, данный переход преследовал сугубо практические цели, поскольку большинство исследований молодежи в ту пору проводилось под эгидой комсомольских органов и требовало реальных данных о состоянии молодежных проблем. При этом само понятие «жизненные стратегии» не использовалось, его место занимало понятие «жизненные планы» молодежи. С одной стороны, они отражали ценности молодого поколения, а с другой — в известной мере претендовали на то, что называется планированием, которое в условиях тогдашней социально-экономической стабильности и предсказуемости было возможно. Так, в исследовании, проведенном в 1963 г. Владимиром Лисовским, ответы на вопрос «Каковы ваши жизненные планы?», распределились следующим образом: «иметь интересную, любимую работу» — 60,6%; «получить высшее образование» — 59,7%; «побывать в других странах» — 57,5%; «добиться материального благополучия» — 54,9%; «создать хорошие жилищные условия» — 54,6%; «повысить свою квалификацию» — 43,7%; «найти верных друзей» — 43,2%; «воспитать детей настоящими людьми» — 41,8%; «встретить любимого человека» — 41,5%; «создать семью» — 32%; «приобрести автомашину» — 31,4%; «получить среднее образование» — 22%; «уехать на одну из новостроек» — 18,4%¹ [Лисовский, 1969: 34].

¹ Допускалось любое количество ответов.

Многие из этих планов и сегодня составляют основу жизненных приоритетов молодых людей.

В созданной в 1965 г. в Уральском университете лаборатории исследования жизненных планов молодежи под руководством декана философского факультета Михаила Руткевича велась теоретическая разработка данной проблематики и обосновывались подходы к ее социологическому изучению. Одно из первых определений жизненных планов молодежи основывалось на понимании их связи с образом жизни [Жизненные планы молодежи, 1966]. Во вступительной статье к монографии «Жизненные планы молодежи» была раскрыта связь этого понятия с более общим понятием «образ жизни», которое также широко использовалось в социологической литературе и стало предметом многочисленных эмпирических исследований. Если в образе жизни (личности, малой группы, социальной группы и т. д.) синтезируются характеристики места личности (или группы) в экономической структуре общества и семейной сфере, господствующие политические убеждения и религиозные (атеистические) воззрения, этические нормы и их воплощение, уровень образования и общей культуры и т. п., то жизненные планы все это конкретизируют. Понятие «жизненные планы» не применялось больше ни к одной социально-демографической группе, кроме как к молодому поколению, тем самым отражая такие его особенности, как становление социальной зрелости и социальной субъектности, перспективность мобильности. Наконец, жизненные планы характеризуют не реально обретенный статус, а самопрогноз, ориентации, сформировавшиеся в сознании молодых людей к моменту выбора дальнейшего пути, и фиксируют желание (ожидание) определенной направленности социальной мобильности [Руткевич, 2008: 118].

В середине 1980-х годов в отечественной социологии молодежи произошла смена парадигм. На концептуальном уровне закрепился отход от изучения молодежи преимущественно как объекта воздействия со стороны общества к изучению ее как субъекта выбора и главного актора собственной жизнедеятельности. Это определило переход к исследованию молодежи с позиции жизненных стратегий, предполагающих наличие, во-первых, долгосрочной системы целей, а во-вторых, более или менее осознаваемое представление о путях их реализации. Было введено понятие «стратегии жизни» [Абульханова-Славская, 1991] и началась разработка комплексного подхода к исследованию жизненных стратегий личности как (а) способа реализации жизненных притязаний [Магун, Энговатов, 2005]; (б) сознательного планирования и конструирования личностью собственной жизни посредством поэтапного формирования будущего [Резник, Смирнов, 2002]; (в) проекта, основанного на определенном типе рациональности как способе целеполагания и решения поставленных задач, определения приоритетов и средств [Наумова, 2005].

В обосновании типов стратегий и их классификации стали использоваться признаки активности, инициативы, ответственности. При построении жизненной стратегии, отмечает Ксения Абульханова-Славская, человек самой средой ориентируется и направляется на те или иные долгосрочные цели и при этом проявляет себя как субъект ориентирования и конструирования собственной жизни. Поэтому наличие стратегии жизни следует рассматривать в качестве критерия зрелости

личности как целостного субъекта деятельности, что проявляется в умении соединять воедино три компонента — свои индивидуальные возможности (статусные, возрастные и пр.), собственные притязания и требования внешней среды. Способность осуществлять такое соединение определяется как «стратегия жизни» [Абульханова-Славская, 1991: 67].

Через призму жизненного пути рассматривалось взросление молодежи и в западной социологии. В рамках изучения особенностей взросления молодежи и путей ее вхождения в общество сформировалась концепция транзиции (transition), основанная на переходности, прежде всего, социального статуса молодежи. Содержательно это понятие отражало систему главных статусных переходов: от учебы к работе, от статуса члена родительской семьи к созданию собственной семьи и уход из родительского дома, переезд в собственное жилье. В каждом из этих переходов выражаются социальные притязания молодых людей — как на раннем этапе социального старта, так и на последующих стадиях жизненного цикла. Характеристики транзиции остаются важнейшими маркерами положения молодежи в обществе и ее социального взросления [Walther, 2006; Wyn et al., 2020], а жизненные стратегии — характеристиками выбора способов реализации транзитивных переходов.

Принципиальным отличием транзиции, построения и реализации жизненных стратегий европейской молодежи, начиная с 1960-х годов, было возрастание неопределенности, пролонгация переходного состояния, отложенное по экономическим причинам взросление и зависание в состоянии маргинальности. Это отражалось и в метафорических образах, призванных пролить свет на способы интеграции молодежи в общество и условия реализации ее стратегий по мере их усложнения. Изменявшаяся реальность все дальше уходила от модели «заполнения социальных ниш», когда молодое поколение вливалось в относительно стабильное общество и его сферы, а всякие исключения в этом механизме были результатом социальных проблем, локализованных во вполне определенных группах молодежи (выходцы из неполных и бедных семей, отшельники, делинквенты и т. п.). В периоды структурной трансформации возможности и траектории индивидов и групп, как уже известно, более жестко детерминируются их изначальной позицией в социальной структуре. Трансформационные процессы, начавшиеся в западных странах в последней трети прошлого столетия, однозначно отразили влияние этих детерминантов, превращая механизм реализации жизненных стратегий молодежи в наведение «социальных мостов», «прокладывание путей и троп». Они стали связываться с прерывистостью и нелинейностью «социальных траекторий», а также с образом «социальной навигации», осуществляемой в условиях нарастающей неопределенности [Evans, Furlong, 1997; Furlong, Stalder, Azzopardi, 2000]. Главной характеристикой жизненных стратегий молодежи стал *риск* [Furlong, Cartmel, 1997; Williams, Chuprov, Zubok, 2003].

Аналогичные процессы, но с существенным различием по глубине и масштабам преобразований, происходили и в российском обществе. Радикальным и стремительным изменениям подверглись все без исключения структурные компоненты общества, что радикально поменяло условия взросления молоде-

жи. С одной стороны, вследствие демократизации и либерализации изменялись жизненные притязания молодых людей [Революция притязаний..., 1998], сами они выходили из-под опеки государства, а их самостоятельность расширялась под влиянием тренда на либерализацию. С другой стороны, системный кризис и беспрецедентный уровень нестабильности трансформировали социальный механизм построения жизненных стратегий, обусловили их дифференциацию и тотальную неопределенность в жизни молодежи, по-разному проявляясь в различных сферах [Чупров, Зубок, Уильямс, 2001; Чередниченко, 2004; Зубок, 2007]. Общим, однако, стало то, что взросление оказалось персональной заботой самих молодых людей и их родителей, поставленных в жесткие условия дикого рынка.

Таким образом, глобальным признаком взросления молодежи и ее жизненных стратегий как в европейских странах, так и в российском обществе становились дестандартизация и индивидуализация жизненных стратегий молодежи на фоне возрастающего кризиса. Смягчение режима взаимодействия, снижение непосредственного регулятивного влияния институтов и их воздействия на выбор молодежью целей своей жизни и средств их достижения — все это шло рука об руку с социально-классовой детерминированностью жизненных шансов молодых людей, повышая их уязвимость. При этом социально-классовые характеристики (происхождение, гендер, этничность, место проживания) продолжали определять жизнь и стратегии молодежи. А растущее разнообразие в образовании, труде, культурных практиках, как отмечали влиятельные английские социологи молодежи Энди Ферлонг и Фред Картмел, маскировало значение базисных классовых оснований, создавая впечатление большего равенства и индивидуализации как личного выбора жизненных стратегий [Furlong, Cartmel, 1997].

На фоне дестандартизации и плюрализации в экономической сфере формировалось глобальное новое культурное пространство современности, в котором выросли и социализировались все последующие поколения молодежи. Изменялись механизмы формирования ценностей и способы социального контроля. Они, с одной стороны, переходили к другим агентам — молодежной субкультуре, моде, рекламе [Зубок, Яковук, 2008], а с другой — становились объектом саморегуляции.

Многие жизненные цели и ценности, актуальные для молодежи в тот период, сохранялись и в последующее десятилетия, отражая общность целевых ориентиров молодежи из разных стран. При этом в жизни молодого поколения воспроизводились и главные системные противоречия, связанные преимущественно с локальным социально-экономическим, политическим и социокультурным контекстом, а также с личными ресурсами и компетенциями молодежи. В одних случаях эти противоречия способствовали реализации жизненного выбора, а в других, наоборот, препятствовали. Формировалась отличительная черта жизненных стратегий молодежи — «планирование без форсайта» [Gidley, Inayatullah, 2002]. Нельзя сказать, что на государственном, в том числе и общеевропейском, уровне не предпринимались попытки оптимизировать условия самореализации молодежи. Напротив, проводились исследования и выработывались подходы к молодежной политике на национальном и межгосударственном уровне. Определялись главные факторы, влиявшие на взросление

и самореализацию молодежи, на их основе формулировались цели молодежной политики — расширение прав и возможностей молодежи, в том числе *права на личный выбор*. Однако субъективные стремления молодых людей, их предпочтения и мотивационные установки по-прежнему недооценивались [Walther et al., 2002]. Как недооцениваются они в российской молодежной политике и сегодня.

Анализ жизненных стратегий сегодняшнего поколения молодых европейцев, особенно из восточного блока, взрослеющих под влиянием нарастающей глобализации, показывает, что они испытывают еще более высокий риск, чем прежде, но при этом имеют более широкие возможности для жизненного выбора [Mitev, Kovacheva, 2014]. Однако возможности воплощения жизненных стратегий, как и прежде, обусловлены пролонгированной транзицией, индивидуализацией и появлением новых видов неравенства, вызванных в числе прочего прекарризацией труда, коммодификацией образования, цифровизацией и другими факторами, по-новому определяющими основания стратификации в молодежной среде [Kelly, Kamp, 2014; Новые смыслы..., 2015; Carabelli, Lyon, 2016; Bessant, Farthing, Watts, 2017; Zaremohzzabieh et al., 2020].

Исследования показывают, что глобальные социально-экономические и социокультурные изменения успели закрепиться в «социальном поколении» [Woodman, Wun, 2015], в представлениях о реальности и способах жизнедеятельности молодежи. Проводя сравнительный поколенческий анализ, австралийские социологи, в частности, обобщают изменения, происходящие в поколении Y. Общим стало постепенное закрепление ненадежной работы (краткосрочных контрактов и работы неполный рабочий день), совмещение работы и учебы в течение длительного времени, стремление к гибкости и мобильности, принятие самого факта нулевой безопасности как нормы жизнедеятельности. Свои жизненные цели молодые люди все больше связывают с формированием личных отношений вместо ставки на карьеру или профессию. Эти новые условия и приоритеты создали феномен «*новой взрослости*» (new adulthood) [Crofts et al., 2015; Wun et al., 2020]. Сутью этого феномена, отразившего новизну в отношении молодого поколения к жизни, стало принятие нового нормативного и ролевого порядка. А именно, согласие и достижение определенного уровня лояльности по отношению к тому, что приходится самостоятельно принимать решения, инвестировать в образование, брать на себя ответственность и управлять тем, что происходит на все более нестабильном и ненадежном рынке труда.

Фактически речь идет о расширяющемся пространстве саморегуляции молодежи. И в отличие от предыдущих поколений нынешнее поколение живет со сложившимся ожиданием нестабильного трудового пути, более длинного перехода к гарантированной занятости и, как следствие, опасением планирования в отношении работы или семейной жизни на долгую перспективу. Затрудненный переход становится все более вероятной реальностью для всех, а не только для тех, кто исторически относился к обездоленным социальным группам [Crofts et al., 2015]. Неудивительно, что в таких условиях в среде молодежи формируются не долгосрочные, а краткосрочные цели, а планы редко оформляются в стратегии.

При этом жизненные цели разных поколений молодежи во многом воспроизводят свою структуру, меняя приоритеты и их значение. На примере исследования динамики жизненных целей молодых австралийцев видно, что доминирующее значение межличностных отношений, финансовой безопасности, обеспечения и заботы о семье («Y»), совпадает с ценностями предыдущего поколения («X»), для которого они были важнейшей частью жизненных стратегий. Но в отличие от поколения «X» у австралийского поколения «Y» повышается чувствительность к этическим принципам, а значение заработка и общественного положения снижается. Между тем, то, как осуществляются преемственность и изменения в жизненных целях молодежи, подчеркивают австралийские исследователи, идет вразрез с популярными медийными образами и нарративами, имеющими мало общего с истинными приоритетами этого поколения молодежи [Crofts et al., 2015]. Стереотипные и надуманные образы молодежи препятствуют адекватному пониманию ее приоритетов и ожиданий на уровне принятия политических решений в том числе и в нашей стране.

Итак, жизненные стратегии являются частью многопланового процесса жизнедеятельности и предполагают наличие целей жизни и средств их реализации как результат собственного выбора молодых людей. Обобщая существующие подходы к исследованию жизненных стратегий, Анастасия Волокитина отмечает, что в основе наиболее общего определения жизненной стратегии лежит ее понимание как *сознательного* определения человеком *целей и задач*, основных *направлений* деятельности, *приоритетов и ценностей*, этапов реализации, новых *способов решения* проблем не только в своей жизни, но и в окружающей среде. «Исходя из этого, жизненные стратегии молодежи представляют собой интенциональную характеристику сознания и направленность поведения личности в конкретных жизненных ситуациях» [Волокитина, 2011: 6].

Такое понимание стратегий заложено в определении их роли и места в механизме ее *социокультурной саморегуляции*. Выбор молодыми людьми целей жизнедеятельности и средств их достижения связан с их представлениями о *смысле жизни*. Смысл содержит понимание молодыми людьми сущности всего того, чем наполняется жизнедеятельность, и одновременно является «дискретным импульсом особого рода интенциональности» [Пелипенко, 2014: 25]. Смыслы складываются во взаимодействиях молодых людей друг с другом и другими в культурном пространстве. Последнее образуется связью взаимодействующих субъектов с базовой культурой и с различными формами молодежной субкультуры. Воспроизводимые в культурном пространстве ценности выполняют функцию смыслообразования и лежат в основе мотивации жизнедеятельности, придавая ей избирательность и направленность. Смысл, по определению Альфреда Шюца, «может быть связан как с научным, теоретическим познанием мира, так и с жизненными установками и ориентациями, обладающими непосредственной очевидностью и сочетанием различных форм опыта, в том числе исторического» [Шюц, 2004: 89]. Поэтому понимание смысла собственной жизни становится наиболее общим основанием формирования целей жизнедеятельности в жизненных стратегиях молодежи. Связь жизненных стратегий с механизмом саморегуляции состоит в том, что они определяют способы конструирования молодыми людьми

собственной жизни на основе обусловленных культурой смысложизненных ценностей и закрепленных в их жизненных позициях [Зубок, Чупров, 2018: 489—490].

Место жизненных стратегий в *социокультурном механизме саморегуляции* жизнедеятельности определяется их связью с архетипами, ментальными и современными чертами национального характера, габитусами и стереотипами. Они служат важными источниками образования смыслов, определяющих направленность целей жизнедеятельности. [Чупров, Зубок, Романович, 2014; Зубок, Чупров, 2019]. При данном подходе мы обращаем внимание не только на содержание конкретных ценностей, настроений, убеждений молодежи, но и прежде всего на их место в структуре механизма и связь элементов механизма между собой [Ученые записки ФНИСЦ РАН, 2020].

Конструируя образы труда и образования, молодые люди только отчасти наполняют их привычным смыслом, конструируя собственное понимание. В процессе конструирования они приобретают для молодого человека не только определенный смысл — сущностное выражение, но и значение — место в иерархии смыслов. При этом значение может быть терминальное (самоценное), когда объект выступает в виде ценности-цели, или инструментальное, прагматично воспринимаемая как средство достижения иных, более значимых целей. При этом выделяется круг смыслов, обретающих безусловный характер. Их реализация становится самоцелью, а достижение этой цели — смыслом жизни — того, что, по определению Жана Тощенко, «отражает главное, сущностное, что содержится в общественном сознании, поведении (деятельности) в условиях определенной социальной среды» [Тощенко, 2018: 195]. Именно такие безусловные для человека смыслы составляют фундамент его жизненных стратегий.

Основываясь на результатах социологического исследования², рассмотрим цели жизненных стратегий, связанные с пониманием молодыми людьми смысла собственной жизни (см. табл. 1).

Таблица 1. *Цели жизненных стратегий, связанные с пониманием смысла жизни*

Понимание смысла жизни	Распределение по возрасту, в %*		
	15—17	18—24	25—29
Любовь	72,0	57,1	56,6
Продолжение себя в будущих поколениях	48,2	35,3	28,2
Спокойная, безбедная жизнь	44,1	37,3	42,9
Стремление к истине	28,0	30,1	28,5
Борьба за справедливость	28,0	26,8	19,8
Политическая борьба	1,1	2,6	4,0
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	16,0	41,2	33,3

* Больше 100%, так как допускалось несколько вариантов ответа.

² Здесь и далее используются результаты исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 г. в семи субъектах РФ, в 28 населенных пунктах. Выборка молодежи в возрасте 15—29 лет составила 803 человека. Опрос проводился методом личного интервью по месту жительства респондентов. Руководители исследования: Ю. А. Зубок, В. И. Чупров.

Как следует из таблицы 1, в понимании молодежью смысла жизни во всех возрастных группах первые три места по степени значимости занимают «любовь» (72% в группе 15—17 лет; 57,1% в группе 18—24 лет; 56,6% в группе 25—29 лет), «продолжение себя в будущих поколениях» (соответственно: 48,2%; 41,2%; 42,9%), а также «спокойная, безбедная жизнь» (44,1%; 37,3%; 42,9%). Остальные смыслы выражены слабее, но все, кроме политической борьбы, представлены в значимых долях в трех возрастных группах. В процессе жизнедеятельности смыслы приобретают ценностную форму, становясь «целями-принципами, которыми руководствуется человек, что позволяет ему придерживаться устойчивых, жизненно важных ориентиров» [Тощенко, 2018, 201—202]. Формирующиеся смысложизненные ценности выступают в качестве смысловых оснований целей в жизненных стратегиях молодежи.

Как отмечалось выше, смысложизненные ценности формируются в культурном пространстве молодежи. Поэтому вопрос о смысле, перемещаясь из плоскости изучения сознания в плоскость изучения жизни, расширяется и становится вопросом культуры [Леонтьев, 2014: 106]. Разработка структурной модели культурного пространства осуществлялась на основе подхода Питирима Сорокина [Сорокин, 2000], развиваемого авторами с учетом целей исследования и подробно изложенного в ряде научных статей [Чупров, 2018; Зубок, Чупров, Любутов, 2020].

Проанализируем, в какой степени различные типы культуры, выявляемые в молодежной среде, и соответствующие им интенции связаны со смысложизненными ценностями молодых людей (см. табл. 2).

Таблица 2. **Связь типов культуры со смысложизненными ценностями**

Типы культуры	Связь со смысложизненными ценностями, в %						
	Любовь	Продолжение себя в будущих поколениях	Спокойная, безбедная жизнь	Проявление своей индивидуальности (самореализация)	Стремление к истине	Борьба за справедливость	Политическая борьба
Духовная культура	60,8	32,8	31,2	43,5	33,9	24,7	5,4
Инновационная культура	60,6	32,9	36,9	43,1	30,8	24,0	4,9
Культура физического развития	63,6	33,8	37,3	39,9	33,1	25,9	6,8
Гедонистическая культура	56,9	34,9	42,4	42,1	29,3	25,3	6,2
Адаптационная культура	54,5	37,1	44,3	31,1	25,1	24,6	3,6
Культура моральной анонии	52,9	33,1	39,5	42,4	33,7	29,1	7,0

Анализ данных таблицы 2 показывает наибольшую связь всех типов культуры с «любовью» как смысложизненной ценностью: с культурой физического развития (63,6%); с духовной культурой (60,8%); с инновационной культурой (60,6%); с гедонистической (56,9%); адаптационной (54,5%) и с культурой моральной аномии (52,9%).

Адаптационная и гедонистическая культуры в наибольшей степени связаны со смысложизненными ценностями «спокойная, безбедная жизнь» (соответственно 44,3% и 42,4%) и «продолжение себя в будущих поколениях» (37,1% и 34,9%).

Отмечены наиболее значимые связи духовной культуры с ценностью самореализации (43,5%) и со стремлением к истине (33,9%); инновационной культуры с ценностью самореализации (43,1%); культуры физического развития со стремлением к истине (33,1%) и с борьбой за справедливость (25,9%); культуры моральной аномии со спокойной, безбедной жизнью (39,5%), со стремлением к истине (33,7%), с борьбой за справедливость (29,1%), с политической борьбой (7%).

Таким образом, смыслы, содержащиеся в установленных связях, определяют социокультурную природу целей в жизненных стратегиях молодежи, регулятивным основанием которых выступают смысложизненные ценности.

Социокультурная природа целей вытекает из исторической обусловленности смыслов как основы ценностей. Исторический опыт, на который указывает Шюц в приводимом выше определении смыслов, проявляется в процессе саморегуляции жизнедеятельности молодежи в форме архетипов коллективного бессознательно — по Карлу Юнгу, «общечеловеческих первообразов» [Юнг, 1988]. «Регулярность и многовековая повторяемость основных условий психического бытия людей приводит не к наследованию индивидуального опыта, а скорее к закреплению на психогенетическом уровне определенных форм его организации, которые проявляются в виде архетипических образов, мотивов» [Морозов, 2014: 202—203]. Из входящего потока впечатлений в мозг пропускается лишь то, что «так или иначе, корреспондирует с внутренними психическими образами» [Пелипенко, 2014: 28]. Бессознательное, обусловленное прошлым, запечатленным в психике человека, включает в себя архетипические компоненты культуры, передаваемые от поколения к поколению в мифологических образах, пословицах, поговорках. На основе их анализа были выделены наиболее распространенные архетипические образцы, исторически сформировавшиеся в коллективном бессознательном россиян: судьбы («чему быть — того не миновать»), добра («добро не умрет, а зло пропадет»), совести («хоть мошна пуста, да совесть чиста»), вины («послушание — добродетель, непослушание — грех»), правоты власти («где царь — тут и правда»), славы («бессмертен тот, кто славу добрую при жизни обретет»), спасителя («сколько нечисть ни тешится, а придет добрый молодец и сокрушит нечестивца»), идеализации прошлого («почитая старое, обретаешь новое»). Для анализа важно было не знание перечисленных поговорок молодыми людьми. Важно было, во-первых, согласие или несогласие молодых людей с транслируемыми в них смыслами, принятие этих смыслов и включение в «тезаурус как ориентационный комплекс» [Луков, Луков, 2014].

Наличие и степень выраженности связи смысложизненных ценностей молодежи с этими образами дает более обоснованное представление о культурных основаниях выбора молодыми людьми своих стратегических целей. Наличие связи выразилось в процентном отношении между признаками (см. табл. 3).

Таблица 3. **Связь смысложизненных ценностей молодежи с архетипами**

Смысложизненные ценности	Связь с архетипами, в %							
	Судьбы	Добра	Совести	Правоты власти	Вины	Славы	Спасителя	Идеализации прошлого
Любовь	74,0	73,1	76,7	32,7	54,8	69,0	71,0	86,2
Стремление к истине	65,2	65,1	77,5	33,1	55,3	68,9	62,1	84,3
Борьба за справедливость	68,1	68,3	75,2	30,0	51,1	65,1	66,9	78,8
Спокойная безбедная жизнь	82,8	65,9	74,7	35,6	52,9	71,1	66,3	75,6
Политическая борьба (за власть)	71,9	62,1	73,1	46,7	62,1	56,7	70,0	89,7
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	71,6	66,9	73,6	31,3	45,4	65,4	65,4	83,8
Продолжение себя в будущих поколениях	79,4	76,1	77,3	35,7	59,4	72,2	69,6	87,3
Средние значения	73,2	68,2	75,4	35,0	54,4	66,9	67,3	83,7

Как видно из таблицы 3, связь между архетипами и смысложизненными ценностями молодежи очень высокая. Наиболее выражена связь всех анализируемых смысложизненных ценностей с архетипом *идеализации прошлого*, в котором апелляция к прошлому опыту является критерием истинности происходящего (среднее значение 83,7 %); с архетипом *совести*, отражающим эмоционально-нравственные основания целей (75,4 %); с архетипом *судьбы* как признанием непреодолимой силы обстоятельств (73,2 %).

О чем говорят полученные данные? Они говорят о сложной культурной подоплеке жизненных выборов, которые совершает молодой человек или девушка; о высокой инерционности базовых оснований культуры и преемственности образцов традиционной культуры в большей степени, нежели можно было бы ожидать. Эта связь проявляется в выборе жизненных целей даже тем поколением молодежи, которое своим образом жизни и условиями взросления, казалось бы, далеко ушло от традиционной культуры. Однако сопоставление при определенной степени условности современных данных с данными исследования жизненных планов молодежи, проведенного около шестидесяти лет назад, свидетельствует в пользу данного вывода. Смыслы, заложенные в сознании прошлых поколений, имеют достаточно много общего с теми, что обнаруживаются в жизненных стратегиях современного поколения, отличаясь между собой скорее формулировками и уровнем значимости.

Определив роль жизненных стратегий в механизме социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи, рассмотрим, каковы цели ее стратегий в сферах образования и труда.

Целевая составляющая жизненных стратегий молодежи в сферах образования и труда

Цели жизненных стратегий молодых людей в этих сферах отражены в их ответах на вопрос «В чем для Вас смысл образования (труда)?». Прежде всего, проанализируем изменение смыслов образования и труда в меняющейся социальной реальности — при переходе от относительно благополучных условий к выраженному экономическому кризису (2014)³ и в условиях углубляющегося кризиса (2017) (см. табл. 4 и 5).

Таблица 4. *Изменение смыслов образования среди молодежи, 2014 и 2017 гг., в %*

Смыслы образования	2014	2017
Развитие способностей	22,1	36,4
Получение диплома	22,7	17,9
Потребность в познании	8,4	11,6
Престиж	3,2	4,4
Возможность сделать карьеру	39,6	25,6
Общая культура	3,9	4,1

Как видим, в условиях углубления кризиса произошли заметные изменения смыслов образования в сторону повышения его терминальной ценности, которая определялась набором смысловых значений: развитие способностей, потребность в познании, общая культура. В 2017 г. по сравнению с 2014 г. заметно возросла доля респондентов, разделяющих терминальную ценность образования — с 34,4 % до 52,1 %.

Аналогичная тенденция прослеживается и в изменении смысла труда в сторону повышения его терминальной ценности, выраженной набором смысловых значений: осознание своей полезности, внутренняя потребность, творчество. Доля терминальной ценности труда у молодежи возросла с 31,3 % в 2014 г. до 42 % в 2017 г. Следовательно, в условиях кризиса самоценное значение образования и труда среди молодежи возрастает, что отражается в целевой части жизненных стратегий в этих сферах.

Таблица 5. *Изменение смыслов труда среди молодежи, 2014 и 2017 гг., в %*

Смыслы труда	2014	2017
Осознание своей полезности	20,9	28,2
Возможность заработать	61,3	48,3
Внутренняя потребность	7,2	7,2
Вынужденная необходимость	5,5	8,2
Творчество	3,2	6,6
Общение	1,7	1,5

³ Для сравнения использовались результаты исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2014 г. в 13 субъектах РФ, в 65 населенных пунктах, путем опроса населения России старше 15 лет. Всего опрошено 1459 человек. Выборка молодежи в возрасте 15—29 лет составила 400 человек. Опрос проводился методом личного интервью по месту жительства респондентов. Руководители исследования: Ю. А. Зубок, В. И. Чупров.

Проанализируем связь смысложизненных ценностей молодежи со смыслами образования, которые рассматриваются в качестве целей жизненных стратегий в данной сфере (см. табл. 6).

Таблица 6. **Связь смысложизненных ценностей с целями жизненных стратегий в сфере образования, 2017 г.**

Смысложизненные ценности	Связь со смыслами образования, в %					
	Развитие способностей	Диплом	Потребность в познании	Престиж	Возможность сделать карьеру	Общая культура
Стремление к истине	43,2	13,1	15,8	5,9	19,8	2,3
Любовь	37,8	15,0	12,4	4,1	27,0	3,6
Борьба за справедливость	35,5	14,8	13,6	3,6	27,8	4,7
Спокойная, безбедная жизнь	31,3	20,9	8,6	5,3	28,6	5,3
Политическая борьба	40,6	18,8	9,4	0,0	31,2	0,0
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	33,2	14,6	12,1	4,0	31,5	4,4
Продолжение себя в будущих поколениях	33,6	18,6	13,0	2,4	27,7	4,7
Средние значения	36,4	16,5	12,1	3,6	27,6	3,5

Как следует из таблицы 6, все смысложизненные ценности молодежи в наибольшей степени связаны со смыслом образования как развития способностей. Особенно выделяется связь целевой установки на развитие способностей со стремлением к истине (43,2%) и с политической борьбой (40,6%). Ценность спокойной, безбедной жизни в наибольшей степени связана с получением диплома как смысла образования (20,9%); ценности политической борьбы и самореализации — с возможностью сделать карьеру (соответственно 31,2% и 31,5%). Таким образом, в результате связи между смысложизненными ценностями и смыслами образования последние приобретают более обоснованный характер в качестве целей жизненных стратегий. В порядке значимости средних значений цели жизненных стратегий в сфере образования распределяются следующим образом: развить способности (36,4%), сделать карьеру (27,6%), получить диплом (16,5%), удовлетворить потребность в познании (12,1%); в ничтожной степени повысить собственный престиж (3,6%) и повысить уровень общей культуры (3,5%).

Проанализируем связь смысложизненных ценностей молодежи со смыслами труда (см. табл. 7).

Анализ представленных в таблице 7 данных показывает, что все смысложизненные ценности в наибольшей степени согласуются с пониманием труда как заработка. Причем наибольшие значения возможности заработать связываются в сознании молодежи с ценностями борьбы за власть (65,6%), спокойной, безбедной жизни (54,9%), продолжением себя в будущих поколениях (50,6%). Кроме

того, ценность стремления к истине находится в смысловой наибольшей связи с ощущением своей полезности (33,3%) и внутренней потребности в труде (11,3%); ценность борьбы за справедливость — с ощущением своей полезности (33,7%), но и с трудом как вынужденной необходимостью (10,1%); ценность самореализации — с творчеством как смыслом труда (19,4%). Таким образом, на основе средних значений связи смысложизненных ценностей со смыслами труда цели жизненных стратегий молодежи в данной сфере распределяются так: заработать (48,7%), ощутить собственную полезность (28,1%), проявить в творчество (7,7%), трудиться вынужденно, по необходимости (6,7%), трудиться в силу внутренней потребности в труде (6,5%), ради общения (2,1%).

Таблица 7. **Связь смысложизненных ценностей с целями жизненных стратегий в сфере труда, 2017 г.**

Смысложизненные ценности	Связь со смыслами труда, в %					
	Ощущение своей полезности	Возможность заработать	Внутренняя потребность в труде	Вынужденная необходимость	Творчество	Общение
Стремление к истине	33,3	41,0	11,3	5,0	9,5	0,0
Любовь	29,6	47,0	8,2	6,4	7,3	1,5
Борьба за справедливость	33,7	39,1	7,1	10,1	9,5	0,6
Спокойная, безбедная жизнь	23,9	54,9	4,1	8,8	5,6	2,7
Политическая борьба	18,8	65,6	3,1	0,0	6,2	6,2
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	29,2	43,0	7,4	8,4	10,4	1,7
Продолжение себя в будущих поколениях	28,5	50,6	4,7	8,3	5,5	2,4
Средние значения	28,1	48,7	6,5	6,7	7,7	2,1

Обращает на себя внимание, что полученное распределение целей жизненных стратегий в сферах образования и труда в связи со смысложизненными ценностями практически совпадает по своим значениям с распределением смыслов образования и труда как таковых (см. табл. 4 и 5). Представления о смысле жизни, выступающие в качестве наиболее общей цели жизненных стратегий молодежи, распространяют свое влияние и на выбор целей в конкретных сферах жизнедеятельности. Это подтверждает обоснованность теоретического подхода к определению жизненных стратегий как части процесса саморегуляции жизнедеятельности и связи целей конкретных стратегий с представлениями молодежи о смысле жизни.

Способы реализации целей в саморегуляции жизненных стратегий молодежи

Ориентации молодежи на цели-ценности и средства их достижения определяют социокультурную направленность выстраивания себя как жизненного проекта. Понимание молодым человеком самого себя является необходимой составляющей его жизненной позиции, от которой зависят представления о том, как лучше всего дойти до цели. Жизненная позиция включает в себя жизненные установки, определяющие готовность молодого человека добиваться своей цели определенным способом, а также степень его активности.

Рассмотрим жизненные установки молодежи, от которых зависит выбор способов реализации целей жизненных стратегий в образовании и в труде (см. табл. 8).

Таблица 8. **Жизненные установки молодежи в различных возрастных группах, в %**

Жизненные установки	15—17 лет	18—24 года	25—29 лет
В жизни каждый человек должен полагаться только на себя	63,5	62,6	58,1
Принятие любых законов неэффективно, пока человек сам не будет готов им следовать	79,4	77,4	75,0
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться государством	71,4	80,5	73,6
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться избранными депутатами разного уровня	57,1	72,1	73,6
Защите интересов таких людей, как я, способствовало бы усиление власти президента РФ	47,6	57,9	56,1

Согласно данным, представленным в таблице 8, большинство респондентов считают, что добиться успеха в жизни можно, полагаясь на себя, но при этом следуя законам. Такое сочетание говорит о высокой степени самосознания молодых людей и их субъектности. Собственную жизненную позицию большинство из них также оценивает как активную. На основании семибальной шкалы позиции 7, 6 и 5 баллов отметили всего 89,7 % респондентов в возрасте 15—17 лет, 85,2 % — 18—24 и 86,5 % — 25—29 лет. Однако с годами у молодых людей существенно возрастают ожидания участия власти в защите их интересов — государства, депутатов и лично президента. В этой позиции проявляется, прежде всего, рефлексия роли институтов, которые имеют вполне ясные обязательства перед гражданами. А фактором обеспечения эффективности этой роли каждый второй считает президента.

Проанализируем, какова связь рассмотренных жизненных установок и оценок собственной жизненной позиции со способами реализации целей в сфере образования. Для анализа использовались следующие варианты способов реализации целей в системе общего образования: достижение широкого объема знаний и общей культуры; получение углубленных знаний, необходимых для профильной специализации; получение минимума знаний и культурных навыков, необходимых для дальнейшей жизни (см. табл. 9).

Таблица 9. **Связь жизненных установок молодежи со способами реализации целей в сфере общего образования**

Жизненные установки	Связь со способами реализации целей, в %		
	Получение широкого объема знаний и общей культуры	Получение углубленных знаний, необходимых для профильной специализации	Получение минимума знаний и культурных навыков для дальнейшей жизни
В жизни каждый человек должен полагаться только на себя	53,5	26,5	16,7
Принятие любых законов неэффективно, пока человек сам не будет готов им следовать	53,2	29,5	14,9
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться государством	55,0	28,3	13,7
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться избранными депутатами разного уровня	55,3	27,0	15,6
Активная жизненная позиция	78,1	62,4	54,4
Пассивная жизненная позиция	21,9	37,6	45,6

Как видно в таблице 9, более половины респондентов единодушно выбрали в качестве приемлемого для себя способа реализации целей в сфере общего образования получение широкого объема знаний и общей культуры. Данная стратегия отражает традиционный подход к образованию, существовавший в стране до его реформирования в постсоветский период. Символично, что среди сторонников такого способа реализации цели в образовании 78,1% занимают активную жизненную позицию. Вдвое меньше доля респондентов, выбравших такой способ реализации цели, как получение углубленных знаний, необходимых для профильной специализации. Между тем данная стратегия лежит в основе образовательного стандарта для старших классов средней школы и отражена в действующем Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». И совсем незначительна доля респондентов, которые в способах реализации цели образования ограничиваются получением минимума знаний и культурных навыков, необходимых для дальнейшей жизни. Тот факт, что каждый второй среди них (45,6%) оценивает свою жизненную позицию как пассивную, представляется неслучайным.

Проанализируем связь жизненных установок и оценок собственной жизненной позиции со способами реализации целей в сфере труда. Для анализа использовались следующие варианты: трудолюбие, честное, добросовестное отношение к труду; взаимопомощь, поддержка друг друга; ответственность; бережливость; принцип «каждый за себя»; свобода и независимость ни от кого; дисциплинированность (см. табл. 10).

Таблица 10. Связь жизненных установок молодежи со способами реализации целей в сфере труда

Жизненные установки	Связь со способами реализации целей, в %*						
	Трудолюбие	Взаимопомощь	Ответственность	Бережливость	Принцип «каждый за себя»	Свобода и независимость	Дисциплинированность
В жизни каждый человек должен полагаться только на себя	40,8	41,2	46,5	38,8	38,1	43,3	40,0
Принятие любых законов неэффективно, пока человек сам не будет готов им следовать	42,2	43,8	48,7	36,4	37,3	41,9	40,6
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться государством	44,3	45,9	49,8	38,1	34,9	41,0	40,1
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться избранными депутатами разного уровня	44,0	42,9	49,6	39,7	34,8	43,6	40,4
Средние значения	42,8	43,4	48,6	38,2	38,3	42,4	40,3
Активная жизненная позиция	89,1	88,5	91,2	90,4	87,3	86,3	88,0
Пассивная жизненная позиция	10,9	11,5	8,8	9,6	14,7	13,7	12,0

* Больше 100%, так как допускалось несколько вариантов ответа.

Данные таблицы 10 подтверждают наличие связи жизненных установок молодежи, отражающих и жизненную позицию, со средствами реализации целей в сфере труда.

Отмечаются высокие значения активности жизненных позиций, колеблющиеся от 91,2% в связи с ответственностью до 86,3% в связи со свободой и независимостью как способами достижения целей в труде. Наиболее высокое среднее значение связи жизненных установок — с ответственным отношением к труду (48,6%) как способу обеспечения максимально эффективной реализации целей в этой сфере. А наименее значимая связь всех жизненных установок — с принципом «каждый за себя» (38,2%).

Таким образом, анализируемые жизненные установки молодежи отражают смысловое содержание жизненных позиций молодых людей в отношении способов достижения целей в сфере труда. Несмотря на различие жизненных позиций, все они характеризуются высокой степенью активности в выборе тех или иных способов реализации стратегических целей в обеих сферах жизнедеятельности.

Саморегуляция ожиданий молодежи в реализации жизненных стратегий

В саморегуляции жизнедеятельности значимая роль отводится ожиданиям, в которых отражается представление о вероятности реализации цели. По выражению Никласа Лумана, «символические генерализации концентрируют структуру указаний всякого смысла в ожидания, показывающие, что обещает данная смысловая ситуация» [Луман, 2007: 142]. Другими словами, смыслы, заложенные в цели и способы жизненных стратегий в процессе их формирования, преобразуются в представления о возможностях их конвертации в реальность. Такое превращение становится реальным не только в результате собственных действий, но также зависит от контрагентов, вовлеченных в реализацию стратегий. Поэтому речь идет о социальных ожиданиях, имеющих активный характер требований, предъявляемых молодыми людьми к другим субъектам в сферах образования и труда. Оценив, насколько анализируемые цели связаны с ожиданиями, мы получим представление о возможности реализации жизненных стратегий в представлениях.

Проанализируем связь целей жизненных стратегий в сфере образования с ожиданиями молодежи. В качестве смыслов, преобразующихся в ожидания, используются: доступность платного образования и оценка удовлетворенности качеством приобретаемых знаний (см. табл. 11).

Таблица 11. Связь целей жизненных стратегий в сфере образования с ожиданиями молодежи

Цели жизненных стратегий	Ожидания в сфере образования					
	Доступность платного образования, в %*			Удовлетворенность качеством знаний, в %*		
	Полностью доступно	Доступно, но приходится отказывать себе во многом	Недоступно	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Не удовлетворен
Развитие способностей	26,5	32,4	41,1	11,8	55,9	29,4
Диплом	17,1	40,0	42,9	11,4	52,9	27,1
Потребность в познании	30,8	26,1	46,1	20,8	31,5	47,7
Престиж	19,9	20,1	60,0	29,0	59,9	11,1
Возможность сделать карьеру	19,7	42,6	37,7	14,8	47,5	27,9
Общая культура	33,3	10,0	56,7	19,8	19,1	49,9
Средние значения	24,1	28,5	47,4	17,9	50,0	32,1

*Без учета затруднившихся с ответом.

Как видно в таблице 11, более двух третей респондентов (67,9%) удовлетворены качеством приобретаемых знаний и более половины (52,6%) признают платное образование доступным для себя. Это означает, что большинство молодежи, хотя и с некоторыми оговорками, видит реальные возможности реализовать свои цели

в сфере образования. Вместе с тем почти каждому второму респонденту (47,4 %) платное образование недоступно, а каждый третий (32,1 %) не удовлетворен качеством знаний.

Однако рискогенность ситуации становится видимой при анализе связи ожидаемых возможностей с конкретными целями молодых людей в данной сфере. Так, из-за недоступности платного образования возникает угроза для 60 % респондентов, которые целью жизненной стратегии в образовании видят престиж в своем окружении, для 56,7 %, нацеленных на повышение общей культуры, и для 46,1 %, ориентированных на познание. Для 49,9 % респондентов, целью которых является общая культура, и для 47,7 %, имеющих потребность в познании, угроза возникает из-за неудовлетворенности качеством приобретаемых знаний.

Проанализируем связь целей жизненных стратегий с ожиданиями молодежи в сфере труда (см. табл. 12).

Таблица 12. **Связь целей жизненных стратегий молодежи с реализацией ожиданий в сфере труда**

Цели жизненных стратегий	Ожидания от труда, в %*						Степень реализации ожиданий, в %**		
	Профессиональная самореализация	Интересная, творческая работа	Возможности для предпринимательства	Самоутверждение в коллективе	Повышение уровня жизни	Социальное продвижение	Полностью реализовались	Частично реализовались	Не реализовались
Осознание своей полезности в труде	57,3	37,9	7,5	12,5	35,0	7,5	17,5	65,0	12,5
Возможность заработать	38,1	23,7	6,5	8,8	56,1	13,7	12,9	42,4	37,4
Внутренняя потребность в труде	73,3	20,0	2,1	4,6	46,7	20,0	6,7	73,7	20,0
Вынужденная необходимость	0,5	15,0	10,0	40,0	58,5	1,5	10,0	49,5	40,5
Средние значения	42,3	24,1	6,5	16,8	49,1	10,6	11,8	57,6	27,6

* Больше 100 %, так как допускалось несколько вариантов ответа.

** Без учета затруднившихся с ответом.

Таким образом, как показал анализ, значительная доля молодежи сталкивается с проблемой нереализованных ожиданий и в сфере образования, и в сфере труда.

Нереализованные ожидания как фактор изменения социальных настроений молодежи

Настроения молодого человека проявляются в эмоциональной реакции, во-первых, на последствия нереализованных ожиданий, а во-вторых, на разочарование, связанное со значимостью жизненно важных для него целей. Направленность

целей молодого человека на образование или на труд как сферы социальной жизни придает его настроениям социальный характер. В свою очередь, нереализованность цели порождает негативное социальное настроение. Последнее означает, что речь идет не только об эмоциональной реакции на конкретное событие, но о ее распространении на более широкую сферу социальных отношений в форме социальных чувств. В данном случае негативные социальные настроения в форме чувства социальной несправедливости проникают в сферы образования и труда.

Проанализируем, как связаны нереализованные ожидания с социальными чувствами молодежи: с надеждой, уверенностью, безразличием, тревогой, страхом, растерянностью и возмущением (см. табл. 13).

Таблица 13. **Связь нереализованных ожиданий в жизненных стратегиях с социальными чувствами молодежи**

Нереализованные ожидания	Социальные чувства, в %*						
	Надежда	Уверенность	Безразличие	Тревога	Страх, отчаяние	Возмущение	Растерянность
Недоступность платного образования	77,3	64,5	28,6	38,5	23,7	25,9	24,8
Неудовлетворенность качеством знаний	64,4	55,4	40,9	41,2	30,3	52,2	41,1
Нереализованные ожидания от труда	59,4	46,9	37,5	40,7	15,5	33,3	34,3
Средние значения	67,0	55,6	35,6	40,1	23,1	37,2	33,4

* Больше 100%, так как допускалось несколько вариантов ответа.

Содержащиеся в таблице 13 данные говорят о том, что большинству опрошенной нами молодежи нереализованные ожидания не мешают испытывать надежду (среднее значение 67 %) и уверенность (55,6 %). Такие реакции в большей степени присущи молодым людям, столкнувшимся с провалом ожиданий в сфере образования, чем в сфере труда. Вместе с тем значительная доля молодежи, испытывавшей нереализованные ожидания, проявляет повышенную эмоциональность: тревогу (40,1 %), возмущение (37,2 %), безразличие (35,6 %), растерянность (33,4 %), страх и отчаяние (23,1 %). Характерно, что наиболее высокий уровень возмущения вызывает неудовлетворенность качеством приобретаемых знаний (52,2 %).

Молодой человек не всегда способен справиться с такими чувствами, что отражается на его негативном отношении к конкретным институтам и реальности в целом. Эмоциональное состояние усиливается экстремальностью, присущей

молодежному сознанию и поведению, и в определенных условиях перерастает в протестные настроения. Рассмотрим, какова связь наиболее экстремальных социальных чувств с протестными настроениями молодежи (см. табл. 14).

Таблица 14. Связь экстремальных социальных чувств с протестными настроениями молодежи

Социальные чувства	Выбор, в случае социального напряжения, в %		Формы протеста, в которых выражается готовность участвовать, в %		
	Сохранение мира и согласия	Активно протестовать	Сбор подписей	Согласованные митинги, демонстрации	Забастовка
Безразличие	25,4	34,6	29,6	16,2	52,9
Тревога	38,8	33,0	35,4	16,2	61,8
Страх	22,4	28,3	21,1	10,8	47,2
Возмущение	27,7	43,5	30,9	18,9	64,8
Растерянность	24,3	29,9	24,5	13,5	58,8
Средние значения	27,7	33,8	28,3	15,1	57,1

Представленные в таблице 14 данные подтверждают вывод о наличии связи между экстремальными социальными чувствами, возникающими вследствие нереализованных ожиданий в сферах образования и труда, с протестными настроениями молодежи. В условиях социального напряжения молодые люди, испытывающие подобные чувства, выбирают скорее активный протест (33,8%), чем сохранение мира и согласия (27,7%). Наиболее высокая связь выбора протестных форм отмечается в связи с чувством возмущения (43,5%), безразличия (34,6%) и тревоги (33%). При этом 57,1% молодежи, испытывающей эти чувства, предпочтет забастовку, 28,3% — сбор подписей, а 15,1% — участие в согласованном митинге или демонстрации.

Таким образом, нереализованные ожидания молодежи, связанные с ее целями в сферах образования и труда, являются значимым фактором формирования протестных настроений. Для сравнения: среди молодежи в целом в случае социального напряжения в стране предпочтение любой ценой сохранить мир и порядок отмечают 54,7% молодых людей в возрасте 15—17 лет, 60,5% в возрасте 18—24 года и 59,9% в возрасте 25—29 лет. Активный протест рассматривали для себя, соответственно 10,1%, 9,2%, 4,6%.

Выводы

Изучение жизненных стратегий молодежи способствует углубленному пониманию смыслов, определяющих направленность ее жизнедеятельности. Поэтому в теоретическом плане жизненные стратегии рассматриваются в процессе смыс-

лообразования как часть механизма социокультурной саморегуляции жизнедеятельности данной социальной группы. А на эмпирическом уровне они исследуются во взаимосвязи целей жизнедеятельности и способов их реализации.

Обращение к социокультурной специфике предметной области исследования позволяет рассматривать формирование жизненных стратегий в культурном пространстве молодежи как исторически обусловленный процесс. Это подтверждается выявленной связью целей жизненных стратегий, содержащихся в смысло-жизненных ценностях, с типами культуры, разделяемой молодежью, а также между смысло-жизненными ценностями и архетипами, сохраняющимися в коллективном бессознательном обобщенный опыт прошлого.

В результате анализа целей жизненных стратегий в сфере образования и труда выявлена их связь с пониманием молодыми людьми смысла собственной жизни. Это, во-первых, подтверждает обоснованность теоретического подхода, в соответствии с которым цели жизненных стратегий отражают более общие представления молодежи о смысле жизни. А во-вторых, объясняет причину обращения молодежи в условиях кризиса к терминальным ценностям образования и труда, что также является следствием влияния не только более общих, но и более консервативных смысло-жизненных ценностей.

Анализ жизненных установок, от которых зависит выбор способов реализации целей жизненных стратегий, свидетельствует об активной жизненной позиции большинства опрошенных нами молодых людей. Среди анализируемых способов реализации жизненных стратегий в сфере общего образования доминирует традиционный подход, выразившийся в установке на получение широкого объема знаний и общей культуры. Это противоречит существующим стандартам образования в старших классах средней школы, ориентирующих учащихся на выбор профильной специализации. В сфере труда почти каждый второй респондент выбирает ответственное отношение к труду как способу, обеспечивающему максимально эффективную реализацию своих целей в данной сфере. И более трети респондентов связывают способ реализации своей цели в труде с принципом «каждый за себя». Здесь также прослеживается противоречие между традиционным и современным в выборе молодежью способа реализации целей в образовании и в труде.

Анализ ожиданий молодежи в сфере образования и труда позволил реально оценить представления молодых людей о возможности реализации жизненных стратегий. Несмотря на то, что большая часть молодежи видит реальные возможности реализовать свои цели в сфере образования, почти каждому второму респонденту платное образование недоступно, а каждый третий не удовлетворен качеством знаний. В сфере труда большинство молодежи также видит возможности для реализации своих целей. Однако каждый третий респондент признал, что его ожидания не реализовались. Таким образом, достаточно высокий процент нереализованных ожиданий молодежи в сферах образования и труда свидетельствует о наличии в ее среде значительного потенциала протестных настроений.

В ходе исследования процесса саморегуляции протестных настроений молодежи была проанализирована и связь нереализованных ожиданий с социальными чувствами молодых людей. При этом что две трети из них воспринимали нереализованные ожидания в сферах образования и труда с чувством надежды и каждый

второй — с чувством уверенности, значительная доля респондентов характеризовалась повышенной эмоциональностью, испытывала тревогу, возмущение, безразличие, растерянность, страх, отчаяние. Последние рефлексировались как обобщенное чувство социальной несправедливости, в результате связи с которым настроения приобретают протестный характер. Как показал анализ, в условиях социального напряжения каждый третий респондент, испытывающий такие чувства, готов скорее к активному протесту, чем к сохранению мира и согласия. Такой сценарий проявился в событиях марта 2017 г., когда на фоне углубления экономического кризиса и кризиса доверия к власти активизировались протестные выступления молодежи. Именно поэтому создание условий для реализации жизненных стратегий молодежи является одним из способов предупреждения эскалации социальных конфликтов в ее среде.

Однако в связи с усилением кризиса в условиях пандемии коронавируса и бессистемной, спорадической активности управленческих структур неопределенность в жизни общества возрастает. Следовательно, нарастают противоречия в жизненных стратегиях молодежи, а с ними и социальная напряженность. Не находя должного разрешения, противоречия с высокой вероятностью переходят в конфликты между молодежью и обществом. Вопрос их открытого выражения — лишь вопрос времени.

Список литературы (References)

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

Abulkhanova-Slavskaya K. A. (1991) *Life Strategy*. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Волокитина А. А. Жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора : автореф. дисс. ... канд. социол. н. М.: Московский гуманитарный университет, 2011.

Volokitina A. A. (2011) *Life Strategies of Youth in the Context of Professional Choice*. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Moscow University for the Humanities. (In Russ.)

Жизненные планы молодежи / отв. ред. М. Н. Руткевич. Свердловск : Издательство Уральского университета, 1966.

Rutkevich M. N. (ed.) *The Life Plans of Youth*. Sverdlovsk: Ural University Press, 1966. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.

Zubok Yu. A. (2007) *The Phenomenon of Risk in Sociology. Experience in Youth Research*. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Доверие в жизненных стратегиях молодежи // Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017—2018 годах / под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. М.: Перспектива: Институт социально-политических исследований РАН, 2018. С. 489—513.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2018) Trust in Youth Life Strategies. In: Osipov G. V., Ryazantsev S. V., Levashov V. K., Rostovskaya T. K. (eds.) *Challenges of the Digital Future and Sustainable Development of Russia. Socio-Political and Demographic Situation in 2017—2018*. Moscow: Perspektiva; Institute of Socio-Political Research RAS. P. 489—513. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С. Опыт структурно-таксономического исследования самоорганизации жизнедеятельности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 59—75. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/7>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Lyubutov A. S. (2020) An Experience of Structural and Taxonomic Research of Self-Organization in the Life Activity of the Youth. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 53. P. 59—75. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/7>. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Яковук Т. И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест: Альтернатива, 2008.

Zubok Yu. A., Yakovuk T. I. (2008) The Cultural Life of Youth in a Transforming Society. Brest: Alternativa. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Смыслообразование и его контексты : Жизнь, структура, культура, опыт // Мир психологии. 2014. № 1. С. 104—117.

Leontiev D. A. (2014) Meaning Making and Its Contexts: Life, Structure, Culture, Experience. *The World of Psychology*. No. 1. P. 104—117. (In Russ.)

Лисовский В. Т. Эскиз к портрету : Жизненные планы, интересы и стремления советской молодежи. М. : Молодая гвардия, 1969.

Lisovsky V. T. (1969) Sketch for the Portrait: Life Plans, Interests and Aspirations of the Soviet Youth. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ.)

Луков В. А., Луков Вл. А. Методология тезаурусного подхода : Стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 18—35.

Lukov V. A., Lukov V. A. (2014) The Methodology of the Thesaurus Approach: A Strategy for Understanding. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 1. P. 18—35. (In Russ.)

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб. : Наука, 2007.

Luhmann N. (2007) Social Systems. Writing Science. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Магун В. С., Энговатов М. В. Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985—2001 гг. // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / под общ. ред. Ю. А. Левады, Т. Шанина. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 261—327.

Magun V. S., Engovatov M. V. (2005) Intergenerational Dynamics of Youth Life Aspirations and Their Strategies of Resource Support: 1985—2001. In: Levada Yu. A., Shanin T. (eds.) *Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia*. Moscow: New Literary Observer. P. 261—327. (In Russ.)

Морозов Н. М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX—XXI вв. в отечественной историографии. Кемерово: Практика, 2014. Morozov N. M. (2014) Conceptualization of Historical Knowledge of the Russian Civilization at a Boundary of the XX—XXI Centuries. Kemerovo: Praktika. (In Russ.)

Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи. 1985—1995 годы / под ред. В. С. Магуна. М.: Институт социологии РАН, 1998.

Magun V. S. (ed.) *A Revolution of Young People's Aspirations and Changes in their Life Strategies*. 1985—1995. Moscow: Institute of Sociology RAS, 1998. (In Russ.)

Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5—22.

Naumova N. F. (1995) Life Strategy of a Person in a Transitional Society. *Sociological Journal*. No. 2. P. 5—22. (In Russ.)

Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

New Meanings in Educational Strategies of Youth: 50 Years of Research. Moscow: Social Forecasting and Marketing Center, 2015. (In Russ.)

Пелипенко А. А. Избранные произведения по теории культуры. М.: Согласие: Артём, 2014.

Pelipenko A. A. (2014) *Selected Works on the Theory of Culture*. Moscow: Soglasiye; Artyom. (In Russ.)

Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН: Независимый институт гражданского общества, 2002.

Reznik Yu. M., Smirnov Ye. A. (2002) *Life Strategies of Individual: An Experience of Complex Analysis*. Moscow: Institute of Human Sciences RAS; Independent Institute for Civil Society. (In Russ.)

Руткевич М. Н. Жизненные планы молодежи // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 118—119.

Rutkevich M. N. (2008) Youth Life Plans. In: Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (eds.) *Sociology of Youth. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Academia. P. 118—119. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. Sorokin P. A. (2000) *Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)

- Тощенко Ж. Т. Социология жизни: поиск ответа на научные и общественные вызовы // Дмитриев А. В., Иванов В. Н., Тощенко Ж. Т. Социологическая мозаика — 2018 / предисл. М. К. Горшкова. М. : КНОРУС, 2018. С. 147—221.
- Toshchenko Zh. T. (2018) *Sociology of Life: In Search for an Answer to the Scientific and Social Challenges*. In: Dmitriev A. V., Ivanov V. N., Toshchenko Zh. T. *Sociological Mosaic* — 2018. Moscow: Knorus. P. 147—221. (In Russ.)
- Ученые записки ФНИСЦ РАН. Выпуск 7. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: Исследование социокультурного механизма / отв. ред. М. К. Горшков. М. : ФНИСЦ РАН, 2020.
- Gorshkov M. K. (ed.) *Scientific Notes of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Volume 7. Youth Self-Regulation: A Study of the Sociocultural Mechanism*. Moscow: FCTAS RAS, 2020. (In Russ.)
- Чередниченко Г. А. Молодежь России : Социальные ориентации и жизненные пути. Опыт социологического исследования. СПб. : Русская христианская гуманитарная академия, 2004.
- Cherednichenko G. A. (2004) *Russian Youth: Social Orientations and Life Paths. A Case Study*. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)
- Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности в культурном пространстве: Концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 13—25. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.1>.
- Chuprov V. I. (2018) *Self-Regulation of the Youth Life in Cultural Space: The Concept of Socio-Cultural Mechanism*. *Humanities of the South of Russia*. Vol. 7. No. 4. P. 13—25. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.1>. (In Russ.)
- Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М. : Наука, 2001.
- Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Williams C. (2001) *Youth in the Risk Society*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе : Социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма; ИНФРА-М, 2014.
- Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. (2014) *The Attitude to Social Reality in Russian Society: Sociocultural Mechanism of Formation and Reproduction*. Moscow: Norma; INFRA-M. (In Russ.)
- Шюц А. Избранное : Мир, освященный смыслом. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004.
- Schutz A. (2004) *Selected Works: The World Glowing with Sense*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. (In Russ.)
- Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 124—133.
- Jung K. G. (1988) *The Archetypes and the Collective Unconscious*. *Problems of Philosophy*. No. 1. P. 124—133. (In Russ.)

Bessant J., Farthing R., Watts R. (2017) *The Precarious Generation: A Political Economy of Young People*. London: Routledge.

Crofts J., Cuervo H., Wyn J., Smith G., Woodman D. (2015) *Life Patterns Ten Years Following Generation Y*. Melbourne: Youth Research Centre, University of Melbourne.

Evans K., Furlong A. (1997) *Metaphors of Youth Transitions: Niches, Pathways, Trajectories or Navigations*. In: Bynner J., Chisholm L., Furlong A. (eds.) *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*. Aldershot: Ashgate. P. 17—41.

Furlong A., Cartmel F. (1997) *Young People and Social Change. Individualization and Risk in Late Modernity*. Buckingham: Open University Press.

Furlong A., Stalder B., Azzopardi A. (2000) *Vulnerable Youth: Perspectives on Vulnerability on Education, Employment and Leisure in Europe*. International Expert Report. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Gidley J., Inayatullah S. (eds.) *Youth Future: Comparative Research and Transformative Vision*. Westport, CT: Praeger, 2002.

Carabelli G., Lyon D. (2016) *Young People's Orientations to the Future: Navigating the Present and Imagining the Future*. *Journal of Youth Studies*. Vol. 19. No. 8. P. 1110—1127. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1145641>.

Kelly P., Kamp A. (eds.) *A Critical Youth Studies for the 21st Century*. Leiden: Brill, 2014. <https://doi.org/10.1163/9789004284036>.

Mitev P.-E. Kovacheva S. (2014) *Young People in European Bulgaria. A Sociological Portrait 2014*. Sofia: Friedrich Ebert Foundation.

Walther A., Stauber B., Biggart A., du Bois-Reymond M., Furlong A., López Blasco A., Mørch A., Machado Pais J. (eds.) *Misleading Trajectories: Integration Policies for Young Adults in Europe? Wiesbaden: Springer: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2002*. <https://doi.org/10.1007/978-3-663-10808-5>.

Williams C., Chuprov V., Zubok J. (2003) *Youth, Risk and Russian Modernity*. Aldershot: Ashgate.

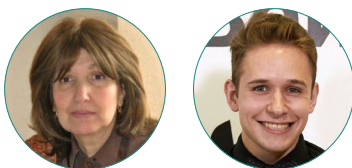
Woodman D., Wyn J. (2015) *Youth and Generation: Rethinking Change and Inequality in the Lives of Young People*. Thousand Oaks, CA: Sage. <http://dx.doi.org/10.4135/9781473910591>.

Wyn J., Cahill H., Woodman D., Cuervo H., Leccardi C., Chesters J. (eds.) *Youth and the New Adulthood: Generations of Change*. Singapore: Springer Nature, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3365-5>.

Zaremohzzabieh Z., Ahrari S., Krauss S. E., Samah A. A., Omar S. Z. (eds.) *The Handbook of Research on Youth Work in a Digital Society*. Hershey, PA: IGI Global, 2020.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1607

О. А. Александрова, Д. И. Марков

ОБЕСПЕЧЕННЫЕ ИЛИ НИЩИЕ: ЧТО ДУМАЮТ МОЛОДЫЕ РОССИЯНЕ О БУДУЩЕЙ СТАРОСТИ И КАК НАМЕРЕНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ?

Правильная ссылка на статью:

Александрова О. А., Марков Д. И. Обеспеченные или нищие: что думают молодые россияне о будущей старости и как намерены действовать? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 42—65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1607>.

For citation:

Alexandrova O. A., Markov D. I. (2020) Wealthy or Poor: What Does Russia's Young People Think about Future Old Age, and What Do They Intend to Do? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 42—65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1607>.

ОБЕСПЕЧЕННЫЕ ИЛИ НИЩИЕ: ЧТО ДУМАЮТ МОЛОДЫЕ РОССИЯНЕ О БУДУЩЕЙ СТАРОСТИ И КАК НАМЕРЕНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ?

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Аркадьевна — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

E-MAIL: a762rab@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>

МАРКОВ Дмитрий Игоревич — заместитель заведующего учебно-научной социологической лабораторией Департамента социологии, выпускник бакалавриата факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: DIMarkov@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9380-0506>

Аннотация. Российское государство, акцентируя внимание на потребности экономики в «длинных деньгах», а также на необходимости повышения уровня жизни пенсионеров, предпринимает попытки вовлечения населения в систему индивидуальных пенсионных накоплений. В частности, в 2019 г. был представлен гарантированный пенсионный план (ГПП). Одним из ключевых адресатов накопительных инструментов является молодежь. Проведенное исследование позволило выяснить, что молодежь думает о будущей старости и ее материальном обеспечении, а также как она относится к ГПП:

WEALTHY OR POOR: WHAT DOES RUSSIA'S YOUNG PEOPLE THINK ABOUT FUTURE OLD AGE, AND WHAT DO THEY INTEND TO DO?

Olga A. ALEXANDROVA^{1,2} — Dr. Sci. (Econ.), Deputy Director; Professor at Department of Sociology

E-MAIL: a762rab@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>

Dmitry I. MARKOV² — Deputy manager of the educational and scientific sociological laboratory of the Department of sociology, bachelor's degree graduate of the faculty of social Sciences and mass communications

E-MAIL: DIMarkov@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9380-0506>

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS of RAS, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The Russian state highlighting the importance of the economy's demand for long-run money and a need to increase the quality of life for the retired persons seeks to engage populations in individual pension savings plan. In particular, a Guaranteed Pension Plan (GPP) was introduced in 2019. Youth is one of the beneficiaries of the pension accumulation tools. The study undertaken by the authors examines what young people think about their future old age, how they perceive the GPP, whether they are ready to participate in it, and what benefits it may bring to the beneficiaries. The research methods included a

готова ли участвовать, как оценивает предпочтения для участников. Методы исследования: анкетный опрос жителей Москвы в возрасте до 30 лет ($N = 500$) и фокус-групповые интервью со столичной молодежью ($N = 4$).

Большинство участников опроса не готовы участвовать в ГПП, и чем старше респонденты, тем меньше среди них доля готовых включиться в эту схему. В основе этих установок лежит недостаточный размер доходов и в еще большей степени — недоверие к негосударственным пенсионным фондам. Мало рассчитывая на какую-либо пенсию, молодежь планирует обеспечивать свою старость прежде всего за счет сбережений, рентных доходов, доходов от бизнеса и продолжения работы после наступления пенсионного возраста. Несмотря на сомнения в стабильности занятости до наступления старости, в возможности накопить и сохранить сбережения, найти работу в пожилом возрасте, молодежь настроена оптимистично: собственная старость молодым людям представляется гораздо более благополучной, чем жизнь нынешних пенсионеров. Так, фактическое положение сегодняшних пожилых людей абсолютно не согласуется с представлениями молодежи о достойной старости и расценивается ею как несправедливое и недооценивающее их трудовой вклад.

Ключевые слова: молодежь, старость, пенсия, занятость, сбережения, индивидуальные пенсионные накопления, гарантированный пенсионный план

questionnaire survey among the Moscow residents aged 30 and below ($N = 500$) and focus group interviews with young people from Moscow ($N = 4$).

Most of respondents are not willing to participate in the GPP; the older they are, the less likely they are ready to join the scheme. The main reasons behind that are insufficient income and, more importantly, lack of trust in non-state pension funds. Young people who do not count much on pension plans are going to live off savings, rental income, income from commercial activities, when they retire, or to keep working after the retirement age. Young people tend to be quite optimistic despite their doubts concerning a stable job until retirement, an opportunity to save up money or their ability to find a job late in life: many of them expect to have a safer old age than that of the today's retired persons. Thus, the situation of today's elderly people is absolutely inconsistent with the youth's ideas about a decent old age; they regard it as unjust or think it belittles the labor contribution.

Keywords: youth, old age, pension, employment, savings, individual pension savings, guaranteed pension plan

Введение

В советские времена население рассчитывало на государственные пенсии, абсолютная величина которых была довольно скромной (хотя, заметим, под конец существования СССР максимальная пенсия инженерно-технического работника составляла 132 рубля — больше зарплаты начинающего инженера¹) [Пудовкин, 2015: 218], однако расходовалась пенсия преимущественно на относительно дешевые продукты² и неширокий выбор непродовольственных товаров, поскольку здравоохранение было бесплатным, лекарства — дешевыми, коммунальные платежи, стоимость проезда на транспорте и посещения учреждений культуры — мизерными. Были и более высокие пенсии, которые получали граждане, чья работа характеризовалась тяжелыми или вредными условиями труда, риском, высоким уровнем ответственности, серьезным вкладом в научно-промышленное и культурное развитие страны и т. п.

В постсоветский период материальные возможности россиян, живущих исключительно на пенсию, резко сократились: даже в самые благополучные времена коэффициент замещения пенсий не достигал рекомендованного Международной организацией труда минимума в 40 %. В то же время — с началом рыночных преобразований — граждане России получили возможность самостоятельно формировать свою пенсию с помощью негосударственных пенсионных фондов (НПФ). Однако широкого распространения такая практика не получила: у основной части домохозяйств денежные поступления полностью уходили на текущее потребление, те же россияне, которые располагали свободными средствами, предпочитали сберегать их, в том числе на материальное обеспечение в старости, в более надежных, по их мнению, формах, нежели НПФ [Инвестиционно-сберегательные..., 2016].

В условиях отсутствия интереса у россиян к добровольному пенсионному страхованию в 2002 г. в систему государственного пенсионного обеспечения был введен обязательный накопительный элемент. Однако абсолютное большинство россиян, причем вне зависимости от уровня их доходов [там же], оказались «молчунами» — передали свои взносы в распоряжение государственного Внешэкономбанка (ВЭБ, ныне — ВЭБ.РФ)³, о чем спустя семь лет после старта этой реформы заявило руководство Минсоцразвития⁴ [Бурденко, Павлюченко, 2016]. В конце 2016 г.

¹ Показатели средней зарплаты в СССР по годам. URL: <https://fb.ru/article/391475/pokazateli-sredney-zarplatyi-v-sssr-po-godam> (дата обращения: 23.06.2020). Законом о государственных пенсиях максимальный размер пенсии по старости для рабочих и служащих устанавливался на уровне 120 рублей. При наличии необходимого непрерывного стажа работы эта сумма увеличивалась на 10 %.

² Согласно данным, которые в своем докладе на конференции «Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы» привела первый заместитель председателя бюджетного комитета Государственной думы, доктор экономических наук О. Г. Дмитриева, в 1990 г. на среднюю пенсию по старости можно было в месяц купить либо 728 кг хлеба, либо 51 кг говядины, либо 364 л молока (для сравнения: в 2012 г. на пенсию по старости можно было купить только 184 кг хлеба, 37,4 кг говядины или 274 л молока). См.: Башкатова А. Президентскому электорату напомнили об СССР // Независимая газета. 2014. 1 октября. URL: https://www.ng.ru/economics/2014-10-01/1_income.html (дата обращения: 23.06.2020).

³ При введении обязательного накопительного элемента гражданам предоставлялась возможность выбора организации, управляющей их пенсионными накоплениями. Если это был негосударственный пенсионный фонд, требовалось написать соответствующее заявление в Пенсионный фонд России. Накопления граждан, не сообщивших о своем выборе (отсюда — «молчуны»), поступали в доверительное управление государственного Внешэкономбанка.

⁴ В 2015 г. большинство россиян по-прежнему оставались «молчунами», вследствие чего Минфин предложил дать им еще пять лет на принятие решения о том, какая организация будет управлять их пенсионными накоплениями. См.: Проценко А. Пенсионерам-«молчунам» добавят пять лет на раздумья // Российская газета. 2015. 3 ноября. URL: <https://rg.ru/2015/11/03/pensii-site-anons.html> (дата обращения: 23.06.2020).

Министерство финансов и Банк России анонсировали переформатирование накопительной системы с акцентом на добровольное накопительное пенсионное страхование, а весной 2018 г. начали широкое обсуждение индивидуального пенсионного плана (ИПП). С учетом общественной реакции на повышение пенсионного возраста эта дискуссия временно затихла, но в 2019 г. возобновилась — после того как финансовые власти представили гарантированный пенсионный план (ГПП), мало отличающийся от своего предшественника (ИПП).

С учетом длительности срока накопления пенсий основным адресатом политики государства в области индивидуального пенсионного накопления оказывается молодежь. Отсюда интерес, во-первых, к тому, что молодежь в принципе думает о своей будущей старости, ее материальном обеспечении, а во-вторых, к тому, как она относится к предлагаемому государством финансовому инструменту (ГПП). Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, состояла в изучении установок молодежи относительно индивидуальных пенсионных накоплений и детерминирующих их факторов.

Описанная проблематика имеет междисциплинарный характер на стыке экономики, управления и социологии. В экономической науке вопросы соотношения потребления и накопления и детерминирующих их факторов отражены в работах Дж. М. Кейнса, полагавшего, что сбережения появляются лишь тогда, когда текущее потребление оказывается ниже текущего дохода [Кейнс, 1978]; Дж. Дьюзенберри, согласно которому уровень потребления индивида определяется не абсолютной величиной текущего дохода, а его соотношением к среднему доходу в той стране, к которой принадлежит индивид, а также «эффектом привычки» — склонностью поддерживать сложившийся уровень потребления [Duesenberry, 1949]; Ф. Модильяни, предложившего модель «*молодые копят, старые тратят*» [Modigliani, Ando, 1957; Ando, Modigliani, 1963], согласно которой индивид стремится сохранить уровень потребления на протяжении всей своей жизни, поэтому в период максимальной работоспособности не все доходы направляются на потребление, часть из них откладывается на старость [Modigliani, Brumberg, 1954]; М. Фридмана, утверждавшего, в противовес Кейнсу, что потребление зависит не только от текущего, но и от ожидаемого в будущем дохода и состоит из увязываемого с типом дохода (перманентный либо случайный) постоянного и временного потребления. В случае, когда текущий доход изменяется в кратко- и среднесрочном периоде, потребление изменяется пропорционально доходу; когда же речь идет об ожидаемых доходах, то в краткосрочном периоде потребление не изменяется, но в среднесрочном — увеличивается. Индивид стремится поддерживать уровень своего постоянного потребления в долгосрочном периоде, поэтому при позитивном изменении текущего дохода сбережения растут, а при негативном — уменьшаются [Friedman, 1957].

С точки зрения управления следует отметить парадигму *implementation research*, согласно которой три ключевых составляющих, определяющих успешность внедрения социальных управленческих новаций, — это концепция и организация процесса имплементации, отношение к данной новации субъектов, которым она адресована [Rothstein, 1998]. В части исследования возможностей учета поведенческих мотивов при реализации государственной политики полез-

ными оказываются работы авторов, занимающихся поведенческой экономикой. Такого рода меры обычно малозатратны, не ограничивают свободу выбора адресата регулирования, а лишь «подталкивают» его к искомым решениям, и при этом могут приводить к существенным результатам [Sunstein, 2014] и использоваться в качестве альтернативы классическим методам государственного регулирования, а также в дополнение к ним. Теоретические изыскания и практический опыт использования «подталкивания» позволили сформулировать четыре принципа государственного управления, использующего механизмы поведенческой экономики. Это простота (Easy), например, использование склонности людей выбирать вариант, предлагающийся по умолчанию, упрощение информации, предоставляемой государством гражданам для принятия решений и т. д.; привлекательность (Attractive), касающаяся используемых образов, цвета и т. д.; акцент на соответствии социальным нормам (Social) и учет временного фактора (Timely), например, одинаковые по содержанию предложения, сделанные в разное время, могут дать разную реакцию граждан. Люди также склонны по-разному оценивать затраты, которые требуется сделать в настоящем и будущем [Голодникова, Цыганков, Юнусова, 2018].

В рамках социологического подхода к данной проблематике наиболее продуктивными считаются теории, касающиеся, с одной стороны, такой неотъемлемой характеристики современной жизни, как риск, а с другой — «доверия», способного минимизировать пугающую человека неопределенность. Как подчеркивает Э. Гидденс, адаптация к современным реалиям требует от индивидов постоянного выбора из альтернатив, при том что просчитать все варианты развития событий невозможно [Гидденс, 2004]. Рискогенным становится то, что ранее служило опорой — работа, семья [Бек, 2000]. Реакция на рост неопределенности — крайний индивидуализм, а иногда и «рискофильство» как причастность к избранным, не боящимся действовать «на грани фола» [Lyng, 2008]. Это особенно касается молодежи, переходящей от относительной определенности родительской семьи к неопределенности самостоятельной жизни, и пытающейся удовлетворять свои статусные притязания в условиях стремительно изменяющейся социальной реальности [Зубок, 2003]. Проблема в том, что именно принятие решения снимает неопределенность, но слишком большая неопределенность может блокировать принятие решения, ведущего к безопасности [Луман, 1994]. Помочь принятию решений и, таким образом, планированию будущего призвано доверие, понимаемое как предсказуемость действий людей и социальных институтов, уверенность в выполнении ими своих обязательств [Кравченко, 2009]. Атмосфера же недоверия порождает беспокойство и накладывает на членов общества «дополнительную пошлину» [Фукуяма, 2004]. Доверие к институтам определяется нормативными ожиданиями рискогенности — «культурным профилем риска» (термин Штомпки). В отсутствие необходимого объема знаний и опыта у индивида возникает «отсрочка доверия» в отношении людей или институтов. Из выделенных Штомпкой девяти видов доверия к проблематике настоящего исследования относятся «общественное» (к структурам, учреждениям, организациям), «процедурное» (к институциональным практикам функционирования общества), «экспертное», «системное» (к самоидентификации и неизменности общественной и материальной среды);

«потребительское» (к определенным товарам и услугам), тесно связанное с «общественным» (к людям вообще) [Штомпка, 2012].

Говоря о рисках современной эпохи применительно к настоящему исследованию, следует упомянуть порождающую «черных лебедей» (в первую очередь финансовые кризисы) асимметрию ответственности, когда ущерб несут не принимающие ключевые решения, а те, кто не обладает полной информацией [Тaleb, 2019]. Финансовый кризис 2008—2009 гг. сформировал у экономистов и политиков представления о том, что мировую экономику ожидает эра слабого роста и перманентного экономического кризиса, и это не позволит поддерживать прежние масштабы соцобеспечения. Отсюда — зазвучавшие на международном уровне идеи о необходимости повышения финансовой грамотности населения: предполагается, что финансово грамотные граждане смогут управлять своим все более индивидуализированным экономическим риском и обеспечивать свои финансовые потребности, в том числе в области пенсионного обеспечения [Atkinson, 2012; Arthur, 2012]. Это резко увеличило количество работ, посвященных как теоретико-методологическим подходам к определению финансовой грамотности (практически все предполагают знание способов повышения своих пенсионных накоплений и стремление к этому, в том числе путем создания сбережений) [Mandell, 2007; Remund, 2010; Кузина, 2015; Моисеева, 2017], так и ее непосредственному измерению. В частности, российские исследователи используют такие индикаторы, как наличие стратегии, направленной на обеспечение старости; понимание важности «финансового буфера»; личная ответственность за достойную будущую старость; планирование пенсионного обеспечения⁵, готовность формировать дополнительные пенсионные накопления⁶; готовность пойти на риск ради преумножения пенсионных накоплений⁷; оценка надежности и доходности ПФР и НПФ⁸ и др.

Сфокусированные на молодежи исследования, посвященные непосредственно пенсионной проблематике, изучают осведомленность молодых россиян об устройстве системы пенсионного обеспечения, готовность участвовать в индивидуальных накопительных схемах, представления о способах материального обеспечения в старости, о рациональных моделях сберегательного поведения и т. д., а также о детерминирующих соответствующие установки факторах [Юшкова, Дорошенко, 2019; Вершинин, Власова, 2015; Власова, Костина, 2015; Заяц, Зиннатуллина, 2018].

Методология

Логика исследования предполагала движение от вопросов более общих, экзистенциальных (образ своей будущей старости; представления о том, какую старость можно квалифицировать как достойную; рефлексия опыта нынешних российских пенсионеров, в том числе сравнение их качества жизни с жизнью

⁵ Более подробно по данным индикаторам см.: [Моисеева, 2017: 60—63].

⁶ Формирования пенсионных начислений // Аналитический центр Юрия Левады. 2019. 3 июня. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/06/formirovaniya-pensionnyh-nachislenij/> (дата обращения: 26.06.2020).

⁷ Россияне о пенсионных накоплениях: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе» // ВЦИОМ. 2008. 24 апреля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2900> (дата обращения: 26.06.2020).

⁸ Россияне готовы хранить сбережения в рублях // НАФИ. 2018. 9 января. URL: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-gotovy-khranit-sberezheniya-v-rublyakh/> (дата обращения: 26.06.2020).

пожилых граждан в развитых странах) через вопросы прожективного характера, касающиеся представлений об источниках доходов в период трудовой жизни и после наступления пенсионного возраста, к вопросу о готовности использовать конкретный, предлагаемый государством инструмент в виде гарантированного пенсионного плана, предполагающего использование услуг негосударственных пенсионных фондов, а в завершение вновь шло обращение к вопросам более общего характера: кто, прежде всего, должен отвечать за материальное обеспечение в старости — индивид или государство, и что требуется от последнего, чтобы жизнь будущих пенсионеров была достойной. Исходя из круга исследуемых вопросов, а также их слабой изученности применительно к молодежи, количественный метод социологического исследования был дополнен качественным методом, позволяющим получить дополнительную информацию для интерпретации данных массового (анкетного) опроса.

Таким образом, инструментарий исследования, реализованного зимой 2020 г., включал в себя, во-первых, массовый анкетный опрос жителей Москвы в возрасте до 30 лет ($N = 500$)⁹, при этом выборка репрезентировала генеральную совокупность по признаку пола¹⁰, а также фокус-групповые интервью со сбалансированной по полу столичной молодежью ($N = 4$). Что касается статуса занятости, то почти 2/3 респондентов работают: 30 % — подрабатывают, 13 % работают на постоянной основе неполный рабочий день и еще 20 % имеют полную занятость; при этом, как и следовало ожидать, чем старше респонденты, тем чаще они работают на постоянной основе. Анкета состояла из четырех смысловых блоков, включавших в себя 33 преимущественно полузакрытых вопроса, призванных выяснить, во-первых, что молодежь думает о своей будущей старости: какой ее видит; задумывается ли уже о своем материальном обеспечении в старости, на что в этом плане рассчитывает; верит ли в возможность выстраивания долгосрочных стратегий в современном мире; на кого — на себя или государство — делает ставку и т. д. Во-вторых, как относится к предложенному государством ГПП: готова ли в этом участвовать, как оценивает предпочтения, предусмотренные государством для участников этой схемы; как в целом оценивает надежность и доходность различных инструментов накопления и инвестирования средств; что ждет от государства в части реформы системы пенсионного обеспечения и т. д. Сценарий фокус-групповых интервью содержал четыре аналогичных по смыслу блока. Всего было проведено четыре

⁹ Возрастной диапазон респондентов сверху ограничивался возрастом, установленным в качестве верхней границы в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденных Распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р, нижняя граница — 18 лет, так как основу выборки составили студенты московских вузов (на этапе пилотажа анкеты был применен метод стихийного отбора (добровольцев); респонденты для полноценного массового опроса рекрутировались методом снежного кома через респондентов, участвовавших в пилотажном этапе исследования), это же объясняет и сдвиг в сторону более молодых возрастов (85 % составили молодые люди в возрасте 18—24 года и еще 15 % — 25—29 лет).

¹⁰ Предполагалось, что на установки, касающиеся источников материального обеспечения до и после наступления старости, могут влиять имеющие половую специфику представления о распределении семейных обязанностей (в данном случае — обязанности кормильца). Согласно Росстату, в Москве проживает около 1 млн 400 граждан в возрасте от 18 до 30 лет (см.: Численность постоянного населения России по возрасту на 1 января. URL: https://showdata.gks.ru/report/274848?&filter_1_0=2020-01-01+00%3A00%3A00%7C-56&filter_2_0=127937&filter_3_0=13200&filter_4_0=130159%2C130044%2C130167%2C130249%2C130127&rp_submit=t (дата обращения: 24.06.2020)), из них 46,2 % мужчин и 53,8 % женщин (см.: Численность мужчин и женщин в России по регионам и по годам. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/200-sootnoshenie-chislennosti-muzhchin-i-zhenshchin-rossii-v-2010-i-2002-godakh-tablitsa> (дата обращения: 24.06.2020)).

фокус-группы (по пять — семь человек в каждой) со сбалансированной по полу и разнообразной по возрасту столичной молодежи, в основном имеющей полную или неполную занятость.

Результаты

Представления о будущей старости

Большинство участников массового опроса практически не задумываются о своей жизни на горизонте 30—40 лет: более половины делают это лишь изредка, а каждый четвертый вообще никогда («У многих, кто меня окружает, такой стереотип, что нужно жить здесь и сейчас. Поэтому они не видят свое будущее в долгосрочной перспективе»¹¹). Будучи же спрошенными, какой она им видится (с помощью шкалы семантического дифференциала Ч. Осгуда, содержащей альтернативные оценки здоровья, наличия ближайшего окружения, материального достатка, социального престижа, автономности, содержательности жизни), рисовали весьма оптимистичную картину (см. рис. 1), вполне ожидаемую для их возраста.

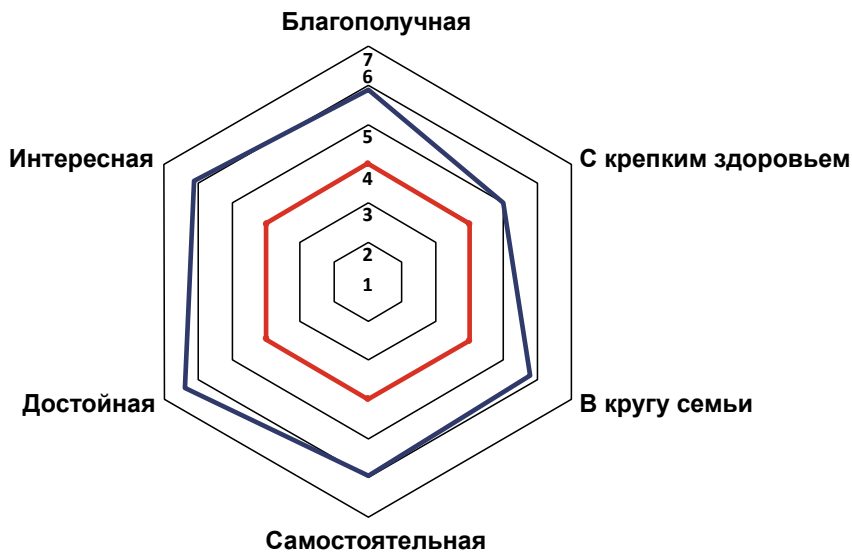

Рис. 1. Представления молодежи о своей старости¹²

Аналогичный оптимизм демонстрировали и участники фокус-групп («Загородный дом, цветочки, внуки. Не знаю, можно ли будет прожить на пенсию или нет, поэтому отложу себе на всякий случай что-нибудь. Путешествия будут. Заведу себе животных и т. д.), хотя у юношей встречались и пессимистические высказывания: «Мне кажется, что в перспективе 30—40 лет шансы некоторых из нас стремятся к нулю. Старость будет короткая, 65 лет — максимум».

¹¹ Здесь и далее курсивом обозначены фрагменты высказываний участников фокус-групповых интервью.

¹² Цифрой 1 обозначена предельно отрицательная оценка; цифрой 7 — максимально положительная. Синяя линия — среднее значение по выборке, красная линия — граница между положительными и отрицательными значениями.

С учетом наличия в массовом сознании понятия «достойная старость» (заметим, что, рисуя картину собственной старости, респонденты максимально далеко дистанцировались от противоположного значения («унизительная»): средняя оценка — 6,40) мы попросили респондентов расшифровать это клише (открытый вопрос). Анкетирование и фокус-группы дали похожие результаты: достойная старость — это наличие достатка («*быть полностью независимым, не нуждаться в помощи близких людей и не надеяться только на пенсию*»), крепкой семьи («*старость в кругу близких и любимых людей*»), здоровья («*крепкое здоровье, здоровый дух... активный образ жизни*»), возможность путешествовать, иметь интересный досуг («*проводишь старость не в одном каком-то месте, а путешествуешь по другим странам*») и приносить пользу окружающим («*семья как продолжение рода: не то чтобы я с ними живу — скорее, я им помогаю, чем они мне*»).

Полной противоположностью этому видится респондентам жизнь абсолютного большинства российских пенсионеров (только 4% участников опроса полагают, что старость значительного числа российских пенсионеров можно назвать достойной), и основная причина — нехватка средств («*Пенсионеры вынуждены подрабатывать, потому что пенсии банально не хватает на продукты и коммунальные услуги*»; «*У пенсионеров нет денег, нет даже социальной помощи, когда она нужна*»; «*У них цель жизни — копить на похороны*»; «*У пенсионеров нет развлечений, никакой радости нет*»).

Такая ситуация представляется молодежи несправедливой с точки зрения уровня жизни: «*Самим пенсионерам нужно не так много, но те размеры пенсии, которые установлены у нас в государстве, даже этого минимума не достигают*»; «*Пенсия не учитывает реальный уровень инфляции, падение рубля и т. п. То, что ее повышают раз в несколько лет, совсем не соответствует реальным ценам, которые постоянно растут...*». Также несправедливость касается трудового вклада: «*У меня есть знакомый, который работал с 17 лет, а сейчас получает практически такую же пенсию, как те, кто не работал*»; «*Пенсия совсем несправедлива — что ты работал, что не работал — разница минимальная. У преподавателей, которые всю жизнь работали, пенсия в сто раз меньше, чем у чиновников и военных*».

Иной представляется молодежи жизнь пенсионеров за рубежом, прежде всего, в европейских странах — типичное высказывание: «*Там люди счастливее, если на них посмотреть. Все имеют. Путешествуют в разные европейские страны. Все ездят, как хотят. Достаточно активные. У них, наверное, есть смысл жизни и, судя по всему, денег достаточно. Так что у них с пенсией все-таки лучше*».

Поскольку важным показателем уровня и качества жизни после выхода на пенсию является коэффициент замещения, респондентов попросили предположить, какую долю от величины среднего заработка сегодня составляют пенсии, и какой, по их мнению, должна быть эта доля. Как видим на рисунке 2, желаемый коэффициент замещения пенсий (55%) вдвое превышает представляемый (25%), который довольно близок к реальному коэффициенту (32%), имеющемуся в России.

С учетом столь разительного контраста между должным и реальным респонденты отдают должное жизнеспособности и неприхотливости старшего поколения: «*Если бы мы сегодня были пенсионерами, то при условии нашего бэкграунда, воспитания мы бы точно не выжили. Те люди гораздо терпеливее, выносливее, находчивее нас*».

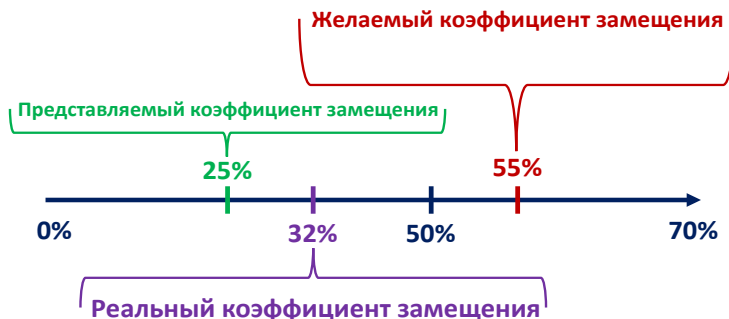

Рис. 2. Представления молодежи о должном и о сегодняшнем коэффициентах замещения пенсии

Представления об источниках материального обеспечения своей старости

Учитывая накопительный характер ГПП (необходимость постоянных отчислений), прежде чем задать респондентам вопрос о том, на что они планируют жить в старости, мы выяснили их представления об источниках дохода до наступления пенсионного возраста, а также об уровне их доходов и их стабильности. Согласно результатам опроса, до наступления старости абсолютное большинство (на уровне 90 %) респондентов видит основным источником своего дохода зарплату наемного работника; вторым по значимости выступает доход от собственного бизнеса (указали 65 % респондентов), третьим — недвижимость (60 %) (см. табл. 1).

Таблица 1. Представления молодежи об источниках доходов до наступления старости

Источники дохода	Индекс*
Доходы от трудовой деятельности	0,6967
Доходы от собственного бизнеса	0,2475
Доходы от сдачи недвижимого имущества в аренду	0,1612
Доходы супруга	0,0520
Доходы от финансовых операций	-0,0635
Материальная помощь родителей, родных	-0,4429

* Ряд вопросов анкеты и закрытий к ним предусматривали возможность построения обобщающих индексов. Индексы рассчитывались по четырехчленным шкалам с использованием формулы, согласно которой из суммы положительных и полуположительных ответов вычитается сумма отрицательных и полуотрицательных ответов, и полученная величина делится на общее количество ответов. Такой индекс позволяет отразить общую тенденцию по тому или иному показателю, где: «+1» означает положительное отношение (положительную уверенность), «-1» — отрицательное отношение (отрицательную уверенность), а «0» свидетельствует о еще несформировавшемся отношении.

Лишь 47 % опрошенных полагают, что их занятость будет стабильной, при этом одни респонденты исходят из представлений о востребованности их профессии («Моя отрасль [IT-индустрия] точно стабильна, и ни при каких кризисах точно никуда не денется»), другие — из подкрепленного наблюдениями за сегодняшней жизнью принципа, описанного Я. Гашеком в «Похождениях бравого солдата Швейка», «ведь никогда ж так не было, чтобы ничего не было» («Все же в России живем. Как это все работает: люди делают вид, что производят какие-то сложные вещи, и получают за это деньги. У меня на работе так делают все. И если у них до сих пор есть работа, то я склоняюсь к тому, что и моя работа будет стабильной»). Каждый пятый респондент уверен в обратном, еще более трети сомневаются в стабильности занятости («Я в своей отрасли совсем не уверена — в ней сложно говорить как о стабильности, так и о приличной зарплате»; «Моя отрасль [образование] стабильна 50 на 50»), часть из них смотрит на проблему с оптимизмом: «Стабильность никто не обещает, но мы люди мобильные, поэтому всегда найдем работу».

После наступления пенсионного возраста абсолютное большинство участников анкетного опроса (92 %) планируют жить на сбережения (55 % выразили уверенность и 37 % — «скорее уверены»), а также — в заметно меньшей степени — на рентные доходы, доходы от собственного бизнеса и зарплату (см. табл. 2).

Таблица 2. Представления молодежи об источниках доходов после наступления пенсионного возраста

Источники дохода	Индекс
Личные накопления, сбережения	0,6840
Доходы от сдачи имущества в аренду	0,3020
Доходы от собственного бизнеса	0,2449
Доходы от трудовой деятельности	0,2081
Государственная пенсия	-0,0470
Материальная помощь детей, родных	-0,0533
Доходы от финансовых операций	-0,1104
Корпоративная пенсия	-0,2830
Дополнительная пенсия от НПФ	-0,3668

В то же время молодежь не уверена в возможности накопить соответствующую данной цели сумму: «Когда прикидываешь, какой примерно должна быть сумма, проценты с которой могли бы обеспечить нормальную жизнь, то понимаешь: накопить такую сумму, откладывая по возможности, просто всей жизни не хватит»; «Откладывать с зарплаты, отрывать от себя — не имеет почти никакого смысла».

Чтобы в старости что-то иметь, нужно большими суммами откладывать — мелкими суммами ничего не накопишь»). Также есть сомнения в возможности сохранить деньги: «У меня сомнения по поводу экономической системы через 40 лет — нет уверенности, что все накопления, которые я за это время сделаю, не будут равнены к ничему — как было в 90-е годы». Есть и принципиальные противники сбережений: «Я бы не прибегал к политике накопления, а составил бы чек-лист, и если бы мои доходы росли, просто закрывал бы в нем те или иные позиции».

В развитие темы накоплений участникам массового опроса предлагалось оценить различные способы вложения средств с точки зрения их долгосрочной сохранности, а также способности приносить постоянный доход (см. рис. 3).

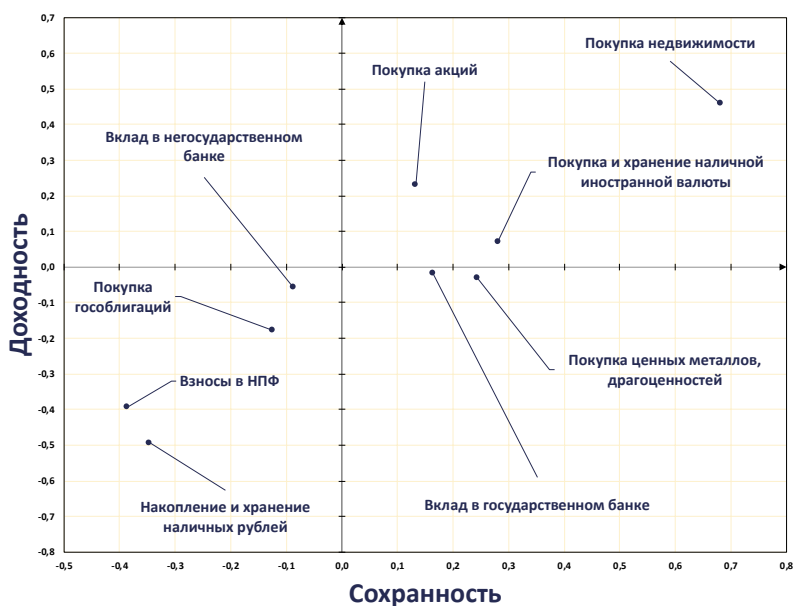

Рис. 3. Оценка молодежью различных способов вложения средств с точки зрения сохранности и доходности

Наиболее надежными и выгодными способами вложений молодежи представляется покупка недвижимости («Ближайшие крупные накопления я бы инвестировала в недвижимость. Банк? Нет, там очень маленькие проценты — чуть-чуть и инфляция съест. Только маленькие суммы и так, чтобы инфляция не съедала, можно положить»), что коррелирует со вторым по значимости источником доходов в старости: приобретение акций («После того, как мой доход позволит мне делать сбережения (перевалит за 90 тысяч), буду вкладываться в акции, но очень осторожно — в ограниченном количестве») и наличной иностранной валюты («Учитывая, что наша валюта нестабильна, буду держать некоторую сумму в максимально надежной — в евро»). Депозит в банке с государственным участием, а также покупка ценных металлов и драгоценностей, видятся респондентам надежными, но менее выгодными. Если все же открывать депозит, то «в валюте — там процент небольшой,

но с учетом того, как нестабилен рубль, лучше держать деньги в ней». Некоторые планируют диверсифицировать вложения: «Хеджированный портфель валюты, ценных бумаг плюс вложения в ту фирму, в которой я сейчас работаю — у меня договоренность с владельцами, что постепенно я буду становиться акционером».

Что касается приносящего доходы собственного бизнеса, то эта деятельность видится респондентам как необременительное с физической точки зрения общее руководство налаженным делом («Скорее, это должна быть руководящая должность, где ты делегируешь обязанность и управляешь процессом») или монетизированное хобби («Мне кажется, что я буду жить в своем доме за городом и иметь работу чисто для души — не какая-то высокая должность, а просто работа-хобби»). Наемная занятость увязывается с наличием здоровья и рабочих мест для работников старших возрастов («У меня будет черный заработок — фриланс, и только первое время от начала пенсии, пока будут позволять здоровье и возможности»), причем в последнем респонденты не уверены («Найти работу будет в 50 раз сложнее, и чем ты старше, тем сложнее»).

При всех высказанных сомнениях и обозначенных проблемах почти 70% респондентов оптимистично рассчитывают на то, что их уровень жизни в старости будет значительно либо несколько выше среднего по стране (см. рис. 4).

Рис. 4. Ожидания молодежи относительно уровня своей жизни в старости

На государственную пенсию (впрочем, как и на корпоративную и на индивидуальную, накопленную в НПФ, — у этих источников дохода также отрицательные индексы) как на основной источник доходов респонденты практически не рассчитывают. Причина — рефлексия опыта старших поколений, а также собственный опыт неформальной занятости: «Я работала на нескольких работах и никогда не оформляла трудовой договор, не платила налоги, и мне от этого было очень спокойно»; «У меня есть регулярные шашки (написать статью, выпустить газету и т. д.), которые я делаю за наличные»; «У меня есть знакомые, которые работают в черную и совсем не заботятся об отчислениях, о своей пенсии. Они уверены

в том, что смогут себя обеспечить сами». В ряде случаев респонденты подчеркивали симметричность подобных взаимоотношений с государством: «Я в основном в черную работал и ничего никуда не отчислял. У нас с государством такая позиция: оно мне, как я понимаю, не собирается ничего выплачивать, и я не собираюсь ничего ему отчислять».

Недоверие к институту государственной пенсии приводит молодежь к выводу о необходимости предоставления населению права не участвовать в солидарной пенсионной системе, а самостоятельно заботиться о своей старости: «Я бы не хотела, чтобы у меня была пенсия. Она должна быть добровольной. Может быть, я сама себе накоплю, а у меня из зарплаты вычитают эти деньги»; «Можно и нужно предоставить человеку выбор, хочу ли я отчислять государству или не хочу». Некоторые респонденты подчеркивали, что для того, чтобы будущие пенсионеры знали, как нужно действовать, необходимо определиться самому государству — является ли оно социальным или, как выражались респонденты, «независимым» (по-видимому, от обязательств перед гражданами): «Государству необходимо сделать выбор, какое оно — социальное или независимое. Чтобы люди среднего возраста или молодые могли понимать, рассчитывать им на государство или начинать самим что-то делать».

Отношение к гарантированному пенсионному плану¹³

Как показали результаты анкетного опроса, ГПП в перспективе может вызвать интерес у меньшей части молодежи (см. рис. 5).

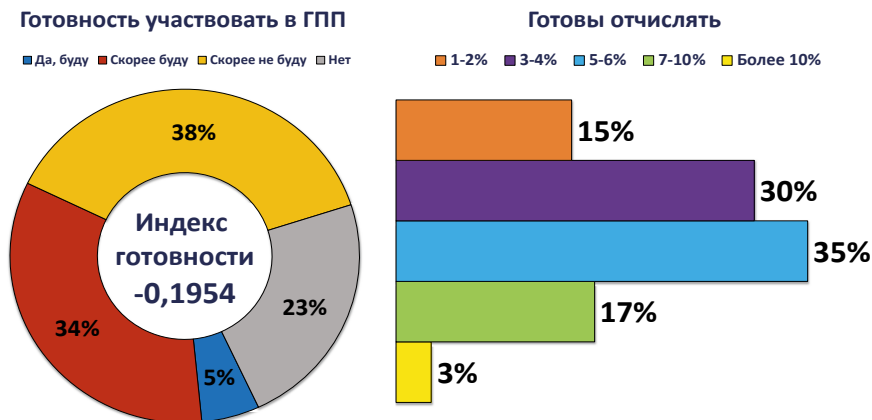

Рис. 5. Готовность молодежи участвовать в ГПП.
Размер потенциальных отчислений у готовых участвовать в ГПП

¹³ Поскольку предполагался низкий уровень информированности молодежи о ГПП (в силу отсутствия у россиян интереса к взаимодействию с НПФ, а также лишь недавнего появления нового инструмента и пока что слабой информационной поддержки его продвижения), блоку анкеты, посвященному ГПП, предшествовала преамбула, информирующая респондентов о сути и смысле ГПП. Далее, уже в рамках блока, имелся вопрос в табличной форме, в котором перечислялись основные предпочтения для участников ГПП и предлагалось оценить, в какой мере та или иная предпочтения делает ГПП более привлекательным для респондента.

Чем старше респонденты, тем меньше они готовы в этом участвовать (см. табл. 3), что, возможно, связано с умозрительностью представлений более молодых, еще не имеющих занятости респондентов о своей зарплате и структуре расходов семейного бюджета.

Таблица 3. **Готовность молодежи участвовать в ГПП в зависимости от возраста**

Готовность участвовать	Возраст		
	Менее 20 лет	20—24 года	25—29 лет
Нет, не буду	15,2%	26%	33,3%
Скорее не буду	39,8%	34,2%	47,9%
Скорее буду	40,3%	31,7%	16,7%
Да, буду	4,7%	8,1%	2,1%

Аналогичная связь с возрастом прослеживается и в вопросе о размере добровольных отчислений на ГПП у респондентов, выразивших готовность в нем участвовать (см. табл. 4).

Таблица 4. **Размер отчислений, на который согласны респонденты, выразившие готовность участвовать в ГПП**

Доля заработной платы	Возраст		
	Менее 20 лет	20—24 года	25—29 лет
1%—2%	16,5%	10,2%	22,2%
3%—4%	26,8%	38,8%	22,2%
5%—6%	38,1%	24,5%	55,6%
7%—10%	15,5%	22,4%	0%
Более 10%	3,1%	4,1%	0%

Нежелание населения участвовать в добровольных накопительных схемах, предполагающих взаимодействие с НПФ, респонденты объясняют прежде всего отсутствием лишних денег, а также недоверием негосударственным финансовым институтам и тем инструментам, которые они используют для сохранности и преумножения вложенных средств (см. рис. 6).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос, чем объясняется неготовность россиян накапливать пенсии в негосударственных пенсионных фондах (до трех вариантов ответа)

Участники фокус-групп также говорили о нехватке средств («На данный момент мне доход не позволяет еще и дополнительно куда-то отчислять...»; «Сейчас я еще не готова, потому что мой доход пока слишком маленький. Но лет через 5—10 я бы хотела хотя бы попробовать») и о недоверии НПФ. Последнее обусловлено непонятностью их работы («Если я буду вкладывать куда-то в доверительное управление свои деньги, то в хедж-фонды — с понятной структурой портфеля, с понятными методами управления и т. д. А НПФ — это какие-то мутные структуры с очень сомнительными перспективами, особенно если речь идет об интервалах в 30—40 лет. Не думаю, что они и 10 лет проживут»), а также отсутствием реальных позитивных примеров («Я еще никого не видела, кто бы вложил в эти фонды, и сейчас хорошо жил. Просто нет примера перед глазами»). Упоминается и негативный опыт, связанный с замораживанием накоплений в рамках обязательного накопительного элемента: «Обещали, что все будет хорошо, а оказалось все не очень хорошо — в один момент все развалилось, и деньги утекли в никуда. Подозреваю, что это такая же схема, как предыдущая. Если бы не было такого негативного бэкграунда, возможно, и поучаствовал бы»; «Идея очень хорошая. Но у меня нет доверия. Потому что государство в любой момент может прийти и сказать: «Мне нужны деньги, давайте еще и эти фонды тоже заморозим»».

При наличии средств респонденты склонны осуществлять инвестиционную деятельность самостоятельно: «Если бы у меня были деньги, которые я могла куда-то инвестировать, то я бы делала это сама — сама выбирала инструменты, решала, куда вкладывать и как. Это могут быть какие-то инвестиционные проекты, но точно не НПФ».

С целью повышения привлекательности ГПП для населения предусмотрен ряд стимулирующих мер: освобождение от уплаты НДФЛ с сумм, направляемых на ГПП; возможность наследования средств, накопленных в рамках ГПП; право на получение единовременной выплаты всей суммы ГПП; отслеживание состояния индивидуального счета по ГПП в онлайн-режиме. Оценка привлекательности этих мер участниками массового опроса представлена в таблице 5.

Таблица 5. Оценка молодежью мер, стимулирующих участие в ГПП

Стимулирующая мера	Индекс
Отслеживание счета в онлайн-режиме	0,2208
Возможность снизить налоговую базу НДФЛ	0,2056
Наследование ГПП	0,1701
Единовременная выплата всей суммы накоплений с уплатой подоходного налога	-0,1383

Наиболее привлекательной мерой, способной повысить желание респондентов участвовать в ГПП, является возможность в удобном режиме отслеживать состояние счета (отмечено 66 % участников опроса), следом идут льгота по уплате НДФЛ (65 % отметивших) и возможность передачи средств ГПП по наследству (62 %). Право единовременно получить всю накопленную сумму за вычетом подоходного налога отметили 41 % респондентов.

У участников фокус-групп стимулирующие меры вызывают, скорее, скепсис, в отношении как налоговых льгот: «Налоговый вычет был бы для меня актуальным, если бы мой доход был достаточно высоким. Но сейчас не такой»; «Я являюсь индивидуальным предпринимателем и плачу не НДФЛ, а УСН. По УСН налоговые вычеты не предусмотрены, поэтому мне это неинтересно. А если бы были вычеты по УСН, то я бы сел и посчитал» (хотя высказывались и иные соображения: «Из всех четырех преимуществ, только одно, действительно, есть — это уменьшение налоговой базы, все остальное — это то, что уже везде есть по умолчанию»), так и возможности наследования: «Если я вкладываюсь в другие понятные инструменты, они и так по наследству передаются. Поэтому я не вижу какой-то выгоды в этом инструменте»; «Не знаю, какая выгода от права наследования: можно просто заранее вывести эти деньги и так передать наследникам». Возможность отслеживать состояние счета не только не впечатляет респондентов, но даже настораживает: «Это не какое-то суперпредложение. Везде можно зайти и отследить состояние своего счета. Это уже давным-давно везде есть»; «Мне даже было бы подозрительно то, что предлагают такую вещь — онлайн-отслеживание счета... У нас XXI век! Такая система предусмотрена в каждом финансовом инструменте. Если я вкладываюсь в ценные бумаги, я их вижу не то что онлайн, у меня открыта вкладка, где каждую

секунду отражается стоимость портфеля. Все это очень странно, потому что такое отслеживание должно быть предусмотрено изначально».

С точки зрения участников фокус-групп, необходимыми качествами подобного финансового инструмента должны быть, во-первых, гарантия сохранности денежных средств и защита от их обесценивания («Если гарантированная ставка дохода будет выше, чем у других инструментов, и при этом была бы гарантия сохранности денежных средств, то я бы подумал»; «Чтобы сумма, которая у меня там хранится, индексировалась, если цены вдруг вырастут») и, во-вторых, возможность участия в составлении портфеля инвестиций («Если будет какая-то система голосования вкладчиков, меня бы это заинтересовало», «Было бы не плохо, если бы НПФ предлагали беспроигрышные варианты для вложения. Но я хочу, чтобы у меня оставалось право выбора, куда вкладывать, даже если будет какой-то ограниченный список выигрышных вариантов»; «Я хотел бы участвовать в определении того, куда эти деньги вкладываются. Или чтобы я мог хотя бы видеть, куда эти деньги вкладываются. Например, они хотят вложить мои деньги в российские гособлигации, а мне это не нравится. Пускай они принимают решение, а я мог бы в этом принять участие»).

Говоря о гарантиях сохранности средств, участники фокус-групп делали акцент на том, что большее доверие у них вызывают зарубежные финансовые институты: «Если ГПП поддержит какая-нибудь крупная независимая финансовая организация с хорошей репутацией — не российская. На которую можно положиться, что хоть какие-то средства я верну обратно, если все рухнет. Мне нужна гарантия, что меня не кинут»; «Если бы этот НПФ находился в России, а средства аккумулировал за рубежом — чтобы гарантии прилетали не из России. Все, что внутри России, для меня не имеет никакого фундамента...»

Следуя лозунгу «критикуя, предлагай», мы попросили респондентов указать, в каком направлении следует действовать государству, чтобы обеспечить достойную старость будущим пенсионерам. Судя по результатам опроса, первые строчки занимают меры, связанные со справедливостью в отношении, во-первых, распределения национального продукта, а во-вторых, расчета пенсий: очевидно, что и то, и другое касается справедливой компенсации того трудового вклада, который внесли в развитие страны граждане, уже не способные трудиться с прежней интенсивностью (см. рис. 7). Далее с некоторым отрывом идет рекомендация стимулировать индивидуальные пенсионные накопления (исключительно добровольные) посредством эффективных налоговых льгот.

В то же время молодежь не снимает ответственности за материальное обеспечение старости будущих пенсионеров с самих граждан (на это указали 85 % респондентов, в то время как на обязанность государства в лице пенсионного фонда — 65 %). А государство должно им в этом помочь, создавая необходимые условия для формирования и долгосрочной сохранности индивидуальных сбережений («Государство должно предоставить инструменты и создать прозрачную среду, поднимать общий уровень экономики и финансовой грамотности населения, чтобы граждане могли сами этот вопрос адекватно решать»), в том числе осуществляя надлежащим образом свои контрольно-надзорные функции («Государство должно осуществлять более жесткий контроль за деятельностью банков и других финансо-

вых организаций. Потому что у нас нет никакого доверия даже государственным банкам. Так как они проводят достаточно агрессивную политику, которая не всегда в интересах вкладчиков и потребителей финансовых услуг»). Наконец, государству рекомендуется проводить такую политику, которая бы не подрывала доверия граждан, в данном случае — в пенсионной сфере: «Можно просто ничего не менять очень резко. Например, мы всегда жили и думали, что должны уходить на пенсию в 55. И вдруг за один месяц там решили, что теперь в 65. Такое же может произойти и с нами: скажут, продолжительность жизни увеличилась, поработайте-ка до 80».

Рис. 7. Представления молодежи о мерах со стороны государства, способных обеспечить достойную старость будущим пенсионерам (до трех вариантов ответа)

Заключение

Несмотря на неудачный предшествующий опыт внедрения добровольного пенсионного страхования (за почти 30 лет существования НПФ формирование негосударственных пенсий так и не стало общепринятой практикой) и обязательного пенсионного накопления (средства которого в настоящий момент заморожены), государство продолжает проявлять заинтересованность в развитии накопительных пенсионных схем — как инструмента привлечения в экономику «длинных денег» и способа повышения уровня жизни будущих пенсионеров. В настоящее время финансовыми ведомствами разработан и проходит публичное обсуждение гарантированный пенсионный план — инструмент добровольного пенсионного страхования с привлечением негосударственных пенсионных фондов. Повышению интереса населения к использованию ГПП призван служить ряд стимулирующих мер, связанных с налогообложением, прозрачностью и распоряжением накопленными средствами, включая вопросы наследования. Одним из очевидных адресатов предлагаемого

государством инструмента является молодежь, чей трудовой путь как раз и должен составить те 30—40 лет, в течение которых обычно формируется накопительная пенсия. Проведенное исследование позволило изучить отношение молодежи к ГПП и предложенным государством стимулирующим мерам, а также выяснить, какими способами молодые люди планируют обеспечивать свою старость.

Как следует из полученных данных, большинство респондентов не рассматривают ГПП как перспективный инструмент пенсионных накоплений (хотя стимулирующие меры в целом оцениваются большинством участников массового опроса положительно). В настоящий момент о готовности его использовать заявили около трети заполнивших анкеты. Причем чем старше респонденты, тем меньше среди них доля готовых включиться в эту схему. То же касается и доли зарплаты, которую респонденты, положительно относящиеся к ГПП, готовы добровольно направлять на свой пенсионный счет.

Важнейшими факторами, определяющими неготовность молодежи использовать ГПП, являются недостаточный для производства дополнительных отчислений размер доходов, и в еще большей степени — недоверие к НПФ, обусловленное отсутствием позитивных примеров их работы, непрозрачностью деятельности, недостаточностью регулирования, гарантирующего долгосрочную сохранность вложенных средств.

Мало рассчитывая на пенсию (как государственную, так и корпоративную и индивидуальную накопительную), молодежь планирует обеспечивать свою старость прежде всего за счет сбережений (наиболее надежной их формой молодежь видит вложения в недвижимость, акции и наличную иностранную валюту), рентных доходов от своего имущества, доходов от бизнеса и продолжения работы после наступления пенсионного возраста. Несмотря на то, что респонденты не всегда уверены в том, что смогут накопить и, особенно, сохранить необходимую для обеспечения старости сумму, а также найти, состарившись, рабочее место, они настроены оптимистично — собственная старость им видится вполне благополучной (в том числе и с точки зрения достатка — более 2/3 респондентов полагают, что их уровень жизни в старости будет выше среднего по стране). Как тут не вспомнить слова И. С. Тургенева о том, что тайна прелести молодости «состоит не в возможности все сделать, а в возможности думать, что все сделаешь»...

Нарисованный респондентами образ своей будущей старости радикально отличается от представлений молодежи о жизни нынешних пенсионеров. Борьба за существование, которую сегодня приходится вести большинству пенсионеров, абсолютно не согласуется с представлениями молодежи о достойной старости и расценивается ею как несправедливость и недооценка трудового вклада состарившихся граждан. Неслучайно среди государственных мер, способных повысить уровень жизни будущих пенсионеров, наибольшую поддержку получили меры, связанные с направлением на цели государственного пенсионного обеспечения части ВВП, а также более справедливой формулой расчета государственных пенсий.

Хотя сегодня о своей жизни через 30—40 лет всерьез задумывается меньшинство респондентов, обязанность обеспечивать свою старость они возлагают и на самих граждан, в том числе на себя. Государство же, по их мнению, должно создавать условия, позволяющие людям зарабатывать и долгосрочно сохранять свои средства.

А также не совершать действия, подрывающие доверие населения к государству, национальной валюте, институтам социальной политики (длящаяся десятилетиями негативная ситуация в сфере пенсионного обеспечения ведет к девальвации в глазах населения одного из важнейших социальных институтов — солидарной пенсионной системы). Ведь, как известно, доверие утрачивается легко, восстановление же культуры доверия требует значительных ресурсов и времени [Штомпка, 2012].

Список литературы (References)

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Бурденко В. А., Павлюченко В. Г. Об очередной пенсионной реформе // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 4. С. 60—66.
Burdenko V. A., Pavlyuchenko V. G. (2016) The Next Pension Reform. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. No. 4. P. 60—66. (In Russ.)

Вершинин С. Е., Власова О. И. Представления молодых россиян о своем пенсионном будущем // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 26. С. 124—130.
Vershinin S. E., Vlasova O. I. (2015) Young Russians' Images of Their Retirement Future. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 26. P. 124—130. (In Russ.)

Власова О. И., Костина Н. Б. Пенсионные планы молодого поколения россиян: государственный патернализм или субъектное партнерство? // Вопросы управления. 2015. № 6. С. 211—217.
Vlasova O. I., Kostina N. B. (2015) Pension Plans of the Younger Generation of the Russians: State Paternalism or Subject Partnership? *Management Issues*. No. 6. P. 211—217. (In Russ.)

Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.
Giddens A. (2004) *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. Moscow: Ves Mir Publishers. (In Russ.)

Голодникова А. Е., Цыганков Д. Б., Юнусова М. А. Потенциал использования концепции «nudge» в государственном регулировании // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3. С. 7—31.
Golodnikova A. E., Tsygankov D. B., Yunusova M. A. (2018) Potential of Using “Nudge” Concept in State Regulation. *Public Administration Issues*. No. 3. P. 7—31. (In Russ.)

Заяц О. В., Зиннатуллина Д. И. Уровень информированности молодежи о пенсионном страховании в России (на примере студентов ДВФУ) // World Science: Problems and Innovations. Сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции / под отв. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: Наука и просвещение, 2018. С. 317—321.
Zayats O. V., Zinnatullina D. I. (2018) Level of Youth Inspiration about Pension Insurance in Russia (On the Example of Students of FEFU). In: Gulyayev G. Yu. (ed.) *World Science:*

Problems and Innovations. Collection of Articles of the XXIIIrd International Academic and Practical Conference. Penza: Nauka i Prosveshcheniye. P. 317—321. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 42—51.

Zubok Yu. A. (2003) Youth Social Development Issues under Risk Conditions. *Sociological Studies*. No. 2. P. 42—51. (In Russ.)

Инвестиционно-сберегательные стратегии высокодоходных групп населения / под науч. ред. О. А. Александровой, А. В. Ярашевой. М.: Экон-Информ, 2016.

Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V. (eds.) *Investment and Savings Strategies of Highly Profitable Groups*. Moscow: Econ-Inform, 2016. (In Russ.)

Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978.

Keynes J. (1978) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Moscow: Progress. (In Russ.)

Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил, 2009.

Kravchenko S. A. (2009) *Risks in a Non-Linear Globolocal Society*. Moscow: Ankil. (In Russ.)

Кузина О. Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность : Определение, методики измерения и результаты анализа в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 129—148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-8-129-148>.

Kuzina O. E. (2015) Financial Literacy and Financial Capability: Definitions, Measurement Methods, and Analysis in the Case of Russia. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. P. 129—148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-8-129-148>. (In Russ.)

Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135—160.

Luhmann N. (1994) Der Begriff Risiko. *THESIS*. No. 5. P. 135—160. (In Russ.)

Моисеева Д. В. Финансовая грамотность населения российского региона: Экономико-социологический анализ : дис. ... к. соц. н. Волгоград, 2017.

Moiseeva D. V. (2017) *Financial Literacy of the Population of the Russian Region: Economic and Sociological Analysis*. PhD Thesis. Volgograd. (In Russ.)

Пудовкин А. В. Анализ системы пенсионного обеспечения СССР // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 217—223.

Pudovkin A. V. (2015) Analyzing the Pension System of the USSR. *MGIMO Review of International Relations*. No. 2. P. 217—223. (In Russ.)

Тaleb Н. Н. Рискья собственной шкурой : Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2019.

Taleb N. N. (2019) *Skin in the Game. Hidden Asymmetries in Daily Life*. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus. (In Russ.)

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004.

Fukuyama F. (2004) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Moscow: AST; Ermak. (In Russ.)

Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012.

Sztompka P. (2012) *Zaufanie. Fundament społeczeństwa*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Юшкова С. А., Дорошенко М. В. Стратегии пенсионного поведения в условиях реформирования пенсионной системы // *Власть*. 2019. Т. 27. № 1. С. 41—46. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6196>.

Yushkova S. A., Doroshenko M. V. (2019) Strategies for Retirement Behavior in the Context of Reforming the Pension System. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 27. No. 1. P. 41—46. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6196>. (In Russ.)

Ando A., Modigliani F. (1963) The “Life-Cycle” Hypothesis of Saving: Aggregate Implications and Tests. *American Economic Review*. Vol. 53. No. 1. Part 1. P. 55—84.

Arthur Ch. (2012) *Financial Literacy Education: Neoliberalism, the Consumer and the Citizen*. Rotterdam; Boston: Sense Publishers.

Atkinson A., Messy F.-A. (2012) Measuring Financial Literacy. OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions. No. 15. Paris: Organization for Economic Co-operation and Development. <http://dx.doi.org/10.1787/5k9cfs90fr4-en>.

Duesenberry J. S. (1949) *Income, Saving and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Modigliani F., Brumberg R. (1954) Utility Analysis and the Consumption Function: An Interpretation of Cross Section Data. In: Kurihara K. K. (ed.) *Post-Keynesian Economics*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press. P. 388—436.

Modigliani F., Ando A. K. (1957) Tests of the Life-Cycle Hypothesis of Savings: Comments and Suggestions. *Bulletin of the Oxford University Institute of Economics and Statistics*. Vol. 19. No. 2. P. 99—124. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0084.1957.mp19002002.x>.

Friedman M. A. (1957) *A Theory of the Consumption Function*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Lyng S. (2008) Edgework, Risk, and Uncertainty. In: Zinn J. O. (ed.) *Social Theories of Risk and Uncertainties: An Introduction*. Chichester: John Wiley & Sons. P. 106—137.

Mandell L. (2007) Financial Literacy of High School Students. In: Xiao J. J. (ed.) *Handbook of Consumer Finance Research*. New York, NY: Springer. P. 163—183. http://dx.doi.org/10.1007/978-0-387-75734-6_10.

Remund D. L. (2010) Financial Literacy Explicated: The Case for a Clearer Definition in an Increasingly Complex Economy. *Journal of Consumer Affairs*. Vol. 44. No. 2. P. 276—295. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.2010.01169.x>.

Rothstein B. (1998) *Just Institutions Matter. The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511598449>.

Sunstein C. R. (2014) Nudges.gov: Behaviorally Informed Regulation. In: Zamir E., Teichman D. (eds.) *Oxford Handbook of Behavioral Economics and the Law*. New York, NY: Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199945474.013.0028>.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1596

С. Г. Ушкин, Е. А. Коваль, Н. В. Жадунова

ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ К ПРАКТИЧЕСКИМ УБЕЖДЕНИЯМ: КАК ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗУЮТСЯ В ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ МОЛОДЕЖИ

Правильная ссылка на статью:

Ушкин С. Г., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. От теоретических конструкций к практическим убеждениям: как этические принципы реализуются в жизненных стратегиях молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 66—93. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596>.

For citation:

Ushkin S. G., Koval E. A., Zhadunova N. V. (2020) From Theoretical Design to Practical Viewpoints: Implementation of Ethical Principles in Youth Life Strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 66—93. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596>.

ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ К ПРАКТИЧЕСКИМ УБЕЖДЕНИЯМ: КАК ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РЕАЛИ- ЗУЮТСЯ В ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ МОЛОДЕЖИ

*УШКИН Сергей Геннадьевич — канди-
дат социологических наук, ведущий
научный сотрудник отдела мониторинга
социальных процессов, Научный центр
социально-экономического монито-
ринга, Саранск, Россия*
E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>

*КОВАЛЬ Екатерина Александровна —
доктор философских наук, главный
научный сотрудник отдела научных ис-
следований, Средне-Волжский инсти-
тут (филиал) Всероссийского государ-
ственного университета юстиции (РПА
Минюста России), Саранск, Россия*
E-MAIL: nwifesc@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

*ЖАДУНОВА Наталья Владимировна —
кандидат философских наук, декан
факультета дополнительного образо-
вания, Национальный исследователь-
ский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева, Саранск,
Россия*
E-MAIL: zhadunovan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>

Аннотация. Статья посвящена изуче-
нию того, как моральные убеждения,
подробно рассматриваемые в различ-
ных этико-философских учениях, ре-
ализуются в повседневном поведении
людей. На теоретическом уровне были
выделены четыре жизненные страте-
гии, ориентированные на различные
базовые ценности — деонтологиче-

FROM THEORETICAL DESIGN TO PRA- CTICAL VIEWPOINTS: IMPLEMENTATION OF ETHICAL PRINCIPLES IN YOUTH LIFE STRATEGIES

*Sergey G. USHKIN¹ — Cand. Sci. (Soc.),
Leading Researcher*
E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>

*Ekaterina A. KOVAL² — Dr. Sci. (Phil.),
Principal Researcher*
E-MAIL: nwifesc@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

*Natalia V. ZHADUNOVA³ — Cand. Sci.
(Phil.), Dean of the Faculty of Additional
Education*
E-MAIL: zhadunovan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>

¹ Scientific Center for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russia

² Mid-Volga Branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia

³ Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The article is focused on how moral views highlighted by various ethical and philosophical studies are implemented in everyday human behavior. Theoretically, the authors single out four life strategies oriented towards various key values (deontological, consequentialist, contractarian and existentialist strategies).

ская, консеквенциалистская, контрактарионистская и экзистенциалистская.

Проверка теоретических построений осуществлена посредством онлайн-анкетирования обучающихся четырех высших учебных заведений Республики Мордовия, которые репрезентуют все мордовское студенчество в целом. Первоначально в обследовании приняли участие 1642 человека, результатами признаны 767 анкет. Инструментарий содержал различные наборы бинарных переменных, выбор которых относил респондентов к соответствующей теоретической конструкции через призму восприятия ценностей патриотизма, семьи, волонтерства, высшего образования и т. д.

На основании факторного анализа выделены четыре доминантные поведенческие модели, реализуемые на практике — деонтологическая, эгоцентрическая, контрактарионистская и консеквенциалистская. В целом они соотносятся с рассматриваемыми ранее на теоретическом уровне этико-философскими учениями. Исключение — эгоцентрическая стратегия, представляющая собой результат трансформации и специфического выбора отдельных бинарных переменных, относящихся к экзистенциальной стратегии. Для людей, которых она объединяет, принципиальную важность имеет не стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, а собственное мнение, не склонное к изменениям.

Несмотря на выделенные поведенческие модели, которые авторы предлагают в дальнейшем рассматривать как «идеальные типы», констатируется, что большинство респондентов система-

The theory was verified through an online survey among students from four higher education institutions in the Republic of Mordovia representing the entire Mordovian student body. Initially a total of 1,642 persons took part in the survey; 767 questionnaires were recognized as effective. Tools involved sets with binary variables which ascribed respondents to the corresponding theoretical structure according to their perceptions of values such as patriotism, family, volunteering, higher education, etc.

Four dominant behavior patterns were drawn from factor analysis: deontological, self-centered, contractarian and consequentialist patterns. On the whole, they correlate to the above-mentioned ethical and philosophical theories. An exclusion is self-centered strategy representing the result of transformation and specific choice of separate binary variables related to existential strategy. People sharing this strategy do not strive for personal growth and self-development and give priority to their personal opinion which is not subject to changes.

Despite the obtained behavior models that authors propose to further consider as “ideal types”, they state that a majority of respondents either do not adhere to any model on a constant basis or stick to a certain model contextually. This is a sign of atomization in a modern post-traditional society where clip thinking and fragmented assimilation of normative codes are still strong. Deontological strategy is the most common, and this is implicitly confirmed by cross-check data pointing to an increase in youth social responsibility, higher levels of volunteering and collective activities, ecoactivism, etc.

тически не придерживается ни одной из них или же реализует их ситуативно. Подобное положение вещей говорит о высоком уровне атомизации современного посттрадиционного общества, в котором сильны тенденции клиповизации сознания и фрагментарного усвоения этико-нормативных кодов. Наиболее распространенной установкой является деонтологическая — и косвенно это подтверждается перекрестными данными, свидетельствующими о росте социальной ответственности молодежи, повышении вовлеченности в практики волонтерства и коллективного действия, экоактивизма и т. д.

Ключевые слова: стратегия, деонтология, консеквенциализм, контрактарионизм, экзистенциализм

Keywords: strategy, deontology, consequentialism, contractarianism, existentialism

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-011-00710).

Acknowledgments. The study is supported by RFBR (project No. 18-011-00710).

Введение

Молодежь играет значимую роль в системе социального воспроизводства [Полутин, 2000]. Ее взросление сопряжено не только с включением в социокультурный контекст общества, но и с формированием собственных социокультурных образцов и практик взаимодействия, отличных от других социально-демографических групп [Зубок, Чупров, 2019: 165]. При этом условия, в которых происходит непосредственно процесс взросления, во многом определяют характер того или иного поколения [Радаев, 2019: 37].

Тем не менее существуют некоторые «общие места», которые практически не меняются под воздействием внешних факторов и объединяют людей разного возраста и происхождения. К ним многие исследователи причисляют обряды, традиции, религиозные и правовые нормы, закрепляющие ожидания общества от индивида (см., например, [Дюркгейм, 2018: 156]). По нашему мнению, еще одним подобным «общим местом» могут выступать этико-нормативные универсалии, которые в сочетании с внешними условиями жизни воплощаются в различных социальных действиях, а также позволяют определенным образом характеризовать особенности целеполагания и смысложизненные ориентации. Безусловно, современное молодежное пространство отличается значительной маргинали-

зацией и периферизацией субкультурных групп [Омельченко, 2019: 23], однако его производные чаще всего не противоречат доминирующим нормам морали. Результаты ряда исследований ФНИСЦ РАН свидетельствуют, что практически неизменно в пятерке основных жизненных ценностей молодых людей находятся создание семьи, получение качественного образования, обретение интересной, пусть даже не всегда высокооплачиваемой работы, а также дружба, товарищество и стремление увидеть и познать окружающий мир [Горшков, 2019: 22].

В рамках настоящей статьи мы попытаемся выяснить, каким образом в повседневном поведении молодежи реализуются ее моральные убеждения, которые подробно рассматриваются в основополагающих этических учениях. Первая часть статьи посвящена структурированию и интерпретации различных моральных теорий; вторая — социологическому изучению существующих в представлениях студентов моральных ориентиров и их влиянию на жизненные стратегии; третья — соотношению выделенных теоретических и эмпирических конструкторов.

Обзор литературы и дефиниция основных понятий

Понимание жизненных стратегий в современном социально-гуманитарном дискурсе не обладает высоким уровнем концептуализации и методологической универсальности. Чаще всего они рассматриваются через призму смежных теоретических понятий (например, ценностей, ориентаций, перспектив, сценариев, планов и др.) (см.: [Легостаева, 2013: 93; Шарова, Недосека, 2014: 803]). Выделяются жизненные стратегии как с краткосрочным, так и с долгосрочным горизонтом планирования. Их реализация может происходить как путем приспособления к среде, так и путем ее преобразования [Щедровицкий, 1995: 411].

В широком смысле в рамках настоящего исследования под жизненными стратегиями нами понимается совокупность представлений о возможных вариантах поэтапного достижения смысловых жизненных целей. В более узком смысле, по нашему мнению, их архитектоника базируется на двух взаимозависимых уровнях — моральных убеждений (внутренний уровень) и социальных практик (внешний уровень). Первый характеризуется относительной устойчивостью, второй подвержен ситуативным влияниям. Отсюда следует, что жизненные стратегии трансформируются, с одной стороны, под влиянием моральных убеждений, а с другой — под влиянием социальных практик, являясь своего рода компромиссом между ними.

Моральные убеждения представляют собой социально воображаемую совокупность представлений о нормальном, правильном, хорошем и служат ориентирами при реализации тех или иных социальных практик. Как правило, они тесно связаны с такими моральными ценностями, как долг, благо, добродетель, доверие и др., и подробно рассматриваются в ключевых этических теориях. Последние конструируются вокруг определенного ценностного ядра, где выделяется доминирующая ценность и связанные с ней производные, которые складываются в стройную систему представлений о себе, о Другом и Других, о способах и причинах принятия решений в неоднозначных ситуациях совершения поступков.

Социальные практики, в свою очередь, можно рассматривать как «любую последовательную и сложную форму социально учрежденной кооперативной человеческой деятельности, через которую блага, внутренние по отношению к этой

форме деятельности, реализуются в ходе попыток применения тех стандартов превосходств, которые подходят для этой формы деятельности и частично определяют ее с тем результатом, что систематически расширяются человеческие силы в достижении превосходства, а также соответствующие концепции целей и благ» [Макинтайр, 2000: 256]. Подчеркнем, что они включают в себя определенные паттерны, формирующиеся на протяжении длительного времени, благодаря чему каждая социальная практика имеет свою историю. При этом субъект их реализации должен признавать авторитет этих паттернов и подчинять им свои установки и предпочтения, то есть конструировать соответствующие им моральные убеждения или дополнять уже существующие.

Бурный этап становления и совершенствования жизненных стратегий приходится на период взросления и тесно связан с процессами социализации. Как подчеркивают российские исследователи, жизненные цели и средства их достижения такой социально-демографической группы, как молодежь, являются важным фактором ее социальной активности и в то же время — индикатором фундаментальных перемен, происходящих в российском обществе [Магун, 1996: 29]. Наличие жизненной стратегии свидетельствует о сознательном и серьезном отношении к своей жизни, стремлении и способности упорядочить ее.

Реализации жизненных стратегий препятствует то, что современная молодежь развивается в ситуации риска, ценностно-нормативной неопределенности, а также неопределенности самореализации и идентичности [Зубок, 2003]. В этой связи особый интерес вызывает поиск в ценностно-нормативном хаосе точек опоры, на основании которых возможно прогнозирование поведения субъекта как в типовых ситуациях, так и в случаях ценностно-нормативного вакуума.

Подобные точки опоры мы видим в обращении к этико-философским концепциям и проверке в ходе социологического анализа соответствующих им социальных практик. По нашему мнению, такой подход позволяет уйти от присущего этим двум наукам противостояния между общими и частными законами функционирования общества. Выполненный синтез теоретических учений, строящихся на основании доминирующих ценностей, которые проявляются на уровне как убеждений, так и социальных практик, позволил выделить деонтологическую, консеквенциалистскую, контрактарианистскую и экзистенциалистскую жизненные стратегии¹.

Деонтологические этические теории основываются на том, что моральный субъект совершает поступок исходя из норм морали, которыми надлежит руководство-

¹ Выделенные нами модели методологически и дискурсивно созвучны социальным мирам (градмам), представленным в прагматической социологии Л. Болтански и Л. Тевено (например, деонтологическая стратегия близка к «патриархальному» миру, консеквенциалистская — к «индустриальному», контрактарианистская — к «репутационному» с некоторыми элементами «гражданского»; за бортом такого рода сопоставления остаются «вдохновенный» и «рыночный» миры) (см.: Болтански, Тевено, 2013). Однако существует несколько важных различий. Во-первых, в контексте этико-философских учений мы не сосредоточены только на изучении реализации принципов справедливости и соответствующих им метафизических правил в повседневной жизни людей. Во-вторых, построены модели, как это будет показано далее, выбраны на основании возможности их эвристической проверки (что представляется крайне затруднительным в случае мира «вдохновенного») и изначального этического посыла (что пусть отчасти, но противоречит миру «рыночному»). В-третьих, как нам кажется, мы постарались учесть существенно больший пул философских трудов. Релевантность той или иной модели оценивается нами не посредством ситуативного публичного дискурса, а путем проведения стандартной процедуры социологического анкетирования (которая, по сути, также отражает только текущее самоощущение). Тем не менее, как показали полученные результаты, для нас важна идея о множественных режимах вовлеченности, позволяющих выявлять возможные сочетания, переходы и переключения между моделями.

ваться в любой неоднозначной ситуации. Следует поступать исходя из правила: «Делай что должно, и будь что будет». Основной мотив поступка — следование долгу. Вне зависимости от результата поступка некоторые действия запрещены, и никакой прирост блага не может их оправдать с точки зрения морали. Так, Иммануил Кант, являющийся ключевой фигурой в деонтологической этике, в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» обосновывает абсолютный запрет на ложь, даже если это «ложь во благо» [Кант, 1994]. По его мнению, мотивы моральных поступков не должны соизмеряться с их последствиями. При этом долгом человека является не требование «говори правду», а требование «не лги», что в некоторых коммуникативных ситуациях позволяет сохранить молчание.

С одной стороны, деонтологические убеждения привлекают своей стойкостью и категоричностью, но, с другой стороны, верность убеждениям, особенно если они превратно поняты, в некоторых случаях осуществляется «за чужой счет». Например, оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман, занимавшийся организацией уничтожения евреев, оправдывался тем, что просто выполнял свой долг [Арендт, 2008]. Кроме того, деонтологические теории не дают четкого ответа на вопрос, что делать в ситуации конфликта обязанностей (впрочем, И. Кант отрицает саму возможность такого конфликта [Кант, 1965]). Однако «проблемные места» есть у любого семейства этических теорий.

Своеобразной защитой деонтологии от эгоистических отклонений является норма, выраженная в одной из формулировок категорического императива И. Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [там же: 270]. Эта норма обязывает корректировать представления личности о моральном долге, оберегая ее от нерациональных и вредных поступков.

Деонтологическая стратегия основана на том, что личность ставит перед собой цель приблизиться к нравственному идеалу настолько, насколько это возможно. В «Основах метафизики нравственности» формулируется базовый принцип: «Поступок из чувства долга имеет свою моральную ценность не в той цели, которая может быть посредством него достигнута, а в той максиме, согласно которой решено было его совершить, эта ценность зависит от... принципа воления» [там же: 235]. Данный процесс осложняется тем, что понятие нравственного долга — универсально, а моральные интуиции и моральные суждения, которыми руководствуются люди с разными убеждениями и в разных локальных контекстах, разнообразны, как и представления о нравственном идеале (см., например, [Брейкин, 1996]).

В целом деонтологическая стратегия — это стратегия зрелой личности, которая имеет стойкие убеждения, принуждает себя к тому, чтобы им следовать, ищет ответ на нормативный вопрос: «Почему я должен быть моральным?» [Korsgaard, 1996], готова к ответственности за каждый совершенный поступок. Деонтологические убеждения сильны, не зависят от ситуации, сохраняются, как правило, в течение всей жизни, трудно изменяются и трансформируются. Личность, избравшую для себя деонтологическую стратегию, условно можно обозначить как «человек-долг».

В консеквенциалистских этических теориях моральная оценка поступка осуществляется по его результату (например, приросту блага). Камнем преткновения в них является определение «блага», под которым может пониматься счастье,

удовольствие, польза, благополучие и т. п. Не менее важен и ответ на вопрос: «Чье благо имеется в виду?» Если же задаться целью обозначить этические теории на временной шкале, консеквенциализм более, чем все остальные, устремлен в будущее: важны только последствия поступка, вне зависимости от того, чем руководствовался моральный субъект, какие причины и условия способствовали совершению поступка.

Наиболее разработанной и популярной консеквенциалистской этической теорией является утилитаризм, который на современном этапе включает в себя несколько разновидностей, в частности гедонистический утилитаризм, утилитаризм действия (осуществляется моральная оценка отдельных поступков путем оценки их последствий), утилитаризм правила (осуществляется моральная оценка этико-нормативных программ или учений), утилитаризм предпочтений и др.

Классический гедонистический утилитаризм ориентирован на максимизацию удовольствия и минимизацию страданий [Бентам, 1998; Mill, 1979; Sidgwick, 1981]. Ключевой проблемный вопрос здесь заключается в определении того, что является удовольствием.

В утилитаризме предпочтений моральность поступка определяется тем, удовлетворяются предпочтения личности или нет. Последователи данного учения сталкиваются с серьезными возражениями, основанными на том, что не выработано четких критериев выбора предпочтений разных людей в ситуации конфликта. Интересную проблему представляет и выбор между общей полезностью классического утилитаризма (максимизация блага для максимального числа людей [Бентам, 1998]) и средней полезностью (average utility) [Rawls, 1999].

«Слабым местом» консеквенциалистских теорий является вопрос о том, за чей счет можно максимизировать благо для максимального числа людей, то есть вопрос о допустимости пожертвования одним ради многих (например, будет ли морально правильным для хирурга изъять органы у одного здорового человека, который пришел сдавать анализы, чтобы пересадить их пяти другим пациентам, которые без пересадки не выживут) [Thomson, 1976: 206]. Некоторые консеквенциалистские учения обосновывают необходимость самопожертвования или, как минимум, изменения индивидуальных практик ради максимизации общей полезности (см., например, [Singer, 1993]). Впрочем, в большинстве случаев сторонникам консеквенциализма удается обойти подобного рода «искушения», в том числе с опорой на здравый смысл и разделяемые большинством моральные интуиции.

Консеквенциалистские убеждения, в отличие от деонтологических, ориентированы в большей степени не на мотивы и намерения, а на результаты и последствия поступка. Таким образом, сторонники консеквенциализма различают (1) правила, которыми следует и не следует руководствоваться, и (2) действия, которые являются результативными или нерезультативными.

Консеквенциалистская стратегия нацелена на получение лично и социально значимого блага, которое может быть оценено самим моральным субъектом и другими людьми в категориях полезности, правильности, целесообразности. Ее идеалом становится человек-результат, оценивающий полезность других людей, допускающий возможность риска, ущерба, вреда, если это позволяет получить очевидный социально полезный эффект.

Контрактарианизм основывается на том, что источником нормативности морали выступает соглашение между людьми. «Мораль по соглашению» [Gauthier, 1986] создается рациональными индивидами (делибераторами), способными принимать обдуманное, взвешенное, ответственные решения. Одним из ключевых положений контрактарианизма является принцип взаимности, предполагающий наличие у членов общества не только прав, но и взаимных обязательств. Следование нормам морали в контрактарианистском сознании предстает не только как необходимость, связанная с членством в том или ином обществе, но и как выгодная позиция, позволяющая получать определенные социальные бонусы. На получении таких бонусов и повышении уровня социального доверия и взаимной ответственности строится, например, система социального кредита в КНР².

Проблемный аспект контрактарианистских концепций связан с характеристиками договора. Если нормы морали — результат конкретных исторических договоренностей, то нормы, принятые предками, ограничивают свободу потомков, которые не принимали участие в договоре [Hume, 1987; Hampton, 1993; Pateman, Mills, 2007]. Если же мораль является результатом гипотетического соглашения, то как оно будет обеспечивать ее нормативность?

Главный аргумент сторонников контрактарианизма в том, что для рационального человека выгодно быть моральным. Действуя справедливо, можно с наибольшей вероятностью добиться реализации своих индивидуальных предпочтений. Дэвид Готье пишет об этом следующим образом: «Каждому должна быть предоставлена возможность получить от общества то, чего он ищет, но не может добиться самостоятельно, и каждый должен дать обществу что-то из того, чего ищет другие, но чего не было бы без него» [Gauthier, 1997: 148].

Контрактарианистская стратегия основывается на том, что моральные убеждения и нормы формируются исходя из публичного диалога, из принципов согласия, солидарности, доверия. Модификация убеждений происходит на уровне публичного дискурса, предметом которого могут быть и возможные, и одобряемые жизненные стратегии. Чем ближе публичное дискурсивное пространство к идеальной речевой ситуации [Хабермас, 2001], тем большие преимущества имеет контрактарианистская стратегия.

Таким образом, контрактарианистские учения ориентируют своих последователей на осознание личной выгоды от соблюдения норм морали и совершения справедливых поступков, а также на достижение компромиссов и умение договариваться в сложных конфликтных ситуациях (см., например, принцип минимальной относительной уступки Д. Готье [Gauthier, 1986]). Результатом действия контрактарианистской теории на практике является *человек-договор*.

Деонтология, консеквенциализм и контрактарианизм — это стратегии, которые учат, как поступать правильно, но существуют и другие, ориентирующие человека на то, кем хорошо быть. Одна из них может быть описана, например, при помощи этики добродетели, однако в данном исследовании мы не обращались к этой теории, поскольку она практически не проверяема в рамках социального иссле-

² Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014—2020). *China Copyright and Media*. 2015. April 25. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020> (дата обращения: 24.06.2020).

дования — отсутствуют устойчивые индикаторы отнесения к данной стратегии, а в массовом сознании слабо актуализированы слова-маркеры, характеризующие ее (такие как добродетель, порок, фронезис, делиберация и др.). В связи с этим нами была выбрана экзистенциалистская стратегия, и, соответственно, экзистенциальная этика для ее описания. Тем более что, как отмечает Э. Дюркгейм, «свойство самой человеческой деятельности — развиваться вне всякой меры и ставить недостижимые цели» [Дюркгейм, 2018: 260]. Для экзистенциализма характерны слова-маркеры, которые актуализированы в сознании современной молодежи: свобода, смысл жизни, творчество, существование, одиночество, страх, мужество, самоопределение и др.

Представители разных направлений экзистенциализма — религиозного (С. Кьеркегор [Кьеркегор, 2010], Ф. М. Достоевский [Достоевский, 1981, 1990], Н. А. Бердяев [Бердяев, 1993], М. Бубер [Бубер, 1999] и др.) и нерелигиозного (Ж.-П. Сартр [Сартр, 1989, 2001], А. Камю [Камю, 1990], С. де Бовуар [де Бовуар, 1997] и др.) — сходятся в особом понимании человека как существа, осознающего свою уникальность и неповторимость своего бытия. Но если человек уникален и неповторим, как он подчиняется универсальным моральным нормам? Ключевым понятием в экзистенциальной этике является свобода в целом и свобода выбора в частности. В некоторых контекстах это может быть и свобода личности от общества.

Экзистенциалистская стратегия предполагает глубокую рефлексию, изучение себя, нацеленность на саморазвитие и совершенствование, которое может пониматься в различных контекстах — эгоизм, социальная полезность, религиозный перфекционизм. Человек, принимающий то или иное этически значимое решение, может опираться только на свое индивидуальное *cogito* (на свой разум), притом что сами эти решения простираются далеко за пределы него самого и потенциально охватывают все человечество [Сартр, 1989]. Данная стратегия может быть изменчивой в том случае, если ценностно-нормативные убеждения перестают соответствовать «самости» личности, ограничивают ее свободу творчества и не позволяют сохранить аутентичность.

Она также выражается в признании личной ответственности за совершаемые поступки, которые не могут быть предопределены извне; в борьбе за личную свободу (совести, мысли и выбора); в постоянном поиске смысла жизни, стремлении к его достижению. Ориентация на осмысленное существование здесь и сейчас способствует развитию независимости или, как минимум, стремлению к независимости от внешних оценок. Данная стратегия коррелирует со степенью атомизации общества: чем больше индивиды независимы друг от друга и от общества в целом, тем более востребованной становится экзистенциалистская стратегия.

Человек с экзистенциальными убеждениями — это человек-проект, который реализует себя в динамично меняющихся условиях и обстоятельствах. Для него соблюдение моральных норм важно не потому, что это долг или моральный закон; и не потому, что он заключил с другими соглашение о содержании норм; и даже не потому, что следование морали приносит пользу самому моральному субъекту и обществу. Он каждый раз осуществляет свободный выбор, потому что для него быть собой гораздо важнее, чем быть моральным. Для такого человека

стратегически важно оставаться создателем самого себя, выводить себя на сцену и полагать себя этой сценой [Рикёр, 1995].

Экзистенциалист обречен быть свободным [Сартр, 1989], поэтому он парадоксальным образом зависим от того, как его воспринимают окружающие. Иногда ради соответствия желаемому образу допускается самообман. Впрочем, общество и общественная мораль подвергаются в экзистенциализме серьезной критике. Так, Николай Бердяев был категорически против подмены добра обществом, поскольку «... это есть самая чудовищная форма идолотворения» [Бердяев, 1993: 36]. Таким образом, экзистенциалистская стратегия характеризуется свободой, в том числе от моральных норм и оценок, транслируемых обществом. Но эта свобода предполагает обязательное наступление ответственности за каждый моральный выбор, поэтому люди с экзистенциалистскими убеждениями характеризуются независимостью, творческой свободой, стремлением к постоянному самосовершенствованию и определенным типом мужества, который Пауль Тиллих называет «мужеством быть» [Tillich, 1952].

Этические учения не являются продуктом исключительно теоретической деятельности философов. Это результат наблюдения, саморефлексии, изучения текстов и их герменевтического анализа. Следовательно, можно предположить, что этические учения отражают моральные убеждения личности, причем такие убеждения, которые влияют на повседневные практики и реализацию жизненных стратегий.

Материалы и методы исследования

В рамках эмпирического исследования был проведен опрос студентов четырех высших учебных заведений Республики Мордовия — Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, Саранского кооперативного института Российского университета кооперации и Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции. Их выбор опосредован тем, что полученные результаты репрезентуют мордовское студенчество в целом, а также позволяют проанализировать влияние различных образовательных траекторий на жизненные стратегии.

Опрос проведен по интерактивной анкете, которая была сгенерирована и размещена на площадке онлайн-сервиса Google Forms. Преимущества подобного способа получения информации заключаются в его дешевизне и оперативности, при этом инструментарий референтен условиям, привычным и удобным для респондентов. По нашему мнению, это позволяет повысить достоверность результатов исследования, в том числе посредством технического контроля за предотвращением пропусков при ответах на вопросы.

Выборка не является случайной, однако для обеспечения минимизации ее ошибки анкетирование проводилось во время аудиторных занятий под контролем преподавателей в предварительно отобранных группах студентов (гнездовой принцип). Сбор данных осуществлялся с 11 по 26 апреля 2019 г. Первоначально в обследовании приняли участие 1642 человека. После процедуры нормирования выборки пропорционально численности обучающихся в той или иной организа-

ции, которая потребовалась ввиду различной степени посещаемости студентами аудиторных занятий, где проводилось анкетирование, посредством формирования случайных подвыборок для каждой из них количество результативных ответов сократилось до 767. В том случае, если бы отбор респондентов производился с полным соблюдением вероятностных процедур, ошибка выборки не превышала бы 4%. Распределение социально-демографических характеристик итоговой выборочной совокупности представлено в таблице 1.

Таблица 1. Социально-демографическая структура выборки, %

Вуз	МГУ им. Н. П. Огарева	62,2
	МГПИ им. М. Е. Евсевьева	21,1
	СКИ РУК	9,5
	Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ	7,2
Пол	Мужчины	29,5
	Женщины	70,5
Место проживания до поступления в вуз	Город	64,8
	Село	35,2
Национальность	Русские	73,8
	Мордва	19,6
	Татары	3,3
	Другие национальности	3,4
Религия	Верующие	64,5
	Неверующие	18,3
	Неопределившиеся	17,2

Нами была сформирована первоначальная гипотеза о том, что каждая из выделенных нами жизненных стратегий — деонтологическая, контрактарианистская, консеквенциалистская и экзистенциалистская — в том или ином виде находит свое отражение в повседневных практиках людей и может быть выявлена через соответствующие репрезентации. При этом мы учитывали, что их существование в рафинированном виде не более вероятно, чем существование «чистых» темпераментов.

Соответственно, в зависимости от той или иной жизненной стратегии в инструментарий исследования были включены различные наборы бинарных переменных, выбор которых относил респондентов к соответствующим моральным убеждениям и социальным практикам через призму восприятия ценностей патриотизма, семьи, волонтерства, высшего образования и т. д., в том числе посредством моделирования различных проблемных ситуаций. В дополнение к этому

были использованы слова-маркеры: для деонтологической стратегии — «должен», «обязан» и их производные; для консеквенциалистской — «польза», «результат»; для контрактарианистской — «договор», «доверие»; для экзистенциалистской — «независимость», «самосовершенствование». Поскольку каждая из стратегий имеет свою специфику и, соответственно, разную степень лояльности к ней со стороны ее носителей, мы постарались учесть максимально возможное количество индикаторов. Таким образом, деонтологическая ориентированность определялась 16 логически взаимосвязанными показателями, контрактарианистская — 13, консеквенциалистская — 14, экзистенциалистская — 13. Первоначально каждый из них выражал согласие или несогласие со следующими телеологическими суждениями (см. табл. 2).

Таблица 2. **Индикативные признаки жизненных стратегий, положенные в основу инструментария**

Жизненные стратегии и соответствующие ей суждения	
Деонтологическая	<p>П.1. Каждый человек должен быть патриотом своей страны, П. 2. В чрезвычайной ситуации человек должен помочь тем, кто слабее, П. 3. Хороший человек — это человек, который добросовестно выполняет свои обязанности, П. 4. Хороший человек — справедливый и ответственный, П. 5. Я являюсь волонтером потому, что это мой долг, П. 6. Я получаю высшее образование потому, что это мой долг перед родителями, П. 7. Сегодня для меня самое важное — быть хорошим человеком, П. 8. Сегодня для меня самое важное — быть патриотом своей страны, П. 9. Сегодня для меня самое важное — всегда поступать правильно, П. 10. Совершая поступок, я, прежде всего, думаю о том, ради чего я это делаю, П. 11. Меня (мои поступки) вправе оценивать только Бог, П. 12. Любый человек должен создать семью, П. 13. В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я останусь дома и, конечно, помогу родителям, П. 14. Мои убеждения основываются на моем долге перед собой и другими, П. 15. При обсуждении проблемных вопросов я чаще всего руководствуюсь соображениями долга, П. 16. В ситуации конфликта я чаще всего отстаиваю свою позицию, несмотря ни на что.</p>
Контрактарианистская	<p>П.1. В чрезвычайной ситуации человек должен помочь тому, кому сможет, П. 2. Хороший человек — это поступающий согласно установленным ранее договоренностям, П. 3. Я являюсь волонтером потому, что это модно и общепринято, П. 4. Я являюсь волонтером потому, что это делает общество стабильным и комфортным для его членов, П. 5. Я получаю высшее образование потому, что это возможность иметь определенный социальный статус, П. 6. Сегодня для меня самое важное — быть известным и успешным, П. 7. Сегодня для меня самое важное — быть авторитетным для других, П. 8. Оценивать поступки можно только тогда, когда есть система правил, о соблюдении которых мы договорились, П. 9. Нужно договариваться с другими людьми о том, что способно принести пользу большинству, даже вопреки собственным интересам, П. 10. В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я попробую договориться и успеть все, П. 11. Мои убеждения основываются на обязательствах перед другими, П. 12. При обсуждении проблемных вопросов, я чаще всего стараюсь прийти к общему мнению, которое будет разделять большинство, П. 13. В любом конфликте можно всегда договориться.</p>

Жизненные стратегии и соответствующие ей суждения	
Консеквенциалистская	<p>П. 1. В чрезвычайной ситуации человек должен помочь тому, от кого больше пользы, П. 2. Хороший человек — успешный, способный добиться хороших результатов, П. 3. Я являюсь волонтером потому, что так я могу быть полезным людям, П. 4. Я получаю высшее образование потому, что хочу быть хорошим специалистом, П. 5. Я получаю высшее образование потому, что без этого невозможно сделать хорошую карьеру, П. 6. Сегодня для меня самое важное — быть полезным людям, П. 7. Сегодня для меня самое важное — уметь договариваться с другими, П. 8. Сегодня для меня самое важное — быть высококлассным специалистом, П. 9. Любой поступок нужно оценивать по его результату, П. 10. Я представляю свое будущее без семьи и детей, если это принесет пользу большинству, П. 11. В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я пойду туда, где, как я считаю, от меня больше пользы, П. 12. Мои убеждения основываются на желании принести пользу, П. 13. При обсуждении проблемных вопросов я чаще всего выбираю такой вариант решения, который приведет к наилучшему результату, П. 14. В ситуации конфликта я чаще всего предпочитаю уступить и не конфликтовать.</p>
Экзистенциалистская	<p>П. 1. В чрезвычайной ситуации человек должен отдавать себе отчет в том, что он делает и почему, П. 2. Хороший человек — свободный, независимый от чужого мнения, П. 3. Я являюсь волонтером потому, что это делает меня настоящим человеком, П. 4. Я получаю высшее образование потому, что мне это важно для саморазвития и самоопределения, П. 5. Сегодня для меня самое важное — быть в гармонии с самим собой, П. 6. Сегодня для меня самое важное — стремиться к самосовершенствованию, П. 7. Меня (мои поступки) никто не имеет права оценивать, П. 8. Невозможно правильно оценить Другого человека, П. 9. Я представляю себе будущее без семьи и детей, поскольку не могу принять на себя ответственность за других людей, П. 10. В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я думаю о том, что не буду ставить детей перед таким выбором, когда стану родителем, П. 11. Мои убеждения основываются на моем личном свободном выборе, П. 12. При обсуждении проблемных вопросов моя точка зрения всегда верна, П. 13. В ситуации конфликта я на словах соглашусь, но потом сделаю по-своему.</p>

Результаты и их обсуждение

Для проверки гипотезы потребовалось выявление статистической взаимосвязи показателей, свидетельствующих о наличии или отсутствии в представлениях респондентов той или иной жизненной стратегии. В качестве наиболее адекватного аналитического инструмента был использован факторный анализ методом главных компонент с вращением варимакс, примененный ко всему массиву полученных данных.

Были отобраны четыре фактора, которые в совокупности объясняют 17,2% суммарной дисперсии. В каждой группе выделены переменные с наиболее высокими факторными нагрузками ($> [0,40]$)³. Несмотря на не самую большую суммарную

³ Нами использован более низкий, чем принято, уровень факторных нагрузок, поскольку стандарт в 0,70 является высоким для нашего конкретного случая; результаты исследований других авторов дают возможность полагать о приемлемости выделенных нами уровней значимости, которые использованы сугубо для анализа дихотомических ответов (см.: [Raubenheimer, 2004: 62; Norman, Streiner, 1994: 139]).

дисперсию, в целом факторный анализ показал, что выбор тех или иных суждений не случаен: вполне очевидно, что он происходит под влиянием определенных моральных убеждений (см. табл. 3).

Таблица 3. **Распределение суждений респондентов в отношении факторов**

Суждения	Факторы (компоненты)			
	1	2	3	4
Мои убеждения основываются на моем личном свободном выборе	-0,553			
Я считаю, что каждый человек должен быть патриотом своей страны	0,526			
Я считаю, что каждый человек должен создать семью	0,433			
Меня не привлекает волонтерская деятельность	-0,422			
В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я попробую договориться и успеть все	-0,422			
Я являюсь волонтером потому, что так я могу быть полезным людям	0,421			
Я получаю высшее образование потому, что хочу быть хорошим специалистом	0,419			
Мои убеждения основываются на моем долге перед собой и другими	0,410			
Сегодня для меня самое важное — быть хорошим человеком	0,408			
В ситуации конфликта я считаю, что всегда можно договориться		-0,647		
В ситуации конфликта я отстаиваю свою позицию, несмотря ни на что		0,536		
При обсуждении проблемных вопросов я считаю, что моя точка зрения всегда верна		0,401		
При обсуждении проблемных вопросов я выбираю такой вариант решения, который приведет к наилучшему результату			-0,790	
При обсуждении проблемных вопросов я чаще всего стараюсь прийти к общему мнению, которое будет разделять большинство			0,694	
В ситуации, когда я должен выбрать между тем, чтобы помочь родителям или провести время с друзьями, я останусь дома и, конечно, помогу родителям			-0,426	
Я считаю, что хороший человек — это справедливый и ответственный				-0,647
В чрезвычайной ситуации человек должен отдавать себе отчет в том, что он делает и почему				0,535
В чрезвычайной ситуации человек должен помочь тому, кому сможет				-0,527
Хороший человек — это человек, который добросовестно выполняет свои обязанности				0,410

Интерпретация первого фактора. Респонденты ориентированы на традиционные ценности, зависимы от мнения общества. Их приоритеты — долг и возможность принести пользу. Можно предположить, что они являются «проводниками» морали. Тяготеют к деонтологической стратегии. Это может быть обусловлено тем, что религиозная традиция, советские мировоззренческие паттерны, современная идеологическая установка, например, о приоритетности ценности патриотизма, нацеливают на формирование убеждений, основанных на понятиях «долг», «должностничество», «ответственность», «обязанность».

Интерпретация второго фактора. Люди, которые не терпят компромиссов и считают, что их точка зрения всегда верна. По всей видимости, имеют сформированную и укорененную систему ценностей, которую трудно поменять даже при аргументированном споре, а на первый план выходит собственное эго. В системе выделенных нами ранее на теоретическом уровне жизненных стратегий ориентация на подобного рода ценности не рассматривалась, поэтому нами введена дополнительная поведенческая модель — эгоцентрическая. Она имеет формальные сходства с экзистенциалистской, однако содержательно экзистенциализм отличается от эгоцентризма ориентацией на саморазвитие и самосовершенствование, ответственность, творчество, тревогу, мужество.

Интерпретация третьего фактора. Характеризуются как высококонформные респонденты, для которых мнение большинства важнее результативности. Можно говорить о повышенном уровне лабильности данной группы. Наиболее точно ее описывает контрактарианистская модель. Выражение контрактарианистской стратегии в повседневных практиках студенчества может быть связано не только с убеждениями, но и с таким объективным фактором, как открытость публичного пространства и простота доступа к различным типам коммуникаций. Это способствует формированию навыков участия в публичных диалогах, в том числе посвященных ценностно-нормативным проблемам современности, или «мегалогам» [Etzioni, 2002]. Таким образом, контрактарианистская стратегия проявляется в современных практиках социализации личности. В развитом виде эта стратегия характеризует личность как субъекта с высоким социальным интеллектом, способного внести свой вклад в ценностно-нормативное развитие общества, желающего и имеющего возможность влиять на него, хотя бы в некоторой степени.

Интерпретация четвертого фактора. Респонденты в данной группе тяготеют к саморефлексии. Вполне возможно, что переносят это и на других. Их можно описать как функционалов, которые не разделяют популистских взглядов о справедливости и долге. Как правило, сконцентрированы на решении текущих задач. В большей степени соответствуют консеквенциалистской поведенческой модели с элементами экзистенциалистской.

Можно предположить, что появление в анализируемых факторах элементов экзистенциалистской стратегии связано с возрастом респондентов, их активным поиском жизненных приоритетов и смыслов. Консеквенциалистская стратегия идентифицируется, но не является четко выраженной в силу ряда причин. Во-первых, это может быть связано с особенностями ментальности, где общее благо не возглавляет иерархию ценностей и не является главной целью существования. Во-вторых, причиной может быть и отсутствие в сознании респондентов ори-

ентации на стратегические и общественно значимые цели, запланированные к реализации в будущем. Возможно, поэтому в российском обществе возникают проблемы с внедрением проектного подхода, в рамках которого необходимо осуществлять корреляцию между целью и результатом, что невозможно без четкой постановки целей и формулирования задач. В-третьих, в публичном дискурсе наиболее четко артикулированы деонтологическая (ориентация на следование долгу) и экзистенциалистская (ориентация на саморазвитие) стратегии, а сам формат публичного дискурса отражает сущность контрактарианистской стратегии (способность и необходимость договариваться). Наконец, в настоящее время не наблюдается четких стратегических установок со стороны агентов влияния, в том числе государства.

В соответствии с четырьмя отобранными факторами в массиве данных нами были сгенерированы четыре новые переменные: (1) деонтологическая стратегия; (2) эгоцентрическая стратегия; (3) контрактарианистская стратегия; (4) консеквенциалистская стратегия. Для предотвращения потерь данных в группах за основу были взяты только те значения факторов, которые по модулю превышают 0,5. На основании построенных переменных мы определили доли ядерных и периферийных сторонников той или иной жизненной стратегии (см. табл. 4). Под ядерными сторонниками мы понимаем тех, кто выбирает строго выделенные при факторном анализе переменные, характерные для определенной жизненной стратегии, при этом их выбор взаимоисключает друг друга; периферийные сторонники — это те, кто выбирает переменные, характерные для определенной жизненной стратегии, однако к ним добавляются переменные, которые могут в определенной степени объяснять другие жизненные стратегии.

Таблица 4. Распределение жизненных стратегий на основе факторного анализа, %

Жизненные стратегии	Группа респондентов	
	Ядро	Периферия
Деонтологическая	8,3	20,8
Эгоцентрическая	3,9	17,5
Контрактарианистская	4,3	23,5
Консеквенциалистская	6,6	22,6
Нет четкой стратегии	76,8	26,9

Частотное распределение ответов респондентов указывает на то, что социально-демографические факторы имеют определенное влияние на выбор той или иной жизненной стратегии в ядерных группах. В частности, деонтологической чаще, чем в среднем по выборке, придерживаются верующие, девушки, жители сёл и студенты Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ; эгоцентрической — неверующие; контрактарианистской — городские жители, студенты МГУ им. Н. П. Огарева или СКИ РУК и неопределившиеся с верой или неверующие;

консеквенциалистской — студенты МГУ им. Н. П. Огарева, русские, городские жители, неверующие или неопределившиеся с верой (см. табл. 5).

Таблица 5. Социально-демографические характеристики ядерных сторонников выделенных жизненных стратегий, %

Характеристики		Все опрошенные	Жизненные стратегии			
			1	2	3	4
Вуз	МГУ им. Н. П. Огарева	62,2	53,1	65,1	66,7	85,7
	МГПИ им. М. Е. Евсевьева	21,1	21,9	20,6	12,1	8,9
	СКИ РУК	9,5	10,9	6,3	15,2	1,8
	Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ	9,5	14,1	7,9	6,1	3,6
Пол	Мужчины	29,5	25,0	27,0	33,3	30,4
	Женщины	70,5	75,0	73,0	66,7	69,6
Место проживания до поступления в вуз	Город	64,8	57,8	61,9	81,8	76,8
	Село	35,2	42,2	38,1	18,2	23,2
Национальность	Русские	73,8	62,5	71,4	75,8	80,4
	Мордва	19,6	21,9	20,6	9,1	12,5
	Татары	3,3	6,3	1,6	3,0	3,6
	Другие национальности	3,4	9,4	6,3	12,1	3,6
Религия	Верующие	64,5	78,1	58,7	48,5	35,7
	Неверующие	18,3	4,7	27,0	24,2	41,1
	Неопределившиеся	17,2	17,2	14,3	27,3	23,2

Смысловые характеристики также определяют выбор той или иной жизненной стратегии, составляя ее вариативную часть. Чаще, чем в среднем по выборке, ядерные сторонники деонтологической стратегии проявляют ответственность за результат своих действий, заявляют о необходимости выработки системы правил оценки действий других, стремятся быть хорошими людьми и специалистами и включены в коллективные практики волонтерства, поскольку считают, что так они могут быть полезны обществу; сторонники эгоцентрической модели выбирают повышение статусных шансов за счет получения высшего образования, невключенность в коллективные практики волонтерства, пребывание в гармонии с самим собой; контрактарианистской — карьерный мотив при получении высшего образования, невключенность в коллективные практики волонтерства, пребывание в гармонии с самим собой и декларируемая невозможность оценивания других людей; консеквенциалистской — статусная ориентированность при получении высшего образования, невключенность в коллективные практики

волонтерства, пребывание в гармонии с самим собой и декларируемая невозможность оценивания других людей (см. табл. 6).

Таблица 6. **Некоторые смысловые характеристики ядерных сторонников выделенных жизненных стратегий, %**

Характеристики		Все опрошенные	Жизненные стратегии			
			1	2	3	4
Отношение к волонтерству	Я являюсь волонтером потому, что так я могу быть полезным обществу	34,7	50,0	27,0	24,2	26,8
	Я являюсь волонтером потому, что это мой долг	1,3	1,6	1,6	—	—
	Я являюсь волонтером потому, что это модно и общепринято	1,7	4,7	1,6	—	1,8
	Я являюсь волонтером потому, что это делает общество стабильным и комфортным для его членов	7,3	10,9	7,9	—	1,8
	Я являюсь волонтером потому, что это делает меня настоящим человеком	7,0	4,7	7,9	9,1	1,8
	Меня не привлекает волонтерская деятельность	43,0	26,6	50,8	57,6	62,5
Отношение к высшему образованию	Я получаю высшее образование потому, что хочу быть хорошим специалистом	34,0	40,6	28,6	24,2	28,6
	Я получаю высшее образование потому, что это мой долг перед родителями	4,0	—	7,9	3,0	3,6
	Я получаю высшее образование потому, что без этого невозможно сделать хорошую карьеру	21,6	21,9	19,0	36,4	17,9
	Я получаю высшее образование потому, что это возможность иметь определенный социальный статус	12,4	14,1	17,5	15,2	16,1
	Я получаю высшее образование потому, что мне это важно для саморазвития и самоопределения	26,7	23,4	25,4	21,2	33,9

Характеристики		Все опро- шенные	Жизненные стратегии			
			1	2	3	4
Отношение к поступку	Любой поступок нуж- но оценивать по его результату	49,4	59,4	38,1	39,4	44,6
	Совершая поступок, я, прежде всего, думаю о том, ради чего я это делаю	82,8	87,5	76,2	66,7	85,7
	Меня (мои поступки) никто не имеет права оценивать	16,7	7,8	17,5	6,1	10,7
	Меня (мои поступки) вправе оценивать только Бог	12,5	14,1	19,0	3,0	3,6
	Невозможно правиль- но оценить Другого человека	37,3	37,5	34,9	48,5	48,2
	Оценивать поступки можно только тогда, когда есть система пра- вил, о соблюдении ко- торых мы договорились	29,7	32,8	22,2	36,4	35,7
Жизненные приоритеты	Быть известным и успешным	4,6	4,7	4,8	3,0	1,8
	Быть хорошим человеком	24,4	35,9	23,8	12,1	21,4
	Быть авторитетным для других	1,2	1,6	0,0	0,0	0,0
	Быть патриотом своей страны	0,5	0,0	1,6	0,0	0,0
	Быть полезным людям	4,7	7,8	3,2	6,1	1,8
	Всегда поступать правильно	3,9	1,6	4,8	6,1	0,0
	Уметь договариваться с другими	2,5	1,6	1,6	3,0	3,6
	Быть в гармонии с са- мим собой	21,5	9,4	27,0	27,3	26,8
	Быть высококлассным специалистом	5,5	9,4	3,2	3,0	5,4
	Стремиться к самосо- вершенствованию	31,3	28,1	30,2	39,4	39,3

Ограничения исследования

Проведенное нами исследование не лишено недостатков и спорных моментов. Первый из них — концентрация внимания на доминирующих этико-философских учениях, которые являются наиболее проверяемыми в рамках массового опроса студенческой молодежи. Например, этика добродетели и, соответственно, вытекающие из нее концепты вынесены за скобки, поскольку набор социологических

индикаторов, отражающих принадлежность к ней, не может являться в достаточной степени убедительным и достоверным.

Другой недостаток — невозможность установления искренности в ответах респондентов. Это проблема практически всех социальных исследований (см., например, [Мягков, 2003; Кожевникова, Кулагина, 2008]), но в этических вопросах она проявляется наиболее остро. Поэтому, несмотря на соблюдение процедур по обеспечению анонимности заполнения анкет, не исключено, что некоторые из проходящих анкетирование молодых людей осознанно или нет стремились приблизить себя к индивидуальному и/или социальному нравственному идеалу. Неслучайно для наших сограждан в целом большую актуальность имеют ценности самосохранения, а не самовыражения (см., например, [Инглхарт, Вельцель, 2011]).

Еще один «тонкий» момент исследования видится в том, что далеко не всегда индикаторы четко описывают ту или иную жизненную стратегию. Более того, результаты факторного анализа позволили увидеть, как экзистенциалистская стратегия трансформировалась в эгоцентрическую, мало или практически не коррелирующую с анализируемыми этико-философскими учениями, поскольку здесь молодые люди свое личное мнение ставят превыше целей саморазвития.

Наконец, последнее замечание касается достаточно малого суммарного процента дисперсии, который, однако, по нашему мнению, указывает не на неправильность выбранного инструментария, а на разрозненность этических кодов и ситуативность их переключения в современном посттрадиционном обществе. Тем не менее необходимо помнить, что полученные данные не могут быть использованы в качестве истины в последней инстанции; требуется проведение еще ряда исследований, проверяющих адекватность отобранных в результате факторного анализа индикаторов, свидетельствующих о ценностно-нормативных установках респондентов.

Выводы

Проведенный нами анализ реализации этических принципов в жизненных стратегиях молодежи позволяет сформулировать ряд важных выводов.

- На основе анализа этико-философской литературы можно выделить несколько жизненных стратегий, ориентированных на ключевую ценность, которые объединяют учения различных авторов и могут быть проверены на практике: деонтологическая, консеквенциалистская, контрактарианистская и экзистенциалистская. Первая ориентирована на долг, вторая — на результат, третья — на договор; четвертая — на саморазвитие и самосовершенствование.
- Жизненные стратегии формируются и воспроизводятся в сознании личности, а воплощаются в определенных поведенческих моделях, которые включают в себя не только конкретные практики, но и нравственную оценку поступков и моральные убеждения респондентов. Несмотря на то, что декларируемые этические ориентации не гарантируют совершения тех или иных действий, возможно проанализировать отношение к ним как к нормативным или ненормативным и получить верифицируемые результаты.
- Результаты практического исследования свидетельствуют о высоком уровне атомизации молодежи (что неудивительно при схожих тенденциях в со-

временном российском посттрадиционном обществе в целом⁴), который способствует ситуативной и/или несистематической реализации различных моральных убеждений, что может быть объяснено тенденциями клиповизации сознания и фрагментарного усвоения этико-нормативных кодов. Поэтому выделенные поведенческие модели необходимо рассматривать в качестве «идеальных типов», которых в рафинированном виде придерживается относительно малый процент опрошенных респондентов.

- Проверка каждой из выделенных жизненных стратегий показала, что на практике реализуются только деонтологическая, консеквенциалистская и контрактарианистская поведенческие модели. Экзистенциалистская трансформируется в эгоцентрическую, поскольку ключевая ценность саморазвития и самосовершенствования смещается в сторону неприятия (порой довольно агрессивного) мнений других людей, неспособности поддерживать идею общего блага и поступать так, чтобы содействовать его приросту, даже если это требует отказа от тех или иных индивидуальных благ.
- Наиболее востребована деонтологическая жизненная стратегия, которая реализуется среди молодых людей, ориентированных на традиционалистские ценности, при этом их приоритетами являются долг и возможность принести пользу, благо другим людям. Это подтверждается и другими исследовательскими данными: молодежь демонстрирует высокий уровень социальной ответственности, думая не только о себе, но и о судьбе страны [Радаев, 2019: 163—164], а также являясь своего рода стейкхолдерами различных социальных активностей [Седова, 2019: 15—16], к которым относятся практики волонтерства [Богомолова и др., 2017: 86], экоактивизма [Гегер, Гегер, 2018: 71], протестной вовлеченности [Ушкин, 2017: 128] и т. д.
- Другой достаточно часто встречающейся жизненной стратегией выступает консеквенциалистская. Придерживающиеся ее респонденты тяготеют к саморефлексии, сконцентрированы, как правило, на решении текущих задач и/или получении прагматических результатов и устойчивы к популистским манипуляциям. По большому счету, она противопоставляется деонтологической стратегии, ориентируя молодых людей не столько на общее, сколько на персональное благо, выраженное в соответствующих категориях инструментальных ценностей (доход, здоровье, целедостижение, свобода и т. д.) [Коваль, Ушкин, 2018: 144].
- Реже встречаются представители контрактарианистской и эгоцентрической стратегий. Первая включает в себя тех, кто наиболее конформен, лабилен, открыт для обсуждения, в том числе собственных моральных убеждений, и ориентирован на участие в публичных дискурсах по ценностно-нормативным вопросам. Вторая объединяет студентов со стойкими убеждениями, практически не подверженных колебаниям, при этом существенное место в структуре личностных убеждений занимает собственное эго.

⁴ Как отмечают по этому поводу специалисты ВЦИОМ, россияне сегодня «сами, на индивидуальной основе строят свои жизненные стратегии, где господствуют ценности массового потребления, основательно разряжены семейные традиции, катастрофически низок уровень общественной солидарности и самоорганизации; это тот случай, когда автостереотип, представления общества о самом себе, резко противоречит реальному состоянию общественной морали и правосознания, фиксируемым объективными инструментами» [Бызов, 2018: 124].

Вместо заключения

Полученные результаты и выводы могут быть использованы для восполнения некоторых лагун, образовавшихся на стыке социологии и этики, связанных с практической реализацией этических принципов в повседневной жизни. Кроме того, изучение корреляций между моральными убеждениями и поведенческими ориентациями респондентов может быть полезно в разработке и реализации стратегии воспитания молодежи, системе образования, управлении государственной молодежной политикой.

Поскольку преобладает доля ядерных сторонников деонтологической жизненной стратегии, можно предположить, что поддержка государством традиционных ценностей и провозглашение стратегических целей с опорой на традиции (как, например, в ст. 67.1, которой предлагается дополнить Конституцию Российской Федерации⁵), найдет положительный отклик в молодежной среде (правда, при условии, если не будет фактов фальсификации общероссийского голосования и случаев принуждения к участию в нем, подрывающих представления человека-долга о честности и справедливости).

Высокий уровень фрагментированности сторонников той или иной жизненной стратегии, ситуативности ее выбора требует сосредоточить последующие исследовательские усилия не столько на дальнейшей типологизации моделей, сколько на поиске механизмов переключения между ними и сопутствующих этому факторов. Понимание особенностей перехода людей из одного режима в другой, рассмотрение различных компромиссных форм, как мы надеемся, позволит выявить более тесные взаимосвязи между этическими принципами и их реализацией в повседневной жизни, а также поможет снизить степень атомизации общества и обособленности индивидов, которые отчетливо фиксируются в результатах нашего исследования.

Список литературы (References)

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / пер. с англ. С. Кастальского, Н. Рудницкой. М.: Европа, 2008.

Arendt H. (2008) Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства / пер. с англ. Б. Г. Капустина М.: РОССПЭН, 1998.

Bentham J. (1998) An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993.

Berdyayev N. A. (1993) The Destiny of Man. Moscow: Respublika. (In Russ.)

де Бовуар С. Второй пол / пер. с фр. С. Г. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
de Beauvoir S. (1997) Le Deuxième Sexe. Moscow: Progress; Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

⁵ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Богомолова Е. В., Галицкая Е. Г., Кот Ю. А., Петренко Е. С. Повседневность россиян: Гражданские и потребительские практики // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 180—197.

Bogomolova E. V., Galitskaya E. G., Kot Yu. A., Petrenko E. S. (2017) Everyday Life of Russians: Civil and Consumer Practices. *Universe of Russia*. Vol. 26. No. 1. P. 180—197. (In Russ.)

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости : Очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковеновой. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Boltanski L., Thévenot L. (2013) *De la Justification: Les Économies de la Grandeur*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Брейкин О. В. Становление нравственного идеала в культурах Древнего мира. Саранск : Издательство Мордовского университета, 1996. Breikin O. V. (1996) *Formation of the Moral Ideal in the Cultures of the Ancient World*. Saransk: Mordovia University Publishing House. (In Russ.)

Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. М. И. Левиной, С. В. Лёзова, И. И. Маханькова, А. Ю. Миронова, В. В. Рынкевича, Ю. С. Терентьева. М.: АСТ, 1999. Buber M. (1999) *Zwei Glaubensweisen*. Moscow: AST. (In Russ.)

Бызов Л. Г. Идеиные рубежи «посткрымского консенсуса» // Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016—2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. В. В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2018. С. 105—150.

Byzov L. G. (2018) The Ideological Frontiers of the 'Post-Crimean Consensus'. In: Fedorov V. V. (ed.) *The Elections on the Backdrop of the Crimea: Electoral Cycle 2016—2018 and the Prospects of Political Transit*. Moscow: Russian Public Opinion Research Centre — VCIOM. P. 105—150. (In Russ.)

Гегер А. Э., Гегер С. А. Факторы эоактивизма в России // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 65—76.

Geger A. E., Geger S. A. (2018) Factors of Ecoactivism. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 10. P. 65—76. (In Russ.)

Горшков М. К. Российская молодежь: К истории и роли в современном обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 4. С. 16—25. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1>.

Gorshkov M. K. (2019) Russian Youth: To the History and Role in Modern Society. *Humanities of the South of Russia*. Vol. 8. No. 4. P. 16—25. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1>. (In Russ.)

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Современник, 1981.

Dostoevsky F. M. (1981) *The Brothers Karamazov*. Moscow: Sovremennik. (In Russ.)

Достоевский Ф. М. Бесы. М.: Художественная литература, 1990.

Dostoevsky F. M. (1990) *Demons*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)

Дюркгейм Э. Самоубийство / пер. с фр. А. Н. Ильинского. М.: АСТ, 2018.

Durkheim É. (2018) *Suicide*. Moscow: AST. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 42—51.

Zubok Yu. A. (2003) Youth Social Development Issues under Risk Conditions. *Sociological Studies*. No. 2. P. 42—51. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>. (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011.

Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe Izdatelstvo. (In Russ.)

Камю А. Бунтующий человек. Философия, политика, искусство / пер. с фр. И. Я. Волевича, Ю. М. Денисова, А. М. Руткевича, Ю. Н. Стефанова. М.: Политиздат, 1990.

Camus A. (1990) *L'Homme Révolté*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. VIII.

Kant I. (1994) *Collected Works: in 8 vols*. Moscow: CHORO Publishing House. Vol. VIII. (In Russ.)

Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4 (1).

Kant I. (1965) *Collected Works: in 6 vols*. Moscow: Mysl. Vol. 4 (1). (In Russ.)

Коваль Е. А., Ушкин С. Г. Пути России в будущее: Готово ли наше общество стать «хорошим»? // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 136—145. <https://doi.org/10.7868/S0132162518020149>.

Koval E. A., Ushkin S. G. (2018) Russia's Paths in the Future: Is Our Society Ready to Become a "Good Society"? *Sociological Studies*. No. 2. P. 136—145. <https://doi.org/10.7868/S0132162518020149>. (In Russ.)

Кожевникова О. В., Кулагина Е. А. Искренность в ответах респондентов о политических предпочтениях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2008. № 2. С. 38—44.

Kozhevnikova O. V., Kulagina E. A. (2008) Sincerity in Respondents' Answers about Political Preferences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 38—44. (In Russ.)

Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой. М.: Культурная революция, 2010.

Kierkegaard S. (2010) *Frygt og Bæven*. Moscow: Kulturnaya Revolutsiya. (In Russ.)

Легостаева Н. И. Жизненные стратегии «дневной» и «ночной» молодежи Санкт-Петербурга // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2013. № 2. С. 92—98.

Legostaeva N. I. (2013) Life Strategies of 'Daytime' and 'Nighttime' Youth of Saint Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 92—98. (In Russ.)

Магун В. С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985—1995 годы // Социологический журнал. 1996. № 3—4. С. 29—48.

Magun V. S. (1996) Revolution of Aspirations and Changes of Life Strategies of the Youth: 1985—1995. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 29—48. (In Russ.)

Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Macintyre A. (2000) *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Moscow: Akademicheskiy Proekt; Yekaterinburg: Delovaya Kniga. (In Russ.)

Мягков А. Ю. Экспериментальные стратегии диагностики и измерения искренности респондентов // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 115—125.

Myagkov A. Yu. (2003) Experimental Strategies for Diagnosing and Measuring Respondents' Sincerity. *Sociological Studies*. No. 2. P. 115—125. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>.

Omelchenko E. L. (2019) Is the Russian Case of the Transformation of Youth Cultural Practices Unique? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>. (In Russ.)

Полутин С. В. Молодежь в системе социального воспроизводства: Социологический анализ. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2000.

Polutin S. V. (2000) *Youth in the System of Social Reproduction: A Sociological Analysis*. Saransk: Mordovia University Publishing House. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Radaev V. V. (2019) *Millennials: How the Russian Society Changes*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. Вдовиной. М.: МЕДИУМ, 1995.

Ricoeur P. (1995) *Le Conflit des Interpretations. Essais d'Herméneutique*. Moscow: MEDIUM. (In Russ.)

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. А. А. Санина // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319—344.

Sartre J.-P. (1989) *L'existentialisme est un Humanisme*. In: *Twilight of the Gods*. Moscow: Politizdat. P. 319—344. (In Russ.)

Сартр Ж.-П. Тошнота / пер. с фр. Ю. Я. Яхниной. СПб.: Кристалл, 2001.

Sartre J.-P. (2001) *La Nausée*. Saint Petersburg: Kristall. (In Russ.)

Седова Н. Н. Самодостаточность и активизм в мировоззренческих установках россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 9—25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6796>.

Sedova N. N. (2019) Activism in the Worldview of Russians. *Sociological Science and Social Practice*. No. 4. P. 9—25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6796>. (In Russ.)

Ушкин С. Г. Протесты и протестующие провинциального города: Как к ним относится население? // Власть. 2017. Т. 25. № 11. С. 123—129.

Ushkin S. G. (2017) Attitude of the Population to the Protests in the Provincial City. *The Authority*. Vol. 25. No. 11. P. 123—129. (In Russ.)

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С. В. Шачина. СПб. : Наука, 2001.

Habermas J. (2001) *Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Шарова Е. Н., Недосека Е. В. Жизненные стратегии молодежи Мурманской области: Социологический анализ основных измерений // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17. № 4. С. 802—811.

Sharova E. N., Nedoseka E. V. (2014) Life Strategies of the Murmansk Region Youth: Sociological Analysis of the Basic Measurement. *Vestnik of MSTU*. 2014. Vol. 17. № 4. P. 802—811. (In Russ.)

Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.

Shchedrovitsky G. P. (1995) *Selected Works*. Moscow: School of Cultural Policy. (In Russ.)

Etzioni A. (2002) The Good Society. *Seattle Journal of Social Justice*. Vol. 1. No. 1. P. 83—96.

Gauthier D. (1986) *Morals by Agreement*. Oxford: Oxford University Press.

Gauthier D. (1997) Political Contractarianism. *Journal of Political Philosophy*. Vol. 5. No. 2. P. 132—148. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00027>.

Hampton J. (1993) Feminist Contractarianism. In: Antony L., Witt Ch. (eds.) *A Mind of One's Own: Feminist Essays on Reason and Objectivity*. Boulder, CO: Westview Press. P. 227—256.

Hume D. (1987) Of the Original Contract. In: Miller E. F. (ed.) *Essays, Moral, Political, and Literary*. Indianapolis, IN: Liberty Classics. P. 465—487.

Korsgaard C. M. (1996) *The Sources of Normativity: The Tanner Lectures on Human Values Delivered at Clare Hall, Cambridge University*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511554476>.

Mill J. S. (1979) *Utilitarianism*. Indianapolis, IN; Cambridge, MA: Hackett Publishing Company.

Norman G. R., Streiner D. L. (1994) *Biostatistics: The Bare Essentials*. Saint Louis, MO: Mosby.

Pateman C., Mills Ch. W. (2007) *Contract and Domination*. Cambridge: Polity Press.

Raubenheimer J. E. (2004) An Item Selection Procedure to Maximize Scale Reliability and Validity. *South African Journal of Industrial Psychology*. Vol. 30. No. 4. P. 59—64. <https://doi.org/10.4102/sajip.v30i4.168>.

Rawls J. (1999) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Sidgwick H. (1981) *The Methods of Ethics*. Indianapolis, IN; Cambridge, MA: Hackett Publishing Company.

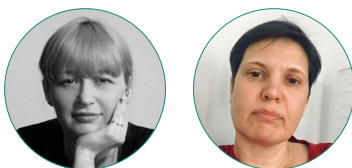
Singer P. (1993) *Practical Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Thomson J. J. (1976) Killing, Letting Die, and the Trolley Problem. *The Monist*. Vol. 59. No. 2. P. 204—217. <https://doi.org/10.5840/monist197659224>.

Tillich P. (1952) *The Courage to Be*. New Haven, CT: Yale University Press.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1618

Ж. В. Чернова, Л. Л. Шпаковская

ПЕРЕХОД К ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, ИМЕЮЩИХ ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЗАБОТЫ

Правильная ссылка на статью:

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Переход к взрослой жизни молодых людей, имеющих опыт институциональной заботы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 94—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1618>.

For citation:

Chernova Z. V., Shpakovskaya L. L. (2020) Institution-Reared Children and Their Transition to Adulthood. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 94—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1618>.

ПЕРЕХОД К ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, ИМЕЮЩИХ ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЗАБОТЫ

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: zhchernova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

ШПАКОВСКАЯ Лариса Леонидовна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: slarisalarisa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4206-4702>

Аннотация. Цель статьи — реконструировать траектории перехода, характерные для взросления выпускников детских домов в российском контексте. Социальная политика, создавая условия доступа к услугам государственных структур и ресурсам, формирует нормативное представление о поведении молодых людей в соответствии с их возрастом. В современных обществах происходят дестандартизация и дефрагментация разворачивания биографических событий в жизни молодых людей, а индивидам приписывается активная роль в совершении жизненно важных выборов и принятии биографических решений.

В статье используется концепция режима перехода как совокупности институтов социальной политики и культурных нормативных предписаний, задающих условия и модели взросления. Для преодоления разрыва между

INSTITUTION-REARED CHILDREN AND THEIR TRANSITION TO ADULTHOOD

Zhanna V. CHERNOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor

E-MAIL: zhchernova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

Larisa L. SHPAKOVSKAYA² — Cand. Sci. (Soc.)

E-MAIL: slarisalarisa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4206-4702>

¹ National Research University Higher School of Economics in St Petersburg, Saint Petersburg, Russia
² Independent Researcher, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article explores the transition to adulthood of care leavers in Russia. Social policies enabling access to public services create a normative vision of youth's behavior according to age. Modern societies are characterized by destandardization and defragmentation of events unfolding in the biographies of young people, and individuals are expected to play an active role in making vital choices and decisions.

In this article, transition is viewed as a number of social policy institutions and culture-related normative regulations framing the process of growing up. The authors use the resilience concept taking into consideration a societal context to bridge the gap between the structure level and the individual biography level during the transition to adulthood.

The study is based on biographical interviews of care leavers, expert interviews,

структурным уровнем и индивидуальным биографическим уровнем перехода к взрослой жизни выпускников детских домов используется концепция резильентности, позволяющая учесть социетальный контекст и индивидуальные особенности взросления.

Эмпирическая база исследования включает биографические интервью с выпускниками детских домов, экспертные интервью, а также материалы тематических блогов и форумов. На основе анализа собранных эмпирических данных проанализированы типичные траектории перехода к взрослой жизни: движение вперед, адаптация и скатывание, а также выделены факторы резильентности, способствующие попаданию на ту или иную жизненную траекторию. В статье показано, как специфика понимания взрослости и особенности нормативного перехода к взрослой жизни фактически становятся структурными ограничениями, которые помещают выпускников в рамки стандартизированного перехода, характерного для индустриального общества, и не оставляют шансов для гибких индивидуализированных и пролонгированных переходов, типичных для современной молодежи (прежде всего представителей среднего класса, обладающих таким страхующим механизмом, как семья; их переход рассматривается как культурная норма взросления). Стандартизированная, нормативная модель перехода, предписываемая выпускникам детских домов, противоречит современной тенденции плюрализации жизненных стилей молодежи.

thematic blogs and forums. The authors provide an analysis of typical trajectories of the transition to adulthood: moving forward, adapting and going off the trajectory. The article describes resilience factors behind a particular path and explains how different understanding of adulthood and a normative transition to adulthood turn into structural restrictions resembling industrial society and leaving no chances for care leavers for a more individualized flexible transition typical of modern young people (basically, middle class young people with a family as an “insurance mechanism”; their transitions is regarded as a cultural norm while growing up). Standardized normative model of transition that care leavers have to follow goes contrary to the modern trend towards pluralization of youth lifestyles.

Ключевые слова: молодежь, переход к взрослости, выпускники детских домов, биографический подход, жизненные траектории

Keywords: youth, transition to adulthood, care leavers, biographical approach, life trajectories

Благодарность. Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 20-01-005) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2020—2022 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100», а также при поддержке Благотворительного Фонда «Арифметика добра».

Acknowledgments. The article is part of the HSE Academic Fund Program in 2020–2022 (grant No. 20-01-005), “5-100 — Russian Academic Excellence Project” and supported by “Arifmetika Dobra” Charity Foundation.

Современное общество характеризуется не только существенными изменениями в моделях занятости, образования, брачно-репродуктивного поведения, но и пересмотром социальных и культурных сценариев взросления. Традиционными маркерами взрослости в индустриальную эпоху выступали окончание образования, выход на рынок труда, жилищная и экономическая автономия, а также создание собственной семьи и рождение детей. Переход к взрослой жизни представлял собой стандартизированную жизненную траекторию, ведущую к приобретению «взрослых» социальных статусов. Такой переход осуществлялся в более раннем возрасте, чем это происходит сейчас. Например, в России молодежь 1930-х годов рождения в среднем начинала работать в 18,8 года, а 1940—1950-х — в 20,3 года [Тындик, Митрофанова, 2014: 149], в то время как миллениалы начинают выходить на рынок труда в 25—29 лет [Радаев, 2020].

Достижение взрослых статусов происходило более или менее синхронно: время окончания формального послешкольного образования часто совпадало с началом трудовой биографии, временем вступления в брак и последующим рождением ребенка. Эта модель перехода поддерживалась индустриальным типом занятости и мерами социальной политики, которые задавали стандартную жизненную биографию, разделенную на отчетливые этапы, связанные с периодом получения образования как подготовкой к будущей работе, трудовым периодом на основе контракта «пожизненного найма», а также периодом завершения трудовой биографии и выхода на пенсию [Kravchenko, 2015].

Исследователи сходятся во мнении, что во второй половине XX века произошли радикальные изменения моделей взросления, обусловленные экономическими, демографическими и культурными факторами. Постиндустриальная экономика начала формировать другой тип занятости, характеризующийся прерывностью трудовой биографии, неустойчивостью позиции на рынке труда, переходом на «проектную» занятость. Массовизация доступа к высшему образованию привела

к увеличению времени получения профессионального образования и более позднему выходу молодежи на рынок труда [Бауман, 2008]. Второй демографический переход связан с повышением возраста вступления в брак, а также увеличением возраста матери при рождении первого ребенка [van de Каа, 1987]. Наряду с этим современные «общества риска» характеризуются детрадиционализацией и требуют от индивидов биографических инноваций и совершения выборов во всех аспектах их жизни [Бек, 2000]. Биографические сценарии плюрализируются и приобретают характер индивидуализированных по смыслу, а не только заданных классовыми, гендерными, этническими различиями.

Переход к взрослой жизни становится более пролонгированным во времени, асинхронным, индивидуализированным и осуществляется в более позднем возрасте. Например, окончание формального образования и выход на рынок труда, создание устойчивого партнерства и рождение ребенка могут быть событиями, существенно разнесенными по времени. Кроме того, переход к взрослой жизни может разворачиваться циклически, что предполагает возможность возврата к этапу начала перехода в результате индивидуального решения «обнулить» часть своей взрослой биографии. Таким примером может выступать уход с рынка труда для получения нового, дополнительного, образования или возврат для проживания в родительскую семью. Андреас Волтер называет такую модель перехода — стратегия «йо-йо», подчеркивая обратимость и фрагментированность достижения молодыми людьми взрослых статусов, обусловленные жизненными выборами индивидов и структурными рисками, которые определяют новую логику взросления [Walther, 2006].

Индивидуализация и плюрализация культурных моделей взросления также связаны с тем, что общество готово предоставить молодым людям мораторий на взросление, то есть дать время на поиск себя, приобретение жизненного опыта и навыков самостоятельной жизни. Такая модель взросления в первую очередь характерна для молодых людей из среднего класса, семьи которых обладают достаточными экономическими, социальными и культурными ресурсами, что позволяет им совершать биографические инновации.

Молодежь из среднего класса задает социальные и культурные образцы нормативного перехода, который становится пролонгированным и основанным на индивидуальном выборе [Furlong, Cartmel, 2007: 8]. При этом опыт перехода молодежи из рабочего класса и социально депривированных групп часто не вписывается в эту модель взросления [Уокер, 2013]. В отличие от молодежи из среднего класса, представители малоресурсных социальных групп нередко сталкиваются с «закрытыми дверями», то есть ограниченным образовательным выбором, который обычно ведет к получению малопrestiжных рабочих профессий. Таким образом, образование и будущая профессиональная судьба не являются для них результатом выбора. Отсутствие семейных ресурсов и поддержки в случае социальной неудачи затрудняет для них пересборку своей биографии и возврат к началу перехода, что вынуждает следовать стандартизированной биографии и осуществлять переход традиционного типа [Arnett, 2016].

Молодые люди — выпускники детских домов — являются социальной группой, чей опыт взросления неоднозначен и не всегда объясним исключительно с точ-

ки зрения доступных ресурсов. Хотя они не могут рассчитывать на поддержку семьи, имеющийся формальный статус делает их объектом интенсивной заботы со стороны государства и благотворителей, предоставляющих различные виды помощи. При этом в общественном дискурсе и академических исследованиях проблематизируется специфика взросления молодых людей, относящихся к данной социальной группе. Проблемы их адаптации к взрослой жизни определяются как результат неспособности эффективно воспользоваться доступными им ресурсами [Дементьева, 1992; Присяжная, 2007; Корнеева, Стрельникова, 2009; Антонова, Абрамов, 2017]. В данной статье мы рассматриваем, как происходит взросление выпускников детских домов, и объясняем, как институционализированный режим перехода задает репертуар возможностей, а также исключает тех, кто не способен в него вписаться.

Режим перехода: институционализированные траектории и индивидуальная резильентность

Современные социальные исследования специфики перехода подчеркивают необходимость изучения взаимосвязи его структурного и субъективного уровня, вводя для этого понятие «режим перехода» [Walther, 2006]. Режим перехода определяется социальной политикой государства, которая посредством определенных институтов (таких как образование, занятость, семья) формирует нормативные образцы поведения индивида в зависимости от его возраста. Он также включает доминирующие ценности в отношении той или иной социальной группы, что задает интерпретации биографического опыта индивидов, производя тем самым «нормальную» биографию и сценарии ее развития. Индивидуальный уровень режима перехода представлен субъективными значениями и смыслами, которыми индивиды наделяют свой опыт. Последний определен тем или иными институтом, а также задан доступными его носителям возможностями и образцами. Иными словами, они наделяют институты перехода субъективным значением, адаптируют их и изменяют применительно к своим жизненным ситуациям и имеющимся ресурсам.

Структурный уровень режима перехода к взрослости определяется спецификой модели социальной политики, а именно тем, каким образом устроена система образования, как государство организует выход молодежи на рынок труда, а также какие меры поддержки доступны молодым людям для обретения жилищной автономии от родительской семьи [Iacovou, 2002, Walther, 2006; Kravchenko, 2015]. Режимы перехода также имеют ценностное измерение, которое вписано в культурные представления о молодежи и отражает основные социетальные ожидания в отношении молодых людей. Например, нормативный концепт молодости может выстраиваться как на идее индивидуализации и личностного развития, так и на представлении о необходимости адаптации к социальным позициям в обществе или ранней экономической независимости как результата выхода на рынок труда [Walther, 2006].

Таким образом, режим перехода задает общий сценарий, в рамках которого индивиды строят свои жизненные траектории. Типология траекторий взросления может быть выстроена на основе социально-экономической позиции молодых людей, а также имеющихся у них ресурсов и возможностей. Майкл Штейн, иссле-

дую траектории перехода выпускников детских домов в Европе, выделяет следующие три типа их жизненных путей. Первый тип — «движение вперед» (moving on), то есть преодоление возникающих проблем. Второй — «приспособление» (getting by) к существующим условиям. Третий — «скатывание» (going under), или неспособность справиться с жизненными трудностями и проблемами адаптации к взрослой жизни. Штейн полагает, что необходим детальный анализ причин, влияющих на то, почему выпускники детских домов оказываются на той или иной траектории [Stein, 2006]. Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы будем использовать концепцию резильентности, поскольку она позволяет не только учитывать социальный контекст перехода к взрослости, но и увидеть динамичный характер перехода, обращает внимание на конфигурацию биографических событий и факторов, способствующих попаданию индивидов на определенную биографическую траекторию.

В академическом дискурсе термин «резилиенс» (resilience), или «резильентность», имеет множество определений. В русскоязычной научной литературе он переводится по-разному: устойчивость, стрессоустойчивость, жизнестойкость [Трубина, 2016; Романова, 2017; Павлова, Гудалов, Коцур, 2018; Трещенков, 2019]. Концепт «резильентность» применительно к изучению опыта взросления воспитанников детских домов используется не как фиксированная характеристика, а как динамическое свойство успешного перехода, включающее в себя и структурные элементы, и внутренние ресурсы молодых людей [Gilligan, 2008: 37]. Резильентность позволяет осуществлять успешный переход, пользоваться доступными ресурсами, демонстрировать устойчивость по отношению к стрессорирующим внешним факторам, снижать риски социальной неудачи. Благодаря резильентности выпускники детских домов могут выбирать индивидуальную траекторию «движения вперед», а не просто приспосабливаться к существующим условиям, и избегать нисходящего движения, «скатывания вниз» [Stein, 2006].

Исследования специфики перехода молодежи из малоресурсных социальных групп выделяют множество факторов, способствующих формированию резильентности, которые зависят от режима перехода (например, образовательная и материальная поддержка, помощь в трудоустройстве, обеспечение жильем и т. п.). К ним также относится целый ряд индивидуальных характеристик воспитанников детских домов: от состояния здоровья молодых людей, их психологических особенностей до степени их интегрированности в профессиональные, дружеские и семейные сети [Stein, 2004, 2006].

В данной статье мы используем термин «резильентность», понимая под ним способность выпускников детских домов преодолевать структурные ограничения, с которыми они сталкиваются, их умение превращать ограничения в преимущества и использовать доступные им ресурсы.

Эмпирические данные и методы анализа

Информация о режиме перехода и биографических траекториях выпускников детских домов была получена следующими методами сбора социологической информации: (1) биографические интервью с выпускниками детских домов (N = 60) в возрасте от 17 до 30 лет из различных регионов России, участвовавших

в программах благотворительного фонда, с которым работали авторы, что определило специфику выборки, в которую преимущественно попали относительно успешные выпускники (понятие успешности применительно к теме исследования будет обсуждаться далее); (2) экспертные интервью ($N = 27$) с сотрудниками НКО, работающими в сфере помощи детям, оставшимися без попечения родителей, а также с работниками интернатных учреждений для детей, учителями общеобразовательных школ; (3) законодательство, программные документы и официальные материалы, регламентирующие деятельность институтов в системе защиты прав детей; (4) представляющие жизненные истории выпускников детских домов посты в пабликах в социальных сетях и статьи на сайтах НКО, работающих в сфере постинтернатного сопровождения.

Анализ данных собранной текстовой (или транскрибированной в текст) информации осуществлялся методом тематического кодирования [Flick, 2006] с использованием программы ATLAS.ti. На первом этапе при помощи открытого кодирования были выделены смысловые фрагменты текстов, которые затем были объединены в тематические категории, представляющие собой описание различных элементов процесса перехода, их смыслов и значений. Были также выделены воспринимаемые ресурсы, барьеры и способы их преодоления молодыми людьми и девушками. На втором этапе были реконструированы типичные биографические сценарии, а также ресурсы и барьеры, способствующие попаданию на ту или иную траекторию. Затем были выбраны биографические кейсы, которые позволили проинтерпретировать механизмы работы резильентности в контексте конкретных биографий.

Российский режим перехода к взрослости

Используя концепт режима перехода, мы выделяем основные черты российского взросления. Социальная политика в отношении молодежи исходит из «приоритета обеспечения благополучного и защищенного детства» [Доклад по итогам..., 2018], и риторика детствосбережения в отношении этой возрастной группы оформляет ее зависимое и подчиненное положение по отношению к «старшим» (в роли которых могут выступать родители или государство). Идеологически молодежь рассматривается как трудовой и демографический «резерв» [Чернова, 2010], как ресурс сохранения устойчивости политической системы [Чекмарев, 2017], что также символически лишает ее агентности. Такая символическая конструкция молодежи поддерживается основными мерами помощи, адресованными этой возрастной группе. Последние скорее ориентированы на сохранение зависимой позиции молодых людей в контексте государственного и/или семейного патернализма, нежели на стимулирование автономии, экономической самостоятельности и раннего выхода на рынок труда.

Для российской молодежи вне зависимости от социально-экономического статуса образование выступает основным институтом перехода, выполняющим роль «социального сейфа» [Беляков, Клячко, Полушкина, 2018: 44]. При этом институциональный дизайн образования предполагает достаточно много возможностей выбора для построения индивидуализированных траекторий, соответствующих предпочтениям учащихся и социально-экономическим ресурсам их

семей. Среднее общее образование является обязательным¹. Образовательная специализация начинается по окончании основного общего образования (9 классов) в возрасте 15—16 лет. После этого молодые люди могут продолжить обучение в старшей школе или поступить в систему СПО², то есть сделать выбор между академическим и профессиональным образовательными треками. После окончания 11 классов в возрасте 17—18 лет молодые люди снова сталкиваются с необходимостью принять решение о том, как будет выстроена их дальнейшая образовательная траектория. Они могут продолжить академический трек, поступив в вуз, или же перейти на профессиональный трек, выбрав обучение в учреждениях СПО, которое может завершиться выходом на рынок труда или переходом в систему высшего образования (ВО). В систему послешкольного образования попадает почти 100 % молодежи, из них 60,2 % поступают в вузы, а 39,4 % — в систему СПО [Чередниченко, 2019: 97]. Согласно статистическим данным, массовый выход молодежи на рынок труда происходит в возрасте 25—29 лет [Рабочая сила..., 2018: 31]. До достижения 18 лет выход на рынок труда возможен только на условиях неполной занятости в свободное от учебы время. Отсутствие политики активации занятости молодежи на фоне массовизации послешкольного образования, в том числе за счет расширения возможностей обучения на платной основе, приводит к тому, что показатели экономической активности молодежи в возрасте до 25 лет остаются минимальными [Чередниченко, 2010: 54]. Таким образом, российский режим перехода связан, прежде всего, с получением послешкольного образования (СПО и ВО).

В период получения послешкольного образования основным источником поддержания благосостояния молодых людей выступает родительская семья [Константиновский, 2018]. Это косвенно также подтверждают данные об экономической активности молодежи, а также о начале независимой от родительской семьи жизни. В 2014 г. экономически активными среди молодежи в возрасте 20—24 лет были 22,2 %, среди 25—29 лет — 38,1 % [Бобков, Бобков, 2016: 12]. В 2016 г. 23 % 25—34-летних россиян продолжали жить с родителями [Радаев, 2020: 72]. В целом поддержка семьи в процессе перехода выступает критическим ресурсом для молодых людей, обеспечивая возможность совершения образовательного выбора и получения послешкольного образования, образовательной миграции в крупный город с более развитой экономической инфраструктурой, приобретения или аренды жилья, а также постепенного выхода на рынок труда, компенсируя риски длительного поиска работы, безработицы и неформальной занятости [Walker, 2018; Чередниченко, 2019].

Выпускники детских домов в официальной риторике определяются не как «ресурс», а как «проблема» [Walker, 2018], что легитимирует повышенную опеку и контроль со стороны государства в отношении этой группы молодежи. При этом специфика их взросления определяется российским режимом перехода к взрослости, ориентированным на достаточно длительный образовательный переход.

¹ См. ст. 66 п. 5 Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/66c0c83e63d34f08870033f56479217971de7ae4/ (дата обращения: 16.06.2020).

² СПО — среднее профессиональное образование.

Формальный статус, которым обладают представители данной социальной группы, предполагает их зависимость не от семьи, а от государства как основного источника благополучия, что находит свое выражение в многочисленных мерах поддержки и льготах, которые они получают в рамках социальной политики.

Начиная с конца 1990-х годов государство предоставляет достаточно широкий перечень мер поддержки, адресованных детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Многие из них направлены на обеспечение доступа к образованию: льготы при поступлении в высшие учебные заведения, а также возможность получить две специальности в системе СПО на полном государственном обеспечении, выплату повышенной стипендии, предоставление бесплатного места в общежитии, обеспечение бесплатным питанием в течение дня. Целый ряд других мер также привязан к статусу студента: обеспечение одеждой, учебниками и канцтоварами, льготы при проезде в общественном транспорте и проч. Помимо вышеперечисленных мер государство предоставляет детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, жилье³. Государственные выплаты, пособия и льготы заканчиваются при достижении молодыми людьми 23 лет. Этот возраст отмечает период, по окончании которого выпускники детских домов должны стать «взрослыми», то есть получить образование и обрести финансовую и жилищную автономию.

Результаты социологических исследований показывают, что профессиональный трек (поступление в учебные заведения СПО после получения полного среднего образования) является наиболее массовой и стандартизированной траекторией образовательного перехода выпускников детских домов. Так, 77,3% воспитанников детских домов после окончания 9 класса поступают в учреждения СПО по программам подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена, в то время как в систему высшего профессионального образования попадает не более 7% выпускников [Ослон, 2016: 148]. При этом выпускники детских домов часто используют имеющееся у них право получения двух специальностей СПО, оставаясь в системе послешкольного образования и государственной помощи до 23 лет [Абрамов и др., 2016].

В отличие от остальной молодежи, и прежде всего молодежи из среднего класса, для которой период получения послешкольного образования является временем саморазвития, поиска себя, совершения жизненных выборов и биографических экспериментов, для выпускников детских домов период получения образования — период продленной зависимости, дисциплинарного контроля со стороны образовательных учреждений и ограниченности индивидуального выбора. Сам образовательный выбор вписан в логику функционирования системы заботы о детях-сиротах и поддерживается институциональным альянсом детских домов и образовательных учреждений [Чернова, Шпаковская, 2020]. Выход на рынок труда по окончании обучения также откладывается мерами социальной политики, которые не способствуют преодолению зависимости от государственных выплат (в виде пособия по безработице) и обретению экономической независимости.

³ См. ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ от 21.12.1996 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/785ff748eda8db09e9275dc8231632fa1a2d0062/ (дата обращения: 16.06.2020).

Достижение жилищной автономии также не соответствует индивидуальным потребностям и предпочтениям молодых людей, поскольку практика распределения жилья детям-сиротам [Отчет о результатах..., 2020] не ориентирована на обеспечение выборности региона и места проживания.

В целом, хотя режим перехода выпускников детских домов вписан в общую логику взросления российской молодежи в рамках образования, государственный патернализм не дает возможности выбора и поддерживает пассивную, зависимую позицию выпускников как получателей стандартизированной государственной помощи. Далее, используя концепцию резильентности, мы проанализируем каким образом, при наличии сходного объема ресурсов, одни выпускники совершают восходящую социальную мобильность, а другие переживают социальное поражение.

Траектории перехода: анализ биографических кейсов

На основе анализа массива эмпирических данных нами были выбраны три биографических кейса, каждый из которых представляет одну из траекторий перехода к взрослости: движение вперед, адаптация и скатывание. Поскольку связь между институционализированным жизненным циклом и биографией диалектическая [Walther, 2006], биографические нарративы, с одной стороны, представляют собой уникальные истории взросления, а с другой — оказываются структурированными доступными ресурсами, нормативными образцами и системами интерпретации последовательностей событий перехода.

Траектория движения вперед

Случай Светланы⁴: «Забивать, играть, выигрывать, и все зависит только от меня»

В качестве примера того, как формируется и работает резильентность, способствующая восходящей социальной мобильности, мы выбрали случай Светланы (19 лет). Это один из наиболее успешных кейсов в нашем массиве данных, тем не менее, он типичный, поскольку в нем артикулируются основные факторы резильентности, выделенные также и в других интервью. Среди них: разделение ценности образования и хорошая школьная успеваемость, наличие сильных сетей социальной поддержки, успехи во внешкольной активности.

На момент интервью Светлана учится в педагогическом колледже на преподавателя физической культуры и профессионально играет за городскую спортивную команду по женскому футболу. Она живет в детском доме одного из российских крупных региональных городов, поскольку в колледже, где она учится, нет общежития. Она также стоит в очереди на получение жилья. Светлана оказалась в системе учреждений институциональной заботы в три года: по ее словам, туда ее «сдала» кровная семья. Своих родственников она не знает и не хочет установить с ними контакты в будущем. Всего Светлана побывала в четырех учреждениях для детей-сирот.

Спорт занимает центральную роль в ее рассказе о своем опыте взросления, поскольку благодаря успешной игре за различные спортивные команды она полу-

⁴ Здесь и далее имена изменены.

чила жизненный опыт за пределами детского дома, имела возможность общения с находящимися вне системы институциональной заботы сверстниками и взрослыми. Благодаря спорту Светлана выбрала будущую специальность. Она уже имела опыт выступления за московский футбольный клуб и даже за молодежную сборную России. На момент интервью контракт с московским клубом закончился, и Светлана вернулась в родной город, ожидая подписания следующего контракта.

Как и многие другие воспитанники детских домов, Светлана еще в детстве начала заниматься в спортивной секции. Успехи в спорте помогли ей понять важность образования: Светлана начала хорошо учиться в школе, которую посещали воспитанники ее детского дома, и это дало ей возможность затем поступить в школу олимпийского резерва. Улучшение академической успеваемости стало возможным благодаря тому, что ей были доступны дополнительные ресурсы в виде образовательной программы благотворительного фонда. В случае Светланы желание учиться лучше и дополнительные образовательные возможности могут рассматриваться как элементы формирования резильентности. Важную роль здесь играет и поддержка значимых взрослых, а именно тренера команды. В интервью можно проследить тот момент, который сама информантка определяет как «щелчок», когда она начала понимать, что может самостоятельно действовать и выбирать свою судьбу:

*Еще тренер мне говорил, что «Свет, как ты учишься, так ты и играешь в футбол». И тогда я поняла, действительно, что пора что-то менять. А потом я узнала, что фонд помимо онлайн-обучения еще проводит мотивационные тренинги. Началось все с того, что я сначала посетила тренинг. И, наверное, за эти два дня у меня [произошел] **такой щелчок**, что я поняла, что надо все менять. Если я хочу жить, как я хочу, то надо что-то менять и, конечно же, начинать именно с учебы. И я сразу же записалась онлайн, сразу добавила уроки и сразу стала заниматься. И результат пошел.*

Высокая академическая успеваемость позволила ей не только выстроить индивидуализированную образовательную траекторию и противостоять навязанному образовательному выбору со стороны персонала детского дома, но и прийти к пониманию своей версии жизненного проекта, отличной от стандартного жизненного сценария.

Они говорили, что «Света, заканчивай ты этот свой футбол, ты на нем далеко не уйдешь. Оно тебя не прокормит, займись делом: отучись, получи профессию, заведи семью и живи». <...> Но я на тот момент поняла, что я стану тем, кем я хочу, а не тем, кем они хотят: получить какую-нибудь профессию и работать. А я никогда этого не хотела, я всегда говорила, что я хочу быть педагогом, учить детей, вот, и сама образовываться. Они мне говорят: «Какой из тебя педагог».

Благодаря спорту и участию в дополнительных образовательных программах у Светланы сформировались сильные сети социальной поддержки. Структура ее социального капитала разнообразна, имеющиеся социальные контакты не связаны исключительно с детским домом. Она поддерживает отношения с воспита-

телями из тех детских домов, где она жила, и даже называет работавшую с ней социального педагога «своим лучшим другом», к которому она может обратиться за советом и помощью. Светлана рассказывает, что во время периода жизни в Москве она не прерывала контакты с сотрудниками своего детского дома, приезжала туда на праздники и выходные, а после завершения спортивного контракта в Москве «ее с радостью приняли обратно». Светлана также общается с сотрудниками благотворительного фонда, в чьих программах она принимала участие. Важно отметить, что эта коммуникация не прерывалась после того, как она поступила на учебу, а продолжается в форме дружеских отношений.

И многие из них [сотрудников фонда] для меня стали не просто друзьями, а очень близкими друзьями. Вот и даже когда я жила в Москве, мы с ними были 24/7 в контакте. И я ходила на все мероприятия к ним, мы с ними общались очень тесно. И даже сейчас, когда мы бываем в Москве, мы всегда пересекаемся. Они ходят на все мои матчи и в принципе мы всегда с ними в контакте. Вот и это дружба вот такая вот у нас вылилась.

Светлана старается не поддерживать близких дружеских отношений с другими воспитанниками и выпускниками детских домов, объясняя это тем, что обычно они обращаются к ней только «когда им нужны деньги». Она считает своими ближайшими подругами сверстниц вне детского дома — девушек из спортивной команды. Таким образом, ее социальные сети являются ресурсными, разнообразными по своему составу. Сама она обладает коммуникативной компетентностью, поскольку умеет не только завязывать, но и активно поддерживать устойчивые взаимоотношения.

У Светланы есть достаточно четкое представление о том, чего она хочет добиться в жизни и что она должна для этого сделать. Важной частью ее жизненной стратегии является получение профессионального образования, которое позволит ей использовать свой личный опыт и знание того, как устроена спортивная жизнь.

Вообще хочу я сейчас вот доучиться и потом поступить в Москву или на спортивного психолога, или на спортивный менеджмент. Что-то рядом с футболом, чтобы и как преподаватель, и как спортивный психолог или спортивный менеджмент. Мне самой это интересно, и, в принципе, я буду полезной, и знаю, что сейчас это очень актуально, так как я сейчас профессиональный спортсмен, сталкиваюсь со многими такими вопросами и понимаю, что это очень актуально.

Профессиональная мечта — стать игроком национальной сборной по футболу. Светлана верит, что сможет достичь своих целей, поскольку знает, что нужно для этого делать: «забивать, играть, выигрывать, и все зависит только от меня!»

Отличительной чертой биографических нарративов выпускников, «двигающихся вперед», является развернутый рассказ о своей жизни, использование активного залога «Я», представляющего говорящего как активного действующего субъекта. Сама биографическая структура повествования выстроена как рассказ о преодолении трудных жизненных обстоятельств [Галушина, 2019: 162]. На основе анализа случая Светланы, а также других интервью, которые мы отнесли

к траектории движения вперед, показана роль в успешной модели таких факторов, как возможность совершить индивидуальный образовательный выбор, широкие социальные сети поддержки, наличие позитивных образцов поведения. Благодаря этим факторам Светлана смогла вписать свою личную историю в российский режим перехода, связанный с мобильностью через систему образования, характерный для среднего класса и предполагающий возможность выбора. Если в случае «домашних» детей поддержку выбора в образовательной мобильности берет на себя семья, то для выпускников детских домов внешкольное образование и помощь НКО могут быть ресурсом индивидуализации, которая связана с построением не только образовательной траектории, но и жизненного проекта в целом. В этом случае статус выпускника детского дома дает широкие возможности. Высокий уровень резильентности позволяет молодым людям оценивать эти меры поддержки как ресурсы, формировать собственные цели и использовать данные ресурсы для их достижения.

Адаптивная стратегия

История Сергея: «У нас очень простые показатели успешности выпускников: он учится в колледже либо встал в центр занятости населения, или пошел в армию, он не сидит»

Адаптивная траектория связана с ситуативным использованием доступных выпускникам детских домов возможностей. В этих случаях не происходит образовательного перехода в направлении профессий среднего класса, но удается воспользоваться имеющимися «под рукой» ресурсами, оставаясь в пределах социальных возможностей, предоставляемых стандартизированным институционально оформленным переходом. В качестве эпиграфа мы выбрали слова одного из принявшего участие в исследовании экспертов, которыми он обозначает специфику социальных позиций выпускников детских домов как стабильных, но находящихся на относительно небольшой дистанции от маргинализации. Эти жизненные истории связаны с низкой резильентностью, что находит выражение на уровне нарративов в их немногословности, частом использовании пассивного залога, представлении себя объектом действий других или участником коллективного действия, в котором «я» не артикулировано. Такие истории рассказываются как будто нехотя, через перечисление основных событий жизни.

В качестве примера адаптивной траектории перехода мы выбрали историю Сергея (27 лет). Он родился в Санкт-Петербурге и был изъят из семьи в раннем возрасте, поскольку мать злоупотребляла алкоголем. Отца Сергей не помнит, а о матери говорит, что она с ним не общалась, хотя он и хотел поддержать с ней контакт. Мать умерла до достижения Сергеем совершеннолетия. О детском доме Сергей практически ничего не рассказывает. Несмотря на то, что он находился там в течение всего детства, у него не сформировалось близких отношений с воспитателями. О своем опыте пребывания в детском доме он отзывался нейтрально: «люди там хорошие, можно было много чему научиться». После выпуска его контакты с сотрудниками учреждения прекратились, и он никогда не обращался к ним за помощью. Он почти ничего не говорит о своих друзьях, упоминая только, что со времен детского дома у него «сохранился один друг».

Учиться в школе Сергею было неинтересно, поэтому школьная успеваемость была «не очень». После окончания 9 классов Сергей был зачислен в профессиональное училище. Его возможности выбора специальности, в первую очередь из-за низкой успеваемости, были крайне ограниченными, однако Сергей не оспаривает эту ситуацию, представляя ее как нормальную: «[Поступил] в училище строительное. У меня было три профессии: повар, столяр, маляр-штукатур. Мне посоветовали пойти на маляра, два года учился там». Сергей объясняет предложенный ему выбор тем, что при училище было общежитие, в котором проживали выпускники как его детского дома, так и других интернатов города. Во время жизни в общежитии Сергей, судя по всему, столкнулся с дедовщиной, к которой он со временем адаптировался: «Бывало не очень хорошо. Просто я пришел в такое время, что там уже и взрослые были. Немножко плохо было, но, когда я уже привык, когда некоторые выпустились, стало налаживаться, и хорошо было».

После выпуска и достижения совершеннолетия Сергей вернулся в комнату в коммунальной квартире, которая раньше принадлежала его матери. Там он испытывал сложности в связи с необходимостью самостоятельного проживания. Появились и случаи воровства. Сергей не понимал правил взаимодействия в коммунальной квартире, порядок пользования общими и личными вещами, переносил опыт и правила коллективного проживания детского дома во взрослую и самостоятельную жизнь.

Соседи взяли неформальное шефство над Сергеем, что сыграло решающую роль в его жизни. Благодаря их советам и помощи он смог освоить правила пользования общим имуществом в квартире, наладить свой быт. Они же помогли ему сделать ремонт в своей комнате. Сосед Юрий фактически стал наставником для Сергея, постоянно участвуя в его жизни и помогая справляться со сложными жизненными ситуациями. Юрий, предприниматель, устроил Сергея работать в свою фирму по производству мебели, где Сергей освоил столярное дело и продолжал работать на момент интервью. Юрий также неоднократно останавливал Сергея от совершения опрометчивых поступков, которые могли иметь для него негативные последствия. Так, когда к Сергею приходили в гости «сомнительные личности» (друзья по детскому дому, другие знакомые), которые употребляли алкоголь, Юрий контролировал их поведение, обеспечивая также безопасность других жильцов квартиры. Кроме того, Юрий пресек попытки Сергея заняться нелегальным бизнесом, связанным с мошенничеством.

Юрий Владимирович мне очень много помогает по жизни. Если бы не он, то, может, и на зоне я был сейчас. Он мне совет даст, наставит на ум, и деньгами даже помогал. Я очень благодарен Юрию Владимировичу, один бы я пропал точно.

На момент интервью Сергей снимал жилье недалеко от места работы, а свою комнату в коммунальной квартире сдавал. У него не было постоянной партнерши, и он имел довольно размытые планы относительно будущей семейной жизни. Можно сказать, что он, несмотря на свой возраст, по-прежнему находился в процессе перехода, поскольку продолжал зависеть от помощи и контроля Юрия.

Данный кейс мы относим к адаптивной траектории в связи с тем, выпускник смог приобрести и сохранить доступные ему ресурсы и статусы, связанные с взрослой жизнью: образование, жилье, работа. При этом меры государственной поддержки для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, были использованы им минимально в том числе и из-за отсутствия практических знаний, а также нехватки информации о доступной поддержке со стороны государства и НКО. В его случае стабилизирующим механизмом попадания в адаптивную траекторию перехода стала помощь соседей по коммунальной квартире, что фактически остановило его «скатывание». В историях других выпускников такую стабилизирующую роль может выполнять помощь благотворительных фондов или наставников, а в случае брака — семья мужа или жены.

Переход Сергея оказался, с одной стороны, вписан в российский режим перехода, поскольку связан с получением образования, а с другой — выпадает из него. Основным институтом перехода фактически оказалось не образование, а соседство по коммунальной квартире и работа на фабрике. Наставничество со стороны соседа помогло сделать переход индивидуализированным, предоставить именно ту помощь, которая была необходима молодому человеку в контексте его биографической ситуации. Этот переход можно было бы назвать переходом индустриального типа от школы к фабрике, но он так и не был завершен, поскольку не привел к личностной автономии и принятию личной ответственности за свое благополучие, которые ожидаются от индивидов в обществе риска.

Траектория скатывания

Случай Насти: «Опыт детского дома редко приводит к успеху. Чаще он ведет к разочарованию в себе и мире, асоциальному образу жизни, криминалу, зависимостям, лишению свободы и социально неодобряемым заболеваниям»

Эксперты и специалисты, работающие с воспитанниками детских домов, говорят, что нет никаких достоверных данных о том, как в долгосрочной перспективе складывается жизнь выпускников детских домов. Став взрослыми, молодые люди теряют связь с детским домом и работающими с ними НКО, а данные государственной статистики не собирают информацию о представителях этой социальной группы после достижения ими 23 лет. Несмотря на то, что проводились качественные и количественные исследования выпускников детских домов, участниками их становились относительно успешные молодые люди и девушки, которые поддерживают контакты с НКО, интернатными учреждениями и готовы поделиться своим мнением и/или опытом. Выпускники, оказавшиеся на траектории скатывания, находятся в «слепом пятне» как для исследователей, так и для специалистов, работающих в сфере постинтернатного сопровождения, так как, по словам экспертов, по достижении 23 лет они нередко исчезают из поля их зрения. В нашем исследовании респондентами стали относительно успешные выпускники, поддержанные благотворительным фондом. При этом эксперты, работающие с выпускниками, полагают, что траектория скатывания не является редкой.

Это достаточно типичный, я бы даже сказал — довольно шаблонный путь для наших ребят. Нам приходится работать не с мотивированными, горящими на свершения, же-

лающими учиться, работать, жить. Наша аудитория — из побитых жизнью, отверженных, маргинальных выпускников, которые не смогли найти себя в жизни после выпуска. (Сотрудник НКО в сфере постинтернатного сопровождения)

Для того, чтобы компенсировать нехватку эмпирических данных о биографических нарративах выпускников, потерпевших социальную неудачу, мы обратились к открытым материалам блогов и социальных сетей, в которых представлены жизненные истории выпускников, рассказанные как от первого лица, так и от лица взрослых, участвующих в помощи им в трудной жизненной ситуации.

Чтобы понять, насколько типична для российского контекста траектория скатывания, можно привести публикации на личной странице в социальной сети Facebook одной из бывших воспитанниц детского дома. Она приводит следующую информацию о том, как сложилась судьба ее одноклассников (1984—1985 г. р.). Вместе с ней из детского дома выпустились 17 человек, после чего «почти все они закончили ПТУ». К моменту написания поста в Facebook в 2020 г. автору было известно, что только пять человек вели стабильную жизнь: «реализовались в жизни потихоньку»; шесть человек умерли; один проживал в религиозной общине. Из всей группы шесть человек имели опыт тюремного заключения (некоторые неоднократно); двое имели опыт жизни на улице; один стал инвалидом в результате ДТП. Про четверых выпускниц автору поста было известно, что у них родились дети. Одна из них отказалась от ребенка. Данный пост также позволяет реконструировать основные жизненные события, связанные с траекторией скатывания, к которым относятся безработица, бездомность, злоупотребление алкоголем, судимость, ранняя смерть.

Для детального изучения того, как происходит попадание на эту жизненную траекторию, мы выбрали историю Насти, рассказанную сотрудником НКО, работающей в сфере постинтернатного сопровождения, в блоге этой организации. Настя умерла в 19 лет от серьезного инфекционного заболевания, ставшего в том числе «следствием наплевательского отношения к своему здоровью, склонности к саморазрушению и отсутствия навыков нести ответственность». Настя была изъята из семьи и провела несколько лет в системе интернатных учреждений, имея травмирующий опыт перемещения между детскими домами. После выпуска из интерната она стала учиться в профессиональном училище по специальности маляра и жила в общежитии при этом учебном заведении. После окончания училища она оказалась в сложной ситуации. В сентябре она должна была быть зачислена в другое училище на специальность «овощевод» и снова получить место в общежитии, но в период летнего перерыва надо было «где-то и на что-то жить». Из-за отсутствия места проживания она была вынуждена вернуться в квартиру к биологической матери, страдающей запойным алкоголизмом.

Однако жизнь с мамой как-то сразу не заладилась. Мама работает на приеме бутылок, зарабатывая 100 рублей в сутки. Большая часть этих денег пропивается, остальные тратятся на сигареты. Живет мама по графику — неделю работа, неделю — беспробудное пьянство. Ну, а с волками жить — по-волчьи выть.

Несмотря на то, что Настя в связи с ее статусом имела право на получение пособия и место временного проживания на период летних каникул (например, в социальной гостинице), она не смогла ими воспользоваться. Это может быть интерпретировано как результат недостаточной резильентности, не позволившей ей справиться с ситуацией временного выпадения из системы государственной помощи и институционализированных форм поддержки, а также с необходимостью самостоятельного действия для решения проблемы поиска жилья и средств существования. В течение двух месяцев Настя голодала, поскольку в этот период она была вынуждена проживать с матерью, образ жизни которой не позволял получить от нее поддержку и элементарные формы заботы. Через некоторое время биологическая «мать выгнала ее из дома», она была вынуждена жить на улице.

Оказалось, что любые возможные страхующие механизмы (меры государственной поддержки, НКО, семья, сети поддержки) в ее случае не сработали. У нее не было адекватных знаний о работе государственных учреждений, как не было и компетенций, связанных с обращением к специалистам из органов опеки и попечительства или к работающим в этой сфере НКО. «Родной брат помогать отказался: «У меня своя семья, свои проблемы!»». После того как она оказалась на улице, НКО попыталась помочь ей в получении бесплатной путевки в летний лагерь, где она могла бы пробыть до начала учебного года. В сентябре она начала учиться на другой специальности СПО (в соответствии с правом на получение двух специальностей в системе СПО), где ей предоставили место в общежитии. Однако «нормализовать» свою жизнь Алене не удалось. Она была отчислена после первого курса. Сотрудник НКО описывает следующим образом хронологию ее жизни в этот период:

Теперь Настя учится на овощевода. Предыдущий курс прошел как в тумане — на уроках толком не была, в предмет особо не вдавалась. Радовалась тому, что есть общежитие <...> [Настя] клянется и божится что все осознала и поняла, что будет учиться и не прогуливать, что не будет больше пить и начнет уже наконец есть...

Правда 3 сентября, когда все ее сокурсники пошли первый раз на второй курс, она провела день с мамой — мама была слишком пьяна, чтобы принимать бутылки — Настя вызвалась поработать за нее. Потом они это дело отметили... Поэтому 4 сентября она тоже не смогла пойти на уроки.

5 сентября так сильно хотелось спать, что когда проснулась, оказалось что успеваешь только к последней паре — к физкультуре, от которой освободили из-за больных почек. Поэтому решила не идти...

6 сентября отметили с ней праздник — начало учебного года. Ее собственное начало, когда она наконец появилась в училище, о чем мне радостно и сообщила, попросив денег на «праздничный стол», состоящий из кипятка и «бич-пакетов» (лапша быстрого приготовления по 5 рублей). <...> Появились «хорошие» друзья, а вслед за ними и регулярные пьянки на не очень большую «стипуху». Из общежития «попросили», друзья приютили, пьянки стали чаще и тяжелее...

После отчисления Настя потеряла доступ к социальной поддержке, распределяемой через образование: места в общежитии, стипендии, обеспечение питанием и одеждой. В результате она снова вернулась жить к своей биологической матери, не устроилась на работу по первой полученной специальности и не смогла найти другого постоянного способа заработка, получала небольшие деньги за помощь соседям по коммунальной квартире (мыть полы, покупать продукты, убирать комнату и пр.). Через некоторое время Настя умерла от инфекционного заболевания и неполученной вовремя необходимой медицинской помощи.

Данная история позволяет реконструировать причины попадания на нисходящую жизненную траекторию. Настя была встроена в институционализированный образовательный переход, но формальные правила, регламентирующие окончание первой специальности СПО и начало получения второй, создают критическую биографическую ситуацию. Насте не удается вписаться в российский переход через систему образования. Институты образования и социальной поддержки оказались крайне нечувствительными к ее индивидуальным потребностям. У Насти также отсутствовали ресурсы, которые могли бы стать факторами резильентности и позволили бы ей развить способность к самостоятельному действию для решения проблем. Она не видела ценности в образовании, успеваемость ее была крайне низкой; социальные сети практически не включали ресурсных взрослых и работали в направлении социальной дезадаптации. Таким образом, случай Насти — это случай крайне низкой резильентности, связанной как с нехваткой внешней индивидуализированной помощи, так и отсутствием внутренних ресурсов для преодоления проблемных ситуаций. В других жизненных историях выпускников детских домов попадание на нисходящую траекторию связано с потерей жилья или накоплений в результате обмана, получения травмы, совершения правонарушения и т. п.

Заключение

Зарубежные и российские исследования акцентируют внимание на роли социальной политики как структурирующего фактора, определяющего характер и логику перехода. При этом они отмечают, что в современной ситуации происходит отказ от стандартизированной модели перехода молодых людей к взрослой жизни, поскольку биография индивида и сценарии взросления зависят от гендера, классовой позиции, этнической, религиозной принадлежности и пр.

Современные молодые люди в гораздо более позднем возрасте входят в самостоятельную жизнь, осуществляя длительный, фрагментированный и асинхронный переход. Исследования поколения миллениалов показывают, что сегодня характерна относительно поздняя сепарация от родительской семьи, сравнительно низкая ценность формального образования, частая смена места работы, а также более позднее вступление в брак и рождение первого ребенка по сравнению с предыдущим поколением [Радаев, 2020]. Сегодня, особенно для представителей среднего класса, ценность приобретает поиск себя и саморазвитие, что входит в противоречие с рутинной работой ради денежного вознаграждения и необходимостью взять на себя «взрослые» обязанности по материальному обеспечению себя и своей семьи. В то же время выпускники детских домов вынуждены делать

значимые жизненные выборы, в первую очередь в сфере образования, в более раннем возрасте. Структурные условия перехода, такие как социальная политика, требуют от них стать резильентными в более жестко обозначенных временных рамках и сделать это фактически сразу после окончания 9 класса. В отличие от «домашних» детей, в случае неудачи они не имеют возможности вернуться под опеку, чтобы пережить типичные для молодежи в целом личностные трудности, связанные с поисками идентичности и самоопределением.

На основе анализа собранных эмпирических данных были выявлены и описаны типичные траектории перехода, характерные для ситуации взросления воспитанников детских домов в российском контексте. Материалы и результаты исследования показывают, что переход выпускников детских домов является процессом, сопровождаемым множеством рисков. Даже если подростки имеют необходимые качества резильентности для выбора одной из успешных биографических траекторий (движение вперед и адаптивная), они не застрахованы от скатывания. В этом отношении их биография оказывается «хрупкой», поскольку различные внешние вызовы и стрессорирующие факторы (например, финансовое и квартирное мошенничество, с которым могут столкнуться выпускники, рождение ребенка, общение с кровной неблагополучной семьей, негативный опыт школьного и послешкольного образования, отсутствие поддержки от близкого окружения и др.) могут оказать разрушительный эффект на их последующую жизнь.

В жизни выпускников детских домов отсутствуют страхующие механизмы, которые могут взять на себя компенсацию риска, если это необходимо. В случае молодых людей из кровных семей таким страхующим институтом выступает семья, которая может предоставить свои ресурсы (материальные, а также дружеские и родственные связи) не только в период кризисной ситуации, но и на всех этапах перехода ко взрослой жизни. Социальные сети выпускников учреждений оказываются слабыми как с точки зрения ресурсности их участников (друзья из детского дома, сиблинги, социально неблагополучные родственники), так и с точки зрения силы связей этих сетей, поскольку отношения со взрослыми часто формальны. При этом институты, внутри которых происходит переход, прежде всего институты образования, сами представляют собой конкурентные среды, в которых агенты со слабыми позициями и ресурсами, каковыми являются выпускники детских домов, вытесняются в наименее перспективные и престижные заведения. Таким образом, для формирования устойчивой резильентности как внутреннего ресурса, позволяющего справиться с возникающими рисками, нужны поддерживающие институты, страхующие выпускников в случае неудачи, предоставляющие им пространство и время для адаптации к вызовам взрослой самостоятельной жизни, а также совершения ими индивидуализированного выбора.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н., Антонова К. А., Грач Е. А., Ильин А. В., Любарский Г. Ю., Чернова Ж. В. Траектории социальной и профессиональной адаптации выпускников детских домов в России. Обзор исследовательского отчета. М.: СБ Групп, 2016.

Abramov R. N., Antonova K. A., Grach E. A., Ilyin A. V., Lyubarskiy G. Yu., Chernova Zh. V. (2016) Trajectories of Social and Professional Adaptation of Graduates from Orphanages in Russia. Research Report Overview. Moscow: CB Group. (In Russ.)

Антонова К. А., Абрамов Р. Н. Региональные медиа о социальной адаптации выпускников детских домов: Тематический анализ публикаций за период 2014—2015 гг. // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 3. С. 421—434. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-3-421-434>.

Antonova K. A., Abramov R. N. (2017) Social Adaptation among Graduates from Orphanages in the Russian Media: A Thematic Analysis of Publications for 2014—2015. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 3. P. 421—434. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-3-421-434>. (In Russ.)

Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008.

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Галушина Н. С. Возможности качественной методологии в социокультурном исследовании сиротства // Без родителей : Сиротство как социокультурное явление / отв. ред. Н. С. Галушина. М.: РГГУ, 2019. С. 153—168.

Galushina N. S. (2019) Opportunities of a Qualitative Methodology in Conducting Sociocultural Study of Orphanhood. In: Galushina N. S. (ed.) *Without Parents: Orphanhood as a Sociocultural Phenomenon*. Moscow: Russian State University for the Humanities. P. 153—168. (In Russ.)

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Беляков С. А., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А. Среднее профессиональное образование: состояние и прогноз развития. М.: Дело, 2018.

Belyakov S. A., Klyachko T. L., Polushkina E. A. (2018) Secondary Vocational Education: Status and Prospects. Moscow: Delo. (In Russ.)

Бобков В. Н., Бобков Н. В. Экономическая активность российской молодежи и проблемные зоны ее реализации // Уровень жизни населения регионов. 2016. № 2. С. 8—29.

Bobkov V. N., Bobkov N. V. (2016) Economic Activity of Russian Youth and the Problem Zones of Its Implementation. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. No. 2. P. 8—29. (In Russ.)

Дементьева И. Ф. Социальная адаптация детей-сирот: проблемы и перспективы в условиях рынка // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 62—70.

Dementyeva I. F. (1992) Social Adaptation of Orphans: Problems and Prospects in the Context of Market. *Sociological Studies*. No. 10. P. 62—70. (In Russ.)

Константиновский Д. Л. Неравенство в российском образовании: XX — начало XXI вв. // Образование и социальная дифференциация / отв. ред. М. Карной, И. Д. Фрумин, Н. Н. Кармаева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. С. 203—225.

Konstantinovskiy D. L. (2018) Inequality in Russian Education: 20th — Beginning of the 21st Century. In: Karnoy M., Frumin I. D., Karmaeva N. N. (eds.) *Education and Social Differentiation*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. P. 203—225. (In Russ.)

Корнеева А., Стрельникова А. В. Детдомовцы и воспитанники патроната на пороге взрослой жизни // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2009. Т. 4. № 5. С. 69—82.

Korneeva A., Strelnikova A. V. (2009) Orphans and Pupils of Patronage on the Threshold of Adulthood. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 4. No. 5. P. 69—82. (In Russ.)

Ослон В. Н. Дети-сироты в образовательном пространстве России (по результатам опроса регионов о реализации гарантий доступности качественного образования для детей-сирот и лиц из их числа и поддержки их на всех уровнях образования) // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 146—155. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210113>.

Oslon V. N. (2016) Orphan Children in the Educational Space of Russia (Following a Survey on Regional Guarantees of Educational Opportunities and Support for Orphans at all Levels of Education). *Psychological Science and Education*. Vol. 21. No. 1. P. 146—155. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210113>. (In Russ.)

Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка выполнения поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, направленных на улучшение жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за период 2017—2019 годов». М.: Счетная палата Российской Федерации, 2020. URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/caf/cafa7c08b272e3db63b65ed7f525b2cf.pdf> (дата обращения: 16.06.2020).

A Report on the Results of the Expert — Analytical Event “Evaluation of the Implementation of Instructions of the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation Aimed at Improving the Quality of Life of Orphans and Children without Parental Care (2017—2019)”. Moscow: Accounts Chamber of the Russian Federation, 2020. URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/caf/cafa7c08b272e3db63b65ed7f525b2cf.pdf> (дата обращения: 16.06.2020). (In Russ.)

Павлова Е. Б., Гудалов Н. Н., Коцур Г. В. Концепция стрессоустойчивости в политической науке: на примере биополитических практик в Российской Федерации // Политическая наука. 2018. № 1. С. 201—222.

Pavlova E. B., Gudalov N. N., Kotsur G. V. (2018) The Concept of Resilience in Political Science: The Example of Biopolitical Practices in the Russian Federation. *Political Science (RU)*. No. 1. P. 201—222. (In Russ.)

Присяжная Н. В. Дети-сироты: постинтернатное жизнеустройство // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 54—63.

Prisyazhnaya N. V. (2007) Orphan Children: Entering Life after Graduation. *Sociological Studies*. No. 11. P. 54—63. (In Russ.)

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018 : стат. сб. М., 2018.

Manpower, Employment and Unemployment in Russia (According to the Results of Sample Surveys of Manpower). 2018. Statistical Digest. Moscow, 2018. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы : Как меняется российское общество. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020.

Radaev V. V. (2020) Millennials: How the Russian Society Changes. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Романова Т. А. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском Союзе // Современная Европа. 2017. № 4. С. 17—28.

Romanova T. A. (2017) "Resilience" Category in the European Union. *Contemporary Europe*. No. 4. P. 17—28. (In Russ.)

Доклад по итогам мониторинга эффективности реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы / под науч. ред. В. В. Рубцовой, Г. В. Семья. М. : Издание Совета Федерации, 2018.

Rubtsova V. V., Semya G. V. (eds.) Report on the Results of the Monitoring the Effectiveness of the Implementation of the National Strategy for Children (2012—2017). Moscow: Russian Federation Council, 2018. (In Russ.)

Трещенков Е. Ю. Стрессоустойчивость (resilience) в дискурсах Европейского союза и международных организаций // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 55—75. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-04>.

Treshchenkov E. Yu. (2019) Resilience in Discourses of the European Union and International Organizations. *International Organizations Research Journal*. Vol. 14. No. 1. P. 55—75. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-04>. (In Russ.)

Трубина Е. Г. Жизнестойкость и ее обсуждение в российском и зарубежном социально-гуманитарном знании // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 11. № 3. С. 65—77.

Trubina E. G. (2016) Resilience: the Uses of the Concept in Russian and Western Social Sciences and Humanities. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*. Vol. 11. No. 3. P. 65—77. (In Russ.)

Тындик А. О., Митрофанова Е. С. Социально-экономическое поведение индивида в зеркале концепции жизненного пути // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 146—159. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.10>.

Tyndik A. O., Mitrofanova E. S. (2014) Social and Economic Behavior of People in the Perspective of the Life Course Concept. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 146—159. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.10>. (In Russ.)

Уокер Ч. Класс, гендер и субъективное благополучие на новом российском рынке труда: Жизненный опыт молодежи в Ульяновске и Санкт-Петербурге // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 4. С. 521—538.

Walker Ch. (2012) Class, Gender and Subjective Well-Being in Russia's New Labor Market: Experiences of Young People in Ulyanovsk and Saint Petersburg. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 4. P. 521—538. (In Russ.)

Чекмарев Э. В. Молодежный ресурс сохранения устойчивости политической системы современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 2. С. 89—96.

Chekmarev E. V. (2017) Youth Resource of Preserving the Stability of the Political System of Modern Russia. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 12. No. 2. P. 89—96. (In Russ.)

Чередниченко Г. А. Занятость молодежи и профессионально-образовательные траектории // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 52—74.

Cherednichenko G. A. (2010) Employment of the Youth and Educational and Professional Trajectories. *Sociological Journal*. No. 3. P. 52—74. (In Russ.)

Чередниченко Г. А. Выпускник на рынке труда (по материалам опроса Росстата) // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 4. С. 96—107. <http://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10412>.

Cherednichenko G. A. (2019) A Graduate in the Labor Market (on the Materials of Russian Federal State Statistics Committee Survey). *Professional Education and Labor Market*. No. 4. P. 96—107. <http://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10412>. (In Russ.)

Чернова Ж. В. «Демографический резерв»: Молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 1. С. 23—42. № 2. С. 26—38.

Chenova Zh. V. (2010) "Demographic Reserve": A Young Family as an Object of State Policy. *Woman in Russian Society*. No. 1. P. 23—42. No. 2. P. 26—38. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Вверх по лестнице, ведущей вниз: Идеология возможностей и ограничения образовательного выбора выпускников детских домов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 2. (В печати).
Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2020) Up the Down Staircase: Ideology of Opportunities and Limitations of Educational Choice of Care Leavers. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 2. (In Print). (In Russ.)

Arnett J. J. (2016) Does Emerging Adulthood Theory Apply Across Social Classes? National Data on a Persistent Question. *Emerging Adulthood*. Vol. 4. No. 4. P. 227—235. <https://doi.org/10.1177/2167696815613000>.

Flick U. (2006) *An Introduction to Qualitative Research*. London: Sage.

Furlong A., Cartmel F. (2007) *Young People and Social Change: New Perspectives*. Maidenhead: McCraw Hill/Open University Press.

Gilligan R. (2008) Promoting Resilience in Young People in Long-Term Care — the Relevance of Roles and Relationships in the Domains of Recreation and Work. *Journal of Social Work Practice*. Vol. 22. No. 1. P. 37—50. <https://doi.org/10.1080/02650530701872330>.

Iacovou M. (2002) Regional Differences in the Transition to Adulthood. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 580. No. 1. P. 40—69. <https://doi.org/10.1177/000271620258000103>.

Kravchenko Zh. V. (2015) Transitions into Adulthood and Inequalities: The Institutional Perspective. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 303—316.

Stein M. (2004) What Works for Young People Leaving Care? Ilford: Barnardo's.

Stein M. (2006) Young People Aging Out of Care: The Poverty of Theory. *Children and Youth Services Review*. Vol. 28. No. 4. P. 422—434. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2005.05.005>.

van de Kaa D.J. (1987) Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*. Vol. 42. No. 1. P. 3—59.

Walker Ch. (2018) Youth and Social Exclusion in Russia: A Scoping Study for the World Bank. Moscow: TANI.

Walther A. (2006) Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences across Different European Contexts. *YOUNG*. Vol. 14. No. 2. P. 119—139. <https://doi.org/10.1177/1103308806062737>.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621

В. В. Петухов

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ РОЛЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Правильная ссылка на статью:

Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.

For citation:

Petukhov V. V. (2020) Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 119—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ РОЛЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

ПЕТУХОВ Владимир Васильевич — кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

E-MAIL: petuhovvv@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9955-9063>

RUSSIAN YOUTH AND ITS ROLE IN SOCIETY TRANSFORMATION

Vladimir V. PETUKHOV¹ — Cand. Sci. (Philos.), Head of the Center for Complex Social Studies

E-MAIL: petuhovvv@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9955-9063>

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Аннотация. В статье анализируются причины актуализации в молодежной среде запроса на перемены, роста ее гражданской активности. Среди них, по мнению автора, помимо экономических и социальных факторов, связанных со сложностями кризисной адаптации, существенную роль играют наметившиеся расхождения между значительной частью современной молодежи и властными элитами в отношении представлений о желаемом будущем России, тех целей, к которым она должна стремиться в XXI веке. Опираясь на результаты мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, автор отмечает, что современная молодежь желаемый образ страны связывает прежде всего с реализацией идей и принципов социальной справедливости и демократии, которые за последние четыре года в молодежной среде приобрели много новых сторонников, особенно в самой младшей возрастной группе (18—24 года). Выросло и число молодых россиян, высказывающихся за прекращение жесткой конфронтации с Западом. И, напротив, идея «возвращения России к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем»,

Abstract. The article analyzes the reasons behind actualization of the demand for changes and increase in civic activity among young people. When it comes to the Russia's desired future, apart from economic and social factors behind the difficulties in adapting to a crisis emergent divergence between the majority of young people and political elite is also of great significance. Based on the results of the monitoring studies conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences the author highlights that the modern young people tie a desired country's image to the implementation of their ideas and principles of social justice and democracy which gained popularity among them over the recent four years. The number of those young Russians who oppose tough confrontation with the West has also increased. On the contrary, young people are less likely to support the idea of Russia returning back to national traditions, age-old moral and religious values than it was in 2014. On the whole, youth's views of the social development key goals are founded on today's realities rather than the memories of wonderful or horrible past. In this situation, youth becomes a social strata not just interested in social changes but a strata

сегодня заметно менее популярна в молодежной среде, чем в 2014 г. В целом же можно констатировать, что понимание молодежью ключевых целей общественного развития формируется под влиянием современных реалий, а не воспоминаний о прекрасном, или, напротив, ужасном прошлом. И в этой ситуации молодежь становится общественной стратой, не только заинтересованной в социальных изменениях, но имеющей альтернативный взгляд на приоритеты будущего развития страны.

В то же время, становясь актором запроса на перемены, нынешнее поколение молодежи пока не готово выступать самостоятельным актором политического действия. Прежде всего в силу того, что оно, как и общество в целом, весьма дифференцировано и не обладает необходимой институциональной субъектностью. Тем не менее, не претендуя на лидерские позиции в общественных преобразованиях, молодежь способна стать частью коалиции общественных сил, социальных и политических движений, нацеленных на перемены, ее политически активная часть уже сейчас готова конкурировать с традиционными партиями в части электоральной и шире — политической мобилизации. В рамках же разнообразных гражданских инициатив она способна привлекать внимание общества к новым темам, новым участкам социальных конфликтов, которые мало заботят как государство, так и ключевых политических игроков. Но что представляется наиболее существенным, современная молодежь может задавать не только идейно-политические, но и моральные ориентиры, возвращая в обще-

with an alternative vision of country's priorities for the future.

However, modern young people, despite being ready to become an actor of demand for changes, are still not able to be an independent actor in political activities. This is primarily due to youth's diverse nature and a failure to demonstrate institutional subjectivity. At the same time, not claiming leadership in social transformation youth can merge into a coalition of social forces seeking change; politically active young people are already capable of competing with the traditional parties. As to civic initiatives, youth can raise awareness on the challenging topics, aspects of social conflicts, which are of little concern for the state and the key actors. More importantly, modern youth can set not only principles and political goals but also moral guidelines, which are as important as the struggle against poverty, corruption, and a decline of the public sphere.

ственный обиход на фоне тотальной «гибридности» и релятивизма понятия нормы — в праве, человеческих взаимоотношениях, морали и т. п., что сегодня является не менее фундаментальной задачей, чем борьба с бедностью, коррупцией, деградацией социальной сферы.

Ключевые слова: молодежь, запрос на перемены, акторы перемен, акторы запроса на перемены, политическое участие, социальное участие, образ будущего, справедливость, демократия

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены» № 19 011 00277.

Keywords: youth, request for changes, actors of changes, actors of demand for changes, political participation, social participation, image of the future, justice, democracy

Acknowledgments. The article is supported by the RFBR (“Social Transformation of the Russian Society: the Actors for Changes”, project No. 19 011 00277).

Выход на арену общественной и политической жизни страны уже как минимум двух постсоветских поколений молодежи, активно заявляющих о своих правах и интересах, привлекает к ним внимание не только научного сообщества, но и широкой общественности. Многие наблюдатели начинают связывать с молодежью¹ надежды на глубокие общественные преобразования. Так, Вадим Радаев полагает, что Россия переживает вторую волну фундаментальных социальных изменений, которые, в отличие от 1990-х годов, происходят в относительно стабильное время и связаны не с радикальными реформами, а скорее с поколенческими сдвигами [Радаев, 2019: 211].

Говоря о всплеске интереса к молодежной проблематике, следует оговориться, что он возник не на пустом месте. В стране существует несколько научных центров и исследовательских групп, которые систематически, на протяжении многих лет анализируют различные аспекты жизнедеятельности молодежи, ее отдельных групп и слоев, отслеживают происходящие в молодежной среде изменения. Благодаря исследованиям И. М. Ильинского, Ю. А. Зубок, М. К. Горшкова, В. В. Радаева, Г. А. Ключерева, Ф. Э. Шереги, Д. Л. Константиновского, В. И. Чупрова, В. А. Лукова, Е. Л. Омельченко и многих других, эта область научного знания является сегодня одной из наиболее «продвинутых» в отечественной социологии. Другой вопрос, что нынешний интерес к молодежи выходит за рамки сугубо академиче-

¹ Понятие «молодежь» в данном случае используется в общепринятом смысле как социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения, социально-психологических свойств (см. [Горшков, Шереги, 2014: 9]).

ского дискурса, приобретая политическое звучание в контексте формирующегося в обществе запроса на перемены².

Мониторинговые исследования Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, проводившиеся с 2014 по 2019 г.,³ зафиксировали формирование этого запроса на рубеже 2016—2017 гг. и последующий его быстрый рост. Так, с мая 2017 г. по июнь 2019 г. число респондентов, полагающих, что современной России необходимы новые экономические и политические реформы, возросло почти на 20 п. п. Дальнейшие наши исследования, проводившиеся в рамках проекта «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены», позволили выявить причины актуализации данного запроса, определить его направленность, ключевые слагаемые, а также социальные группы и слои, в наибольшей степени заинтересованные в переменах [Петухов, 2018; Петухов, Петухов, 2019; Латова, 2019; Латов, 2019]. Выяснилось, что все последние годы именно в молодежной среде⁴ (преимущественно среди 18—24-летних) нацеленность на перемены была заметно выше (в диапазоне 6—13 п. п.), чем среди населения в целом, а в июне 2019 г. достигла 75 % (см. рис. 1).

Показательно не только то, что молодые респонденты демонстрируют заметно бóльшую, чем в среднем по выборке, нацеленность на перемены, но и то, что молодежь большинством россиян признается триггером возможных перемен в стране. Ее считают наиболее заинтересованной в переменах социальной группой 55 % опрошенных россиян. Сами молодые респонденты в еще большей мере придерживаются данного мнения (69 % и 56 % в возрасте 18—24 года и 25—34 года соответственно). А вот наиболее уязвимые в социальном отношении группы и слои (бедные, жители российской глубинки, старшее поколение), так же как и относительно благополучные (средний класс, интеллигенция и бюджетники, предприниматели) респонденты, существенно реже относятся к числу сторонников перемен. Опрошенные не верят в то, что представители различных элитных групп (чиновников, политиков, сотрудников силовых структур, а также священнослужителей) стремятся к изменениям в стране. Этот момент крайне важен для понимания того, как российское общество оценивает реформаторский потенциал российской элиты (см. рис. 2).

² Под «общественным запросом на перемены» в реалиях современной России понимается запрос на смену вектора развития страны: с обеспечения социально-экономической и политической стабильности на активизацию экономических, социальных и политических преобразований. При этом если сам процесс перемен объективируется в реальных экономических, социальных и политических практиках, то запрос на перемены, как и другие общественные запросы, носит дискурсивный характер, возникающий и формирующийся в процессе социальной коммуникации как сообщение (посыл), исходящее от общества в целом или от его части и адресованное либо власти, либо другой части общества (например, от отдельных социальных групп элите).

³ Статья основывается на данных мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенных в 2014—2018 гг. по общероссийской выборке ($N = 4000$), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него — полу, возрасту, уровню образования и типу поселения, а также исследования, проведенного в июне 2019 г. ФНИСЦ РАН в сотрудничестве с Ассоциацией российских банков ($N = 2000$). Также использованы результаты ряда исследований ВЦИОМ и данные всероссийского опроса, проведенного «Левада-Центром» при содействии Фонда им. Ф. Эберта в рамках исследования «Российское поколение Z: Установки и ценности». Опрос проводился методом личного интервью в мае — июне 2019 г. Выборка состояла из 1500 респондентов в возрасте 14—29 лет и репрезентирует молодое население России в возрасте 14—29 лет.

⁴ Учитывая, что с ростом продолжительности жизни верхняя возрастная граница молодости сдвигается к 35 годам, в ходе настоящего исследования были выделены две молодежные когорты — от 18 до 24 лет и от 25 до 34 лет.

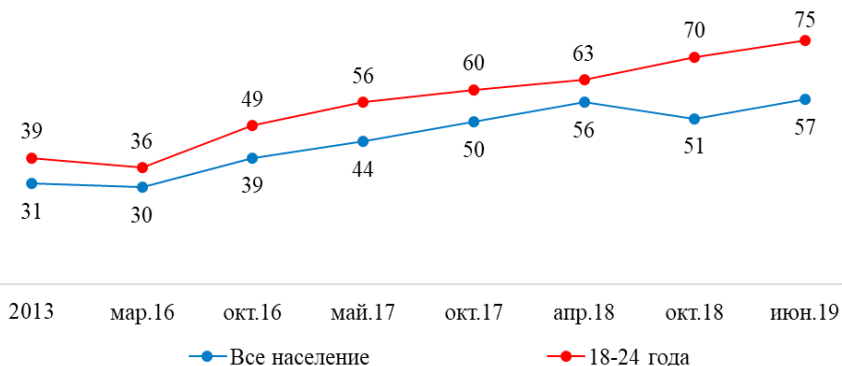

Рис. 1. Одни в нашей стране хотят перемен, другие считают, что стабильность важнее. А как считаете Вы? (указана доля респондентов, ответивших, что страна нуждается в существенных переменах, новых экономических и политических реформах, среди всех опрошенных и в группе молодежи от 18 до 24 лет), 2013—2019 гг., %

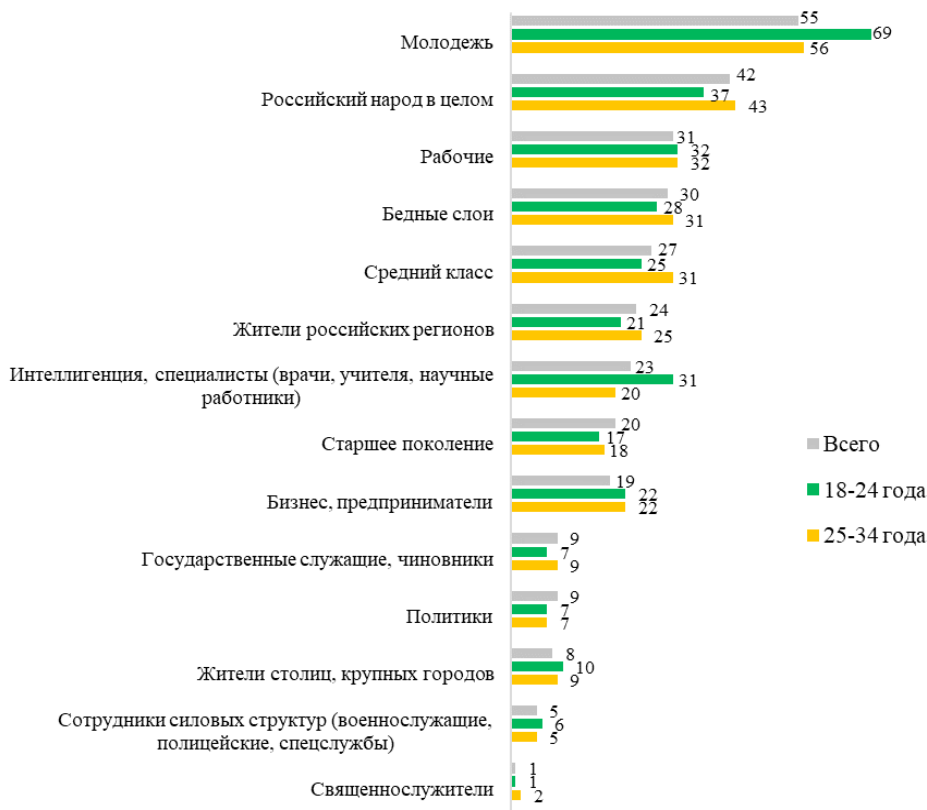

Рис. 2. Какие социальные группы и слои, по мнению россиян, в наибольшей степени заинтересованы в переменах, 2018 г., %

Между тем эпидемия коронавируса и конец эпохи «дорогой нефти» еще раз со всей очевидностью продемонстрировали, что наши сограждане начали осознавать еще три-четыре года назад, а именно — без фундаментальных экономических, политических и социальных реформ страна не сможет успешно развиваться. Причем процесс общественных преобразований сегодня не может ограничиться экономическими и социальными реформами, при всей их значимости. В изменениях нуждается само общество — и молодежь, как никакая другая группа, это чувствует. По справедливому замечанию Дмитрия Руденкина, *«в основе всплеска молодежной активности лежит не только напряжение молодежи из-за неблагоприятных макросоциальных трендов, но и контраст между ценностями и реальным общественным устройством. Если идеальному обществу молодежь склонна приписывать такие ценности, как справедливость, честность, закон, то в российском социуме она стабильно видит примат силы, личного успеха, денег и иных индивидуалистических ценностей»* [Руденкин, 2019: 8].

Подчеркивая заинтересованность молодежи в переменах, необходимо, тем не менее, выяснить, готова ли она реализовать отводимую ей роль одной из их движущих сил? Не повторит ли она судьбу среднего класса, на который в свое время также возлагались большие надежды в деле модернизации и демократизации страны? Есть ли у нее собственное видение образа будущего, целей, к которым должна стремиться Россия в ходе реализации соответствующего запроса? В данной статье будет предпринята попытка ответить на эти и некоторые другие вопросы. Но прежде отметим, что ни молодежь, ни какая-либо другая социальная группа в отдельности не может претендовать на статус актора общественных преобразований. Как в свое время отмечал Владимир Ядов, только сложносоставная композиция различных групп, кланов, объединений, партий и фракций в парламентах, не только коллективная, но также индивидуально-спонтанная активность многообразных социальных субъектов способна определить вектор и направленность трансформационных общественных процессов [Ядов, 2009: 79]. Пока не очень понятно, какое место в этой «композиции» может занять молодежь, поскольку еще совсем недавно (буквально пять-семь лет назад) она представлялась многим наблюдателям довольно аморфной, аполитичной, зацикленной исключительно на своей частной жизни социальной группой⁵. Характерен в этом отношении тот факт, что в 2011—2013 гг. молодежь практически проигнорировала «болотные протесты» оппозиции, тогда как летом-осенью 2019 г. молодые люди стали одними из наиболее активных и массовых участников протестных акций⁶.

Что же могло в последние годы вывести значительную часть молодежи из благодушной апатии? Прежде всего, несколько изменился ее состав. К поколению миллениалов, или поколению Y (1982—2000 гг. рождения), добавилось поколение Z, или центиниалы, рожденные в 2000-х годах [Радаев, 2019: 49]. Это поколение, как будет показано далее, заметно изменило палитру мировоззренческих установок и поведенческих практик современной молодежи в целом.

⁵ Колесников А., Волков Д. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? // Московский центр Карнеги. 2017. 5 декабря. URL: <https://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906> (дата обращения: 24.06.2020).

⁶ Омельченко Е. Протест миллениалов, но не только // Полит.ру. 2019. 2 августа. URL: <https://polit.ru/article/2019/08/02/omelchenko/> (дата обращения: 24.06.2020).

Но, безусловно, ключевым фактором активизации молодежи стали последствия затяжного экономического кризиса, который не только ухудшил материальное положение многих молодых людей, но и потребовал корректировки их жизненных стратегий в соответствии с новой социальной реальностью. Для многих это оказалось непростым делом, учитывая, что нынешнее поколение молодежи, в отличие от своих более «закаленных» родителей, не имело опыта кризисной адаптации. К тому же застойная (или негативная) стабильность [Тихонова, 2019] сузила коридор возможностей для самореализации многим молодым россиянам, поскольку ключевые позиции в бизнесе, политике, других сферах жизни общества прочно заняли представители поколения девяностых, многим из которых нет еще 50 лет и которые особо не расположены «давать дорогу молодым». В сложном положении оказалась и значительная часть учащейся молодежи, осознавшая, что диплом о высшем образовании не гарантирует стабильной занятости даже в столицах, где традиционно рынок труда предоставляет больше возможностей для трудоустройства⁷.

Развитие новых сфер занятости (интернет-технологий, сферы услуг и развлечений), в которых молодежь сегодня востребована, лишь отчасти способно компенсировать нарастающую озабоченность многих юношей и девушек по поводу перспектив их материального и статусного роста. Коронавирус, по всей видимости, эту ситуацию еще больше усугубит. Так, по мнению ректора НИУ ВШЭ Ярослава Кузьмина, в результате экономического кризиса, связанного с пандемией коронавируса, средний класс может скатиться в бедность. В первую очередь это касается экономики услуг, в том числе интеллектуальных, и экономики впечатлений, которая давала пространство для развития новых креативных проектов⁸. Этот прогноз, судя по последним данным ВЦИОМ, уже подтверждается. Среди молодежи 18—24 и 25—34 лет в апреле 2020 г. отмечалась самая высокая доля тех, кто уже потерял работу или считал, что это случится в ближайшее время (54 % и 57 % опрошенных в молодежных когортах высказали беспокойство по этому поводу, при 48 %—49 % в группах 35—59-летних респондентов)⁹.

И все же было бы неправильно связывать рост гражданской и политической активности молодежи, актуализацию в ее среде запроса на перемены только лишь со сложностями кризисной и посткризисной адаптации. В стране есть немало людей, которые сегодня живут несравненно хуже, чем большая часть нынешней молодежи, но по-прежнему ориентированы на сохранение статус-кво, не желают ничего менять ни в своей жизни, ни в стране в целом. Актуализация этого запроса в молодежной среде также связана с целым комплексом причин нематериального характера, среди которых не последнюю роль, судя по исследованиям, играют разные представления значительной части современной молодежи и властных элит о желаемом будущем России, тех целях, к которым она должна стремиться-

⁷ Высшее образование: Социальный лифт или потерянное время? // ВЦИОМ. 2019. 18 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9808> (дата обращения: 24.06.2020).

⁸ Ректор ВШЭ предупредил о риске обеднения среднего класса в России // РБК. 2020. 27 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/04/2020/5ea736a29a7947c355361fcb> (дата обращения: 24.06.2020).

⁹ Данные представлены компанией ВЦИОМ по запросу. Общероссийский опрос проведен 26 апреля 2020 г. (выборка 1600 человек, телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров).

ся в XXI веке. Пока эти различия не приобрели характер ценностного раскола, но и чисто «стилистическими» назвать их также трудно, о чем речь впереди.

Не по душе многим представителям современной молодежи также иногда чрезмерное внимание к ней государственных и окологосударственных структур, их попытки влиять на индивидуальный выбор разных ее групп — с кем и как им следует общаться в социальных сетях, участвовать или нет в политической жизни и т. п. Ведь вплоть до середины 2010-х годов государство особого интереса к молодежи не проявляло, поскольку тогда у него были другие заботы. Но именно с отсутствием на тот момент контроля, включая идеологический, было связано в целом лояльное отношение к властям большинства молодежи. А участие в политической и общественной жизни страны носило слабовыраженный характер. И сегодня, судя по исследованиям, максимальный приемлемый для молодежи уровень вмешательства государства в процесс «урегулирования» ее активности — это создание институциональной базы, условий для функционирования молодежных организаций, но не вмешательство в их деятельность (этот подход поддерживают 62% среди 18—24-летних)¹⁰.

Наконец, у многих юношей и девушек, вступающих в самостоятельную жизнь, есть проблемы морального выбора — как добиться в жизни материального достатка, карьерного роста и остаться при этом честным, порядочным человеком. Этот выбор для очень многих весьма непросто, тем более что в окружающей их реальности не так уж много примеров молодых людей, которых американцы называют «self-made men», то есть тех, кто добился жизненного успеха благодаря своим знаниям, добросовестности, профессионализму, и на которых можно было бы равняться. И хотя немало молодых людей по-прежнему верит в то, что благополучие достигается вследствие собственных усилий по саморазвитию, выстраиванию сетей социальных связей и накоплению социального капитала, большинство все же полагает, что жизненный успех либо является делом случая, либо может быть достигнут за счет использования личных связей и возможностей (см. табл. 1).

Таблица 1. Суждения респондентов из разных возрастных групп о путях достижения благополучия в жизни, 2018 г., %

Суждения респондентов о том, как в современной России можно достичь благополучия	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	От 60 лет и старше	Всего
Благополучное положение в российском обществе сегодня — прежде всего результат высокого уровня образования и квалификации	42	39	43	36	34	39
Благополучное положение в российском обществе сегодня — в основном результат везения и личных связей	58	61	57	64	66	61

* Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают среднее по выборке более чем на величину статистической погрешности (2%—3%).

¹⁰ Молодежный активизм = общественная польза? // ВЦИОМ. 2019. 26 июня. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9775> (дата обращения: 24.06.2020).

Отсюда многие страхи и фобии — нереализованности, одиночества, невозможности создать семью и т. п. В отличие от их родителей, дедушек и бабушек, которые переживали не только кризисные времена, но и периоды общественно-политического подъема и единения, для сегодняшней молодежи характерна смесь надежды на лучшие времена с опасениями по поводу неопределенности будущего и, как следствие, выбор в пользу постепенных, осторожных преобразований (см. рис. 3). Несмотря на то, что в самой младшей возрастной когорте число сторонников радикальных перемен достаточно велико (38%), ожидать молодежных выступлений, аналогичных европейским «студенческим революциям» конца 1960-х годов, сегодня нет никаких оснований. Но также нет оснований считать, что молодежь «перебесится» и успокоится.

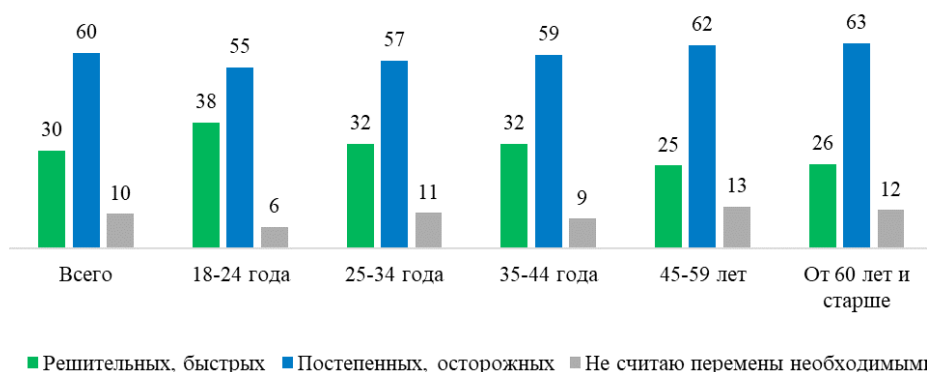

Рис. 3. Мнение респондентов о том, в каких реформах нуждается современная Россия — быстрых и решительных или постепенных, осторожных, 2018 г., %

Можно констатировать, что запрос двух третей молодежи на перемены обусловлен не только ее реакцией на безвременье, но и комплексом объективных факторов экономического, политического и социально-психологического характера. Но есть ли у нынешней молодежи помимо абстрактной заинтересованности в переменах собственное видение того, в каких изменениях нуждается страна и какие из них она готова поддержать? То есть в чем собственно суть «молодежного» запроса на перемены, как он соотносится с представлениями остальной части общества? Это чрезвычайно важный вопрос, поскольку ответ на него позволяет увидеть взаимосвязь между образом будущего и повседневными практиками современной молодежи. Понятно, что подавляющая ее часть молодых людей живут повседневной жизнью и особо не задумываются о том, «как им обустроить Россию». Но, живя в настоящем, они ощущают, в каком направлении движется страна, что «позволяет им оптимизировать свои ресурсы и развивать необходимые компетенции, ориентируясь на образы незримого, интуитивно ощущаемого будущего» [Зубок, Чупров, 2017: 34].

Судя по результатам исследований, современная молодежь имеет довольно отчетливые представления о том, каким хочет видеть будущее, к каким целям

должна стремиться Россия в XXI веке. Приведенные ниже данные демонстрируют, что более чем половина опрошенных, включая и молодежную когорту, связывает желаемый образ будущего с реализацией идеи социальной справедливости. В частности, с 2014 по 2018 г. доля молодых россиян, которым близка эта идея, выросла на 10—12 п. п. в разных ее когортах. Идея же «величия страны», оставаясь востребованной почти третью молодых респондентов, заметно уступает в иерархии их предпочтений не только идее социальной справедливости, но и идее демократии, прав человека, свободе самовыражения личности. Обращает на себя внимание то, что демократия как важная часть желаемого образа будущего за последние четыре года приобрела особенно много новых сторонников (рост на 12 %) в самой младшей возрастной группе (18—24 года). Однако самый впечатляющий, практически двукратный рост в этой когорте показала идея сближения с Западом и вхождения в «общеевропейский дом» (рост за четыре года с 14 % до 29 %), чего, однако нельзя сказать о более «старшей» молодежной группе (см. табл. 2).

Таблица 2. Динамика представлений российской молодежи о желаемом будущем России, 2014—2018 гг., %

Какие ценностные ориентиры должны быть основополагающими для России XXI века	2018			2014		
	Всего	18—24 года	25—34 года	Всего	18—24 года	25—34 года
Социальная справедливость	59	52	55	47	40	45
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	37	49	39	27	37	27
Россия должна снова стать великой державой	32	30	28	32	30	34
Возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем	26	13	22	35	24	32
Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок	26	21	22	26	20	24
Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	14	29	14	11	14	11
Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	14	22	16	13	20	13
Россия в первую очередь для русских	12	11	12	10	12	11
Ни одна из этих идей	8	8	10	9	11	10

Во втором эшелоне этой своеобразной шкалы ценностных приоритетов расположились идеи свободного рынка с минимальным вмешательством в экономику государства и прямо противоположная ей идея сильной, жесткой власти, способ-

ной навести порядок в стране. Число сторонников этих идеологем практически не изменилось за последние четыре года, с той лишь разницей, что в молодежной аудитории идея свободного рынка популярнее, чем у населения в целом, а идея сильной власти, напротив, менее популярна.

Единственной идеей, которая за рассматриваемый период заметно потеряла в «весе» (снижение на 11 п. п.), оказалась идея возвращения России к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем. В возрастной когорте 18—24 года она находит поддержку только у 13 % опрошенных. Меньше сторонников лишь у откровенно националистического лозунга «Россия для русских» (11 %).

Тот факт, что идея возврата к «традиционным» ценностям у молодежи не вызывает особого энтузиазма, не в последнюю очередь связан с тем, что молодые россияне (впрочем, и немолодые тоже) просто не понимают, что из себя представляют эти самые ценности, какие из них собственно «традиционны» и какие надо возрождать — советские или досоветские, или какие-либо еще. Как в свое время отмечал Петр Штомпка, традиции прошлого существуют в настоящем в двух ипостасях: объективно, когда объекты прошлого сохраняются материально, и субъективно, когда в сознании членов общества присутствуют идеи прошлого, которые становятся частью современной культуры. И в том, и в другом случаях прошлое влияет на настоящее, служит важным элементом состояния общества. Но есть и «изобретенные традиции», когда на настоящее влияет не реальное прошлое, а его конструирование. Причины, по которым они конструируются, различны. Иногда есть нужда в том, чтобы подтвердить справедливость или обеспечить легитимность политических действий; иногда необходимо упрочить положение лидера или поднять дух нации [Штомпка, 1996: 64]. Попытки соединить «советские» и «несоветские» традиции и есть типичный образец «изобретенных традиций», которые, как правило, не вызывают эмоционального отклика у современной молодежи. Столкнувшись с множественностью взглядов на прошлое, значительная часть современной молодежи просто утрачивает интерес к истории своей страны.

В целом же на основании вышеприведенных данных можно сделать следующие выводы: во-первых, большая часть молодежи не согласна считать, что в будущем нет ничего важнее прошлого. Даже если это прошлое СССР, по которому ностальгирует (или делает вид, что ностальгирует, в силу конъюнктурных политических соображений) значительная часть ныне властвующей элиты и общества. Во-вторых, молодежи не близко восприятие России в качестве осажденной крепости, все проблемы которой связаны исключительно с негативным внешним влиянием. Считая важным возрождение России как великой державы, молодежь вместе с этим высказывается за прекращение жесткой конфронтации с Западом¹¹.

В то же время при всех различиях в оценках будущих перспектив страны с россиянами старших возрастных групп исследование показало, что у них есть и точки соприкосновения. *Сегодня триаду основных ценностных предпочтений всех наших сограждан, как молодых, так и не очень (хотя и в разной степени актуализации),*

¹¹ По данным исследования «Левада-Центра» «Российское поколение Z: Установки и ценности», 52% молодых россиян считают, что отношения между Россией и Западом могут быть по-настоящему дружественными. Хотя немалое их число (42%) считают, что недоверие между ними сохранится еще долго.

составляют идеи справедливости, демократии и державности. Четыре года назад конфигурация идейных приоритетов респондентов в целом и респондентов возрастной группы 25—34 года была иной: справедливость, традиция, держава. И лишь в самой младшей возрастной когорте (18—24 года) была такой же, как и сегодня. В этой связи можно предположить, что общественные настроения и ожидания в значительной степени начинает определять молодежь, понимание которой ключевых целей общественного развития формируется под влиянием современных реалий, а не травмирующего сознания (или, напротив, греющих душу) воспоминаний о прошлых временах.

Именно этим можно объяснить актуализацию демократического дискурса в целеполагании современной российской молодежи. В отличие от поколения родителей, у нее нет разочарования по поводу неудачных попыток демократизации страны в 1980-е и 1990-е годы и несбывшихся надежд на свободу и обеспеченную жизнь. По данным исследования «Левада-Центра» «Российское поколение Z: Установки и ценности», практически каждый второй молодой россиянин соглашается с тем, что «демократия» является оптимальной моделью социально-политической системы, а свыше 70 % заявляют о неприятии авторитарных методов управления, использования силовых структур — полиции и армии — для решения социальных и этнонациональных проблем.

Молодежный запрос на демократизацию инструментален и связан, с одной стороны, с недовольством свертывания прав и свобод, которые молодые россияне считают для себя важными, например, права на свободное распространение информации и свободное выражение своих взглядов, а с другой — с недопредставленностью ее интересов в публичной политике. Так, почти каждый второй участник (48 %) опроса «Левада-Центра» заявил, что «политикам неинтересно его/ее мнение», и эта ситуация молодым респондентам представляется ненормальной. С суждением «молодежь должна иметь больше возможностей заявить о себе в политике» согласилось 66 % опрошенных.

Итак, современная молодежь хотела бы жить в великой, демократичной, открытой миру стране, где реализуются принципы социальной справедливости и обеспечивается свобода самовыражения личности. Безусловно, этот желаемый образ имеет мало общего с тем, что она видит в окружающей реальности. Но само то, что молодежь становится общественной стратой, не только заинтересованной в социальных изменениях, но и имеющей свой, во многом отличный от властвующей элиты взгляд на будущее, говорит о том, что ее акторство запроса на перемены выглядит вполне обоснованным.

Признание за молодежью такого акторства — это одно, а трансформация его в деятельные практики социального и политического участия — совсем другое. Здесь ситуация выглядит несколько сложнее. С одной стороны, растет число россиян, прежде всего молодых, заряженных на активную реализацию своих жизненных устремлений и не рассчитывающих при этом на поддержку со стороны государства. Доля респондентов, заявляющих о своей способности самостоятельно обеспечить себя и свои семьи, уже приближается к 50 %. В молодежной возрастной когорте от 18 до 34 лет этот показатель еще выше и составляет уже 62 % против 38 %, заявивших, что без поддержки государства им и их семьям не выжить. С другой

стороны, интерес основной массы (особенно нестоличной) молодежи к общественно-политической жизни страны, так же, как и уровень участия в ней, не настолько велик, чтобы можно было рассчитывать на ее лидерство в преобразовательных процессах. Как видно из данных, представленных в таблице 3, доля молодых россиян, постоянно интересующихся политикой, с 2013 по 2018 гг. практически не изменилась и составляла 15%—17%.

Таблица 3. **Интерес респондентов разных возрастных групп к политической жизни страны, 2013—2018 гг., %***

Возрастные группы	Внимательно следят за информацией о политических событиях в стране	Внимательно за информацией о политических событиях не следят, но изредка обсуждают их с друзьями, родственниками	Политикой не интересуются
2013			
Всего	26	28	46
18—24 года	17	22	61
25—34 года	15	29	56
35—44 года	26	28	46
45—59 лет	29	31	40
От 60 лет и старше	41	27	32
2018			
Всего	23	47	30
18—24 года	15	42	43
25—34 года	17	50	33
35—44 года	18	52	29
45—59 лет	26	44	30
От 60 лет и старше	35	43	21

* Фонмом выделены ячейки, значения в которых превышают среднее по выборке более чем на величину статистической погрешности (2%—3%).

Тем не менее появились некоторые новые, заслуживающие внимания тренды. Во-первых, сокращение в молодежной среде полностью деполитизированного сегмента за счет заметного уменьшения доли молодых респондентов, совершенно не интересующихся политикой (с 61% и 56% в когортах 18—24-летних и 25—34-летних до 43% и 33% соответственно) и увеличения доли интересующихся ею от случая к случаю — на 20 и 21 п. п. соответственно. Из этого следует, что многие молодые россияне уже не столь политически индифферентны, как это было еще пять лет назад, хотя и не стремятся особо погружаться в политику.

Указанные выше сдвиги также можно интерпретировать как свидетельство осознания молодой частью общества связи между происходящими в стране

политическими процессами и обыденной жизнью. Другими словами, молодежь как социальная группа пока еще не пришла в политику, но политика уже пришла в жизнь молодых людей и заставляет их обращать на себя внимание. На практике это проявляется в пульсирующей вовлеченности, когда всплеск активности сменяется затишьем, затем новым всплеском. Причем политическое участие молодежи приобретает массовый характер чаще всего за счет той ее части, которая, реагируя на те или иные важные для нее события, затем возвращается к своей обычной повседневной жизни. Тем не менее при сохранении нынешнего тренда можно предположить, что для части молодежи «факультативный» интерес к политике может трансформироваться в постоянный.

Во-вторых, заметное превалирование в молодежной среде селективного, выборочного подхода в отношении конкретных практик социального и политического участия. Так, молодые россияне чаще других групп и слоев населения откликаются на разного рода социальные инициативы. Они достаточно активно участвуют в волонтерских, экологических, благотворительных и других формах низовой самоорганизации, приносящих конкретную и осязаемую помощь людям, нуждающимся в ней (см. табл. 4).

Таблица 4. Уровень участия россиян разных возрастов в деятельности общественных организаций (волонтерских, благотворительных и т. п.) в течение последнего года, 2018 г., %*

Участие россиян в деятельности различных общественных формирований	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	От 60 лет и старше	Всего
Не принимал участие	73	77	81	80	87	80
Принимал участие в одной из форм	16	15	12	12	8	12
В двух формах	6	5	4	5	2	4
В трех и более формах	5	3	3	4	3	3

* Фоном в таблице выделены ячейки, значения в которых превышают средние по выборке более чем на величину статистической погрешности в 2%—3%.

В политической сфере их в основном привлекает участие в публичных мероприятиях (включая протестные) и работа волонтерами и наблюдателями в избирательных кампаниях. Волонтерство на выборах практиковал практически каждый десятый опрошенный молодой россиянин. Важно отметить, что, демонстрируя наивысшие среди всех возрастных групп показатели вовлеченности в эти практики, непосредственно в голосовании молодежь участвует довольно неохотно. Для сравнения: в 2018 г. избирательные участки посетили 35% опрошенных молодых респондентов, в то время как доля проголосовавших на выборах респондентов 60+ составила 60%. Также не слишком высоки показатели заинтересованности

молодежи в работе политических партий, органов местного самоуправления, профсоюзов (на уровне 2%—3%) — возможно, по причине того, что они не рассматриваются в качестве стартовой площадки для реализации своих, в том числе политических устремлений. В целом же молодежь отдает предпочтение нацеленным на конкретный результат формам участия, которые, однако, не требуют формальной и продолжительной по времени включенности. Такую форму участия в политической жизни директор Центра молодежных исследований Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге Елена Омельченко называет «повседневной гражданственностью»¹². Причем как в практиках политического, так и общественного участия есть ядро (5%—7%) и есть периферия (6%—16%), способная при определенных условиях к активной мобилизации. Сравнительно высокий потенциал включенности демонстрируют и данные исследования «Российское поколение Z: Установки и ценности»: на вопрос «Готовы ли Вы участвовать в политической деятельности?» 66% дали отрицательный ответ, 7% ответили, что с удовольствием приняли бы в ней участие в будущем, а еще 28% — что «возможно».

Иначе говоря, «путинское поколение» пока еще не готово выступать самостоятельным субъектом политического действия. Прежде всего в силу того, что оно, как и общество в целом, весьма дифференцировано по самым разным основаниям: ценностным установкам, реализуемым социальным практикам, отношению к властям и т. д. Так, из представленных ранее данных отчетливо видны различия в оценках окружающей их реальности респондентов «младшей» и «старшей» молодежных когорт. И это понятно, учитывая, что многим молодым россиянам 25—30 лет приходится делать нелегкий выбор, определяя, что для них важнее: играть по правилам, определенным для них «свыше», либо рассчитывать на себя и свои силы без особых гарантий на успех и материальное преуспевание. Большинство из них, уже имея семьи, детей, карьерные устремления, выбирают первое, и этот налет конформизма эмпирически «считывается».

Кроме того, необходимо признать, что многие актуальные для общества проблемы находятся на периферии внимания молодежи. Например, ситуация в сфере экономики не вызывает у нее ни особого интереса, ни стремления как-то повлиять на нее. А готовность почти трети молодых россиян участвовать в акциях в защиту экономических и социальных прав граждан (безработица, снижение жизненного уровня, пенсионная реформа и т. п.) носит во многом декларативный характер. Довольно вялое участие молодежи в протестах 2018 г. по поводу пенсионной реформы это отчетливо продемонстрировало. Дело здесь, конечно, не только в том, что пенсии и многие другие социальные проблемы лично их пока не слишком касаются, просто защита социальных и особенно социально-трудовых прав требует систематической включенности, на которую не хватает времени, возможностей или интереса.

В заключение хотелось бы констатировать следующее. До последнего времени изменения в стране, в отличие от «бурных» 1990-х годов, происходили в рамках инерционного тренда. Большинство наблюдателей полагали, в том числе и автор

¹² Омельченко Е. Протест — новая субкультура? // Meduza. 2019. 14 октября. URL: <https://meduza.io/feature/2019/10/14/govoryat-ranshe-molodye-lyudi-v-rossii-stanovilis-neformalami-a-teper-liberalami-eto-pravda-protest-novaya-subkultura> (дата обращения: 24.06.2020).

данной статьи, что и в дальнейшем они будут носить эволюционный характер. Пандемия коронавируса резко изменила ситуацию, выдвинув на передний план сложный комплекс нетривиальных проблем, некоторые из которых предстоит решать быстро, что называется, «в режиме реального времени», и для этого необходима широкая общественная поддержка предпринимаемых властями действий. В то же время эпидемия не делает менее востребованной трансформацию страны в направлении реализации принципов социальной справедливости, демократии и открытости миру, так как в этом заинтересована значительная часть российского общества, и прежде всего молодежь.

Что из себя может представлять «коалиция перемен», пока не вполне очевидно. Это всегда выясняется постфактум. Пока события развиваются, можно лишь делать предположения по этому поводу. Ясно лишь то, что она будет иметь совершенно иную конфигурацию, чем это было на рубеже 1980—1990-х годов. Тогда, по оценке Татьяны Заславской, главными движущими силами трансформационных процессов были, с одной стороны, правящие элиты с примыкающей к ним бюрократией, а с другой — социально зрелые, экономически и политически активные представители массовых общественных групп, в первую очередь средних слоев [Заславская, 2004]. Сегодня трудно себе представить, например, бюрократию в качестве «застрельщицы» реальных, а не бумажных перемен. В то время как молодежь, благодаря своей большей, чем у других социальных групп и слоев, заинтересованности в них, заряженности на социальное действие, способна стать частью этой коалиции, хотя вряд ли сможет претендовать на лидерство в ней. Ее роль, по нашему мнению, может состоять в следующем.

Во-первых, политически активная часть молодежи уже сейчас способна конкурировать с традиционными партиями в части электоральной и шире — политической мобилизации. Как показали последние выборы в Мосгордуму в 2019 г., молодые гражданские активисты, имея навыки низовой самоорганизации, оказывали многим кандидатам эффективную организационную и моральную поддержку, в целом ряде случаев приведшую их к победам. То есть эта часть молодежи, даже не обладая самостоятельным институциональным потенциалом, способна стать частью коалиционных политических образований, выступающих за назревшие в стране перемены. При этом важно иметь в виду, что если ситуация в стране в ближайшие годы меняться не будет, или даже ухудшится, то акторство запроса на перемены может начать смещаться в сторону более активного несогласия с тем, как идут дела в стране.

Во-вторых, молодежь, в силу присущего ей стремления к тому, чтобы будущее не было повторением настоящего, может задавать не только идейно-политические, но и моральные ориентиры на будущее. Ведь возвращение в общественный обиход на фоне тотальной «гибридности» и релятивизма понятия нормы — в праве, человеческих взаимоотношениях, морали и т. п., — сегодня является не менее фундаментальной задачей, чем борьба с бедностью, коррупцией, деградацией социальной сферы. В отличие от старших поколений, обремененных опытом социальной мимикрии «под изменчивый мир», у молодежи благодаря свойственному молодости обостренному восприятию социальной справедливости, неприятию двойной морали и лицемерия больше шансов решить эту задачу. В том числе

и потому, что у молодежи, несмотря на возникшие в стране проблемы, нет страха перед будущим. Она с оптимизмом, хотя и сдержанным, оценивает перспективы. К примеру, согласно данным исследования «Российское поколение Z: Установки и ценности», 43 % молодых респондентов полагают, что через десять лет ситуация в стране будет лучше, чем сейчас, 31 % считают, что она будет примерно такой же, и лишь 20 % — что хуже. А это очень важно сегодня, учитывая рост депрессивных настроений во многих группах и слоях российского общества.

В-третьих, молодежь в рамках разнообразных гражданских инициатив способна привлекать внимание общества к новым темам, новым участкам социальных конфликтов, выходящим за пределы текущей политической конъюнктуры, которые мало заботят или малоинтересны как государству, так и ключевым политическим субъектам. Как отмечает П. Штомпка, «„новые социальные движения“, в которых доминирующие позиции занимает молодежь, не выдвигают на первое место явно выраженных экономических требований. Их гораздо больше волнуют культурные проблемы, вопросы самостоятельности, прав личности, а также темы, связанные с новыми ситуациями риска, которому подвергаются люди независимо от их социального положения» [Штомпка, 1996: 248]. Причем для борьбы за эти права не обязательно «лезть на баррикады». Главная функция, по выражению Т. Заславской, «трансформационного поведения» состоит в систематическом, хотя и малозаметном, изменении ключевых социальных практик [Заславская, 2004: 224]. В частности, открытое недовольство россиянами состоянием законности в стране, соблюдением прав человека, выборными фальсификациями или коррупцией, описываемое термином «легалистский протест», то есть протест в рамках закона, методами закона и против нарушения закона, оказывает существенное влияние на умонастроения россиян, давая им ощущение собственной правоты [Шульман, 2018: 177].

И последнее. На фоне сложностей, с которыми сегодня столкнулось российское общество, вполне вероятным представляется обратное колебание «маятника» общественных настроений, предполагающее снижение актуальности перемен для многих социальных групп, а также рост стабилизационного и даже авторитарного запроса. В этих условиях чрезвычайно важна консолидация общественных сил, заинтересованных в переменах. Переход от абстрактных надежд к конкретным изменениям сможет стать реальностью только тогда, когда сторонники перемен смогут сформулировать собственную «повестку дня» и добиться ее институционализации через самоорганизующиеся движения, гражданские инициативы и политические партии, у которых получится вступить в диалог с властью. Основой для совместного действия акторов перемен может стать общий для широких слоев населения набор ценностей и корреспондирующих им требований к государству. К числу таких общих для большей части российского общества ценностей относится социальная справедливость, требование обеспечения которой может стать сутью преобразовательных процессов в стране на ближайшие годы, если не десятилетия.

Список литературы (References)

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Исторические и теоретико-методологические предпосылки исследования молодежи в России // Россия и Китай: Молодежь XXI века

/ отв. ред.: М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З. Т. Голенкова, П. М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 7—32.

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. (2014) Historical, Theoretical, and Methodological Background for Youth Studies in Russia. In: Gorshkov M. K., Chunlin Li, Golenkova Z. T., Kozyreva P. M. (eds.) *Russia and China: Youth of the XXIst Century*. Moscow: New Chronograph. P. 7—32. (In Russ.)

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Zaslavskaya T. I. (2004) Contemporary Russian Society. Social Transformation Mechanism. Moscow: Delo. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: Изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2017. С. 12—48.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2017) Modern Sociology of Youth: Changing Realities and New Theoretical Approaches. In: Gorshkov M. K. (ed.) *Reforming Russia: A Yearbook*. No. 15. Moscow: New Chronograph. P. 12—48. (In Russ.)

Латов Ю. В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 15—28. <https://doi.org/10.31857/S013216250007738-4>.

Latov Yu. V. (2019) Ideological Vectors and Scalars of Action for Proponents of Change. *Sociological Studies*. No. 12. P. 15—28. <https://doi.org/10.31857/S013216250007738-4>. (In Russ.)

Латова Н. В. Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Журнал институциональных исследований. 2019. № 11. С. 119—134. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134>.

Latova N. V. (2019) The Actors of the Request for Institutional Changes in Modern Russia (the Socio-Psychological Context). *Journal of Institutional Studies*. No. 11. P. 119—134. (In Russ.) <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134>.

Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250002784-5>.

Petukhov V. V. (2018) Dynamics of the Social Attitudes of the Russia's Citizens and Making of a Public Demand for Change. *Sociological Studies*. No. 11. P. 40—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250002784-5>. (In Russ.)

Петухов В. В., Петухов Р. В. Запрос на перемены: Причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119—133. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09>.

Petukhov V. V., Petukhov R. V. (2019) Request for Change: Factors and Causes of its Actualization, Key Components, and Potential Carriers. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 119—133. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09>. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Radaev V. V. (2019) Millennials: How the Russian Society Changes. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Руденкин Д. В. Фактор ценностей в развитии протестных настроений молодежи: Итоги пилотажного исследования // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/08SCSK119.html> (дата обращения: 24.06.2020).

Rudenkin D. V. (2019) Factor of Values in The Formation Of Protest Moods Of Young People: The Results Of A Pilot Survey. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. Vol. 10. No. 1. URL: <https://sfk-mn.ru/08SCSK119.html> (дата обращения: 24.06.2020). (In Russ.)

Тихонова Н. Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 27—47. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6278>.

Tikhonova N. E. (2019) “Negative Stabilization” and Factors of Population Welfare Dynamics in Post-Crisis Russia. *Sociological Journal*. Vol. 25. No. 1. P. 27—47. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6278>. (In Russ.)

Штомка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Sztompka P. (1996) *The Sociology of Social Change*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Шульман Е. Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью. М.: АСТ, 2018.

Schulmann E. (2018) *Practical Political Science: A Textbook on a Contact with Reality*. Moscow: AST. (In Russ.)

Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. СПб.: Интерсоцис, 2009.

Yadov V. A. (2009) *Modern Theoretical Sociology as a Conceptual Basis for the Study of Russian Transformations: Lectures for Master’s Students in Sociology*. Saint Petersburg: Intersotsis. (In Russ.)

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1674

В. В. Титов

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА МОЛОДЕЖИ В РУНЕТЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОКОЛЕНИЙ Y И Z

Правильная ссылка на статью:

Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 139—158. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674>.

For citation:

Titov V. V. (2020) Strategies of Youth Social Protest on the Russian Internet (RuNet): a Comparative Analysis of Generations Y and Z. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 139—158. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1674>.

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА МОЛОДЕЖИ В РУНЕТЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОКОЛЕНИЙ Y И Z

STRATEGIES OF YOUTH SOCIAL PROTEST ON THE RUSSIAN INTERNET (RU-NET): A COMPARATIVE ANALYSIS OF GENERATIONS Y AND Z

ТИТОВ Виктор Валериевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: VTitov@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

Viktor V. TITOV¹ — Cand. Sci. (Pol. Sci.), Senior Researcher of the Department of Political Science

E-MAIL: VTitov@fa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Аннотация. Исследовательская проблема заключается в необходимости системного изучения особенностей социального протеста и различий в стратегиях протестного поведения поколений Y и Z. Обозначенная проблема рассматривается в трех измерениях: через (1) мотивационную составляющую и когнитивные основания протеста; (2) психоэмоциональные репрезентации молодежного протеста, рельефно проявляющиеся в социальных медиа; (3) конкретные формы протестного поведения в сетевом пространстве.

Abstract. The focus of the article is to present a systematic study of the protest behavior and different strategies of Generations Y and Z. The problem under consideration can be examined in three dimensions: (1) through a motivational component of cognitive causes of protest behavior; (2) through psycho-emotional representations of youth protest which appear in social media; (3) particular forms of protest behavior on the web.

Теоретико-методологические основания исследования выстроены посредством синтеза теоретических положений и методологического потенциала коммуникативного и сравнительного подходов, а также политико-психологической методологии. Дизайн исследования предполагал три этапа. На первых двух этапах осуществлялся автоматизированный мониторинг социальных медиа при помощи систем «Медиалогия» и IQBuzz. Также на втором этапе был проведен дистантный опрос, посвященный особенностям протестного поведения молодых рос-

The theoretical framework of the study is drawn upon a combination of theoretical concepts and communicative and comparative methods as well as political and psychological techniques. The study design comprised three stages. The first and second stages involved an automated monitoring of social media using the Medialogia and IQBuzz systems. The second stage also included a remote survey on the specifics of the Russian youth protest behavior. Comparisons of the protest specifics of Generations Y and Z within the Russian Internet were drawn at the third stage.

The study shows that the key motivating factors behind social protest of the Russian young people are a lack of positive

сиян. На третьем этапе осуществлено сравнение специфики протеста представителей поколений Y и Z в социальных сетях Рунета.

Было выявлено, что ключевыми мотивационными факторами, стимулирующими социальный протест российской молодежи, являются дефицитарная потребность в формировании позитивного образа будущего, психоэмоциональное ощущение несправедливости существующего социального порядка, установка на восприятие обобщенного института государства как коррумпированного и неэффективного.

Выделены пять ключевых стратегий социального протеста, находящихся в стадии формирования: неструктурированная, терминально-атрибутивная, фрустрационная, политизированная, локально ориентированная. Терминально-атрибутивная стратегия присуща поколению Z, фрустрационная и локально ориентированная востребованы у поколения Y. Политизированная и неструктурированная стратегии характерны для «виртуального» протеста обоих поколений российской молодежи.

Ключевые слова: социальный протест, российская молодежь, поколение, мотивы протеста, Рунет, проблемно-объектная локализация, стратегии, стратегии протеста

image of the future, a feeling of injustice in the existing social order, and their perception of the generalized state institution as corrupt and ineffective.

Five basic strategies of social protest at their early stage of formation were singled out: (1) unstructured, (2) terminal attributive, (3) frustration, (4) politically charged, and (5) locally oriented. Terminal attributive strategy is typical of Generation Z; frustration strategy is a characteristic of Generation Z; frustration and locally oriented strategies are popular with Generation Y. In case of a “virtual” protest both generations of the Russian youth stick to politically charged and unstructured strategies.

Keywords: social protest, Russian youth, generation Y, generation Z, motives of protest, Runet, problem-object localization, strategies, protest strategies

Актуальность и постановка проблемы

Современное состояние российского общества характеризуется ростом протестных настроений [Новый спектр политических настроений..., 2020]¹. Исследователи

¹ См. также: Леонов С. Почему в России растут протестные настроения // URA.ru. 2020. 8 января. URL: <https://ura.news/articles/1036279424> (дата обращения: 24.06.2020).

справедливо отмечают, что динамика социального протеста в России на рубеже 2010—2020-х гг. крайне неравномерна и более рельефно выражена в таких сегментах, как молодежь и жители крупных городов. Основное пространство зарождения и репрезентации различных форм протеста российской молодежи, различных групп и субпоколений, в нее входящих, — социальные медиа Рунета [Пономарев, Белов, Майлис, 2018].

Следует учитывать, что «виртуальный» социальный протест в российском обществе неоднороден по происхождению, формам проявления, последствиям и стратегиям протестного поведения двух поколений российской молодежи: Y (его младшей части 1985—1996 г. р., которая относится к «молодежи») и Z, так называемых цифровых аборигенов (начиная с 1997 г. р.).

Тематика молодежного протеста в XXI веке, его специфика и трансформация (в том числе связанная с интенсивным развитием цифровых технологий) представляют несомненный интерес для научного сообщества, они широко освещаются в ряде зарубежных исследований [Graham, Pettinato, 2002; Herrera, 2012 и др.]. Активное развитие в российской социогуманитарной науке получила непосредственно проблема социального протеста российской молодежи в 2010-х гг., основополагающих мотивов и форм протестного поведения в «цифровую эру» [Карзубов, 2016; Кафтан, 2018; Пономарев, Белов, Майлис, 2018; Smakotina, Melnikova, 2018 и др.].

Не менее значимую роль играют исследования, связанные с анализом поколенческой специфики, накладывающей отпечаток на поведение молодых россиян в различных «пространствах повседневности», включая интернет-среду [Паутова, 2010; Бродовская и др., 2019; Зубок, Чупров, 2019]. К данному спектру исследований тесно примыкают работы, в которых освещается проблематика социальной самоидентификации российской молодежи: «поиск себя» в условиях информационно-психологической неустойчивости и политической турбулентности современного общества [Евгеньева, Титов, 2014].

Исследовательская проблема состоит в недостаточной изученности специфики социального протеста и различий в стратегиях протестного поведения поколений Y и Z (их ценностно-смыслового наполнения, проблемной направленности, эмоциональной выразительности и символических репрезентаций). Представляется, что обозначенная проблема имеет как минимум три контура. Первый — это мотивы и когнитивные основания протеста, которые носят хотя и не всегда строго *рациональный*, но преимущественно *рационализированный* характер. Второй контур — психоэмоциональные репрезентации молодежного протеста, находящие свое отражение на различных онлайн-площадках Рунета. Третий контур — поведенческий, связанный с конкретными формами и стратегиями протестного поведения в сетевом пространстве, возможностью перехода онлайн-протеста в физическое пространство (офлайн-форматы).

Теоретический объект исследования — стратегии протестного поведения российской молодежи (поколений Y и Z) в пространстве Рунета.

Предмет исследования — сообщения молодых (с возможностью идентификации возраста) пользователей социальных сетей «ВКонтакте», Facebook, «Одноклассники», Instagram, циркулирующие в Рунете и имеющие протестную

направленность. Указанные сообщения могут быть представлены в различных форматах (полномасштабные графические тексты, комментарии, репосты, мемы, лайки и т. д.). *Цель исследования* состоит в изучении основных содержательных компонентов социального протеста и различий в стратегиях протестного поведения поколений Y и Z (их ценностно-смыслового наполнения, проблемной направленности, эмоциональной выразительности и символических репрезентаций).

Теоретико-методологические рамки исследования

В основе исследования лежит синтез теоретических возможностей коммуникативного, сравнительного подходов и политико-психологической методологии.

В рамках коммуникативного подхода акцент сделан на понимании того факта, что интернет, будучи особым информационно-коммуникационным пространством, задает собственные «правила игры» — формы и средства выражения социального протеста, способствует формированию симулятивных, ситуационно-протестных идентичностей [Giddens, 1999; Castells, 2009; Шмидт, Коэн, 2013; Бродовская и др., 2017].

Обращение к политико-психологической методологии связано в первую очередь с необходимостью анализа качественных характеристик сетевого молодежного протеста, важностью выявления не только, как правило, озвучиваемых (текстовых) когнитивных оснований протестного поведения, но и менее очевидных эмоциональных, ценностно-мотивационных факторов зарождения и развития протестных настроений в Рунете [Шестопад, 2015; Белоконев, Титов, Усманова, 2019]. Использование политико-психологического подхода представляется особенно актуальным в свете наличия существенных объемов невербального контента (лайков, мемов-изображений и т. д.). Тональность и эмоциональная направленность такого контента не могла быть интерпретирована посредством автоматизированного мониторинга социальных медиа и требовала дополнительного анализа.

Также существенную роль в выработке синтезного теоретико-методологического фундамента исследования играет теория социальных и политических поколений, которая позволила сформулировать гипотезы и выработать совокупность применяемых исследовательских критериев [Howe, Strauss, 1992; Паутова, 2010].

Не менее важное значение для осмысления методологических рамок нашего исследования имеют и другие подходы к феномену социальных и политических поколений, обращение к которым позволило рассмотреть особенности социокультурной и ценностно-психологической дифференциации поколений. Так, интерес представляет ряд зарубежных социально-поколенческих концепций начала XXI в., среди которых необходимо выделить подходы Pew Research Center (с акцентом на миллениалах и постмиллениалах — «поколения Apple»)², Джозла Стейна (поколение me-me-me)³, Кори Симиллер и Меган Грэйс [Seemiller, Grace, 2019], в которых акцент сделан на особенностях миллениалов и «зетов» как таковых.

² Millennials in Adulthood: Detached from Institutions, Networked with Friends. *Pew Research Center*. 2014. March 7th. URL: <https://www.pewsocialtrends.org/2014/03/07/millennials-in-adulthood/> (дата обращения: 25.06.2020).

³ Stein J. (2013) Millennials: The Me Me Me Generation. *Time*. May 20th. URL: <http://time.com/247/millennials-the-me-me-me-generation> (дата обращения: 25.06.2020).

Представляется, что и подход Нейла Хоува и Уильяма Штраусса, и классификация Pew Research Center все же обладают некоторой методологической ограниченностью в российских условиях. Такая ограниченность проистекает из двух моментов. Во-первых, избыточной «привязкой» дифференциации поколений к 11 сентября 2011 г., что может быть оправдано для США, но менее актуально для России. Во-вторых — опережающими темпами трансформации информационного ландшафта американского общества по отношению к российскому.

В определенной мере указанную ограниченность преодолевает российская научная традиция, в частности подход Вадима Радаева [Радаев, 2019]. Однако ограничение «поколения реформ» 2000 г. также представляется дискуссионным, поскольку период 1996—1999 гг. следует рассматривать не как продолжение преобразований первой половины 1990-х, а в большей степени как кризисную фазу развития российского общества

Серьезного внимания заслуживают и работы Антонины Селезневой, которая, анализируя феномен поколений в рамках политической психологии, понимает под социально-политическим поколением «общность людей определенного возраста, имеющих сходные представления о политике и власти, сформированные в процессе первичной политической социализации...» [Селезнева, 2011].

Суммируя совокупность обозначенных взглядов на феномен поколений, в рамках данной работы представляется оправданным ориентироваться на ценностно-психологический подход, позволяющий более детально идентифицировать межпоколенческие различия, разность моделей протеста «миллениалов» и «сетевых аборигенов».

Безусловно, отдельного уточнения требует методология указанных возрастных разграничений и степень оправданности выбора 1997 г. в качестве точки дифференциации поколений Y и Z.

Опираясь на приведенные подходы, мы можем в целом ориентироваться на те концепции, которые в большей мере ориентированы на возрастную психологическую специфику социализации молодых россиян. То есть речь идет о том, что первичная и вторичная социализация миллениалов стартовала (а для молодежи, рожденной до 1990 г. — и преимущественно протекала) в «доцифровую» — аналоговую — эпоху и носила некий симбиотический характер. Первичная социализация представителей поколения Z, начиная с возраста трех — пяти лет, изначально происходила в принципиально новых условиях уже начавшейся «интернетизации» всех сфер жизни российского общества. То есть использование социализационно-возрастного критерия, по нашему мнению, позволяет обозначить 1997 г. (а не, например, 2000 г.) в качестве некой точки дифференциации, когда на смену поколению миллениалов пришло поколение Z. При этом такой взгляд в целом совпадает с мнением Pew Research Center и предполагает, что речь идет не только об уровне изначально формируемой в детском возрасте цифровой компетентности, но в большей мере — об особенностях восприятия существующей социальной действительности и социального поведения.

Использование сравнительного подхода было направлено на то, чтобы детально сопоставить специфику протестного поведения поколений Y и Z: основные онлайн-площадки, ключевые интенции, проблемно-объектную локализацию (понимание,

на кого именно направлен протест), степень эмоциональной выразительности, динамизм/ригидность, а также возможность ретрансляции молодежного протеста в офлайн-пространство.

Дизайн и методы эмпирического исследования

Проведенное эмпирическое исследование включало в себя три этапа.

Первый этап (10 октября 2019 г. — 30 ноября 2019 г.) предполагал сбор и систематизацию контента (посредством автоматизированных систем мониторинга социальных медиа IQBuzz и «Медialogия»), а также политико-психологический анализ протестных интенций молодежи (с выделением двух сегментов — поколений Y и Z). В рамках данного этапа отбирались сообщения, опубликованные в социальных медиа с 26 сентября по 30 ноября 2019 г. Идентификация сообщений как протестных осуществлялась в рамках двухступенчатого алгоритма. Во-первых, сообщение выявлялось посредством специализированного контекста (запроса), в котором в виде ключевых слов и словосочетаний отражались основные социально-политические события, имевшие место в 2019 — начале 2020 г. («московское дело», «выборы в Мосгордуму», «отставка Медведева» и т. д.) или упоминались деятели российской оппозиции (Навальный, Голунов, Волков и т. д.). Во-вторых, сообщение должно было иметь негативную тональность по отношению к действующей власти или текущей социально политической реальности в целом.

Второй этап (20 февраля — 10 марта 2020 г.) был направлен на автоматизированный сбор и обработку дополнительных данных по методике, аналогичной той, что использовалась на первом этапе при помощи системы «Медialogия» (функция «Соцмедиа»). В ходе второго этапа исследования были отобраны сообщения, опубликованные с 6 февраля по 10 марта 2020 г. Помимо этого, в рамках второго этапа осуществлен пилотный дистантный опрос «Протестная активность российской молодежи» (108 респондентов), позволивший детализировать возрастные различия в протестном поведении молодежи.

Третий этап (12—21 марта 2020 г.) представлял собой кросс-поколенческое критериальное сравнение, позволяющее выявить ключевые тенденции и диагностировать стратегии протестного поведения российской молодежи в Рунете.

Таким образом, в ходе исследования были использованы:

— Систематизация, обработка и последующая интерпретация больших данных, полученных посредством автоматизированных систем мониторинга социальных медиа IQBuzz и «Медialogия».

— Комплекс качественных политико-психологических методов (анализ текстов, проективные методики), позволяющих выявить ситуационные и долгосрочные, а также неявные (подсознательные) факторы и установки социального протеста поколений российской молодежи. Используемая политико-психологическая методика предполагала отбор 270 профайлов в социальных сетях по результатам предшествующего автоматизированного мониторинга после ранжирования по опции «вовлеченность» (по 135 — представители поколения Y и Z). При этом отбирались только те профайлы, по которым можно было установить возраст респондента при помощи встроенных киберметрических функций соответствующих соцмедиа. В дальнейшем для сравнения было также отобрано 135 профайлов, носивших

отчетливо фейковый характер (без верификации возраста). На наш взгляд, указанное количество профайлов, безусловно, не претендует на полномасштабную репрезентативность, но позволяет диагностировать основные психологические тенденции развития протестных настроений в молодежной среде.

— Дистантный опрос «Протестная активность молодежи» (108 респондентов в возрасте 16—34 лет, из которых 67 представляли поколение Y, а 41 — поколение Z), позволивший более строго дифференцировать представителей поколений Y и Z и таким образом конкретизировать поколенческую специфику тех или иных протестных проявлений. Данный опрос проводился через рассылку опросных листов по электронной почте. При этом, отвечая на вопрос «Какой социальной сетью Вы пользуетесь наиболее часто?», 39 респондентов не смогли определиться и назвали два и более ресурса. 28 респондентов заявили, что чаще пользуются «ВКонтакте», 15 — YouTube, 14 участников опроса указали в качестве предпочитаемой социальной сети Instagram, 10 человек — Facebook, «Одноклассники» упомянули два респондента.

Предваряя обсуждение полученных результатов исследования, необходимо сделать три важных методологических замечания.

Во-первых, использование политико-психологических методик (для выбранных профайлов) и дистантного опроса (108 респондентов) не претендует на реконструкцию многомерной социологической картины протестных настроений в российском обществе, а было направлено исключительно на диагностику наиболее заметных текущих тенденций протестного поведения молодежи в Рунете. Более того, можно предполагать, что уже в ближайшем будущем более масштабные исследования покажут, что мотивация, ценностно-смысловое и символическое содержание социального протеста молодых россиян серьезным образом трансформировались. Это обусловлено, среди прочего, меняющейся социально-политической повесткой дня: усилением экономического кризиса, «фактором коронавируса», то есть рядом серьезных моментов, которые не играли ведущей роли осенью 2019 г.

Во-вторых, существенную трудность представляла верификация возраста интернет-пользователей. Наиболее агрессивные, неструктурированные («протест против всего») проявления протеста были характерны для пользователей, аккаунты которых не только не позволяли определить пол и возраст их создателей, но и носили отчетливо выраженный «фейковый» характер. Так как подобных аккаунтов довольно много (особенно во «ВКонтакте»), было отобрано 135 из них для сравнительного анализа. Указанные аккаунты составили самостоятельную группу.

В-третьих, учитывая незначительное число протестного контента в Instagram и невозможность верификации возраста «комментаторов» в YouTube, основополагающие выводы были сделаны по результатам анализа социальных сетей «ВКонтакте», «Одноклассники» и Facebook.

Начальными гипотезами исследования стали следующие предположения.

1. Специфической онлайн-площадкой социального протеста для поколения Y является Facebook; для поколения Z — Instagram. «ВКонтакте» является универсальной площадкой «виртуального» протеста для обоих поколений российской молодежи.

2. В стратегиях онлайн-протеста обоих поколений российской молодежи эмоциональная составляющая является основополагающей, доминируя над симво-

лической и когнитивной. Вторая по значимости для протестующих — символическая составляющая: самовыражение, в том числе через обретение ситуационной «протестной» идентичности.

3. Стратегии социального протеста поколения Z в Рунете носят более общий (размытый), политизированный и агрессивный характер, чем у поколения Y.

4. Социальный протест поколения Y в Рунете носит преимущественно локальный (связанный со своим населенным пунктом, местом проживания) и проблемно-ориентированный характер.

5. Социальный протест поколения Z имеет более разнообразные символические репрезентации, чем у поколения Y. Это связано с более активным использованием инструментов визуализации в социальных сетях Рунета (мемов, эмодзи).

Результаты исследования

Ниже представлены основные количественные характеристики первых двух этапов исследования — автоматизированного мониторинга протестного поведения россиян в социальных медиа Рунета (см. табл. 1). Всего было агрегировано 858 407 241 сообщение (посты и комментарии к ним в различных социальных сетях). Из них: 37,64 % сообщений — во «ВКонтакте»; 12,31 % — в «Одноклассниках»; 7,46 % — в Facebook; 0,49 % — в Instagram.

Таблица 1. Количественные характеристики первого и второго этапов автоматизированного мониторинга протеста в соцмедиа

	1 этап	2 этап	Всего
Количество «протестных» сообщений	581 262 149	277 145 092	858 407 241
<i>Из них:</i>			
«ВКонтакте»	208061617	115004232	323065849
«Одноклассники»	67605189	38086494	105691683
Facebook	38214929	25796715	64011644
Instagram	2799114	1418323	4217437

На втором этапе исследования также был осуществлен отбор 405 аккаунтов. Из них 135 принадлежали молодежи, относящейся к поколению Y, 135 — представителям поколения Z, 135 — «фейковые» аккаунты, не позволяющие идентифицировать пол и возраст респондентов (см. табл. 2).

Таблица 2. Социально-демографические характеристики политико-психологического исследования протестной активности молодежи в соцмедиа Рунета

	Поколение Y	Поколение Z	«Фейковые» аккаунты (без определения пола и возраста)
Общее количество	135	135	135
Муж.	79	84	—
Жен.	56	51	—

	Поколение Y	Поколение Z	«Фейковые» аккаунты (без определения пола и возраста)
Аккаунты «ВКонтакте»	93	108	117
Аккаунты «Одноклассники»	22	3	13
Аккаунты Facebook	18	20	5
Аккаунты Instagram	2	4	—

Обращаясь к анализу количественных социально-демографических характеристик проводимого исследования, можно заметить доминирование социальной сети «ВКонтакте» в качестве главной онлайн-площадки политического протеста российской молодежи в Рунете. Причем указанная тенденция прослеживается как при автоматизированном мониторинге соцмедиа, так и в ходе политико-психологического анализа. Соцсеть «ВКонтакте» аккумулирует не менее 50%—60% актуального протестного контента и в равной мере востребована и у представителей поколения Y, и у представителей поколения Z. Это подтверждает первую предварительную гипотезу исследования в части, касающейся ведущего и универсального (с точки зрения возрастной дифференциации) характера данной социальной сети как пространства формирования и циркуляции протестных настроений.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что социальная сеть «Одноклассники» пользуется популярностью в качестве пространства протеста, имея, однако, существенную возрастную специфику. В большей мере она востребована у молодых представителей поколения Y, чем у поколения Z.

Также заметно, что Instagram сегодня не является площадкой активного социального протеста российской молодежи, что, по нашему мнению, связано не столько со спецификой целевой аудитории данной социальной сети, сколько с ее технологическими особенностями, предполагающими размещение преимущественно визуального контента (фото, в меньшей степени — видео). Указанная ситуация в полной мере согласуется с мнением ряда экспертов о том, что в современном интернет-пространстве Instagram сочетает в себе *презентационную* и *маркетинговую* функции [Соболева, 2018]. Первая предполагает демонстрацию социального успеха человека, вторая — возможность опосредованной монетизации контента, продвижение бренда в коммерческих целях. Естественно, обе эти функции предполагают акцент на позитивном контенте, что (по крайней мере, в современных российских условиях) нивелирует значимость Instagram как поля кристаллизации социального, и тем более политического протеста.

В рамках качественного анализа собранного интернет-контента были выделены следующие критерии, характеризующие специфику «виртуального» протеста поколений Y и Z:

- 1) основная онлайн-площадка;
- 2) дополнительные онлайн-площадки;
- 3) мотивация протеста,
- 4) проблемно-объектная локализация (проблема или объект протеста),

- 5) ключевые когнитивные конструкты (транслируемые смыслы);
- 6) используемые символические конструкты;
- 7) степень эмоциональной выразительности протеста;
- 8) динамизм/ригидность;
- 9) потенциал ретрансляции молодежного протеста в офлайн-пространство.

Дополнительную информацию для детализации межпоколенческих различий протестного поведения молодежи в Рунете дали результаты онлайн-опроса, в котором участвовало 108 респондентов в возрасте 16—35 лет (57 — муж., 42 — жен.). Из них 63 респондента представляют поколение Z (1997 г. р. и младше), 35 респондентов — «молодой» сегмент поколения Y (1985—1996 г. р.).

Таблица 3. Основные качественные характеристики протестной активности российской молодежи в интернет-пространстве (на материалах анализа профайлов в социальных сетях)

Критерий	Поколение Y	Поколение Z	«Фейковые» аккаунты (без определения пола и возраста)
Основная онлайн-площадка	«ВКонтакте»	«ВКонтакте»	«ВКонтакте»
Дополнительные онлайн-площадки	«Одноклассники», Facebook	Facebook (частично, в рамках политизированного протеста против действующей власти)	«Одноклассники», Facebook
Мотивация протеста	Преимущественно предметно-ориентированная. Крайне разнообразная (от внутренней фрустрации до недовольства «политикой правящего режима»: пенсионной реформой, «мусорными полигонами» и т. п.)	Преобладает аморфная, связанная с терминальными ценностями («несправедливость», отсутствие внятного и позитивного образа будущего)	Аморфная (чаще всего имеет внутренний характер или связана с высоким уровнем агрессии в обществе)
Проблемно-объектная локализация	Коррупция; экономический кризис; низкий уровень социального обеспечения; «чиновники на местах»; действующая власть.	Конфликты со сверстниками и старшим поколением; коррупция; низкий уровень образования; «ограничение прав и свобод» (в том числе, в интернете); власть и чиновники всех уровней; старшие поколения («ничего не хотят менять»); сверстники («все пофигу», «ничем не интересуются»).	

Критерий	Поколение Y	Поколение Z	«Фейковые» аккаунты (без определения пола и возраста)
Ценностно-смысловое наполнение	«Коррупцированная власть»; «социальная незащищенность»; «пенсионная реформа»; «высокие налоги»; «чиновники уничтожают бизнес»; «санкции».	«Невозможно получить качественное образование в России»; «цензура, все запрещают»; «санкции, вражда с Западом»; «коррупция везде, все решают связи»; «все продается и покупается сегодня в России».	«Власть неэффективная, зажавшиеся некомпетентные чиновники»; «цены растут, доходы падают, перспектив не видно»; «кризис культуры и нравственности»; «люди ленивые, не хотят работать».
Символические конструкты	Преобладают стандартные, при этом активно используются мемы (в рамках политического протеста)	Преобладают стандартные (эмодзи), активно используется мемы	Стандартные, направленные на выражение негативных эмоций (преимущественно эмодзи)
Степень эмоциональной выразительности	Средняя/высокая	Средняя	Высокая (агрессивная)
Динамизм/ригидность	Динамизм	Ригидность (в большей степени)	Динамизм
Потенциал ретрансляции протеста в офлайн-пространство	Значительный	Незначительный	Незначительный

Опираясь на выявленные качественные характеристики социального протеста поколений Y и Z, можно диагностировать ряд значимых тенденций.

Во-первых, хорошо заметно, что основной площадкой, аккумулирующей протестные настроения Рунета, является «ВКонтакте». Причем данное утверждение относится как к молодым интернет-пользователями, так и к «фейковым» аккаунтам. Несколько более разнообразная ситуация складывается со «вспомогательными» площадками протеста. Если Facebook в этом плане также носит частично универсальный характер, являясь платформой выраженного политизированного протеста против действующей власти (типичные высказывания пользователей: «коррупция в верхах», «не умеют управлять», «разрушили страну» и т. п.), то социальная сеть «Одноклассники» более востребована у поколения Y, в том числе для выражения локального протеста, связанного с развитием социальной инфраструктуры, благоустройством «своих» пространств повседневности («в нашем городе дороги уже много лет нормально не ремонтируются»). Указанный тренд на преимущественную популярность «Одноклассников» у поколения Y подтвердился и в ходе онлайн-опроса. Так, из 63 респондентов, представляющих поколение Z, только 18 имеют страницы в «Одноклассниках», еженедельно ими пользуются 11 человек. Из 35 опрошенных представителей поколения Y страницы в «Одноклассниках» есть у 17 человек (еженедельно «заходят» в данную социальную сеть — 9 человек).

Во-вторых, существенный интерес представляет *мотивация и проблемно-объектная локализация* протеста молодых россиян в Рунете. Анализ профайлов Рунета убедительно показывает, что и у поколения Y, и у поколения Z на первый план выходят такие системные проблемы, как социальная неопределенность, размытость карьерных и материальных перспектив, высокий уровень коррупции. К ним тесно примыкают интенции, связанные с отсутствием социальной справедливости, неэффективностью действующей власти и бюрократического аппарата.

Во многом созвучные результаты были выявлены в ходе обработки данных дистантного опроса. Отвечая на вопрос *«Что из происходящего в России у Вас вызывает наибольшее раздражение или неприятие?»*, большинство молодых пользователей отметили «коррупцию» и «несправедливость» (*«непонятно, чего ждать дальше»*). Для поколения Z специфическими мотивационными триггерами протеста также выступают *«произвол властей»* и невозможность получить качественное образование (*«к чему готовит наша школа, университеты? Непонятно...»*). Для поколения Y имеет серьезное значение *«беспредел»* власти на всех уровнях: от федерального до местного, — и усиление социально-экономического кризиса (*«жить, конечно, стали хуже... Сложно сказать, что с работой будет, доходы падают»*).

При этом универсальным объектом, к которому адресованы претензии молодежи, является обобщенное «государство»: действующая власть, политики, чиновники. Различие же заключается в том, что у поколения Z объект протестной активности, как правило, представлен более абстрактно, а у поколения Y — пространственно локализован и часто персонифицирован. Типичный ответ в таком случае звучит следующим образом: *«в нашем городе дороги больше десяти лет не ремонтировались качественно, тарифы за ЖКХ растут, а ни мэр, ни ремонтные службы ничего не видят. Им это неинтересно...»*.

В-третьих, рассмотренная выше мотивационная специфика тесно связана с соответствующим *ценностно-смысловым и символическим* наполнением «виртуального» протеста российской молодежи. Так, и результаты анализа профайлов, и результаты дистантного опроса свидетельствуют, что ценностно-смысловым лейтмотивом «виртуального» протеста поколения Y выступает «коррупция среди чиновников», неспособность власти справиться с кризисными явлениями в российском обществе и проводимая социально-экономическая политика (*«пенсионная реформа», «никаких социальных гарантий», «давят весь бизнес», «повышают налоги»*). У поколения Z на первый план выходит проблема образования и возможность сделать успешную карьеру (*«все решают связи», «трудно пробиться, не работают социальные лифты»*) и личностной свободы (*«цензура», «власть только запрещает, ничего не предлагая взамен»*).

Можно также отметить, что у молодежи, относящейся к поколению Y, и, в особенности, у представителей поколения Z существенную роль в артикуляции протестных настроений играет «сетевой» юмор, стремление высмеивать текущую действительность во всех ее измерениях: социально-экономическом, политическом, бытовом.

Анализируя степень *эмоциональной выразительности социального протеста* в Рунете, особо выделим «фейковые» страницы, где преобладает агрессивный

стиль коммуникации. При этом агрессия носит как персонализированный (посты и комментарии к сообщениям «оппонентов»), так и аморфный, беспредметный характер (посты о том, что «все плохо», как правило, с использованием общенной лексики). В этом состоит существенное отличие «фейков» от протестной риторики поколения Z, которая отличается существенно меньшей эмоциональной выразительностью и активным использованием юмора. Поколение Y в данном случае занимает промежуточную позицию: его эмоциональная вовлеченность в протест также довольно высока, особенно когда протестный импульс имеет локальный и персонализированный характер («произвол» отдельных чиновников, проблемы с транспортом, детскими садами и т. п.).

Отдельно следует сказать о потенциале ретрансляции «виртуального» протеста российской молодежи в физическую плоскость, возможностях его выхода в офлайн-пространство. Очевидно, что полномасштабная диагностика данного параметра представляет существенную трудность. В особенности это касается «фейковых» страниц, содержащих политический — «антивластный» — контент и отличающихся высоким уровнем агрессии. Вместе с тем можно говорить о том, что для большинства протестующих молодых россиян именно социальные сети являются естественной «средой обитания», в которой можно относительно безопасно выражать собственные негативные настроения. В наибольшей степени указанное утверждение касается «цифровых аборигенов» — представителей поколения Z, в меньшей — поколения Y.

Наиболее репрезентативным кейсом (с точки зрения эмоциональности, количества упоминаний, близости по времени к первому этапу исследования) событием, на которое откликнулись молодые респонденты — участники дистантного опроса, — стали избирательная кампания в Московскую городскую Думу (июнь — сентябрь 2019 г.) в целом и массовые уличные протесты в частности, в особенности столкновения 27 июля 2019 г. В данном ракурсе важным штрихом, объединяющим настроения представителей обоих поколений, стало всеобъемлющее недоверие к власти: «врут, фальсифицируют выборы» (Л., муж., 29 лет — поколение Y), «всех и всегда обманывают» (Н., муж., 20 лет — поколение Z), «готовы идти на все, чтобы сохранить свою власть и в Москве, и в стране, даже если придется грубо вмешаться и всех пересажать, и выборы в Московскую думу это показали очень хорошо» (А., жен., 32 года — поколение Y). То есть именно установка недоверия по отношению к власти, априорная идея ее тотальной нечестности стала своеобразной точкой сборки настроений молодых россиян (преимущественно москвичей, для которых избирательная кампания в столице воспринималась намного более остро) в их восприятии выборов в Мосгордуму.

Однако различными были эмоциональные реакции представителей двух поколений на самый острый момент кампании — отказ в регистрации ряду оппозиционных кандидатов, столкновения 27 июля и последовавшую за этим серию судебных разбирательств («московское дело»). Если поколение Z демонстрировало умеренно высокий уровень негативных эмоций (типичный ответ: «винтили людей, били» — К., муж., 21 год.), то представители поколения Y выражают более резкие оценки: «аморальные и циничные... школьников и студентов избивали, теперь еще их же и обвиняют, посадить хотят» (Н., муж., 33 года); «уроды, утратили всякое чув-

ство меры» (Л., муж., 29 лет), «самих их (представителей властных структур. — Т.В.) в автозаки покидать и судить» (О., жен., 31 год).

Также можно диагностировать и то, что представители рассматриваемых поколений, продемонстрировали несколько различную степень готовности к переводу своих действий в офлайн-пространство. Среди респондентов поколения Y звучали оценки, что «надо было тогда выходить на улицу», и «если бы власти разрешили нормальные (!) митинги против нечестных выборов, я бы принимал участие» (Л., муж., 29 лет — поколение Y). У респондентов, представляющих поколение Z, тема «улицы» применительно к избирательной кампании в Мосгордуму оказалась в принципе не востребовавшей, то есть респонденты, представляющие данное поколение, не упомянули о своем участии в протестных акциях.

Безусловно, следует отметить, что «московский кейс» не претендует на репрезентативность, а лишь диагностирует некоторые наиболее яркие тенденции, которые в целом подтверждают результаты, полученные в ходе анализа профайлов представителей поколений Y и Z.

Становление стратегий протестного поведения молодежи в Рунете

Можно выделить несколько стратегий протестного поведения российской молодежи в социальных медиа Рунета, находящихся в стадии формирования.

Стратегия тотального неструктурированного протеста. Ее особенности: (а) не очерчен объект протеста («жизнь» в целом); (б) не до конца понятна мотивация протестующих. При этом также заметны достаточно высокий уровень агрессии, обилие ненормативной лексики, использование мемов и достаточно жесткого « сетевого юмора» («стеба»), направленного на российскую действительность во всем многообразии ее проявлений — от бытового до политического. Показательно, что указанная стратегия практически в равной мере свойственна представителям обоих рассматриваемых поколений, но более всего распространена среди обладателей «фейковых» аккаунтов во «ВКонтакте» и в «Одноклассниках».

Рассматривая мотивы такого «повседневного», неструктурированного протеста, можно предположить, что в данном случае имеет место некий интегративный психоэмоциональный эффект — ретрансляция множества личностных негативных эмоций (различных по своему генезису) интернет-пользователей из офлайн-среды в виртуальное пространство.

Вторая стратегия протеста, присущая преимущественно поколению Z, может быть охарактеризована как *терминально-атрибутивная*. Она имеет тройственный характер и основана на сочетании макросоциальных *терминальных ценностей* (свобода, благополучие, комфорт), *внутренних мотивов*, связанных прежде всего с неопределенностью социального статуса, кризисом индивидуального образа будущего (что во многом естественно для старшекласников и студенческой молодежи) и *атрибутивной составляющей* — «приписыванием» современной действительности множества различных недостатков («несправедливость», «мало возможностей для самореализации» и т. п.). Подобную особенность фиксируют и западные исследователи. В частности, они пишут и об известном политическом идеализме поколения Z, и о том, что именно насилие в сочетании с несправедливостью становится тем триггером, который заставляет «зетов» отказаться от выра-

жения несогласия в социальных медиа и перейти к активным формам действий⁴. При этом отмечается, что такой переход — скорее исключение, сопряженное с вопиющими и крайне резонансными эпизодами социальной жизни (например, убийство Дж. Флойда полицейскими 25 мая 2020 г.).

Третья стратегия — фрустрационная — во многом схожа с предыдущей, терминально-атрибутивной, но в большей мере распространена у поколения Y. В ее основании лежит не столько ориентация на терминальные ценности и статусные притязания, сколько разрыв между уже достигнутым индивидуальным материальным благосостоянием и уровнем комфорта, благополучия и предсказуемости пространств повседневности, в которых человек и его близкие осуществляют свою жизнедеятельность.

В связи с этим можно полагать, что у значительной части поколения Y — по мере «старения» молодежи — проявляются симптомы специфического социально-статусного и психоэмоционального состояния, которое получило название «frustrated achievers». В основе такого состояния лежит серьезное противоречие между индивидуальным достижением материального благополучия и макросоциальными ценностями, дефицит которых наблюдается в обществе: справедливостью, правовой защищенностью, качеством образования, потребностью в позитивном образе будущего. В связи с этим важно упомянуть, что созвучные тенденции актуализации ценности справедливости во всех ее проекциях наблюдаются и западные ученые, исследующие «старшую молодежь» (от 30 лет) [Graham, Pettinato, 2002]. Тем самым «справедливость» как терминальная ценность становится одним из важных маркеров межпоколенческой дифференциации, хотя, безусловно, востребованность данной ценности у поколения Y все же менее актуальна, чем, например, у людей среднего возраста.

Четвертая стратегия молодежного протеста в социальных сетях Рунета — политизированная, имеющая преимущественно «антивластную» направленность. В ее основе лежат три императива. Первый связан с ценностью личной свободы, ее ущемлением («полицейское государство», «подавляют оппозицию», «цензура в СМИ»). Второй — с идеей «порочности» действующей власти и политики в целом (показательные ответы респондентов: «грязь одна», «коррупция», «заняты распилами, а как живут люди — их это не волнует»). Третий императив, наиболее ярко представленный в постах, комментариях и ответах представителей поколения Y, акцентирует внимание на неэффективности власти и всей системы государственного управления, ее неспособности справиться с социально-экономическим кризисом («довели страну», «цены на нефть упали — и все...»). Следующий важный момент связан с тем, что представители поколения Y более ориентированы на нецифровые — уличные — формы протеста. Так, симптоматично, что профессор университета Дж. Вашингтона М. Ларуэлл, изучая выступления молодых россиян в 2017 г. против власти, также указывает, что представители поколения Z первоначально были несколько менее склонны к участию в акциях «внесистемной оппозиции», чем миллениалы [Laruelle, 2019].

Пятая стратегия молодежного протеста в Рунете — локально ориентированная — также в большей мере присуща представителям поколения Y. Она имеет два четко вы-

⁴ Stein J. (2013) Millennials: The Me Me Me Generation. *Time*. May 20th. URL: <http://time.com/247/millennials-the-me-me-me-generation> (дата обращения: 25.06.2020).

раженных и взаимосвязанных измерения: проблемное и территориальное. Речь идет о конкретных проблемах местного уровня, которые прямо или косвенно затрагивают повседневные интересы молодых россиян или их близких (благоустройство социальных пространств, ситуация в сфере ЖКХ, состояние муниципальной инфраструктуры, давление правоохранительных и контрольных органов на малый бизнес и т.д.).

Основные выводы

Подводя итоги исследования, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, в результате исследования в целом подтверждаются гипотезы 2 и 4. Гипотеза 1 также находит свое подтверждение, за исключением тезиса, что Instagram является специфической площадкой социального протеста поколения Z. Гипотеза 5 подтверждается частично: представители поколения Z активнее используют различные символические репрезентации, но разрыв с поколением Y в данном плане не является существенным. Гипотеза 3 (состоящая в том, что протест поколения Z носит более агрессивный и политизированный характер) в целом опровергается результатами исследования.

Во-вторых, важнейшими мотивационными факторами, стимулирующими социальный протест российской молодежи, являются дефицитная потребность в формировании позитивного образа будущего и психоэмоциональное ощущение «несправедливости» существующего социального порядка. Их дополняет установка на восприятие обобщенного института «государства» (действующей власти, политиков, чиновников всех уровней) как коррумпированного, неэффективного и в силу этого неспособного справиться с многочисленными социально-экономическими вызовами и негативными тенденциями современности.

В-третьих, анализ мотивов, проблемной локализации и ценностно-смыслового наполнения протестного поведения российской молодежи в Рунете позволил выделить пять стратегий социального протеста, находящихся в стадии формирования: неструктурированную, терминально-атрибутивную, фрустрационную, политизированную («антивластную»), локально ориентированную. Неструктурированная стратегия в наибольшей мере характерна для пользователей «фейковых страниц», терминально-атрибутивная — для поколения Z, фрустрационная и локально ориентированная — для поколения Y. Политизированная стратегия характерна для «виртуального» протеста обоих поколений российской молодежи.

Можно констатировать, что анализ своеобразия и различий протестного поведения представителей двух рассматриваемых поколений российской молодежи в большей мере объясняется симбиозом двух факторов — специфики информационно-психологического ландшафта, в котором протекала социализация каждого из поколений молодых россиян, и социально-политического контекста («эпохи»), сопровождавшего формирование ценностно-психологических характеристик и моделей протестного поведения поколений Y и Z.

Список литературы (References)

Белоконев С. Ю., Титов В. В., Усманова З. Р. Резонансные события и непопулярные политические решения: специфика репрезентации в пространстве Рунета

// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 365—381. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.17>.

Belokonev S. Yu., Titov V. V., Usmanova Z. R. (2019) Resonant Events and Unpopular Political Decisions: Specificity of Representation in RuNet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 365—381. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.17>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Синяков А. В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 79—104. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.06>.

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N., Sinyakov A. V. (2017) Developing Methodology for 'Smart' Search for Political Process Markers in Social Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 79—104. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.06>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Синяков А. В., Азаров А. А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: Результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 228—251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.11>.

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Sinyakov A. V., Azarov A. A. (2019) The Impact of Digital Communication on Russian Youth Professional Culture: Results of a Comprehensive Applied Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 228—251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.11>. (In Russ.)

Евгеньева Т. В., Титов В. В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. № 4. С. 22—27.

Evgenieva T. V., Titov V. V. (2014) The Image of the “Enemy” as a Forming Instrument for Political Identity on the Internet: The Experience of Contemporary Russia. *Information Wars*. No. 4. P. 22—27. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>. (In Russ.)

Карзубов Д. Н. Новые методы исследования политического протеста (на примере протестных акций в г. Минеральные Воды, 2014 г.) // Локус: Люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 87—93.

Karzubov D. N. (2016) New Research Methods to Study Political Protest (On the Example of Protests in Mineralnye Vody, 2014). *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. No. 4. P. 87—93. (In Russ.)

Кафтан В. В. Формы и феномены массовой коммуникации // Журнал философских исследований. 2018. Т. 4. № 1. С. 26—42.

Kaftan V. V. (2018) Forms and Phenomena of Mass Communication. *Journal of Philosophical Research*. Vol. 4. No. 1. P. 26—42. (In Russ.)

Новый спектр политических настроений в российском обществе в 2020 г. Доклад независимой исследовательской группы «Группа Белановского» // Личный сайт Сергея Белановского. URL: <http://sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROENIJ-V-ROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf> (дата обращения: 25.06.2020).

A New Spectrum of Political Sentiments in Russian Society in 2020. A Report by Independent Research Group “Belanovsky Group”. *Sergey Belanovsky Personal Website*. URL: <http://sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROENIJ-V-ROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf> (дата обращения: 25.06.2020). (In Russ.)

Паутова Л. А. Молодежная сегментация: Опыт Фонда «Общественное мнение» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 5. С. 26—39.

Pautova L. A. (2010) Youth Segmentation: Public Opinion Foundation Experience. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 26—39. (In Russ.)

Пономарев Н. А., Белов С. И., Майлис А. А. Противодействие росту вовлеченности молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 150—169.

Ponomarev N. A., Belov S. I., Mailis A. A. (2018) Counteracting the Growth of Youth Involvement in Radical Political Protest (On the Materials of the 2017 Mass Demonstrations). *Public Administration. E-journal*. No. 67. P. 150—169. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы : Как меняется российское общество. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Radaev V. V. (2019) Millennials: How the Russian Society Changes. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Селезнева А. В. Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: Поколенческий срез // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3. С. 22—33.

Selezneva A. V. (2011) Psychological Analysis of Political Values in Contemporary Russian Public: Generational Aspect. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 3. P. 22—33. (In Russ.)

Соболева Л. Феномен Инстаграма 2.0 : Все новые фишки. М. : АСТ, 2018.

Soboleva L. (2018) Instagram Phenomenon 2.0: All New Shticks. Moscow: AST. (In Russ.)

Шестопал Е. Б. Методы исследования политического восприятия в российской политической психологии // Российская политическая наука : Идеи, концепции, методы / под ред. Л. В. Сморгунова. М. : Аспект Пресс, 2015. С. 76—94.

Shestopal E. B. (2015) Methods of Research in Political Perception in Russian Political Psychology. In: Smorgunov L. V. (ed.) *Russian Political Science: Ideas, Concepts, Methods*. Moscow: Aspect Press. P. 76—94. (In Russ.)

Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир : Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Schmidt E., Cohen J. (2013) *The New Digital Age: Transforming Nations, Businesses, and Our Lives*. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber. (In Russ.)

Castells M. (2009) *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press.

Giddens A. (1999) *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. London: Profile.

Graham C., Pettinato S. (2002) Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies. *Journal of Development Studies*. Vol. 38. No. 4. P. 100—140. <https://doi.org/10.1080/00220380412331322431>.

Herrera L. (2012) Youth and Citizenship in the Digital Age: A View from Egypt. *Harvard Educational Review*. Vol. 82. No. 3. P. 333—352. <https://doi.org/10.17763/haer.82.3.88267r117u710300>.

Howe N., Strauss W. (1992) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, NY: Harper Collins.

Laruelle M. (2019) Beyond Putin: Russia's Generations Y and Z. *PONARS Eurasia Policy Memo*. No. 579. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Peppm579_Laruelle_March2019_0.pdf (дата обращения: 24.06.2020).

Seemiller C., Grace M. (2019) *Generation Z: A Century in the Making*. New York, NY: Routledge, Taylor and Francis Group.

Smakotina N., Melnikova N. (2018) The Impact of Social Networks on Consumer Behavior of Young People. *Espacios*. Vol. 39. No. 38. P. 9—15.

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1585

А. Ю. Карпова, А. О. Савельев, А. Д. Вильнин, Д. В. Чайковский

ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ОНЛАЙН-РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД)

Правильная ссылка на статью:

Карпова А. Ю., Савельев А. О., Вильнин А. Д., Чайковский Д. В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 159—181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585>.

For citation:

Karpova A. Y., Savelev A. O., Vilnin A. D., Chaykovskiy D. V. (2020) Studying Online Radicalization of Youth through Social Media (Interdisciplinary Approach) . *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 159—181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585>.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ОНЛАЙН-РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД)

КАРПОВА Анна Юрьевна — доктор социологических наук, доцент Школы базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

E-MAIL: belts@tpu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4211-5856>

САВЕЛЬЕВ Алексей Олегович — кандидат технических наук, доцент Инженерной школы информационных технологий и робототехники, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

E-MAIL: sava@tpu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7466-6142>

ВИЛЬНИН Александр Даниилович — кандидат технических наук, заведующий лабораторией Инженерной школы информационных технологий и робототехники, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

E-MAIL: vilninad@tpu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4838-3760>

ЧАЙКОВСКИЙ Денис Витольдович — кандидат философских наук, директор Школы базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

E-MAIL: dnvit@tpu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5146-6853>

STUDYING ONLINE RADICALIZATION OF YOUTH THROUGH SOCIAL MEDIA (INTERDISCIPLINARY APPROACH)

Anna Yu. KARPOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Assistant Professor at the School of Core Engineering Education

E-MAIL: belts@tpu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4211-5856>

Alexei O. SAVELEV¹ — Cand. Sci. (Tech.), Assistant Professor at the School of Computer Science & Robotics

E-MAIL: sava@tpu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7466-6142>

Alexander D. VILNIN¹ — Cand. Sci. (Tech.), Head of the School of Computer Science & Robotics

E-MAIL: vilninad@tpu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4838-3760>

Denis V. CHAYKOVSKIY¹ — Cand. Sci. (Philos.), director, School of Core Engineering Education

E-MAIL: dnvit@tpu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5146-6853>

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Аннотация. В статье доказывается, что междисциплинарный подход на основе интеграции уже показавших свою эффективность исследовательских инструментов перспективен для изучения процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных сетях. Мы опираемся на международный опыт междисциплинарных исследований в области изучения радикализации, накопленный в таких научных центрах, как START, ICSR, CSEC, ISGA, и др.

В статье представлен опыт междисциплинарной проектной группы Томского политехнического университета по созданию прототипа программной системы для выявления ультраправых сообществ в социальной сети «ВКонтакте». Новый гибридный метод календарно-корреляционного анализа сочетает в себе скорость компьютерного анализа больших данных (чувствительный для обнаружения ультраправых сообществ), математическую модель для выявления целевой группы по характерному изменению активности группы в «окрестности» ключевых событий и базу знаний. Методика работы алгоритма позволит выявлять предикторы радикализации для разработки критериев отбора и маркирования триггерных объектов, значимых для ультрарадикальных сообществ в российской социальной сети; создать социальный граф из кластеров и перекрестных связей; прогнозировать угрозы и риски распространения радикальных идеологий. В перспективе прототип может применяться для анализа других социальных сетей и ультра-радикальных сообществ при условии пополнения базы знаний, адаптации правил анализа информации и соответствующих социологических шабло-

Abstract. The article attempts to prove that interdisciplinary approach based on a combination of research tools can be helpful in studying online radicalization of youth in social media. The authors rely on international interdisciplinary studies carried out by research centers such as START, ICSR, CSEC, ISGA, etc.

The article presents an experience of a multidisciplinary team from the Tomsk Polytechnic University in creating a prototype software system to identify far-right extremist communities on Vkontakte. A new hybrid method of calendar correlation analysis (CCA) combines the speed of Big Data computing (sensitive in detecting far-right extremist communities), a mathematical model helping to identify the target group based on the group activity in the “neighborhood” of key events, and a knowledge base. This methodology helps to identify predictors of radicalization to develop criteria for the selection and labeling of trigger objects being significant for ultra-radical communities on the Russian social networking website; to create a social graph of clusters and cross-links; to predict what threats and risks the spread of radical ideologies may pose. The prototype might be used for further analysis of other social networking platforms and ultra-radical communities provided that the knowledge base is replenished and the guidelines for analyzing the information and the corresponding sociological models are adapted. The authors also propose research strategies to test their method.

нов и моделей. Мы также излагаем исследовательские стратегии для проверки нашей методики.

Ключевые слова: молодежь, радикализация, ультраправые, экстремизм, терроризм, аналитика социальных сетей, Big data, web mining

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке ГЗ «Наука», в рамках проекта FSWW-2020-0014.

Keywords: youth, radicalization, far-right, extremism, terrorism, social media analytics, Big data, web mining

Acknowledgments. The study is funded by the Science State Program as part of the project No. FSWW-2020-0014.

Введение

Молодежь находится в группе риска, являясь наиболее уязвимой категорией населения для деструктивного информационно-психологического воздействия со стороны ультрарадикальных сообществ. Мерилом правовой оценки действий ультрарадикальных акторов и сообществ выступает правовая оценка уровня опасности для общества и государства применяемых ими методов. Приставка «ультра» означает, что радикалы принимают идею о том, что насилие необходимо для продвижения к цели. Они оправдывают, пропагандируют эту идею, выражают готовность перейти к насильственным действиям, а также берут на себя моральное обязательство по защите групп, продвигающих эту идею для достижения определенных политических, идеологических, религиозных, социальных и/или экономических целей [Borum, 2011].

Экстремистские и террористические группировки эффективно используют искусственно управляемые инструменты вовлечения молодежи через социальные медиа по всему миру. «Информационные интервенции» приобретают такие черты, как стремительность, всеохватность, вездесущность. Предиктором совершения насильственных инцидентов террористической и экстремистской направленности является радикализация. В самом общем виде под радикализацией понимается процесс перехода от ненасильственных форм выражения мнения к насильственным действиям. Интернет сам по себе — не причина радикализации, а фактор, способствующий переходу человека к совершению насильственных действий.

Радикализация как социальная проблема представляет собой комплекс сложных причинно-следственных связей и процессов, в которых множество факторов работают вместе. За последние два десятилетия все больше ученых, занимающихся изучением радикализации, сосредоточили усилия на том, чтобы классифицировать разнообразие радикальных идеологий, а также изучить технологии продвижения деструктивного контента для понимания механизмов вовлечения потенциальных новобранцев в ультрарадикальные сообщества.

Проблему вовлечения молодежи в экстремистские и террористические сообщества пытаются решить и на уровне силовых ведомств, Роскомнадзора, в сфере

государственной молодежной политики. Зачастую в качестве ограничительных мер принимаются решения, несоизмеримые величине угрозы: либо завышающие предел допустимых ограничений, либо занижающие его. Кроме того, за неимением открытых постоянно обновляющихся источников официальных статистических данных и мониторинговых исследований в зарубежной научной периодике нередко публикуются исследования по России, искажающие реальную картину радикализации. Пример такого исследования — статья «Правый терроризм и насилие в путинской России» [Enstad, 2018]. Автор работы представляет Россию как «выдающийся случай правого терроризма по сравнению с западными странами», опираясь только на статистические данные Информационно-аналитического центра «Сова» и собственный анализ новостных сюжетов из датасета RTV-RUSSIA. Скучная статистика, тенденциозный подбор новостных сюжетов и некорректный сравнительный анализ превращают исследование в политическую «торговлю угрозами».

Федеральный список экстремистских материалов как источник данных для создания системы параметризованного поиска ключевых слов исключает возможность работы с ним по следующим причинам: отсутствует классификация по категориям идеологических платформ; отсутствуют систематизированные данные по решениям судов (дублирование, хаотичное размещение); не приведена классификация по типу загруженных в базу материалов (аудио, видео, письменный текст и т. п.); данные не систематизированы по составу преступления.

Публикуется значительное количество научных исследований об онлайн-радикализации, практически в каждом из которых подчеркивается «эффект массмедиа» — широкое освещение в средствах массовой информации деятельности экстремистских и террористических группировок. Фактически СМИ дают бесплатную рекламу экстремистам и террористам, стимулируют рост интереса молодежи к персонам и лидерам деструктивных организаций, увеличивают вероятность подражания им. Детальная отчетность, интенсивное медиафокусирование, многократное повторение месседжа — все это задает эмоциональную окраску отдельным фактам, идеям, персонам или группам и вдохновляет подражателей¹.

В регионах России местные активисты создают добровольческие организации и иницируют разработку интернет-платформ для поиска противоправного контента, вовлекая в эту деятельность молодежь. Проекты такого рода, как «Киберпатруль» и «Кибердружина»², сами по себе крайне опасны — по двум причинам. Во-первых, потому что к поиску деструктивного контента привлекается молодежь, не обладающая сформированной системой психологической защиты, развитыми навыками критического мышления. Обработывая такого рода контент, молодежь получает «дорожную карту» в виде стройной системы убеждений, интерпретирующей повод для недовольства (существование какой-то неспра-

¹ Hennigan W. J. (2018) How Big a Role Does Social Media Play in Homegrown Terrorism? *Time*. URL: <http://time.com/5438481/terrorism-social-media> (дата обращения: 10.06.2020).

² Киберпатруль и Кибердружина — это интернет-платформы, созданные общественными организациями, на которых волонтеров призывают собирать сведения об интернет-ресурсах, где предположительно содержится запрещенная информация. К данной категории причислена информация, направленная на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иная информация, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. Пример: <https://moi-portal.ru/proekty/bezopasni-internet/>; <http://xn--8sbbqnlm4ahdvn2j.xn-p1ai/>.

ведливости). Демиурги радикальных организаций различного толка через такого рода «дорожную карту» навязывают молодежи видение того, каким должен быть справедливый мир и кто виноват в том, что существует некая несправедливость. И самое главное, показывают человеку то, что он может делать или что нужно сделать для построения справедливого мира, оправдывая достижение любых целей насильственными способами.

Во-вторых, кураторы такого рода общественных движений, руководствуясь благой идеей, недооценивают опасность практики подстрекательства к доносительству, стигматизации сообществ и конкретных пользователей социальных сетей. При этом она также способна принимать экстремистскую форму.

Такая практика закрепляется в сознании вовлеченных в нее молодых людей в виде габитуса и впоследствии распространяется на другие социальные группы. Мишенью при этом могут стать любые сообщества или отдельные индивиды, отличающиеся иными взглядами. В случае легитимации снятия барьеров экстремальность может проявляться, как в одну, так и в другую сторону, придавая конфронтационный характер социальным взаимодействиям. Все вышеописанные проблемы в практике противодействия вовлечению молодежи в экстремистские и террористические организации связаны либо с отсутствием, либо с искаженным пониманием самого процесса радикализации. Основатель ICSR (Международного центра по изучению радикализации) Питер Ньюманн указывает на тот факт, что радикализация как процесс принятия и поддержки убеждений не означает, что человек обязательно перейдет к мобилизации и совершению насильственных действий от имени группы или движения [Neumann, Smith, 2008]. Его позицию поддерживают и такие известные исследователи радикализации, как Кларк МакКоли и София Москаленко. Они разработали двухпирамидную модель политической радикализации, в которой наглядно отразили различие между радикализацией мнений и радикализацией действий [McCauley, Moskalenko, 2008]. Радикальные мнения и убеждения не являются преступными и отличаются от радикального поведения тем, что при последнем человек продвигает радикальные идеи посредством насилия и убежден в том, что насилие необходимо для продвижения к цели. Переход от ненасильственных способов выражения радикальных мнений и убеждений к радикальным действиям (насильственный экстремизм, терроризм) не является линейным процессом. Такой переход обусловлен целым рядом причин и сопутствующих факторов. Это и условия, среда, и ситуационные факторы, и идеологические, личностные, мотивационные факторы и многое другое. Именно поэтому модель радикализации мнений и модель радикализации действий исследователи представляют как два параллельных процесса, поскольку радикальных мнений недостаточно для запуска производства радикальных действий. «Плохие идеи не похожи на „нюхательную соль“, вдохнув которую, человек обязательно произведет радикальные действия» [McCauley, Moskalenko, 2017].

Радикализация представляет собой социальное явление, поскольку чаще формируется в сплоченной, замкнутой группе, а не среди одиночек. Понимание причин возникновения, катализатора процесса и механизмов перехода субъектов от радикальных мнений к радикальным действиям одинаково значимо для социологов, психологов, антропологов, криминологов. Научной проблемой является

отсутствие в российском исследовательском поле концепции радикализации (в том числе онлайн-радикализации). Также практически не представлены работы междисциплинарного характера, ориентированные на автоматизированный контент-анализ социальных медиа. Научная проблема может быть решена при помощи оперативного сопровождения исследований социальных медиа, которое напрямую зависит от скорости, надежности и эффективности компьютерных аналитических методов, а также использования соответствующих IT-инструментов.

Однако в российском научном поле накоплен теоретический и эмпирический материал в области изучения молодежного экстремизма. Наиболее полно в социологическом плане этот феномен был исследован учеными Института социально-политических исследований РАН, раскрывшими его сущность, отличительные черты, формы проявления и основные социальные детерминанты, условия конвертации типичной для молодости экстремальности в экстремизм, а также источники его эскалации и локализации [Зубок, Чупров, 2009; Зубок, 2015]. Данный опыт исследований остается актуальным в силу его фундаментальности, однако необходимы и новые исследования, раскрывающие с помощью создаваемых программных инструментов постоянно меняющийся механизм радикализации молодежи.

Выявление механизмов индивидуальной и групповой онлайн-радикализации в российских социальных сетях позволит ученым, занимающимся исследованиями в данной области, решать фундаментальные и прикладные задачи, в том числе:

- сформировать матрицы научных знаний для создания концепции радикализации применительно к российской специфике;
- создать методологию исследования процесса радикализации;
- получить целостную социально-топологическую картину структурной, реляционной и социальной динамики радикализации;
- проследить изменения масштаба и характера социальных и вспомогательных связей радикалов, проводить сравнительный анализ сходств и различий в идеологических платформах насильственной/ненасильственной радикальной среды;
- выявить когнитивные и личностные процессы, побудительные мотивы, опосредующие прямое и косвенное влияние различных факторов, запускающих в действие процесс радикализации.

Процесс изучения онлайн-радикализации в социальных медиа имеет специфические черты:

- таргетинговые технологии онлайн-радикализации в социальных сетях, которые изучаются зарубежными учеными (например, Facebook, Twitter, Gab и др.), значительно отличаются от технологий в российском поле (таких как «ВКонтакте» или «Одноклассники»);
- технологии продвижения ультрарадикальных сообществ в большой степени зависят от идеологической платформы (ультраправые, ультралевые, исламисты);
- API (программные интерфейсы приложений) для сбора данных в социальных сетях имеют существенные различия (например, у «ВКонтакте» и у Facebook), поэтому для исследований в российских популярных социальных сетях не-

возможно адаптировать имеющиеся зарубежные аналоги: необходимы специальные ПО, разработанные под возможности API и под конкретные исследовательские задачи;

- объем контента не позволяет исследователям отбирать его вручную, затрудняет поиск общих закономерностей и тенденций в данных, что ведет к неточностям/ошибкам в идентификации.

В связи со всем вышеперечисленным большое значение приобретает такой инструмент диагностики, как «аналитика социальных сетей». Это междисциплинарная исследовательская область, направленная на объединение, расширение и адаптацию методов анализа социальных медиа на основе применения методов web mining и создания инструментов для исследований в сфере общественно-политических наук [Sureka, Agarwal, 2014; Xie, Xu, Lu, 2016; Conway, 2017; Gilani, Kochmar, Crowcroft, 2017; Stieglitz et al., 2018]. Web mining, в свою очередь, сочетает методы информационного поиска, машинного обучения и интеллектуального анализа данных.

Количество зарубежных научных работ по аналитике в социальных сетях для изучения процесса радикализации за последнее десятилетие значительно выросло, но все еще имеются исследовательские лакуны. Широкие дискуссии о радикализации недостаточно хорошо проясняют, что представляет собой онлайн-радикализация и как, если они применяются, работают технологии деструктивного информационно-психологического воздействия на пользователей социальных сетей. Поэтому влияние онлайн-взаимодействия и пропаганды на процессы радикализации на уровне групп (мезоуровень) и индивидуальных акторов (микроуровень) остается предметом научных дискуссий. Опубликованные исследования содержат информацию об изучении факторов макроуровня радикализации. Например, террогенных³ как внешних, так и внутренних факторов, в зависимости от страны, в которой проводились исследования. Ключевые направления исследований макроуровня: влияние бедности на развитие процесса радикализации [Jensen, Seate, James, 2018]; культурные, межконфессиональные и межнациональные противоречия, этнополитические конфликты [Disha, Cavendish, King, 2011]; причины социальной поляризации населения [Bejan, Parkin, 2015]; социальная мобильность и социальные лифты для молодежи [Kruglanski et al., 2016]; влияние политических возможностей и организационных ресурсов социальных движений [McCauley, 2011; Neumann, 2013; Morris, 2016; Conway, 2017; della Porta, 2018;]; оценка и влияние радикализации в тюрьмах на рост экстремистских и террористических инцидентов [Freilich, Gruenewald, Mandala, 2019; Valasik, 2017].

Сложность изучения онлайн-радикализации заключается в том, что технологии использования социальных сетей ультрарадикальными сообществами быстро развиваются и эффективно адаптируются к постоянно меняющимся возможностям онлайн-среды. Эта проблема привела к появлению широкого спектра исследований с использованием разнообразных методологий из различных дисциплин.

³ Террогенные факторы — обуславливающие, определяющие причинные, функциональные, статистические, стохастические и другие формы детерминации (установления причин появления или проявления явления/феномена) терроризма.

Междисциплинарный подход в области изучения процесса онлайн-радикализации

Междисциплинарный подход, основанный на интеграции знаний и методов социологов, специалистов в области computer science, психологов и лингвистов, позволяет создавать многоуровневую архитектуру для анализа социальных сетей, многофункциональные инструменты автоматического параметрического сбора и обработки данных для изучения онлайн-радикализации [Savelev, 2019].

Междисциплинарные подходы с применением и совершенствованием инструментов для исследований социальных медиа классифицированы А. Ю. Карповой по следующим категориям:

- *автономный* — применение методов вычислительной лингвистики на основе выявления речевых клише, лингвистических маркеров для анализа контента;
- *аддитивный* — применение методов вычислительной лингвистики, sentiment analysis и других методов для анализа и определения ролевых моделей и поведенческих траекторий;
- *гибридный* — применение методов, относящихся к группе технологий Data Science, метода NER (распознавание именованных сущностей), для выявления типологии социальных связей, операциональных механизмов, внешних факторов влияния;
- *многоуровневый* — применение всех вышеперечисленных методов в комплексе для создания инструментов прогнозирования и оценки рисков онлайн-радикализации, корреляции переменных микро-, макро- и мезоуровня для построения структуры сетевых кластеров и решения других задач.

Каждый из подходов имеет ограничения. Наиболее перспективным на сегодняшний день представляется многоуровневый подход, поскольку позволяет создать социально-топологическую картину структурной, реляционной, социальной индивидуальной и групповой динамики в онлайн-среде с учетом геопространственных и временных компонент, фиксируя масштаб и характер изменений сетевых контактов [Карпова, 2019].

Основные направления исследований в области изучения процесса онлайн-радикализации в мировой науке с применением междисциплинарного подхода можно классифицировать по следующим направлениям.

1. Общетематические исследования процесса онлайн-радикализации и созданные на их основе концепции и модели радикализации:

- концепция и модель индивидуальной радикализации [Moghaddam, 2005];
- концепция и модель политической радикализации [Borum, 2011; Neumann, 2009; McCauley, Moskalenko, 2008, 2017];
- концепция и модель террористической радикализации [Spaaij, Hamm, 2015].

2. Узкотематические исследования идеологических платформ радикалов (ультраправых, ультралевых, одиночек) [Kruglanski et al., 2018; Fahey, Pete, 2018], индивидуальной и групповой динамики мобилизации ультрарадикальных сообществ [Lewis, 2018; Vergani et al., 2018], ролевых моделей поведения [Langman, 2018; Faragó, Kende, Krekó, 2019].

Угрозы радикализации на ультраправой идеологической платформе отмечают в своем докладе за 2018 г. исследователи ICSR «ISIS [Исламское государство Ирака и Сирии] поглотил львиную долю правоприменительных и разведывательных ресурсов, в результате чего сильно ослаблено внимание к ультраправым экстремистским группам, которые развиваются и мобилизуются по всей Европе» [van der Heide, Winter, Maher, 2019: 10].

Исследователи отмечают, что сократилось количество физических инцидентов со стороны ультралевых групп, что возможно связано с их перемещением в онлайн среду. Такая гипотеза выдвигается на основании того, что использование компьютерных взломов и кибератак, чтобы вызвать экономический и социальный вред совершенных ультралевыми радикалами увеличились за период с 2010 по 2015 г. [Holt et al., 2019].

Одиночки, как отмечают исследователи из ICSR и START, мотивированы не какой-либо конкретной идеологией, а одной проблемой. Они создают многочисленные сетевые контакты, они не одиноки в сети, но одиноки в реальной жизни. Интернет — движущая сила для такого типа радикалов, и именно они оставляют многочисленные «цифровые следы» в интернете. Инструменты, созданные на основе web mining, позволяют выявлять таких радикалов по психологическим, эмоциональным, поведенческим «цифровым следам». Данный подход имеет свои ограничения: вероятностный характер выявленных причинно-следственных механизмов; пробелы в исходных данных; необходимость многократного эмпирического тестирования [Карпова и др., 2019].

3. Узкотематические исследования религиозно-политических исламских радикалов (мотивация, поведение, сетевые связи, влияние социальных медиа, методы вербовки и пропаганды). Стоит отметить, что компьютерный sentiment analysis текста, который еще в начале 2000-х годов стали применять к исламистским текстам, характеризуется большей воспроизводимостью и надежностью. LIWC (Linguistic Inquiry and Word Count) — самое популярное программное обеспечение для анализа текста с начала 2000-х, которое повышает надежность извлечения идеологических элементов из текста в области изучения исламистских материалов. Все больше внимания при создании такого программного обеспечения уделяется функциональным словам: количественный подсчет местоимений, экспрессивных прилагательных, артиклей по сравнению с содержанием слов. Данный инструментарий имеет значительные ограничения, связанные со сложностью однозначной интерпретации триггерных слов, вероятностным набором языковых маркеров для определения речевых шаблонов, «информационный шум». Кроме того, в данном подходе подсчитываются все слова (лингвистический «эталон»), несмотря на их возможное потенциально неправильное значение. Существуют и другие трудности по созданию программного обеспечения, поскольку методы компьютерной лингвистики, основанные на взаимосвязи между использованием естественного языка и социальным поведением, имеют базовые словари на фарси, арабском, английском. Соответственно, для того чтобы адаптировать имеющиеся прототипы к исследованию российских социальных сетей необходима многоплановая, масштабная работа лингвистов [Neumann, Rogers, 2011; Pennebaker et al., 2015; Shuki et al., 2018; van der Heide, Winter, Maher, 2019; Kearns, Betus, Lemieux, 2019; Pieslak, Pieslak, Lemieux, 2019].

4. Создание баз данных инцидентов и профилей радикалов по многомерным переменным с использованием строгих методов классификации и кластеризации; маркеров условий, среды, событий жизненного цикла, социальных связей радикалов и других переменных для автоматической обработки данных:

- базы данных радикалов (например, PIRUS, CIDB);
- репозиторий из объединенных баз данных для изучения поведенческих, географических и временных характеристик насильственных инцидентов, матрицы научных знаний о влиятельных экстремистских организациях (например, TEVUS, BAAD, IVEO);
- базы данных террористических инцидентов (например, GTD, WITS);
- база данных скулшутеров (SchoolShooters.info).

Программное обеспечение в данной области позволяет формализовать множество многомерных переменных с информацией по широкому спектру от социометрических характеристик, событий жизненного цикла до мобилизационных факторов совершения инцидентов, выявлять различные типы подражания и вдохновения, определять подтипы радикалов. В целом такие базы данных дают возможность проводить по заданным критериям комплексную оценку рисков; коррелировать переменные макро-, мезо- и микроуровня. Основные ограничения такого программного обеспечения: проводить исследования возможно только при наличии постоянно обновляемых баз данных; существуют значительные ограничения доступа к полным данным для широкого круга исследователей.

Анализ показывает, что все имеющееся в зарубежном исследовательском поле ПО направлено на исследования популярных в международном поле социальных сетей, мессенджеров, имиджбордов, таких как Facebook, Twitter, YouTube, Tumblr, Gab, 8chan и др. Однако в российском поле социальных медиа самой востребованной площадкой для взаимодействия молодежи является социальная сеть «ВКонтакте».

Теоретический и эмпирический материал зарубежных исследований радикализации (индивидуальной, групповой) возможно использовать применительно к российским социальным сетям только с учетом адаптации.

Методология проектирования прототипа (опыт Томского политехнического университета)

Предлагаемая нами методология включает три этапа. Первый этап — проектирование функции поиска по ключевым словам. Второй этап — проектирование функции поиска смежных сообществ (сообществ-сателлитов), построение социального графа пользователей для отображения связи между ультраправыми сообществами. Третий этап — программная реализация функции автоматизированной оценки календарной активности сообщества. Работа осуществлялась на примере открытых данных социальной сети «ВКонтакте» при соблюдении условий и ограничений лицензионного соглашения. При этом анализировались сообщества, а не отдельные учетные записи пользователей. Сбор, обработка и хранение персональных данных не осуществлялись.

Первый этап. Для решения задачи идентификации ультраправых экстремистских онлайн-групп (устойчивых, известных, многочисленных) и их «сателлитов»

(меньших по численности и малоизвестных) были созданы лингвистические маркеры — инструментальные специализированные словники ультраправых экстремистских групп.

Источники данных: Федеральный список экстремистских материалов Минюста РФ; Перечень общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»; Словарь экстремистских лозунгов ультраправой идеологической платформы, разработанный экспертом Ю. А. Сафоновой (Лаборатория экспертных исследований и ситуационного анализа, Москва); набор материалов по символике, предоставленный сотрудником Томского Центра «Э»; иные открытые источники.

Выделение ключевых слов на основе характеристики тематической значимости позволило автоматически получить из текстов слова и словосочетания, характеризующие тематику и содержание текста или множества текстов, для описания обобщенного лексикона сетевого сообщества (с выделением значимых объектов обсуждения) и для оценки близости и глубины пересечения индивидуальных лексиконов с обобщенным лексиконом сообщества.

Отобранный специфический контент был формализован и применен для автоматического поиска из набора данных «ВКонтакте» на май 2019 года — более 185 млн сообществ. В результате были отобраны экспериментальные группы — 94 наиболее репрезентативных сообщества, соответствующих критериям ультраправых и имеющих высокую онлайн-активность; всем им были присвоены идентификационные номера. По количеству участников эти онлайн-сообщества варьируются от сотни до нескольких тысяч человек. Все 94 сообщества были классифицированы по типу идеологической платформы (например, alt-right, нацисты, националисты, женоненавистники, неоязычники и др.). На данном этапе были выявлены следующие проблемы:

- Поиск по ключевым словам содержит большое количество «мусорного контента». Это связано с тем, что пользовательские данные содержат «шум» — флуктуацию значений признаков, описывающих процесс, неправильную грамматику, слова с ошибками, интернет-сленг, аббревиатуры, многоязычный текст, неформальные языковые выражения и т. п. Наличие некачественных метаданных увеличивает сложности и технические проблемы для сбора и анализа данных. Соответственно, сбор данных для подбора экспериментальных групп был дополнен вручную.
- Формализация словников под решаемые задачи не способствует точности установления корреляционной зависимости между значениями различных параметров.
- Объем контента затрудняет поиск общих закономерностей и тенденций в данных, что ведет к неточностям, ошибкам, ложным срабатываниям в идентификации деструктивного контента.

Таким образом, функция поиска по ключевым словам может быть эффективно применима только при наличии дополнительных, уточняющих поисковый результат инструментов.

Второй этап. Для изучения взаимосвязей ультраправых сообществ была реализована программная функция поиска сообществ-сателлитов на основе анализа пересечений участников. Проектирование данной программной функции основывается на использовании списка уже выявленных ультраправых сообществ. Социальная сеть «ВКонтакте» позволяет сообществам публиковать в открытом доступе ссылки на прочие источники (сообщества социальной сети «ВКонтакте», посты, страницы, а также на другие социальные сети или внешние веб-ресурсы). Группы, относящиеся к различным классам, и не ссылающиеся друг на друга, могут иметь общие ссылки на прочие сообщества, как относящиеся к ультраправым, так и не относящиеся к ним. В случае, если количество таких сообществ существенно, возможно выявить «недостающие звенья» в виде других ультраправых сообществ, а также обнаружить связи между сообществами различных классов (при наличии между ними тесной взаимосвязи: связи «сообщество—сообщество» или «сообщество — ссылка — сообщество»). В результате второго этапа были выделены компоненты связности для кластеризации, проведен анализ взаимосвязи между экспериментальными сообществами.

Третий этап. Специфический фактор, выявленный в процессе исследования ультраправых сообществ, — это «скрепы» в виде дат, событий. С помощью таких «скреп» активизируются вялотекущие обсуждения в сообществе, происходит разогрев участников, провоцирование на агрессивные высказывания, разжигание ненависти, использование «языка вражды». Была сформулирована гипотеза о том, что сообщества данной направленности не оставляют без внимания важные для них даты (даты инцидентов, дни рождения идеологических лидеров и вдохновителей и т. п.). Таким образом, значение активности в сообществе социальной сети в окрестностях значимых для идеологической платформы дат может быть использовано в качестве уточняющего поискового критерия. Программно были реализованы функции автоматизированной оценки календарной активности сообщества. Метод получил название «календарно-корреляционный анализ» (ККА). Схема работы ККА представлена на рисунке 1. Суть ККА заключается в автоматизации процесса выявления целевой группы по характерному изменению активности группы и контента в «окрестности» ключевых событий. При реализации были учтены следующие факторы:

а) отсутствие возможности извлечь ретроспективные данные об активности сообществ; возможность оценить только общее количество просмотров, «лайков», репостов и комментариев (с даты публикации сообщения);

б) сообщество может демонстрировать аномальную активность по сравнению с обычной за некоторое время до наступления значимой даты и некоторое время спустя;

в) активность сообщества в значимые даты может быть случайной или общей не только для сообществ радикальной направленности;

г) сильным признаком радикального сообщества являются совпадения знаковых дат и определенных лексических маркеров в материалах, связанных с этой датой.

Элементом базы знаний, служащим основой для работы ККА, является dataset ключевых слов и дат (см. табл. 1).

Таблица 1. *Пример dataset (база знаний ключевых слов и событий)*

date*	category*	tags*	keywords*	stars*	comment*
18.05.2006	Ультраправые	Неонацисты; Неоязычники	дмитр, александр, боровиков, нацист, язычник, экстремист, террорист	3	погиб Дмитрий Александрович Боровиков — русский неонацист и неоязычник, организатор двух экстремистских группировок «Mad Crowd» и «Боевой террористической организации». Погиб от смертельного ранения при задержании оперативниками 18-го отдела УБОП

Примечание: *date* — дата события, заполняется в формате ДД.ММ.ГГГГ, если известна точно и в формате ДД.ММ, если известен только календарный день;

category — идеологическая платформа, характерная для данного события или ключевого слова;

tags — теги, лексические маркеры, обозначающие принадлежность к идеологической платформе;

keywords — ключевое слово;

stars — рейтинг, ключевого слова или события, характеризующий его значимость при идентификации группы;

comment — комментарий.

Для расчета абсолютной и относительной активности сообщества была разработана математическая модель. Абсолютной активностью будем называть средневзвешенный показатель количества элементарных действий членов сообщества, а именно: просмотры, маркер «лайк», цитирование, просмотры. За относительную активность принято значение абсолютной активности дня, отнесенное к средней активности сообщества в окрестности данного дня. Примеры абсолютной и относительной активности кодированного сообщества FB 1.19 представлены на рисунке 2.

Для надежной идентификации группы фиксируется подъем, высокий уровень и спад активности в группе, причем в разные даты (представляющие календарь ключевых событий, базу знаний). Например, активность значительно увеличивается в окрестности даты «29.04» — знакового для ультраправых дня, когда неонацистом был совершен инцидент. Другой пример: повышение активности в окрестности «16.10» — дата создания российской ультраправой националистической организации «Русское Национальное Единство» (ООПД РНЕ). Показателен также пример с датами рождений «09.06» и «17.10». Стоит отметить, что «скрепы» в виде дат в ультраправых сообществах показывают, как интенсифицируется активность и задается идеологическая повестка дня группы, что дает возможность пользователю четко продемонстрировать свою связь с движением. Фактически «демиурги» ультраправых сообществ находятся в постоянном поиске значимых «скреп», чтобы фундаментализировать активность.

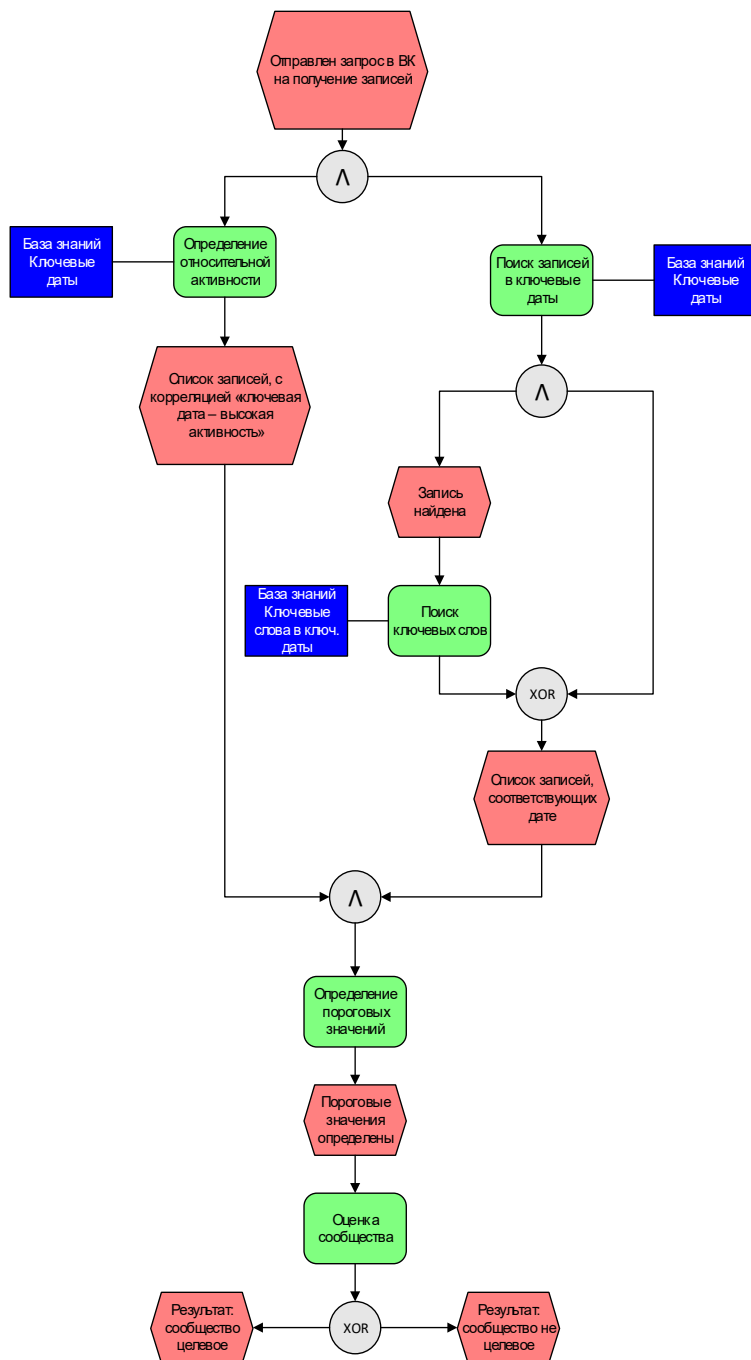

Рис. 1. Обобщенная eEPC-схема оценки принадлежности сообщества социальной сети к целевой группе (ультраправые) на основе ККА

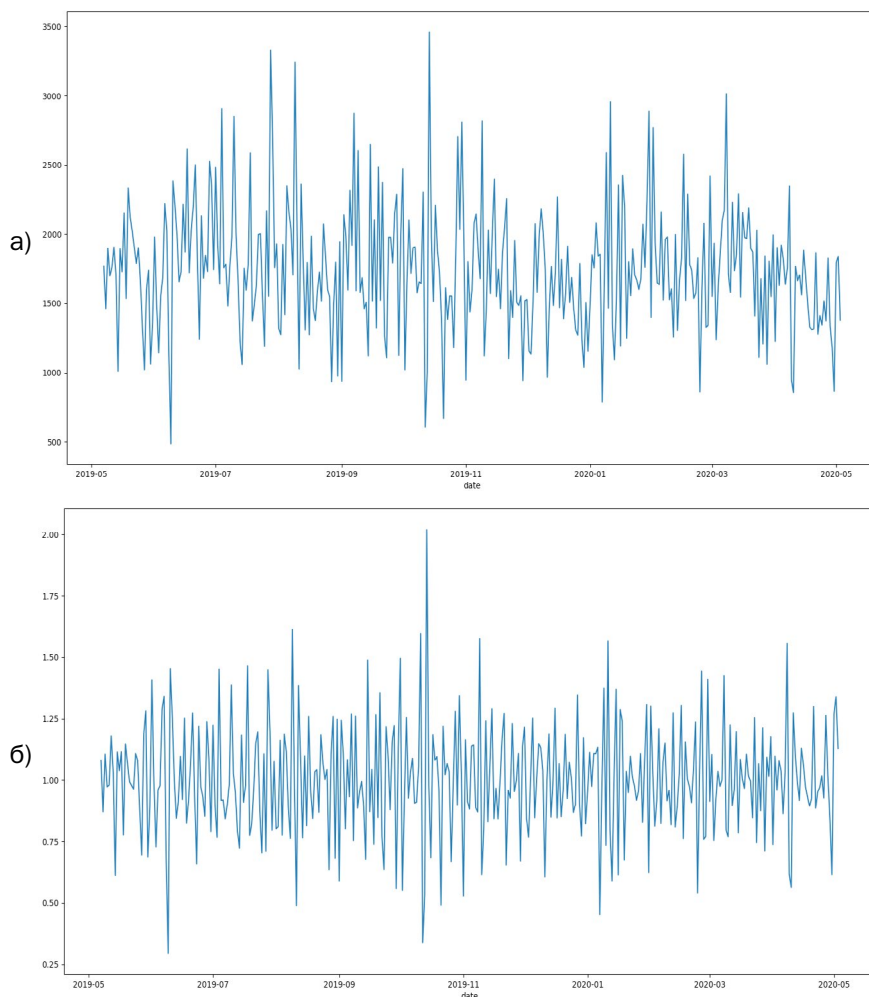

Рис. 2. Примеры графиков (а) абсолютной и (б) относительной активности группы FB 1.19

Разработанный метод позволяет не только извлечь абсолютные значения активности сообщества, но и нормировать их, а также дополнительно уточнять характер активности (каждой значимой дате соответствует набор ключевых слов и выражений, связанных с ней). Таким образом обеспечивается бóльшая точность выявления ультраправых радикальных сообществ и минимизация ложных срабатываний.

Апробация

Для оценки эффективности работы алгоритма были выполнены тестовые испытания. В рамках первого из них был осуществлен поиск сообществ по подготовленным формализованным ключевым словам (49 слов). Найдено 6151 сообщество.

Сообщества проверены методом ККА, который указал только на три сообщества. Все они — с ультраправой идеологической платформой, что и требовалось проверить (учитывались только сообщества, проявляющие активность в течение календарного года до даты анализа).

При втором испытании был проверен ранее упоминавшийся список из 94 сообществ. При тестировании данного списка сообществ обнаружено, что из них активных — 68, заблокировано — 3, закрыто — 1, не найдено — 2. При определении активности принято: если сообщество публикует одну запись в неделю, оно считается активным. Из указанного списка ККА «сработал» на 14 сообществах.

В рамках третьей проверки алгоритма был выполнен тестовый вариант «обратного ККА». Выбраны 39 наиболее популярных сообщества по версии «ВКонтакте». Эксперты проверили их вручную. Ни одно из сообществ экспертом не было отнесено к ультрарадикальным. Апробация показала, что на данных сообществах «чувствительность» алгоритма не сработала. Следовательно, эффективность работы алгоритма подтверждена.

Эффективность работы алгоритма также может быть проиллюстрирована через значения ошибок первого и второго рода. Последние могут быть вычислены для второй и третьей проверок, поскольку априорная информация о степени принадлежности к ультраправой идеологической платформе каждой из 6151 групп, найденных по ключевым словам, отсутствует. В качестве нулевой гипотезы H_0 примем, что анализируемое сообщество не содержит признаков принадлежности к ультраправой идеологической платформе. Соответственно, альтернативная гипотеза — H_1 — сообщество содержит признаки принадлежности.

В рамках второй проверки гипотеза H_0 была ошибочно принята в 54 случаях, гипотеза H_1 , соответственно, верно принята в 14. Таким образом, вероятность ошибки второго рода равна $\beta = 0,79$ и мощность критерия $(1 - \beta) = 0,21$.

В рамках третьей проверки гипотеза H_0 ни разу не была ошибочно отвергнута и гипотеза H_1 не была ошибочно принята, то есть ошибок применения критерия не обнаружено.

Сравнительно низкая эффективность алгоритма при второй проверке может быть объяснена неполнотой информации в базе знаний, описывающей значимые для ультраправых «скрепы». Поскольку представленные в экспертном списке сообщества относятся к различным подклассам ультраправых, то и специфическую активность они могут проявлять в различные даты. Также отметим, что алгоритм в рамках проверок не показал ошибок первого рода, что позволяет говорить о его применимости в качестве дополнительного «фильтра» при анализе поисковых результатов по ключевым словам.

В общем виде функции алгоритмов были собраны в единую поисково-аналитическую систему (ПАС) и представлены в такой последовательности:

- 1) пользователь-эксперт формирует базу знаний (перечень ключевых слов, выражений и дат, определяя их взаимосвязь);
- 2) пользователь запускает функцию первичного поиска по ключевым словам;
- 3) предварительная обработка полученных результатов (удаление закрытых, неактивных, «пустых» сообществ);
- 4) методом ККА уточняется список выявленных ультраправых сообществ;

5) результаты анализируются пользователем и при необходимости заносятся в базу знаний;

6) пользователь формирует множество групп для последующего поиска смежных сообществ (сателлитов);

7) анализируются результаты поиска сообществ-сателлитов, при необходимости уточняется информация в базе знаний.

Обобщенная схема работы алгоритма представлена на рисунке 3.

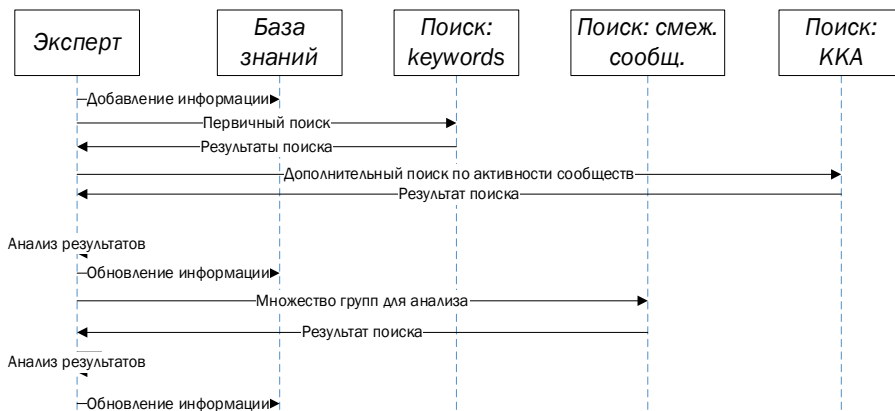

Рис. 3. Последовательность обобщенного алгоритма выявления активных ультраправых идеологических платформ в социальной сети

Стек использованных при программной реализации технологий: язык программирования Python 3, база данных MongoDB, среда разработки Anaconda 3, система контроля версий git и облачный репозиторий github.com.

Заключение

Скорость и надежность ПАС для сопровождения научных исследований радикализации молодежи в социальных медиа напрямую зависит от качества:

- формализации переменных экспертом, охватывающим субъективное значение и содержание, которое компьютерное программное обеспечение может обнаружить;
- представления неструктурированных данных в форме, пригодной для последующей алгоритмизации задач исследования.

Направление дальнейшей работы по созданию ПАС:

- подготовка и разметка датасетов для обучения модели автоматизированной классификации сообществ;
- формализация неструктурированных данных для базы знаний в виде распознавания символики; мемов (синтезирующих поп-культуру, идеологические и политические убеждения); музыки, видео; уникального языка (сленга), с помощью которого сообщества демонстрируют взаимосвязь, идентификацию, веру и убеждения;

— предикторы и целевые признаки dataset необходимо создать на основе текста, аудио- и видеоконтента.

При соответствующих изменениях в базе знаний возможен поиск не только ультраправых сообществ. Наполнение базы знаний информацией по иным идеологическим платформам позволит изучить характер и силу их взаимосвязей и взаимного влияния.

Применение ККА (при условии наполнения базы знаний по датам) может позволить эффективно выявлять одиночек (скулшутеры, массовые убийцы, террористы-одиночки), которые имеют высокую степень радикализации и, соответственно, опасность совершения инцидентов. Одиночки мотивированы на совершение противоправных насильственных действий одной идеей или одной проблемой, которая может быть идентифицирована по идеологической платформе, может быть смешанной. Но именно для этой категории радикалов особенно важны такие «скрепы», как честование дат и событий. Соответственно, алгоритм к выявлению данной категории будет «чувствителен».

Практическое применение междисциплинарного подхода для изучения процесса радикализации молодежи в социальных медиа является перспективным направлением, поскольку позволяет создавать высокоточные программные алгоритмы, преодолевая исследовательские лакуны. Ключевые задачи, которые необходимо решить при конструировании такого рода инструментов: создание или адаптация методов классификации и кластеризации; подбор критериев взаимосвязанности между теоретическими исследованиями и эмпирическими данными; выявление статистических типологий; наполнение базы знаний.

Список литературы (References)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежные движения как форма социальной самоорганизации // Россия в условиях глобального кризиса: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2008 году. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2009. С. 167—182.

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2009) Youth movements as a form of social self-organization. In: Russia in the context of the global crisis: the social and socio-political situation in Russia in 2008. Moscow: Institute for Social and Political Studies, RAS. P. 167—182. (In Russ.)

Зубок, Ю. А. Доверие в саморегуляции молодежного экстремизма // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 63—77. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.4.6>.
Zubok Yu.A. (2015) Confidence in the self-regulation of youth extremism. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 4. P. 63—77. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.4.6>. (In Russ.)

Карпова А. Ю., Савельев А. О., Вильнин А. Д., Чайковский Д. В. Новые технологии выявления ультраправых экстремистских сообществ в социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 138—147.

Karpova A. Yu., Savelyev A. O., Vilnin A. D., Tchaikovsky D. V. (2019) New technologies for identifying ultra-right extremist communities in social media. *Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political science*. No. 52. P. 138—147. (In Russ.)

Карпова А. Ю. Модели построения профилей радикалов для прогнозирования инцидентов террористической и экстремистской направленности. Актуальные направления развития систем охраны, специальной связи и информации для нужд органов государственной власти Российской Федерации // XI Всероссийская межведомственная научная конференция: материалы и доклады (Орёл, 5—6 февраля 2019 года). В 10 ч. Ч. 10 / под общ. ред. П. Л. Малышева. Орёл : Академия ФСО России, 2019. С. 84—87.

Karpova A. Yu. (2019) Models for constructing radical profiles for forecasting incidents of a terrorist and extremist nature. Actual directions of the development of security systems, special communications and information for the needs of state authorities of the Russian Federation. In: P. L. Malysheva (ed.). *XI All-Russian Interdepartmental Scientific Conference: materials and reports*. At 10 hours, part 10. Orel: Academy of the Federal Security Service of Russia. P. 84—87. (In Russ.)

Bejan V., Parkin W. S. (2015) Examining the effect of repressive and conciliatory government actions on terrorism activity in Israel. *Economics Letters*. Vol. 133. P. 55—58. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2015.05.016>.

Borum R. (2011) Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*. Vol. 4. No. 4. P. 7—36. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1>.

Braniff W. (2017) Recasting and Repositioning CVE as a Grand Strategic Response to Terrorism. *START*. Vol. 11. URL: <https://www.start.umd.edu/news/recasting-and-repositioning-cve-grand-strategic-response-terrorism> (accessed: 10.03.2020).

Conway M. (2017) Determining the Role of the Internet in Violent Extremism and Terrorism: Six Suggestions for Progressing Research. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 40. No. 1. P. 77—98. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2016.1157408>.

Disha I., Cavendish J. C., King R. D. (2011) Historical events and spaces of hate: Hate crimes against Arabs and Muslims Post-9/11 America. *Social Problems*. Vol. 58. No. 1. P. 21—46. <https://doi.org/10.1525/sp.2011.58.1.21>.

della Porta D. (2018) Radicalization: A Relational Perspective. *Annual Review of Political Science*. Vol. 21. P. 461—474. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-042716-102314>.

Enstad J. (2018) Right-Wing Terrorism and Violence in Putin's Russia. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 12. No. 6. P. 89—103.

Kearns E. M., Betus A. E., Lemieux A. F. (2019) When Data Do Not Matter: Exploring Public Perceptions of Terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*. P. 1—22. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1543145>.

Fahey S., Pete S. (2018) Pathways to violent extremism: a qualitative comparative analysis of the US far-right. *Dynamics of Asymmetric Conflict*. Vol. 12. No. 1. P. 42—66. <https://doi.org/10.1080/17467586.2018.1551558>.

Faragó L., Kende A., Krekó P. (2019) Justification of intergroup violence — the role of right-wing authoritarianism and propensity for radical action. *Dynamics of Asymmetric Conflict*. Vol. 12. No. 2. P. 113—128. <https://doi.org/10.1080/17467586.2019.1576916>.

Freilich J. D., Gruenewald J., Mandala M. (2019) Situational crime prevention and terrorism: An assessment of 10 years of research. *Criminal Justice Policy Review*. Vol. 30. No. 9. P. 1283—1311. <https://doi.org/10.1177/0011128717718488>.

Gilani Z., Kochmar E., Crowcroft J. (2017) Classification of Twitter Accounts into Automated Agents and Human Users. In: *International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining*. P. 489—496. <https://doi.org/10.1145/3110025.3110091>.

Holt T. J., Stonhouse M., Freilich J., Chermak S. M. (2019) Examining Ideologically Motivated Cyber attacks Performed by Far-Left Groups. *Terrorism and Political Violence*. <https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1551213>.

Jensen M. A., Seate A. A., James P. A. (2018) Radicalization to Violence: A Pathway Approach to Studying Extremism. *Terrorism and Political Violence*. P. 1—24. <https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1442330>.

Kruglanski A. W., Gelfand M. J., Sheveland A., Babush M., Hetiarachchi M., Bonto M. Ng, Gunaratna R. (2016) What a difference two years make: patterns of radicalization in a Philippine jail. *Dynamics of Asymmetric Conflict*. Vol. 9. No. 1—3. P. 13—36. <https://doi.org/10.1080/17467586.2016.1198042>.

Kruglanski A. W., Woolley K., Chernikova M., Fishbach A., Bélanger J., Molinario E., Pierro A. A. (2018) Structural Model of Intrinsic Motivation: On the Psychology of Means-Ends Fusion. *Psychological Review*. Vol. 125. No. 2. P. 165—182. <https://doi.org/10.1037/rev0000095>.

Langman P. (2018) Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking Among Mass Killers and Copycat Offenders. *American Behavioral Scientist*. Vol. 62. No. 2. P. 210—228. <https://doi.org/10.1177/0002764217739663>.

Lewis R. (2018) Alternative ENDNOTES Influence: Broadcasting the Reactionary Right on YouTube. Report. Data & Society's Media Manipulation research initiative. URL: https://datasociety.net/wp-content/uploads/2018/09/DS_Alternative_Influence.pdf (accessed: 10.06.2020).

McCauley C. (2017) Toward a Psychology of Humiliation in Asymmetric Conflict. *American Psychologist*. Vol. 72. No. 3. P. 255—265. <https://doi.org/10.1037/amp0000063>.

McCauley C., Moskalkenko S. (2008) Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 20. No. 3. P. 415—433. <https://doi.org/10.1080/09546550802073367>.

- McCauley C., Moskalenko S. (2011) Friction: How Radicalisation Happens to Them and Us. *Journal of Strategic Security*. Vol. 4. No. 4. P. 195—196. <https://doi.org/10.1080/09546553.2012.728938>.
- McCauley C., Moskalenko S. (2017) Understanding political radicalization: The two-pyramids model. *American Psychologist*. Vol. 72. No. 3. P. 22—23. <https://doi.org/10.1080/09546553.2020.1763964>.
- Moghaddam F. M. (2005) The staircase to terrorism: a psychological exploration. *American Psychologist*. Vol. 60. No. 2. P. 161—169. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.60.2.161>.
- Morris T. (2016) *Dark ideas: How Neo-Nazi and violent Jihadi ideologues shaped modern terrorism*. Lanham: Lexington Books.
- Neumann P. R. (2009) *Old and New Terrorism*. Cambridge: Polity Press.
- Neumann P. R. (2013) The trouble with radicalization. *International Affairs*. Vol. 89. No. 4. P. 873—893. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12049>.
- Neumann P., Rogers B. (2011) *Recruitment and Mobilisation for the Islamist Militant Movement in Europe*. London: King's College London,
- Neumann P., Smith M. L. R. (2008) *The Strategy of Terrorism: How it Works, and why it Fails*. New York and London: Routledge.
- Pennebaker J. W., Booth R. J., Boyd R. L., Francis M. E. (2015) *Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC)*. Austin, TX: Pennebaker Conglomerates.
- Pieslak J., Pieslak B., Lemieux A. F. (2019) Trends of Anashid Usage in Da'esh Video Messaging and Implications for Identifying Terrorist Audio and Video. *Studies in Conflict & Terrorism*. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1545828>.
- Savelev A., Karpova A., Chaykovskiy D., Vilnin A., Kaida A., Kuznetsov S., Igumnov L., Maksimova N. (2019) The High-Level Overview of Social Media Content Search Engine. Proceedings of the 14th International Forum on Strategic Technology (IFOST). Tomsk: TPU Publishing House. P. 306—309. URL: http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/57450/1/conference_tpu-2019-C127.pdf (accessed: 10.06.2020).
- Shuki J. Cohen, Kruglanski A., Gelfand M. J., Webber D., Gunaratna R. (2018) Al-Qaeda's Propaganda Decoded. *A Psycholinguistic System for Detecting Variations in Terrorism Ideology, Terrorism and Political Violence*. Vol. 30. No. 1. P. 142—171. <https://doi.org/10.1080/09546553.2016.1165214>.
- Spaaij R., Hamm M. (2015) Lone wolf terrorism in America: Using knowledge of radicalization pathways to forge prevention strategies. *National Criminal Justice Reference Service*. Vol. 38. No. 2. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2014.986979>.
- Stieglitz S., Mirbabaie M., Ross B., Neuberger C. (2018) Social media analytics — Challenges in topic discovery, data collection, and data preparation. *International Journal of Information Management*. Vol. 39. P. 156—168. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2017.12.002>.

Sureka A., Agarwal S. (2014) Learning to classify hate and extremism promoting tweets. In: Intelligence and Security Informatics Conference (JISIC). P. 320. <https://doi.org/10.1109/JISIC.2014.65>.

Valasik M., Phillips M. (2017) Understanding modern terror and insurgency through the lens of street gangs: ISIS as a case study. *Journal of Criminological Research, Policy and Practice*. Vol. 3. No. 3. P. 192—207. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1450613>.

van der Heide L., Winter Ch., Maher Sh. (2019) The Cost of Crying Victory: Policy Implications of the Islamic State's Territorial Collapse. International Centre for Counter-Terrorism — The Hague (ICCT). URL: <https://icsr.info/2019/01/09/the-cost-of-crying-victory-policy-implications-of-the-islamic-states-territorial-collapse/> (accessed: 10.06.2020).

Vergani M., Iqbal M., Ilbahar E., Barton G. (2018) The Three Ps of Radicalization: Push, Pull and Personal. A Systematic Scoping Review of the Scientific Evidence about Radicalization into Violent Extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1505686>.

Xie D., Xu J., Lu T.-C. (2016) Automated Classification of Extremist Twitter Accounts Using Content-Based and Network-Based Features. In: International Conference on Big Data, Washington. P. 2545—2549.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1660

А. Л. Темницкий

ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В СФЕРЕ ТРУДА У МОЛОДЫХ РАБОТНИКОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Темницкий А. Л. Формирование индивидуальной субъектности в сфере труда у молодых работников современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 182—200. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1660>.

For citation:

Temnitskiy A. L. (2020) Formation of Individual Subjectivity in Labor among Young Workers in the Modern Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 182—200. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1660>.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В СФЕРЕ ТРУДА У МОЛОДЫХ РАБОТНИКОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

FORMATION OF INDIVIDUAL SUBJECTIVITY IN LABOR AMONG YOUNG WORKERS IN THE MODERN RUSSIA

ТЕМНИЦКИЙ Александр Лазаревич — кандидат социологических наук, доцент, МГИМО МИД России, Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: taleksandr@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5275-7457>

Alexander L. TEMNITSKIY^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor; Senior Researcher
E-MAIL: taleksandr@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5275-7457>

Аннотация. В статье на основе анализа данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) за 1994—2017 годы раскрывается проблема формирования индивидуальной субъектности молодых работников в сравнении с представителями старших возрастных групп. Индивидуальная субъектность рассматривается не как теоретический конструкт, а как феномен, замеченный на основе предварительного обобщения ряда эмпирических фактов предыдущих исследований.

Abstract. Based on the RLMS-HSE data over 1994–2017 the article explores the formation of individual subjectivity among young workers in comparison with the older age populations. Individual subjectivity is considered as a theoretical construct, as a phenomenon detected after preliminary generalization of empirical facts of the previous studies.

Цель данной работы заключается в раскрытии содержания, выявлении роли и динамики ведущих проявлений индивидуальной субъектности молодежи в сфере труда. К ним были отнесены те, что позитивно отличают молодежь от старших возрастных групп работников. Это более высокие уровни уверенности, трудовой и профессиональной мобильности в занятости на рынке труда, практики и ориентации на повышение образования и квалификации, получение предпринимательского опыта благодаря самостоятельной занятости.

The paper is focused on the contents, role and dynamics of the major manifestations of individual subjectivity among youth in the context of labor activity. These manifestations make young people differ from the older age groups of employees. This involves high levels of confidence, labor and professional mobility in the labor market, activities and orientation towards career and skill enhancement, acquiring entrepreneurial experiences because of their self-employed status.

Results prove the hypothesis stating that these manifestations are forced pointing to reactivity rather than proactivity regarding the unfolding situations. Manifestations of individual subjectivity of the

Результаты исследования подтвердили гипотезу о преимущественно вынужденном характере указанных проявлений, об их реактивности, а не проактивности по отношению к складывающимся ситуациям. Обнаруженные проявления индивидуальной субъектности молодых работников в сфере труда носят преимущественно автономный, фрагментарный характер и пока не образуют целостного явления.

Ключевые слова: индивидуальная субъектность, уверенность в занятости, трудовая мобильность, профессиональная мобильность, самостоятельная занятость, профессиональная компетентность, рынок труда, молодые наемные работники

young workers discovered by the author are likely to be autonomous, fragmented and cannot be considered as a holistic phenomenon in the labor market.

Keywords: individual subjectivity, confidence in employment, labour mobility, professional mobility, self-employment, professional competence, labour market, young employees

Многочисленные исследования, посвященные молодежи постсоветской России, показывают не только ее более высокий уровень психологической адаптивности к происходящим изменениям, но и большую уверенность в будущем, более высокие результаты трудовой деятельности по сравнению с представителями среднего и старшего поколений.

Уже с середины 1990-х годов стало отмечаться, что почти половине молодежи (46 %) нравится жить в современной России [Здравомыслов, 1998: 22]. Молодые люди в значительно меньшей степени испытывают чувства тревоги, апатии, чем старшее поколение, у них более высокий жизненный тонус, который позволяет им психологически легче переживать трудности, чаще пребывать в хорошем настроении [Горшков, Тихонова, Шереги, 1998: 506]. По данным исследований конца 1990-х годов, в составе экономического поведенческого комплекса наиболее активных молодых работников развивающейся рыночной экономики ведущей стала стратегия максимизации труда. Она складывается из комбинации ориентаций работника на устройство на успешное предприятие, стремление к максимально возможному заработку, желание интенсивно и продолжительно работать [Полякова, 1998: 145]. Наиболее зримо такая стратегия проявилась в установках молодых людей на труд в частном секторе. Некоторые исследователи увидели в этом отражение формирования новой трудовой этики, основанной на готовности больше трудиться, нести ответственность, проявлять предприимчивость, быть инициативным и активным [Мкртчян, Чистяков, 2000: 43]. Отмечая более высокую привлекательность негосударственных предприятий для российской молодежи, исследователи указывают на роль высокого уровня организации труда и меньшую

значимость социальных льгот [Россия и Китай..., 2012: 109]. Психологический настрой и более высокий уровень социального самочувствия работающей молодежи в сравнении с представителями старших поколений в первые два десятилетия либеральных реформ сказались на оценках и результатах. По данным исследования 2006 г., «большинство молодых россиян считают, что условия их жизни улучшились и их благосостояние в ближайшие годы вырастет, 60 % из них смотрят в будущее спокойно и уверенно, при этом они не ждут многого ни от властей, ни от общества» [Даффлон, 2008: 29—30]. В целом «молодежь значительно лучше приспособилась к условиям рынка, чем представители старшего поколения. Тогда как поколение, сформировавшееся в условиях социализма, и идеологически, и профессионально с трудом адаптируется к рыночным условиям» [Горшков, Шереги, 2014: 31].

Зафиксированный исследователями оптимизм российской молодежи имеет отличительные признаки по сравнению с западным. В России после 30 лет жизни он заметно снижается, а на Западе не зависит возраста [Темницкий, 2016: 21]. Показано, что если в развитых странах зарплата растет монотонно на протяжении почти всей трудовой жизни, то в России зарплата растет у 20-летних и 30-летних, после чего начинает быстро снижаться [Гимпельсон, 2019: 196].

По данным последних исследований, ведущими отличительными характеристиками современной российской молодежи в сравнении с представителями старшего поколения становятся более высокие уровни *самодостаточности* в жизни [Седова, 2019: 16], прагматической *саморегуляции* смысложизненных ценностей [Зубок, Чупров, 2019], *самозанятости* на рынке труда [Стребков, Шевчук, 2017: 84].

Все эти и многие другие аналогичные факты позволяют говорить о формировании в среде постсоветской российской молодежи новой субъектности.

Традиционно обращение к наемным работникам как возможному субъекту связывается с поиском предпосылок для становления и реализации их как *социального субъекта*, под которым понимается коллективный агент, способный участвовать в принятии решений — либо непосредственно, либо опосредованно, путем давления на тех, кто формулирует и легитимизирует правила [Климова, 2004: 275]. В становлении социальной субъектности российских наемных работников больше проблем, чем заметных успехов. Исследователи фиксируют отсутствие у них навыков самоорганизации, способности стать полноценным субъектом социально-трудовых отношений [Бочаров, 1999]. Вместо ожидаемого становления самостоятельного *коллективного субъекта* наемных работников в трудовых отношениях с работодателями замечается обратное — психологическая подавленность рабочих, смирение и терпение [Максимов, 2002: 116]. В последнее время стали заметными попытки реанимировать классовый подход, через изучение трудящихся, прежде всего рабочего класса развивать критическую теорию в России [Лыткина, Ярошенко, 2019], посредством использования классового анализа провести теоретическую и эмпирическую концептуализацию нового рабочего класса [Молодежь нового..., 2019].

На наш взгляд, в настоящее время намного больше предпосылок для формирования индивидуальной, чем социальной (коллективной и классовой) субъектности. Акцентирование индивидуальной субъектности работников противостоит

традиционно сложившимся взглядам на них как представителей «омассовленных» и обезличенных групп: «рабочая сила», «рабочие ресурсы», «рабочий класс». «Смазывание» роли отдельной личности работника, его уровня относительной свободы в труде, самостоятельности в выборе способов достижения заданного результата, ценностей личностного достоинства, профессиональной чести и других характеристик, подчеркивающих потенциал индивидуальной субъектности, приводит в конечном счете к ослаблению его социальной ответственности и солидарности в коллективных действиях. Предполагается, что чувства классовой идентификации и коллективной солидарности в действиях являются приращением, а не отвержением индивидуальной субъектности.

Представляется актуальным рассматривать наемного работника прежде всего как активного творца «собственной, обусловленной рынком труда биографии» [Бек, 2000: 113]. В научной литературе понятие «субъектность» тесно граничит с концептами «стратегия самореализации» и «индивидуальный стиль жизни». В условиях работы на предприятиях, где «взаимодействие сотрудников ограничено большим количеством различных социальных перегородок, социальных сегментов (страт), пространство для выражения субъектности и самостоятельности работника ограничено» [Комбаров, 2015: 94]. В этой связи предполагается, что занятость на малых частных предприятиях либо на условиях самозанятости может рассматриваться не только как объективная предпосылка для precarious занятости, но и как действенный фактор становления новой субъектности работника.

Мы утверждаем, что современным молодым наемным работникам присуща индивидуальная субъектность в том смысле, что она отражает осознание и выражение приоритета личных целей и интересов, наличие и использование возможностей для их реализации, способность противостоять (либо обойти) действующим институтам и доминирующим дискурсам, а также способность устанавливать и поддерживать правила взаимодействия с другими субъектами. Подлинный субъект тот, кто имеет собственную позицию, волю и стратегию поведения, кто проводит работу над собой, благодаря заботе и попечительстве о себе самом, кто критически подходит к разного рода социальным ситуациям. Подобного рода признаки являются характеристиками идеального типа, никогда в реальности не наблюдаемые в полной мере. Поэтому можно говорить лишь о некоторых признаках формирующейся (сформированной) субъектности, присущих представителям разных социальных групп, а не о ее полном воплощении. Отмечается, что даже применительно к группе инженеров, призванных по роду деятельности иметь свою особую субъектность — быть «вперед смотрящими», креативными, генерировать новые идеи, к новаторам можно отнести не более 10% [Жорель, Комбаров, 2012: 10].

Предполагается, что формирование индивидуальной субъектности молодежи носит самостоятельный, преимущественно вынужденный характер, обусловленный необходимостью адаптации к нестабильным условиям жизни и труда.

К основным показателям индивидуальной субъектности в сфере труда с учетом современных реалий можно отнести уверенность и мобильность в занятости на рынке труда, выстраивание самостоятельных стратегий занятости, повышение

профессиональной компетентности, самостоятельность в работе, участие в управлении по вопросам, связанным с выполняемой работой.

Предметом анализа выступают те проявления субъектности молодых работников в сфере труда, по которым они явно отличаются от представителей старших возрастных групп. К таковым прежде всего относятся более высокие уровни уверенности и мобильности в занятости на рынке труда, ориентация на повышение образования и квалификации. Помимо этого, предлагается рассмотреть особенности формирования субъектности в условиях самозанятости молодых работников в сравнении с их ровесниками, занятыми в организациях. По таким проявлениям индивидуальной субъектности в сфере труда, как самостоятельность в работе и участие в управлении, молодые работники явно отстают от своих более старших коллег, но выше оценивают их ценностную значимость [Темницкий, 2019: 43].

Цель исследования: на основе сравнительного анализа заявленных проявлений индивидуальной субъектности у молодых и старших по возрасту групп работников определить признаки свободы и вынужденности в ее формировании.

С учетом поставленной цели предлагается обратиться к решению следующих задач:

- 1) определить те отличительные особенности занятости российской молодежи, которые могут рассматриваться как объективные предпосылки для становления индивидуальной субъектности;
- 2) выявить наличие и направленность связей между уверенностью в занятости и проявлениями трудовой мобильности;
- 3) раскрыть наличие признаков свободы и самостоятельности в проявлениях трудовой и профессиональной мобильности;
- 4) определить возможности для профессиональной самореализации, а также получения предпринимательского опыта у молодых работников в условиях самозанятости по сравнению с их ровесниками, занятыми в организациях;
- 5) определить уровни избыточности и дефицитности компетентностного потенциала молодых работников по отношению к выполняемой работе, их связи с формированием индивидуальной субъектности;
- 6) выявить наличие связей между отдельными сторонами индивидуальной субъектности.

Эмпирический объект исследования — молодые российские работники (18—35 лет)¹, которые на момент опроса имели оплачиваемую работу. В качестве контрольных групп для сравнения рассматриваются работники старших возрастных групп.

Основной информационной базой исследования выступил объединенный массив данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1994—2017 гг.²

¹ Это возрастная группа может быть отнесена к поколению миллениалов, родившихся в период реформ (1982—2000), взросление которых происходило в России в относительно благополучный период начала 2000-х годов. Подробнее см.: [Радаев, 2019: 46—50].

² «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 24.06.2020).

Отличительные особенности занятости российской молодежи

Отличительным признаком профессионально-отраслевой структуры занятости молодежи является их более существенная включенность в сферу торговли и бытового обслуживания (см. табл. 1).

Таблица 1. **Отраслевая структура занятости городских российских работников, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 г., %**

Группы отраслей	В целом	Группы по возрасту		
		18—35	36—49	50—65
Топливо-энергетический комплекс	6	6	6	6
Обрабатывающая промышленность	16	14	16	18
Строительство, транспорт, связь	20	20	22	18
Торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ	31	35	29	25
Наука, образование, здравоохранение, культура, социальное обслуживание	21	17	21	28
Управление, финансы, СМИ	7	8	6	5
Всего	100	100	100	100
<i>Количество ответивших</i>	5330	2085	1985	1260

Занятость в сфере торговли и бытового обслуживания последовательно возрастала во всех возрастных группах работников, среди молодежи — с 31 % в 2004 г. до 35 % в 2017 г. Это происходило в основном за счет сокращения занятости в обрабатывающей промышленности (доля занятых в которой среди молодежи составляла в 2004 г. 22 %, а в 2017 г. — 14 %). Вторым отличительным признаком занятости молодежи является их меньшая включенность в преимущественно бюджетные отрасли науки, образования, здравоохранения и социального обслуживания.

Еще более существенные различия в занятости молодежи обнаруживаются при учете фактора собственности предприятий³. Во все годы исследований РМЭЗ (начиная с 1994 г.) доля молодых работников, занятых на частных предприятиях без участия государства, была существенно (в 1994 г. почти в два раза) выше, чем среди работников среднего и старшего возраста. Доля молодых работников, занятых на частных предприятиях, последовательно возрастала: с 23 % в 1994 г. до 68 % в 2017 г. (см. табл. 2).

³ Типы предприятий по форме собственности были определены, исходя из ответов на вопросы о том, кто является владельцем, совладельцем предприятия, на котором работают респонденты (подробнее о процедуре см.: [Темницкий, 2014: 50]).

Таблица 2. Распределение работников по занятости на предприятиях с различными формами собственности в зависимости от возраста, данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2017 гг., %

Форма собственности предприятий	В целом	Группы по возрасту		
		18—35	36—49	50—65
Государственные	32	25	33	43
Частные с участием государства	7	7	6	8
Частные без участия государства	61	68	60	49
<i>Количество ответивших</i>	<i>4747</i>	<i>1849</i>	<i>1749</i>	<i>1149</i>

Следует учитывать, что занятость на предприятиях с разными формами собственности имеет четко выраженную отраслевую специфику, устойчиво сохранявшуюся на всем протяжении проводимых исследований. По данным за 2017 г., среди занятых в отраслях науки, образования, культуры, здравоохранения и социального обслуживания абсолютное большинство работников сконцентрированы на государственных предприятиях (84%), и напротив, в бытовом обслуживании, торговле и ЖКХ 90% работают на частных предприятиях без участия государства. Занятость на частных предприятиях без участия государства в сфере бытового обслуживания, торговли и ЖКХ является модальной для работников младшего и среднего возраста (соответственно, 32% и 24%); для работников старшего возраста модальной является занятость на государственных предприятиях в сфере науки, образования, культуры, здравоохранения и социального обслуживания (27%).

Подчеркивание данных фактов связывается с предположением, что именно занятость молодежи на частных предприятиях в сфере торговли и бытового обслуживания открывает наибольший простор для формирования индивидуальной субъектности в силу меньшей заорганизованности труда и большей свободы в распоряжении своим рабочим временем. К этому следует добавить, что молодые работники чаще, чем представители старших возрастных групп, работают на малых предприятиях (с численностью до 100 человек), на предприятиях, созданных после 1992 г.

Уверенность и мобильность в занятости на рынке труда

Степень уверенности в занятости на рынке труда рассматривается нами как одна из важнейших характеристик трудового поведения, инициируемого в условиях возможной потери рабочего места. Уверенность в занятости на рынке труда может также рассматриваться как обнаружение потенциала мобильности работника в возможной занятости на внешнем по отношению к своей организации рынке труда, в том, что ему будет достаточно легко найти работу не хуже нынешней. В качестве показателя уверенности в занятости могут быть использованы ответы на соответствующий вопрос из РМЭЗ⁴.

⁴ Формулировка вопроса: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где Вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?»

На наш взгляд, уверенность на рынке труда не является исключительно психологическим качеством личности. Не менее важно учитывать социальное содержание приобретаемой уверенности в занятости, поскольку она достигается в результате практического опыта смены работы, профессии, накопления профессиональных навыков, повышения квалификации, постоянного рефлексивного мониторинга своего социального капитала в сравнении с капиталом других. О наличии опыта смены работы могут указывать ответы на вопрос⁵.

По данным всех учитываемых годов исследований (1994—2017), молодые работники демонстрировали более высокий уровень уверенности в занятости и при этом чаще (примерно в два раза по сравнению со средневозрастной группой и в три раза — по сравнению со старшей) меняли место работы и профессию (см. табл. 3).

Таблица 3. Уровень уверенности на рынке труда (средние значения, 1 минимум, 5 максимум) и показатели трудовой и профессиональной мобильности (%) в зависимости от возраста, данные по объединенному массиву РМЭЗ НИУ ВШЭ, 1994—2017 гг.

Группы по возрасту	Уверенность на рынке труда	Профессия и место работы			
		Остались прежними	Сменили профессию, но не сменили место работы	Сменили место работы, но не сменили профессию	Сменили и место работы, и профессию
18—35	3,32	73	2	10	15
36—49	2,90	84	1	8	7
50—65	2,44	89	1	5	5

Установлено наличие статистически значимой связи между уровнем уверенности в занятости и проявлениями мобильности ($p \leq 0,001$), а по мерам направленной связи (коэффициент лямбда) можно говорить о направляющей роли трудовой и профессиональной мобильности. Полученный на практике опыт смены работы или профессии способствует уверенности в том, что в случае необходимости можно найти работу не хуже той, что есть сейчас.

Ключевой вопрос, исходя из цели исследования, связан с выявлением признаков свободы и самостоятельности либо вынужденного характера в проявлениях трудовой и профессиональной мобильности. Результаты анализа данных о динамике трудовой и профессиональной мобильности указывают на ее преимущественно вынужденный характер. Так, в первые годы после дефолта (1999 и 2000 гг.) стали заметны проявления резкой смены места работы и профессии (она доходила

⁵ Формулировка вопроса: «Пожалуйста, вспомните и скажите, вы сменили место работы или профессию по сравнению с ноябрем предыдущего года или все осталось по-прежнему?» Подсказки: (1) профессия и место работы остались прежними; (2) сменили профессию, но не сменили место работы; (3) сменили место работы, но не сменили профессию; (4) сменили и место работы, и профессию.

почти до 20% в целом, а среди молодежи — до 29%). Затем происходило последовательное снижение мобильности. В 2017 г. доля сменивших и место работы, и профессию составила в среднем 7%, среди молодежи — 11%. Замечено, что чаще других переходили на другое место работы и приобретали другую профессию неквалифицированные рабочие, и крайне редко — специалисты высшего уровня квалификации: в 2017 г. первых насчитывалось в три раза больше, чем вторых (12 и 4% соответственно). Возможно, что вследствие этого размер заработной платы и удовлетворенность работой выше, как правило, у тех, кто не менял ни место работы, ни профессию. Все это позволяет говорить о вынужденном характере мобильности (по крайней мере, трудовой) молодых работников.

Выстраивание самостоятельных стратегий занятости

Все более заметным становится процесс самостоятельной занятости вне связи с организацией. Актуально предложение, сделанное впервые американским исследователем Дэниелом Пинком — делить всех работников на две группы: (а) «людей организации» и (б) «свободных агентов» [Пинк, 2005]. В последнее время отечественные исследователи все чаще отмечают повышенную включенность молодежи в самостоятельную занятость на основе фриланса и электронной самозанятости [Стребков, Шевчук, 2017: 84], возможности достижения социального успеха и профессиональной реализации молодых рабочих благодаря самозанятости [Кремнева, 2017: 89]. Несомненно, что ощущение свободы, отсутствие постоянной регламентации трудовых обязанностей и режима времени, потенциальные возможности для неограниченного заработка, творчества и самореализации могут стать позитивными факторами для получения нового опыта, построения карьеры, формирования новой субъектности работника.

Однако данные репрезентативных опросов показывают, что молодые работники реже работают в условиях внеорганизационной занятости (самозанятости, фриланса) по сравнению с представителями среднего возраста (36—49 лет), но чаще, чем представители старшей возрастной группы (50—65 лет). Так, по данным РМЭЗ за 2017 г., среди молодых работников доля занятых вне организации, предприятия, фирмы составила 7% против 11% среди работников среднего возраста. Вместе с тем фактор самозанятости (занятости вне организации) является одним из наиболее актуальных для понимания поведения работников на современном рынке труда. Доля самозанятых в динамике наблюдений РМЭЗ последовательно росла (с 2% в 1994 г. до 9% в 2017 г.). Можно ли говорить о формировании новой субъектности работников благодаря занятости вне организации или это вынужденная адаптационная занятость менее статусных категорий наемных работников, к которым чаще всего относится молодежь?

Предположим, что на признаки формирующейся субъектности молодых самозанятых работников будут указывать большие возможности для профессиональной самореализации и развития, а также получения предпринимательского опыта по сравнению с молодыми работниками, занятыми в организациях. Обратная гипотеза формируется на предположении о вынужденном, преимущественно адаптационном характере самозанятости. С учетом небольшой численности самозанятых работников будем использовать объединенный массив РМЭЗ (1994—2017 гг.).

Прежде всего, выявим отличительные признаки молодых работников, работающих самостоятельно по сравнению с занятыми в организациях. Чаще других работают вне организации молодые работники сферы торговли и услуг (36%), квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (25%), реже — рабочие средней квалификации и неквалифицированные рабочие (14%), намного реже — офисные служащие (2%), специалисты среднего и высшего уровня квалификации (10% и 6%). Уточним, что различия во внеорганизационной занятости в зависимости от профессионального статуса устойчивы по отношению ко всем годам исследований. Таким образом, занятость вне организации соотносится с низким профессиональным статусом. Этот факт может свидетельствовать о ее преимущественно адаптационном характере. Различия в профессиональном статусе дополняются характерным уровнем образования. С повышением уровня образования занятость вне организации снижается.

Занятость вне организации сопряжена с более высокой продолжительностью рабочей недели по сравнению с организованной занятостью. Средняя продолжительность рабочей недели молодых работников, занятых вне организации, составила 47,8 часа, тогда как среди работающих в организации — 44 часа. Доля работающих самостоятельно почти вдвое меньше в группах с нормальной продолжительностью (36—40 часов) и более чем в два раза выше в группах с большими переработками (более 51 часа в неделю) (см. табл. 4).

Таблица 4. Фактическая продолжительность рабочего времени у молодых работников (18—35 лет), занятых в организации и вне ее, данные по объединенному массиву РМЭЗ НИУ ВШЭ, 1998—2017 гг., %

Группы по продолжительности рабочего времени (часов в неделю)	Работающие в организации	Работающие вне организации
До 35 часов	10	13
36—40	50	28
41—50	27	29
51—84	13	30
В среднем (час.)	44,0	47,8
<i>Количество ответивших (чел.)</i>	34 212	3082

Характерно, что при более низком уровне удовлетворенности продолжительностью рабочего времени, графиком работы, предоставляемыми на работе социальными пособиями и льготами (в наибольшей мере) удовлетворенность размером зарплаты у молодых самостоятельных работников выше, чем у тех, кто работает в организациях. Возможно, это связано с тем, что больше половины из них (58%) занимаются предпринимательской деятельностью, тогда как среди занятых в организациях таких только 4%. Установлено, что занятость предпринимательской деятельностью повышает удовлетворенность размером зарплаты вне зависимости от ее размера. Самозанятые молодые работники (по самооценкам) в большей

мере, чем их ровесники, занятые в организациях, уверены в том, что обладают теми качествами, которые ценятся в сегодняшней экономической ситуации. Они с большим оптимизмом смотрят в будущее (51 % из них считают, что в ближайший год их семья будет жить лучше, чем сейчас, в противоположной группе таких 45 %).

Предпринимательская занятость самостоятельных работников носит индивидуальный характер (абсолютное большинство из них — 92 % — работают одни или с членами семьи, друзьями, только 4 % регулярно нанимают работников и столько же делают это время от времени). Примерно для половины самозанятых это случайный, а для другой — регулярный заработок. Получаемая большинством (58 %) самозанятых оплата проводится неофициально, еще у 14 % частично неофициально, тогда как у абсолютного большинства занятых в организации (78 %) все официально. По мнению преобладающей части самозанятых (54 %), большинство людей платят налоги с меньшей части доходов, в сравнении — среди работающих в организациях такие ответы дали 39 %. Молодые самозанятые работники в меньшей степени уверены в своей занятости на рынке труда, чем их ровесники, занятые в организациях, но не отличаются от них по степени беспокойства данным обстоятельством.

Таким образом, гипотеза о получении предпринимательского опыта, пусть и преимущественно на неофициальной основе, благодаря занятости вне организации, получает подтверждение.

Не подтвердилась гипотеза о возможности благодаря работе вне организации стать профессионалом, поскольку, по оценкам работников, выбравших стратегию внеорганизационной занятости, выполняемая работа в меньшей степени соответствует уровню имеющейся квалификации в сравнении с занятыми в организациях, чаще утверждается, что для выполнения работы не нужно какого-либо специального профессионального образования (40 % и 22 %). Большинство самозанятых (56 %) в работе используют имеющийся опыт.

Отличаются ли современные молодые работники от своих старших коллег отношением к профессиональному образованию? Можно ли утверждать, что посредством практик повышения образования и квалификации формируется новая субъектность молодого работника?

Повышение профессиональной компетентности

Образование и воплощаемая на его основе в сфере профессиональной деятельности компетентность (как синтез знаний, способностей и навыков) «создает не только главный ресурс постиндустриального развития — креативные качества работника» [Бузгалин, Гринберг, Колганов, 2015: 10], но и может рассматриваться как один важнейших показателей индивидуальной субъектности работника. По данным РМЭЗ, доля молодых работников в возрасте 23—29 лет, имеющих полное высшее образование, всегда была выше⁶ (в среднем составляла 15 %), чем среди всех остальных выделяемых возрастных категорий. Однако только две трети из числа молодых работников в возрасте 23—29 лет, имеющих высшее образование, считают, что для выполнения их работы необходимо высшее образование,

⁶ Используются данные с 2008 по 2017 гг. Формулировка вопроса: «Какой у Вас самый высокий уровень образования, по которому Вы получили аттестат, свидетельство, диплом?»

тогда как в возрастных категориях, начиная с 30 лет, доля таковых приближается к трем четвертям. Замеченное несоответствие не является чем-то новым. Для молодых работников всегда были свойственны повышенные требования к содержанию труда (является ли выполняемая работа разнообразной и интересной, соответствует ли полученному образованию). На этом основании по отношению к позднему советскому времени был сделан вывод, что радикальные перемены, совершенные в советском обществе, произошли в результате развертывания противоречия между материальной базой недостаточно мобильной советской экономики и уровнем образования, потенциалом молодых людей, которые могли и хотели гораздо больше, и появление нового образованного класса в России привело к краху советского строя [Здравомыслов, 2003: 66]. Для сегодняшнего времени указанные противоречия нельзя отнести к категории системных рисков, способных вызвать радикальные перемены в обществе. В отличие от занятости в условиях плановой экономики, у современных молодых работников, неудовлетворенных содержанием труда, появилось много «боковых» выходов: от самозанятости, открытия своего дела до ухода на международный рынок труда, миграции. Тем не менее молодые работники, занятые в организациях, по-прежнему, чаще, чем их старшие по возрасту коллеги, считают, что уровень полученного ими образования выше, чем этого требует выполняемая работа (см. табл. 5).

Таблица 5. *Оценки соответствия полученного образования выполняемой работе, данные по объединенному массиву РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2008—2010 гг., %*

Уровень образования:	Группы по возрасту (лет)					
	18—22	23—29	30—35	36—39	40—49	50—65
Выше, чем требуется	31	28	25	27	26	28
Примерно соответствует тому, что требуется	60	67	70	69	70	68
Ниже того, что требуется	9	5	5	4	4	4
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Оценки соответствия полученного образования требованиям со стороны рабочего места, имеющийся опыт работы по профессии, уровень квалификации могут рассматриваться как индикаторы потенциала профессиональных компетенций работников. Тогда превышение уровня образования, квалификации над требованиями рабочего места указывают на *избыточность* компетентностного потенциала, соответствие выполняемой работы имеющимся знаниям и умениям — на *адекватность*, а недостаточность знаний и умений для выполнения работы — на *дефицитность*.

На формирование субъектности работника могут указывать более высокие уровни активности в повышении квалификации в ситуации *дефицитности* ком-

петентного потенциала, проявления неудовлетворенности условиями труда в ситуации его *избыточности*.

В целом молодые работники (в группах до 29 лет) чаще (по оценкам за два последних года)⁷ повышали свою квалификацию (18%), чем работники в возрасте 30—39 лет (14%) и старше 40 (9%). При учете фактора *дефицитности* компетенций они делали это еще чаще (*примерно на 4%*). Здесь следует учитывать замеченный факт: «молодые работники продолжают наращивать свою квалификацию, как правило, в первые пять лет работы» [Чередниченко, 2011: 106]. Отличает их в повышении квалификации тот факт, что самые молодые из них (18—22 года) намного чаще, чем в более старших возрастных группах, повышают квалификацию за свой счет (39%), и намного реже — за счет предприятия (46%), тогда как начиная с 23 лет определяющей становится роль предприятий (61%) и снижается роль самостоятельной оплаты обучения (29%). Самые молодые работники (18—22 года) намного чаще подчеркивают наличие планов по повышению образования в самых различных формах (57%) по сравнению со своими более старшими коллегами (по сравнению с группой 23—29 лет — в два раза, 30—35 лет — в 2,5 раза, 36—39 лет — более чем в десять раз). Молодые работники (18—35 лет) в сравнении представителями средней и старшей возрастных групп существенно реже (примерно на 10%) указывают на такие мотивы повышения квалификации, как желание лучше выполнить работу, и чаще — на желание найти другую работу и получить профессию.

Подтвердилась гипотеза о негативном влиянии *избыточности* в оценках соотношения полученного образования и выполняемой работы на показатели удовлетворенности различными сторонами труда. В наибольшей мере это касается оценок возможностей профессионального роста (коэффициент Крамера — 0,224), соответствия работы имеющемуся уровню квалификации (коэффициент Крамера — 0,320), условиями работы в целом (коэффициент Крамера — 0,150). Максимальный уровень удовлетворенности указанными сторонами труда наблюдается при оценках соотношения полученного образования и выполняемой работы как *адекватного*. Следует признать, что данные закономерности характерны для всех выделяемых возрастных групп работников.

Таким образом, молодые работники, в отличие от своих коллег в старших возрастных группах, сохраняют более высокий уровень активности как в реальном, так и в планируемом повышении образования и квалификации. Эта активность еще более возрастает в ситуации обнаруживаемой *дефицитности* имеющегося уровня образования по отношению к тому, что требуется со стороны рабочего места.

Выводы

Формирование индивидуальной субъектности молодых работников в сфере труда является закономерным результатом процессов индивидуализации жизни в обществе в целом. К дополнительным факторам укрепления индивидуальной субъектности молодежи в сфере труда можно отнести замеченные в проведенном

⁷ Формулировка вопроса: «В течение последних двух лет Вы учились или учитесь на профессиональных курсах, курсах повышения квалификации или любых других курсах, включая курсы иностранных языков, обучение на рабочем месте?»

анализе факты большей частоты (по сравнению со старшими возрастными группами) занятости на частных предприятиях, предприятиях с численностью работников менее 100 человек.

В исследовании феномена индивидуальной субъектности важно выявлять те признаки, которые не только (в позитивном смысле) отличают молодежь от других старших по возрасту групп работников, но и органично дополняют друг друга, способствуют формированию социальной субъектности.

Проверка основной рабочей гипотезы показала, что более высокие (по сравнению со старшими возрастными группами) уровни уверенности молодых работников в занятости на рынке труда, трудовой и профессиональной мобильности, повышение профессиональной компетентности, включенности в предпринимательскую деятельность в условиях самозанятости (в сравнении с молодыми работниками, занятыми в организациях) носят преимущественно вынужденный характер, являются реактивными, а не проактивными по отношению к складывающимся ситуациям.

Не обнаружено значимых связей между проявлениями уверенности и мобильности в занятости, самозанятости, с одной стороны, и повышением квалификации — с другой. Молодые работники, сменившие место работы и профессию, чаще повышали квалификацию за последние два года, чем те, кто не менял ни место работы, ни квалификацию. Работающие самостоятельно чаще меняли место работы и профессию, но реже повышали квалификацию. Но по коэффициенту Крамера теснота связи во всех случаях не превышает 0,1.

Таким образом, обнаруженные проявления индивидуальной субъектности молодых работников в сфере труда носят преимущественно автономный, фрагментарный характер и не образуют пока целостного явления в сфере труда.

Список литературы (References)

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Бочаров В. Ю. Готовность российских профсоюзов к развитию социально-трудовых отношений // Социально-трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России. Материалы научной конференции. Самара, 1999. С. 164—179. Bocharov V. Yu. (1999) Readiness of Russian Labor Unions for the Development of Social and Labor Relations. *Social and Labor Relations: State and Development Trends in Russia. Materials of the Academic Conference*. Samara. P. 164—179. (In Russ.)

Бузгалин А. В., Гринберг Р. С., Колганов А. И. Глобальный мир в тупике. Где выход? // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 3—13. Buzgalin A. V., Grinberg R. S., Kolganov A. I. (2015) Global World in Deadlock. Is There a Way-Out? *Sociological Studies*. No. 11. P. 3—13. (In Russ.)

Гимпельсон В. Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал ВШЭ. 2019. Т. 23. № 2. С. 185—237. <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-2-185-237>.

Gimpelson V. E. (2019) Age and Wage: Stylized Facts and Russian Evidence. *HSE Economic Journal*. Vol. 23. No. 2. P. 185—237. <http://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-2-185-237>. (In Russ.)

Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Шереги Ф. Э. Жизненные планы, ценностные ориентации и моральный облик российской молодежи // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68. № 6. С. 504—510.

Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Sheregi F. E. (1998) Life Plans, Value Orientations and Moral Character of Russian Youth. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 68. No. 6. P. 504—510. (In Russ.)

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Исторические и теоретико-методологические предпосылки исследования молодежи в России // Россия и Китай : Молодежь XXI века / отв. ред.: М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З. Т. Голенкова, П. М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 7—32.

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. (2014) Historical, Theoretical, and Methodological Background for Youth Studies in Russia. In: Gorshkov M. K., Chunlin Li, Golenkova Z. T., Kozyreva P. M. (eds.) *Russia and China: Youth of the XXIst Century*. Moscow: New Chronograph. P. 7—32. (In Russ.)

Даффлон Д. Молодежь России. Портрет поколения на переломе // Вестник общественного мнения. 2008. № 5. С. 19—35.

Dufflon D. (2008) Youth of Russia. A Portrait of Generation at the Turning Point. *Russian Public Opinion Herald*. No. 5. P. 19—35. (In Russ.)

Здравомыслов А. Г. Молодежь России: что она ценит, что умеет? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 4. С. 21—22.

Zdravomyslov A. G. (1998) Russia's Young People: What They Value and What They Can? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 21—22. (In Russ.)

Здравомыслов А. Г. Социология как область социально-гуманитарного знания // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сборник лекций. Вып. 21 / под науч. ред. Б. Д. Парыгина. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2003.

Zdravomyslov A. G. (2003) Sociology as a Field of Social Sciences and Humanities. In: Parygin B. D. (ed.) *Actual Problems of the Humanities: A Collection of Lectures*. Vol. 21. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>. (In Russ.)

Климова С. Г. Профсоюзы как форма субъектности наемных работников // Россия реформирующаяся : Ежегодник — 2004 / под отв. ред. Л. М. Дробижевой. М. : Институт социологии РАН, 2004. С. 273—290.

Klimova S. G. (2004) Trade Unions as a Form of Employees' Subjectivity. In: Drobizheva L. M. (ed.) *Reforming Russia: A Yearbook — 2004*. Moscow: Institute of Sociology RAS. P. 273—290. (In Russ.)

Комбаров В. Ю. Феномен субъекта труда на промышленных предприятиях Сибири: Анализ в постструктуралистской социологической перспективе и построение типологии // Мир России. 2015. Т. 24. № 3. С. 88—107.

Kombarov V. Yu. (2015) The Agency of Workers at Industrial Enterprises in Siberia: A Post-Structuralist Analysis and the Construction of a Typology. *Universe of Russia*. Vol. 24. No. 3. P. 88—107. (In Russ.)

Корель Л. В., Комбаров В. Ю. Субъект труда на промышленном предприятии (опыт социологического исследования инженерно-технических работников) // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 3—10.

Korel L. V., Kombarov V. Yu. (2012) Subject of Work at an Industrial Enterprise (An Experience in Sociological Study of Engineering Workers). *Sociological Studies*. No. 10. P. 3—10. (In Russ.)

Кремнева Н. Ю. Модели занятости: Межпоколенческая взаимосвязь профессиональных траекторий // Симбирский научный вестник. 2017. № 1. С. 86—91.

Kremneva N. Yu. (2017) Models of Employment: Intergenerational Interconnection of Professional Trajectories. *Simbirsk Scientific Journal Vestnik*. No. 1. P. 86—91. (In Russ.)

Лыткина Т. С., Ярошенко С. С. Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня? // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 101—123. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123>.

Lytkina T. S., Yaroshenko S. S. (2019) Is Sociology for the Working Classes Possible Today? *Universe of Russia*. Vol. 28. No. 1. P. 101—123. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-101-123>. (In Russ.)

Максимов Б. И. Рабочие в период реформ: Положение, ориентации, коллективные действия // Мир России. 2002. Т. 11. № 3. С. 96—121.

Maksimov B. I. (2002) Workers in Time of Reforms: Position, Orientations, Collective Action. *Universe of Russia*. Vol. 11. No. 3. P. 96—121. (In Russ.)

Мкртчян Г. М., Чистяков И. М. Молодежь Москвы на рынке труда // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 42—49. (In Russ.)

Mkrtchyan G. M., Chistyakov I. M. (2000) Moscow Youth in the Labor Market. *Sociological Studies*. No. 12. P. 42—49. (In Russ.)

Молодежь нового рабочего класса современной России / под ред. Т. В. Гаврилюк. М. : ФЛИНТА, 2019.

Gavrilyuk T. V. (ed.) Youth of the New Working Class of Modern Russia. Moscow: FLINTA, 2019. (In Russ.)

- Полякова Н. В. Экономическое поведение. Иркутск : Иркутская государственная экономическая академия, 1998.
Polyakova N. V. (1998) Economic Behavior. Irkutsk: Irkutsk State Economy Academy. (In Russ.)
- Пинк Д. Нация свободных агентов: Как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М. : Секрет фирмы. 2005.
Pink D. (2005) Free Agent Nation: How Americans New Independent Workers are Transforming the Way We Live. Moscow: Secret of the Firm. (In Russ.)
- Радаев В. В. Миллениалы : Как меняется российское общество. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
Radaev V. V. (2019) Millennials: How the Russian Society Changes. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)
- Россия и Китай. Изменения в социальной структуре общества / отв. ред.: М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, З. Т. Голенкова. М. : Новый хронограф, 2012.
Gorshkov M. K., Peilin Li, Golenkova Z. T. (eds.) Russia and China. Changes in the Social Structure of Society. Moscow: New Chronograph, 2012. (In Russ.)
- Седова Н. Н. Самодостаточность и активизм в мировоззренческих установках россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 9. № 4. С. 9—25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6796>.
Sedova N. N. (2019) Activism in the Worldview of Russians. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 9. № 4. P. 9—25. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6796>. (In Russ.)
- Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. 2015. Т. 24. № 1. С. 72—100.
Strebkov D. O., Shevchuk A. V. (2015) Work Trajectories of Self-Employed Professionals. *Universe of Russia*. Vol. 24. No. 1. P. 72—100. (In Russ.)
- Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81—93.
Strebkov D. O., Shevchuk A. V. (2017) Work Values of Self-Employment and Organization Employment. *Sociological Studies*. No. 1. P. 81—93. (In Russ.)
- Темницкий А. Л. Становление наемного работника рыночного типа в условиях трансформации отношений собственности // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 47—55.
Temnitsky A. L. (2014) Making of Hired Worker under Transformation Conditions. *Sociological Studies*. No. 5. P. 47—55. (In Russ.)
- Темницкий А. Л. Социокультурные факторы оптимизма современной молодежи в России // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 4. С. 19—35. <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4760>.
Temnitsky A. L. (2016) Social and Cultural Factors of the Optimism of the Youth in Russia. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 4. No. 4. P. 19—35. <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4760>. (In Russ.)

Темницкий А. Л. Социокультурный феномен самостоятельности в работе россиян в межстрановом сравнении // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 37—49. <https://doi.org/10.31857/S013216250005480-1>.

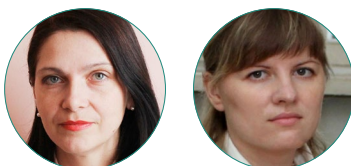
Temnitsky A. L. (2019) The Sociocultural Phenomenon of Self-Dependence in Russian Citizens' Work in an International Comparison. *Sociological Studies*. No. 5. P. 37—49. <https://doi.org/10.31857/S013216250005480-1>. (In Russ.)

Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории рабочей молодежи // Социологические исследования. 2011. № 9. 101—110.

Cherednichenko G. A. (2011) Educational and Professional Trajectories of Working Youth. *Sociological Studies*. No. 9. P. 101—110. (In Russ.)

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1600

Н. П. Касаткина, Н. В. Шумкова

ОТ САМООБРАЗОВАНИЯ К САМОЗАНЯТОСТИ: НЕПАРАДНЫЙ ВХОД МОЛОДЕЖИ НА РЫНОК ТРУДА

Правильная ссылка на статью:

Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>.

For citation:

Kasatkina N. P., Shumkova N. V. (2020) From Self-Education to Self-Employment: Back Entrance for Youth to the Labor Market. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>.

ОТ САМООБРАЗОВАНИЯ К САМОЗАНЯТОСТИ: НЕПАРАДНЫЙ ВХОД МОЛОДЕЖИ НА РЫНОК ТРУДА

КАСАТКИНА Наталья Петровна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия; доцент кафедры социологии, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия

E-MAIL: kasatkina-rri@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>

ШУМКОВА Наталья Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия

E-MAIL: niiregion@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>

Аннотация. В статье раскрываются причины, стимулирующие самоорганизационное поведение молодежи на рынке труда, которое понимается как конструирование трудовых карьер, альтернативных традиционным социальным практикам. Самозанятость рассматривается в качестве специфичной трудовой карьеры, имеющей бинарный алгоритм выбора: добровольная либо вынужденная стратегия. Цель исследования — анализ роли формального образования и самообразования в карьере самозанятых.

Эмпирическую базу исследования составляют данные авторского анкетного опроса молодежи Республики Мордовия в возрасте 18—35 лет ($n = 490$, апрель — май 2019 г.); онлайн-опроса, проведенного ГКУ РМ «НЦСЭМ» среди

FROM SELF-EDUCATION TO SELF-EMPLOYMENT: BACK ENTRANCE FOR YOUTH TO THE LABOR MARKET

Natalya P. KASATKINA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow; Assistant Professor at the Department of Sociology

E-MAIL: kasatkina-rri@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0940-2087>

Natalya V. SHUMKOVA² — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor at the Department of Sociology

E-MAIL: niiregion@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>

¹ Scientific Center for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia

² Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The article provides insight into the causes of youth self-organization labor behaviour implying construction of careers alternative to traditional social practices. Self-employment is considered as a particular career path with a binary algorithm of choice: voluntary or forced strategy. The article aims to analyze the role of formal education and self-education in the careers of the self-employed.

Empirical basis of the study includes the data of a questionnaire survey conducted by the authors among young people aged 18–35 living in the Republic of Mordovia ($n = 490$; April–May 2019); an online survey conducted by the Scientific Center for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia among the final-year students ($n = 1,943$;

студентов выпускных курсов трех вузов Республики Мордовия ($n = 1943$, март — май 2019); а также серии полустандартизированных и фокус-групповых интервью, проведенных авторами в 2019—2020 гг. среди самозанятой молодежи Республики Мордовия (критерии отбора — наличие опыта самозанятости более 1 года, возраст от 18 до 35 лет).

Согласно полученным данным, выбор молодежью самозанятости носит скорее вынужденный характер. Он вызван маргинализацией профессионального статуса, свидетельствующей о дисфункции института высшего профессионального образования. Кризис профессиональной идентичности, невостребованность полученного образования на рынке труда, осознание недостаточности имеющихся знаний и навыков стимулируют поиск способов повышения конвертируемости своего человеческого капитала и возможных путей адаптации к неопределенности на рынке труда. Бэкграунд формального образования в карьерах самозанятой молодежи способствует развитию soft skills (неспециализированных надпрофессиональных навыков) и в то же время характеризуется обесцениванием hard skills (профессиональных компетенций). Набор востребованных навыков на рынке труда достраивается самозанятыми с помощью самообразования. Молодежь реализует «дисперсивную модель» развития собственного человеческого капитала не только в системе формального образования, но и посредством неформального и информального обучения, приобретая разнообразные по профессиональному содержанию умения и навыки.

March–May 2019); semi-structured and focus group interviews conducted by the authors among self-employed young people in the Republic of Mordovia in 2019–2020 (selection criteria: self-employed experience of more than one year; age: 18–35).

The data obtained suggest that self-employment is likely to be a forced choice. It is caused by marginalization of professional status revealing a higher education's dysfunction. Crisis in professional identity, lack of demand for the diploma in the labor market, conscious awareness of skill shortage push youth to search for ways to enhance convertibility of human capital and to adapt to uncertain labor conditions. Formal educational background encourages soft skills (non-specialized trans-professional skills) and downgrades hard skills (professional competence). Self-education helps the self-employed to acquire the missing skills which are in demand in the labor market. Young people adhere to a dispersive model of human capital development not only in formal education but also in their non-formal and informal learning in an attempt to acquire diverse professional skills.

The study shows that self-education practices play an important role in choosing alternative career paths enabling young people's integration into the modern labor market.

Данное исследование демонстрирует, что самообразовательные практики выполняют важную роль в формировании альтернативных карьерных траекторий молодежи, позволяющих интегрироваться в современный рынок труда.

Ключевые слова: молодежь, карьера, самозанятость, самообразование, рынок труда

Keywords: youth, career, self-employment, self-education, labor market

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта «Социальное пространство рынка труда Республики Мордовия: самозанятость молодежи» (№ 18-411-130016 p_a).

Acknowledgments. The paper is funded by the RFBR and the Government of the Republic of Mordovia in the framework of the Social Space of the Labor Market in the Republic of Mordovia: Youth Self-Employment research project (No. 18-411-130016 p_a).

Введение

Самозанятость — одна из стратегий самоопределения на рынке труда. Она, в отличие от стандартной — и пока идеальной — модели трудоустройства (по найму на полный рабочий день и по полученной профессии), характеризуется значительной индивидуализацией сопутствующих практик.

В этом смысле самозанятая молодежь выступает в роли агента, изменяющего структуру общества через ценности и модели поведения [Гидденс, 2005]. В доказательство можно привести следующие аргументы: самозанятость — это проявление предпринимательской активности молодежи, которая сама по себе несет инновационный потенциал [Большухина, 2015]; это модель адаптации к новым условиям рынка труда [Стребков, Шевчук, Спирина, 2016] и вариация новых трудовых траекторий (так называемые портфельные, безграничные и протейские карьеры) [Хэнди, 2001; Hall, Mirvis, 1995; Arthur, Rousseau, 1996; Briscoe, Hall, 2006]; источник новых смыслов трудовой и жизненной карьеры: «от того, что делаешь, вполне можно получать удовольствие. Делай хорошо ту работу, которая позволяет по-настоящему выразить себя. Используй свою свободу для того, чтобы взять на себя ответственность за работу. Сам решай, что такое успех» [Пинк, 2005: 89]; нестандартное мировоззрение, в котором значимость статусного престижа (и/или формального социально-профессионального статуса) уходит на второй план [Ильин, 2015].

Вместе с тем теневой характер молодежной самозанятости ставит вопрос о том, «кто перед нами — свободные творцы/само-предприниматели или новый угнетаемый класс — прекариат» в условиях, когда о «тотальном постиндустриальном повороте в области трудовых отношений говорить все еще преждевременно» [Омельченко, Сабирова, Крупец, 2015: 11].

Согласно Гаю Стэндингу, прекарный характер труда отличается неустойчивостью финансовых и профессиональных перспектив, дискриминацией на рынке труда [Стэндинг, 2014]. На прекарное положение самозанятых указывает модель сегментации рынка труда Джона Аткинсона [Atkinson, 1985], помещающая их на внешней периферии рынка. Перемещение молодежи в этот сегмент можно расценивать как индикатор неудачи в попытке социального продвижения, своего рода «непарадный» вход на рынок труда. Поскольку переход по сегментам ограничен, вероятность консервации в этом социальном статусе попадающей туда молодежи достаточно велика.

Амбивалентный характер молодежной самозанятости усложняет понимание ее социального механизма. Соглашаясь с мнением Энтони Аткинсона, принципиально важно понимать, насколько добровольна нестандартная занятость: «нужно различать тех, кто сознательно предпочел трудиться неполную рабочую неделю, — и тех, кто не может найти обычную полноценную работу» [Аткинсон, 2018: 244]. Это ориентирует на выявление факторов, выталкивающих (вынуждающих) и притягивающих в эту сферу социальных практик.

Относительно молодежной самозанятости ключевой детерминантой выступает образование как главный ресурс накопления человеческого капитала [Беккер, 2003]. В условиях, когда социально успешный образовательный бэкграунд имманентно связан с высшим образованием, особая ответственность за перспективы трудовой биографии молодежи отводится именно этому социальному институту. В настоящее время институт высшего образования претерпевает существенные изменения, что оказывает влияние на эффективность его профессионально-социализирующей функции.

В последние два десятилетия исследователи указывают на трансформацию социальной роли высшего образования не только в России, но и за рубежом [Альтбах, 2018]. Изменения неразрывно связаны с его массовизацией, «превращением в социальную норму» наличия высшего образования — «чем выше доля обладателей высшего образования в стране, тем больше потери тех, кто его не имеет» [Гимпельсон, 2016: 130]. В ответ на общественную потребность институт высшего образования отреагировал коммерциализацией — ориентацией на предоставление образовательных услуг и формированием концепции «метаярхитектурной институции» [Фуллер, 2018: 13]. Катализатором этой реакции стал «развал» социального государства, который привел высшие учебные заведения в состояние финансовой и институциональной нестабильности [там же: 15].

Получаемые в результате социальные эффекты стали «противоестественными» и проявились в виде девальвации дипломов и потерей преимуществ от получения «степени бакалавра или даже магистра», поскольку «на рынок труда выходит больше претендентов, обладающих соответствующим образованием» [там же: 13—14]. Начинается бесконечная погоня за конкурентными преимуществами на рынке труда — дополнительными «маркерами» профессиональной компетентности.

В реакции на растущий спрос на «достраивание» профессионального образования формальное образование проигрывает более гибкой системе неформального

(корпоративное наставничество, стажировки, тренинги) и неформального (самообразование с помощью Coursera, TED, YouTube и т.п.) образования [Нефедова, 2017; Ключарев, Кофанова, 2016]. В частности, фиксируется тенденция распространения различных форм онлайн-образования [Пеккер, 2016; Рощина, Рошин, Рудаков, 2018].

Массовизация и доступность формального высшего образования влечет за собой изменение его социальной ценности. В массовом сознании оно из общественного блага (преумножение совокупного, наднационального человеческого капитала, сохранение академических ценностей и т.д.) постепенно превращается в частное (инструмент социальной мобильности отдельного индивида). В результате вполне логичен вывод, что «вузы и их студенты должны оплачивать существенную часть издержек» [Альтбах, 2018: 61]. Меняется и психология студентов, которые «рассматривают самих себя как потребителей образовательных продуктов» [там же: 100].

Масштабная подготовка кадров с высшим образованием, преимущественно ориентированная на спрос со стороны населения, продуцирует невостребованный человеческий капитал. Так, согласно экспертным оценкам, «четверть обладателей дипломов идут работать на должности, не требующие их уровня образования» [Бутенко и др., 2017: 9]. При этом дело не только в количественном несоответствии предложения и спроса. Еще более «драматичный» характер имеет дисбаланс профессиональных структур воспроизводимого капитала и спроса на него. По расчетам Натальи Тихоновой, «среди профессионалов почти 60% работают не по полученной и не по смежной с ней специальности» [Тихонова, 2017: 141].

Возросшая доступность и широкий ассортимент образовательных услуг в вузах не всегда успешно решают задачи профессиональной подготовки [Двенадцать решений..., 2018; Клячко, 2017]. По результатам исследования Дмитрия Попова и Анны Стрельниковой, «в России не наблюдается прямой зависимости между уровнем образования и измеренной грамотностью, то есть формальное образование не является надежным индикатором обладания теми или иными компетенциями, не гарантирует их освоение и передачу» [Попов, Стрельникова, 2017: 275].

В условиях девальвации дипломов и проявления дисфункций в профессионально-социализирующей роли высшего образования инструментальная ценность вузовского бэкграунда сохраняется за счет не столько профессиональных компетенций (*hard skills*), сколько за счет неспециализированных надпрофессиональных навыков (*soft skills*) [Lippman et al., 2015]. С *soft skills*, под которыми понимается широкий набор компетенций — социально-коммуникативные (умение общаться, работать в команде, предупреждать и разрешать конфликты), когнитивные (навыки критического анализа, тайм-менеджмента), эмоциональный интеллект [Раицкая, Тихонова, 2018; Малова, 2019], — связываются перспективы повышения индивидуального и совокупного человеческого капитала.

В формировании *soft skills* в вузах значительная роль принадлежит так называемой скрытой учебной программе, «функция которой заключается в передаче целого шлейфа значений, знаний, опытов, устоявшихся практик, которые не вы-

ражены эксплицитно и не подтверждены документально» [Дудина, 2005: 101]. Она формирует определенный габитус посредством интернализации структуры академических практик и университетского (академического) поля. Общие академические компетенции, приобретенные в процессе высшего образования, не окупаются непосредственно, но играют значительную вспомогательную роль при обучении навыкам, имеющим прямую отдачу на рынке труда и более эффективно приобретаемым вне системы образования» [Heijke, Meng, Ramaekers, 2002: 750].

Таким образом, механизм перемещения молодежи в самозанятость рассматриваются в парадигме соотношения «действие — структура». Выявляется степень выраженности роли молодежи как агента новых социальных практик. Принуждающее влияние структуры изучается сквозь призму функций высшего образования.

Стоит отметить, что при экстраполяции выводов исследования следует учитывать специфичность региональной ситуации. Поскольку граница между «сильными» и «слабыми» университетами проходит по линии «центр — периферия», региональные вузы характеризуются как неселективные [Аузан, 2013; Прахов, 2015; Рошин, Рудаков, 2016; Клячко, 2017] и продуцирующие «большое число низкоквалифицированных и неконкурентоспособных на профессиональном рынке труда специалистов» [Клячко, 2017: 50]. Дисфункциональную роль высшего образования в регионах следует признать более выраженной.

В рамках данной работы на примере молодежи отдельно взятого региона мы попытались выяснить, какими путями приходит в самозанятость современная молодежь и какую роль в выборе стратегий самозанятости играют институты современного образования.

Материалы и методы

В качестве эмпирической базы предлагаемого исследования были использованы:

1. Материалы пилотажного фокус-группового исследования, три этапа которого проведены в феврале — апреле 2019 г. (количество участников в каждой фокус-группе — шесть человек). Критерии отбора участников: проживание на территории Республики Мордовия, наличие опыта самозанятости (индивидуальная самозанятость как постоянный источник дохода продолжительностью не менее года), возраст от 18 до 35 лет. Цель исследования — выявление мотивов выбора самозанятости.

2. Результаты авторского социологического исследования, проведенного среди молодежи Республики Мордовия (анкетирование, $n = 490$, апрель — май 2019 г.). Выборка комбинированная, многоступенчатая с применением квотного и случайного отбора; репрезентирует структуру молодежи республики в возрасте от 18 до 35 лет по полу, возрасту, характеру первичной занятости и типу поселения. Цель исследования — определение масштабов распространения молодежной самозанятости в Республике Мордовия.

Доля «чистых» самозанятых в выборке составляет 27 % (132 чел.). Это респонденты, идентифицировавшие себя в качестве занимающихся предпринимательской деятельностью без привлечения наемных работников (с регистрацией и без регистрации), а также респонденты, которые напрямую не идентифицировали

себя с предпринимательством, однако на регулярной основе производили товары и оказывали услуги, используя этот способ заработка в качестве основного¹.

3. 10 полуформализованных интервью с самозанятой молодежью (январь — март 2020 года). Критерии отбора в выборку: проживание на территории Республики Мордовия, возраст от 18 до 35 лет, наличие опыта самозанятости (индивидуальная самозанятость как основной источник дохода). Продолжительность каждого интервью — около 30 минут. Цель исследования — анализ факторов, влияющих на образовательные и трудовые траектории самозанятой молодежи в регионе.

4. Вторичный анализ данных анкетного опроса², проведенного среди студентов выпускных курсов вузов Республики Мордовия ($n = 1943$, март — май 2019 г.). Сплошной опрос студентов проведен методом онлайн-анкетирования посредством сервиса Google Forms. Для получения данных, репрезентирующих генеральную совокупность, осуществлен ремонт выборки с использованием процедуры перевзвешивания. Цель исследования — анализ мотивов выбора профессии и трудоустройства выпускников вузов в регионе. Данные исследования используются при анализе образовательного бэкграунда молодежи с высшим образованием для выявления модели профессиональной социализации самозанятых.

В качестве методов анализа качественных данных использовался метод аналитической индукции³. Обработка и анализ полученной количественной информации проводились с помощью программного пакета IBM SPSS Statistics 21 и программы Microsoft Excel 2010. Применялись процедуры факторного и двухэтапного кластерного анализа, дескриптивной статистики и поиска связей между признаками.

Результаты исследования

Молодежная самозанятость: стиль жизни или «непарадный» вход на рынок труда?

Какова степень свободы в выборе самозанятости? Это один из принципиальных вопросов, ответ на который позволяет охарактеризовать ее природу: либо это продукт дисфункциональности социальных институтов, либо элемент формируемых молодежью постиндустриальных социальных практик.

По данным опроса молодежи Республики Мордовия⁴, 73 % самозанятых в качестве основной причины выбора своей деятельности назвали «желание больше зарабатывать», что, с одной стороны, находится в русле притязаний современной молодежи, а с другой — можно расценивать как следствие дискриминированности по размеру оплаты труда и низкой доступности рабочих мест, удовлетворяющих притязаниям молодежи. С этой точки зрения мотив «больше зарабатывать» можно интерпретировать скорее как вынужденный. В то же время принципиальную позицию «не работать по найму», свидетельствующую о добровольности выбора, выражают 37 % самозанятых.

¹ См. подробнее в нашей предыдущей работе [Касаткина, Шумкова, 2019].

² Опрос проведен в рамках проекта ГКУ РМ «НЦСЭМ» при непосредственном участии соавтора данной статьи Н. П. Касаткиной.

³ Качественные данные были подвергнуты теоретическому структурированию — выделению аналитических единиц и их взаимосвязей, которые в дальнейшем были использованы для подтверждения авторских гипотез.

⁴ Здесь и далее в этом разделе: анкетный опрос молодежи Республики Мордовия от 18 до 35 лет; выборка — комбинированная, многоступенчатый отбор с применением квотного и случайного отбора; объем выборки — 490 респондентов, из них самозанятых — 132 (дата проведения — апрель — май 2019).

Каждый опрошиваемый отметил в среднем две-три причины выбора самозанятости, что позволило полученные ответы подвергнуть факторизации методом главных компонент с Варимакс вращением. В результате нами было выделено три значимых фактора⁵, объясняющих 63 % полной дисперсии выборки.

Первый фактор выбора — это поиск альтернатив повышения материального статуса в условиях отсутствия подходящей работы по найму (информативность — 29 %). Высокие значения факторной нагрузки принадлежат следующим переменным: «желание больше зарабатывать», «быть экономически независимым» и «отсутствие подходящей работы».

Второй фактор характеризует нацеленность на повышение профессиональных компетенций (18 %). Он объединяет такие причины, как «желание получить практические навыки» и «стремление получить профессиональный опыт».

Третий фактор, условно обозначенный как «выбор нестандартного стиля жизни» (16 %), характеризуется наибольшей нагрузкой таких переменных, как «желание реализовать свои склонности, способности» и «нежелание работать по найму».

Таким образом, модель выбора самозанятости по содержанию скорее вынужденная, чем добровольная. Она отражает подверженность влиянию внешних условий, в первую очередь сложившихся на региональном рынке труда. Ключевыми обстоятельствами являются узость репертуара предлагаемых рабочих мест, размер оплаты труда и требования к наличию опыта работы.

Отсутствие подходящей работы по найму катализирует активность молодежи в поиске способов конвертации полученного формального образования в социально-профессиональный статус и экономический капитал. Параметры «подходящей» работы оцениваются сквозь призму «гигиенических» факторов: размера заработной платы, удобного графика работы, социальных гарантий, что свидетельствует об укорененности в сознании молодежи установок «работника найма». Поэтому самоорганизация занятости — это скорее реактивная практика, вызванная необходимостью поиска путей адаптации на рынке труда.

Трудовая карьера самозанятых начинается с неудачных попыток работать по найму: либо не удается трудоустроиться по профессии, либо не удовлетворяет содержание труда (более 70 % опрошенных самозанятых имеют опыт работы по найму). Выстраивание трудовой карьеры в русле традиционной модели все более отчетливо «высвечивает» маргинальный характер полученного образования. Это явно иллюстрируется проведенными интервью.

Я закончила экономический факультет, а в дипломе у меня даже не написано, что я экономист. В дипломе написано <...> по специальности менеджмент — и все. Я хотела устроиться на одну хорошую должность в Москве, мне сказали, что я им не подхожу, потому что не написано, что я экономист. И я забила на то, что я экономист... И в итоге я работаю переводчиком⁶. (ФГ № 1, девушка, 22 года, переводчик)

⁵ Ограничением метода факторного анализа является невозможность распространения полученных выводов на всех самозанятых: они применимы к тем данным, на которых построены. Однако полученная модель коррелирует с данными других исследований [Стребков, Шевчук, Спирина, 2015], что дает основание для верификации.

⁶ Здесь и далее сохранены особенности речи.

После окончания университета я пыталась найти работу по специальности, но все было безуспешно... (Инт. № 6, девушка, 22 года, мастер маникюра)

Я закончила факультет математики и информационных технологий, бакалавриат, и после университета я пошла сразу работать на завод <...> в продажи. Работала я год в финансовом отделе, я думала, мне это нравится. Но проработав там год, я поняла, что это не мое, и ушла. (ФГ № 1, девушка, 23 года, консультант по сетевому маркетингу)

Самозанятость для молодежи выступает также способом накопления конвертируемых практического опыта, знаний и навыков и тем самым выполняет функции «достраивания» необходимых для самореализации в профессии *hard skills*, недополученных в рамках формального профессионального образования. Профессиональная социализация, таким образом, является латентной функцией самозанятости:

...Профессии «информатик-экономист» в госреестре не существует. Поэтому самостоятельно, долгим тернистым путем, разбирался в своей профессии, в данный момент не могу сказать, что обладаю низким или средним уровнем... Институт не дал мне ничего ни по знаниям, ни по навыкам. (ФГ № 1, мужчина, 35 лет, специалист по ремонту электроники)

Сознательный выбор самозанятости как альтернативного стиля жизни с кардинально отличающейся повседневностью, ценностными ориентациями, собственными критериями успеха наименее распространен. В основе первоначальной мотивации здесь доминируют не материальные мотивы, а выраженная приверженность к содержанию выполняемого труда. Интерес к определенному виду деятельности, который изначально реализуется в виде хобби, постепенно трансформируется в трудовую занятость с самостоятельно конструируемыми рутинными практиками. При этом переломным моментом для перехода в самозанятость является признание окружающими продуктов труда, появление на них потребительского спроса.

Ну, рисовать я еще начала в школе. Но как-то не относилась к этому серьезно, думала, что это не профессия. Да и родные про это говорили так. В университете в свободное время я рисовала скетчи, портреты подружек, одноклассниц. Когда они видели мои рисунки, они часто спрашивали: «Почему ты не учишься в ИНК⁷ или не поступила в Архитектурно-строительный?» А я не знала, что ответить. И я все чаще начала думать: может, и вправду нужно было связать свою жизнь с искусством? Одноклассники начали просить нарисовать своих друзей, знакомых — уже за деньги. И тут я задумалась: а что, на этом можно действительно ведь зарабатывать деньги. (Инт. № 9, девушка, 24 года, художник)

Качественные данные наглядно иллюстрируют процесс «выталкивания» молодежи в самозанятость. К основным факторам следует отнести невостребованность

⁷ Институт национальной культуры.

полученной профессии на рынке труда, неудовлетворенность содержанием труда, а также слабую освоенность профессиональных навыков и компетенций.

Тем не менее, несмотря на то, что большинство самозанятых не входит в этот сегмент труда добровольно, в процессе трудовой деятельности многие из них начинают получать удовольствие от такой формы занятости, видеть в ней больше положительных, чем отрицательных моментов, становятся ярыми сторонниками подобного образа жизни. На вопрос «Если сейчас поступит предложение, согласитесь ли работать по найму?» однозначное «нет» выбирают 41 %, «скорее нет» — еще 46 % самозанятых.

Образовательный бэкграунд самозанятых: роль hard и soft skills

От случайного выбора профессии к неустойчивой (кризисной) профессиональной идентичности и маргинализации профессионального статуса — типичная модель профессиональной социализации самозанятой молодежи с высшим образованием. Более того, она типична для молодежи в целом: транзит через вуз у большинства не сопровождается формированием устойчивой профессиональной идентичности.

Ретроспективный взгляд на процесс формирования профессионально-образовательного бэкграунда молодежи позволяет констатировать, что одним из предикторов профессиональной идентичности выпускника вуза и стратегии его профессионального развития в целом является первоначальный выбор профессии на входе в вуз. Этот выбор обусловлен, с одной стороны, процессами, происходящими в институте высшего образования (например, прием на невостребованные на рынке труда специальности), с другой стороны, существующими в сознании молодежи установками, связанными с ориентацией на обретение статуса, а не профессии.

Как следствие, в выборе профессии переплетаются свобода и «прямое принуждение» [Ильин, 2017]. Выбор абитуриентом направления подготовки определяется собственными предпочтениями, однако далее он корректируется процедурой селекции по результатам ЕГЭ. Окончательный выбор в пользу желаемой профессии (направления подготовки) зависит от платежеспособности претендента: если последняя низка, то перспектива обучения на «бюджете» зачастую перечеркивает сформированные профессиональные предпочтения.

Можно говорить и о двух ключевых доминантах первичного профессионального выбора: о ценностном отношении к будущей профессии (терминальном либо инструментальном) и о доступности высшего образования. Двухэтапный кластерный анализ данных опроса студентов выпускных курсов высших учебных заведений Республики Мордовия ($n = 1943$), проведенный на основе ответов на вопрос «Каковы основные причины выбора Вами получаемой профессии?» показал масштабность «депрофессионализированного» выбора. Такой выбор характеризуется нацеленностью либо на получение престижной профессии (инструментальное отношение), либо на поступление в вуз на бюджетное место. В результате кластеризации нами были выявлены три различающиеся по доминирующим мотивам группы студентов, которые условно были обозначены как «престижность профессии», «вынужденный выбор», «интерес к профессии».

С целью получения престижной профессии в вуз пришла треть (34 %) студентов. Анализ двумерного распределения по стандартизированным остаткам показывает концентрацию в этой группе обучающихся по таким направлениям, как медицинские (анализ по стандартизированным остаткам⁸, 7,3), экономические (7,0), юридические (4,6) науки, математика и информационные технологии (4,1), а также инженерное дело (2,2).

Наиболее интересна с исследовательской точки зрения категория «вынужденного выбора» (27 %) — это студенты, чья мотивация практически не связана с ценностным отношением к профессии, а подчинена возможности получить высшее образование. Свой выбор они объясняют влиянием внешних факторов: «стечением обстоятельств» и наличием бюджетных мест. Этот сегмент формируется из низкоресурсных социальных групп и пополняет педагогические (6,2) и социогуманитарные (4,3) направления подготовки.

Первые два кластера в совокупности характеризуют распространенность и содержание «депрофессионализированного» типа первичного выбора профессии. К носителям противоположного по смыслу выбора — терминального, выражающегося в ориентации на профессионально-содержательные аспекты профессии, — относятся 39 % студентов. Оценивая в ретроспективе свой выбор, они указали на интерес к избираемой профессиональной области, связь с увлечениями (кластер «интерес к профессии»). В этой категории преобладают поступившие по направлениям подготовки, связанным с культурой и искусством, а также, частично, с образованием и педагогикой (4,2 и 3,3 соответственно).

Таким образом, большинство студентов (более 60 %) при выборе профессии отталкиваются от того, чем бы они хотели заниматься, либо откладывают профессиональное самоопределение, либо ориентируются просто на формальное получение диплома о высшем образовании.

Как показывают полученные данные, наиболее очевидное негативное влияние на формирование профессиональной идентичности на выходе из вуза оказывает «депрофессионализированный» и «вынужденный» выбор. На этапе завершения обучения в преддверии выхода на рынок труда именно у таких категорий студентов отсутствуют устойчивые намерения трудоустроиться по полученной профессии. В их планах трудоустройство по профессии из другой сферы деятельности либо «как получится», то есть опять-таки как позволят внешние условия (стандартизированные остатки 10,4 и 8,9 соответственно). В период обучения в вузе представители этой категории чаще всего вовлекаются во вторичную занятость, которая по своему содержанию далека от профессиональной подготовки в вузе, что вызывает негативные последствия для обучения. Более того, студенты с вынужденным выбором чаще совмещают учебу и самостоятельную занятость.

«Депрофессионализированная» модель получения высшего образования характерна для самозанятой молодежи, о чем свидетельствуют данные опроса⁹. Однако о них нельзя сказать, что они выбирали, руководствуясь мотивом «неважно куда, главное поступить на бюджет». Такие «принуждающие» факторы, как наличие

⁸ Стандартизированный остаток, равный по модулю 1,65 или превышающий его, указывает на значимое расхождение между наблюдаемой и ожидаемой частотами.

⁹ Здесь и далее результаты опроса молодежи Республики Мордовия от 18 до 35 лет; $n = 490$.

бюджетных мест и величина проходного балла, повлияли на выбор направления подготовки в вузе в гораздо меньшей степени, чем в среднем по молодежи (5 % и 5 % против 21 % и 14 % соответственно). Их выбор основывался на инструментальном ценностном отношении к профессии: из соображений престижности и доходности, а также стремления сохранить, воспроизвести, повысить социальный статус. Потенциальные самозанятые — это не выходцы из низкоресурсных социальных слоев, а скорее представители среднего класса.

Материалы качественных исследований подтверждают неустойчивость профессиональной ориентации самозанятых при осуществлении первичного выбора профессии, последующую нереактивность на профессионально-социализирующее воздействие вузовского образования.

Я вообще не знала, куда мне пойти учиться, я не знала, чем я хочу заниматься... Мне нравились иностранные языки, но я их уже знала. Мне там [на факультете иностранных языков] нечего делать. И я все думала, и мне семья сказала: «Если не знаешь, что делать, занимайся тем, чем занимается твоя семья, иди на экономический». Я пошла на экономический, поняла, что это совершенно не мое. Я хотела уйти на первом курсе, я хотела уйти на втором. И мне каждый год говорили: «Потерпи, первый курс — ты еще не поняла всего». Я пошла на второй, мне все еще не нравится, мне говорят потерпеть. Третий курс, и мне все еще не нравится, мне говорят: «Вот четвертый курс будет практика, диплом, тебе понравится». Естественно, про четвертый курс говорить уже нечего, мне никогда это не нравилось, я никогда это не понимала, я просто четыре года потратила там. [Смеется]. Ну, ладно, зато есть корочка. Окончила университет с красным дипломом... (ФГ № 1, девушка, 22 года, переводчик)

Самозанятые сравнительно рано начинают трудовую биографию, чему способствует неудовлетворенность получаемой в рамках формального образования профессией. В период обучения в вузе вектор профессиональной социализации меняет направление на противоположный — на профессиональную десоциализацию.

Данным видом деятельности я занимаюсь совсем недавно, около трех лет. На третьем курсе я понял, что экономика — это не мое. Начал изучать веб-дизайн. (Инт. № 3, юноша, 25 лет, веб-дизайнер)

Как следствие, содержание труда большинства (62 %) самозанятых не связано с полученной в вузе профессией, что указывает на второстепенную роль приобретенных в вузе *hard skills*. При этом ценность высшего образования не снижается, поскольку сохраняется его «капитализирующая» функция. Человеческий капитал в связи с получением высшего образования возрастает за счет *soft skills*: коммуникативных навыков, навыков креативного мышления и самообразования.

Образование и уровень интеллекта. Как ни странно, образование человека очень сильно помогает человеку зарабатывать деньги в интернете... [Задумался]. <...> Начиная с незначительных, я бы сказал, мизерных сумм, можно научиться увеличивать свой доход многократно. Но повторюсь, что для этого необходимы знания и опыт. Просто

по взмаху волшебной палочки деньги в карман не посыпятся... (Инт. № 7, юноша, 20 лет, SMM-менеджер)

Самообразование самозанятых: дисперсивная модель накопления человеческого капитала

По мнению исследователей, молодежь «чаще, чем любая иная группа, готова преодолевать прекарное состояние», в свою очередь «прекарное состояние может быть преодолено дополнительными инвестициями в образование, социальными перемещениями» [Горшков и др., 2017: 6]. Согласно полученным нами данным, в практики дополнительного образования и обучения вовлечено более половины (58 %) мордовской молодежи в возрасте от 18 до 35 лет.

Наиболее распространенным способом достраивания профессиональных компетенций в молодежной среде является самообразование (23 %), причем среди самозанятых удельный вес выбирающих информальное обучение оказывается практически в два раза выше (41 %). Молодежь реализует не традиционную линейную модель профессионально-образовательной траектории, предполагающую последовательное накопление знаний и опыта в рамках одной профессиональной области, а «дисперсивную», выражающуюся в параллельном получении двух и более профессий и фрагментарно-кумулятивном накоплении компетенций.

Большинство самозанятых (78 %) — активные интернет-пользователи. Причем интернет выступает не только средством производства, поскольку постоянно (для многих — ежедневно) используется для осуществления трудовой деятельности, но и источником профессиональных знаний и навыков. Наиболее популярны различные формы онлайн-обучения: мастер-классы, «туториалы» в YouTube, онлайн-курсы с/без получения диплома или сертификата.

Так, знания я свои получал непосредственно с помощью интернета, изучал статьи, книги, читал биографии людей, которые занимаются этим видом деятельности. <...> Тот доход, который я получаю, я знаю то, что... получаю я его с помощью своих знаний. То есть, если обучаться еще больше, будет и заработок больше. (Инт. № 3, юноша, 25 лет, веб-дизайнер)

Самообразовательные практики самозанятых свидетельствуют, что монополия института формального профессионального образования на функцию воспроизводства статусов, ролей, идентичностей постепенно спадает. В свою очередь, стремительно развивается и активно включается в реализацию соответствующих функций информальное образование, организованное в виде дистанционных и виртуальных форм.

Самообразование современной молодежи — продукт «расширения реальности», которое «происходит за счет виртуализации и сращивания разных форм реальности — «онлайн» и «офлайн»... Жизнь современного молодого человека разворачивается в сложном пространстве, созданном цифровизацией и интернет-коммуникациями, где последние являются средствами организации жизни, радикально изменяющими ее структуру» [Зубок, 2020: 12].

Социально-профессиональная идентификация и карьерные планы

Для анализа сформированности социально-профессиональной идентификации самозанятым¹⁰ предлагалось ответить на вопрос: «Что Вы отвечаете, когда Вас спрашивают о том, где Вы работаете, какую должность занимаете? Испытываете ли Вы при этом неловкость?» Полученные результаты говорят, что у большинства информантов сложилась позитивная идентичность самозанятого.

Так и отвечаю: веду социальные сети. <...> Нет, я скорее испытываю больше, так сказать, гордость, потому что я ушел от той работы, которая привязывает меня к определенному месту. (Инт. № 2, мужчина, 24 года, SMM-менеджер)

Ну, когда мне задают такой вопрос, у меня, конечно, сомнений не возникает, никакой неловкости нет. Я прямо отвечаю, что я мастер ногтевого сервиса. (Инт. № 4, девушка, 22 года, мастер маникюра)

Официальным, то есть если, например, в больнице или где-то, когда спрашивают, трудоустроен ли я, то отвечаю — «безработный». Вот, а если как бы друзьям, то говорю, как есть, как вам. (Инт. № 1, мужчина, 25 лет, фотограф)

Фрилансеров (самозанятых интернет-работников) чаще всего смущает не форма их занятости, а трудность репрезентации для окружающих содержания своей профессии. Многие из видов деятельности еще в начале институционализации, поэтому пока находятся вне профессиональной структуры общества.

Да, очень часто. Говорю, что работаю в интернете, в социальных сетях. А бабушкам говорю, что работаю таксистом, чтоб вопросов лишних не было, а то они не поймут. А они говорят: лучше бы нигде не работал, а то работа таксистов опасная очень. [Смеется]. (Инт. № 7, юноша, 20 лет, SMM-менеджер)

Любопытно, что к предпринимателям самозанятые себя относят очень опосредованно, в их представлении предпринимательство связано с наличием определенных атрибутов: регистрация, наличие наемных работников и т. д. В то же время организация в будущем своего бизнеса рассматривается большинством из них как следующая ступень карьерной лестницы. Таким образом, карьерные стратегии самозанятых не связаны со сферой найма, а предполагают легализацию и предпринимательство.

На самом деле есть желание основать свое агентство и работать с более крупными компаниями. Соответственно, я уже буду заниматься просто контролем — так сказать, карьерный рост небольшой. Вот когда у меня получится стать основателем такой компании, тогда это можно считать конечной точкой в моей нынешней деятельности. (Инт. № 2, юноша, 24 года, SMM-менеджер)

¹⁰ В число информантов в данном опросе зарегистрированные индивидуальные предприниматели нами не включались.

Таким образом, «теневая» самозанятость в перспективе может стать основой развития малого бизнеса. Главный барьер в данном случае — отсутствие стартового капитала. По мнению самих незарегистрированных самозанятых, основными мерами стимулирования их легализации являются «оказание помощи в аренде помещений по сниженной стоимости» (69% против 48% по всей выборке) и «предоставление субсидий, грантов на развитие бизнеса» (64% против 34% по всей выборке).

С другой стороны, большинство неформальных самозанятых предпочитают не ставить перед собой четких целей. Малый бизнес видится им лишь в качестве одной из возможных альтернатив, причем не самой оптимальной.

Возможно, в будущем, когда я заработаю достаточное количество денег, я хотела бы открыть свою арт-студию... Но это только в далеком будущем. <...> Я творческий человек, предпринимательство не для меня. Если я буду открывать свою студию, то я лучше найду человека, который в этом разбирается. Если этим буду заниматься я, то у меня не будет времени на рисование. Совсем не будет. (Инт. № 9, девушка, 24 года, художник)

В дальнейшем, возможно, открою свое дело... Да, уже официально. Какое-нибудь рекламное агентство, возможно, связанное с социальными сетями. Вот, наверно. Пока особо не задумывался. Потому что мне нравится то, чем я занимаюсь на данный момент. (Инт. № 7, юноша, 20 лет, SMM-менеджер)

Данная категория молодежи в достаточно высокой степени мобильна и не стремится ограничивать себя рамками одной организации, профессии или территории. Лейтмотивом большинства интервью проходят мысли о свободе перемещения, независимости от условностей работы по найму, возможностях выбора профессиональной деятельности. Достаточно нестандартное понимание успеха, приверженность собственному образу жизни позволяют отнести значительную часть наших информантов к новой, только формирующейся страте работников «нового типа» [Пинк, 2005].

Обсуждение результатов и заключение

Проведенное исследование находится в русле основных подходов к изучению самозанятости, к которым относятся оценка ее положительных и негативных социальных и экономических последствий, поиск модели описания механизмов ее формирования, выявление индикаторных свойств.

Анализ в системе категорий *свободное действие агента — структура, молодежь — образование и рынок труда* позволяет выявить гибридную природу молодежной самозанятости. С одной стороны, это «вынужденная» практика, вызванная дисфункциональными проявлениями со стороны формального профессионального образования (в нашем исследовании — высшего образования). Она выражается в деградации ключевой функции по воспроизводству профессиональных статусов, ролей (идентичностей), компетенций (*hard skills*). С другой стороны, молодежь сама выступает в качестве агента распространения «депрофессионализированной» модели получения высшего образования, что характеризуется второстепенной значимостью профессионально-содержательных компонентов.

«Депрофессионализованная модель» социализации молодежи становится предиктором кризиса профессиональных навыков и идентичности, который обостряется в условиях ограниченности спроса на рынке труда. Следует отметить, что молодежь, социализированная в ценностях «найма», вынуждена конструировать альтернативные практики занятости и нестандартных трудовых карьер. Этому способствуют приобретенные в вузе *soft skills* в виде коммуникативных, когнитивных и иных навыков, которые принято считать результатом «скрытой учебной программы» вуза, а также *hard skills*, «достроенные» посредством самообразования. Так открывается «непарадный вход» на рынок труда, в том числе в его периферийный сегмент — самозанятость.

Наряду с традиционными формальными институтами образования и рынка труда расширяется «серая зона» нестандартных форм взаимодействий и социальных практик. Сюда относятся новые формы и способы самообразования, новые виды деятельности (например, SMM-маркетинг, SEO менеджмент и др.). В условиях плюрализации социальных практик самоопределение человека превращается из «данности» в «задачу», а наиболее востребованными качествами становятся постоянный поиск себя, рефлексивность, самостоятельность.

Способность к проявлению указанной активности, которая сродни с предпринимательской, свойственна молодежи с определенным социальным бэкграундом: это преимущественно выходцы из семей среднего класса, обладающие сравнительно высоким человеческим капиталом.

У самозанятой молодежи формируется устойчивая позитивная идентичность, подкрепленная удовлетворенностью трудом, стилем жизни, что свидетельствует о свободе в конструировании новых моделей реализации собственных жизненных притязаний. Новизна заключается в лабильности к вызовам «текучей современности», в которой основная проблема индивида состоит в ответе на вопрос, «какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [Бауман, 2005: 117].

Таким образом, самозанятость молодежи не только является индикатором дисфункциональности институтов, но и свидетельствует о появлении новой ценностной парадигмы: от значимости формально подтвержденного образования — к повышению роли навыков и знаний; а также о появлении моделей поведения, характерных для постиндустриального общества.

Экстраполяция полученных выводов ограничена ввиду региональной специфики. Исследование проведено в регионе с высокими количественными параметрами производства кадров с высшим образованием и рынком труда, характеризующимся низкой емкостью, недостатком рабочих мест и неразвитым негосударственным сектором. Эти факторы, несомненно, оказывают влияние на описываемые процессы.

Список литературы (References)

Альтбах Ф. Дж. Глобальные перспективы высшего образования. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.

Altbach Ph. G. (2018) *Global Perspectives on Higher Education*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Аткинсон Э. Б. Неравенство: как с ним быть? / пер. с англ. О. Левченко ; под науч. ред. М. Добряковой. М. : Дело, 2018.

Atkinson A. B. (2018) *Inequality: What Can be Done?* Moscow: Delo. (In Russ.)

Аузан А. А. Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 266—286.

Auzan A. A. (2013) *University Mission: An Economist's Perspective*. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 266—286. (In Russ.)

Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005.

Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. М. : ГУ-ВШЭ, 2003.
Becker G. S. (2003) *The Economic Approach to Human Behavior*. Moscow: State University—Higher School of Economics. (In Russ.)

Большухина И. С. Современное состояние и условия перспективного развития молодежного предпринимательства в России // Петербургская социология сегодня. 2015. № 6. С. 89—109.

Bolshukhina I. S. (2015) *Modern Status and Conditions of Perspective Development of Youth Entrepreneurship in Russia*. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 6. P. 89—109. (In Russ.)

Бутенко В., Полунин К., Котов И., Сычева Е., Степаненко А., Занина Е., Ломп С., Руденко В., Топольская Е. Россия 2025: от кадров к талантам. М. : The Boston Consulting Group, 2017.

Boutenko V., Polunin K., Kotov I., Sycheva E., Stepanenko A., Zanina E., Lomp S., Rudenko V., Topolskaya E. (2017) *Russia 2025: Resetting the Talent Balance*. Moscow: The Boston Consulting Group. (In Russ.)

Гидденс Э. Социология. М. : Едиториал УРСС, 2005.

Giddens A. (2005) *Sociology*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Гимпельсон В. Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129—143. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143>.

Gimpelson V. (2016) *Does the Russian Economy Need Human Capital? Ten Doubt*. *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. P. 129—143. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143>. (In Russ.)

Горшков М. К., Батыков И. В., Батыкова А. В., Быков А. В., Голиусова Ю. В., Гришина М. А., Демиденко С. Ю., Епихина Ю. Б., Сушко П. Е., Чередниченко Г. А., Черныш М. Ф., Шилова В. А. Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении / под ред. М. К. Горшкова. М. : Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2017. <https://doi.org/10.19181/inab.2017.2>.

Gorshkov M. K., Batykov I. V., Batykova A. V., Bykov A. V., Goliusova Yu. V., Grishina M. A., Demidenko S. Yu., Epikhina J. B., Sushko P. E., Cherednichenko G. A., Chernysh M. F., Shilova V. A. (2017) Youth Employment in the Motivational and Structural Dimensions. Moscow: Institute of Sociology of the FCTAS RAS. <https://doi.org/10.19181/inab.2017.2>. (In Russ.)

Дудина В. И. Экспертные культуры и скрытая учебная программа в высшем образовании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 2. С. 93—109.

Dudina V. I. (2005) Expert Cultures and the Hidden Training Program in the Higher Education. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 8. No. 2. P. 93—109. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Доклад // Ученые записки ФНИСЦ РАН. Вып. 7. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: исследование социокультурного механизма / отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 6—25. https://www.isras.ru/files/File/publ/Uchenye_zapiski_2020_7.pdf#page=6 (дата обращения: 08.06.2020).

Zubok Yu. A. (2020) Report. In: Gorshkov M. K. (ed.) Scientific Notes of the FCTAS RAS. Vol. 7. Moscow: FCTAS RAS. P. 6—25. https://www.isras.ru/files/File/publ/Uchenye_zapiski_2020_7.pdf#page=6 (дата обращения: 08.06.2020) (In Russ.)

Ильин В. И. Дауншифтинг как восходящая социальная мобильность // SocioTime / Социальное время. 2015. № 1. С. 78—91.

Ilyin V. I. (2015) Downshifting as Upward Social Mobility. *SocioTime*. No. 1. P. 78—91. (In Russ.)

Ильин В. И. Тренды профессиональной карьеры: между колеей и социальным серфингом // Модернизация российской экономики: прогнозы и реальность. Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (20 апреля 2017) / под ред. Д. В. Коврякова, О. В. Бургонова, Е. В. Ушакова, К. О. Кононова. СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2017. С. 269—276.

Ilyin V. I. (2017) Trends of Professional Career: Between Path Dependency and Social Surfing. In: Kovryakov D. V., Burgonov O. V., Ushakova E. V., Kononova K. O. (eds.) *Modernization of Russian Economy: Foresight and Reality. Collection of Scientific Papers of the IIIrd International Scientific and Practical Conference (April 20, 2017)*. Saint Petersburg: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics. P. 269—275. (In Russ.)

Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. Структура и функции молодежной самозанятости в регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19. № 4. С. 407—414. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-407-414>.

Kasatkina N. P., Shumkova N. V. (2019) The Structure and Functions of Youth Self-Employment in the Region. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Vol. 19. No. 4. P. 407—414. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-407-414>. (In Russ.)

Клячко Т. Л. Последствия и риски реформ в российском высшем образовании. М.: Дело, 2017.

Klyachko T. L. (2017) The Consequences and Risks of Reforms in Russian Higher Education. Moscow: Delo. (In Russ.)

Ключарев Г. А., Кофанова Е. Н. Самообразование как адаптационный ресурс // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2016. С. 282—308.

Klyucharev G. A., Kofanova E. N. (2016) Self-Education as an Adaptation Resource. In: Gorshkov M. K. (ed.) *Russia Reforming: A Yearbook. No. 14*. Moscow: New Chronograph. P. 282—308. (In Russ.)

Двенадцать решений для нового образования: Доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики / под общ. ред. Я. И. Кузьминова, И. Д. Фрумина. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1848-9>.

Kuzminov Ya. I., Frumin I. D. (eds.) Twelve Solutions for a New Education: Report by the Center for Strategic Research and the Higher School of Economics. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2018. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1848-9>. (In Russ.)

Малова М. М. Роль «мягких» навыков в современной профессиональной деятельности // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2019. № 4. С. 150—165. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2019.4.10>.

Malova M. M. (2019) The Meaning of Soft Skills in the Modern Professional Career. *Vestnik of Samara State Technical University. The Series: Psychology and Pedagogics*. No. 4. P. 150—165. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2019.4.10>. (In Russ.)

Нефедова Г. М. Специфика интеграции формального, неформального и информального образования // Научно-педагогическое обозрение. 2017. Т. 17. № 3. С. 127—133. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2017-3-127-133>.

Nefedova G. M. (2017) Specifics of Integration of Formal, Non-Formal and Informal Education. *Pedagogical Review*. Vol. 17. No. 3. P. 127—133. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2017-3-127-133>. (In Russ.)

Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А., Крупец Я. Н. Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. Т. 7. № 10. С. 9—25.

Omelchenko E. L., Sabirova G. A., Krupets Ya. N. (2015) Social Mobility of Youth in the Focus of Triple Reflection. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 7. No. 10. P. 9—25. (In Russ.)

Пеккер П. Л. Востребованность онлайн курсов в России // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Т. 12. № 4. С. 73—78.

Pekker P. L. (2016) Demand for Online Courses in Russia. *Modern Information Technologies and IT-Education*. Vol. 12. No. 4. P. 73—80. (In Russ.)

Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М. : Издательский дом «Секрет фирмы», 2005.

Pink D. H. (2005) *Free Agent Nation: How Americans New Independent Workers Are Transforming the Way We Live*. Moscow: The Firm's Secret Publishing House. (In Russ.)

Попов Д. С., Стрельникова А. В. Работа, образование и грамотность в России: проблема неконсистентности // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 267—280. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-267-280>.

Popov D. S., Strelnikova A. V. (2017) Work, Education and Literacy in Russian Society: The Problem of Inconsistency. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 2. P. 267—280. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-267-280>. (In Russ.)

Прахов И. А. Барьеры доступа к качественному высшему образованию в условиях ЕГЭ: семья и школа как сдерживающие факторы // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 88—117. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-88-117>.

Prakhov I. A. (2015) Barriers Limiting Access to Quality Higher Education in the Context of the USE: Family and School as Constraining Factors. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 88—117. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-88-117>. (In Russ.)

Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Soft Skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 350—363. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-350-363>.

Raitskaya L. K., Tikhonova E. V. (2018) Perceptions of soft skills by Russia's university lecturers and students in the context of the world experience. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Vol. 15. No. 3. P. 350—363. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-350-363>. (In Russ.)

Рошин С. Ю., Рудаков В. Н. Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 74—95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-8-74-95>.

Roshchin S. Yu., Rudakov V. N. (2016) The Impact of University Quality on Wages of Russian University Graduates. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. P. 74—95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-8-74-95>. (In Russ.)

Рошина Я. М., Рошин С. Ю., Рудаков В. Н. Спрос на массовые открытые онлайн-курсы (МООС) опыт российского образования // Вопросы образования. 2018. № 1. С. 174—199. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-1-174-199>.

Roshchina Ya. M., Roshchin S. Yu., Rudakov V. N. (2018) The Demand for Massive Open Online Courses (MOOC): Evidence from Russian Education. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 174—199. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-1-174-199>. (In Russ.)

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014.

Standing G. (2014) *The Precariat: The New Dangerous Class*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Стребков, Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009—2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). Вып. 16. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.

Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Spirina M. O. (2015) Development of the Russian-Speaking Market of Remote Work, 2009—2014 (Based on Data of the Russian Freelancers' Census). Vol. 16. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Стребков Д. О., Шевчук А. В., Спирина М. О. Самостоятельная занятость на рынке удаленной работы: распространение инновационной трудовой практики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 89—106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.06>.

Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Spirina M. O. (2016) Self-Employment in the Remote Work Market: Diffusion of Innovative Labor Practice. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 89—106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.06>. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 140—165. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462>.

Tikhonova N. E. (2017) Human Capital of Professionals and Managers: The Condition and Dynamic. *Bulletin of the Institute of Sociology*. No. 21. P. 140—165. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.462>. (In Russ.)

Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова и П. Хановой; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Дело, 2018.

Fuller S. (2018) *The Sociology of Intellectual Life: The Career of the Mind in and Around the Academy*. Moscow: Delo. (In Russ.)

Хэнди Ч. Время безрассудства: Искусство управления в организации будущего / пер. с англ. Т. Виноградова, Л. Царук; под общ. ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2001.

Handy Ch. R. (2001) *The Age of Unreason*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Arthur M. B., Rousseau D. M. (1996) Introduction: The Boundaryless Career as a New Employment Principle. In: Arthur M. B., Rousseau D. M. (eds.) *The Boundaryless Career: A New Employment Principle for a New Organizational Era*. Oxford: Oxford University Press. P. 3—20.

Atkinson J. (1985) Flexibility, Uncertainty and Manpower Management (IMS Report No. 89). Brighton: Institute of Manpower Studies.

Briscoe J. P., Hall D. T. (2006) The Interplay of Boundaryless and Protean Careers: Combinations and Implications. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 69. No. 1. P. 4—18. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2005.09.002>.

Hall D. T., Mirvis P. H. (1995) The New Career Contract: Developing the Whole Person at Midlife and Beyond. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 47. No. 3. P. 269—289. <https://doi.org/10.1006/jvbe.1995.0004>.

Heijke H., Meng C., Ramaekers G. (2002) An Investigation into the Role of Human Capital Competences and their Pay-Off. *International Journal of Manpower*. Vol. 24. No. 7. P. 750—773. <https://doi.org/10.1108/01437720310502113>.

Lippman L. H., Ryberg R., Carney R., Moore K. A. (2015) Workforce Connections: Key 'Soft Skills' that Foster Youth Workforce Success: Toward a Consensus across Fields. Washington, DC: Child Trends. URL: <https://www.childtrends.org/wp-content/uploads/2015/06/2015-24WFCSoftSkills1.pdf> (дата обращения: 07.06.2020).

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): май — июнь 2020 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 224—246.

For citation:

Public opinion poll (VCIOM): May — June 2020. (2020) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 224—246.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: МАЙ — ИЮНЬ 2020

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	225
ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ: МНЕНИЕ СТОРОННИКОВ ОСНОВНЫХ ПАРТИЙ	228
ГОЛОСОВАНИЕ ПО ПОПРАВКАМ К КОНСТИТУЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКЗИТПОЛА ВЦИОМ	230

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВАКЦИНАЦИЯ ПРОТИВ COVID-2019: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОЖИДАНИЯ	232
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ВЫВОЗ МУСОРА: МОНИТОРИНГ	234
ЕДИНЫЙ ГОСЭКЗАМЕН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	236

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ДОСТАВКА КАК СПАСЕНИЕ	240
ОТЦЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ	243
СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ	246

ПОЛИТИКА

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	225
ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ: МНЕНИЕ СТОРОННИКОВ ОСНОВНЫХ ПАРТИЙ.....	228
ГОЛОСОВАНИЕ ПО ПОПРАВКАМ К КОНСТИТУЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКЗИТПОЛА ВЦИОМ.....	230

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

29 мая и 15 июня 2020 г.

О существовании Центральной избирательной комиссии (ЦИК) знает большинство россиян — 88%. 36% россиян считают ЦИК главным органом, обеспечивающим соблюдение избирательных прав граждан, а 33% полагают, что он играет важную роль в обеспечении соблюдения избирательных прав граждан наравне с другими. По мнению большинства россиян, ЦИК хорошо справляется со своими задачами (71%—75%). Говоря о добровольности посещения общероссийского голосования по поправкам к Конституции РФ, большинство планирующих принять участие считают, что люди будут приходить по собственной инициативе — 82%. Только 14% сообщают, что большинство пойдет голосовать по чужому указанию. Результаты голосования будут достоверными — уверены 42% россиян, декларирующих участие в голосовании. 24% верят в наличие подтасовок на местах, но не рассматривают их как способные повлиять на результаты голосования в целом. Четверть (25%), напротив, предполагают, что результатам этого голосования доверять не следует.

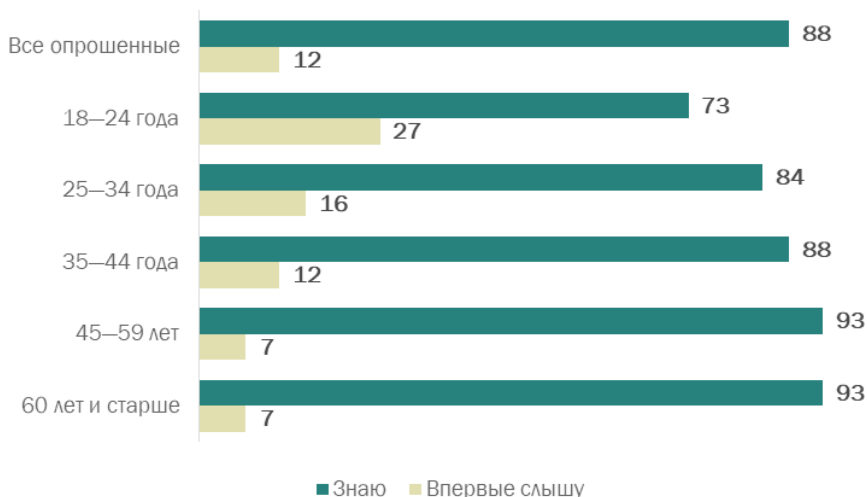

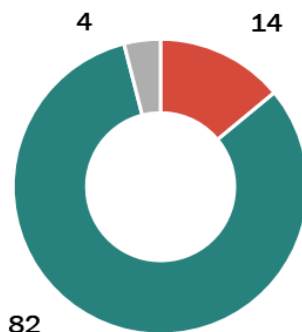
Рис. 1. Скажите, пожалуйста, Вы знаете или не знаете о существовании такого органа, как Центральная избирательная комиссия (сокращенно — ЦИК РФ)? (май 2020 г., закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 1. Как Вам кажется, какую роль играет Центральная избирательная комиссия в обеспечении избирательных прав граждан? (май 2020 г., закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Обязательно хожу на все выборы	Иногда хожу	Принципиально не хожу на выборы	Затрудняюсь ответить
ЦИК — это главный орган, обеспечивающий соблюдение избирательных прав граждан	36	43	33	17	34
ЦИК играет важную роль в обеспечении избирательных прав граждан наряду с другими органами	33	32	36	21	40
ЦИК не играет значительной роли в обеспечении избирательных прав граждан	21	16	20	46	5
Затрудняюсь ответить	10	9	11	16	21

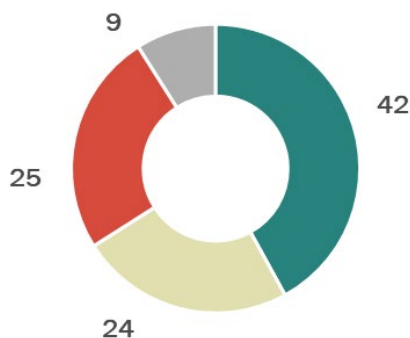
Таблица 2. По Вашему мнению, как ЦИК справляется с решением следующих задач? Если Вы не знаете о том, как ЦИК занимается решением этих задач или Вам сложно оценить ее работу, то так об этом и скажите (май 2020 г., закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

	Скорее хорошо	Скорее плохо	Не знают о ЦИК / Затруднились ответить
Информирует россиян о самих выборах	75	8	17
Информирует россиян о дате проведения голосования	74	6	20
Информирует россиян о возможных способах голосования	73	10	17
Информирует об организации выборов, местах расположения участков	71	11	18

- Большинство людей придет по указанию, принуждению
- Большинство людей придет добровольно, по собственной инициативе
- Затрудняюсь ответить

Рис. 2. Одни считают, что на общероссийское голосование по поправкам к Конституции РФ большинство людей придет добровольно, по собственной инициативе. Другие считают, что на голосование большинство людей придет по указанию, принуждению. С каким мнением Вы в большей степени согласны?
(закрытый вопрос, один ответ, % от декларирующих участие в голосовании)

- Думаю, что результаты голосования будут достоверными, соответствующими реальному голосованию
- Какие-то подтасовки на «местах», скорее всего, будут, но они не повлияют на результаты голосования в целом
- Думаю, что результатам этого голосования доверять не следует, они не будут соответствовать реальному голосованию
- Затрудняюсь ответить

Рис. 3. С каким из утверждений Вы в большей степени согласны?
(закрытый вопрос, один ответ, % от декларирующих участие в голосовании)

ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ: МНЕНИЕ СТОРОННИКОВ ОСНОВНЫХ ПАРТИЙ

2 июня 2020 г.

В общероссийском голосовании по внесению изменений в Конституцию, которое состоится 1 июля 2020 года, планируют принять участие 67 % россиян. Участие декларируют 78 % сторонников «Единой России», 74 % — «Справедливой России», 71 % — КПРФ, и 64 % сторонников ЛДПР. Несмотря на призыв ЦК КПРФ голосовать против внесения поправок, электорат Компартии разделился почти напололам, при этом сторонники голосования «за» поправки даже немного доминируют: 43 % опрошенных высказались «за» внесение изменений к Основному закону, 39 % — «против». Такая поляризация отмечена только среди избирателей-коммунистов, электораты других партий выглядят более монолитными.

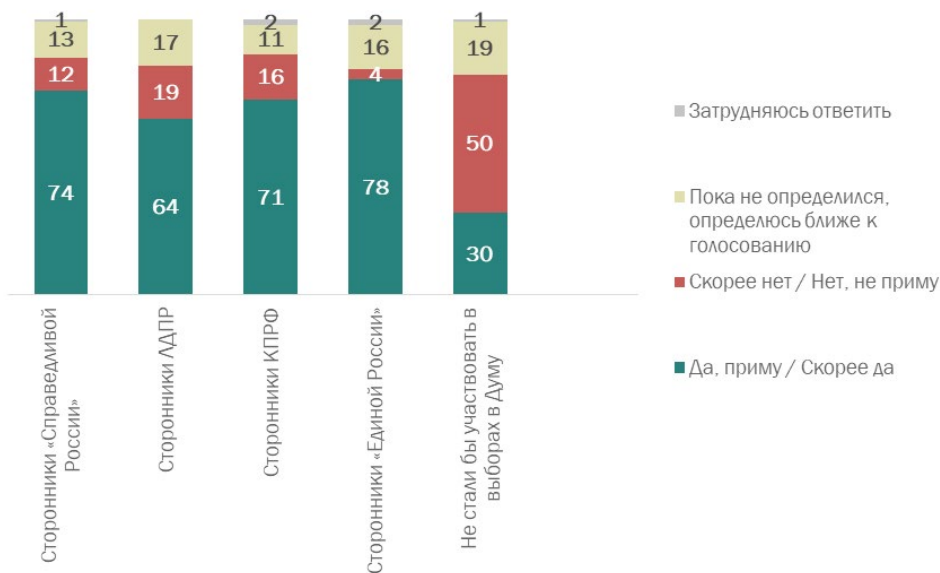

Рис. 4. Как Вы думаете, Вы примете или не примете участие в общероссийском голосовании по внесению изменений в Конституцию, которое состоится 1 июля?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

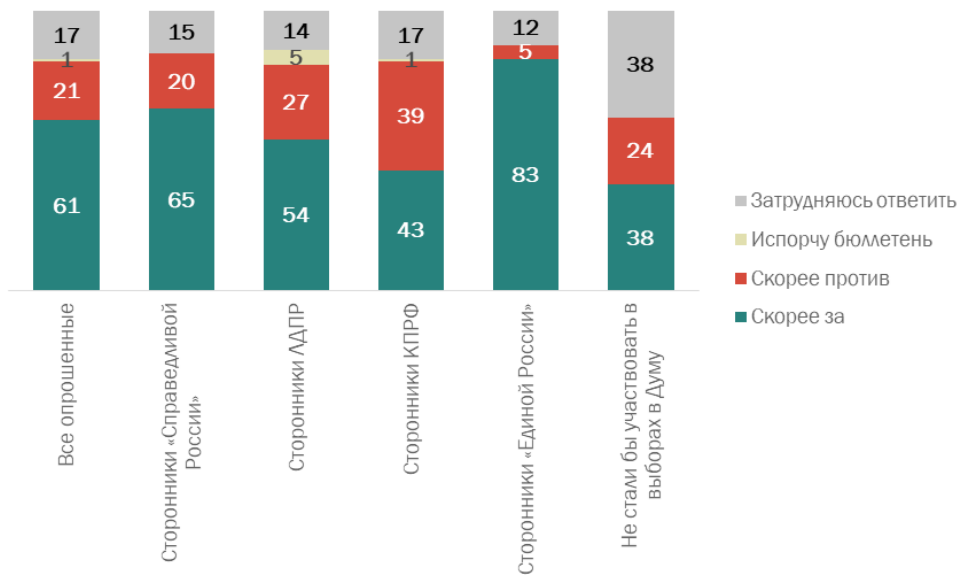

Рис. 5. Если Вы примете участие в общероссийском голосовании по внесению изменений в Конституцию, то Вы скорее проголосуете за или против предложенных изменений? (закрытый вопрос, один ответ, в % от декларирующих участие)

ГОЛОСОВАНИЕ ПО ПОПРАВКАМ К КОНСТИТУЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКЗИТПОЛА ВЦИОМ

1 июля 2020 г.

Согласно результатам экзитпола ВЦИОМ¹, среди ответивших на вопросы интервьюеров в поддержку поправок в основной закон страны высказались 71,2% россиян. Против поправок проголосовали, по данным экзитпола ВЦИОМ, 28,3% ответивших на вопрос россиян. Наиболее высокая поддержка по поправкам к Конституции зафиксирована в Южном федеральном округе (75,6% — «за» поправки, «против» — 24%), в Сибирском федеральном округе это соотношение составляет 70,1%/29,4%, в Санкт-Петербурге — 69,6%/30,1%, в Северо-Западном федеральном округе — 69,3%/30,3%, в Дальневосточном федеральном округе — 67,5%/31,3%.

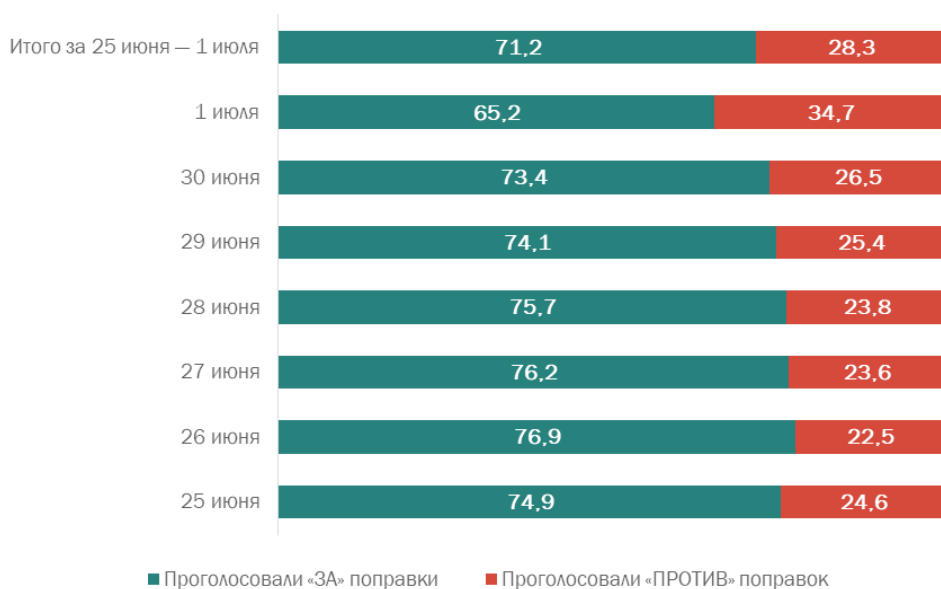

Рис. 6. Вы голосовали «ЗА» поправки к Конституции или «ПРОТИВ» поправок?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от ответивших; на графике не указаны испортившие бюллетень респонденты, доля которых колеблется от 0,1% до 0,6%)

¹ По заказу Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) ВЦИОМ провел опрос на выходе с избирательных участков (экзитпол) на голосовании по поправкам в Конституцию РФ. Опрос проводился на 800 избирательных участках в 25 субъектах РФ. На выходе с избирательного участка интервьюеры ВЦИОМ предлагали пройти анонимный опрос. Задавался вопрос о том, как проголосовал респондент — «за» или «против» поправок к Конституции Российской Федерации. Всего в опросе приняли участие 445 345 человек. Ответили на вопрос 69,9% респондентов, отказались от ответа — 30,1%.

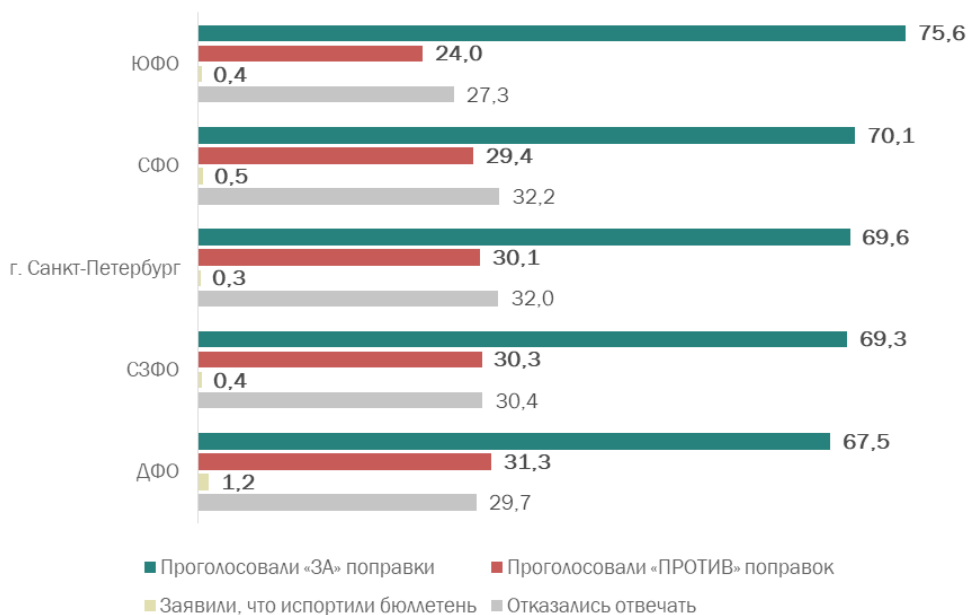

Рис. 7. Вы голосовали «ЗА» поправки к Конституции или «ПРОТИВ» поправок?
*(закрытый вопрос, один ответ, в % от ответивших;
 результаты экзитпола по регионам России на 1 июля)*

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВАКЦИНАЦИЯ ПРОТИВ COVID-2019: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОЖИДАНИЯ	232
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ВЫВОЗ МУСОРА: МОНИТОРИНГ	234
ЕДИНЫЙ ГОСЭКЗАМЕН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	236

ВАКЦИНАЦИЯ ПРОТИВ COVID-2019: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОЖИДАНИЯ²

13 мая 2020 г.

Вакцинация от коронавируса должна быть добровольной — считает большинство опрошенных (70%). Каждый пятый (21%) высказался за проведение обязательной вакцинации в случае появления вакцины с доказанной эффективностью. Более половины россиян (59%) потенциально заинтересованы в прохождении вакцинации, при этом каждый четвертый (26%) декларирует крайнюю степень уверенности в том, что сделал бы такую прививку. Готовность сделать прививку против коронавируса выше среди мужчин (63%), молодежи 18—24 лет (68%) и респондентов в возрасте 45 лет и старше (63% среди опрошенных 45—59 лет и 70% в группе 60+). Россияне, готовые сделать прививку от коронавируса, выражают следующие предпочтения по стране — производителю вакцины: 47% наших соотечественников предпочли бы российского производителя, 12% — иностранного, а более трети сообщили, что для них не имеет значения, чье производства вакцина (37%).

Рис. 1. В настоящее время в разных лабораториях идет разработка вакцин против коронавируса. Если бы появилась вакцина с доказанной эффективностью, по Вашему мнению, в нашей стране следовало бы или не следовало проводить вакцинацию населения против коронавируса? Если следовало бы, то на какой основе — обязательной или добровольной? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

² Опрос проведен по заказу ООО «Октагон Медиа». При реализации проекта было использовано экспертное решение ВЦИОМ «Публичное социальное исследование».

Таблица 1. Если бы в России появилась вакцина против коронавируса, стали бы Вы делать прививку от коронавируса себе либо членам семьи или нет? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Мужчины	Женщины	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и старше
Точно стал(а) бы делать такую прививку себе, членам семьи	26	30	21	30	18	19	25	35
Скорее стал(а) бы делать такую прививку себе, членам семьи	33	33	30	38	29	27	38	35
Скорее не стал(а) бы делать такую прививку себе, членам семьи	18	14	21	16	26	24	15	11
Точно не стал(а) бы делать такую прививку себе, членам семьи	17	17	17	13	21	25	14	13
Затрудняюсь ответить	6	5	7	2	6	5	7	7

Рис. 2. Если бы для вакцинации от коронавируса были доступны на выбор вакцины разного производства, то какую прививку Вы предпочли бы сделать — российского или иностранного производства? (закрытый вопрос, один ответ, в % от тех, кто точно или скорее стал бы делать прививку от коронавируса — 59% опрошенных)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ВЫВОЗ МУСОРА: МОНИТОРИНГ

3 июня 2020 г.

Практически две трети россиян оценивают экологическую обстановку в своем месте проживания как в целом благополучную или скорее благополучную — 64%, +5 п. п. по сравнению с январем 2020 г. Чаще так считают жители двух столиц (69%), сёл (69%) и городов с населением менее 100 тыс. жителей (68%). Мнения, что экологическая ситуация в регионе их проживания скорее неблагоприятная, придерживаются 34% наших соотечественников. Также две трети россиян сообщают, что их устраивает организация сбора и вывоза мусора в их населенном пункте — 67%. Об этом чаще сообщают жители Москвы и Санкт-Петербурга (77%). Скорее не устраивает, как в их населенном пункте ведут работы по сбору и вывозу отходов, 32% россиян.

Рис. 3. Как бы Вы оценили экологическую обстановку в Вашем населенном пункте, местности? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 4. Как бы Вы оценили экологическую обстановку в Вашем населенном пункте, местности?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

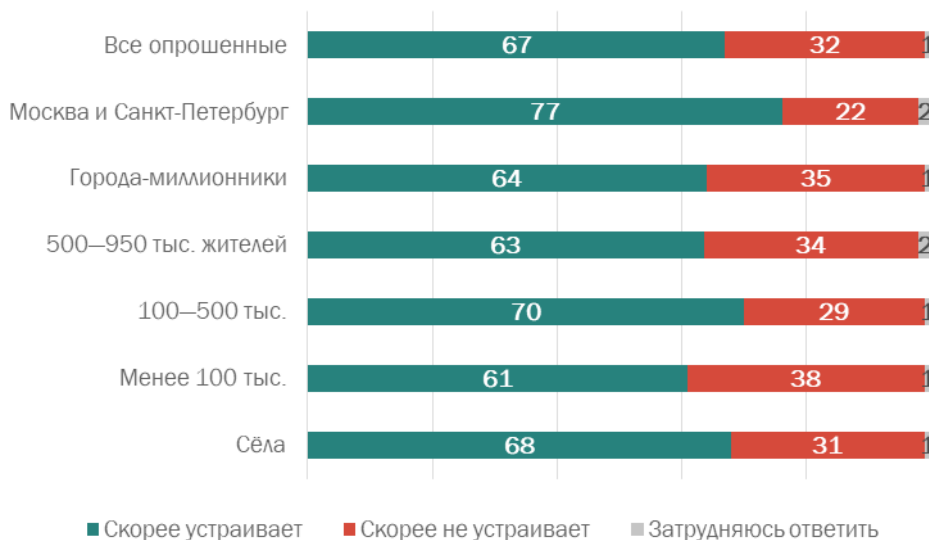

Рис. 5. Давайте поговорим о Вашем городе (поселке, селе). Скажите, пожалуйста, Вас устраивает или не устраивает то, как организован сбор и вывоз мусора, бытовых отходов в вашем городе (поселке, селе)? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ЕДИНЫЙ ГОСЭКЗАМЕН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

18—19 июня 2020 г.

Подавляющее большинство опрошенных осведомлены о ЕГЭ (не менее 85%), при этом многие знают о ЕГЭ из личного опыта. По мнению информированных о ЕГЭ россиян, основные преимущества выпускников этого года перед выпускниками прошлых лет в том, что у них больше времени на подготовку к экзамену (8%) и есть возможность получить аттестат без ЕГЭ (6%). Среди основных трудностей, с которыми приходится сталкиваться сегодняшним выпускникам, — отсутствие живого общения с одноклассниками и учителями при дистанционном обучении (20%), в целом недостаточно хороший уровень подготовки к ЕГЭ в школе (14%), самостоятельное обучение и связанные с ним сложности с самодисциплиной (11%), а также технические проблемы с интернетом и компьютером (6%) и стресс (5%). Информированные о ЕГЭ респонденты в целом выразили поддержку мер по переносу даты начала экзаменов основного периода ЕГЭ на 3 июля, а также изменений в некоторых условиях проведения единого госэкзамена и выдачи аттестатов.

Рис. 6. Скажите, пожалуйста, известно ли Вам что-либо о Едином государственном экзамене (ЕГЭ) или нет? И если известно, откуда Вы о нем знаете?
(закрытый вопрос, любое число ответов, в % от всех опрошенных)

*Рис. 7. Какие преимущества есть у выпускников этого года при подготовке к ЕГЭ, по сравнению с выпускниками прошлых лет?
(открытый вопрос, до трех ответов, % от всех информированных о ЕГЭ в той или иной степени)*

Рис. 8. Как Вам кажется, в целом в текущей ситуации с какими основными трудностями сталкиваются выпускники 11-х классов при подготовке к ЕГЭ? (открытый вопрос, до трех ответов, % от всех информированных о ЕГЭ в той или иной степени)

Рис. 9. В этом году из-за вспышки коронавируса начало ЕГЭ перенесли на 3 июля, временно изменив условия организации экзаменов и выдачи аттестатов. Изменение первое. Все выпускники получают аттестаты на основании среднего балла по каждому предмету, без учета результатов ЕГЭ. Поддерживаете это изменение или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто знает о ЕГЭ из личного опыта/из СМИ/от знакомых)

Рис. 10. Изменение второе. ЕГЭ сдают только выпускники, поступающие в ВЫСШИЕ учебные заведения, чтобы сохранить возможность подать документы в вузы любых городов, оставаясь дома. Поддерживаете это изменение или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто знает о ЕГЭ из личного опыта/из СМИ/от знакомых)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ДОСТАВКА КАК СПАСЕНИЕ	240
ОТЦЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ	243
СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ.....	246

ДОСТАВКА КАК СПАСЕНИЕ

3 мая 2020 г.

На сегодняшний день практически половина россиян с различной периодичностью пользуется услугами доставки товаров на дом или на работу (48%). За последние несколько месяцев каждый пятый стал пользоваться доставкой чаще (22%), преимущественно молодые люди 18—24 лет (33%). За последний месяц каждый третий (32%) среди тех, кто пользуется услугами доставки, заказывал на дом или на работу готовую еду. Продукты питания заказывали 18%, бытовую технику или электронику — 16%, а одежду, обувь и товары для дома (в том числе мебель) — по 13% пользователей услугами доставки. Среди тех, кто заказывал доставку за последний месяц, абсолютное большинство остались довольны (91%). По окончании режима самоизоляции абсолютное большинство россиян, пользующихся услугами доставки товаров, планируют сохранить эту практику. Только 7% сообщили об обратном.

Рис. 1. Иногда покупатели оплачивают не только саму покупку, но и доставку этой покупки из магазина. Подскажите, пожалуйста, как часто Вы пользуетесь доставкой на дом или к себе на работу? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных; ежедневно пользуются доставкой 0%)

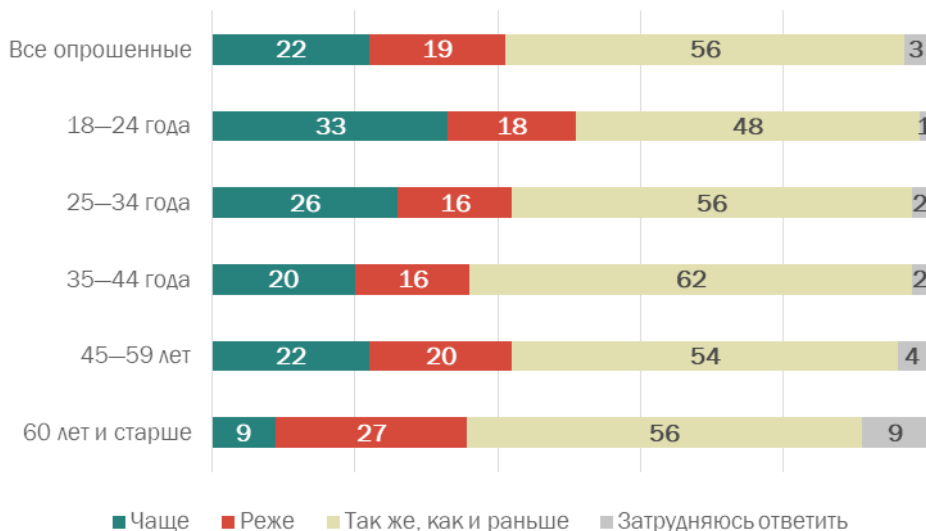

Рис. 2. Скажите, за последние два месяца Вы стали чаще или реже пользоваться услугами доставки, или пользуетесь доставкой так же, как и раньше?
(закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто пользовался доставкой)

Рис. 3. Припомните, пожалуйста, что именно Вы заказывали с доставкой домой или на работу за последний месяц?
(закрытый вопрос, любое число ответов, % от тех, кто пользовался доставкой; затруднились ответить 0 %)

Рис. 4. Вы в целом довольны или недовольны услугами доставки Ваших заказов за последний месяц? (закрытый вопрос, один ответ, % тех, кто пользовался доставкой за последний месяц; затруднились ответить 0%)

Рис. 5. Вы планируете или не планируете пользоваться услугами доставки, когда режим самоизоляции будет снят и будет сведена к минимуму угроза распространения коронавируса? Если планируете пользоваться доставкой, то чаще, реже или так же, как сейчас? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто пользовался доставкой)

ОТЦЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

16 июня 2020 г.

Отношения между отцами и детьми в наших семьях постепенно улучшаются, полагают россияне. 68% россиян согласны, что сегодня отцы стали чаще прислушиваться к точке зрения ребенка. Не согласны с ними 22%. Современные отцы больше интересуются жизнью своих детей (62%, против 30%), чаще говорят о любви к своим детям (59%, против 28%). Отношения между отцами и детьми, по мнению более половины россиян (57%), стали более доверительными. Отец воспринимается нашими соотечественниками как «ответственный», если он имеет возможность материально обеспечить семью, приобретать необходимое (36%), уделять ребенку время, обучать его прикладным навыкам и передавать знания (35%), учить решать конфликты и находить решения в сложных ситуациях (28%). Только 7% россиян считают, что биологический отец в случае развода и вступления матери детей в новый брак не должен вмешиваться в жизнь новой семьи, и его вклад в воспитание детей должен ограничиться выплатой алиментов. Подавляющее большинство (82%) же считает, что в случае развода для ребенка очень важно видеться с отцом, проводить с ним время.

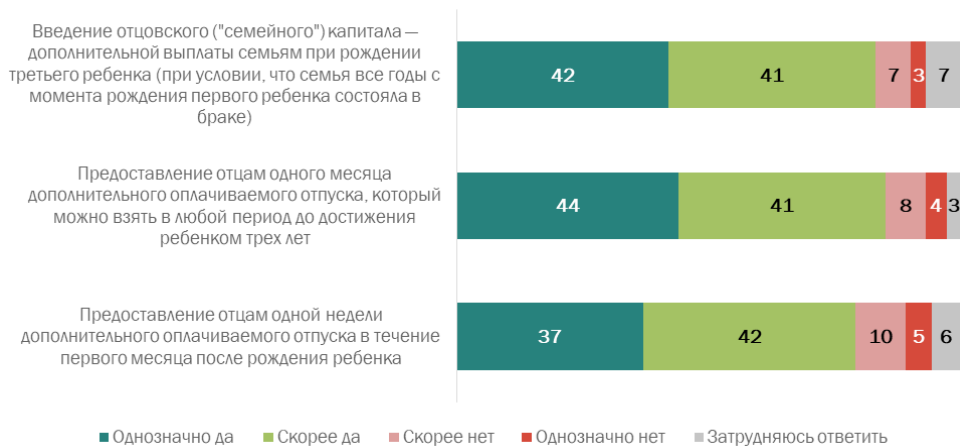

Рис. 6. В последние годы рассматривается ряд инициатив, направленных на поддержку отцов. Как Вы считаете, если следующие меры будут приняты, то они будут или не будут способствовать укреплению семьи? (закрытый вопрос, один ответ по строке, % от всех опрошенных)

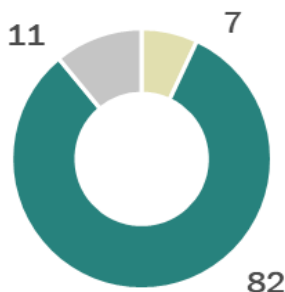

Рис. 7. Вечная проблема «отцов и детей» вряд ли когда-либо полностью утратит свою актуальность. Но в этих взаимоотношениях происходят определенные изменения. Согласны Вы или не согласны со следующими высказываниями (если сравнивать с тем, как складывались отношения между Вами и Вашим отцом, а если у Вас еще нет своих детей — между Вашим отцом и бабушкой)? (закрытый вопрос, один ответ по строке, % от всех опрошенных)

Таблица 1. В последние годы много говорится об «ответственном родительстве». Что из перечисленного в первую очередь позволяет сказать, что отец ответственно относится к воспитанию детей? (закрытый вопрос, до трех ответов, % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	18—24	25—34	35—44	45—59	60 лет и старше
Хорошо материально обеспечивает семью, возможность приобретения всего необходимого	36	38	37	38	35	33
Занимается с ребенком в свободное время развивающими играми, обучает каким-либо прикладным навыкам, передает свои знания и тому подобное	35	32	39	36	37	28
Учит ребенка, как решать конфликты, находить решения в сложных ситуациях и тому подобное	28	45	26	36	28	19
Активно вникает в образовательный процесс, помогает с выполнением домашних заданий	26	29	29	28	27	21

	Все опрошенные	18—24	25—34	35—44	45—59	60 лет и старше
Прививает навыки здорового образа жизни (следит за правильным питанием, режимом дня и тому подобное)	25	16	30	31	28	18
Интересуется личной жизнью ребенка	24	37	26	31	21	16
Заботится о физическом развитии ребенка	23	21	22	25	22	25
Водит ребенка в театры, музеи, на спортивные состязания, выставки и тому подобное	20	21	23	21	20	16
Другое (запишите)	4	6	4	1	5	6
Ничего из перечисленного	2	1	0	1	3	4
Затрудняюсь ответить	10	7	8	4	8	18

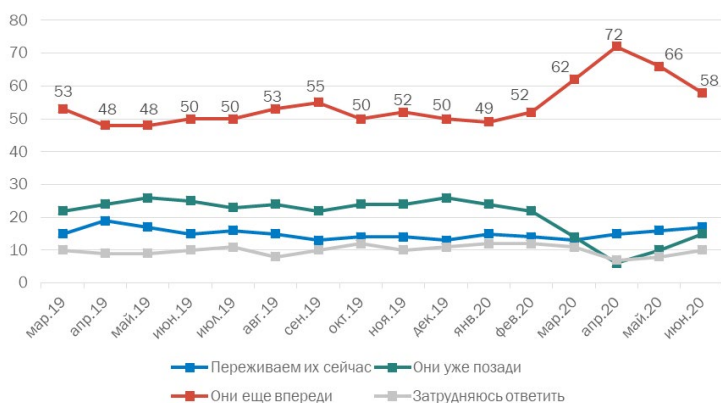
- Биологический отец не должен вмешиваться в жизнь новой семьи, и его вклад в воспитание ребенка должен ограничиваться выплатой алиментов
- В случае развода родителей для ребенка очень важно постоянно видеться со своим биологическим отцом, проводить с ним время
- Затрудняюсь ответить

Рис. 8. Ситуации в семьях складываются по-разному, некоторые семьи распадаются, женщина с детьми вновь может выйти замуж. Одни считают, что биологический отец не должен вмешиваться в жизнь такой семьи и его вклад в воспитание ребенка должен ограничиваться выплатой алиментов. Другие считают, что для ребенка очень важно постоянно видеться со своим биологическим отцом, проводить с ним время. Какая из этих точек зрения Вам более близка? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

19 июня 2020 г.

По данным мониторингового опроса ВЦИОМ, Индекс социальных ожиданий³ россиян относительно будущего страны достиг отметки –60 п. п. С момента введения всеобщего режима самоизоляции в нашей стране это один из лучших показателей. Пик негативных оценок был зафиксирован в апреле текущего года, когда Индекс социальных ожиданий россиян снизился до –81 п. п. На 5 п. п. выросла доля россиян, считающих, что тяжелые времена уже позади (с 10% в мае до 15% в текущей опросной волне). Практически каждый пятый россиянин (17%) считает, что сейчас страна переживает самые тяжелые времена (+1 п. п. с прошлой опросной волны). На 8 п. п. пунктов снизилась доля тех, кто придерживается мнения, что тяжелые времена для нашей страны еще впереди (с 66% в мае до 58% в текущей опросной волне).

Индекс оптимизма

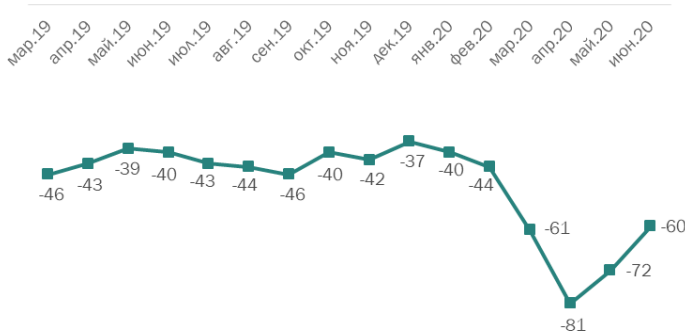

Рис. 9—10. Есть разные точки зрения по поводу экономического кризиса в нашей стране. Как Вы думаете, мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, или они позади, или еще впереди? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

³ Индекс социальных ожиданий показывает, насколько оптимистично россияне оценивают будущее страны. Показатель рассчитывается как разность между ответом «они уже позади» и суммой ответов «переживаем их сейчас» и «они еще впереди». Индекс может принимать значение от –100 до 100 пунктов. Чем выше значение индекса, тем оптимистичнее выглядят перспективы России. Нулевое значение фиксирует баланс оптимистичных и пессимистичных прогнозов.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1617

Г. Я. Гузельбаева, М. М. Мchedlova

МУСУЛЬМАНСКИЕ СООБЩЕСТВА В КАЗАНИ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА: ПРИЧИНЫ ПОДЪЕМА И СПАДА ИСЛАМСКОГО МОЛОДЕЖНОГО АКТИВИЗМА

Правильная ссылка на статью:

Гузельбаева Г. Я., Мchedlova М. М. Мусульманские сообщества в Казани начала XXI века: причины подъема и спада исламского молодежного активизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 247—268. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1617>.

For citation:

Guzelbaeva G. Y., Mchedlova M. M. (2020) Kazan Muslim Communities at the Beginning of the 21st Century: Causes of the Rise and Fall of Islamic Youth Activism. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 247—268. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1617>.

МУСУЛЬМАНСКИЕ СООБЩЕСТВА В КАЗАНИ НАЧАЛА XXI ВЕКА: ПРИЧИНЫ ПОДЪЕМА И СПАДА ИСЛАМСКОГО МОЛОДЕЖНОГО АКТИВИЗМА

ГУЗЕЛЬБАЕВА Гузель Яхиевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук, Казанский федеральный университет, Казань, Россия

E-MAIL: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9123-1124>

МЧЕДЛОВА Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе», Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: mchedlova-mm@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4635-1741>

Аннотация. Современность побуждает к переосмыслению традиционных интерпретаций общества и политики в контексте секулярной парадигмы. Многообразие форм возвращения религии в публичную сферу, пересечение институционального и неинституционального аспекта имплицитно определяют возникновение новых социальных форм гражданской активности, фокусирующихся вокруг религиозных референтов. Социологические исследования последнего десятилетия позволяют утверждать, что среди татарского населения, традиционно исповедующего ислам, эти процессы в значительной степени затронули молодежь. Примерами инициативных групп Казани являются объединения «Сознание»

KAZAN MUSLIM COMMUNITIES AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: CAUSES OF THE RISE AND FALL OF ISLAMIC YOUTH ACTIVISM

Guzel Ya. GUZELBAEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social Science and Philosophy

E-MAIL: Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9123-1124>

Maria M. MCHEDLOVA^{2,3} — Dr. Sci. (Polit.), Full Professor, Head of the Department of Comparative Politics; Principal Researcher at the “Religion in Contemporary Society” Center

E-MAIL: mchedlova-mm@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4635-1741>

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russia

² RUDN University, Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Modernity encourages rethinking the conventional interpretations of society and politics within a secular paradigm. Multiple forms of return of religion to the public sphere, the intersection of institutional and non-institutional aspects suggest new forms of religion-centered civic activism. Sociological studies in recent decade point out that this process has largely affected the Tatar youth traditionally professing Islam. Associations “Consciousness” and “Altyn Urta” set up by Muslim students in 2004-2012 are some examples of initiative groups in Kazan. The article is based on the in-depth interviews with their members conducted in 2012-2013 and 2018-2019 by the authors. At the height of religious revival, these asso-

и «Алтын Урта», созданные студентами-мусульманами в 2004—2012 гг. Глубинные интервью с их участниками, проведенные лично авторами в 2012—2013 и 2018—2019 гг., составляют основу данной статьи.

На пике религиозного возрождения эти объединения пересекли отведенную религии границу приватной сферы и стали осваивать публичное пространство, выстраивая свои стратегии в соответствии с исламскими представлениями. Созданные как инициативы снизу, организации сконцентрировали свою активность на уровне гражданского общества, не вступая на территорию государственных институтов и политических процессов. Их деятельность осуществлялась на пересечении религиозной и социальной сфер, а жизненные стратегии их участников выстраивались на таких принципах, как самоидентификация в качестве движения мейнстрима, которое имеет позитивный имидж и ассоциируется с трендовой тенденцией принадлежности к исламскому (глобальному) сообществу; амбициозное целеполагание, выходящее за узкогрупповые рамки; мобильность реакции на новые вызовы; отказ от иерархических патерналистских стратегий и тяготение к горизонтально-сетевым формам участия.

Наблюдающийся спад активности рассматриваемых организаций, их исключение из гражданского поля, сведение многообразной гражданской активности к узким направлениям поддержки татарской культуры и языка, потребностям семейной религиозной социализации обозначают проблемы более широкого плана. Они связаны со спецификой формата взаимоотно-

шений, пересекших границу религиозной приватной сферы и начавших активно исследовать публичное пространство, выстраивая новые стратегии в соответствии с исламскими верованиями. С этой инициативой снизу организации пытались сосредоточиться на своих гражданских активностях, не вмешиваясь в деятельность государственных институтов и политических активностей. Они проводили свои активностях на пересечении религиозной и социальной сфер. Жизненные стратегии их участников были основаны на следующих принципах: самоидентификация как массовое движение с позитивным имиджем и растущим трендом к самоидентификации как исламскому сообществу по всему миру; амбициозные цели, выходящие за пределы интересов узкой группы; быстрая реакция на вызовы; отказ от иерархических патерналистских стратегий с акцентом на горизонтальное участие.

Более широкие вопросы возникают из-за снижения активности этих организаций, их исключения из гражданского поля, сужения их многочисленных активностей до простого поддержания татарского языка и культуры и религиозной социализации в семье. Эти вопросы касаются специфики взаимоотношений между государством и обществом и между религией и обществом, уровней гражданской активности в России и эффективности жизненных стратегий, включающих религиозный ресурс.

шений между властью и обществом, между религией и обществом, уровнем социальной активности в России и эффективностью жизненных стратегий, включающих использование религиозного ресурса.

Ключевые слова: религия, современность, деприватизация религии, молодежь, исламские сообщества, жизненные стратегии молодежи, гражданский активизм

Keywords: religion, deprivatization of religion, youth, youth life strategy, civil activism, modernity, Muslim communities

Религия и «паблик»: место гражданского активизма

Конец XX и начало XXI веков отмечены тенденцией к ревитализации религии — возрождению индивидуальной веры и росту влияния религиозных институтов на публичную сферу. Актуализация и конкуренция различных форм присутствия религии в современном мире, проникновение религиозных интенций в институциональную и неинституциональную сферы формируют определенную исследовательскую призму интерпретации современного социально-политического устройства. Многообразие форм проявления религиозного фактора, не сводимого к единому знаменателю, породило и многообразие теоретических интерпретаций: отправными точками выступают переосмысление концептуальных рамок теории секуляризации, соотношение традиции и современности и принцип светскости. На крайних полюсах широкой вариативной интерпретативной шкалы находятся алармистские построения, связывающие архаику и клерикализацию, и абсолютизация религиозных оснований как стержнеобразующих в частной, политической, гражданской, правовой, социально-экономической и иных сферах. «Перетекание» религиозных смыслов из «церковной ограды» или области человеческой души в публичные пространства, в информационные поля, порождает реакции и осмысления сродни герменевтическим исследованиям: поиски религиозных смыслов становятся едва ли не самым распространенным занятием как для философа или социолога, так и для журналиста или студента, маркируя размывание казавшихся непреодолимыми институциональных и мировоззренческих границ [Религия в современной России, 2019].

Проблему новых форм присутствия религии в современном мире, ее новые «конstellляции» [Эйзенштадт, 2012], инкорпорацию в институциональную и неинституциональную сферы можно проинтерпретировать и как определенную оптику понимания современности. Питер Бергер приводит пример России как яркий случай того, что религиозные организации вновь вмешиваются в политические и социальные дела государства [Berger, 1999; Бергер, 2012], а отечественные социологи фиксируют высокие показатели самоидентификации россиян в качестве последователей определенных конфессий [Фурман, Каариайнен, Карпов, 2007; Синелина, 2009; Мчедлова, 2018]. «Религиозное возрождение» в российских

условиях проявляется в ряде ключевых параметров: религия и вера как таковая и связанный с ней пул проблем, деятельность религиозных институтов как субъектов политического целеполагания, религиозная идентичность как культурно-цивилизационная характеристика. На пересечении этих проявлений религиозного фактора, на стыке институционального и неинституционального контекстов возникают и новые социальные, мирские формы прежде всего гражданской активности, «вдохновленные» религиозными интенциями. Неслучайно возникает следующее постулирование: «Если ранее мы говорили о процессе секуляризации и утрате иллюзий социума как тенденции долговременной и неизбежной, то сейчас ей на смену приходит тенденция десекуляризации, основанная, в частности, на переоценке социальной значимости религии» [Berger, 2001].

Гражданская сфера может рассматриваться как формирующая в людях, прежде всего в молодежи, качества, способствующие накоплению социального капитала (одним из ярких примеров можно считать феномен «локального патриотизма», включающего в себя совокупность разнообразных гражданских и социальных практик и смыслов). Инструменты гражданского активизма, выполняющие в том числе солидаризирующую роль и способствующие действенности различных форм самоорганизации, направлены на канализацию общественных инициатив. Эти инструменты, помимо коллективного целеполагания, могут включать в себя и религиозные интенции [Гражданский сектор государственного управления, 2018]. Одновременно именно в условиях трансформации «знакового мира» поиск жизненных стратегий становится наиболее напряженным, особенно когда институциональные и ценностные координаты становятся «зыбкими» и непрочными. Насколько и в каких формах религиозный фактор в современных условиях становится механизмом или катализатором гражданской активности, вектором жизненных стратегий для молодежи, формирующей индивидуальное и общественное поведение? Этот вопрос может выступить в качестве отправной точки научного поиска.

Молодежь и религия: в поисках активной жизненной стратегии

В качестве кейса для конкретизации поставленных исследовательских гипотез были выбраны формы отклика мусульманской молодежи Республики Татарстан на религиозный подъем, который наблюдается в российском обществе с 1990-х годов. Расширение присутствия религиозных смыслов стало заметным в Республике Татарстан с середины 1990-х годов, когда восстанавливались и строились храмы, появились духовные учебные заведения, издавалась духовная литература, и все это происходило на фоне распространения религиозных практик среди жителей республики. Данные социологов показывают, что молодое поколение татар в этот период активно включилось в процессы религиозного возрождения, а степень их религиозности почти не зависела от уровня образования и места проживания; можно было говорить о заметной исламизации образованной молодежи в крупных городах Татарстана и росте ее социальной активности [Косач, 2007; Гузельбаева, 2014]. Республика Татарстан стала одним из центров возрождения традиционного российского ислама. Исламские вузы в диалоге со светскими и научными учреждениями начали играть заметную роль в формировании му-

сульманского самосознания и просвещения¹. Основным фокусом нашего исследовательского интереса стала молодежная активность и объединение молодых студентов-мусульман Татарстана в инициативные исламские сообщества, которые в 2004—2012 гг. осваивали публичное городское пространство. Объектом анализа выступила деятельность общественных организаций «Сознание» и «Алтын Урта» — самых ярких и влиятельных групп, самостоятельно созданных молодыми мусульманами Казани. Мы сконцентрировались на изучении основных направлений деятельности этих сообществ, их преимуществах по сравнению с официальными структурами, а также на слабых сторонах их работы и обстоятельствах прекращения публичной активности. Цель работы — охарактеризовать молодежные формы гражданской самоорганизации, использующие солидаризирующий религиозный ресурс, а также проанализировать их привлекательность, устойчивость, эффективность и причины спада активности.

Активная деятельность верующих мусульман России начала XXI века нечасто попадала в поле исследовательского интереса специалистов, скорее фокус изучения концентрировался на несколько иных сюжетах. В центре внимания находились женские организации [Гараев, 2019] и частные практики мусульманок [Sabirova, 2011; Karimova, 2013]. Мотивы самоорганизации студенческих исламских групп отражены в исследовании Р.А. Набиева [Набиев, 2007 ; 2014], но подробный анализ их деятельности, причин распада, преемственности поколений остается малоизученным.

Идея Х. Казановы о деприватизации религии в современном мире подразумевает процесс завоевания религией публичности, при котором она проникает в ранее закрытые для нее области, не связанные со сферой частной жизни индивида, а известные персонажи и общественные институты обращаются к религиозной теме [Casanova, 1994; 2008]. При этом религия переопределяет себя в трех основных областях: государство, политическая сфера и гражданское общество². Деятельность инициативных групп мусульманской молодежи, существовавших в Казани в 2005—2012 гг., — это проявление активности собственно в сфере гражданского общества. Молодые мусульмане стремились, чтобы индивидуальный религиозный выбор каждого был поддержан и подкреплен интересубъективным внутригрупповым общением, которое должно разворачиваться на публичной арене. Они хотели преодолеть то ограниченное положение, которое отводил религии XX век.

Молодежь становится объектом исследования, когда ее группы ведут себя как нарушители спокойствия, которые посягают на устоявшиеся ценности. Речь может идти не только о правонарушителях, но и о «взрывателях» культурных устоев и образцов. Как отмечает Е. Омельченко, интерес исследователей всегда обращен к этим так называемым группам риска — субкультурной молодежи (например, неформальным движениям, эпатажным субкультурам) и к маргинальной (делинквентной, безработной, бедной) молодежи. Таким образом, по отношению к молодому поколению среди «взрослых» существуют представления одновременно

¹ Так, именно в Республике Татарстан была создана Болгарская исламская академия — научно-богословский и образовательный центр всероссийского значения, учрежденный ведущими мусульманскими организациями России (ЦДУМ России, ДУМ Российской Федерации, ДУМ Республики Татарстан) в 2016 г. URL: <https://bolgar.academy> (дата обращения: 29.06.2020).

² Примерами новой публичности религии в государственной и политической сферах могут быть взаимодействия политических и религиозных лидеров, попытки влияния религиозных институтов, например, на школьную программу.

и о его инновативности, и о его потенциальной угрозе. Они смотрят на молодежь и с надеждой, и с тревогой [Омельченко, 2005].

Активность молодых людей ассоциируется с возможностью самореализации и самопрезентации. Для успешной жизненной стратегии, тем более для выхода группы на публичную сцену, необходимо соблюдение нескольких условий. Среди наиболее важных следует назвать наличие осознанных представлений и убеждений, побуждающих к активности, и осмысленных намерений относительно своего места в обществе [Зубок, Чупров, 2019]. Дополнительным условием, повышающим шансы молодежного сообщества на успех и популярность, выступает связь с более старшим поколением и заимствование его опыта. Последнее затруднено в силу того, что для молодых людей типична ситуация, когда одобрение со стороны группы сверстников становится более значимым, чем одобрение кого-то внешнего, более старшего. Действительно, российские исследования показывают, что молодежная активность рубежа первого и второго десятилетий 2000-х годов происходит часто без каких-либо социальных проводников, и это ведет к разрыву межпоколенческой коммуникации, отсутствию преемственности по отношению к предыдущему культурному опыту, поиску собственных интерпретаций смыслов и целей жизни [Омельченко, 2019; Omelchenko, Sabirova, 2016].

Методология исследования: преодолевая опасения и недоверие

Анализ деятельности студенческих исламских сообществ основан на данных социологических исследований в качественной стратегии, проведенных в 2012—2013 гг. и 2018—2019 гг. Использованы следующие методы сбора данных: глубинные интервью и наблюдение. Проведено 12 глубинных интервью: с лидерами и участниками организаций «Сознание» и «Алтын Урта», а также с членами студенческих неформальных групп «Ихлас» и «САМИ», с молодыми мусульманами, принимавшими участие в исламских студенческих мероприятиях в университетах Казани в 2007—2012 гг. Часть интервью (в 2018—2019 гг.) имела ретроспективный характер после завершения основных событий, описываемых в статье. Продолжительность каждого интервью составила от полутора до двух с половиной часов. Интервью сопровождались контекстными наблюдениями с ведением полевого дневника. Эти наблюдения проходили в мечетях и на общественных площадках в г. Казани, а также в населенных пунктах, где появились сторонники исследуемых организаций, либо туда переехали жить участники исследуемых групп: г. Набережные Челны, г. Нижнекамск, г. Бугульма, селах Азнакаевского, Альметьевского, Мамадышского районов Татарстана (всего проведено 12 часов наблюдений; реальные имена информантов скрыты).

Интервью выстраивались по гибкому гайду, который имеет основную и вариативную части. Основная построена вокруг следующих векторов: стратегия и тактика деятельности сообщества и конкретные мероприятия; цели и задачи сообщества и степень реализации планов; характеристика «ядра» и рядовых участников по нескольким параметрам и их вклад в общую работу; взаимодействие с внешними агентами, в том числе с официальными структурами; общая оценка ситуации и контекста, сильных и слабых сторон сообщества. Тематика вариативной части зависела от личного участия информанта, его опыта включенности в ислам-

скую тему до, во время и после участия в организации, степени осведомленности и наличия персональных контактов с удаленными членами сообщества.

Первоначально материал собирался в тот период (2012—2013 гг.), когда деятельность «Алтын Урта» начала затухать, но организация еще пыталась продолжить функционирование, а «Сознание» закончило свою работу за несколько лет до этого, но ее бывшие активисты открыто выражали свою реакцию на бурные события в Татарстане 2012 г., связанные с покушением на муфтия Ильдуса Файзова и убийством его бывшего заместителя Валиуллы Якупова. Возвращение к теме через шесть лет связано с желанием проанализировать ситуацию через временной интервал, в ходе которого участники исследуемых событий могли бы переосмыслить свою гражданскую студенческую деятельность и, возможно, поменять взгляды на более широкий контекст, в котором они осуществляли свою активность. С 2012 г. изменилась государственная политика относительно инициативных неконтролируемых сообществ, связанных с исламом. Важно было выяснить оценку повзрослевших участников «Алтын Урта» и «Сознания» потенциала сегодняшних молодых мусульман и их мнение относительно причин нынешней пассивности исламской молодежи. По большому счету речь идет об анализе тенденции угасания гражданского активизма молодежи (в отличие от противоположной тенденции развития официальных каналов организации молодежной энергии и формулирования ориентиров — например, попытки создания молодежных исламских объединений при Духовных управлениях мусульман, а также организаций волонтерской и патриотической направленности).

Выбор именно этих двух организаций обусловлен тем, что они были наиболее значимыми и заметными по количеству сторонников, охвату разнообразной деятельности и осознанности стратегии. Сначала самое активное мусульманское студенчество объединилось в организацию «Сознание» (2004—2009), а затем (с 2010) «Алтын Урта» независимо от них подхватило то же самое направление. Несколько остальных исламских групп, которые складывались в студенческой среде в 2011—2012 гг. (а другие слои молодежи были в этом отношении пассивны и шли за студентами), были крайне малочисленными, плохо организованными и неамбициозными.

Особая трудность исследования состояла в поиске ключевых информантов и организации интервью. Лидеры и участники студенческих мусульманских сообществ как в 2012 г., так и сегодня с недоверием относятся к любопытству внешнего наблюдателя. Для организации встреч были задействованы информанты других проектов, посвященных вопросам повседневной жизни исламского сообщества Татарстана, в том числе реакция мусульман на антиэкстремистскую политику. Рекомендации и предварительные заверения со стороны членов мусульманской общины относительно искренности и «безопасности» исследователей-социологов позитивно повлияли на готовность участников организаций «Сознание» и «Алтын Урта» идти на контакт. Подробное повествование и живой, доверительный стиль ведения беседы, которые складывались в ходе каждого из 12 интервью, позволяют надеяться, что в результате получена достоверная информация.

Подобные сложности в организации интервью ставят дополнительные исследовательские вопросы, на которые еще предстоит ответить в последующих проектах:

с чем связано продолжающееся недоверие бывших исламских активистов к тем, кто интересуется их деятельностью студенческих лет? Чего именно они опасаются, и связано ли это с непростой общественно-политической обстановкой в России и/или Республике Татарстан, на фоне которой проходит государственная антиэкстремистская политика? Возможна ли в стране активная гражданская деятельность исламских объединений, сформированных по принципу принадлежности к исламу, и насколько защищенно себя чувствуют их участники?

В ходе работы над статьей в 2020 г. мы вновь обратились к ключевым информантам за комментариями по возникшим у нас вопросам и оценками некоторых сюжетов, разъяснение которых мы посчитали необходимым дать в своем анализе. Мы благодарны всем участникам нашего исследования за искренность и готовность к общению.

Молодежный мусульманский активизм в Казани: от студенческих организаций к широким социальным горизонтам

Одним из проявлений религиозного возрождения в Татарстане среди молодых мусульман стала их активная деятельность как приверженцев своих конфессий: они объединялись в сообщества и реализовывали деятельность, связанную с их представлениями о потребностях и обязанностях верующего человека. Необходимо отметить, что молодые мусульмане проявляют активность и самостоятельность с начала 1990-х годов, с первых лет исламского возрождения в нашей стране. С 1990 г. существует Молодежный центр исламской культуры «Иман», созданный имамом Валиуллой Якуповым (ставшим впоследствии заместителем муфтия Татарстана), которому тогда было 26 лет. Он занимался изданием религиозной литературы по основам ислама на русском и татарском языках [Набиев, 2007].

Один из трендов начала XXI века в мусульманской жизни Казани — завоевание молодыми мусульманами публичного пространства и активное выражение своей исламской идентичности. Татарская молодежь объединялась в независимые группы, созданные по инициативе молодых людей в возрасте примерно от 18 до 25 лет³. В начале 2000-х годов среди студентов-мусульман казанских университетов стали возникать группы, в которых молодые люди стремились к активной деятельности на основе приверженности исламу как источнику высоких и светлых смыслов и жизненных ориентиров. В 2004 г. несколько студентов престижных факультетов ведущих казанских вузов создали и затем официально зарегистрировали молодежную общественную организацию «Сознание», которая призывала молодых активных мусульман объединяться для формирования жизненной стратегии в соответствии с предписаниями Корана. Период с 2005 по 2007 г. стал самым активным временем их работы. Лидеры «Сознания» уловили растущий интерес студентов к исламу и их готовность действовать по религиозным ориентирам.

³ Одним из первых событий, которое вышло за пределы мусульманской примечательной общины, было движение 2002—2003 гг. в Татарстане за право женщины фотографироваться на паспорт в платке. В его рядах стояли вместе мусульманки молодого и среднего возраста. Около года несколько женщин из Татарстана при поддержке адвокатов боролись за признание неправомерным запрет на фото в головном уборе на официальных документах, и 15 мая 2003 г. Верховный суд РФ признал за мусульманками это право. См.: Верховный суд признал право мусульманок фотографироваться в платке // SOVA: Информационно-аналитический центр. 2003. 5 марта. URL: <https://www.sova-center.ru/religion/news/harassment/intervention/2003/03/d152/> (дата обращения: 29.06.2020).

Мусульманская молодежь, в основном из местного татарского населения, становится более религиозной, просвещенной, они уже не ограничиваются только хождением в мечеть, они очень стремятся полноценно жить и развиваться, как предписывает ислам. Мы тогда поймали идею, которая висела в воздухе, — объединиться. В одиночку мало чего добьешься. (Интервью 3, муж., 27 лет, Казань, актив «Сознания», 2012)

Тогда [в 2007—2009 гг.] было прекрасное время для здорового развития ислама, и он развивался свободно, в обсуждениях. Было много авторитетных имамов, они были уже хорошо образованы, в отличие от начала 90-х. Ислам давал нравственную основу, духовную, появилась новая литература, в мечетях вокруг имамов собирались люди, для них читали разъяснительные лекции. Ислам пробивался молодой травой — чистой, свежей, вот молодые люди и потянулись в большом количестве. (Интервью 6, муж., 34 года, Казань, член «Сознания», 2019)

Когда студенты решили объединиться и стали проводить регулярные собрания узким кругом единомышленников, им было около 18 лет. Несмотря на столь молодой возраст, их отличали большой интерес к исламскому богословию и осмысленный подход к постановке целей. На протяжении всего времени функционирования «Сознания» о них можно говорить как об интеллектуальной группе — судя по вопросам, которые они ставили на повестку дня, способам решения задач, обсуждаемым темам. Об этом также свидетельствуют персоны, которых они приглашали на свои мероприятия.

«Сознание» занималось просветительской работой в области ислама, благотворительными акциями, организацией исламских праздников в вузах, решением насущных задач (о предоставлении мест для чтения намазов в татарстанских вузах, наличии халяльных блюд в студенческих столовых). Участники сообщества проводили регулярные встречи в университетах, где обсуждали организационные вопросы, связанные прежде всего с вероучением и соответствующими поведенческими правилами. На площадке Казанского государственного университета они провели конференцию, на которой студенчество и татарстанское духовенство старались разобраться в теологических вопросах, возникавших тогда у молодых мусульман. Они сотрудничали с популярными и авторитетными имамами из Духовного управления мусульман Татарстана, с мэрией Казани, Общественной палатой. Принципиальной позицией была идея о неприемлемости радикальных взглядов, а также идея нравственного оздоровления общества.

[Мы хотели] донести наши взгляды не только до друзей, однокурсников, родственников, коллег, соседей, но и до масс молодежи. Мы создавались именно для массовой общественно значимой работы. Хотели все делать официально, чтобы ни у кого не возникало никаких вопросов, чтобы никто не связывал нас ни с какими радикальными группами. Мы поддерживали тесные контакты с Общественной палатой, были в ней представлены, с городской администрацией, Духовным управлением. (Интервью 9, муж., 34 года, Казань, актив «Сознания», 2019)

Все-таки в Татарстане проживает много татар, основой культуры и мировоззрения которых является исламская религия. И мы считаем, что, прививая молодежи исламские ценности, принципы, можно сделать общество более здоровым. (Интервью 2, муж., 28 лет, Казань, актив «Сознания», 2013)

В 2004—2005 гг. «Сознание» издавало газету «Формат мысли», которая выходила регулярно и распространялась среди мусульманского студенчества Казани. Это издание быстро переросло из студенческой газеты в серьезный интеллектуальный орган, тираж некоторых номеров достигал 10 тыс. экземпляров. На его страницах освещались самые актуальные текущие вопросы, события из жизни мусульманской молодежи, интервью с активными мусульманами Поволжья и многое другое. Материалы газеты использовались в публикациях некоторых новостных сайтов (islam-info.ru, islamnews.ru, credo.press).

Газета «Формат мысли» была посвящена исламской тематике. Много молодых отделены от религии. Алкоголизм, наркомания, преступность, разврат — это потому что вакуум в душах. Мы видели цель в том, чтобы помочь им найти себя, найти цель, смысл в жизни. (Интервью 7, муж., 33 года, Казань, актив «Сознания», 2018)

К 2007—2008 гг. активисты «Сознания», окончив университет и начав трудовую деятельность, изменили формат своей деятельности. Активным осталось только ядро организации, которое продолжало работу с молодыми мусульманами и участвовало в жизни исламского сообщества Казани, но делало это менее публично⁴. С 2010 г. «Сознание» продолжало свою деятельность, но его лидеры и их окружение больше были погружены в строительство своей частной жизни — налаживание собственного бизнеса, жизнь своих молодых семей и иные заботы. В это время они были уже почти незаметны в динамичной жизни университетов и вневузовской среды. Эстафету приняла другая организация — «Алтын Урта», также представлявшая более молодое поколение студентов. Ее создали по собственной инициативе в 2010 г. шестеро учащихся казанских вузов. Отметим, что «Алтын Урта» дословно переводится с татарского как «золотая середина», яркости этому выражению добавляет созвучность с тем, как по-татарски называется Золотая Орда.

Я входил в молодежную тусовку клуба «Шарык», где обсуждались темы, связанные с татарским народом. Активно все это было тогда. <...> Мы создавали группу для татар, но во главе было — исламская тема. <...> У меня уже были четкие представления об исламе, и хотелось создать свою нишу. Потом я пришел к идее Садри Максуди, что религия должна служить этносу. (Интервью 8, муж., 30 лет, Казань, актив «Алтын Урта», 2018)

⁴ Среди некоторых проектов тех лет можно назвать участие в строительстве мечетей (например, мечети «Гаиля» в Казани), реализации раздельного посещения бассейна мужчинами и женщинами (в молодежном центре «Ак Барс»), содействие в создании детского сада для мусульманских детей. Они выступили инициаторами и соорганизаторами Рамадановского оргкомитета Казани, который помогал казанской мусульманской молодежи в организации поста в священный месяц: устраивал и информировал о расписании студенческих ифтаров (ежедневный прием пищи после захода солнца во время мусульманского поста) в крупных вузах Казани, в 2008 г. запустил сайт «Рамадан в Казани».

Эта мусульманская молодежная организация быстро приобрела известность и превзошла по популярности «Сознание», во многом благодаря набиравшей силу социальной сети «ВКонтакте», через которую о деятельности «Алтын Урта» узнали молодые татары по всей республике и за ее пределами. Самыми активными оказались молодые участники из городов Мамадыш, Альметьевск, Бугульма, Набережные Челны, а также из Ульяновска и Башкирии. Организация имела дискуссионный клуб по богословским и современным мирским вопросам, занималась благотворительностью, стремилась способствовать росту интереса к исламу со стороны студентов. Главную цель лидеры видели в объединении мусульманской молодежи и сохранении позиции так называемого «серединного пути» в исламе, где нет места радикальным проявлениям.

Я поддерживал идею программы «аль васатыя»⁵. Я для Алтын Урта тоже хотел построить их идеологию центризма, серединности. Для нас это была идеологическая база, и даже название наше оттуда, с этим связано. Идея, что мусульмане — это люди середины, балансирующие, мусульмане — люди, которые всегда избегают крайностей, ищут компромиссы. (Интервью 5, муж., 24 лет, Казань, актив «Алтын Урта», 2013)

Деятельность «Алтын Урта» выражалась в различных формах религиозного и гражданского активизма: коллективные молитвы, творческие конкурсы, спортивные мероприятия, благотворительные акции, совместные поездки на природу летом и в другие города республики, в том числе для знакомства молодых людей и девушек, и многое другое. По сравнению с «Сознанием» деятельность «Алтын Урта» в меньшей степени сосредотачивалась в студенческих аудиториях, она была направлена на более широкую социальную и функциональную базу: чаще собирались в мечетях и на площадках вне Казани, более активно сотрудничали с Духовным управлением мусульман (ДУМ), проводили совместные акции, помещали логотип ДУМ Татарстана на промоматериалах своих мероприятий. Однако со временем данное сотрудничество было сведено к минимуму из-за отсутствия консенсуса в целях и действиях, попыток контроля и претензий на руководство со стороны ДУМ.

Удалось реализовать большую часть из задуманного. Но потом все пошло не так, как хотелось. Потому что ДУМ РТ начало четко определять, что от нас требовалось, конкретные вещи, на которые мы не хотели идти. Мы не подотчетны ДУМ, мы автономные. Мы хотели горизонтальные связи, а они хотели вертикаль. (Интервью 8, муж., 30 лет, Казань, актив «Алтын Урта», 2018)

Религиозная деятельность этих двух организаций реализовалась в пространстве гражданского общества, вне политической сферы и государственных институтов. Они не ставили на повестку дня политические вопросы и практически не касались политических тем. Хотя в последующие годы «Сознание» пыталось

⁵ Принцип умеренности в исламе; также название Международного центра в Кувейте, проповедующего этот принцип, к которому в 2010 г. присоединилась Россия, создав Научно-просветительский центр «Аль-Васатыя — Умеренность». URL: <http://wasatiya.ru/ru/> (дата обращения: 29.06.2020).

заявлять о готовности заниматься правозащитной деятельностью, их работа не была обусловлена политическими мотивами, наоборот, попытки политизации вызывали резкое отторжение⁶.

Анализируя мнения и настроения информантов в 2012 и 2019 гг., можно утверждать, что хотя они приостановили свою публичную деятельность, их взгляды и принципиальная позиция фактически не изменились. Они так же верны исламу. Хотя наблюдаются случаи трансформации образа жизни и убеждений на сугубо светские и даже переход в языческое тенгрианство (это касается бывших членов «Алтын Урта»), но эти случаи единичны. Они по-прежнему считают необходимой работу с мусульманской молодежью, стимулирование и поддержку ее деятельности, просветительскую богословскую работу, вовлечение в практики благотворительности и многое другое. Новым востребованным направлением деятельности называется профилактика экстремистских настроений. Однако остается открытым вопрос, готовы ли они на новом жизненном этапе продолжать активную деятельность или считают это уделом нового поколения молодежи.

Инициативная активность мусульманских студентов Казани иллюстрирует сопряженность гражданской активности и религиозных интенций как одной из форм современной социальной значимости религии. Одновременно она представляет собой частный случай уже упомянутого постулата Хосе Казановы: общемировая тенденция религиозной сферы в современном мире заключается в ее деприватизации, религия и ее агенты отказываются играть маргинальную и приватную роль, которая была им отведена в секулярном нарративе Модерна — молодые мусульмане вышли в публичное пространство и громко заявили о себе [Casanova, 1994; 2008].

На примере рассмотренных организаций четко прослеживаются большие возможности для реализации молодежных амбиций в постановке задач, вдохновленных религиозными ценностями, посредством гражданских инициатив. Основанием для выстраивания активистских жизненных стратегий выступили следующие проявления деятельности организаций. Во-первых, идентификация себя как актуального движения (мейнстрима), несущего позитивный имидж и ассоциирующегося с набирающей силу тенденцией принадлежности к исламскому сообществу (в том числе в глобальном смысле — к исламскому миру). Во-вторых, постановка больших целей, претендующих на выход за узкогрупповые рамки, и высокая скорость реагирования на вновь возникающие вызовы, о чем говорит преодоление границ студенческих групп, распространение на более широкие

⁶ В координатах виртуализации действительности существует возможность характеристики деятельности «Сознания» как пересекающуюся с политическим полем, что является определенным искажением. Так, в социальных сетях содержится дискуссия 2012 г. одного из лидеров «Сознания» и лидера этнонациональной организации «Азатлык» Наиля Набиуллина об уместиости поднимать политические вопросы в решении мусульманских дел. Эта дискуссия для сторонних наблюдателей прошла почти незамеченной, и о ней вскоре забыли. Однако размещение подробностей «перепалки» и комментарии самого Н. Набиуллина на страницах его аккаунтов во «ВКонтакте», а позже в Facebook и Instagram, создает впечатление о серьезных разногласиях и спорах относительно политических аспектов деятельности мусульманской молодежи Татарстана, а также о политических интересах изучаемых нами студенческих организаций. Мнение бывших участников «Сознания» и «Алтын Урта» и сторонних экспертов сводится к тому, что на фоне снижения интереса к организации «Азатлык» Н. Набиуллин педалировал тему ислама и пытался высказывать идеи о необходимости политических акций. Это вызвало резкое неприятие со стороны бывших членов мусульманских студенческих организаций. При этом отметим, что Н. Набиуллин ставит актуальные вопросы, которые волнуют многих татар, — пристальное внимание силовых органов к активным мусульманам.

социальные слои, а также за пределы Казани и даже Татарстана. Активность этих движений захватила часть вневузовской мусульманской молодежи из малых городов и сельских районов, молодых людей разного рода деятельности и материального достатка. Двумя ключевыми отличиями, маркирующими качества современности в их деятельности, выступили: (1) ориентация на интерактивность и использование интернет-сетей в качестве проводников идей и деятельности, для приобретения популярности в более широком социальном и географическом ареале, (2) отрицание иерархически-патерналистских стратегий и предпочтение горизонтально-сетевых форм взаимодействия и сотрудничества. Мусульманская молодежь самостоятельно ставила и решала задачи, что не исключало обращение к руководству вузов и Духовному управлению мусульман РТ, когда необходимо было привлечь институциональные ресурсы.

Спад гражданского активизма молодежных мусульманских организаций: «пассионариев теперь нет»

Недостаточно широкая популярность мусульманских молодежных организаций в 2004—2012 гг. среди широких слоев студентов-татар и низкий уровень преемственности их идей и деятельности проявились в отсутствии их последователей после 2012 г. На основе материалов исследования и анализа общего контекста это можно объяснить несколькими причинами.

Одной из причин выступает снижение самостоятельной активности студентов с определенного времени, которое участники «Сознания» и «Алтын Урта» обозначают примерно 2012—2014 гг., и особенно это касается сферы, сопряженной с религиозной тематикой. По сравнению с первым десятилетием XXI века произошел спад интереса к религии. Религиозная жизнь приобрела больше формальных черт. Молодые люди чувствуют, что как православие, так и ислам уделяют больше внимания одобрению со стороны властных институтов, чем запросам и приоритетам общества [Религия в современной России, 2019]. Отмечается также преобладание секулярных ценностей над религиозными среди молодежи. При общем интересе к вопросам веры можно утверждать, что искренний и осознанный выбор религии в качестве жизненного ориентира стал уделом ограниченного числа молодых людей [Гузельбаева, 2015; Ивлева, Курилов, Россман, 2018].

Другой важной причиной сворачивания деятельности «Сознания», «Алтын Урта» и нескольких других, менее популярных и заметных групп является естественное для послевузовского периода ослабление энтузиазма молодых людей к общественной деятельности, снижение активности и интереса к самоорганизации. Анализ возрастных характеристик участников этих и других групп позволяет утверждать, что период активного участия молодых людей, претендующих на захват публичного пространства, приходится на возраст приблизительно от 18 до 23 лет. Примеры других молодежных групп в российских регионах подтверждают, что этот возраст — время присоединения к формальным или неформальным инициативным сообществам и совместной групповой активности [Богатова, Шумкова, 2014: 154]. С началом стабильной трудовой деятельности неформальная активность идет на спад. У молодых людей появляется круг обязанностей, связанных с работой, началом карьеры, семьей или другой формой устойчивых межгендерных

отношений, потребностью в стабильном заработке, приобретением собственного жилья и прочее. Это отвлекает от молодежных коллективных практик и субкультур, которые могут иметь мало практического смысла. В Казани после 2012 г. новые поколения студентов не проявили интереса к подобным формам гражданской активистской самоорганизации, что может свидетельствовать либо о сужении поля для такой деятельности, о перехвате данной повестки иерархическими — властными и религиозными — структурами, либо об исчерпании мобилизующего потенциала подобных религиозных интенций или пассионарности молодежи. Можно предположить, что долговечность таких форм гражданского активизма молодежи принципиально невозможна в силу его неукорененности в культуре, в том числе политической.

Мы закончили университет <...> ждали, что должна пройти смена поколений, мы хотели привлечь студентов младших курсов, чтобы они активно участвовали в нашей организации. И у нас возникла проблема: среди студентов не нашлось активистов, никто не хотел заниматься этой общественной деятельностью. (Интервью 9, муж., 34 года, Казань, актив «Сознания», 2019)

Студенчество сейчас вообще пассивнее, чем в начале 2000-х. Разбрелись по своим квартирам, к компьютерам. А уж к мусульманам вообще особое отношение, взгляд у силовиков пристальный. Мусульмане свернулись в свою скорлупу, и им периодически напоминают, что им нельзя высовываться. (Интервью 10, муж., 31 год, Набережные Челны, член «Алтын Урта», 2019)

Еще одна причина состоит в отсутствии постоянной прямой связи студентов-мусульман со старшим поколением исламского сообщества Татарстана. «Сознание» и «Алтын Урта» стремились к общению со старшими уважаемыми мусульманами, они взаимодействовали с яркими исламскими деятелями и получали поддержку со стороны авторитетных тогда мусульман республики, среди которых выделялись имам Рамиль Юнусов, Камаль Эль Зант, заместитель муфтия РТ Валиулла Якупов. Однако молодые активисты ориентировались в большей степени на свои силы, ценили независимость и предпочитали самостоятельную работу в кругу ровесников-энтузиастов. Обе организации сотрудничали с институциональными властными и общественными структурами: Духовным управлением мусульман Татарстана («Алтын Урта» — в большей степени), Общественной палатой РТ, городской администрацией, руководством некоторых университетов. Осознавая необходимость институциональной поддержки, молодежные мусульманские организации все же предпочитали использовать собственные ресурсы, дистанцируясь от постоянного диалога, стремясь избежать навязываемого «договора».

Официальные исламские организации, в свою очередь, пытались перевести молодежные инициативы в контролируемые сверху сообщества, создать сеть умеренных мусульман в противовес сетям исламских экстремистов. В их целеполагании это выступало в качестве противодействия, с одной стороны, возрастающему влиянию радикально настроенных элементов на российскую умму (мусульманскую общину), с другой — исламофобии. Риторика заключалась в том, что молодежь,

с их точки зрения, не отличается достаточной целеустремленностью и не обладает необходимыми ресурсами для объединения, неспособна выработать новые идеологии, забывает о глобальных проблемах, концентрируясь на частных и личных, и ориентирована на европейские ценности, забывая о локальном культурном багаже. Считалось, что молодежи необходимо помочь реализовать ее энергию таким образом, чтобы не допустить распространение антигосударственных и антисоциальных идей. Подобные рекомендации высказывались в кругах Духовного управления мусульман Татарстана и Совета муфтиев России [Фарисов, 2007]. Однако их попытки «собрать» молодежь под своим руководством не смогли стать альтернативой харизматичной активности студентов-мусульман Казани.

Продолжению деятельности групп «Сознание» и «Алтын Урта» также мешал разрыв исламской традиции. С одной стороны, после советского периода молодые энтузиасты из рассматриваемых организаций, как и большинство их ровесников, осмысленно пришли к исламу и приобрели религиозную идентичность в сознательном возрасте. Семья была далеко не единственным агентом их религиозной социализации, они получали информацию об исламе из литературы, интернета, от друзей и из прочих источников. С другой стороны, мусульманская молодежь, недостаточно хорошо знающая основы традиционной исламской культуры татарского народа, сталкивалась с трудностями в рамках как религиозной общины, так и российского общества в целом. Это привело к разногласиям между представителями мусульманской молодежи и старшего поколения, чтившего и хранившего традицию татарского богословия.

Трагическое событие 19 июля 2012 г. в Казани — убийство бывшего заместителя муфтия Татарстана В. Якупова — стало поворотным пунктом для многих мусульман Татарстана. Политика государства на сворачивание неконтролируемых инициатив, связанных с исламом, привела к тому, что мусульманская молодежь остановила свою деятельность по организации открытых мероприятий, перенеся их в непубличный формат.

Среди нынешних студентов сейчас нет активности по теме ислама, пассионариев теперь нет. А группы более старшего возраста я знаю, их не так мало, примерно 25—35-летние, есть старше. Они нигде не заявляют о себе, не проводят публичных мероприятий. Зная, что активность привлечет проблемы, они себя не показывают. Некоторые специально не подчеркивают религиозную деятельность, просто благотворительность. <...> Благотворительность, сбор одежды для неимущих, сбор мусора и уборка территории, посадка деревьев. Вместе занимаются бизнесом. Организаций с большими задачами сейчас нет, они занимаются конкретными делам». (Интервью 11, муж., 30 лет, Казань, актив «Алтын Урта», 2018)

Таким образом, возникает еще одна причина прекращения деятельности молодых мусульман, воспринимаемая ими самими как одна из основных. Эта причина связана с их опасениями открытой деятельности из-за изменившихся приоритетов внутренней и внешней политики государства. Ориентация российской государственной политики на противодействие экстремизму и терроризму, требования национальной безопасности естественным образом направляют правоохрани-

тельные органы на внимательное отношение к любым формам коллективной деятельности мусульманского сообщества.

Мусульмане приняли новые условия и стараются корректировать жизненные стратегии под эти обстоятельства. Они осознают ожидание со стороны государственных органов и даже муфтията остановить любую инициативу, связанную с исламом, проявления гражданского активизма во избежание возможных пересечений с экстремистскими идеями, субъектами и целями. Мусульмане боятся быть обвиненными в нелояльности властям. Новое поколение молодых людей, в том числе студенты, хорошо понимают векторы государственной антиэкстремистской политики и видят пристальное внимание и неодобрительное отношение к бесконтрольной активности мусульман. Они считают, что любое объединение и создание какого-либо сообщества с горизонтальными связями без одобрения духовного управления, а значит и государственных политических структур, равносильно вызову и повлечет обвинения в попытках расшатать ситуацию в регионе.

Тогда в нулевых [годах XXI века] было благодатное для религии время, не только для ислама, для всех религий. Официоза почти не чувствовалось. Мусульманские лидеры не оглядывались на политическую верхушку. А потом все сильно изменилось! <...> Можно задержать человека. Какие уж тут самодельные исламские [группы], тем более молодежные! В обход муфтияту нельзя, а молодым с муфтиятом ну вот совсем неинтересно, мягко говоря. (Интервью 10, муж., 31 год, Набережные Челны, член «Алтын Урта, 2019)

После тех событий [2012—2014 гг.] заужили мусульман просто. Зачем им активная молодежь, зачем им популярные имамы? — это заноза, которую надо нейтрализовать. Нам транслируют: не надо ничего, сидите дома, студенты пусть занимаются учебой. (Интервью 7, муж., 35 лет, Казань, актив «Сознания», 2020)

В начале 2000-х у нас была такая наивность, был большой оптимизм. Хотя определенное давление было и тогда, но были иллюзии, что можно чего-то добиться. А сейчас это вопрос безопасности. Молодые мусульмане перестали что-то делать из-за опасности, что их просто посадят. Есть же примеры того, как несколько молодых мужчин просто пропали, когда в сложные времена вокруг 2012 г. [задерживали] активных мусульман. <...> Конечно, думающие, анализирующие, что происходит, отлично понимают, что высовываться со своими идеями, тем более работать с молодежью не надо, себе дороже. Эта мысль сейчас просто никому даже не приходит в голову. (Интервью 6, муж., 36, Казань, член «Сознания», 2020)

Сегодня деятельность молодых татар в основном сводится к поддержке татарской этнической культуры и татарского языка. Движение в поддержку татарского языка «Я говорю по-татарски» (оригинальное название «Мин татарча сөйләшәм»), которое возникло в 2006 г. и набрало силу к 2012 г., регулярные события «Сенной базар» («Печән базары») и «Джадид-фест» популярны среди татарской молодежи Казани в последние годы, они стали яркими событиями в жизни города.

Молодые мусульмане создают новые практики, связанные с исламом и их пониманием религиозных предписаний. Завершившаяся открытая активность студен-

ческих исламских сообществ имеет продолжение в интернет-сфере и непубличных практиках — «мусульманском блогерстве» и организации исламского воспитания и образования детей. Несколько десятков блогеров-мусульман из Татарстана начинают влиять на общественное мнение исламского сообщества, составляя конкуренцию СМИ и Духовному управлению мусульман. Их популярность растет день ото дня, и число подписчиков некоторых из этих блогеров в Instagram достигает полутора сотен тысяч. Другой вид деятельности направлен на ту сторону социализации детей, где религиозная составляющая является одной из основных. Это относится к созданию мусульманских детских садов, летних лагерей и развитию семейной формы среднего образования. Мусульмане стараются делать это, не привлекая к себе широкого внимания. Это свидетельствует скорее о самоорганизации на уровне обустройства частной жизни и дистанцировании от государства, чем об экстраполяции активности на широкое социальное пространство для достижения общих целей и универсализирующих смыслов.

Основные выводы

Проблема гражданской активности мусульманских сообществ молодежи является частным случаем более широкой проблемы — степени развитости форм гражданского активизма и гражданских инициатив в поле российской публичной политики, а также самоорганизующихся форм общественных солидарностей или групп интересов⁷. Изменение статуса религии и религиозных смыслов в современных координатах заставляет пристальнее вглядываться в ее возможности для обеспечения солидарных действий в общественном и гражданском пространстве, в поисках жизненных стратегий молодежи в современном непредсказуемом мире. Внимание именно к мусульманским организациям обусловлено как внешними, так и внутренними параметрами обеспечения социальной консолидации в России.

Молодые мусульмане Татарстана развенчивают представления сторонников теории секуляризации о маргинальной приватизированной религии: исламская студенческая молодежь Казани в конце первого десятилетия XXI века не хотела ограничиваться домашним и внутрихрамовым общением и обрядовой практикой, настойчиво стремилась осваивать публичное городское пространство. Самыми яркими и популярными инициативными сообществами, созданными посредством самостоятельной активности студентов-мусульман, в 2005—2012 гг. были «Сознание» и «Алтын Урта». Этот период можно считать расцветом гражданского активизма, в русле которого формулировались цели и жизненные стратегии. Ключевой особенностью выступила диффузия религиозных и гражданских смыслов, а пространство гражданских инициатив открыло большие возможности для проявления молодежных амбиций. Объединение активной жизненной позиции и прогрессивных взглядов молодых мусульман способствовало росту интереса к исламу со стороны молодых людей.

Студенческие исламские сообщества осознавали необходимость своей деятельности, они осмысленно выстраивали стратегию своей работы. В этом режиме

⁷ О других исследованиях относительно участия россиян в деятельности общественных организаций, см., например: Общественные организации: «не был, не состоял, не участвовал...» // ВЦИОМ. 2014. 10 октября. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=696> (дата обращения 20.06.2020).

постоянной включенности в контекст, в обстоятельства жизни мусульманской молодежи и, более широко, молодых татар и их меняющихся потребностей, трансформации общественных запросов и ожиданий, происходило самостоятельное формулирование жизненных стратегий, что предопределяло и гражданскую ответственность. Рефлексия по поводу значимости религии в их жизни и интерпретация смыслов самореализации свидетельствуют о гражданской ответственности и общественном целеполагании.

Основными преимуществами этих организаций были огромная жажда деятельности, осознанная стратегия действий и быстрая реакция на изменяющиеся условия и новые вызовы, а также использование сетевых технологий для расширения пространства деятельности и вовлечения новых участников. Возникновение данных сообществ — яркий пример низовых инициатив рядовых мусульман, свидетельствующих о невозможности встраивания их в институциональные религиозные организации Республики Татарстан. Их религиозная деятельность реализовывалась в пространстве гражданского общества, вне политической сферы и государственных институтов.

Причинами ослабления активности исламских студенческих сообществ стали преобладание секулярных ценностей среди молодежи, разрыв исламской традиции, слабые связи со старшим поколением мусульман региона, закономерное для постсоветского периода снижение интереса к общественной деятельности, а также изменившаяся общеполитическая обстановка, настороженное отношение к любой мусульманской активности со стороны правоохранительных органов и политических структур и опасения самих мусульман вызвать их недовольство своей деятельностью вне контроля Духовного управления мусульман. В настоящее время открытая деятельность молодых татар в основном сводится к поддержке татарской этнической культуры, татарского языка, потребностям семейной религиозной социализации.

Студенты-мусульмане начала XXI века имели ограниченный круг задач и не касались политической темы. Их целью было объединение молодых мусульман и привлечение внимания к своим потребностям на волне религиозного подъема. «Сознание» и «Алтын Урта» прекратили свою деятельность как самостоятельные активные исламские сообщества, однако их пример отражает ряд серьезных социальных вызовов: о роли религии в современном мире, о специфике и духе современного гражданского активизма молодежи, о параметрах диалога власти и общества.

Список литературы (References)

Бергер П. Фальсифицированная секуляризация / пер. с англ. А. Шишкова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 8—20.
Berger P. (2012) *Secularization Falsified. State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 2. P. 8—20. (In Russ.)

Богатова О. А., Шумкова Н. В. Субкультурные сообщества провинциальной молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4. С. 150—156. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.10>.

Bogatova O. A., Shumkova N. V. (2014) Subcultural Communities of the Provincial Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 150—156. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.10>. (In Russ.)

Гараев Д. М. Женские мусульманские организации в Татарстане: между традиционализацией и модернизацией // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. Т. 12. № 4. С. 985—1000. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-4-985-1000>.

Garaev D. M. (2019) Female Muslim Organizations in Tatarstan: Between Traditionalization and Modernization. *Minbar. Islamic Studies*. Vol. 12. No. 4. P. 985—1000. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-4-985-1000>. (In Russ.)

Гражданский сектор государственного управления / под ред. проф. А. И. Соловьева. М.: Аргамак-Медиа, 2018.

Solovyov A. I. (ed.) *Civil Sector of Public Administration*. Moscow: Argamak-Media, 2018. (In Russ.)

Гузельбаева Г. Я. Постсекулярные тенденции у татар в начале XXI века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 6. С. 212—219.

Guzelbaeva G. Ya. (2014) Post-Secular Trends among Tatars at the Beginning of the XXIst Century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki (Proceedings of Kazan University. Humanities Series)*. Vol. 156. No. 6. P. 212—219. (In Russ.)

Гузельбаева Г. Я. Агенты религиозной социализации в постсекулярный период: роль в трансформации ценностно-нормативной системы // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2015. № 4. С. 21—26.

Guzelbaeva G. Ya. (2015) Agents of Religious Socialization in Post-Secular Period and Their Role in the Transformation of Value System. *Kazan Socio-Humanitarian Bulletin*. No. 4. P. 21—26. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизнедеятельность молодежи малых городов: общее и особенное в сферах образования и труда // Малые города в социальном пространстве России / отв. ред.: В. В. Маркин, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 174—188.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Life Activity of Young People in Small Cities: General and Special in the Fields of Education and Labor. In: Markin V. V., Chernysh M. F. (eds.) *Small Cities in the Social Space of Russia*. Moscow: FCTAS RAS. P. 174—188. (In Russ.)

Ивлева М. Л., Курилов С. Н., Россман В. И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 481—493. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-3-481-493>.

Ivleva M. L., Kurilov S. N., Rossman V. J. (2018) The Youth's Perception of Religious Values: A Sociological Study. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18. No. 3. P. 481—493. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-3-481-493>. (In Russ.)

Косач Г. Татарстан: религия и национальность в массовом сознании // Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие: религия в пост-

советской России / под ред. К. Каарияйнена, Д. Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007. С. 341—395.

Kosach G. (2007) Tatarstan: Religion and Nationality in the Mass Consciousness. In: Kaariaynen K., Furman D. (eds.) *New Churches, Old Believers — Old Churches, New Believers: Religion in Post-Soviet Russia*. Moscow; Saint Petersburg: Letniy sad. P. 341—395. (In Russ.)

Мchedlova М. М. Религиозная ситуация в России и в ее регионах // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 161—190.

Mchedlova M. M. (2018) Religious Situation in Russia and Its Regions. In: Tishkov V. A., Stepanov V. V. (eds.) *Ethnic and Religious Diversity in Russia*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. P. 161—190. (In Russ.)

Набиев Р. А. Мотивы самоорганизации мусульманской молодежи Республики Татарстан // Гуманистические ценности и мусульманская молодежь России: материалы конференции / отв. ред. М. Муртазин. М.: Умма, 2007. С. 103—109.

Nabiev R. A. (2007) Motives of Self-Organization of Muslim Youth of the Republic of Tatarstan. In: Murtazin M. (ed.) *Humanistic Values and Muslim Youth of Russia: Proceedings of the Conference*. Moscow: Umma. P. 103—109. (In Russ.)

Набиев Р. А. Власть и религиозное возрождение. Казань: Издательство Казанского федерального университета, 2014.

Nabiev R. A. (2014) Power and Religious Revival. Kazan: Kazan University Publishing House. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 59—86.

Omelchenko E. L. (2005) Youth Activism in Russia in Context of Global Transformation. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 3. No. 1. P. 59—86. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Уникален ли случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>.

Omelchenko E. L. (2019) Is the Russian Case of the Transformation of Youth Cultural Practices Unique? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>. (In Russ.)

Религия в современной России: контексты и дискуссии: монография / отв. ред. М. М. Мchedlova. Москва: Российский университет дружбы народов, 2019.

Mchedlova M. M. (ed.) *Religion in Contemporary Russia: the Context and Discussions*. Moscow: RUDN University, 2019. (In Russ.)

Синелина Ю. Ю. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 89—95.

Sinelina Yu. Yu. (2009) Orthodox and Muslims: A Comparative Analysis of Religious Behavior and Value Orientations. *Sociological Studies*. No. 4. P. 89—95. (In Russ.)

Фарисов Р.Ф. Государственная политика и религиозная самоорганизация мусульманской молодежи // Гуманистические ценности и мусульманская молодежь России: материалы конференции / отв. ред. М. Муртазин. М.: Умма, 2007. С. 137—147.

Farisov R. F. (2007) State Policy and Religious Self-Organization of Muslim Youth. In: Murtazin M. (ed.) *Humanistic Values and Muslim Youth of Russia: Proceedings of the Conference*. Moscow: Umma. P. 137—147. (In Russ.)

Фурман Д., Каарийainen К., Карпов В. Религиозность в России в 90-е гг. XX — начале XXI в. // Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие: религия в постсоветской России / под ред. К. Каарийайнена, Д. Фурмана. М.; СПб.: Летний сад, 2007. С. 6—86.

Furman D., Kaariainen K., Karpov V. (2007) Religiosity in Russia in the 1990s — the Beginning of the XXIst Century. In: Kaariaynen K., Furman D. (eds.) *New Churches, Old Believers — Old Churches, New Believers: Religion in Post-Soviet Russia*. Moscow; Saint Petersburg: Letniy sad. P. 6—86. (In Russ.)

Эйзенштадт Ш. Н. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 33—56.

Eisenstadt Sh. N. (2012) The New Religious Constellations in the Frameworks of Contemporary Globalization and Civilizational Transformation. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 1. P. 33—56. (In Russ.)

Berger P. L. (1999) The Desecularization of the World: A Global Overview. In: Berger P. L. (ed.) *The Desecularization of the World: Resurgent Religious and World Politics*. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center. P. 1—18.

Berger P. (ed.) *Le réenchantement du monde*. Paris: Fayard, 2001.

Casanova J. (1994) *Public Religions in the Modern World*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Casanova J. (2008) Public Religions Revisited. In: de Vries H. (ed.) *Religion: Beyond the Concept*. New York, NY: Fordham University Press. P. 101—119.

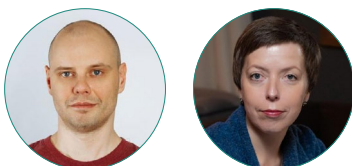
Karimova L. (2013) Muslim Revival in Tatarstan: Tatar Women's Narratives as Indicators of Competing Islamic Traditions. *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*. Vol. 17. No. 1. P. 38—58. <https://doi.org/10.1525/nr.2013.17.1.38>.

Omelchenko E., Sabirova G. (2016) Youth Cultures in Contemporary Russia: Memory, Politics, Solidarities. In: Schwartz M., Winkel H. (eds.) *Eastern European Youth Cultures in Global Context*. London: Palgrave Macmillan. P. 253—270. <https://doi.org/10.1057/9781137385130>.

Sabirova G. (2011) Young Muslim-Tatar Girls of the Big City: Narrative Identities and Discourses on Islam in Postsoviet Russia. *Religion, State and Society*. Vol. 39. No. 2—3. P. 327—345. <https://doi.org/10.1080/09637494.2011.584710>.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1598

С. И. Поляков, Ю. В. Епанова

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И НЕРАВЕНСТВО В НАРРАТИВАХ ВТОРОГО ГОРОДСКОГО ПОКОЛЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Правильная ссылка на статью:

Поляков С. И., Епанова Ю. В. Радикализация и неравенство в нарративах второго городского поколения мусульманской северокавказской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 269—294. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1598>.

For citation:

Polyakov S. I., Epanova Y. V. (2020) Radicalization and Inequality in the Narratives of the Second Urban Generation of Muslim Youth from the North Caucasus. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 269—294. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1598>.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И НЕРАВЕНСТВО В НАРРАТИВАХ ВТОРОГО ГОРОДСКОГО ПОКОЛЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ПОЛЯКОВ Святослав Игоревич — аспирант Аспирантской школы по социологическим наукам, научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: spoliakov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0652-6364>

ЕПАНОВА Юлия Валентиновна — кандидат культурологии, доцент Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: epanova77@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0759-5102>

Аннотация. Одной из ключевых тем в теоретических дебатах о причинах радикализации является ее связь с неравенством. При этом исследователи рассматривают воздействие как объективного неравенства, под которым понимаются структурные ограничения в доступе определенных социальных групп к экономическим, политическим и культурным ресурсам, так и субъективного неравенства, то есть несправедливого в восприятии членов сообщества распределения указанных ресурсов.

В статье на материале 21 полуструктурированного глубинного интервью с молодыми людьми с Северного Кавказа исследуются смыслы, приписывае-

RADICALIZATION AND INEQUALITY IN THE NARRATIVES OF THE SECOND URBAN GENERATION OF MUSLIM YOUTH FROM THE NORTH CAUCASUS

Svyatoslav I. POLYAKOV¹ — Postgraduate Student at the Doctoral School of Sociology; Research Fellow at the Centre for Youth Studies

E-MAIL: spoliakov@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0652-6364>

Yulia V. EPANOVA¹ — Cand. Sci. (Cult.), Associate Professor at the Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies

E-MAIL: epanova77@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0759-5102>

¹ National Research University Higher School of Economics in St Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Abstract. One of the key problems in the theoretical debate about the reasons behind radicalization is its relation to inequality. However, researchers tend to view this relationship both as objective inequality referring to structural restrictions for certain social groups to access economic, political and cultural resources and as subjective inequality, i.e. unequal distribution of resources within a community as perceived by community members.

The paper uses the results of 21 semi-structured in-depth interviews with young people living in the North Caucasus and investigates the meanings attributed to Muslim radicalization and its relation to different dimensions and interpretations of inequality. The authors

мые исламистской радикализации, и ее взаимосвязи с различными измерениями и пониманиями неравенства. Авторы приходят к выводу, что в нарративах религиозная радикализация внутри Северо-Кавказского региона связана с воспринимаемой несправедливостью и рассматривается информантами как кумулятивная реакция на притеснения религиозной молодежи в результате мер по борьбе с терроризмом. Радикализация северокавказской молодежи с опытом миграции за пределы региона связана с горизонтальным неравенством и трактуется как реакция на ситуацию двойного исключения — со стороны общества, в котором социальные лифты заблокированы этнической и религиозной ксенофобией, и со стороны родительской семьи, стремящейся контролировать своих младших членов и навязывающей им собственные представления о самореализации и карьере.

Ключевые слова: радикализация, неравенство, второе городское поколение, миграция, милье

Благодарность. Статья основана на материалах международного исследовательского проекта «Диалог о радикализации и равенстве», получившего финансирование в рамках программы исследований и инноваций HORIZON-2020 Европейского союза в соответствии с соглашением о гранте № 725349.

Настоящая публикация отражает только точку зрения авторов. Европейская Комиссия и Исполнительное агентство по исследованиям не несут ответственности за любую информацию, содержащуюся в ней.

conclude that according to the narratives the North Caucasus religious radicalization is connected to the perceived injustice and seen by the informants as a cumulative response to oppression of religious youth resulted from the counter-terrorism measures. Radicalization in the North Caucasus beyond the boundaries of the region is related to horizontal inequality and interpreted as a reaction to double exclusion (on the part of society where social elevators are closed because of ethnic and religious xenophobia and on the part of the family of origin striving to control its junior members and imposing the family's own views on self-actualization and career).

Keywords: radicalization, inequality, second urban generation, migration, milieu

Acknowledgments. This article is part of the international research project 'Dialogs about Radicalisation and Equality (DARE)'. This project has received funding from the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme under grant agreement no. 725349.

This publication reflects only the views of the authors; the European Commission and Research Executive Agency are not responsible for any information it contains.

Введение

Проблема исламского радикализма — важная составляющая публичного дискурса во всем мире. В России ключевая роль в этом дискурсе отводится Северному Кавказу как региону, который понимается как наиболее проблемный с точки зрения эскалации исламистского насилия. При этом как в России, так и во всем мире именно молодежь рассматривается как группа, находящаяся в зоне повышенного риска радикализации, в силу чего она становится объектом особенно внимательного контроля и государственной политики по противодействию экстремизму.

Исследования радикализации стремятся выявить причины, которые приводят к распространению радикальных идей и переходу к насильственным действиям как форме их отстаивания [Bizina, Gray, 2014; Pargeter, 2009]. При этом поиск объяснительных моделей и факторов ведется как на макро-, так и на микроуровне. Одним из ключевых направлений этого анализа является изучение роли неравенства в радикализационных процессах. В фокусе внимания оказываются как факторы объективного политического, экономического и социального неравенства [Ali, Li, 2016; Krieger, Meierrieks, 2016; Bove, Böhmelt, 2016; Ismail, Amjad, 2014], так и роль субъективного неравенства или воспринимаемой несправедливости [Doosje, Loseman, van den Bos, 2013; Jensen et al., 2016].

Последнее направление подчеркивает, что объективная ограниченность доступа к различным ресурсам и каналам социальной мобильности является лишь потенциальной основой радикализации, однако именно интерпретация этой ситуации как несправедливой становится основным драйвером, который может подтолкнуть к переходу к радикальным действиям. Признание важности субъективного восприятия неравенства в процессах радикализации заставляет отказаться от попыток построения единой модели процесса радикализации или поиска ее универсальных факторов, так как интерпретация несправедливости зависит от особенностей исторического, регионального, политического и экономического контекстов.

Исследование проводилось в рамках международного проекта «Диалог о радикализации и равенстве» (DARE), который стремится понять, как молодежь реагирует на радикальные призывы. В центре внимания также — роль социального и физического окружения в процессах радикализации и дерадикализации. Одним из направлений анализа стали кейс-стади различных молодежных милье. В российском кейсе в качестве такого милье было выбрано второе городское поколение мусульманской молодежи Северного Кавказа.

Исследователи, изучающие процессы (ре)исламизации и радикализации в мигрантских сообществах Запада, выделяют парадокс второго поколения: дети и внуки мигрантов первой волны чаще, чем их родители, выбирают ислам в качестве своей основной культурной идентичности и начинают поддерживать его политизированные версии [Ganor, 2005; Bizina, Gray, 2014], что объясняется особенностями их социального опыта. В нашем милье речь идет о разделяемом опыте ограничения доступа к ресурсам — работе, властным позициям, карьере и т. п. В регионе Северного Кавказа это связано со сложившейся системой ограничения меритократической мобильности принципами клановости и семейственности в распределении ресурсов. За пределами региона причиной ограничений стано-

вится дискриминация по этническому принципу. Кроме того, переезд молодежи из сёл в города разрушает привычные родственные и дружеские социальные сети. В результате молодежь оказывается вне рамок традиционного социального контроля, в котором большую роль играют родство и соседство. Молодые люди вынуждены выстраивать новые сети. В условиях миграции в российские города, расположенные за пределами Северного Кавказа, эти новые социальные сети зачастую складываются на основе общей этничности — в дворовых компаниях, в спортивных клубах по вольной борьбе, в студенческих этнических землячествах, кружках изучения ислама и т. п. При этом миграция не ослабляет, а зачастую усиливает мусульманскую идентичность молодых северокавказцев. Религия становится единственным прочным фундаментом «нормальности» в ситуации, когда все вокруг служит указанием на твою «чуждость», «инаковость» и даже «девиантность». Сочетание этих факторов может стать основой для распространения среди участников выбранного милье радикальных идей и призывов.

Таким образом, в данном исследовании поднимается тема изучения представлений о связи неравенства и радикализации в нарративах второго городского поколения мусульманской северокавказской молодежи.

В статье рассматриваются ключевые теоретические концепты исследования (радикализация, неравенство, милье), исторический и региональный контекст исламской радикализации на Северном Кавказе и результаты исследования.

Радикализация, неравенство, милье

Так как проект DARE носит междисциплинарный характер, включает множество направлений исследований и реализуется исследовательскими командами из разных стран, отдельным направлением работы стала формулировка ключевых концептов для обеспечения общности языка и понимания всех участников исследования. Значимыми в рамках данной статьи являются понятия «радикализация», «неравенство» и «милье».

На данный момент не существует единой трактовки термина «**радикализация**», однако чаще всего речь идет о процессе, в рамках которого отдельные лица или группы начинают усваивать ценности или совершать действия, которые поддерживают насилие как метод достижения экстремистских целей. Именно такое понимание используется в рамках проекта [Pilkington, 2019]. В числе принципиальных аспектов данного подхода — во-первых, рассмотрение радикализации в *относительном*, а не абсолютном смысле. Это означает, что радикализация понимается как *процесс* любого смещения в сторону радикальной позиции, а не конечный результат этого движения, выражающийся, например, в терроризме или насильственных действиях [Sedgwick, 2010]. Во-вторых, необходимость аналитически различать *два уровня* в радикализации — уровень идеологии (установок и ценностей) и уровень поведения [Schmid, 2013: 18]. В-третьих, признание *агентности* участников сообщества, предполагающее, что радикализация — это «что-то, производимое активными участниками, пытающимися осмыслить себя и свой мир» [McDonald, 2018: 15], и она воплощена в социальную жизнь посредством «практики, основанной на социальной жизни и конкретных действиях» [Pilkington, 2016: 202].

Неравенство представляет собой объективно неравное или субъективно воспринимаемое как несправедливое распределение ценных ресурсов, власти, шансов (таких как доход, здравоохранение, образование, занятость, политическое представительство, юридические и гражданские права) или пробелы в доступе к возможностям [Franc, Pavlović, 2019].

Для определения и понимания неравенства важно признание многоаспектности данного феномена, которое позволяет говорить о его разновидностях. Во-первых, неравенство может принимать различные формы (*экономическое, социальное, политическое и др.*) в зависимости от того, о распределении/доступе к каким ресурсам мы говорим [McKay, 2002; Stewart, Samman, 2014]. Во-вторых, исследователи различают *вертикальное неравенство*, существующее между отдельными субъектами, и *горизонтальное* — между странами или группами внутри одного общества (например, этническими, религиозными или гендерными) [Jasso, Kotz, 2008; Stewart, 2005; Stewart, Samman, 2014]. Наконец, для проекта значимо внимание к сосуществованию *объективного и субъективно воспринимаемого* неравенства, которое также называется «воспринимаемой несправедливостью» [Jetten et al., 2017]. Под первым понимаются структурные ограничения в доступе индивидов или определенных социальных групп к экономическим, политическим и культурным ресурсам, а под вторым — идея несправедливости распределения указанных ресурсов в восприятии членов сообществ. Субъективные представления о неравенстве могут выражаться в ощущении неравного отношения, социального исключения, стигматизации, дискриминации, потери достоинства. Важно подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с чувством неудовлетворенности именно по отношению к ситуации неравенства, которое интерпретируется как несправедливое [ibid.], что подчеркивается термином «субъективное неравенство». Субъективное восприятие группового неравенства может быть столь же важным, как и объективно измеренное неравенство, усугубляя уже сложившееся отношение к несправедливости и привилегиям [Stewart, 2000]. Стоит понимать, что эти два вышеуказанных измерения не связаны напрямую: ограниченность ресурсов может восприниматься как справедливая или обоснованная, и наоборот, чувство несправедливости может возникать в группах с широким объективным доступом к ресурсам.

Термин «**милье**» в социальной теории продолжает традицию признания роли окружения в становлении субъективности человека, заложенную еще Ч. Кули в его идее «зеркального Я» [Cooley, 1992] и получившую дальнейшее развитие в концепции «жизненного пространства» К. Левина [Lewin, 2013]. Последний расширил понимание факторов и агентов, во взаимодействии с которыми происходит становление идентичности, включив в них также и физическое окружение на разных уровнях (микро-, мезо- и макро-).

В рамках проекта «Диалоги о радикализации и равенстве» было выработано следующее понимание термина: милье включает в себя людей, физические и социальные условия, значимые события и сети коммуникаций, в которых кто-то действует или живет, и которые формируют субъективность (идентичность), выбор и траекторию этого человека на протяжении жизни [Pilkington, 2019]. Стоит подчеркнуть, что важнейшей частью анализа милье является изучение именно

субъективности, предполагающее внимание к тем интерпретациям, которые сами акторы дают своему жизненному пространству и происходящим в нем событиям.

Дискуссия о радикализме и неравенстве

Прочные ассоциации социального неравенства с такими социальными проблемами, как политическая нестабильность, насильственная преступность, низкий уровень социальной солидарности и доверия в обществе, дают основание рассматривать его в качестве одного из ключевых факторов радикализации [Uslaner, Brown, 2005; Wilkinson, Pickett, 2010]. На теоретическом уровне отмечается, что обращение к радикальным взглядам или методам может быть ожидаемым эффектом пессимистического мировоззрения и экзистенциальной неуверенности, порожденных высоким уровнем неравенства [Norris, Inglehart, 2004; Hohman, Hogg, 2015].

Исследователи, изучающие связь объективных показателей неравенства (таких как индекс Джини и индекс человеческого развития) с радикальными установками, ценностями и поведением, приходят к противоречивым выводам. Когда одни показывают, что рост экономического неравенства, операционализованного через коэффициент Джини, сопровождается ростом террористической активности [Ali, Li 2016; Krieger, Meierrieks, 2016], другие оценивают эту связь как незначимую [Bove, Böhmelt, 2016; Ismail, Amjad, 2014; Piazza, 2006, 2012] либо даже отмечают негативную корреляцию неравенства и терроризма [Choi, Piazza, 2016].

Исследования, рассматривающие радикализацию в контексте социальной стратификации, как правило, отвергают распространенную точку зрения, что терроризм и экстремизм являются уделом бедных [Krueger, Laitin, 2008; Maleckova, 2005]. Напротив, подчеркивается, что как участники, так и основные симпатизанты радикальных взглядов и действий чаще всего происходят из относительно образованных и обеспеченных социальных страт [Krueger, Laitin 2008; Blair et al., 2013]. Вместе с тем Фархад Хосрохавар отмечает, что значимость экономического фактора как драйвера исламистской радикализации следует рассматривать в страновом контексте [Khosrokhavar, 2009: 11]. Имеются основания считать, что в странах с нестабильными политическими системами и/или раздираемых вооруженными конфликтами высокая безработица (или неполная занятость), зависимость от государственной помощи, неадекватная система общественного здравоохранения (особенно в развивающихся странах) более значимы для радикализации, чем собственно идеология и религия [Boukhars, Amar, 2011; Fearon, Laitin, 2003; Suleiman, Karim, 2015]. В отдельных исследованиях показано, как радикальные организации эксплуатируют социальные проблемы, предоставляя присоединившимся членам доступ к материальным и социальным ресурсам или возможность овладеть ими самостоятельно [Suleiman, Karim, 2015; Speckhard, Yayla, 2015].

Существует также консенсус относительно значимости так называемых горизонтальных неравенств [Stewart, 2000; Piazza, 2011], характеризующих социальное, экономическое и политическое положение групп, выделяемых на основании этничности, религии, страны, происхождения и других идентичностных маркеров. Структурные неравенства между этническими и религиозными меньшинствами

и большинством являются реальностью даже в относительно благополучных и эгалитарных странах «золотого миллиарда» [Heath, Rothon, Kilpi, 2008]. Опросы мусульман второго и третьего поколения в Европе [Muslims in the European Union..., 2006] подтверждают, что эта группа систематически сталкивается с дискриминацией на рынке труда, недостаточно представлена в общественной и политической жизни, испытывает на себе враждебность и недоверие к своему культурному и религиозному бэкграунду [Roy, 2017]. Возникающие вследствие этого чувства несправедливости и ресентимента, имеющие групповое измерение, могут стать драйвером радикализации даже для тех, чье индивидуальное благосостояние относительно высоко. Некоторые авторы делают особый акцент на аффективном измерении объективного неравенства как воспринимаемой реальности. Так, Майкл Дженсен и его коллеги подчеркивают, что материальное неравенство как таковое не является единственным драйвером радикализации, но всегда сопровождается личным или общественным кризисом [Jensen et al., 2016].

Отдельные исследователи отмечают, что наиболее надежным показателем, предсказывающим восприимчивость к радикальным взглядам, выступают относительные (а не абсолютные) неравенства и социально-экономическая изоляция образованной части населения. Так, исследование Марии М. Коумен показывает, что молодые марокканцы в Нидерландах имеют лучшие стартовые позиции по сравнению с родителями, но при этом у них все еще меньше возможностей на рынке труда и образования, чем у их нидерландских сверстников, и это делает их более восприимчивыми к радикализации, чем предшествующее поколение [Komen, 2014].

Эффект от объективной дискриминации может усиливаться субъективным восприятием неравенства. Согласно позиции Марка Сейджмена, повседневный опыт дискриминации мусульман может сочетаться и взаимно усиливаться теориями заговора и моральным возмущением, направленными на группы (предполагаемых) виновников этого положения [Sageman, 2008].

В других работах подчеркивается, что в европейских странах связь неравенства с радикализмом опосредована политическим недовольством, источником которого выступает комплексная ситуация постколониальной дискриминации, расизма и кризиса идентичности. Неслучайно в качестве аудитории, наиболее восприимчивой к радикальным месседжам, выделяются представители второго и третьего поколений мигрантов, остро переживающие свою инаковость и отчужденность как от принимающих обществ, так и от тех, с которыми ассоциируют себя их родители [Khosrokhavar, 2005]. Для них типичен разрыв между требованиями родительской культуры и культуры принимающего общества [Andre, Mansouri, Lobo, 2015; Roy, 2017]. Все это порождает у названной группы «статусную разочарованность и потерю самоидентификации» [Cottee, 2010].

Ряд исследователей выделяют глобальное измерение неравенства как важный драйвер радикализации. Так, во многих случаях структурное неравенство, воспринимаемое как несправедливое, укоренено в макроэкономическом неравенстве между глобальными Севером и Югом [Githens-Mazer, 2009; Ahmed, 2016; Inge, 2016]. С этой точки зрения терроризм и экстремизм отражают асимметричные отношения политического доминирования и сопротивления этому доминированию

[Ahmad, 2017: 119]. Это приводит к самоидентификации джихадиста как «искателя справедливости», призванного устранить несправедливый порядок, основанный на доминировании Запада и, в частности, США [Khosrokhavar, 2009].

Исследования, фокусирующиеся на взаимосвязи субъективного неравенства (воспринимаемой несправедливости) и радикализации, показывают, что эта связь может носить обратный характер — от радикализации к неравенству [Boyle, Songora, 2004]. Рост террористической активности способствует восприятию мусульман как ответственных за это насилие, что в свою очередь ведет к еще большей изоляции и депривации группы. Например, после атаки 9/11 в США существенно ухудшилось отношение к мусульманам: они стали чаще сталкиваться с дискриминацией при поиске работы и на рабочем месте, а также подвергаться вербальному харассменту [Barkdull et al., 2011]. Другие авторы подчеркивают, что контртеррористические мероприятия часто носят непропорциональный характер и рассматриваются как направленные против мусульман как таковых [Boyle, Songora, 2004; Bonino, 2015]. Тиражируемое прессой и политиками представление о том, что ислам и мусульмане представляют собой «проблему» для западных обществ, подрывает чувство принадлежности мусульманских граждан к странам, в которых они проживают [Boyle, Songora, 2004]. Терроризм также сказывается на социальном здоровье (личная и социальная идентичность) и социальном комфорте мусульман [Baker, 2007; Casimiro, Hancock, Northcote, 2007]. Чувство исключенности, возникающее у мусульман вследствие стигматизации и дискриминации, обусловленных террористическими актами и политикой секьюритизации, усиливает у этой группы приверженность исламу и подверженность радикальным идеям. Таким образом, возникает эффект замкнутого круга — радикализация порождает воспринимаемое неравенство, которое, в свою очередь, приводит к очередному витку радикализации [Abbas, Siddique, 2012].

Метаанализ количественных и качественных исследований взаимосвязи радикализации и экстремизма [Franc, Pavlović, 2018; Poli, Arun, 2019], проведенный в рамках исследовательского проекта DARE, позволил сделать важные наблюдения, которые слабо артикулируются в текущей академической дискуссии. Во-первых, отношение между неравенством и радикализацией носит обоюдный характер. Как это часто предполагается, неравенство производит радикализацию. Однако анализ качественных исследований показывает, что и радикализация также играет важную роль в производстве неравенства (объективного и субъективного).

Второй вывод касается соотношения между объективными и субъективными аспектами неравенства. Синтез качественных исследований позволяет предположить, что субъективные значения неравенства, восприятие своей позиции в отношениях власти как маргинальной, подчиненной, независимо от того, связано это с объективной ситуацией или нет, превалируют над объективными индикаторами неравенства в запуске процессов индивидуальной или групповой радикализации.

Наконец, значение, придаваемое субъективному опыту несправедливости в исследованиях радикализации, указывает на то, что последняя представляет собой скорее процесс, чем состояние. Переживание несправедливости воспринимается, интерпретируется и потенциально мобилизуется через множество других факто-

ров, включая социально-экономическую ситуацию, индивидуальный бэкграунд, семейные и дружеские связи, национальный контекст. Отсюда можно сделать вывод, что связь между неравенством и радикализацией сильно зависит от контекста и может варьировать от одного эмпирического случая к другому.

История и контекст исламистской радикализации на Северном Кавказе

У Северного Кавказа длительная история религиозного радикализма, сочетающего установки на построение теократического шариатского государства с идеями политической независимости от России. Еще в XIX веке горные районы Чечни и Дагестана стали ареной затяжной Кавказской войны, которая велась местными мусульманами против Российской империи под знаменами газавата — священной войны с неверными [Zelkina, 2002; Курбанов, 2004]. В 1930—1940-е годы горцы активно сопротивлялись давлению тоталитарного государства, которое пыталось через коллективизацию сельского хозяйства, борьбу с религией и обычаями, репрессии против административных элит и духовенства уничтожить привычный образ жизни горских народов [Коллективизация и антиколхозные..., 2007]. В конце Великой Отечественной войны чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы были депортированы в Центральную Азию и Сибирь [Полян, 2001]. Коллективная травма депортации сыграла важную роль в эскалации Чеченского конфликта 1990—2000-х годов.

В новейшей истории исламистской радикализации на Северном Кавказе можно выделить три этапа, каждому из которых соответствуют свой набор акторов, идеологическая направленность, методы и территориально-географический контекст.

Первая Чеченская война велась чеченскими инсургентами под руководством Джохара Дудаева и Аслана Масхадова против федеральных сил под лозунгами независимости Чеченской республики Ичкерия. Основной идеологией сепаратистов был этнический национализм. Исламский фактор играл важную роль в консолидации чеченского сопротивления и привлечении финансовых и человеческих ресурсов из мусульманских стран. Однако на этом этапе радикальные группы исламистской направленности не заявляли о себе как о самостоятельной силе и формально подчинялись светскому руководству самопровозглашенной Ичкерии.

К концу Второй чеченской войны конфликт распространился на территорию всего Северного Кавказа. Потерпев поражение в прямых столкновениях с федеральной армией и ополчением, боевики перешли к диверсионно-террористической войне. Идеологической доминантой этого этапа стал джихадизм, а целью — построение независимого шариатского государства, включающего все мусульманские республики региона [Dobaev, 2009; Markedonov, 2010]. В это время институционализировались исламистские группировки («Имарат Кавказ», «Джамаат Шариат», «Кабардино-Балкарский джамаат»), организованные по сетевому принципу. Их исполнительным звеном стали локальные ячейки — джамааты, которые рекрутировали местных резидентов [Yarlyukarov, 2010; Поляков, 2015].

Третий этап характеризуется значительным снижением активности радикальных групп на Северном Кавказе, что связано, во-первых, с организационным разгромом многих сетевых джихадистских структур и уничтожением их лидеров, а во-вторых, с появлением так называемого Исламского государства (запрещен-

ного в РФ), вследствие чего значительная часть радикалов выехала на территорию Сирии и Ирака [Stephens, 2016; Youngman, 2016].

Нынешний этап можно назвать периодом относительного затишья. Однако большинство региональных экспертов и исследователей сходятся во мнении, что оно носит временный характер, поскольку не устранены системные факторы радикализации: низкое качество государственного управления, коррупция и приватизация социальных лифтов местными элитами, бесконтрольная деятельность силовых структур, приводящая к массовому нарушению прав человека [Ratelle, Souleimanov, 2017; Круглый стол..., 2016; Benedek, 2018]. Отмечается также, что сам по себе длительный конфликт на Северном Кавказе служит предпосылкой для возникновения новых конфликтов ввиду накопленной критической массы неразрешенных противоречий и взаимных обид [Стародубровская, 2015].

Методология и выборка исследования

Цель проекта «Диалоги о радикализации и равенстве», в рамках которого было осуществлено данное исследование, — понять, как радикализация оказывает влияние на молодых людей в разных европейских странах и как они отвечают на призывы к радикализации. В данной статье представлены результаты российского кейса исламистской радикализации, в котором в качестве объекта было выбрано так называемое второе городское поколение северокавказской молодежи — дети и младшие братья мигрантов из сёл северокавказских республик, переехавших в большие города внутри и за пределами Северного Кавказа [Круглый стол..., 2016]. Это поколение рассматривается как обладающее особой чувствительностью к политизированным версиям ислама, включая его радикальные формы [Yarlykarov, 2010; Круглый стол..., 2016]. По имеющимся данным, выходцы из этого милье доминируют среди молодых людей, уехавших воевать в Сирию на стороне запрещенного в России Исламского государства [Круглый стол..., 2016].

Исходным пунктом рекрутинга стали молодые мужчины, объединенные схожим контекстом взросления и условиями существования, связанные происхождением или семейной памятью с регионом, в котором притеснения на религиозной почве и борьба за независимость под религиозными лозунгами являются формативной частью исторического гранд-нарратива. Они, в отличие от родителей, выросли и были воспитаны в религии. Объединяет этих мужчин также миграция — индивидуальная или в составе семьи — в российские мегаполисы, которая сопряжена с ослаблением семейных и соседских социальных связей и необходимостью включения в новое социальное окружение. Изначально мы делали акцент на информантах, проживающих за пределами Северного Кавказа, так как рассматривали их как своего рода экстремальный случай, воплощающий в ярко выраженном виде ключевые черты второго городского поколения. К ним относятся разрыв с родительским сельским бэкграундом и связанное с этим межпоколенческое напряжение, социальное одиночество, возникающее от проживания в не всегда толерантной, а зачастую и откровенно враждебной иноэтничной и инорелигиозной среде, повседневная дискриминация, сужающая горизонт карьерных возможностей и создающая ощущение стеклянного потолка. Однако методом снежного

кома в выборку включались наиболее значимые связи этих мужчин. Это привело к расширению географии проекта и включению в него информантов, которые не относятся к ядерной группе, однако тесно интегрированы в описанное милье.

Всего было собрано 21 полуструктурированное интервью с 20 молодыми мужчинами в возрасте от 20 до 30 лет. 18 респондентов родились в России, 1 — в Азербайджане, 1 — в Кыргызстане. В настоящее время 15 респондентов проживают в Санкт-Петербурге, 2 — в Махачкале, 1 — в Сургуте, 1 — в Москве, 1 — в Праге. Большинство респондентов (17) представляют народы Дагестана, из них 5 идентифицируют себя как аварцы, 2 — табасаранцы, 2 — лезгины, 2 — кумыки, 2 — азербайджанцы, 2 — даргинцы, 1 — лакец, 1 отказался назвать свою национальность. Также в числе участников исследования (по одному) — чеченец, выросший в Дагестане, ингуш и русский. Все респонденты исповедуют ислам, причем подавляющее большинство относят себя к практикующим верующим. Среди направлений ислама в выборке представлены салафизм, суфизм, шиизм, «просто мусульмане».

Собранные данные обрабатывались и анализировались с помощью программы NVivo. На первом этапе была разработана кодировочная сетка, включавшая 26 тематических категорий, отражавших различные аспекты повседневной жизни и биографического опыта информантов, их ценностные установки, политические и идеологические аффилиации, общее видение ситуации в мире и стране, отношение к радикализму, экстремизму и мерам по их предотвращению и профилактике. Кодировочная сетка была единой для всех команд в рамках рабочего пакета «Исламистская радикализация», для того чтобы впоследствии можно было провести межстрановые сравнения кейсов. В то же время каждая команда имела право добавить собственные категории (не более трех), отражающие специфику конкретного кейса. В российском кейсе были добавлены категории «Спорт» и «Локальность». Внутри каждой категории проводилось сплошное кодирование с выделением кодов в логике обоснованной теории [Strauss, Korbin, 1997].

Сбор и анализ материала соответствовали этическим требованиям проекта. Все участники были ознакомлены с информацией о проекте, давали устное информированное согласие на участие в нем.

Результаты исследования

В собранных нарративах информанты рассуждали о распространении радикализированных идей и версий ислама среди северокавказской молодежи в контексте как республик Северного Кавказа, так и городов за его пределами. При этом анализ показал, что информанты проводят четкое различие между двумя траекториями радикализации. «Домашняя» радикализация, затрагивающая молодежь, проживающую на Северном Кавказе, воспроизводит логику замкнутого круга, когда борьба с терроризмом в этом регионе приводит к множеству злоупотреблений со стороны силовых структур и порождает чувство несправедливости, таким образом еще больше радикализуя молодых людей. Радикализация молодых мужчин, проживающих за пределами Северного Кавказа, порождена относительным горизонтальным неравенством, имеющим социально-экономическую подоплеку и усиленным межпоколенческим напряжением внутри нуклеарной семьи.

«Домашняя» радикализация

Проблема «домашней» радикализации в нарративах второго городского поколения северокавказской молодежи рассматривается в контексте сформировавшейся в регионе атмосферы тотального насилия и страха, главной причиной которой считается предоставление силовым структурам (силовикам) неограниченных полномочий по «борьбе с терроризмом». Именно бесконтрольная власть силовиков в общественной жизни региона лежит в основе выстраиваемой нашими собеседниками картины несправедливого общества, каким, по их мнению, является современный Северный Кавказ. Информанты повторяют оценку ситуации, которую неоднократно давали исследователи и правозащитники: борьба с джихадистским подпольем ведется с грубым нарушением прав человека и применением самых жестких методов. Легальные институты защиты прав человека слабо функционируют, выстроенная в регионе система круговой поруки препятствует возбуждению уголовных дел в отношении представителей республиканских властей и силовых ведомств.

В представлениях информантов любая открытая критика действий властных структур может привести к жестким ответным мерам со стороны последних. Эта ситуация чаще всего описывается информантами как «беспредел»:

Да, после этого случая один из моих близких друзей... Когда нарушил закон и тебя осудили — это одно дело... Просто подбросили ему какие-то патроны, человека посадили, там отсидел он 4 месяца в СИЗО, пока дело шло. Дали год условно. Таких примеров среди общества — очень много таких примеров. <...> По любому из знакомых кто-то есть, кого посадили, беспредел какой-то, сплошь и рядом этот беспредел у нас присутствует». (Информант 1, мужчина, 25 лет)

«Беспредел» обозначает крайнюю форму насилия, задевающую человеческое достоинство и/или групповую идентичность — принадлежность к религиозной группе, семье, роду. Это слово в нарративах информантов имеет четкую локализацию: оно описывает исключительно системное насилие силовых органов на территории Северного Кавказа:

Интервьюер: А вы считаете, что Россия — справедливое государство, здесь справедливо относятся к людям, неважно, мусульманам или немусульманам?

Информант: Да, за исключением Дагестана и Чечни, потому что там не действует российское правительство, и они там совершенно отдельно живут. То есть я ничего не имею именно против этих людей, я, естественно, их братьями считаю, но сама полиция, они открыто говорят: «Какой закон? Какой закон Российской Федерации? Я сам закон!» То есть они ловят человека, заставляют его водку выпить, понимаете, «не выпьешь, тебя в шестое отделение отвезем». А ребята ради того, чтобы не умереть, допустим, им приходится пить. (Информант 2, мужчина 23 года)

Символом «беспредела» стало убийство представителями силовых структур двух юношей-пастухов — братьев Гасангусейновых — в селе Гоор-Хендах Шамильского района Дагестана 23 августа 2016 г. По официальной версии, в ответ на требова-

ние предъявить документы братья открыли огонь и в ходе перестрелки были убиты. Родственники и односельчане погибших утверждали, что молодые люди не имели никакого отношения к джихадистскому подполью. Убийство вызвало большой общественный резонанс в республике. В некоторых интервью, а также в ряде других исследований этот случай прямо назывался в качестве одной из причин радикализации:

Ну взять, допустим, случай в Дагестане, когда расстреляли двух молодых ребят, одному 16, другому 17—18 лет, их втупую просто расстреляли и просто сказали: они не имели никакого отношения к ваххабитам, террористам, но до сих пор на эту тему не было разбирательств, никто не понес наказания, то есть все списали на это. (Информант 3, мужчина, 26 лет)

«Война с терроризмом» порождает не только прямое насилие, но и другие формы преследования заподозренных в связях с исламистским подпольем. В 2016 г. в Дагестане республиканским МВД был введен так называемый профучет (превентивная регистрация) религиозных экстремистов, который в народе называется «вах-учетом» (учетов ваххабитов)¹. Основанием для постановки на профучет может быть неконвенциональный внешний вид — борода без усов, подкатанные штаны, посещение «подозрительной» мечети или личная неприязнь сотрудников полиции:

Меня поставили на учет за то, что я был с бородой, переходил улицу там, сотрудник остановил. Ну, в основном [когда] ставили на учет, обманули, [сказали, что] официально разыскивался преступник, из-за бороды — ничего плохого нет, садись, все нормально, мы тебя отвезем, довезем обратно, просто тебя проверим по базе. (Информант 7, мужчина, 26 лет)

Еще один мой старый знакомый, тоже на него наехали, он был на учете, он там позвонил с сотрудником, он на него наехал, заставил открыть дом и подкинул там что-то. У нас в Дагестане каждый с этим сталкивается. (Информант 1, мужчина, 25 лет)

Молодые люди, состоящие на учете, сталкиваются с множеством проблем в повседневной жизни: их регулярно задерживают при пересечении административных границ, им нельзя устроиться в государственные учреждения или вести бизнес, связанный с госзакупками. Часто в такой же ситуации оказываются и их родственники. Хотя официально профучет был отменен в 2017 г., по информации правозащитных организаций, негласно он существует до сих пор, что подтверждается нашими информантами.

Благодаря включенности молодых дагестанцев во множественные семейные, родственные и дружеские сети, такие ситуации быстро приобретают надындивидуальное значение, подпитывая массовое чувство несправедливости:

¹ Сокирянская Е. Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе? Радикализация и ее профилактика в Чечне, Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии // Кавказский узел. 2019. 30 января. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/mojno_li_predotvratit_novie_radikalizazii/ (дата обращения: 02.06.2020).

Самое главное, что мои друзья видят, не обязательно же почувствовать лично к себе несправедливость... Допустим, мои друзья знают, что меня на профучет поставили по беспределу, позвали в РОВД пройти — опросить, опросили, сказали: «Все нормально, все хорошо, иди», а потом через некоторое время я узнал, что на учете. То есть что они сделали? Они меня притеснили как законопослушного гражданина, они, можно сказать, сделали мне проблему. Естественно, несправедливость, от этого ненависть появляется, кто-то еще несправедливость видел, какая-то ненависть. (Информант 4, мужчина, 26 лет)

Из-за повышенного внимания правоохранителей к религиозной атрибутике несправедливость фреймируется представителями второго городского поколения как сфокусированная на конкретной группе — соблюдающих мусульманах:

Здесь дагестанская полиция больше думает о своем кармане, о своих погонах и притесняет таких молодых крепких ребят, братьев-мусульман, как сказать... таких верующих людей. (Информант 4, мужчина, 26 лет)

Описанная ситуация в нарративах информантов представляется наиболее вероятной причиной крайних форм поведенческой радикализации, в частности нападений и убийств сотрудников правоохранительных органов, что, в свою очередь, влечет ответную волну репрессий и дискриминации соблюдающих мусульман. Таким образом, воспроизводится логика замкнутого круга:

Нет, речь о том, что есть Россия, а есть [республика на Северном Кавказе]. Смысл в чем, то всякие радикальные группы, что они делают, — они провоцируют государство. Везде есть такие люди, радикальные, которые провоцируют государство, а государство уже, силовые, оно уже не разделяет, всех под одну гребенку гребет. Если бы, конечно, они бы разделяли конкретно, то вообще бы было идеально. Нас, обычных мусульман, от тех. (Информант 6, мужчина, 29 лет)

Важно подчеркнуть, что в нарративах о домашней радикализации артикулируется связь между несправедливым насилием и структурами горизонтального неравенства, отражающими положение мусульман в России и асимметрию в отношениях Северного Кавказа с Москвой.

В первом случае мусульмане описываются как дискриминируемое и стигматизируемое меньшинство, выступающее объектом непропорциональной подозрительности и нападков. В сравнении с другими религиозными группами они обладают меньшим объемом политических прав (свобода слова, свобода совести):

Инф.: Взять, допустим, христиан или иудеев, буддистов, пятидесятников, Свидетелей Иеговы взять, это же вообще кошмар. Почему к ним такого пристального внимания нет, а как мусульмане, так сразу?

Инт.: А почему, ты можешь объяснить?

Инф.: Я могу это объяснить, потому что пытаются очернить ислам, это мое личное мнение. Пытаются очернить ислам. И нету такого правителя, по сей день, который выступил бы в его защиту. Как по мне, защитников, которые выступают, нету ни в России...

ну, в России-то понятно, в России будешь выступать, тебя в лучшем случае там найдут и скажут: «Замолчи!» И все. У нас нету свободы слова, давно нету этого. Это просто в Конституции прописано там все. А по факту не соблюдается. Вот и все. (Информант 5, мужчина, 24 года)

Во втором случае речь идет о неравенстве, вытекающем из особой конфигурации отношений с федеральным центром, который, по мнению информантов, отказывает республике в минимальной политической автономии и делает ставку на силовое принуждение к лояльности. Это приводит к тому, что население Северного Кавказа оказывается фактически ограниченным в правах, которыми обладают жители других российских регионов, особенно Москвы и Санкт-Петербурга:

То есть, грубо говоря, не то, что в Америке, я тебе могу привести пример даже по России. Из Дагестана ребята выезжают и в Москву, и в Питер, и там они могут спокойно и штаны подкоротить, и бороду оставить — такие внешние исламские атрибуты сделать спокойно, и им за это ничего не будет. А если в Дагестане так начнешь ходить, могут где-то задержать, на профучет поставить, даже если ты никакие действия не совершал, а просто так ходишь обычно в городе с бородой, они могут за это запросто на учет поставить. А так, в Москве и в Питере в этом плане намного спокойней. Грубо говоря, ты хоть там бороду оставь в Москве, к тебе никто из полицейских не подойдет, ничего не скажет. (Информант 4, мужчина, 26 лет)

Экономическое неравенство также фигурирует в нарративах о «домашнем» радикализме, однако ему отводится сравнительно скромное место. Основной акцент делается не на материальной лишенности, а на отсутствующих возможностях для самореализации молодых людей:

Религия — это то, благодаря чему можно человека заманить. У нас же на Кавказе молодежь, она такая, потенциальная, и ребятам хочется чего-то такого сделать. В тех рамках, которые сейчас есть в Дагестане, нет работы, негде себя реализовать. А вот тут, например, они начинают знакомиться с религией, а их кто-то уводит не туда. А у них кипит внутри, они хотят делать что-то хорошее, им кажется, что они едут туда делать что-то хорошее. (Информант 7, мужчина, 23 года)

Таким образом, «домашняя» радикализация объясняется через социально-политическую ситуацию в регионе: неограниченные полномочия «силовиков» в рамках борьбы с террором порождают многочисленные злоупотребления и нарушения гражданских прав. Несправедливое насилие вписано в структуру горизонтальных неравенств, отражающих положение мусульман как дискриминируемого и стигматизируемого меньшинства, а также неравноправное положение Северного Кавказа относительно других регионов.

Статусная фрустрация и межпоколенческое напряжение

В нарративах, описывающих опыт радикализации в условиях больших городов, на первый план выходит горизонтальное неравенство — дискримина-

ция, с которой выходцы с Северного Кавказа сталкиваются при поиске работы и на рабочем месте:

И был такой случай, когда я устраивался в органы, и прямо рядом с ними была организация, энергетическая организация. И одновременно, я думал, буду искать параллельно работу и устроюсь туда. И там мне дали отказ. Я как-то в разговоре с работниками этой структуры сказал, что я хотел туда устроиться, подал документы, но похоже, что мне не дадут ответа. Они позвонили туда и им сказали, что «нет, мы не хотим», то-сё... И просто причина была, они мне четко дали понять, что причина в том, что я дагестанец. И у моего друга, который окончил, допустим, юридическую академию и устроился в Петербурге в органы, ему дали официальную бумагу, где сказано, что есть негласное соглашение лиц с Северного Кавказа не принимать. (Информант 8, мужчина, 27 лет)

Источником радикальных настроений в данном случае выступает статусная фрустрация — неудовлетворенность позицией в обществе, которая определяется возможностью выстроить самостоятельную профессиональную карьеру. Часто информанты подчеркивают, что неудовлетворенность возникает вследствие разрыва между низким индивидуальным статусом и относительно высоким статусом семьи. Так, практически во всех нарративах о поездках в Сирию фигурируют молодые люди, занятые в сегменте неквалифицированного и низкооплачиваемого сервисного труда (охранники, продавцы, торговые представители), но при этом происходящие из состоятельных семей:

Он работал охранником в Макдональдсе, жил с сестрой, с мамой как бы, да, молодой красивый парень был, 20 лет, туда уехал. И сразу же его там убили, и всё. (Информант 8, мужчина, 29 лет)

Вне интервью сказал, что он не хочет брать деньги у отца, который занимается строительным бизнесом, несмотря на то что его семья достаточно состоятельная. А вот его старшие братья, что один, работающий в полиции, что другой, бизнесмен, не стесняются это делать. (Запись полевого дневника, Информант 2)

Важным элементом предлагаемой информантами объяснительной модели является межпоколенческое напряжение. Невозможность состояться в принимающем обществе усугубляется конфигурацией отношений власти-подчинения внутри семьи, предполагающей безоговорочное подчинение младших старшим, непререкаемый авторитет отца и эмоциональное отчуждение между отцами и сыновьями, повышенную требовательность к формальным показателям успешности в спорте или учебе, контроль семьи над всем этапами жизненной карьеры человека — от выбора места работы до поиска невесты:

Наверное, у нас в семье отношения опять-таки самые традиционные, как принято в Дагестане. С отцом мы созваниваемся сейчас, да и в принципе, живя в Дагестане, мы общались с ним, у нас всегда были хорошие отношения, но при этом отец никогда со мной не сюсюкался и никогда со мной просто так лишний раз не разговаривал.

Как-то так получалось, что мы всегда разговаривали по делу. (Информант 8, мужчина, 27 лет)

А таможенное направление почему выбрал, ну вот тоже такой вопрос... Скорее всего, наверное, выбирал не я, выбирал отец. Как и в большинстве случаев, когда тебе 17 лет, ты заканчиваешь школу, ты особо не осознаешь, куда тебе поступать. Тебе тупо говорят, а ты слушаешь. Ну, я такой человек — если мне там сказали, например, поставили цель какую-то определенную, окончить, например, я иду по этой цели, просто оканчиваю, хотя бы, по крайней мере, чтобы не подвести даже своих родителей, своих родных. (Информант 9, мужчина, 25 лет)

Вместе с тем переезд семьи за пределы Северного Кавказа размывает ресурсные и идеологические основания родительской власти. Так, в стремлении контролировать поведение своих детей родители не могут опереться ни на ресурсы расширенной семьи (дедушек, бабушек, дядей и тетей), ни на поддержку соседского окружения, часто безразличного или враждебного по отношению к этническим «чужим», ни на авторитет религиозных институтов. Из биографических нарративов можно понять, что в реальности авторитарные семьи часто не способны совладать даже с простейшими проявлениями неконформности со стороны детей. Например, многие информанты вспоминали, что, если они в детстве часто дралась со сверстниками или плохо учились в школе, родители просто отправляли их на один-два года пожить у родственников в дагестанском селе, так как сами не могли обеспечить «жесткого» воспитания. О том, что их сын увлечен радикальными идеями из-за отсутствия коммуникации в семье, родители узнавали позже от друзей и даже младших родственников и, как правило, никак не реагировали на эту информацию, демонстрируя «родительскую неопределенность» (parental uncertainty) [Sikkens et al., 2018].

В нарративах зафиксированы две типичные реакции на эту ситуацию. Во-первых, в большом городе у молодых людей с северокавказским мусульманским бэкграундом запускаются идентификационные процессы «поиска себя», составной частью которых является критическая рефлексия относительно легитимности культурных, политических и религиозных оснований как родительской власти, так и социального порядка принимающего общества. Кроме того, как отмечают исследователи [Yarlykarov, 2010; Стародубровская, 2015, 2016], популярность «конфликтных» (то есть ориентированных на противостояние) версий фундаменталистского ислама среди городской северокавказской молодежи не в последнюю очередь связана с тем, что в нем молодые люди видят идеологическую основу для оспаривания поколенческих иерархий, которые препятствуют самореализации. Характерный для ислама акцент на индивидуальной, а не коллективной ответственности также способствует эрозии традиционных отношений, становлению индивидуальности в противовес растворению индивида в коллективе. Примеры таких межпоколенческих конфликтов мы можем найти и в нарративах информантов:

Инф.: Ну у меня уже нету, потому что я суннит, а для шиитов — это враг номер один, ну понятно, что не враг номер один, если я их не объявляю врагами. И, естественно, были проблемы с отцом, с матерью, с братьями.

Инт.: А что они вам говорили?

Инф.: Они говорили, что ты родился шиитом и должен быть шиитом. Я говорю: «Нет, Всевышний опроверг это. Всевышний запрещает следовать отцам, если они были в заблуждении. Всевышний в Коране запрещает». Это сура одиннадцатая, двенадцатый аят, если не ошибаюсь. (Информант 2, мужчина, 23 года)

Во-вторых, это эскапизм, подкрепленный верой в возможность реализации идеала справедливого общества. Информанты отмечают, что провозглашение так называемого Исламского государства было актом большого символического значения и сыграло важную роль в привлечении на сторону этой организации мусульманской молодежи, даже не испытывающей потребности в насилии:

Почему они поехали? Ну, потому что те люди, которые их звали туда, они им обещали хорошую жизнь, они им обещали праведное правосудие, то есть жизнь по шариату. Они им обещали машину, дома, они им говорили: «Вы приезжайте, мы будем тут строить государство, теперь тут мы будем устанавливать свои законы, все у нас будет по шариату». Но по факту, когда эти ребята туда приезжали, через какое-то время они понимали, что это обман, просто красивая сказка. (Информант 3, мужчина, 26 лет)

Заключение

Наше исследование выявило, что в нарративах второго городского поколения мусульманской молодежи существуют разные интерпретации роли неравенства в процессах исламской радикализации. Радикализация молодежи, проживающей в северокавказских республиках, интерпретируется как кумулятивная, то есть как ответная реакция на притеснения по отношению к ней. Основными субъектами этого притеснения видятся силовые структуры, получившие широкие полномочия в рамках профилактики борьбы с терроризмом. Злоупотребления властью и превышение полномочий этими структурами по отношению к религиозной молодежи, с точки зрения информантов, ведут к растущему чувству несправедливости и усилению радикальных настроений. При этом подчеркивается субъективная интерпретация связи несправедливости с горизонтальным неравенством как в отношении мусульман по сравнению с другими религиозными группами, так и в отношении северокавказских республик. В первом случае мусульмане видятся как дискриминируемая группа в сравнении с представителями других конфессий, а во втором речь идет о диспропорции политических полномочий между республиками Северного Кавказа и федеральным центром.

При интерпретации причин радикализации молодежи, переехавшей за пределы региона, подчеркивается роль структурной фрустрации из-за опыта двойного исключения — со стороны принимающего общества (дискриминация на рынке труда, доступ к арендному жилью и т. д.), а также со стороны родительской семьи, стремящейся контролировать своих младших членов и навязывающей им собственные представления о самореализации и карьере. Переход к радикальным идеям и вступление в сообщества с такими идеями позволяет выстраивать альтернативные модели самореализации и на символическом уровне преодолевать структурные ограничивающие факторы.

Список литературы (References)

Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927—1940 гг.). Документы и материалы / сост. Г. И. Какагасанов. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. Collectivization and Anti-farm Opposition in Dagestan (1927—1940). Documents and Materials. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2007. (In Russ.)

Курбанов Р. Расползание джихада: первичные факторы и масштабы радикализации ислама на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 6. С. 51—58. Kurbanov R. (2004) Distribution of Jihad: Primary Factors and the Extent of Islamic Radicalization in the North Caucasus. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 36. No. 6. P. 51—58. (In Russ.)

Поляков Е. М. «Боко харам», «Имарат Кавказ» и «Аль-Шабаб»: общее и особенное в практиках терроризма и политического насилия // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3. С. 37—45. <https://doi.org/10.5862/JHSS.227.4>.

Polyakov E. M. (2015) “Boko Haram”, “The Caucasus Emirate” and “Al-Shabab”: Common and Specific in Practices of Terrorism and Political Violence. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. No. 3. P. 37—45. <https://doi.org/10.5862/JHSS.227.4>. (In Russ.)

Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. ОГИ ; Мемориал, 2001.

Polyan P. M. (2001) “Not by Choice...” History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Moscow: OGI; Memorial. (In Russ.)

Круглый стол «Причины радикализации части молодежи и противодействие идеологии ИГИЛ на Северном Кавказе» // Правозащитный центр «Мемориал». 2016. 23 августа. URL: <https://memohrc.org/ru/news/kruglyy-stol-prichiny-radikalizacii-chasti-molodezhi-i-protivodeystvie-ideologii-igil-na> (дата обращения: 02.06.2020).

Round Table “Reasons for the Radicalization among Part of Youth and Opposition to ISIS Ideology in the North Caucasus”. “Memorial” Human Rights Centre. 2016. August 23rd. URL: <https://memohrc.org/ru/news/kruglyy-stol-prichiny-radikalizacii-chasti-molodezhi-i-protivodeystvie-ideologii-igil-na> (дата обращения: 02.06.2020). (In Russ.)

Стародубровская И. В. Как бороться с радикализмом молодежи на Северном Кавказе? // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 84—96.

Starodubrovskaya I. V. (2015) How to Fight Youth Radicalism in the North Caucasus. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 6. P. 84—96. (In Russ.)

Стародубровская И. В. Социальная трансформация и межпоколенческий конфликт (на примере Северного Кавказа) // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 111—124.

Starodubrovskaya I. V. (2016) Social Transformation and Intergeneration Conflict (the Example of the North Caucasus). *Social Sciences and Contemporary World*. No. 6. P. 111—124. (In Russ.)

Abbas T., Siddique A. (2012) Perceptions of the Processes of Radicalisation and De-Radicalisation among British South Asian Muslims in a Post-Industrial City. *Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture*. Vol 18. No. 1. P. 119—134. <https://doi.org/10.1080/13504630.2011.629519>.

Ahmad I. (2017) Injustice and the New World Order: An Anthropological Perspective on 'Terrorism' in India. *Critical Studies on Terrorism*. Vol. 10. No. 1. P. 115—137. <https://doi.org/10.1080/17539153.2016.1219532>.

Ahmed S. (2016) Citizenship, Belonging and Attachment in the 'War on Terror'. *Critical Criminology*. Vol. 24. No. 1. P. 111—125. <https://doi.org/10.1007/s10612-015-9279-2>.

Ali G., Li Z. (2016) Role of Economic Factors in Terrorism in Pakistan. *Quality & Quantity: International Journal of Methodology*. Vol. 50. No. 5. P. 2237—2250. <https://doi.org/10.1007/s11135-015-0260-7>.

Andre V., Mansouri F., Lobo M. (2015) A Fragmented Discourse of Religious Leadership in France: Muslim Youth between Citizenship and Radicalisation. *Journal of Muslim Minority Affairs*. Vol. 35. No. 2. P. 296—313. <https://doi.org/10.1080/13602004.2015.1046743>.

Baker C. (2007) Globalization and the Cultural Safety of an Immigrant Muslim Community. *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 57. No. 3. P. 296—305. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2648.2006.04104.x>.

Barkdull C., Khaja K., Queiro-Tajalli I., Swart A., Cunningham D., Dennis S. (2011) Experiences of Muslims in Four Western Countries Post-9/11. *Affilia*. Vol. 26. No. 2. P. 139—153. <https://doi.org/10.1177/0886109911405491>.

Benedek W. (2018) OSCE Rapporteur's Report under the Moscow Mechanism on Alleged Human Rights Violations and Impunity in the Chechen Republic of the Russian Federation Organization for Security and Co-operation. Vienna: Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: https://www.osce.org/files/Moscow%20Mechanism%20Document_ENG.pdf (дата обращения: 02.06.2020).

Bizina M., Gray D. H. (2014) Radicalization of Youth as a Growing Concern for Counter-Terrorism Policy. *Global Security Studies*. Vol. 5. No. 1. P. 72—79.

Blair G., Christine Fair C., Malhotra N., Shapiro J. N. (2013) Poverty and Support for Militant Politics: Evidence from Pakistan. *American Journal of Political Science*. Vol. 57. No. 1. P. 30—48. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2012.00604.x>.

Boukhars A., Amar A. O. (2011) Trouble in the Western Sahara. *The Journal of the Middle East and Africa*. Vol. 2. No. 2. P. 220—234. <https://doi.org/10.1080/21520844.2011.618112>.

Bonino S. (2015) Visible Muslimness in Scotland: Between Discrimination and Integration. *Patterns of Prejudice*. Vol. 49. No. 4. P. 367—391. <https://doi.org/10.1080/0031322x.2015.1066978>.

Bove V., Böhmelt T. (2016) Does Immigration Induce Terrorism? *The Journal of Politics*. Vol. 78. No. 2. P. 572—588. <https://doi.org/10.1086/684679>.

Boyle E. H., Songora F. G. (2004) Formal Legality and East African Immigrant Perceptions of the 'War on Terror'. *Law & Inequality*. Vol. 22. No. 2. P. 301—336.

Casimiro S., Hancock P., Northcote J. (2007) Isolation and Insecurity: Resettlement Issues among Muslim Refugee Women in Perth, Western Australia. *Australian Journal of Social Issues*. Vol. 42. No. 1. P. 55—69. <https://doi.org/10.1002/j.1839-4655.2007.tb00039.x>.

Choi S. W., Piazza J. A. (2016) Internally Displaced Populations and Suicide Terrorism. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. No. 6. P. 1008—1040. <https://doi.org/10.1177/0022002714550086>.

Cooley C. H. (1992) *Human Nature and the Social Order*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

Cottee S. (2010) Mind Slaughter: The Neutralizations of Jihadi Salafism. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 33. No. 4. P. 330—352. <https://doi.org/10.1080/10576101003587176>.

Dobaev I. (2009) The Northern Caucasus: Spread of Jihad. *Central Asia and the Caucasus*. No. 1. P. 49—56.

Doosje B., Loseman A., van den Bos K. (2013) Determinants of Radicalization of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*. Vol. 69. No. 3. P. 586—604. <https://doi.org/10.1111/josi.12030>.

Muslims in the European Union: Discrimination and Islamophobia. Vienna: European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia, 2006.

Fearon J. D., Laitin D. D. (2003) Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review*. Vol. 97. No. 1. P. 75—90. <https://doi.org/10.1017/s0003055403000534>.

Franc R., Pavlović T. (2018) Systematic Review of Quantitative Studies on Inequality and Radicalisation. Luxembourg: Dialogue about Radicalisation and Equality.

Ganor B. (2005) *The Counter-Terrorism Puzzle: A Guide for Decision Makers*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

Githens-Mazer J. (2009) The Blowback of Repression and the Dynamics of North African Radicalization. *International Affairs*. Vol. 85. No. 5. P. 1015—1029. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2009.00844.x>.

Heath A. F., Rothon C., Kilpi W. (2008) The Second Generation in Western Europe: Education, Unemployment, and Occupational Attainment. *Annual Review of Sociology*. Vol. 34. No. 1. P. 211—235. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.34.040507.134728>.

Hohman Z. P., Hogg M. A. (2015) Mortality Saliency, Self-Esteem, and Defense of the Group: Mediating Role of in-Group Identification. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 45. No. 2. P. 80—89. <https://doi.org/10.1111/jasp.12277>.

Inge A. (2016) *The Making of a Salafi Muslim Woman: Paths to Conversion*. Oxford: Oxford University Press.

Ismail A., Amjad S. (2014) Determinants of Terrorism in Pakistan: An Empirical Investigation. *Economic Modelling*. Vol. 37. P. 320—331. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2013.11.012>.

Jasso G., Kotz S. (2008) Two Types of Inequality: Inequality between Persons and Inequality between Subgroups. *Sociological Methods & Research*. Vol. 37. No. 1. P. 31—74. <https://doi.org/10.1177/0049124108318971>.

Jensen M., LaFree G., James P.A., Atwell-Seate A., Pisiou D., Stevenson J., Tinsley H. (2016) Empirical Assessment of Domestic Radicalisation (EADR). Final Report to the National Institute of Justice, Office of Justice Programs, U. S. Department of Justice. College Park, MD: START. URL: https://www.start.umd.edu/pubs/START_NIJ_EmpiricaIAssessmentofDomesticRadicalizationFinalReport_Dec2016_0.pdf (дата обращения: 24.06.2020).

Jetten J., Wang Zh., Steffens N. K., Mols F., Peters K., Verkuyten M. (2017) A Social Identity Analysis of Responses to Economic Inequality. *Current Opinion in Psychology*. No. 18. P. 1—5. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.05.011>.

Khosrokhavar F. (2005) *Suicide Bombers. Allah's New Martyrs*. London; Ann Arbor, MI: Pluto Press.

Khosrokhavar F. (2009) *Inside Jihadism. Understanding Jihadist Movements Worldwide*. Boulder, CO: Paradigm Publishers.

Komen M. M. (2014) Homegrown Muslim Extremism in the Netherlands: An Exploratory Note. *Journal of Strategic Security*. Vol. 7. No. 1. P. 47—53. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.7.1.4>.

Krieger T., Meierrieks D. (2016) Does Income Inequality Lead to Terrorism? *CESifo Working Paper Series*. No. 5821. URL: https://www.ifo.de/DocDL/cesifo1_wp5821.pdf (дата обращения: 02.06.2020).

Krueger A. B., Laitin D. D. (2008) Kto Kogo? A Cross-Country Study of the Origins and Targets of Terrorism. In: Keefer Ph., Loayza N. (eds.) *Terrorism, Economic Development, and Political Openness*. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press. P. 148—173. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511754388.006>.

Lewin K. (2013) *Principles of Topological Psychology*. Redditch, UK: Read Books.

Markedonov S. M. (2010) *Radical Islam in the North Caucasus: Evolving Threats, Challenges, and Prospects*. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.

Maleckova J. (2005) Impoverished Terrorists: Stereotype or Reality? In: Bjørge T. (ed.) *Root Causes of Terrorism. Myths, Reality, and Ways Forward*. London; New York, NY: Routledge. P. 33—42.

McDonald K. (2018) *Radicalization*. Cambridge: Polity Press.

McKay A. (2002) Defining and Measuring Inequality. *Inequality Briefing*. Briefing Paper No. 1. London: Overseas Development Institute. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/3804.pdf> (дата обращения: 02.06.2020).

Norris P., Inglehart R. (2004) *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511791017>.

Pargeter A. (2009) Localism and Radicalization in North Africa: Local Factors and the Development of Political Islam in Morocco, Tunisia and Libya. *International Affairs*. Vol. 85. No. 5. P. 1031—1044. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2009.00845.x>.

Piazza J. A. (2006) Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 18. No. 1. P. 159—177. <https://doi.org/10.1080/095465590944578>.

Piazza J. A. (2011) Poverty, Minority Economic Discrimination, and Domestic Terrorism. *Journal of Peace Research*. Vol. 48. No. 3. P. 339—353. <https://doi.org/10.1177/0022343310397404>.

Piazza J. A. (2012) Types of Minority Discrimination and Terrorism. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 29. No. 5. P. 521—546. <https://doi.org/10.1177/0738894212456940>.

Pilkington H. (2016) *'Loud and Proud': Passion and Politics in the English Defence League*. Manchester: Manchester University Press.

Pilkington H. (2019) Engaging Young People in Talking about Extremism. Why? How? *Aalborg Universitet: Center for Ungdomsforskning*. May 22nd. URL: https://www.cefu.dk/media/615190/Engaging-young-people-in-talking-about-extremism-Why-How-21May-2019-edited-for-website-final_compressed-1-.pdf (дата обращения: 24.06.2020).

Poli A., Arun O. (2019) Report on the Meta-Ethnographic Synthesis of Qualitative Studies on Inequality and Youth Radicalisation. Luxembourg: Dialogue about Radicalisation and Equality.

Ratelle J. F., Souleimanov E. A. (2017) Retaliation in Rebellion: The Missing Link to Explaining Insurgent Violence in Dagestan. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 29. No. 4. P. 573—592. <https://doi.org/10.1080/09546553.2015.1005076>.

Roy O. (2017) *Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State*. New York, NY: Oxford University Press.

Sageman M. (2008) *Leaderless Jihad. Terror Networks in the Twenty-First Century*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.

Sedgwick M. (2010) The Concept of Radicalisation as a Source of Confusion. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 22. No. 4. P. 479—494. <https://doi.org/10.1080/09546553.2010.491009>.

Schmid A. P. (2013) *Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review*. ICCT Research Paper. The Hague: International Centre for Counter-Terrorism. URL: <http://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf> (дата обращения: 02.06.2020).

Sikkens E., van San M., Sieckelincx S., de Winter M. (2018) Parents' Perspectives on Radicalization: A Qualitative Study. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 27. No. 7. P. 2276—2284. <https://doi.org/10.1007/s10826-018-1048-x>.

Speckhard A., Yayla A. S. (2015) Eyewitness Accounts from Recent Defectors from Islamic State: Why They Joined, What They Saw, Why They Quit. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 9. No. 6. P. 95—118.

Stephens S. J. (2016) *The Caucasus Emirate in the age of ISIS: A Short History of Islamic «States» in the North Caucasus*. Beirut: American University of Beirut. URL: <https://scholarworks.aub.edu.lb/bitstream/handle/10938/11114/pj-1889.pdf> (дата обращения: 02.06.2020).

Stewart F. (2000) Crisis Prevention: Tackling Horizontal Inequalities. *Oxford Development Studies*. Vol. 28. No. 3. P. 245—262. <https://doi.org/10.1080/713688319>.

Stewart F. (2005) Horizontal Inequalities: A Neglected Dimension of Development. In: Shorrocks A. F. (eds.) *Wider Perspectives on Global Development. Studies in Development Economics and Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 101—135. https://doi.org/10.1057/9780230501850_5.

Stewart F., Samman E. (2014) Inequality and Development: An Overview. In: Currie-Alder B., Kanbur R., Malone D. M., Medhora R. (eds.) *International Development: Ideas, Experience, and Prospects*. Oxford; New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199671656.003.0007>.

Strauss A. L., Corbin J. M. (eds.) *Grounded Theory in Practice*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.

Suleiman M. N., Karim M. A. (2015) Cycle of Bad Governance and Corruption: The Rise of Boko Haram in Nigeria. *Sage Open*. Vol. 5. No. 1. <https://doi.org/10.1177/2158244015576053>.

Uslaner E., Brown M. (2005) Inequality, Trust, and Civic Engagement. *American Politics Research*. Vol. 33. No. 6. P. 868—894. <https://doi.org/10.1177/1532673x04271903>.

Wilkinson R., Pickett K. (2010) *The Spirit Level: Why Equality is Better for Everyone*. London: Penguin.

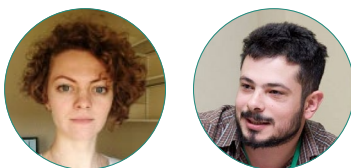
Yarlykapov A. (2010) The Radicalization of North Caucasian Muslims. In: Dannreuther R., March L. (eds.) *Russia and Islam: State, Society and Radicalism*. Abingdon: Routledge. P. 137—154.

Youngman M. (2016) Between Caucasus and Caliphate: The Splintering of the North Caucasus Insurgency. *Caucasus Survey*. Vol. 4. No. 3. P. 194—217. <https://doi.org/10.1080/23761199.2016.1215055>.

Zelkina A. (2002) Jihad in the Name of God: Shaykh Shamil as the Religious Leader of the Caucasus. *Central Asian Survey*. Vol. 21. No. 3. P. 249—264. <https://doi.org/10.1080/0263493022000039971>.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1632

А. Л. Рочева, Е. А. Варшавер

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ МОЛОДЕЖИ С МИГРАЦИОННЫМ БЭКГРАУНДОМ И БЕЗ: РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ

Правильная ссылка на статью:

Рочева А. Л., Варшавер Е. А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295—334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>.

For citation:

Rocheva A. L., Varshaver E. A. (2020) Migration Intentions of Youth with and without Migrant Backgrounds: a Russian Case. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 295—334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>.

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ МОЛОДЕЖИ С МИГРАЦИОННЫМ БЭКГРАУНДОМ И БЕЗ: РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ

РОЧЕВА Анна Леонидовна — кандидат социологических наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

*E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>*

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

*E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>*

Аннотация. Стабильная благоприятная демографическая ситуация предполагает, что привлеченные в страну мигранты хотят остаться, а местное население не намеревается уезжать. В статье предпринимается попытка оценить, насколько разные сегменты самой миграционно подвижной группы — молодежи — склонны рассматривать Россию как страну для будущей жизни. В фокусе внимания следующие группы молодежи 18—30 лет, проживающие в России: (1) работающие мигранты, (2) иностранные студенты, (3) мигранты второго и полуторного поколения из Средней Азии, а также (4) местная молодежь. На основа-

MIGRATION INTENTIONS OF YOUTH WITH AND WITHOUT MIGRANT BACKGROUNDS: A RUSSIAN CASE

Anna L. ROCHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies

*E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>*

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research, Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies

*E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>*

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. Favorable demographic situation implies that the newly arrived migrants are willing to stay and the local population does not intend to leave the area. The article attempts to assess the perception of Russia as a place of living by different groups of mobile youth. The article is focused on the following groups of people aged 18-30: (1) working migrants, (2) foreign students, (3) the second and one-and-a-half generation migrants from the Central Asia, and (4) local youth. Based on a survey ($N = 1143$) conducted using targeting technique on V Kontakte social network in 2020, the authors examine, firstly, the migration moods of different groups of young people in a five-

нии опроса ($N = 1143$), проведенного в 2020 г. с помощью таргетинга в социальной сети «ВКонтакте», авторы рассматривают, во-первых, миграционные намерения разных групп молодежи в пятилетней перспективе, во-вторых, факторы, связанные с планами жить через пять лет в России или в другой стране, в-третьих, условия, при которых не собирающиеся через пять лет жить в России готовы изменить планы.

Жить в России через пять лет планируют около половины иностранных студентов, работающих мигрантов и местной молодежи, а также две трети мигрантов второго и полторного поколения. Результаты исследования подтверждают предположения, что «объективные» экономические показатели благосостояния, такие как размер заработной платы, менее значимы для миграционных планов работающей молодежи, чем показатели «субъективные», такие как удовлетворенность доходом, экономическим положением или работой в целом. Фактор, «выталкивающий» из России молодежь независимо от ее рода занятий и миграционного бэкграунда, — ощущение правовой незащищенности. Кроме того, для каждой группы весомы свои факторы. Для иностранных студентов это привязанность к родной стране и уверенность в трудоустройстве в России, для студентов из числа местной молодежи и мигрантов второго и полторного поколения — наличие связей с людьми, живущими в России или других странах, для работающих мигрантов — привязанность к родной стране, а для работающих респондентов из числа местной молодежи и мигрантов второго и полторного поколения — мнение, что в другой стране они были бы более состоятельными.

year perspective, secondly, the factors related to the plans to live in Russia or another country in five years, thirdly, the conditions under which those not planning to live in Russia in five years would change their plans.

About half of foreign students, working migrants and local youth as well as two-thirds of migrants of the second and one-and-a-half generation are going to live in Russia. The results of the study prove the assumption that objective economic well-being indicators, f.e. salary size, are less likely to be an important factor behind migration plans of young people than the subjective indicators, such as satisfaction with income, economic situation or job in general. A sense of legal insecurity is the factor that pushes young people out of Russia regardless of their occupation or migration background. Besides that, crucial factors can be different depending on the group. Foreign students may pay attention to their attachment to the home country and confidence that they will be hired in Russia. Connections with people living in Russia or other countries are important for local youth and the second and one-and-a-half generation migrants. The working migrants stress their attachment to their home country, whereas the working respondents among locals or the second and one-and-a-half generation migrants believe that they may have a higher income in another country.

Ключевые слова: миграционные намерения, миграционные планы, молодежь, мигранты, иностранные студенты, мигранты второго поколения, Средняя Азия, Россия

Keywords: migration plans, migration intentions, youth, migrants, foreign students, second generation migrants, Central Asia, Russia

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00019).

Acknowledgments. The study is funded by the Russian Science Foundation (project No. 18-78-00019).

Введение

Привлечение мигрантов — это один из способов улучшения демографической ситуации в России, что зафиксировано в Концепции миграционной политики¹ и Концепции демографической политики². Стабильная благоприятная демографическая ситуация среди прочего предполагает, что привлеченные мигранты хотят остаться в стране, а местное население не намеревается из страны уезжать. Оценить, в какой степени возможен миграционный отток уже живущих в России мигрантов и их детей, а также местного населения — задача, решение которой необходимо для совершенствования демографической и социальной политики. Проведение такой оценки возможно с помощью изучения миграционных планов и намерений — прежде всего молодежи как наиболее миграционно подвижной группы [Efendic, 2016]. Несмотря на неоднозначность соотношения между намерениями и реальным поведением в целом, результаты отдельных работ демонстрируют наличие такой связи разной силы применительно к миграции [de Jong et al., 1985; van Dalen, Henkens, 2013], а миграционные намерения молодежи могут служить предиктором популяционной динамики на уровне когорты и сообщества [Vjarnason, 2014]. В свете этого в данной статье предпринимается попытка изучить и сопоставить миграционные намерения разнообразных групп молодежи, которые сейчас проживают на территории России. Мы принимаем во внимание весь диапазон их возможного миграционного опыта: от местной молодежи до трудовых мигрантов и от иностранных студентов до мигрантов второго и полуторного поколения. В качестве основного региона происхождения молодежи с миграционным бэкграундом выступает Средняя Азия. Мы предполагаем, что миграционный опыт, наряду с другими индивидуальными характеристиками, будет связан с разным «запросом» к стране проживания и, соответственно, с разными миграционными намерениями. Наша цель, таким образом, состоит в том, чтобы выделить миграционные намерения всех указанных групп молодежи (18—30 лет) и связанные с ними факторы, а также предложить меры политики, которые могут быть направлены на то, чтобы разные группы молодежи хотели оставаться в России.

¹ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы» // Президент России. 2018. 31 октября. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 22.06.2020).

² Указ Президента Российской Федерации № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России. 2007. 9 октября. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 22.06.2020).

Исследование основано на данных онлайн-опроса, проведенного в феврале — марте 2020 г. с помощью таргетинга в социальной сети «ВКонтакте».

Обзор литературы

Миграционные намерения — тема, которая привлекает внимание исследователей на протяжении многих лет, и в последние годы интерес к ней связан с попытками оценивать миграционный потенциал и предсказывать тем самым миграционные потоки [Tjaden, Auer, Laczko, 2019; King, Gêdeshi, 2019]. Насколько эти попытки продуктивны? Значительная часть исследований скорее подтверждает наличие связи той или иной силы между миграционными планами и фактическим миграционным поведением — как на микро-, так и на макроуровне. Исследование голландского населения показало, что в течение двух лет переехали 24 % из числа тех, кто высказал такое желание [van Dalen, Henkens, 2008], а в течение пяти лет — 34 % [van Dalen, Henkens, 2013]. Более того, было обнаружено, что факторы, связанные с желанием переехать и с фактическим переездом, идентичны [van Dalen, Henkens, 2008]. В то же время сила связи между миграционными намерениями и фактической миграцией варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик [Lu, 1999]. Например, свои миграционные намерения чаще реализуют мужчины [Chort, 2014], а также лица с высшим образованием [Docquier, Peri, Ruysen, 2014]. Эта связь, кроме того, опосредуется особенностями миграционного режима, в силу чего, например, миграционные намерения жителей стран Африки реализуются в среднем хуже, чем жителей других стран мира [Tjaden, Auer, Laczko, 2019]. Кроме того, связь между миграционными намерениями и миграционными потоками продемонстрирована и на макроуровне: существующие работы даже предлагают формулу, согласно которой число фактических мигрантов в семь раз меньше числа людей, выражающих желание мигрировать, и в три раза меньше числа людей, которые начали подготовку к миграции [Laczko, Tjaden, Auer, 2017: 14]. Миграционные планы молодежи, как показывают исследования, можно использовать в качестве предиктора популяционной динамики как соответствующей возрастной когорты, так и сообщества в целом [Bjarnason, 2014].

Предметом изучения в первую очередь выступают миграционные планы молодежи, поскольку именно молодые люди чаще всего становятся мигрантами [Efendic, 2016]. Если же в фокусе внимания оказываются пожилые люди, то в значительном числе работ речь идет о мигрантах и их планах на «возвращение» [Bolzman, Fibbi, Vial, 2006; Ваукара-Крумме, 2013]. Кроме того, в свете дискуссии об «утечке мозгов» активно исследуются миграционные намерения квалифицированных специалистов [Chikanda, 2006; Khoo, Hugo, McDonald, 2011; Güngör, Tansel, 2014] или студентов выпускных курсов высших учебных заведений [Imran et al., 2011; Dako-Gyeke, 2016]. Как правило, предметом изучения становятся либо местные жители, либо мигранты. В редких случаях проводится сопоставление мигрантов и немигрантов, но такие работы часто ограничиваются одной социально-профессиональной группой (см., например, [Вашко, 2016]) или одним регионом [Yang, 2000; Воронина, 2011], либо же сопоставление производится между разными группами мигрантов [Caron, 2019] (но см. редкие исключения [King, Williams, 2018]).

Существующие работы демонстрируют наличие связи миграционных намерений со множеством факторов, которые в целом можно свести к нескольким группам. Во-первых, важны экономические соображения, такие как разрывы в доходах и экономическом развитии регионов или стран [Massey et al., 1993], а также позиции домохозяйства в местном сообществе [Loschmann, Siegel, 2014]. Тем не менее влияние экономических показателей на миграционные намерения опосредуется другими факторами, например уровнем удовлетворенности жизнью [Otrachshenko, Popova, 2014], а в ряде случаев уступает воздействию других факторов, таких как индивидуальные характеристики [Hadler, 2006; Pumares et al., 2018]. Исследования показывают, что изменение экономических условий — таких как реализация экономических программ с созданием рабочих мест в сельской местности Исландии и Шотландии, — не всегда приводит к изменению миграционных настроений молодежи [Seyfrit, Hamilton, 1992; Seyfrit, Bjarnason, Olafsson, 2010]. Во-вторых, для миграционных намерений важны «культура миграции» и «миграционный капитал» семьи или, шире, сообщества, а также социальные связи. Культура миграции предполагает наличие позитивных установок в отношении миграции и, более того, взгляд на нее как на необходимый жизненный этап [Kandel, Massey, 2002]. В свою очередь, миграционный капитал семьи означает, что семья или отдельные ее члены имеют миграционный опыт, который оценивается ими позитивно, что снижает неэкономические миграционные издержки для остальных членов семьи, а также предполагает возможные связи членов семьи с мигрантами и опыт поездок в другие страны в детстве [Ivlevs, King, 2012]. При этом культура миграции и миграционный капитал по-разному связаны с миграционными намерениями для мужчин и женщин [Heering, van der Erf, van Wissen, 2004]. И культура миграции, и миграционный капитал семьи предполагают наличие связей с мигрантами — а значимость социальных сетей для миграционных намерений продемонстрирована во многих работах [Haug, 2008; de Haas, Fokkema, 2011; Khatir, Rezaei-Moghaddam, 2014; Kaplan, Grünwald, Hirte, 2016; Manchin, Orazbayev, 2018]. В-четвертых, имеют значение индивидуальные социально-демографические и психологические характеристики, такие как род занятий (студенты выражают миграционные намерения чаще остальных) [van Mol, 2016], возраст и жизненный этап [Waldorf, 1995], миграционное поколение [Caron, 2019], пол [de Jong, Richter, Isarabhakdi, 1996], религиозность [Stinner, van Loon, Byun, 1992; García, 2006; Hoffman, Marsiglia, Ayers, 2015], склонность к рисковому поведению и «поиску приключений» [Williams, Baláz, 2012; Berlinschi, Harutyunyan, 2019]. В-пятых, имеет значение чувство принадлежности — ощущение себя «своим» в том или ином сообществе, а также воспринимаемая дискриминация [Caron, 2019]: статус этнического меньшинства связан с более сильными намерениями уехать в другую страну в случае немигрантов [Ivlevs, King, 2012] и с меньшим желанием возвращаться в случае мигрантов [Anniste, Tammaru, 2014]. В-шестых, для миграционных намерений важны социально-политические установки и ценности, а также оценка окружающей социальной среды исходя из них [Ploeanu et al., 2018; Crisan, Crisan-Mitra, Dragos, 2019].

В российском контексте предметом серьезного внимания исследователей стали миграционные намерения подростков и молодежи [Флоринская, Рощина,

2005; Абанкина, Красилова, Ястребов, 2012; Варшавская, Чудиновских, 2014; Карачурина, Флоринская, 2019; Шагалкина и др., 2019], отдельные работы посвящены миграционным намерениям [Варшавер, Рочева, 2015] и жизненным планам [Пешкова, 2017] мигрантов, в том числе разным группам молодежи с миграционным бэкграундом [Rocheva, Varshaver, Ivanova, 2019]. Существуют и исследования учащейся в других странах российской молодежи на предмет их желания продолжить обучение в России [Рязанцев, Письменная, 2017]. Исследований, в которых бы одновременно освещались вопросы о миграционных планах и намерениях молодых мигрантов и немигрантов с учетом рода их занятий (иностранные студенты и работающие мигранты), нам обнаружить не удалось.

Дизайн исследования

Статья написана на основе анализа данных онлайн-опроса, проведенного в феврале — марте 2020 г. на платформе SurveyMonkey с помощью таргетинга в социальной сети «ВКонтакте». Такой метод опроса предполагает создание рекламных объявлений со ссылкой на анкету, размещенную онлайн, и демонстрацию этих объявлений в социальной сети аудитории, которая была выбрана или сконструирована исследователями в рекламном кабинете этой сети. Такой метод получил активное развитие в последние годы и, несмотря на имеющиеся ограничения, уже зарекомендовал себя в исследованиях труднодостижимых групп (к которым, среди прочих, относят мигрантов [Pötzschke, Braun, 2017]) и молодежи в целом [Chu, Snider, 2013; Park, Calamaro, 2013]. В отличие от других стран, где наиболее популярной социальной сетью является Facebook, в России лидирует «ВКонтакте»³, который в странах Средней Азии занимает если не первое, то второе место⁴. Выборка была квотная, и наша задача состояла в том, чтобы собрать по возможности равное число анкет сопоставимыми методами.

Для иностранных студентов мы тестировали три способа таргетинга, из которых два опирались на отбор вузов, а третий предполагал таргетинг участников этнически маркированных групп в социальной сети. В рамках двух первых способов с помощью генератора случайных чисел в каждом федеральном округе выбирались вузы из числа 25% вузов с наибольшим числом иностранных студентов, всего таким образом были отобраны 107 вузов. Населенные пункты, в которых находились эти вузы, стали основными точками для всего опроса. Число населенных пунктов — 50 в 42 регионах (список населенных пунктов представлен в Приложении 1). Рекламные объявления транслировались тем пользователям подходящего возраста, которые либо находились по адресам этих вузов (гиперлокальный таргетинг), либо в своем профиле указали, что учатся в одном из них. Эти два способа, тем не менее, показали низкую эффективность, поэтому в качестве основного был выбран третий способ таргетинга: реклама транслировалась тем пользователям 18—30 лет в указанных населенных пунктах, которые являются подписчиками этнически маркированных групп.

³ Kemp S. Digital 2020: The Russian Federation. *Datareportal*. 2020. February 18. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-russian-federation> (последний доступ: 20.06.2020).

⁴ Токтаркызы А. Какие социальные сети популярны в Центральной Азии? // The Open Asia. 2020. 17 февраля. URL: <https://theopenasia.net/ru/post/kakie-sotsseti-populyarny-v-tsentrainoy-azii> (последний доступ: 20.06.2020).

Аналогичным образом с помощью таргетинга пользователей 18—30 лет в указанных населенных пунктах, подписанных на этнически маркированные группы, рекрутировались и другие участники опроса — работающие мигранты и мигранты второго поколения. Отличия состояли в характере рекламных объявлений. Для мигрантов второго поколения мы использовали русскоязычные тексты, тогда как для работающих мигрантов и для иностранных студентов на картинках были размещены тексты на киргизском, узбекском, таджикском языках.

Список этнически маркированных групп был составлен с помощью поиска по ключевым словам (например, поиск по ключевому слову «узбек*») позволяет увидеть все группы, в названии которых есть слова Узбекистан, узбекский и т. д.), а также с помощью отбора групп, наиболее популярных в соответствующих странах. Таким образом были составлены списки узбекских, таджикских, киргизских групп, в каждом из которых около 150 групп.

Для таргетинга местной молодежи мы использовали только критерии возраста и нахождения в нужных нам населенных пунктах, а рекламные объявления были на русском языке.

Во всех рекламных объявлениях пользователю в разных формах предлагался вопрос о том, останется он в России или уедет (см. рис. 1, 2).

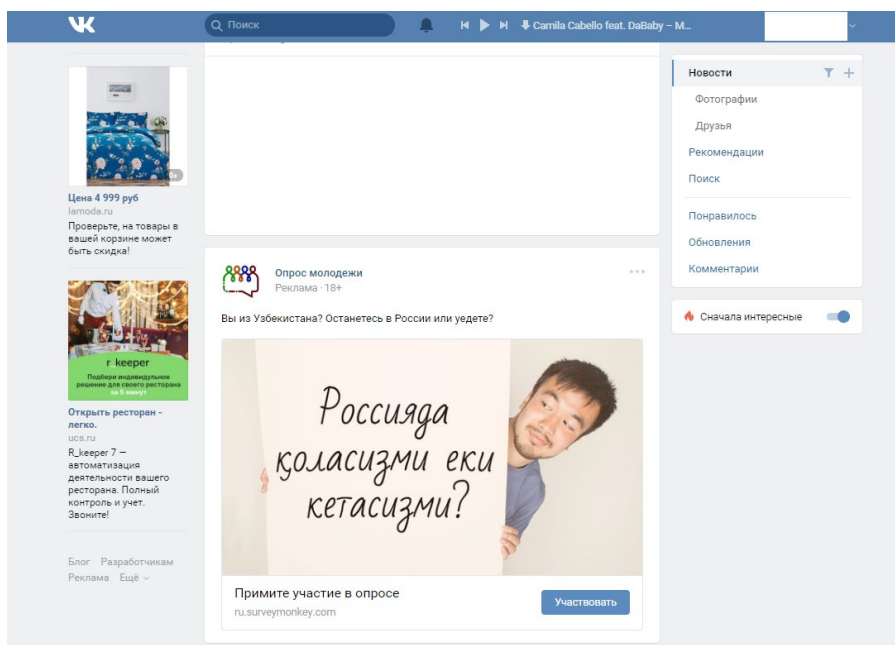
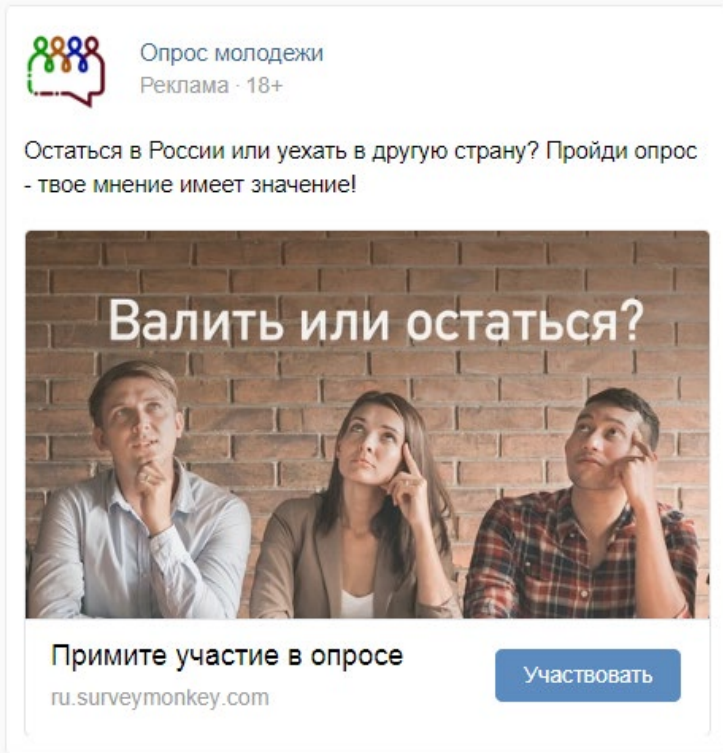

Рис. 1. Пример рекламного объявления, которое транслировалось участникам этнически маркированных узбекских групп

Опрос молодежи
Реклама - 18+

Остаться в России или уехать в другую страну? Пройди опрос - твоё мнение имеет значение!

Валить или остаться?

Примите участие в опросе
ru.surveymonkey.com

Участвовать

Рис. 2. Пример рекламного объявления, которое транслировалось местной молодежи

Опрос начали проходить 7035 человек. После чистки и кодировки массив сократился до 2822 человек, тем не менее он довольно разнообразный и включает в себя молодежь разного происхождения и с разными занятиями, набранный разными способами таргетинга. Для обеспечения максимальной сопоставимости в анализ для настоящей статьи были включены только те респонденты с миграционным бэкграундом, которые отбирались с помощью таргетинга через этнически маркированные группы, а также респонденты без миграционного бэкграунда, которые «пришли» в опрос через рекламную кампанию «для местной молодежи». Кроме того, группа лиц с миграционным бэкграундом была сужена до тех, кто относит себя к узбекской, таджикской и киргизской этническим категориям. Все это снизило число наблюдений в целом и в каждой подгруппе в частности, однако позволило повысить сопоставимость. Таким образом, в массиве было выделено четыре группы:

1) иностранные студенты, то есть респонденты, окончившие школу не в России, проходящие обучение в российском вузе и указавшие, что относят себя к таджикской, киргизской или узбекской этнической категории⁵ ($N = 222$);

⁵ Этническая категория сильно связана со страной окончания школы: 98% респондентов из числа иностранных студентов и работающих мигрантов, назвавшие себя киргизами, окончили школу в Киргизии, 93% — показатель для таджикской этнической категории и Таджикистана, 94% — для «узбеков» и Узбекистана (хи-квадрат = 1099,6; $p < 0,001$).

2) работающие мигранты — респонденты, которые отнесли себя к таджикской, киргизской или узбекской этническим категориям, работают и не проходят обучение в учреждении среднего специального/профессионального или высшего образования ($N = 431$);

3) мигранты второго и полупервого поколения (далее для краткости — мигранты второго поколения или МВП), то есть респонденты, окончившие школу в России, хотя бы один родитель которых родился в Средней Азии и которые проходят обучение в российских вузах или работают, но не учатся в учреждении среднего специального/профессионального образования ($N = 148$);

4) местная молодежь — респонденты, окончившие школу в России, оба родителя которых родились в России (или один родился в России, а про второго нет информации) и которые проходят обучение в российском вузе или работают, но не учатся в учреждении среднего специального/профессионального образования ($N = 342$). Респонденты, отнесенные к этой группе, могут различаться по этническим категориям и наличию или отсутствию опыта внутренней миграции.

Общее число респондентов в массиве, использованном для анализа, составило 1143 человек.

Центральная для этой статьи переменная описывает миграционные планы респондентов в пятилетней перспективе. Эта переменная конструируется на основании вопросов о том, где, по мнению респондентов, они будут жить через пять лет. Если респондент говорил, что будет жить не в России, его просили указать, в какой именно стране он будет жить. Для мигрантов первого поколения, то есть иностранных студентов и работающих мигрантов, а также мигрантов второго поколения, эта переменная была перекодирована так, что она принимает одно из трех значений: Россия, страна в Средней Азии, другая страна. Соответственно, их миграционные планы могут включать в себя дальнейшее проживание в России, возвращение в страну, где родились они или их родители, или миграцию в третью страну. Для местной молодежи эта переменная принимает одно из двух значений: Россия или другая страна, то есть они либо собираются оставаться в России, либо планируют отъезд в другую страну. Респонденты, затруднившиеся при ответе на этот вопрос, исключены из анализа.

Основные независимые переменные — это социально-демографические характеристики респондента; место рождения, национальность и уровень образования родителей; блок вопросов о работе для работающих и об учебе для учащихся; миграционный опыт, включая вопросы о гражданстве и документах; блок переменных с оценкой российской среды (ощущение правовой защищенности, ощущение востребованности в России, оценка лифтов вертикальной мобильности в России); ощущение принадлежности (*belonging*) в России и в родной стране (для мигрантов); блок установочных переменных (установки на этническую эксклюзивность, индивидуализм, стремление к новизне, конформизм, склонность к рисковому поведению, вера в собственные силы, радикализм); миграционная культура (установки в отношении мигрантов, рассказы о миграции из детства); социальные сети (характеристики трех человек, с кем респондент общается больше всего; наличие связей с теми, кто живет в России/не в России). Описательная статистика групп представлена в Приложении 2.

Анкета была переведена на узбекский и английский языки (первый — для работающих мигрантов и иностранных студентов, второй — для иностранных студентов), однако выяснилось, что востребованность этих версий анкеты низкая, в свете чего было решено на остальные языки анкету не переводить. Возможно, своеобразным «языковым фильтром» служит социальная сеть, и у респондентов, пришедших в опрос через нее, изначально достаточный уровень владения русским языком. Зафиксируем это как одно из ограничений нашего исследования.

Помимо языковой составляющей, к ограничениям исследования можно отнести сравнительно небольшое число наблюдений и время проведения опроса (февраль — март), что снижает вероятность получить достаточное количество анкет сезонных мигрантов. Тем не менее в свете общей задачи данного исследования, которая состоит в том, чтобы выделить различия между группами молодежи в части их миграционных намерений и связанных с ними факторов, а также сопоставить «запрос» к российской среде от тех, кто в России оставаться не планирует, — а значит, попытаться понять, какова может быть политика, направленная на привлечение или удержание разных групп молодежи в России, — эти ограничения представляются важными, но допускающими проводимый нами анализ.

Результаты исследования представлены в трех частях. В первой части мы описываем миграционные планы и намерения четырех групп молодежи — иностранных студентов, работающих мигрантов, мигрантов второго и полуторного поколения и местной молодежи, а также оцениваем их склонность выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации. Во второй части мы с помощью регрессионного анализа изучаем связь между миграционными намерениями разных групп молодежи и факторами, описанными нами выше в списке независимых переменных. Небольшое число наблюдений в отдельных подвыборках, чувствительность к этому обстоятельству применяемых методов (в частности, мультиномиальной регрессии) и необходимость использования переменных, описывающих либо учебу, либо работу, вынудили нас задействовать другой набор групп: (1) иностранные студенты, (2) работающие мигранты, (3) студенты из числа местной молодежи и мигрантов второго поколения, (4) работающие МВП и местная молодежь. В третьей части мы анализируем условия, при которых молодежь, заявившая о желании жить не в России, готова в России остаться, то есть запрос разных групп молодежи, планирующих отъезд из России, к российской среде.

Миграционные намерения молодежи

Вопреки ожиданиям, наиболее ориентированной на Россию в пятилетней перспективе оказалась не местная молодежь, а молодежь с миграционным бэкграундом — в первую очередь мигранты второго поколения. Среди них две трети считают, что через пять лет будут жить в России, тогда как среди иностранных студентов и местной молодежи такие же планы строят менее половины респондентов. Среди работающих мигрантов этого мнения придерживаются чуть более половины опрошенных. И иностранные студенты, и работающие мигранты в четверти случаев собираются вернуться домой, но первые чаще вторых рассматривают возможность через пять лет оказаться в другой стране — не на родине и не в России (см. рис. 3). Среди этих других стран упоминаются США, Канада, ОАЭ, европейские страны и т. д.

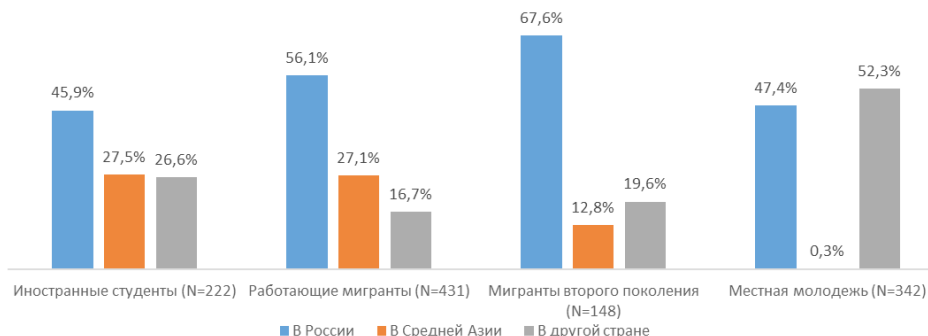

Рис. 3. Миграционные планы четырех групп молодежи (N = 1143; хи-квадрат = 196,528; p < 0,001)

Помимо индивидуальных миграционных намерений, мы также можем оценить склонность разных групп выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации. Каждому респонденту предлагалась виньетка: некоторый молодой человек в обстоятельствах, приближенных к обстоятельствам респондента, размышляет, стоит ли ему ехать в другую страну / оставаться в другой стране, если он уже там находится, или же лучше оставаться в родной стране / возвращаться в родную страну (точные формулировки см. в табл. 1).

Таблица 1. Формулировки виньеток для разных групп молодежи

Местная молодежь и МВП	Иностранные студенты	Работающие мигранты
Представьте себе ситуацию. Молодой человек заканчивает учебу и думает, что делать дальше. Он может устроиться на работу со скромной зарплатой в своем населенном пункте или поехать работать в другую, экономически более развитую страну и получать там в два раза больше. Стоит ли ему ехать? <i>Стоит ехать</i> <i>Не стоит ехать</i>	Представьте себе ситуацию. Молодой человек заканчивает учебу в другой, экономически более развитой стране и думает, возвращаться ли домой. У него два варианта: вернуться домой, где его ждет семья и где он сможет получать скромную зарплату, или остаться в другой стране, где родных нет, но где он может получить в два раза больше. Что ему стоит сделать? <i>Остаться</i> <i>Вернуться домой</i>	Представьте себе ситуацию. Молодой человек уехал работать в другую, экономически более развитую страну и сейчас думает, остаться или вернуться домой. Дома его ждет семья, но, вернувшись, он будет получать в два раза меньше. Стоит ли ему вернуться или остаться в другой стране? <i>Вернуться</i> <i>Остаться</i>

Если респондент выбирал миграционную стратегию, ситуация дополнялась условием: его родители — пожилые люди, а он — единственный ребенок в семье, и предлагались те же два варианта. Таким образом, во всей виньетке, разбитой на два вопроса, респондент мог выбрать один из трех вариантов: (1) отказ от миграционной стратегии до введения дополнительного условия, (2) отказ от миграционной стратегии при введении дополнительного условия, (3) выбор миграционной стратегии даже при введении дополнительного условия. Сравнение четырех групп

показывает, что чаще всего миграционную стратегию склонна выбирать местная молодежь, то есть те, у кого нет личного или семейного миграционного опыта, а реже всего — работающие мигранты (см. рис. 4). Кроме того, местная молодежь отличается от остальных групп в плане значимости дополнительного условия: она реже отказывается от миграционной стратегии, если родители пожилые, а герой предлагаемой ситуации — единственный ребенок в семье. Напротив, остальные три группы довольно схожи в высокой значимости чувства долга перед родителями. Эти же три группы чаще, чем местная молодежь, соглашались с высказыванием «Следовать за собственной мечтой важнее, чем выполнять долг перед семьей и родственниками»: полное или частичное согласие с этим высказыванием выразили 36 % иностранных студентов, 37 % работающих мигрантов, 45 % мигрантов второго поколения и 63 % местной молодежи (хи-квадрат равен 87,371; $p < 0,001$). Согласие с этим высказыванием положительно коррелирует со склонностью выбирать миграционную стратегию ($r = 0,267$; $p < 0,001$).

Рис 4. Склонность выбирать миграционную стратегию среди четырех групп молодежи ($N = 1085$; хи-квадрат = 285,433; $p < 0,001$)

Насколько связаны личные миграционные планы и склонность выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации? Для ответа на этот вопрос мы перекодируем личные миграционные планы в бинарную переменную, где 0 — отсутствие миграционных планов (иностранные студенты и работающие мигранты собираются вернуться домой, а МВП и местная молодежь — остаться в России), а 1 — наличие таких планов (иностранные студенты и работающие мигранты собираются остаться в России или уезжать в другую страну, а МВП и местная молодежь — уезжать в другую страну, включая Среднюю Азию для МВП). Склонность выбирать миграционную стратегию закодируем как интервальную переменную, где 1 — низкая склонность (отказ от миграционной стратегии на первом шаге), 2 — средняя склонность (отказ от миграционной стратегии только на втором шаге),

а 3 — высокая склонность (выбор миграционной стратегии на первом и втором шаге). Связь между закодированными таким образом личными миграционными планами и склонностью выбирать миграционную стратегию статистически значимая, но слабая ($r=0,125$; $p < 0,001$).

Чтобы разобраться с тем, что означает эта слабая связь для наших четырех групп, проведем сравнение: соберем в одну таблицу показатели, характеризующие наличие миграционных планов и склонность выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации (см. табл. 2). В первом столбце указаны те, кто продемонстрировал наличие миграционных планов: для иностранных студентов и работающих мигрантов это означает, что они собираются оставаться в России или уезжать в другую страну, а для МВП и местной молодежи — что они планируют уехать из России в другую страну (в том числе в Среднюю Азию для МВП). В двух других столбцах указаны те, кто выбирал миграционную стратегию в гипотетической ситуации — сначала общая доля тех, кто выбрал эту миграционную стратегию, а затем — доля только тех, кто сохранил этот выбор после введения дополнительного условия.

Таблица 2. Сравнение личных миграционных намерений и склонности выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации, %

	Наличие миграционных намерений в пятилетней перспективе	Выбор миграционной стратегии в виньетке	
		Всего	В том числе при введении дополнительного условия
Иностранные студенты	73	71	27
Работающие мигранты	73	60	17
МВП	32	86	43
Местная молодежь	52	92	73

Сопоставление показывает следующее. Местная молодежь и МВП в гипотетической ситуации выбирают миграционную стратегию чаще, чем демонстрируют в личных планах. Можно предположить, что помимо миграционного потенциала, который измеряется личными миграционными намерениями, существует миграционный потенциал «более глубокого залегания», который может актуализироваться при возникновении благоприятных условий. К таким условиям можно отнести, например, расширение миграционных возможностей — упрощение и удешевление процедур получения виз в другие страны, развитие программ по рекрутингу молодых людей для работы или учебы за рубежом, — а также появление социальных связей молодых людей с теми, кто временно или постоянно живет в других

странах (только 27 % опрошенных из числа местной молодежи согласились с высказыванием «У меня много родственников или близких друзей, которые живут не в России»; среди МВП этот показатель составляет 76 %, но, скорее всего, он относится к родным для их родителей странам). Напротив, работающие мигранты чаще сами планируют следовать миграционной стратегии в пятилетней перспективе, чем советуют это сделать герою виньетки. Иностранные студенты — это группа, в которой расхождение между собственными планами и гипотетической ситуацией минимально.

Таким образом, миграционная стратегия кажется привлекательной в первую очередь тем, кто миграционного опыта не имеет, а обладающие им не спешат советовать миграционную стратегию. Работающие мигранты имеют, судя по всему, наименее благоприятный опыт миграции в целом, но при этом миграция — это «затягивающее» предприятие, что затрудняет «выход» из нее. Этот положительный миграционный потенциал среди, прежде всего, местной молодежи и отрицательный — среди работающих мигрантов — находит свое отражение в оценке мигрантов. Респондентам предлагалось выразить свое отношение к двум высказываниям: «Люди, которые уезжают в другую страну, более смелые и амбициозные» и «Люди, которые уезжают в другую страну, — лентяи, которые не смогли себя реализовать в своей стране». Статистически значимые различия наблюдаются в распределениях по второму высказыванию. Местная молодежь соглашается с этим высказыванием в 7 % случаев, а работающие мигранты — в 21 %; мигранты второго поколения и иностранные студенты занимают промежуточное положение с 13 % и 17 % соответственно (хи-квадрат по всем четырем группам равен 32,4 при $p < 0,001$).

Таким образом, на жизнь в России в пятилетней перспективе ориентированы меньше половины иностранных студентов и местной молодежи, немногим больше половины работающих мигрантов и почти две трети мигрантов второго поколения. При этом связь между личными миграционными планами и склонностью в гипотетической ситуации выбрать миграционную стратегию статистически значимая, но слабая. Местная молодежь и МВП выбирают миграционную стратегию чаще в виньетке, чем в собственных планах, а работающие мигранты — наоборот. Зафиксировав эти расхождения, в следующей части попробуем ответить на вопрос о том, каковы же факторы, связанные с теми или иными миграционными намерениями в разных группах молодежи.

Факторы, связанные с миграционными намерениями

В этой части мы попытаемся разобраться, с какими факторами связаны те или иные миграционные планы молодежи с разным миграционным бэкграундом. Для этого мы будем проводить попарное сравнение: работающих мигрантов будем сравнивать с работающей молодежью из числа местных и мигрантов второго поколения, а иностранных студентов — со студентами из числа местных и мигрантов второго поколения. В силу того, что число мигрантов второго поколения, если разделить их на учащихся и работающих, становится слишком мало, мы объединяем их с местной молодежью — соответственно с учащимися и работающими. Для учащихся и работающих из числа МВП и местной молодежи

воспользуемся бинарной логистической регрессией, и зависимая переменная будет принимать одно из двух значений: Россия или другая страна. В этом случае мы исключаем из анализа тех представителей МВП, которые намерены через пять лет жить в Средней Азии. Для работающих мигрантов и иностранных студентов мы будем проводить анализ методом мультиномиальной логистической регрессии, поскольку зависимая переменная — миграционные планы в пятилетней перспективе — принимает одно из трех значений: респондент собирается жить в России (это будет наша опорная категория), в родной стране Средней Азии или в другой стране.

Иностранные студенты

Для изучения факторов, связанных с миграционными намерениями иностранных студентов, мы проводим анализ методом мультиномиальной регрессии, в которой зависимая переменная принимает одно из трех значений: респондент планирует оставаться в России (опорная категория), возвращаться в Среднюю Азию или уезжать в некоторую третью страну. Поскольку количество наблюдений в этой подвыборке небольшое, число независимых переменных, которые могут быть одновременно включены в модель, ограничено. В первой модели (см. табл. 3) в качестве независимых переменных фигурируют пол, возраст и этническая категория (которая, напомним, сильно связана со страной окончания школы). Дальнейшее тестирование моделей, в которых участвовали эти три социально-демографические характеристики (пол, возраст, этническая категория), а также иные переменные, включавшиеся поочередно по одной, показало, что раз за разом ни пол, ни возраст не значимы, поэтому они были исключены из второй, финальной, модели, в которую благодаря этому можно было включить больше других значимых независимых переменных. Стоит отметить, что в идеальном случае мультиномиальная регрессия требовала бы большего числа наблюдений при том числе независимых переменных, которое мы используем во второй модели. Тем не менее нам важно было проверить, как переменные взаимодействуют друг с другом.

Результаты анализа демонстрируют следующее. Для иностранных студентов наиболее важными факторами, связанными с ориентацией на Россию в сравнении со Средней Азией и третьими странами, оказались этническая категория, уверенность в возможности найти работу и защитить свои права в России, отсутствие сильной ностальгии по родной стране и характеристики круга общения. В России — в сравнении со Средней Азией и с третьими странами — чаще планируют жить те, кто идентифицировал себя как таджика, чем как киргиза или узбека. Кроме того, оставаться в России, а не возвращаться в Среднюю Азию хотят те, кто уверен, что мог бы найти хорошую работу в России, а возвращаться домой, напротив, чаще планируют те, кто чувствует себя «по-настоящему хорошо» только дома и у кого в ближайшем круге общения выше доля связей с представителями этнических категорий, распространенных в Средней Азии. Правовая защищенность — фактор, связанный с выбором между Россией и третьими странами: те, кто не чувствует, что в России может защитить свои права, предпочитает уехать из России в другую страну — но для возвращения домой этот фактор не значим.

Таблица 3. Результаты мультиномиальной логистической регрессии для иностранных студентов

	Модель 1						Модель 2					
	В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)			В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)		
	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-0,418	0,558	0,659	-0,135	0,564	0,874						
Возраст	-0,134	0,096	0,874	-0,118	0,097	0,888						
Этническая категория (ref = «узбек»)												
киргиз	-0,973	0,641	0,378	0,180	0,628	1,197	-0,597	0,723	0,550	0,380	0,620	1,462
таджик	-2,606***	0,557	0,074	-1,149*	0,500	0,317	-1,977**	0,611	0,138	-0,844*	0,499	0,430
Несогласие с высказыванием «Я уверен, что смог бы найти хорошую работу в России» (ref = «согласие»)							2,212**	0,773	9,131	-0,165	0,828	0,848
Несогласие с высказыванием «В России я всегда могу отстоять свои права» (ref = «согласие»)							0,309	0,571	1,362	1,026*	0,477	2,791
Несогласие с высказыванием «Мне по-настоящему хорошо только в родной стране» (ref = «согласие»)							-2,265**	0,705	0,104	-0,518	0,458	0,596
Доля связей с представителями этнических категорий Средней Азии (от 0 до 1)							1,303*	0,676	3,681	-0,425	0,532	0,654
N	149						142					
Псевдо г-квадрат Кокс и Снелл	0,206						0,393					
Псевдо г-квадрат Нэйджелкерк	0,234						0,447					
Псевдо г-квадрат МакФадден	0,108						0,236					

* Здесь и далее: *** $p < 0,001$, ** $0,001 \leq p < 0,01$, * $0,01 \leq p < 0,05$, " $0,05 \leq p < 0,1$

Студенты из числа местной молодежи и мигрантов второго поколения

Для этой группы мы проводим анализ методом бинарной логистической регрессии, в которой зависимая переменная принимает значения 1 — Россия или 0 — другая страна. Несмотря на то что мигранты второго поколения могли также выбирать страну в Средней Азии, где родились их родители, мы исключили эту категорию из анализа. Значимость миграционного бэкграунда для миграционных планов сохраняется в первой модели (см. табл. 4), в которой в качестве независимых участвуют также базовые социально-демографические характеристики: пол и возраст. Однако уже в следующей модели эти различия между местной молодежью и МВП исчезают, когда мы включаем в модель регион проживания и семейное положение (несмотря на то что последняя переменная в модели не значима, только сочетание этих двух переменных позволяет нивелировать различия между местными и мигрантами второго поколения). Студенты, проживающие в мегаполисах, в большей степени хотят остаться в России, тогда как жители других регионов хотят уехать в другие страны. С ориентацией на другую страну связано убеждение, что люди, уезжающие в другую страну, более смелые и амбициозные. Если респондент не уверен в возможности защитить свои права и в том, что такие люди, как он, нужны России, а в его кругу общения более высокая доля тех, кто живет не в России, то он будет в большей степени ориентирован на отъезд — и в этой модели различия между мигрантами второго поколения и местной молодежью стираются.

Таблица 4. Результаты бинарной логистической регрессии для студентов — местной молодежи и мигрантов второго поколения (зависимая переменная: 1 — Россия, 0 — другая страна)

	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4		Модель 5	
	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-0,036	0,965	0,085	1,089	0,168	1,183	0,262	1,299	0,324	1,383
Возраст	-0,012	0,988	0,022	1,022	0,006	1,006	-0,013	0,987	0,001	1,001
Местная молодежь (ref = «мигрант второго поколения»)	-0,899*	0,407	-0,656	0,519	-0,478	0,620	0,493	1,637	0,624	1,866
Состоит в браке или живет с партнером (ref = «не состоит в браке и не живет с партнером»)			-0,197	0,821	0,308	1,360	0,046	1,047	0,016	1,016
Живет в Москве или Санкт- Петербурге (ref = «живет в другом регионе»)			0,878*	2,406	0,734	2,084	0,848*	2,335	0,768	2,156
Согласие с высказыванием «Люди, которые уезжают в другую страну, более смелые и амбициозные» (ref = «несогласие»)					-0,989***	0,372				

	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4		Модель 5	
	В	Exp (В)	В	Exp (В)	В	Exp (В)	В	Exp (В)	В	Exp (В)
Согласие с высказыванием «Люди, которые уезжают в другую страну, — лентяи, которые не смогли себя реализовать в своей стране» (ref = «несогласие»)					0,393	1,482				
Согласие с высказыванием «В России я всегда могу отстоять свои права» (ref = «несогласие»)							0,619**	1,857	0,628**	1,873
Согласие с высказыванием «Я чувствую, что такие люди, как я, нужны России» (ref = «несогласие»)							0,528**	1,695	0,542**	1,720
Доля социальных связей с теми, кто сейчас живет в России									3,114**	22,521
Константа	0,687	1,988	0,252	1,287	1,914	6,782	-2,442	0,087	-5,501	0,004
R-квадрат	0,037		0,072		0,269		0,231		0,287	
N	319		319		319		319		319	

Работающие мигранты

Для работающих мигрантов мы провели анализ методом мультиномиальной регрессии, в которой зависимая переменная принимает одно из трех значений: человек планирует оставаться в России (опорная категория), возвращаться в Среднюю Азию или уезжать в третью страну. В отличие от иностранных студентов, где выделялась таджикская этническая категория, в этой подвыборке различаются все три категории (см. табл. 5): «киргизы» больше остальных ориентированы на возвращение домой, чем на жизнь в России, а «таджики» несколько чаще «узбеков» планируют оставаться в России (в последнем случае значимость пограничная). «Таджики», кроме того, реже «киргизов» строят планы на отъезд в другие страны. Мужчины чаще хотят остаться в России, а женщины — вернуться в Среднюю Азию (пограничная значимость). Чем старше респондент, тем чаще между Россией и Средней Азией он выбирает первую (при этом если в модели присутствует возраст, то ни возраст первого приезда в Россию, ни число лет, которое прошло с момента первой поездки, не значимы). Факторы, связанные с оценкой среды в России — ощущение собственной невостребованности и невозможности защитить свои права в России, а также низкая степень привязанности к России (невозможность «стать своим»), — «выталкивают» работающих мигрантов из России сразу в двух направлениях: домой и в другие страны (см. табл. 6).

Интересно, что в этих же двух направлениях действует фактор ностальгии по родной стране: те респонденты, которые согласны с высказыванием «Мне по-настоящему хорошо только в родной стране», чаще говорят о желании жить не в России, а в Средней Азии или в некоторой другой стране. Уровень заработной платы и высокая оценка своей работы оказались незначимыми, в отличие от удовлетворенности доходом. Не значимыми оказались и размер денежных переводов, а также наличие гражданства РФ.

Таблица 5. Результаты мультиномиальной логистической регрессии для работающих мигрантов: модели 1 и 2

	Модель 1						Модель 2					
	В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)			В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)		
	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	0,154	0,355	1,166	-0,646*	0,371	0,524	0,154	0,355	1,166	-0,646*	0,371	0,524
Возраст	-0,002	0,043	0,998	-0,100*	0,050	0,905	-0,002	0,043	0,998	-0,100*	0,050	0,905
Этническая категория (ref = «узбек»):												
киргиз	1,158**	0,344	3,184	0,663	0,404	1,940						
таджик	-0,730*	0,404	0,482	-0,497	0,450	0,608						
Этническая категория (ref = «киргиз»):												
узбек							-1,158**	0,344	0,314	-0,663	0,404	0,515
таджик							-1,888***	0,328	0,151	-1,160**	0,362	0,313
N	387						387					
Псевдо г-квадрат Кокс и Снелл	0,143						0,143					
Псевдо г-квадрат Нэйджелкерк	0,165						0,165					
Псевдо г-квадрат МакФадден	0,077						0,077					

Таблица 6. Результаты мультиномиальной логистической регрессии для работающих мигрантов: модель 3

	Модель 3					
	В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)		
	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-0,340	0,440	0,712	-0,875*	0,429	0,417
Возраст	0,013	0,052	1,014	-0,091	0,056	0,913

	Модель 3					
	В Средней Азии (ref = «В России»)			В другой стране (ref = «В России»)		
	Beta	St.er.	Exp (B)	Beta	St.er.	Exp (B)
Этническая категория (ref = «киргиз»):						
узбек	-1,223**	0,419	0,294	-0,462	0,443	0,630
таджик	-1,781***	0,380	0,168	-1,142**	0,396	0,319
Несогласие с высказыванием «В России я всегда могу отстоять свои права» (ref = «согласие»)	0,767*	0,305	2,154	0,597"	0,324	1,817
Несогласие с высказыванием «Я чувствую, что такие люди, как я, нужны России» (ref = «согласие»)	0,749*	0,322	2,114	0,871**	0,335	2,388
Несогласие с высказыванием «В России меня никогда не будут считать своим» (ref = «согласие»)	-0,645*	0,322	0,524	-0,911**	0,345	0,402
Несогласие с высказыванием «Мне по-настоящему хорошо только в родной стране» (ref = «согласие»)	-2,243***	0,344	0,106	-0,766*	0,329	0,465
Несогласие с высказыванием «Я доволен своим доходом» (ref = «согласие»)	0,600*	0,303	1,823	0,566"	0,326	1,761
N	380					
Псевдо r-квадрат Кокс и Снелл	0,365					
Псевдо r-квадрат Нэйджелкерк	0,424					
Псевдо r-квадрат МакФадден	0,229					

Работающие респонденты из числа местной молодежи и мигрантов второго поколения

Для этой подвыборки проводится анализ с помощью бинарной логистической регрессии, в которой зависимая переменная принимает одно из двух значений: респондент ориентирован на жизнь в России или в другой стране. Статистически значимая разница между местной молодежью и мигрантами второго поколения наблюдается в ряде моделей (см. табл. 7), но существуют модели, в которых она пропадает (см. табл. 8). Различия между местной молодежью и МВП не нивелируются переменными, характеризующими удовлетворенность работой и доходом (модель 2), а также сочетанием индивидуализма и стремлением к новизне (модель 3). Тем не менее они пропадают в моделях, где присутствуют переменные, характеризующие удовлетворенность работой и доходом и ощущение правовой защищенности (модель 4), этническую инклюзивность и уровень индивидуализма (модель 5), а также ощущение востребованности в России (модель 6).

Наиболее значимы те переменные, которые характеризуют удовлетворенность работой и доходом и ощущение правовой защищенности — модели с их участием отличаются самым высоким показателем R-квадрат (модели 2 и 4). Чем больше респондент уверен, что сможет защитить свои права, доволен своей работой и не считает, что в другой стране был бы более состоятельным человеком, тем чаще он намерен оставаться в России. В отличие от других групп, значимыми для миграционных намерений в этой подвыборке оказались стремление к новизне, индивидуализм и этническая инклюзивность: чем они более проявлены, тем более респондент будет стремиться уехать в другую страну (модели 3 и 5). При этом интересно, что отсутствие правовой защищенности оказывается менее значимым, чем ощущение своей востребованности в России (модель 6). Как и в случае работающих мигрантов, уровень зарплаты и характер занятости (наемный работник, бизнес, работа на себя) не значимы. А если человек считает, что у него хорошая работа, это оказывается более значимым, чем удовлетворенность доходом — хотя эти переменные коррелируют друг с другом ($r = 0,517$, $p < 0,001$).

Таблица 7. Результаты бинарной логистической регрессии для работающих респондентов из числа местной молодежи и мигрантов второго поколения (зависимая переменная: 1 — Россия, 0 — другая страна): модели 1—3

	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	0,107	1,113	-0,399	0,671	0,027	1,027
Возраст	0,028	1,028	-0,018	0,982	-0,080	0,923
Местная молодежь (ref = «мигрант второ- го поколения»)	-1,977***	0,138	-1,384**	0,251	-2,086***	0,124
Состоит в браке или живет с партнером (ref = «не состоит в браке и не живет с партнером»)	-0,115	0,892	-0,195	0,823	0,122	1,129

	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)
Живет в Москве или Санкт-Петербурге (ref = «живет в другом регионе»)	-0,688	0,503	-0,860	0,423	-0,580	0,560
Согласие с высказыванием «У меня хорошая работа» (ref = «несогласие»)			0,698**	2,009		
Согласие с высказыванием «В другой стране я был бы более богатым человеком, чем в России» (ref = «несогласие»)			-1,459***	0,232		
Согласие с высказыванием «Следовать за собственной мечтой важнее, чем выполнять долг перед семьей и родственниками» (ref = «несогласие»)					-0,605***	0,546
Согласие с высказыванием «Я люблю пробовать новое» (ref = «несогласие»)					-0,643*	0,526
Константа	2,003	7,410	4,424	83,401	4,700	109,984
R-квадрат	0,166		0,439		0,276	
N	232		229		231	

Таблица 8. **Результаты бинарной логистической регрессии для работающих респондентов из числа местной молодежи и мигрантов второго поколения (зависимая переменная: 1 — Россия, 0 — другая страна): модели 4—6**

	Модель 4		Модель 5		Модель 6	
	B	Exp (B)	B	Exp (B)	B	Exp (B)
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-0,441	0,644	0,331	1,393	0,037	1,038
Возраст	-0,012	0,988	-0,031	0,970	0,023	1,023
Местная молодежь (ref = «мигрант второго поколения»)	-0,784	0,457	-1,895	0,150	-0,886	0,412
Состоит в браке или живет с партнером (ref = «не состоит в браке и не живет с партнером»)	-0,123	0,884	-0,095	0,910	0,023	1,023

	Модель 4		Модель 5		Модель 6	
	В	Exp (В)	В	Exp (В)	В	Exp (В)
Живет в Москве или Санкт-Петербурге (ref = «живет в другом регионе»)	-0,750	0,473	-0,580	0,560	-0,582	0,559
Согласие с высказыванием «У меня хорошая работа» (ref = «несогласие»)	0,569**	1,766				
Согласие с высказыванием «В другой стране я был бы более богатым человеком, чем в России» (ref = «несогласие»)	-1,391***	0,249				
Согласие с высказыванием «В России я всегда могу отстоять свои права» (ref = «несогласие»)	0,512*	1,668			0,461	1,586
Согласие с высказыванием «Я чувствую, что такие люди, как я, нужны России» (ref = «несогласие»)					0,709***	2,031
Согласие с высказыванием «Следовать за собственной мечтой важнее, чем выполнять долг перед семьей и родственниками» (ref = «несогласие»)			-0,593***	0,552		
Согласие с высказыванием «Я никогда не выдам свою дочь за мужчину другой национальности» (ref = «несогласие»)			0,523**	1,688		
Константа	3,616	37,204	2,122	8,345	-0,155	0,856
R-квадрат	0,456		0,29		0,333	
N	229		230		232	

Результаты сравнения

Изучив, какие факторы связаны с миграционными планами четырех групп молодежи, мы можем провести попарное сравнение: иностранных студентов мы сравним со студентами из числа местной молодежи и МВП, а работающих мигрантов — с работающими респондентами из числа местной молодежи и МВП.

Сравнение факторов, значимых для миграционных намерений иностранных студентов, с одной стороны, и студентов из числа местной молодежи и МВП — с другой, позволяет заключить следующее. Универсальный фактор, значимый для миграционных намерений обеих групп, — это ощущение правовой защищенности. Студенты, неуверенные в возможности защитить свои права, чаще планируют, что через пять лет будут жить не в России, а в другой стране. При этом для выбора между Россией и Средней Азией этот фактор незначим — возможно, по уровню правовой защищенности Россия и страны Средней Азии представляются иностранным студентам сопоставимыми. Тем не менее наблюдаются и различия между этими группами. Для миграционных планов иностранных студентов оказались незначимы позитивная или негативная оценка людей, которые отправляются в другие страны, и чувство собственной востребованности в России; для них важна, с одной стороны, привязанность к родной стране, с другой — возможность трудоустройства в России. Студенты из числа местной молодежи и МВП, которые планируют оказаться через пять лет в другой стране, склонны считать, что отправляющиеся в другие страны люди более смелые и амбициозные. Возможно, так в этой группе проявляется романтизация миграции, не свойственная иностранным студентам, которые уже имеют собственный опыт миграции и потому имеют более прагматические ожидания от России. Для учащейся местной молодежи и МВП также важно чувство собственной востребованности в России: можно предположить, что это некоторый поиск своей миссии — характеристика, которая тоже далека от прагматических причин. Для иностранных студентов самые весомые факторы (по показателю $\text{Exp}(B)$, или Odds ratio) — это привязанность к родной стране и уверенность в трудоустройстве в России, а для местной молодежи и МВП — наличие связей с людьми, которые живут в России или в других странах. Для студентов — и иностранных, и окончивших школу в России — оказались незначимы такие характеристики, как бюджетная или коммерческая форма обучения и специальность.

Сравнение же работающих мигрантов с работающими респондентами из числа местной молодежи и МВП показывает следующее. Для тех и других имеют значение ощущение правовой защищенности и своей востребованности в России, а также оценка своей работы или экономического положения. Однако если для мигрантов удовлетворенность своим доходом оказывается важнее «хорошей работы», то для местной молодежи и МВП — ровно наоборот. При этом «объективные» характеристики работы — зарплата, характер занятости (работа на себя, по найму, личный или семейный бизнес) — не связаны с миграционными намерениями ни в одной, ни в другой группе. Самым весомым фактором (по показателю $\text{Exp}(B)$, или Odds Ratio) для мигрантов является привязанность к родной стране, а для местной молодежи и МВП — ощущение «упущенной выгоды»: предположение, что в другой стране респондент был бы более состоятельным человеком.

В целом «вытalkingивающим» фактором для всех без исключения групп молодежи является ощущение правовой незащищенности в России. Для большинства групп также важно ощущение своей востребованности в России. Привязанность к родной стране и ностальгия (характерная в наибольшей степени для представителей узбекской этнической категории и в наименьшей — для таджикской) действуют

не только как фактор, «притягивающий» мигрантов первого поколения в родные страны, но и, удивительным образом, как фактор, выталкивающий их из России в третьи страны. Более того, в целом, «таджики» больше остальных этнических категорий ориентированы на Россию. Если факторы, связанные с оценкой среды (правовая защищенность, уверенность в возможности найти работу и быть востребованным в России), значимы для каждой группы, то переменные, характеризующие индивидуальные установки (стремление к новому, индивидуализм, этническая инклюзивность), оказались значимы только для миграционных намерений работающих местных и МВП.

Условия, при которых желающие уехать из России готовы отказаться от своих планов

В предыдущих частях мы выяснили, что, во-первых, весомая часть молодежи в пятилетней перспективе имеет намерение жить не в России, а во-вторых, значимыми факторами, связанными с наличием таких миграционных планов, являются характеристики российской среды. В этой части мы попробуем ответить на вопрос, какими могут быть основные направления российской политики, нацеленной на сокращение этого миграционного потенциала. Для этого мы проанализируем условия, при которых респонденты, планирующие через пять лет жить не в России, готовы изменить свои намерения. Этой группе респондентов задавался вопрос: «Представьте, что российское государство очень хочет, чтобы такие люди, как Вы, из России не уезжали. Какие из условий должны быть выполнены, чтобы Вы остались?». Далее предлагался список из шести условий, каждое из которых нужно было оценить по 4-балльной шкале от 0 до 3: «совсем не важно» (0), «скорее не важно» (1), «скорее важно» (2), «очень важно» (3). Кроме того, был предложен вариант «другое» с возможностью вписать свой вариант, однако анализ и кодировка этих ответов не позволили выделить тот, который по своей частоте составил бы конкуренцию предложенным нами.

Различия между учащимися и работающими среди МВП и местных оказались менее значимыми, чем различия между МВП и местными, поэтому в этой части мы будем сравнивать четыре группы: (1) иностранных студентов, (2) работающих мигрантов, (3) МВП, (4) местную молодежь.

Независимо от группы, все респонденты высоко оценили два условия: справедливое отношение представителей органов власти и наличие хорошей работы с достойной зарплатой (см. табл. 9). В оценке же остальных четырех условий группы расходятся. Дружелюбное отношение окружающих, возможность быстро оформить нужные документы и возможность проживания рядом с родственниками — это то, что нужно мигрантам первого поколения (иностранным студентам и работающим мигрантам), но не кажется важным местной молодежи. Последняя, в свою очередь, выше остальных оценила возможность участия в политической жизни страны (см. рис. 5—8).

Таблица 9. Средняя оценка важности разных условий для того, чтобы остаться в России (отсортировано по убыванию)

	Представьте, что российское государство очень хочет, чтобы такие люди, как Вы, из России не уезжали. Какие из условий должны быть выполнены, чтобы Вы остались?	Средняя оценка по 4-балльной шкале (0 — совсем не важно, 3 — очень важно)	N
1	Чтобы представители органов власти (полиция, чиновники и т. д.) вели себя по отношению ко мне справедливо	2,68	533
2	Чтобы у меня была хорошая работа с достойной зарплатой	2,56	533
3	Чтобы я мог быстро и просто получить необходимые документы	2,51	533
4	Чтобы окружающие люди относились ко мне дружелюбно	2,05	532
5	Чтобы рядом со мной жили мои родственники	1,79	530
6	Чтобы я мог влиять на политические процессы в России	1,70	531

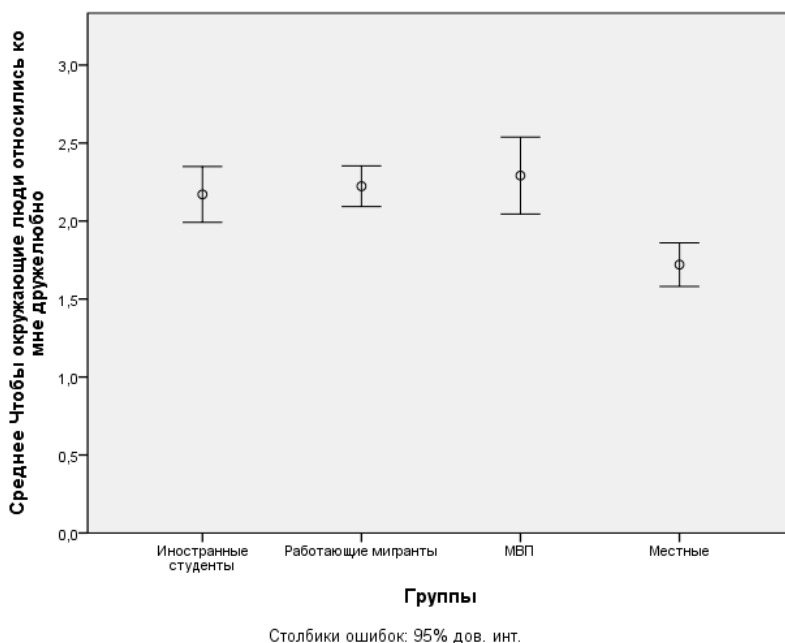

Рис. 5. Сравнение средних по оценке важности условия «Чтобы окружающие люди относились ко мне дружелюбно»

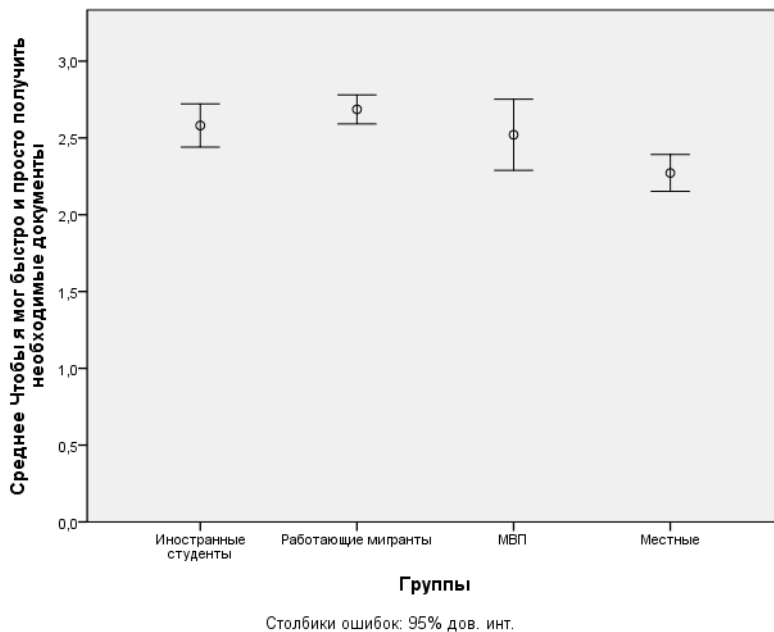

Рис. 6. Сравнение средних по оценке важности условия «Чтобы я мог быстро и просто получить необходимые документы»

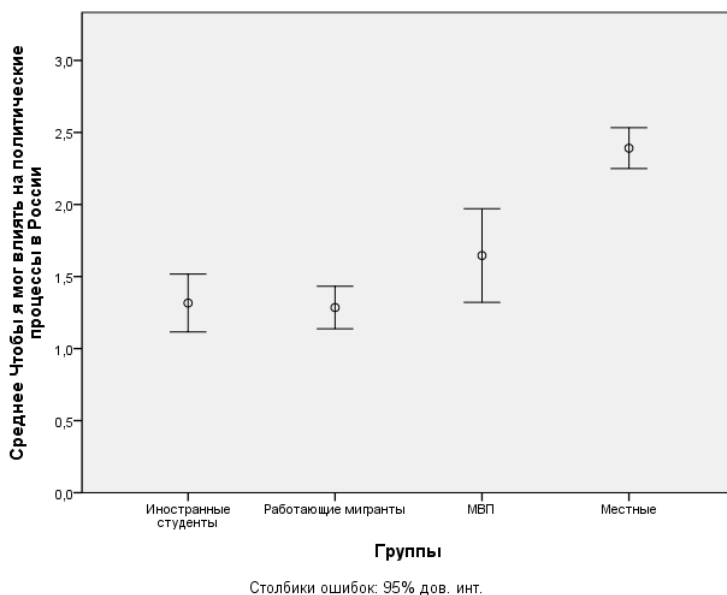

Рис. 7. Сравнение средних по оценке важности условия «Чтобы я мог влиять на политические процессы в России»

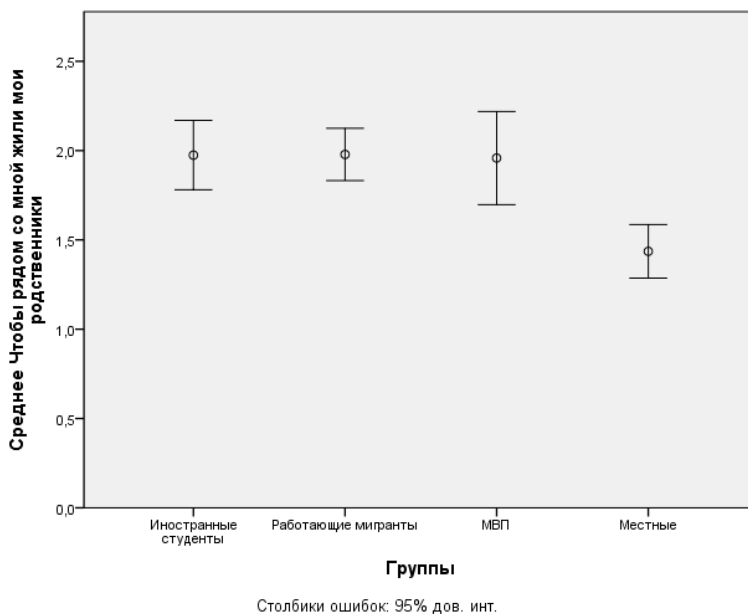

Рис. 8. Сравнение средних по оценке важности условия «Чтобы рядом со мной жили мои родственники»

В целом, рейтинги этих условий для четырех групп выглядят следующим образом. Для иностранных студентов и работающих мигрантов три наиболее важных запроса включают в себя возможность получить необходимые документы, справедливое отношение представителей органов власти и трудоустройство. МВП и местная молодежь на первое место поставили справедливое отношение органов власти, на второе — трудоустройство, а вот мнения относительно третьего места разделились: МВП выбрали возможность получить необходимые документы, а местная молодежь — возможность влиять на политические процессы в России.

Несмотря на имеющиеся расхождения, для всех групп молодежи важными оказались два условия — наличие хорошей работы с достойной зарплатой и справедливое отношение представителей органов власти, которое рифмуется с правовой защищенностью.

Обсуждение и заключение

Ориентация примерно половины молодежи с разным миграционным бэкграундом на Россию в половине случаев — это много или мало? Насколько этот результат неожиданный и насколько он совпадает с результатами других исследований? Неожиданным представляется то, что чаще с Россией связывают свое будущее работающие мигранты и мигранты второго поколения, нежели местная молодежь. Показатель местной молодежи можно было бы считать завышенным и объяснить спецификой рекламного объявления, предположив, что вопросом о том, оставаться или уезжать, скорее могут заинтересоваться те, кто размышляет

об отъезде. Однако этот результат совпадает с результатами репрезентативного всероссийского опроса «Левада-Центра», проведенного в конце 2019 г.: 53 % молодежи в возрасте 18—24 лет хотели бы эмигрировать⁶.

Показатели, характеризующие миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом, можно с осторожностью сопоставить с данными опросов, проведенных нами в предыдущие годы. Согласно результатам опроса МВП, проведенного с помощью таргетинга в социальных сетях в 2018 г., около 65 % респондентов киргизского происхождения, 78 % респондентов таджикского происхождения и 79 % респондентов узбекского происхождения планировали в будущем жить в России [Варшавер и др., 2018] — и эти показатели близки к полученным нами в нынешнем опросе. Согласно опросу киргизских мигрантов в Москве, проведенному вокруг случайно отобранных станций метро зимой 2013—2014 гг., остаться в России в будущем собирались лишь 3 % опрошенных [Варшавер и др., 2014]. Опрос мигрантов из Узбекистана и Таджикистана, проведенный с помощью таргетинга в «Одноклассниках» и «ВКонтакте» в 2016 г., показал, что 21 % респондентов 18—35 лет собирались в будущем жить в России [Rocheva, Varshaver, Ivanova, 2019]. В нашем же опросе 2020 г., результаты которого были представлены в данной статье, ориентации работающих мигрантов на Россию выше. Это расхождение может объясняться тем, что, вероятно, молодые мигранты в значительном числе случаев в пятилетней перспективе ориентируются на проживание в России, тогда как в более долгосрочной перспективе их планы с Россией могут быть связаны меньше.

Если оценивать потенциал миграционного оттока посредством не только индивидуальных миграционных планов, но и склонности выбирать миграционную стратегию в гипотетической ситуации, то этот показатель еще выше для местной молодежи и мигрантов второго поколения. При этом для мигрантов второго поколения, в отличие от местной молодежи, сдерживающим фактором служит ориентация на проживание рядом с родителями. Интересно, что иностранные студенты и работающие мигранты — то есть те, кто имеет личный миграционный опыт, — герою гипотетической ситуации советуют не уезжать из дома или вернуться домой чаще, чем сами собираются в пятилетней перспективе. Возможно, наличие миграционного опыта — это не столько миграционный капитал, помогающий избавиться от страхов перед миграцией, как обсуждается в литературе [Ivlevs, King, 2012], сколько знание реальной, часто непростой ситуации. Этим знанием, скорее всего, не обладают представители местной молодежи, поэтому для тех из них, кто собирается уехать, миграция — это удел амбициозных и смелых. Иностранцы студенты и работающие мигранты в равной степени собираются возвращаться домой, но различаются в ориентациях на Россию/другие страны: для иностранных студентов российское образование — это не только возможность остаться в России, но и «трамплин» для того, чтобы уехать в экономически более развитые страны.

Наше исследование подтверждает ряд заключений, выведенных в предшествующей литературе. «Объективные» экономические характеристики, такие как

⁶ Эмиграционные настроения // Аналитический центр Юрия Левады. 2019. 26 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 21.06.2020).

уровень зарплаты, незначимы для миграционных планов работающей молодежи, в отличие от ощущения собственной востребованности в России, удовлетворенности своей работой (в случае работающих из числа местных и МВП) и доходом (для работающих мигрантов). В то же время уверенность в возможности найти хорошую работу — фактор, значимый для иностранных студентов. Ожидаемо значимыми были и социальные связи. Удивительным образом одни аттитудные факторы, такие как установки на этническую эксклюзивность, индивидуализм, стремление к новизне, показали значимость только в группе работающей местной молодежи и МВП, а другие — такие как склонность к рисковому поведению, вера в собственные силы, конформизм, радикализм⁷, — оказались незначимыми. Возможно, они были бы значимы, если бы мы сравнивали мигрантов первого поколения с их соотечественниками, которые никуда не уехали. Тем не менее, если рассматривать планы на отъезд из России в некоторую третью страну, можно было бы ожидать, что какие-то из этих факторов сработают.

В целом миграционные намерения молодежи в большей степени связаны с работой или возможностью самореализации, а также с правовой защищенностью и отношениями с представителями органов власти. При этом ощущение невозможности защитить свои права в России является ведущим «выталкивающим» фактором для всех групп молодежи. В свете этого самая важная — и самая очевидная — из возможных рекомендаций для политики касается правовой защищенности. Один только этот фактор способен увеличить вероятность выбора России в пятилетней перспективе в полтора-два раза. Кроме того, выбирая, на какую страну должны быть нацелены усилия России по привлечению мигрантов, стоит обратить более пристальное внимание на Таджикистан, поскольку именно представители «таджикской» этнической категории среди иностранных студентов и работающих мигрантов демонстрируют наибольшую заинтересованность в России. Для того чтобы молодежь с миграционным бэкграундом предпочитала оставаться в России, важно также снижение градуса ксенофобии. В этом смысле интересная находка — то, что как минимум часть местной молодежи считает, что мигранты более амбициозны и смелы, нежели остальные. Последнее может служить основой для разработки социальной политики, направленной на борьбу с ксенофобией.

Проведенное исследование — одно из первых, в которых сравниваются разные группы молодежи при обеспечении высокого уровня сопоставимости. В рамках существующих ограничений оно помогло ответить на часть вопросов, но много вопросов остается пока без ответа. Например, в этом исследовании мы ориентировались на планы в пятилетней перспективе, но не менее интересно было бы провести сравнение с более долгосрочными планами и с планами, связанными с внутренней миграцией. Также перспективным представляется задаться вопро-

⁷ Склонность к рисковому поведению измерялась с помощью виньетки: «Представьте, что Вы можете получить 500 рублей или лотерейный билет с возможностью выиграть 500 000 рублей. Что Вы выберете?» Если респондент выбирал лотерейный билет, ему предлагался следующий вопрос: «А если Вы можете получить 1000 рублей или лотерейный билет с возможностью выиграть 500 000 рублей, что Вы выберете?» Вера в собственные силы измерялась с помощью вопроса, в котором респонденту предлагалось согласиться или не согласиться с высказыванием: «Я уверен, что всегда смогу обеспечить себя и свою семью». Соответствующие высказывания для измерения уровня радикализма: «Мир устроен неправильно и требует полного переустройства», «Если много работать — обязательно добьешься успеха», «Общественных изменений можно добиться только радикальными мерами». Для измерения уровня конформизма: «В жизни важно не высовываться и делать то, что скажут».

сом, насколько близко респонденты подошли к реализации своих миграционных планов. В некотором роде «темными лошадками» остались фактор эмоциональной привязанности (belonging) к родной стране для мигрантов первого поколения, ощущение собственной востребованности, а также содержание понятия «хорошая работа» для местной молодежи и МВП. Кроме того, требует дополнительного внимания то, какие именно установки и психологические характеристики могут быть релевантны для миграционных намерений молодежи с миграционным бэкграундом.

Список литературы (References)

Абанкина Т. В., Красилова А. Н., Ястребов Г. А. Образование как старт для жизни: Жизненные планы сельских школьников в России // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 87—120. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-2-87-120>.

Abankina T. V., Krasilova A. N., Yastrebov G. A. (2012) Education as a Start in Life: Life Plans of Rural High School Students in Russia. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 87—120. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-2-87-120>. (In Russ.)

Варшавер Е. А., Казенин К. И., Стародубровская И. В., Яновский К. Э., Жаворонков С. В., Новиков В. В., Рочева А. Л., Грунина Ю. Ю., Иванова Н. С., Титова К. П., Малышева Ю. С. Анализ интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России: отчет о НИР (заключит.). Москва: РАНХиГС, 2018.

Varshaver E. A., Kazenin K. I., Starodubrovskaya I. V., Yanovskiy K. E., Zhavoronkov S. V., Novikov V. V., Rocheva A. L., Grunina Yu. Yu., Ivanova N. S., Titova K. P., Malysheva Yu. S. (2018) Analysis of the Integration Paths of Second-Generation Migrants in Russia: Research Report (Final). Moscow: RANEPa. (In Russ.)

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Вглядываясь в «этническое» сообщество: Отличия характеристик интеграции в «земляческо-родственные» и «национальные» круги на примере мигрантов из Киргизии в Москве // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 3—1. С. 24—38. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2015-14-3-1>.

Varshaver E. A., Rocheva A. L. (2015) Peering into «Ethnic» Community: Integration in Performance Differences «Patriotic-Related» and «National» Wheels (Case of Migrants from Kyrgyzstan in Moscow). *Social Policy and Sociology*. Vol. 14. No. 3—1. P. 24—38. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2015-14-3-1>. (In Russ.)

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Кочкин Е. В., Кулдина Е. С. Киргизские мигранты в Москве : Результаты количественного исследования интеграционных траекторий. Препринт. М. : Центр исследований миграции и этничности РАНХиГС, 2014. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2425312>.

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Kochkin E. V., Kuldina E. C. (2014) Kyrgyz Migrants in Moscow: Results of a Quantitative Research on Integration Tracks. Preprint. Moscow: Centre for Ethnicity and Migration Research RANEPa. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2425312>. (In Russ.)

Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С. Миграционные планы выпускников региональных ВУЗов России // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36—58.

Varshavskaya E. Ya., Chudinovskikh O. S. (2014) Migration Intentions of Graduates of Russia's Regional Higher Educational Institutions. *Moscow University Economics Bulletin*. No. 3. P. 36—58. (In Russ.)

Вашко О. А. Миграционные установки белорусских и иностранных студентов Белорусского государственного медицинского университета // Беларусь в современном мире: материалы XIV Международной конференции, посвященной 94-летию образования Белорусского государственного университета / под ред. В. Г. Шадурского и др. Минск: Издательский центр БГУ, 2016. С. 328—330.

Vashko O. A. (2016) Migration Installations of Belarusian and Foreign Students of the Belarusian State Medical University. In: Shadurskiy V. G. et al. (eds.) *Belarus in the Contemporary World: Proceedings of the XIVth International Conference Dedicated to the 94th Anniversary of the Belarusian State University*. Minsk: BSU Publishing Center. P. 328—330. (In Russ.)

Воронина М. А. Миграционные намерения постоянного и прибывшего населения в еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2011. Т. 14. № 1. С. 97—99.

Voronina M. A. (2011) Migratory Intentions of the Indigenous and Entrant Population in the Jewish Autonomous Region. *Regional Problems*. Vol. 14. No. 1. P. 97—99. (In Russ.)

Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского Университета. Серия 5. География. 2019. № 6. С. 82—89.

Karachurina L. B., Florinskaya Yu. F. (2019) Migration Intentions of School Graduates in Small and Midsize Towns of Russia. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*. Vol. 6. P. 82—89. (In Russ.)

Пешкова В. М. Жизненные планы трудовых мигрантов из Средней Азии в России: Нарративы и практики // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 48—62.

Peshkova V. M. (2017) Life Plans of Central Asian Migrants in Russia: Narratives and Practices. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3. P. 48—62. (In Russ.)

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Миграционные планы вьетнамской молодежи в контексте Российской политики привлечения образовательных мигрантов // Вьетнамские исследования. 2017. № 7. С. 204—211.

Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E. (2017) Vietnamese Youth Migration Plans in the Context of the Russian Policy of Attracting Educational Migrants. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. No. 7. P. 204—211. (In Russ.)

Флоринская Ю. Ф., Рощина Т. Г. Миграционные намерения выпускников школ малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 2. С. 77—87.

Florinskaya Yu. F., Roshchina T. G. (2005) Migration Intentions of Graduates of Schools in Small Cities of Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 77—87. (In Russ.)

Шагалкина М. В., Латуха М. О., Мицкевич Е. А., Строгетская Е. В. Факторы миграционных намерений талантливых выпускников ведущих ВУЗов России // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17. № 4. С. 445—466. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2019.402>.

Shagalkina M. V., Latukha M. O., Mitskevich E. A., Strogetskaia E. V. (2019) Factors of Migration Intentions of Talented Graduates from Leading Russian Universities. *Russian Management Journal*. Vol. 17. No. 4. P. 445—466. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2019.402>. (In Russ.)

Anniste K., Tammaru T. (2014) Ethnic Differences in Integration Levels and Return Migration Intentions: A Study of Estonian Migrants in Finland. *Demographic Research*. Vol. 30. No. 1. P. 377—412. <https://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2014.30.13>.

Baykara-Krumme H. (2013) Returning, Staying, or Both? Mobility Patterns among Elderly Turkish Migrants after Retirement. *Transnational Social Review*. Vol. 3. No. 1. P. 11—29. <https://doi.org/10.1080/21931674.2013.10820745>.

Berlinschi R., Harutyunyan A. (2019) Do Migrants Think Differently? Evidence from Eastern European and Post-Soviet States. *International Migration Review*. Vol. 53. No. 3. P. 831—868. <https://doi.org/10.1177/0197918318777745>.

Bjarnason T. (2014) Adolescent Migration Intentions and Population Change: A 20-Year Follow-Up of Icelandic Communities. *Sociologia Ruralis*. Vol. 54. No. 4. P. 500—515. <https://doi.org/10.1111/soru.12050>.

Bolzman C., Fibbi R., Vial M. (2006) What to Do after Retirement? Elderly Migrants and the Question of Return. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 32. No. 8. P. 1359—1375. <https://doi.org/10.1080/13691830600928748>.

Caron L. (2019) An Intergenerational Perspective on (Re)Migration: Return and Onward Mobility Intentions across Immigrant Generations. *International Migration Review*. <https://doi.org/10.1177/0197918319885646>.

Chikanda A. (2006) Skilled Health Professionals' Migration and Its Impact on Health Delivery in Zimbabwe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 32. No. 4. P. 667—680. <https://doi.org/10.1080/13691830600610064>.

Chort I. (2014) Mexican Migrants to the US: What Do Unrealized Migration Intentions Tell Us about Gender Inequalities? *World Development*. Vol. 59. P. 535—552. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.01.036>.

Chu J. L., Snider C. E. (2013) Use of a Social Networking Web Site for Recruiting Canadian Youth for Medical Research. *Journal of Adolescent Health*. Vol. 52. No. 6. P. 792—794. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2012.12.002>.

Crisan E. L., Crisan-Mitra C., Dragos C. (2019) The Impact on Migration Intentions of Perceived Corruption at the Organizational and Country Level in Romania. *Eastern*

European Economics. Vol. 57. No. 5. P. 430—455. <https://doi.org/10.1080/00128775.2018.1533410>.

Dako-Gyeke M. (2016) Exploring the Migration Intentions of Ghanaian Youth: A Qualitative Study. *Journal of International Migration and Integration*. Vol. 17. No. 3. P. 723—744. <https://doi.org/10.1007/s12134-015-0435-z>.

de Jong G. F., Davis Root B., Gardner R. W., Fawcett J. T., Abad R. G. (1985) Migration Intentions and Behavior: Decision Making in a Rural Philippine Province. *Population and Environment*. Vol. 8. No. 1—2. P. 41—62. <https://doi.org/10.1007/BF01263016>.

de Jong G. F., Richter K., Isarabhakdi P. (1996) Gender, Values, and Intentions to Move in Rural Thailand. *International Migration Review*. Vol. 30. No. 3. P. 748—770. <https://doi.org/10.2307/2547635>.

de Haas H., Fokkema T. (2011) The Effects of Integration and Transnational Ties on International Return Migration Intentions. *Demographic Research*. Vol. 25. P. 755—782. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2011.25.24>.

Docquier F., Peri G., Ruysen I. (2014) The Cross-Country Determinants of Potential and Actual Migration. *International Migration Review*. Vol. 48. No. 1_suppl. P. 37—99. <https://doi.org/10.1111/imre.12137>.

Efendic A. (2016) Emigration Intentions in a Post-Conflict Environment: Evidence from Bosnia and Herzegovina. *Post-Communist Economies*. Vol. 28. No. 3. P. 335—352. <https://doi.org/10.1080/14631377.2016.1166800>.

García M. C. (2006) Seeking Refuge: Central American Migration to Mexico, the United States, and Canada. Berkeley, CA: University of California Press. <https://doi.org/10.5860/choice.44-1758>.

Güngör N. D., Tansel A. (2014) Brain Drain from Turkey: Return Intentions of Skilled Migrants. *International Migration*. Vol. 52. No. 5. P. 208—226. <https://doi.org/10.1111/imig.12013>.

Hadler M. (2006) Intentions to Migrate Within the European Union: A Challenge for Simple Economic Macro-Level Explanations. *European Societies*. Vol. 8. No. 1. P. 111—140. <https://doi.org/10.1080/14616690500491324>.

Haug S. (2008) Migration Networks and Migration Decision-Making. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 34. No. 4. P. 585—605. <https://doi.org/10.1080/13691830801961605>.

Heering L., van der Erf R., van Wissen L. (2004) The Role of Family Networks and Migration Culture in the Continuation of Moroccan Emigration: A Gender Perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 30. No. 2. P. 323—337. <https://doi.org/10.1080/1369183042000200722>.

Hoffman S., Marsiglia F. F., Ayers S. L. (2015) Religiosity and Migration Aspirations among Mexican Youth. *Journal of International Migration and Integration*. Vol. 16. No. 1. P. 173—186. <https://doi.org/10.1007/s12134-014-0342-8>.

- Imran N., Azeem Z., Haider I. I., Amjad N., Bhatti M. R. (2011) Brain Drain: Post Graduation Migration Intentions and the Influencing Factors among Medical Graduates from Lahore, Pakistan. *BMC Research Notes*. Vol. 4. <https://doi.org/10.1186/1756-0500-4-417>.
- Ivlevs A., King R. M. (2012) Family Migration Capital and Migration Intentions. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 33. No. 1. P. 118—129. <https://doi.org/10.1007/s10834-011-9269-9>.
- Kandel W., Massey D. S. (2002) The Culture of Mexican Migration: A Theoretical and Empirical Analysis. *Social Forces*. Vol. 80. No. 3. P. 981—1004. <https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009>.
- Kaplan S., Grünwald L., Hirte G. (2016) The Effect of Social Networks and Norms on the Inter-Regional Migration Intentions of Knowledge-Workers: The Case of Saxony, Germany. *Cities*. Vol. 55. P. 61—69. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2016.03.017>.
- Khatir A., Rezaei-Moghaddam K. (2014) Evidence from Predictors of Rural Youth's Migration Intentions in Agricultural Communities: The Fars Province, Iran. *Migration and Development*. Vol. 3. No. 2. P. 219—238. <https://doi.org/10.1080/21632324.2014.926612>.
- Khoo S.-E., Hugo G., McDonald P. (2011) Skilled Migration from Europe to Australia. *Population, Space and Place*. Vol. 17. No. 5. P. 550—566. <https://doi.org/10.1002/psp.651>.
- King R., Williams A. M. (2018) Editorial Introduction: New European Youth Mobilities. *Population, Space and Place*. Vol. 24. No. 1. <https://doi.org/10.1002/psp.2121>.
- King R., Gëdeshi I. (2019) New Trends in Potential Migration from Albania: The Migration Transition Postponed? *Migration and Development*. Vol. 9. No. 2. P. 131—151. <https://doi.org/10.1080/21632324.2019.1608099>.
- Laczko F., Tjaden J., Auer D. (2017) Measuring Global Migration Potential, 2010—2015. *Global Migration Data Analysis Centre: Data Briefing Series*. Vol. 55. No. 9. P. 1—14. URL: <https://gmdac.iom.int/gmdac-data-briefing-measuring-global-migration-potential-2010-2015> (дата обращения: 22.06.2020).
- Loschmann C., Siegel M. (2014) The Influence of Vulnerability on Migration Intentions in Afghanistan. *Migration and Development*. Vol. 3. No. 1. P. 142—162. <https://doi.org/10.1080/21632324.2014.885259>.
- Lu M. (1999) Do People Move When They Say They Will? Inconsistencies in Individual Migration Behavior. *Population and Environment*. Vol. 20. No. 5. P. 467—488. <https://doi.org/10.1023/A:1023365119874>.
- Manchin M., Orazbayev S. (2018) Social Networks and the Intention to Migrate. *World Development*. Vol. 109. P. 360—374. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.05.011>.

Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19. No. 3. P. 431—466. <https://doi.org/10.2307/2938462>.

Otrachshenko V., Popova O. (2014) Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *Journal of Socio-Economics*. Vol. 48. P. 40—49. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2013.09.008>.

Park B. K., Calamaro C. (2013) A Systematic Review of Social Networking Sites: Innovative Platforms for Health Research Targeting Adolescents and Young Adults. *Journal of Nursing Scholarship*. Vol. 45. No. 3. P. 256—264. <https://doi.org/10.1111/jnu.12032>.

Plopeanu A.-P., Homocianu D., Mihăilă A. A., Crișan E. L., Bodea G., Bratu R.-D., Airinei D. (2018) Exploring the Influence of Personal Motivations' Beliefs and Attitudes on Students' Post-Graduation Migration Intentions: Evidence from Three Major Romanian Universities. *Applied Sciences*. Vol. 8. No. 11. <https://doi.org/10.3390/app8112121>.

Pötzschke S., Braun M. (2017) Migrant Sampling Using Facebook Advertisements: A Case Study of Polish Migrants in Four European Countries. *Social Science Computer Review*. Vol. 35. No. 5. P. 633—653. <https://doi.org/10.1177/0894439316666262>.

Pumares P., González-Martín B., Montanari A., Staniscia B. (2018) Reciprocal Youth Mobilities between Italy and Spain: A Question of Elective Affinities. *Population, Space and Place*. Vol. 24. No. 1. <https://doi.org/10.1002/psp.2113>.

Rocheva A. L., Varshaver E. A., Ivanova N. S. (2019) Youth with a Migrant Background: Are They Willing to Stay in Russia? *Journal of Siberian Federal University — Humanities and Social Sciences*. Vol. 12. No. 7. P. 1256—1281. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0453>.

Seyfrit C. L., Bjarnason T., Olafsson K. (2010) Migration Intentions of Rural Youth in Iceland: Can a Large-Scale Development Project Stem the Tide of Out-Migration? *Society and Natural Resources*. Vol. 23. No. 12. P. 1201—1215. <https://doi.org/10.1080/08941920903278152>.

Seyfrit C. L., Hamilton L. C. (1992) Who Will Leave? Oil, Migration, and Scottish Island youth. *Society and Natural Resources*. Vol. 5. No. 3. P. 263—276. <https://doi.org/10.1080/08941929209380791>.

Stinner W. G., van Loon M., Byun Y. (1992) Plans to Migrate in and out of Utah. *Sociology and Social Research*. Vol. 76. No. 3. P. 131—137.

Tjaden J., Auer D., Laczko F. (2019) Linking Migration Intentions with Flows: Evidence and Potential Use. *International Migration*. Vol. 57. No. 1. P. 36—57. <https://doi.org/10.1111/imig.12502>.

van Dalen H. P., Henkens K. (2008) Emigration Intentions: Mere Words or True Plans? Explaining International Migration Intentions and Behavior. CentER Discussion Paper No. 2008—60. Tilburg: Tilburg University. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1153985>.

van Dalen H. P., Henkens K. (2013) Explaining Emigration Intentions and Behavior in the Netherlands, 2005—2010. *Population Studies*. Vol. 67. No. 2. P. 225—241. <https://doi.org/10.1080/00324728.2012.725135>.

van Mol C. (2016) Migration Aspirations of European Youth in Times of Crisis. *Journal of Youth Studies*. Vol. 19. No. 10. P. 1303—1320. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1166192>.

Waldorf B. (1995) Determinants of International Return Migration Intentions. *The Professional Geographer*. Vol. 47. No. 2. P. 125—136.

Williams A. M., Baláž V. (2012) Migration, Risk, and Uncertainty: Theoretical Perspectives. *Population, Space and Place*. Vol. 18. No. 2. P. 167—180. <https://doi.org/10.1002/psp.663>.

Yang X. (2000) Determinants of Migration Intentions in Hubei Province, China: Individual versus Family Migration. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 32. No. 5. P. 769—787. <https://doi.org/10.1068/a32114>.

Приложение 1.**Список населенных пунктов, где таргетировались пользователи социальной сети «ВКонтакте»**

1	Архангельск
2	Астрахань
3	Барнаул
4	Белгород
5	Брянск
6	Владивосток
7	Владикавказ
8	Владимир
9	Волгоград
10	Воронеж
11	дп. Черкизово, Пушкинский район, Московская область
12	Екатеринбург
13	Йошкар-Ола
14	Казань
15	Калининград
16	Караचाевск
17	Кемерово
18	Кострома
19	Краснодар
20	Курск
21	Махачкала
22	Москва
23	Нальчик
24	Новокузнецк
25	Новосибирск
26	Новочеркасск
27	Омск
28	Орел
29	Оренбург
30	Пенза
31	поселок Караваево, Костромской район, Костромская область
32	поселок Майский, Белгородский район, Белгородская область
33	поселок Персиановский, Октябрьский район, Ростовская область
34	Пятигорск
35	Ростов-на-Дону
36	Рыбинск
37	Рязань
38	Санкт-Петербург
39	Саратов
40	Смоленск
41	Ставрополь
42	Тверь
43	Тюмень
44	Улан-Удэ
45	Ульяновск
46	Уссурийск
47	Уфа
48	Хабаровск
49	Чебоксары
50	Черкесск

Приложение 2. Описательная статистика по группам

Характеристики	Иностранные студенты	Работающие мигранты	Мигранты второго поколения	Местная молодежь
Средний возраст, лет	22,8	25,3	23,1	22,8
Доля женщин	21%	17%	40%	25%
Доля представителей киргизской этнической категории	18%	48%	42%	N/A
Доля представителей узбекской этнической категории	40%	19%	29%	N/A
Доля представителей таджикской этнической категории	42%	33%	30%	N/A
Доля живущих в мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург)	44%	74%	50%	15%
Доля тех, кто состоит в браке или живет с партнером	13%	32%	30%	27%

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788

А. В. Одинцов, А. И. Шипицин, А. Ю. Марченко

ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ИЗ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ПРИЧИНЫ И ТЕНДЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Правильная ссылка на статью:

Одинцов А. В., Шипицин А. И., Марченко А. Ю. Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 335—354. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>.

For citation:

Odintsov . A., Shipitsin . A., Marchenko A. Y. (2020) Centripetal Migration of Young People from the Russian Province: Causes and Trends (Example of Volgograd Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 335—354. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>.

ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ИЗ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ПРИЧИНЫ И ТЕНДЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

CENTRIPETAL MIGRATION OF YOUNG PEOPLE FROM THE RUSSIAN PROVINCE: CAUSES AND TRENDS (EXAMPLE OF VOLGOGRAD REGION)

ОДИНЦОВ Александр Владимирович — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия
E-MAIL: yugrasil@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9558-5296>

*Alexander V. ODINTSOV*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor at the Department of Philosophy and Sociology
E-MAIL: yugrasil@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9558-5296>

ШИПИЦИН Антон Игоревич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия
E-MAIL: anton.shipitsin@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9915-3191>

*Anton I. SHIPITSIN*² — Cand. Sci. (Philos.), Assistant Professor at the Department of Philosophy and Culturology
E-MAIL: anton.shipitsin@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9915-3191>

МАРЧЕНКО Анастасия Юрьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия
E-MAIL: sundayk@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4002-6830>

*Anastasia Yu. MARCHENKO*² — Cand. Sci. (Philos.), Assistant Professor at the Department of Philosophy and Culturology
E-MAIL: sundayk@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4002-6830>

¹ Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

² Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Аннотация. В течение последних нескольких лет одной из ведущих тенденций на территории Волгоградской области стал массовый миграционный отток молодежи и трудоспособного населения. Несмотря на активную иммиграцию из Украины и среднеазиатских республик, численность населения области планомерно снижается, а вместе

Abstract. Migration outflow of youth and working-age population has been trending in the Volgograd oblast over the last years. Despite dynamic immigration from Ukraine and the Central Asian countries, the regional population size is steadily going down, along with a decrease in demographic and intellectual capital. This is facilitated by the negative image firmly

с ней — демографический и интеллектуальный капитал. Этому способствует закрепившийся в общественном мнении выраженно негативный имидж территории, формируемый в СМИ и интернет-пространстве, а в рейтингах «самых депрессивных», «экономически отсталых» и «наиболее коррумпированных» регионов Волгоград устойчиво не сдает лидирующих позиций. Как ни странно, при всей изученности феномена молодежной миграции, ее причин, трендов и противоречивых последствий, крайне мало исследований фокусируется на региональной специфике этого явления и учитывает культурно-антропологические аспекты, такие как имидж территории, локальная идентичность, культурные стереотипы, ценности и жизненные стратегии молодых людей.

Авторы статьи поставили своей целью частично восполнить данный пробел и выявить особенности, причины и тенденции отъезда молодежи из российской провинции на основе анализа данных, полученных в ходе массового опроса и фокусированных групповых интервью со студентами и учащимися средних школ и колледжей в Волгоградской области, а также с представителями экспертного сообщества.

Ключевые слова: внутренняя миграция, социология молодежи, факторы миграции, массовый отток молодежи, демографический потенциал региона, имидж региона, социальный капитал, молодежная политика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Волгоградской области в рамках научного проекта № 18-411-343002.

rooted in the public mind and shaped by mass media; the region is often referred to as the “most depressing”, “economically retarded” and “highly corrupt” region in the ratings. Strange as it may seem, but despite the fact that the youth migration, its causes, trends and contradictory consequences are well studied, little is known about the regional specifics, cultural and anthropological aspects, such as the region’s image, local identities, cultural stereotypes, values and youth life strategies.

The authors aim to partially fill the gap and to reveal the specifics, causes and trends of the youth outflow from the Russian province based on the analysis of the data collected during the survey and focus group interviews involving students from colleges and secondary schools in the Volgograd oblast as well as the expert community.

Keywords: internal migration, sociology of youth, migration factors, massive youth outflows, demographic potential of the region, image of the region, social capital, youth policy

Acknowledgments. The study is funded by the RFBR and Volgograd oblast as part of the research project no. 18-411-343002.

Постановка проблемы исследования

По данным Росстата, на 1 января 2020 г. большая часть постоянного населения Волгоградской области проживает в городской местности — 1 925 215 человек (77,29%), в то время как в сельской местности — 565 821 человек (22,71%)¹. На протяжении многих лет демографическая ситуация в регионе характеризуется снижением численности постоянного населения как за счет сокращения рождаемости, так и по причине миграции. Если в 2009 г., по официальным данным Волгоградстата, численность постоянного населения области составляла 2 618,1 тыс. человек, то по состоянию на 1 января 2019 г. — 2 507,5 тыс. человек, то есть за десять лет население региона сократилось более чем на 100 тыс. человек, или на 4,2%. На протяжении последних семи лет в регионе фиксируется устойчивый рост отрицательных показателей естественного прироста населения: в 2012 г. он составил 1,9 на 1000 человек населения, в 2018 — 3,9 [Волгоградская область..., 2019]. С 2007 по 2018 г. объем миграции в Волгоградской области вырос более чем в два раза. Если в 2007 г. он составлял 29 276 человек, то в 2018 — уже 68 684 человек. Внутрирегиональная миграция в 2018 г. составила 33 023 человек, а миграционная убыль — 37 67 человек [Социально-экономическое положение..., 2019: 29].

Происходящие в Волгоградской области ускорение и усложнение социокультурной динамики закономерным образом затрагивают все слои населения, однако в первую очередь — молодежь как наиболее чувствительную и наименее стабильную социальную общность. Статистические данные (см., например, [Мкртчян, 2017]) и повседневные наблюдения свидетельствуют о том, что одним из ключевых процессов в России стала массовая миграция молодежи и трудоспособного населения из сельской местности в города и региональные центры, а из регионов — в столичные мегаполисы и за рубеж. Эти процессы, сопровождающиеся притоком мигрантов из бывших советских республик, количественно и качественно изменяют демографическую ситуацию в регионах и стране в целом, влияют на брачно-семейные и трудовые отношения, на социальную дифференциацию и мобильность, а также трансформируют культурную жизнь и облик российских регионов. При этом активно изучаемая в последние годы проблема миграции молодежи преимущественно рассматривается в количественном аспекте, с вниманием к социально-экономическим показателям — среднему уровню доходов, безработице, состоянию городской инфраструктуры и т. п. (см., например, [Шарова, 2015; Половинко, Арбуз, 2016; Петрова, 2017; Чайка, 2019]). Качественные культурно-антропологические компоненты, такие как система ценностей современного молодого человека, имидж региона, особенности городской и региональной идентичности, часто остаются без внимания исследователей. Изучение конкретной региональной молодежной среды актуально также в связи с возможностью проведения подобных исследований в других регионах и трансляции полученных результатов для формирования и корректировки молодежной политики на местном и федеральном уровнях.

¹ Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г. // Федеральная служба государственной статистики. 2020. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата обращения: 20.06.2020).

Целью представляемого исследования является изучение особенностей самоидентификации волгоградской учащейся молодежи, а также анализ и прогнозирование влияния массовой молодежной миграции на демографическую ситуацию и темпы социокультурного развития Волгоградской области. Для достижения данной цели необходимо было выявить объективные (связанные с актуальной социально-экономической обстановкой в регионе) и субъективные (связанные со сложившимся в массовом сознании имиджем территории) причины массовой молодежной миграции в современной российской провинции на примере Волгоградской области. Кроме того, было важно сформировать обобщенный социально-психологический портрет представителя волгоградской молодежи, показать современные тенденции массовой молодежной миграции и территориального перераспределения молодежи в аспекте социокультурного, экономического и демографического развития страны; проанализировать последствия массовой молодежной миграции для развития региональной культурной среды.

Методология исследования

Генеральной совокупностью исследования являются молодые люди в возрасте 15—24 лет, проходящие обучение в старших классах школ или являющиеся студентами вузов и ссузов. Общий объем генеральной совокупности (N) составляет 249 565 человек. Мы использовали квотную выборку, пропорционально представляющую учащихся вузов, средних специальных и общеобразовательных учреждений города Волгограда и области.

Количественная часть исследования проводилась в форме массового анкетирования. Отбор респондентов осуществлялся по критериям возраста и обучения в образовательных учреждениях Волгоградской области. Объем выборочной совокупности (n) составил 569 человек. Доверительный интервал исследования — не более 3,5%. Исследование проводилось в январе — апреле 2019 г.

В ходе исследования для проверки детерминации между изучаемыми явлениями проводилось также качественное исследование в форме группового фокусированного интервью (фокус-групп). Всего было проведено три фокус-группы, каждая из которых была гомогенной по определенному признаку: (1) группа экспертов, изучающих культуру, миграцию и городской имидж Волгоградской области; (2) группа молодежи, которая собирается покинуть Волгоградскую область; (3) группа молодежи, которая собирается остаться жить и работать в Волгоградской области.

Результаты исследования

Для оценки миграционного бэкграунда респондентов им был задан вопрос о месте рождения. Из представленных данных видно, что немногим менее половины (41,3%) опрошенных являются уроженцами областного центра (см. рис. 1). При этом для более чем половины опрошенных Волгоград стал центром миграционного притяжения. Так, из прочих городов Волгоградской области приехали 37,6% опрошенных, из других регионов — 16,7%, а 4,4% от всей группы опрошенных родились за пределами России.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Где Вы родились?» (%)

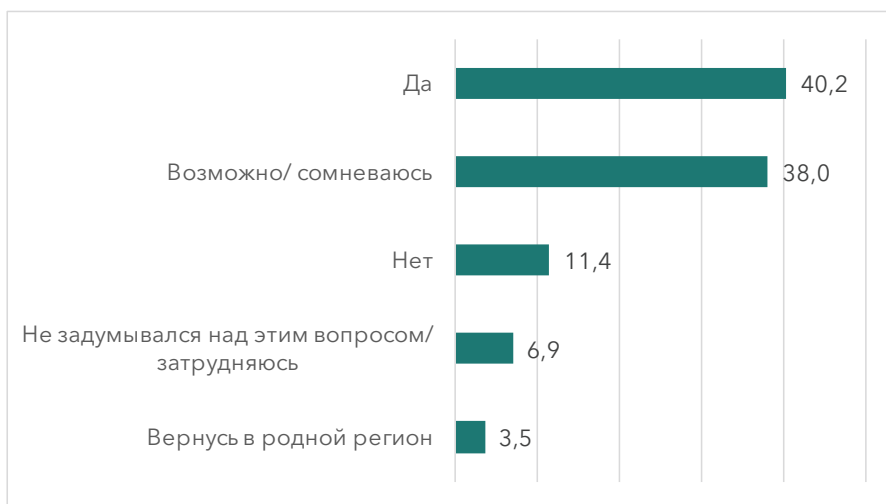

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Планируете ли Вы уехать из Волгоградской области на постоянное жительство?» (%)

Абсолютное большинство опрошенной молодежи так или иначе планирует навсегда покинуть Волгоградскую область (см. рис. 2), причем у 40,2 % респондентов намерение уехать сформировано окончательно. Только 11,4 % от общего числа респондентов с уверенностью сказали, что не намерены покидать Волгоградскую область. На наш взгляд, эти показатели говорят о высоком уровне миграционных настроений молодежи — достаточно типичном не только для Волгоградской области, но и для других российских регионов. Так, результаты проведенного в 2015 г. исследования миграционных установок молодежи Мурманской области показали, что лишь треть местной молодежи не планировала уезжать, в то время как относительное большинство молодых людей (45,2 %) собиралось покинуть Мурманскую область [Шарова, 2015: 94]. 72 % респондентов исследования миграционных

настроений пермской молодежи, проведенного Марией Петровой в 2017 г., положительно ответили на вопрос «Собираетесь ли Вы в дальнейшем переехать из Перми?» [Петрова, 2017: 317].

Безусловно, мечты и планы, связанные с отъездом, не всегда приводят к действию. Об этом пишет в своей работе об особенностях молодежной эмиграции из России Ренальд Симонян: «При анализе мотивов эмиграции часто складывается впечатление, что молодые люди не столько хотят попасть „туда“, сколько уехать „отсюда“. <...> Есть молодые люди, которые желают выехать, но у них нет возможности, в том числе материальной. Принято считать, что воплощают свое намерение в жизнь не более 3% настроенных на эмиграцию, что составляет около 240 тыс. человек ежегодно — непомерная цена, которую сегодня платит наша страна за неустроенность молодого поколения. Но и сам по себе столь высокий удельный вес установки на эмиграцию <...> как характеристика состояния массового сознания российской молодежи — показатель не менее тревожный, ибо перспектива развития страны во многом зависит от состояния умов и чувств сегодняшних школьников и студентов» [Симонян, 2017: 318].

Упомянутый исследователем финансовый аспект молодежной миграции затрагивается и в работах других авторов. Так, Елене Вакуленко и коллегам удалось выявить обратную взаимосвязь между средним уровнем зарплат в муниципальных образованиях и миграционным приростом населения [Вакуленко, Мкртчян, Фурманов, 2011]. Эти и другие исследователи связывают подобную парадоксальную зависимость с «ловушками бедности»: «хотелось бы уехать, но не на что» [Andrienko, Guriev, 2004; Гуриев, 2010].

При этом 51,2% опрошенных нами молодых людей считают, что большинство их знакомых планирует уехать из Волгоградской области на постоянное место жительства (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Многие ли Ваши друзья или знакомые планируют уехать из Волгоградской области на постоянное место жительства?» (%)

Обе группы участников фокусированного интервью — остающиеся в Волгоградской области и планирующие уехать — одинаково оценили наличие проблемы молодежной миграции из Волгограда и области, признав ее актуальной и острой.

Я не знаю статистики, как [обстоят дела] в Волгограде и в области. По моему личному опыту, огромное количество молодежи прямо реально [уезжает] в Москву, Краснодар, Казань, иногда Сочи. (Студентка 5 курса исторического факультета)

У меня много друзей уехали в Питер, очень много одногруппников хотят уехать, и на самом деле много, мне кажется, молодежи уезжает. (Студентка 4 курса факультета государственного и муниципального управления)

Да, проблема [оттока молодежи] есть. Потому что сейчас у меня очень много знакомых, которые именно хотят уехать, так как здесь «ловить» нечего. <...> Есть, конечно, пара умных ребят, но они именно идейные, упертые. Вот они хотят тут быть и тут все изменить. Опять же, со всего моего круга [таких] только двое. (Студент технологического колледжа)

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Куда бы Вы уехали из Волгограда и области, если бы приняли такое решение?» (%)

Стремление переехать в столичные города достаточно очевидно: как минимум, здесь больше перспектив для профессиональной самореализации и повышения дохода. В совокупности в Санкт-Петербург и Москву в случае решения эмигрировать уехали бы 25,4% опрошенных (см. рис. 4). Практически каждый пятый респондент (19,2%), готовый уехать, уехал бы в страну дальнего зарубежья. Последнее также нетрудно понять, учитывая, что под дальним зарубежьем молодежь Волгоградской области, как правило, подразумевает экономически развитые страны Западной Европы и Азии. Достаточно показательно, что 26,4%

опрошенных предпочтут уехать в другой крупный, но нестоличный город России. Таким образом, Волгоград постепенно перестает восприниматься как своеобразный трамплин между малыми городами и столицами — он сам становится точкой, из которой надо мигрировать в иной крупный город (не обязательно в столицу). Хотя необходимо дальнейшее наблюдение за изменением указанного показателя, со значимой долей уверенности можно предположить, что Волгоград теряет привлекательность как центр притока мигрантов из малых городов и других регионов, все чаще оказываясь миграционным донором.

Давайте сравним с городами-миллионниками... Уровень развития Нижнего Новгорода, Самары, Казани — я думаю, даже не стоит произносить его вслух по сравнению с Волгоградом. То есть у нас, я смотрю, люди мыслят не тем, что лучше стало, а тем, что хоть не так плохо, и берут в сравнение маленькие города. Люди мыслят не тем, как сделать город лучше, а тем, что вот не так плохо, как где-то там, и слава богу, проживем значит еще сколько-то... (Студент 3 курса факультета естественнонаучного образования)

Рис. 5. Результаты ответов респондентов на вопрос «Постарайтесь объективно оценить Волгоград в сравнении с теми регионами, куда, по Вашему мнению, чаще всего планируют уехать молодые люди» (среднее арифметическое по параметру)

При сопоставлении Волгограда с другими крупными нестоличными городами России 45,5% опрошенных указали, что он «хуже большинства крупных городов России», а вариант ответа «такой же, как большинство крупных городов с их плюсами и минусами» выбрали 43,4% респондентов. Лишь 4,2% от общего числа опрошенных считают, что Волгоград «лучше большинства крупных городов России».

Для уточнения полученных данных респондентам было предложено по 15 параметрам сравнить Волгоград и область с теми регионами, в которые чаще всего, по их мнению, планируют уехать молодые люди (рис. 5). Оценка проводилась по порядковой 5-балльной шкале, где 1 — «в Волгограде заметно хуже», 2 — «в Волгограде немногим хуже», 3 — «примерно одно и то же / затрудняюсь ответить», 4 — «в Волгограде немного лучше», 5 — «в Волгограде заметно лучше».

Примерно одинаково Волгоград и предпочтительные для миграции регионы респонденты оценили только по таким параметрам, как «доступность покупки или аренды жилья» (2,98), «образование» (2,87), «обеспеченность товарами и услугами» (2,84), «взаимопомощь и доверие людей друг к другу» (2,81).

Для того чтобы проверить наличие факторов, объединяющих данные параметры, было применено снижение размерности методом Варимакс, что позволило выявить три фактора.

1. «Образ города и региона» (наибольшей нагрузкой на фактор обладают категории «культура, развлечение, досуг» — 0,759, «архитектура, благоустройство, развитая городская среда» — 0,742, «спортивная инфраструктура» — 0,715, «обеспеченность товарами и услугами» — 0,617, «имидж города» — 0,609). Вероятнее всего, данный фактор обусловлен общим восприятием образа Волгограда и региона, что непосредственно связано не с перспективами экономического благосостояния молодежи, а с развитием инфраструктуры, культурной жизнью и спортом. В целом имидж региона участники фокус-групп оценивают как негативный:

Мировые звезды сюда не приезжают, театр у нас есть, но кто ходит в наш театр? Непрезентабельный город в плане всего, что возможно: внешнего вида, в плане его имиджа, в плане рассказов о нем миру и по стране. Если человек встанет перед выбором, куда поехать, Нижний Новгород или Волгоград, он поедет в Нижний Новгород. Ладно: Новосибирск или Волгоград? Большинство людей выберут Новосибирск, даже зимой все равно поедут. И в СМИ ничего положительного не говорят. (Студент 4 курса факультета естественнонаучного образования)

2. «Обобщенное доверие» (наибольшей нагрузкой на фактор обладают категории «гражданское общество» — 0,726, «здравоохранение» — 0,701, «взаимопомощь и доверие людей» — 0,687, «эффективное государственное и муниципальное управление» — 0,685). Данный фактор в целом аккумулирует параметры, связанные с доверием как к местному сообществу, так и к власти. Присутствие в общем ряду здравоохранения, вероятнее всего, связано с существенной необходимостью в доверии к медицинским работникам (пациент вынужденно доверяется врачам, так как в сложных вопросах здравоохранения он априори некомпетентен). Высказывания одного из экспертов в рамках фокус-группы подтверждают значимость данного фактора:

Я просто еще в качестве гипотезы хотела бы высказаться. Вот есть такой фактор как социальное самочувствие в регионе, и вот один из его показателей — уровень доверия к власти — в нашем регионе очень низкий. По данным 2016 г., по-моему, мы на предпоследнем месте в России. Можно эту непривлекательность региона связать с вот с этим низким уровнем социального самочувствия, который как бы атмосферный. Он не у молодежи конкретно, а в целом в регионе, и молодежь это впитывает. И, может быть, это является такой вот почвой своеобразной для устойчивых представлений об миграционной привлекательности других регионов. Вот эта вот идея, что нам не везет с руководством, что руководство не заботится о регионе, — естественно, оно может быть подкреплено какими-то чисто опытными нашими житейскими вещами. Но это социальное настроение — это тоже очень важный фактор. (Философ, заведующая кафедрой)

В высказываниях молодых людей также один из лейтмотивов — обобщенное недовольство властной элитой и проводимой молодежной политикой:

Если бы [Волгоградская] область начала бы стимулировать, финансово поддерживать талантливую молодежь, возможно, оставаться имело бы смысл... Теперь эти люди просто уезжают в Москву и чего-то там добьются, потому что там финансовая поддержка намного больше, чем в нашей области. И там настолько много талантливых людей, очень классные ребята, которые такие проекты придумывают, инновационные, которые могли бы нашу область на уровень выше поднять. Но наша элита не заинтересована в этом... (Студентка 5 курса факультета истории и права)

Безусловно, недостатки существующей в регионах социальной и молодежной политики, равнодушное отношение власти к своим гражданам и чувство незащищенности заставляют многих молодых людей задуматься об эмиграции из региона, а часто и из страны. Это же подтверждают и другие современные исследования: «Растущая дифференциация в доходах населения по отраслям и регионам приводит к расслоению российского общества, порождает чувство несправедливости и безысходности у молодежи. Когда получивший хорошее образование молодой человек понимает, что в стране уровень знаний и опыт являются второстепенными на фоне родственных связей, наличия денег, когда на фоне очередного кризиса обеспеченные граждане становятся все более богатыми при общем обнищании остального населения страны, все это является благодатной почвой для формирования установок на отъезд из региона» [Байков и др., 2018: 80].

3. «Природные условия» (наибольшей нагрузкой на фактор обладают категории «благоприятный климат» — 0,721, «экологическая обстановка» — 0,676). По очевидным причинам экология и климат воспринимаются молодежью как единое целое. К этому следует добавить, что Волгоградская область как регион юга европейской части России в отношении значительной части территории страны действительно обладает относительно благоприятными природно-климатическими и экологическими условиями. Поэтому указанные показатели не актуализированы в качестве критериев оценки привлекательных для миграции регионов.

В рамках исследования респондентам было предложено оценить вероятность того, что они уедут из Волгоградской области на очень долгое время или навсегда, по шкале от 1 до 10, где 1 — наименьшая вероятность, а 10 — наибольшая.

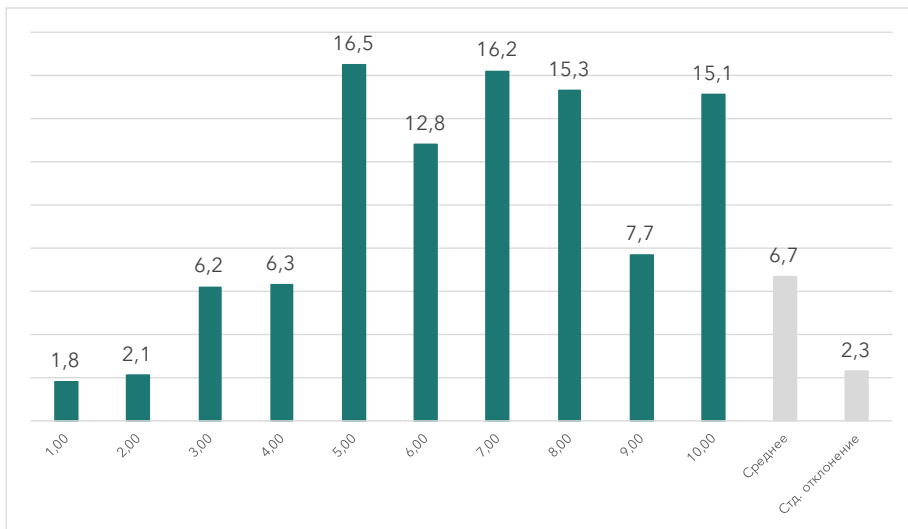

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Оцените вероятность того, что Вы уедете из Волгоградской области на очень долгое время или навсегда по шкале от 1 до 10» (% , среднее значение, стандартное отклонение)

Диаграмма распределения ответов респондентов заметно смещена в сторону большей вероятности покинуть Волгоградскую область. Среднее значение, характеризующее миграционные настроения молодежи, в целом составило 6,7 при стандартном отклонении 2,3 (см. рис. 6).

Для определения факторов, влияющих на вероятность мигрировать из Волгоградской области, в рамках процедуры анализа по вопросу «Оцените вероятность того, что Вы уедете из Волгоградской области», респонденты были разделены на три группы:

- 1) те, кто, скорее всего, уедет (оценили вероятность отъезда 7 и более);
- 2) сомневающиеся (оценили вероятность отъезда на 4—6);
- 3) те, кто, скорее всего, останется в Волгоградской области (оценили вероятность отъезда на 3 или меньше).

Применение непараметрических критериев различия позволило установить, что между указанными группами респондентов существует разница по месту рождения, отношению к уезжающим и образованию (см. рис. 7).

Наибольшим стремлением покинуть область обладают респонденты, родившиеся за пределами Волгоградской области и вне Российской Федерации. Только 8,4% респондентов, рожденных в других регионах России, и 12,0% опрошенных, рожденных за пределами России, вероятнее всего, останутся в Волгоградской области. Таким же предварительным этапом, «точкой подскока», на пути в более

комфортные (по крайней мере, в воображении) регионы и города России являются Волгоград и область для жителей городов областной глубинки. Лишь 15,5% родившихся в Волгоградской области, но не в столице региона, планирует остаться. Сами «коренные» волгоградцы в 50,2% случаев с большой вероятностью уедут из региона, а 28,1% всерьез размышляют о такой возможности.

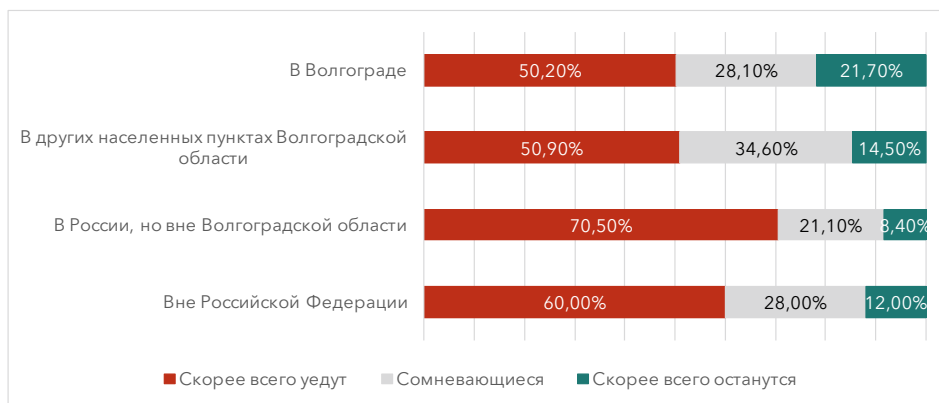

Рис. 7. Перекрестное распределение ответов респондентов по месту рождения и вероятности миграции из Волгоградской области (%)

Эти выводы можно соотнести и с данными других современных исследователей молодежной миграции. Так, подобная тенденция была отмечена в статье Р. Симоняна: среди приехавших учиться в университет из других городов региона или сельской местности установка на эмиграцию выше, чем у местных [Симонян, 2017: 321]. По мнению автора — и с этим сложно спорить — данная тенденция объясняется тем, что первые уже имеют более или менее успешный опыт адаптации к иной среде. С другой стороны, разница между горожанами и сельскими жителями в эпоху современной коммуникации, развития интернета и вовлеченности в социальные сети становится все более несущественной. Здесь же необходимо упомянуть и особенности системы ЕГЭ, которая при всех своих противоречиях, безусловно, позволяет конкурировать за место под солнцем сильным абитуриентам независимо от места получения основного общего образования. Вместе с тем имеет значение и более узкий диапазон возможностей для самореализации провинциальной молодежи, которая легко может сравнить свой образ и уровень жизни с жизнью в других местах, что придает дополнительный импульс к переменам.

Волгоград — это очень унылый город. Даже если взять тот же чемпионат, в той же Самаре, в Москве он проходил ярко, а у нас в Волгограде даже самих жителей мотивировали покинуть город на время чемпионата, и причем непонятно, к чему это нужно, потому что чемпионат прошел вполне спокойно, но по сравнению с другими городами в нашем городе он прошел очень уныло. (Студентка 2 курса факультета естественно-научного образования, физической культуры и безопасности жизнедеятельности)

В глобальном мире мы легко можем узнать, «а как у них?» — уровень цен и трудоустройство в других городах. Мы все это сравниваем и делаем выводы. Наверное, это все вместе делает регион непривлекательным, а идентичность — очень ситуативной. (Кандидат социологических наук, декан факультета)

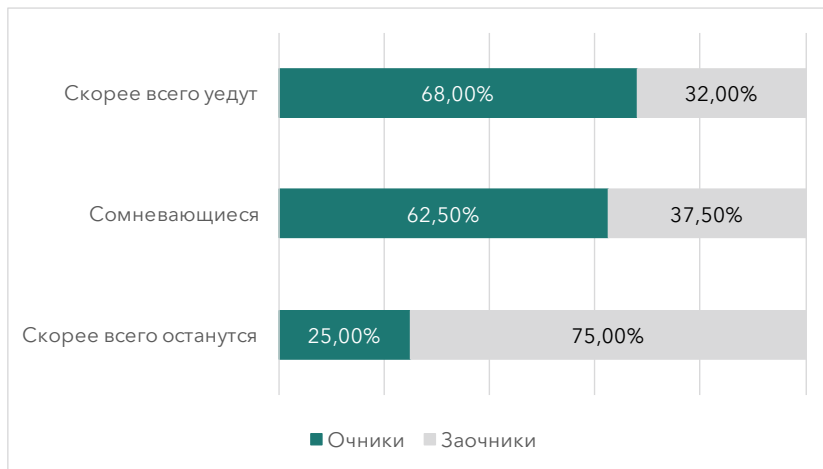

Рис. 8. Перекрестное распределение ответов респондентов по форме получения образования и вероятности миграции из Волгоградской области (%)

Заметно, что среди склоняющихся уехать из области преобладают те, кто в данный момент проходит очное обучение, в то время как «заочники» составляют 75,0% среди тех, кто планирует остаться в регионе (см. рис. 8). Вероятнее всего, вышесказанное никак не связано со стереотипным мнением, что более склонны уезжать более образованные и амбициозные. Предположим, что получающие образование заочно уже активно вовлечены в экономические практики в регионе (работают, ведут собственный бизнес), либо заметно ограничены в мобильности семейной жизнью, детьми, наличием кредитных обязательств или заботой о пожилых родственниках. Даже если получающие заочное образование имеют миграционные мотивы, они заметно ограничены в возможностях покинуть Волгоградскую область.

Согласно данным опроса студентов одного из волгоградских вузов (ноябрь — декабрь 2013 г.), приведенных в статье Р. Симоняна, готовность получить образование за границей составляет 56%, готовность воспользоваться возможностью работать за границей — 65,6%. Готовность уехать на постоянное место жительства за рубеж в Волгограде составляет 68,5%, что вполне соответствует общероссийским трендам [Симонян, 2017: 321]. Вместе с тем автор выявляет существенное противоречие между отрицательным отношением молодых респондентов к самому факту молодежной эмиграции («утечка умов», снижение человеческого потенциала в долгосрочной перспективе и т. д.) и собственной позитивной — по крайней мере, теоретически — установкой на отъезд («каждый человек вправе устраивать свою судьбу»). Согласно приводимым Р. Симоняном данным, на ноябрь 2016 г. осужда-

ли эмиграцию в Калининграде 54% молодых респондентов, в Петрозаводске — 60,5%, в Санкт-Петербурге — 59,5%, в Благовещенске — 52%, в Хабаровске — 60,4%, во Владивостоке — 61,3%. В рамках настоящего исследования анализ и качественных, и количественных данных показывает отсутствие сформулированного выше противоречия. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к решению тех, кто планирует переехать из Волгоградской области?» представлено на рисунке 9.

Рис. 9. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к решению тех, кто планирует переехать из Волгоградской области?» (%)

Таким образом, абсолютное большинство респондентов лояльно относится к эмиграционным настроениям сверстников. Количественные выводы подтверждаются и на материалах фокус-групповых интервью.

Это нормальный поток миграции, в поисках лучшего и так далее. В чем здесь проблема? Или мы хотим всех в Волгограде держать? Представьте людей, которые хотят себя реализовать. Свои планы элементарно им просто не дадут реализовать, потому что в этом нет необходимости для людей, которые занимаются управлением этим городом. Они едут в поисках чего-то, хотят как-то развиваться, здесь у них будет однообразие. Проблемы как таковой я не вижу. (Студент 2 курса факультета естественнонаучного образования, физической культуры и безопасности жизнедеятельности)

Люди уезжали и будут уезжать. И негативные последствия для города, на мой взгляд, преувеличены, потому что ниже определенного своего уровня он не упадет, как и выше не прыгнет, он будет так же на месте стоять... Самая талантливая молодежь в любом случае уезжает, и это происходит десятки лет. (Студентка 5 курса исторического факультета)

В рамках массового опроса респондентам было предложено оценить вероятность достижения успеха в различных сферах в случае выезда из Волгоградской области по шкале от 1 до 5, где 1 — наименее вероятно, 5 — наиболее вероятно (см. рис. 10).

Рис. 10. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Молодежь покидает Волгоградскую область ради того, чтобы... Оцените, насколько, на Ваш взгляд, наиболее вероятна истинность предложенных вариантов, по 5-балльной шкале» (среднее арифметическое по параметру параметру)

Рис. 11. Результаты снижения размерности методом Варимакс ответов на вопрос «Молодежь покидает Волгоградскую область ради того, чтобы... Оцените, насколько, на Ваш взгляд, наиболее вероятна истинность предложенных вариантов по 5-балльной шкале»

Молодежь, принимавшая участие в опросе, вероятными в случае миграции считает получение интересной и высокооплачиваемой работы и успешную карьеру. Относительно высоко оценивается вероятность того, что, уезжая из Волгоградской области, можно повысить свой социальный статус, получить более качественные социальные услуги и доступ к культурной жизни, богатой событиями, достопримечательностями и местами притяжения. При этом молодежь крайне скептически относится к предположению, что на новом месте удастся создать счастливую семью, проявить себя в общественной и политической жизни, обеспечить себе и близким безопасность, купить жилье.

Применение к полученным данным снижения размерности методом Варимакс позволило выявить два фактора, группирующие ответы респондентов:

1. «Материальное благополучие» (наибольшей нагрузкой на фактор обладают категории «найти интересную/высокооплачиваемую работу» — 0,861, «сделать успешную карьеру и получить профессиональное признание» — 0,852). Согласно данным опроса (см. рис. 11), именно категории, входящие в данный фактор, респондент считают наиболее реализуемыми на новом месте жительства. То есть достижение материального благополучия — ключевой фактор отъезда из Волгоградской области.

2. «Семейное счастье и безопасность» (наибольшей факторной нагрузкой обладают категории «обеспечить себе и своим близким безопасность» — 0,785, «создать счастливую семью» — 0,754 и «купить жилье на новом месте» — 0,752). Категории, составляющие данный фактор, воспринимаются как наименее достижимые после переезда в другой регион. Таким образом, фактор «семейного счастья и безопасности», напротив, является основным препятствием для выезда за пределы Волгоградской области. Останавливают респондентов от переезда за пределы области наличие (или перспективы) личной жизни в Волгоградском регионе, собственное жилье, а также проживание в знакомом регионе, который по вполне очевидным причинам кажется более безопасным.

Именно взаимодействие двух указанных выше факторов в итоге определяет, станет молодой житель Волгоградской области покидать ее или нет.

Основные выводы

Среди учащейся молодежи, проживающей на территории Волгоградской области, достаточно сильны миграционные настроения. Только 11,4% опрошенных нами не намерены покидать Волгоградскую область и не задумываются над такой перспективой. Депрессивно-пессимистические оценки города и области, укоренившиеся среди местной молодежи, стали устойчивым тиражируемым стереотипом, формирующим миграционные установки.

Оценка респондентами вероятности миграции за пределы региона показала, что стремление покинуть область сильнее у тех, кто родился за пределами Волгоградской области или вне России. Хотя 25,4% опрошенных хотели бы уехать в столичные города (Москва, Санкт-Петербург), 26,4% опрошенных предпочитают уехать в другой крупный, но нестоличный город России. Волгоград постепенно перестает восприниматься как своеобразный трамплин между малыми городами и столицами — он сам становится точкой, из которой надо мигрировать в иной

крупный город. Волгоградский регион теряет привлекательность как центр притока мигрантов из малых городов и других регионов.

Оценка регионов для перспективной миграции формируется под влиянием трех главных факторов:

- образ города и региона — фактор, связанный с общим восприятием образа Волгограда и региона: здесь речь не столько о перспективах экономического благосостояния молодежи, сколько об общем развитии инфраструктуры, культурной жизни, спорта;
- обобщенное доверие — фактор, включающий оценки развития гражданского общества, взаимопомощи и доверия людей, эффективности государственного и муниципального управления;
- природные условия — фактор, объединяющий характеристики климатических условий и экологической обстановки.

На стремление респондентов уехать из Волгограда и области влияют два важнейших фактора:

1. Материальное благополучие — фактор, включающий в себя стремление к интересной и высокооплачиваемой работе, карьерному росту. Сопоставление полученного вывода с результатами других российских исследований, посвященных миграционным установкам молодежи Мурманска, Омска, Перми [Шарова, 2015; Половинко, Арбуз, 2016; Петрова, 2017], позволяет утверждать, что проблемы с трудоустройством и низкие заработные платы — характерная черта не только для Волгоградского региона, но и для Российской Федерации в целом.

2. Семейное счастье и безопасность — фактор, объединяющий тягу респондентов к построению счастливой личной жизни, семьи, обеспечению личной безопасности себя и собственных близких. Указанный фактор препятствует формированию миграционных установок молодежи и делает фактический объем молодежной миграции ниже потенциального.

Важно подчеркнуть, что стабильно высокий миграционный потенциал характерен не только для российской молодежи, но является типичным для современного образа жизни западного общества. Социальный теоретик и современный классик социологии Зигмунт Бауман констатирует: «Привязанность к определенному месту не столь важна, поскольку это место может быть достигнуто и оставлено по собственной прихоти в короткое время или в мгновение ока. Вместе с тем, чрезмерная твердость, обремененность взаимными обязательствами могут оказаться поистине вредными, когда новые возможности неожиданно возникают в другом месте» [Бауман, 2008: 20]. В условиях нестабильной, динамично меняющейся и насыщенной образами реальности мобильность является ключевым свойством идентичности и важнейшей ценностью. Современный человек, живущий в информационном пространстве социальных сетей, воспринимает мир как экран, меню идентичностей, набор картинок, выбор которых обратим и не имеет катастрофических последствий. Таким образом, религиозная, политическая, национальная и региональная идентичности сегодня все менее устойчивы и значимы. Многочисленные зарубежные исследования подтверждают, что миграция молодого, образованного и экономически активного населения из слаборазвитых и периферийных районов в экономически развитые регионы с лучшими условия-

ми жизни — типичное для европейских стран явление. Например, в Словакии отток молодежи в крупные города помимо комплекса социально-экономических причин обусловлен отсутствием на юге страны высших учебных заведений, что делает образовательную миграцию важным фактором депопуляции и увеличения межрегиональных различий [Чайка, 2019: 87].

Говоря о воздействии центростремительной миграции молодежи и трудоспособного населения на социально-экономические и демографические процессы в российской провинции, большинство экспертов сходятся во мнении, что это негативный процесс, замедляющий демографическое и социально-экономическое развитие регионов. На фоне демографического кризиса потеря образованной части населения, находящейся в активном репродуктивном и трудоспособном возрасте, является трудновосполнимой потерей. Все это повышает необходимость активного изучения регионального измерения социального капитала, а также расширения системы эффективных мер по созданию условий для позитивной самореализации молодежи в рамках местного и регионального сообщества.

Список литературы (References)

Байков А. А., Лукьянец А. С., Письменная Е. Е., Ростовская Т. К., Рязанцев С. В. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75—84. <https://doi.org/10.31857/S013216250002787-8>.

Baykov A. A., Lukyanets A. S., Pismennaya E. E., Rostovskaya T. K., Ryazantsev S. V. (2018) Youth Emigration from Russia: Scale, Channels, Consequences. *Sociological Studies*. No. 11. P. 75—84. <https://doi.org/10.31857/S013216250002787-8>. (In Russ.)

Бауман З. *Текущая современность*. СПб. : Питер, 2008.

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Вакуленко Е. С., Мкртчян Н. В., Фурманов К. К. Опыт моделирования миграционных потоков на уровне регионов и муниципальных образований РФ // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А. Г. Коровкин. М. : МАКС Пресс, 2011. С. 431—450.

Vakulenko E. S., Mkrtychyan N. V., Furmanov K. K. (2011) The Experience of Modeling Migration Flows at the Level of Regions and Municipal Entities in the Russian Federation. In: Korovkin A. G. (ed.) *Scientific Papers: Institute of Economic Forecasting RAS*. Moscow: MAKS Press. P. 431—450. (In Russ.)

Волгоградская область в цифрах. 2018 : краткий сборник. Волгоград : Волгоградстат, 2019.

Volgograd Region in Figures. 2018: A Short Digest. Volgograd: Volgogradstat, 2019. (In Russ.)

Гуриев С. *Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики*. М. : Юнайтед Пресс, 2010.

Guriev S. (2010) *Myths of the Economy: Misconceptions and Stereotypes that are Distributed by Mass Media and Politicians*. Moscow: Untied Press. (In Russ.)

Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>.

Mkrtchan N. V. (2017) The Youth Migration from Small Towns in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 225—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>. (In Russ.)

Петрова М. Д. Анализ миграционных настроений молодежи Перми // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2017. № 1. С. 315—322.

Petrova M. D. (2017) Analysis of Migration Attitudes of Youth in the City of Perm. *Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice*. No. 1. P. 315—322. (In Russ.)

Половинко В. С., Арбуз А. В. Анализ миграционных установок молодежи г. Омска // Экономические науки. 2016. № 11. С. 42—46.

Polovinko V. S., Arbus A. V. (2016) Analysis of Migration Attitudes of Youth in the city of Omsk. *Economic Sciences*. No. 11. P. 42—46. (In Russ.)

Симонян Р. Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 313—326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.16>.

Simonyan R. Kh. (2017) Migration Attitudes of the Russian Youth: A Regional Dimension. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 313—326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.16>. (In Russ.)

Социально-экономическое положение Волгоградской области в январе 2019 года : доклад. Волгоград : Волгоградстат, 2019.

Socio-Economic Situation in the Volgograd Region in January 2019: A Report. Volgograd: Volgogradstat, 2019. (In Russ.)

Чайка П. Особенности демографического развития Словакии в контексте европейской демографии // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 2. С. 79—92. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-8>.

Chaika P. (2019) Features of Demographic Development of Slovakia in the Context of European Demography. *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 5. No. 2. P. 79—92. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-8>. (In Russ.)

Шарова Е. Н. Миграционные установки молодежи Мурманской области // Проблемы развития территории. 2015. № 3. С. 88—103.

Sharova E. N. (2015) Migration Attitudes of Young People in the Murmansk Oblast. *Problems of Territory's Development*. No. 3. P. 88—103. (In Russ.)

Andrienko Yu., Guriev S. (2004) Determinants of Interregional Mobility in Russia. *Economics of Transition*. Vol. 12. No. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1111/j.0967-0750.2004.00170.x>.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1611

Е. В. Недосека, Е. Н. Шарова

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ АРКТИКИ

Правильная ссылка на статью:

Недосека Е. В., Шарова Е. Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>.

For citation:

Nedoseka E. V., Sharova E. N. (2020) Features of Youth's Life Strategies in the Arctic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ АРКТИКИ

НЕДОСЕКА Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: nedelena-24@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

ШАРОВА Екатерина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социальных наук и права социального обеспечения, Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

E-MAIL: kateshar1@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

Аннотация. Цель работы — представить региональный контекст социализации молодых людей, проживающих в особых условиях, детерминированных рядом объективных обстоятельств, а также субъективными факторами. В качестве теоретико-методологической рамки работы выступил рискологический подход Ю. А. Зубок, на основе которого сделан акцент на социальной обусловленности жизненных стратегий молодежи Арктической зоны РФ. Последние рассматриваются через средовые факторы риска макро- и мезоуровня в условиях Арктики, а также через деятельностные факторы риска, реализующиеся на микроуровне через планы, установки, ориентиры, выборы и другие элементы жизненных стратегий. Представлен обобщающий анализ статистических данных и материалов социологических исследований

FEATURES OF YOUTH'S LIFE STRATEGIES IN THE ARCTIC

*Elena V. NEDOSEKA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor, Senior Research Fellow

E-MAIL: nedelena-24@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1944-0367>

*Ekaterina N. SHAROVA*² — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor at the Department of Philosophy, Social Sciences and Social Security Law

E-MAIL: kateshar1@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9042-3570>

¹ Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

² Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Abstract. The aim of this paper is to present the regional socialization context of the youth living in a geographical zone with special conditions determined by many objective and subjective factors. The theoretical and methodological framework of the study is based on the risk-based approach proposed by Yu. A. Zubok. The approach emphasizes social factors of the youth life strategies in the Arctic. The strategies are examined through environmental risk factors at macro and meso levels in the Arctic conditions as well as through the activity-related risk factors at the micro level (plans, aims, choices and other elements of life strategies). The authors present a generalized analysis of statistical and sociological data concerning the life strategies in all the regions of the Russian Arctic Zone. The empirical basis is the results of sociological surveys conducted by

по теме жизненных стратегий, проводимых во всех регионах, входящих в Арктическую зону РФ. Эмпирическую базу статьи составили результаты социологических исследований, проведенных методом анкетного опроса среди различных групп населения, в том числе и молодежи, в Мурманской области в период с 2014 по 2018 гг. под руководством авторов статьи.

В результате исследований получены систематизированные данные об отношении молодежи к проживанию в регионе, миграционных установках и наличии миграционного опыта, ожиданиях и притязаниях молодежи в различных сферах, социально-групповых и статусных характеристиках молодых северян. Выявлены основные противоречия между управленческими решениями органов власти федерального и регионального уровней, отраженными в основных документах, и фактическим положением дел, представленным статистическими показателями и результатами социологических исследований. С одной стороны, в стратегических документах декларируется отказ от вахтовой модели освоения Севера в пользу комплексного социально-экономического развития, в том числе направленного на удержание и привлечение человеческих ресурсов, на повышение качества и уровня жизни населения. С другой стороны, отмечается неуклонное снижение численности населения, преимущественно за счет миграционного оттока молодежи, что демонстрирует низкую удовлетворенность условиями жизни в регионе, возможностями самореализации в различных сферах.

Ключевые слова: молодежь, жизненные стратегии, Арктика, регион, риск

the authors in the Murmansk oblast from 2014 through 2018; questionnaire tool was used to survey different populations including youth.

As a result, the authors obtained systematized data on the youth attitudes towards living in the region, their migration settings and migration experiences, expectations and ambitions in different spheres, social characteristics and status markers. The study identifies major inconsistencies between managerial decisions of the federal and regional bodies declared in the main documents and the actual situation pointed by statistical and sociological research data. On the one hand, strategic documents show refusal from the rotation-based model of the Arctic exploration in favor of the complex social and economic development, including activities aiming at retaining and attracting human resources, increasing the living standards and quality of life. On the other hand, there is a steady decline in the population size primarily at the expense of the youth outflow pointing to low satisfaction with the living conditions in the region and opportunities of self-actualization in different spheres.

Keywords: youth, life strategies, Arctic, region, risk

Проблемное поле исследования

Арктическая зона Российской Федерации представляет собой одно из приоритетных направлений внутренней и внешней политики РФ. Последнее отражено в таких нормативных документах, как «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» и «Постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»». В Арктическую зону Российской Федерации (АЗРФ) сегодня входят все муниципалитеты Мурманской области, Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также некоторые муниципальные образования Архангельской области, Республик Коми, Карелии, Саха (Якутия) и Красноярского края.

Превалирующим фактором в управленческих решениях остается экономическая привлекательность (прежде всего за счет Северного морского пути и СПГ-проектов¹), а также геополитическая значимость АЗРФ. Ведутся активные обсуждения возможной увязки инструментов местного территориального развития и механизмов поддержки масштабных инвестиционных проектов, реализация которых планируется в АЗРФ [Арктика: стратегия развития, 2019].

На развитие обсуждаемых территорий оказывают влияние следующие общепризнанные макрофакторы: (а) экстремальные природно-климатические условия, включая низкие температуры воздуха, сильные ветры и ледяной покров на акватории арктических морей; (б) очаговый характер промышленно-хозяйственного освоения территорий и низкая плотность населения; (в) удаленность от основных промышленных центров, высокая ресурсоемкость и зависимость хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения от поставок из других регионов России топлива, продовольствия и товаров первой необходимости; (г) низкая устойчивость экологических систем, определяющих биологическое равновесие и климат Земли, а также их зависимость даже от незначительных антропогенных воздействий².

Однако помимо перечисленных макрофакторов необходимо определить факторы мезоуровня, позволяющие говорить о региональной специфике изучаемых территорий. Например, социально-экономические факторы тесно связаны с особенностями промышленного освоения Арктики. Как отмечают в ряде своих работ Владимир Лексин и Борис Порфирьев, АЗРФ в наибольшей степени вобрала в себя результаты политики социалистического размещения и развития производительных сил. В связи с этим структурные изменения конца 1990-х годов, сопряженные с переходом к рыночной экономике и приватизацией государственной собственности, оказали значительное влияние на территории российской Арктики [Лексин, Порфирьев, 2017, 2018]. В частности, серьезной проблемой остается производственная привязка Арктических регионов к ограниченному числу про-

¹ СПГ — сжиженный природный газ.

² О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года // Правительство России. 2013. 20 февраля. URL: <http://government.ru/info/18360/> (дата обращения: 14.06.2020).

мысленных предприятий, вследствие чего наблюдается низкая диверсификация сфер занятости. Некогда привлекательная черта в виде финансовых преимуществ в оплате труда жителей Крайнего Севера все больше утрачивает значение за счет незначительного или фактически уравнительного соотношения (в зависимости от сфер занятости) с другими регионами России [Волгин, Широкова, Мосина, 2018].

К социально-структурным факторам можно отнести сложившуюся межрегиональную дифференциацию в социально-экономическом развитии территорий России, где системные сдвиги породили взаимоотношения между центром и регионами по принципу «центр — периферия». В этом смысле удаленность Арктических регионов сопряжена с основными характеристиками периферии, такими как отсталость и стагнация, что изначально задает направление в жизненном планировании для поиска лучшего места самореализации [Недосека, Ануфриева, 2015; Шарова, 2016; Галимуллин, 2019].

Определяя влияние социокультурных факторов, необходимо вернуться к историческим особенностям освоения территорий Арктической зоны. С приходом советской власти в начале XX века обсуждаемые территории осваивались преимущественно посредством принудительной миграции. Позднее, начиная со второй половины XX века, привлекательность Севера была сопряжена с материальным достатком за счет различного рода финансового стимулирования за труд в тяжелых климатических условиях. Низкая укорененность и слабая региональная идентичность были и остаются отличительными особенностями большинства населения Арктических регионов (безусловно, исключая этническое меньшинство коренных народов Севера) [Недосека, Ануфриева, 2015; Галимуллин, 2019].

Обозначенные группы факторов значительно влияют на процесс построения жизненных стратегий, что особенно характерно для молодежи, рассматриваемой в качестве главного ресурса для масштабных преобразований в Арктическом регионе. Специфика различных молодежных групп детерминирована конкретными условиями социализации и возможностями самореализации в определенном локальном сообществе (стране, регионе, населенном пункте). Иначе говоря, место проживания молодежи является важным дифференцирующим и стратифицирующим фактором, создающим внешние (объективные) рамки жизненных планов.

В настоящее время в целях создания образа Севера как привлекательной территории для жизни и самореализации формируется особый — арктический — дискурс, проявляющийся прежде всего на официальном уровне (например, стратегический план Правительства Мурманской области до 2030 г. «На Севере — жить»)³. При этом наблюдается неопределенность в том, насколько данный дискурс коррелирует с фактическими установками и жизненными стратегиями различных социальных групп населения региона, в том числе и молодежи.

Исследовательский фрейм

Вопросы жизненных стратегий молодежи достаточно давно находятся в исследовательском фокусе социологов и остаются актуальными в условиях стремитель-

³ СМ.: «На Севере — жить!»: правительство Мурманской области приняло стратегический план развития региона на ближайшие 10 лет // Правительство Мурманской области. 2019. 27 декабря. URL: <https://gov-murman.ru/info/news/344943/> (дата обращения: 14.06.2020).

ных социально-экономических изменений, происходящих в российских регионах. Данная проблематика требует постоянного мониторинга и фиксации тенденций, происходящих в молодежной среде. Изучение стратегий молодежи АЗРФ представляется злободневным в связи с тем, что данный макрорегион переживает значительную миграционную убыль населения, особенно трудоспособного возраста. Представление о желательных направлениях самореализации, об особенностях региональной идентичности, а также определение уровня притязаний данной социально-демографической группы позволят эффективнее выстроить молодежную политику в регионе, продумать факторы не только «удержания» молодежи, но и ее привлечения в регионы АЗРФ.

Среди первых серьезных разработок в этой области можно отметить труды Владимира Лисовского [Лисовский, 1996] и Светланы Иконниковой [Иконникова, 1974], исследующих социальное самоопределение молодежи; работы Владимира Шубкина [Шубкин, 1984], акцентирующих внимание на социально-профессиональной мобильности молодых людей, а также Микка Титмы [Жизненный путь поколения..., 1985] и Михаила Руткевича [Руткевич, Рубина, 1988], рассматривающих понятие социальной мобильности в разных стартовых позициях. Нина Наумова [Наумова, 1988] и Ирина Шурыгина [Шурыгина, 1999] исследовали проблемы построения жизненных стратегий, притязаний молодежи, способности к социальной адаптации, жизненные планы, жизненные шансы и ресурсы и др.

Начиная с 2000-х годов и до настоящего времени проблема жизненных стратегий молодежи находится в центре исследовательского внимания социологов: Галины Чередниченко [Чередниченко, 2009; Cherednichenko, 2019], Елены Вознесенской [Вознесенская, 2015], Давида Константиновского [Константиновский, 2016], которые более 20 лет изучают жизненные траектории российской молодежи в образовательной и профессиональной сферах. Помимо личного исследовательского вклада, у вышеперечисленных авторов имеются коллективные монографии, обобщающие накопленный опыт лонгитюдных исследований образовательных и профессиональных устремлений, установок, планов российской молодежи, а также факторов, влияющих на ее социальное самоопределение [Константиновский и др., 2011; Константиновский, Вознесенская, Чередниченко, 2014]. Также необходимо отметить особый вклад Юлии Зубок и Владимира Чупрова [Зубок, Чупров, 2008 а, б], которые подробно анализируют специальные социологические теории, увязывающие жизненные планы и ориентации молодежи во взаимосвязи с ее поведением.

Особого внимания заслуживают работы исследователей, изучающих жизненные стратегии молодежи Арктической зоны и отдельных территорий, входящих в состав АЗРФ. Так, Александр Дрегалло и Виктор Ульяновский [Дрегалло, Ульяновский, 2006] анализируют региональные аспекты социализации молодежи, а именно образовательные, культурные, политические и профессиональные установки; Александр Константинов [Константинов, 2016], Эдуард Галимуллин [Галимуллин, 2019] рассматривают миграционные тенденции молодежи Арктики. Ольга Осипова (Васильева) и Елена Маклашова исследуют ценности и различные аспекты жизненных стратегий молодых северян [Осипова, Маклашова, 2016; Васильева, 2018; Васильева, Маклашова, 2018].

Несмотря на солидный теоретический и эмпирический багаж данной области исследования, необходимо отметить существующую терминологическую путаницу в употреблении понятий, схожих с «жизненной стратегией». Среди таких терминов можно встретить следующие: «жизненная траектория» [Чередниченко, 2004], «жизненная карьера», «жизненные ориентации (установки)», «жизненный путь», «жизненные планы», «жизненное самоопределение», «жизненные притязания» [Шурыгина, 1999] и т. д. В исследовательской практике задача их разграничения часто не ставится, и многие из них обычно используются как синонимы.

На наш взгляд, концептуализация используемого нами понятия «жизненная стратегия» осуществляется через призму следующих терминов: сознание и поведение, выбор, цели и средства, ценности и ориентации, образ будущего (см. рис. 1).

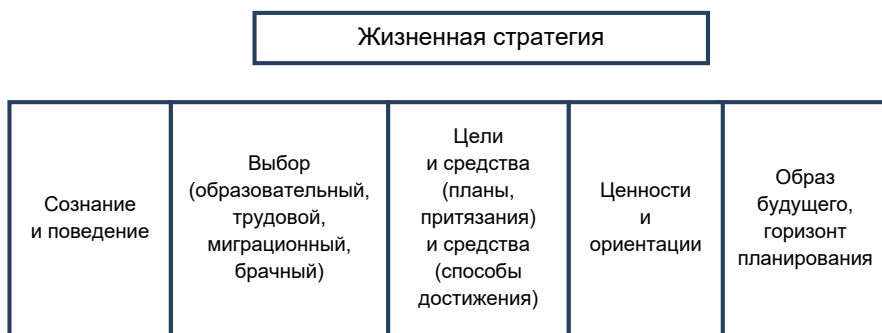

Рис. 1. Концептуальная схема понятия «жизненная стратегия»

Воспользуемся ранее сформулированным авторским определением жизненной стратегии как «направленной в будущее характеристики сознания и поведения личности, выполняющей ценностно-ориентационную функцию и проявляющуюся в конкретных жизненных ситуациях, связанных с выбором целей и средств их достижения» [Шарова, Недосека, 2014].

Как отмечалось выше, факторами, влияющими на формирование жизненных стратегий, выступают пространство жизнедеятельности молодого человека и риски, связанные с данным пространством. Здесь особое значение приобретает система эмпирических показателей, которая позволяет измерить субъективное отношение к месту проживания.

Особую методологическую роль в осмыслении сущности жизненных стратегий через призму проблемы выбора и контекста, условий, в которых этот выбор осуществляется, играет рискологический подход Юлии Зубок [Зубок, 2003, 2007]. В основе данного подхода лежит представление о том, что риск является сущностным свойством молодежи как социально-демографической группы и значимым фактором ее социального развития. Риск возникает в связи с переходным состоянием молодости как этапа жизненного пути и реализуется в процессе инновационной деятельности молодежи.

Ю. Зубок выделяет два типа рисков: объективный риск, исходящий от среды жизнедеятельности индивида, и субъективный (деятельностный) риск, понимае-

мый как способ жизнедеятельности индивида. Категория риска получает двойное методологическое значение для осмысления проблематики жизненных стратегий молодежи. С одной стороны, это атрибут группы, отражающий специфику ее поведения вследствие особого этапа социализации, связанного с переходностью социального статуса. С другой стороны, это среда, понимаемая как совокупность объективных условий, в которых это поведение осуществляется. Причем именно средовым рискам отводится роль своеобразных катализаторов, запускающих определенный механизм социального действия, связанный с индивидуальными выборами из множества альтернатив (иными словами, деятельностные риски). Последние, в свою очередь, обуславливают новый виток средовых рисков, тем самым превращая риск в системную характеристику общества («общество риска») [Бек, 2000].

Методология и методика исследования

С опорой на рискологический подход в рамках настоящего исследования жизненных стратегий молодежи Арктики учитываются оба аспекта риска: деятельностный, реализующийся в акте индивидуального выбора, и средовой — как атрибут объективных условий жизни, проявляющихся в состоянии неопределенности, внешних опасностях и угрозах. С нашей точки зрения, риск есть одновременно и атрибут, и среда жизненных стратегий молодежи, которые могут быть осмыслены через связанную с риском и происходящую в его условиях деятельность.

Эмпирическую базу данной работы составили результаты социологических исследований, проведенных методом анкетного опроса среди различных групп населения, в том числе молодежи, в Мурманской области в период с 2014 по 2018 гг. под руководством авторов статьи:

- а) в 2014 г. — исследование жизненных стратегий и инновационного потенциала молодежи Мурманской области (объем выборки — 955 чел. в возрасте 14—30 лет);
- б) в 2016 г. — исследование региональной идентичности жителей Кольского Севера (объем выборки — 834 чел., в возрасте 14—34 лет — 398 чел.);
- в) в 2018 г. — исследование трудовой миграции в Мурманской области (объем выборки — 444 чел., в возрасте 15—34 лет — 143 чел.).

Данные исследования реализовывались автономно друг от друга применительно к объектам, имеющим единые территориальные границы (Мурманская область) и включающим в себя группу молодежи. Объем выборки определялся для каждого исследования отдельно, при этом во всех трех случаях использовалась квотная выборка, репрезентирующая генеральную совокупность по территориальному (региональный центр, муниципальные образования области) и половозрастному признакам. Если использовать методы оценки репрезентативности для случайного отбора при доверительной вероятности, равной 95%, то ошибка выборки не превышает в первом исследовании 3,5%, во втором — 5%, в третьем — 8%. Наличие идентичных вопросов во всех трех исследованиях позволило провести сравнительный анализ данных и описать ситуацию в динамике.

Кроме того, эмпирические показатели подкреплялись данными государственной статистики базы ЕМИСС по Арктическому региону.

Основные результаты

Численность постоянного населения сухопутных территорий АЗРФ на 1 января 2018 г.⁴ составила 2 406 420 человек, или 2 363 621 человек без учета населения Республики Карелия (для релевантной оценки динамики в сравнении с предыдущими периодами⁵). В целом отмечается снижение численности населения АЗРФ: на 1 января 2014 г. — 2 400 580 человек, тогда как на 1 января 2010 г. — 2 480 599 человек [Галимуллин, 2019] (свыше 50 % от численности населения Арктики в глобальном измерении [Лукин, 2013]).

С точки зрения естественного движения населения на тысячу человек наиболее благополучными регионами выступают ЯНАО (+8,7), Красноярский край (+6,3) и Ненецкий автономный округ (+5,1). В наиболее сложном положении находятся Республика Карелия (–13), Архангельская область (–2,3) и Мурманская область (–1,5)⁶.

Существенное влияние на демографическую ситуацию в макрорегионе оказывают миграционные процессы. На протяжении практически двух десятилетий отмечается отрицательное миграционное сальдо.

В разрезе возрастных групп наибольшие потери по-прежнему испытывает категория тех, кто находится в трудоспособном возрасте (–14,9 тыс. человек, 2018 г.), но это почти вдвое ниже, чем в предыдущем периоде (–25,3 тыс. человек, 2015 г.) (см. рис. 2). Практически треть миграционного оттока приходится на старшую возрастную группу (–9,6 тыс. человек), эмиграция которой увеличивается с 2005 г. Лица моложе трудоспособного возраста вносят наименьший вклад в общую миграционную убыль населения АЗРФ.

По субъектам АЗРФ также можно отметить некоторые особенности динамики миграционного сальдо с 2000 по 2018 гг.: стойкая прогрессирующая убыль характерна для Республики Коми (от –6,7 тыс. до –9,2 тыс.), Архангельской области (–6,1 тыс. до –7,0 тыс.), а также Республики Карелия (от 1,2 тыс. до –1,3 тыс.). Снижение убыли и в целом положительная динамика характерны для Мурманской области (от –9,9 тыс. до –4,4 тыс.), Республики Саха (Якутия) (от –6,3 тыс. до –2,9 тыс.), Чукотского автономного округа (от –3,3 тыс. до 237).

Ямало-Ненецкий автономный округ и Красноярский край характеризуются неравномерностью динамики в 2010 и 2015 гг. Если в ЯНАО в этот период отмечалась резкая отрицательная динамика (–4,9 тыс. и –11,9 тыс. соответственно) с последующим улучшением ситуации в 2018 г. (–1,7 тыс.), то в Красноярском крае, наоборот, значительный прирост в 2010—2015 гг. (+2,2 тыс. и +2,7 тыс. соответственно) сменился убылью в 2018 г. (–278).

Отметим, что Чукотский автономный округ является единственным субъектом АЗРФ, который на 2018 год имел положительное значение миграционного сальдо.

⁴ Оценка численности постоянного населения сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona/2018_1/pok_84.xls (дата обращения: 14.06.2020).

⁵ Территории трех муниципальных образований Республики Карелия включены в Перечень сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации Указом Президента Российской Федерации № 287 от 27.06.2017.

⁶ Коэффициент естественного прироста населения Арктической зоны Российской Федерации (на 1000 человек населения) // ЕМИСС: Государственная статистика. 2018. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/51648> (дата обращения: 15.06.2020).

Наибольшие потери трудоспособного населения в 2018 году зафиксированы в Республике Коми (-6,1 тыс.), Архангельской (-4,6 тыс.) и Мурманской области (-2,3 тыс.). Республики Саха (Якутия) и Карелия потеряли -1,2 тыс. и -973 трудоспособного населения соответственно. Красноярский край, а также Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа характеризуются положительным сальдо миграции в данной возрастной группе.

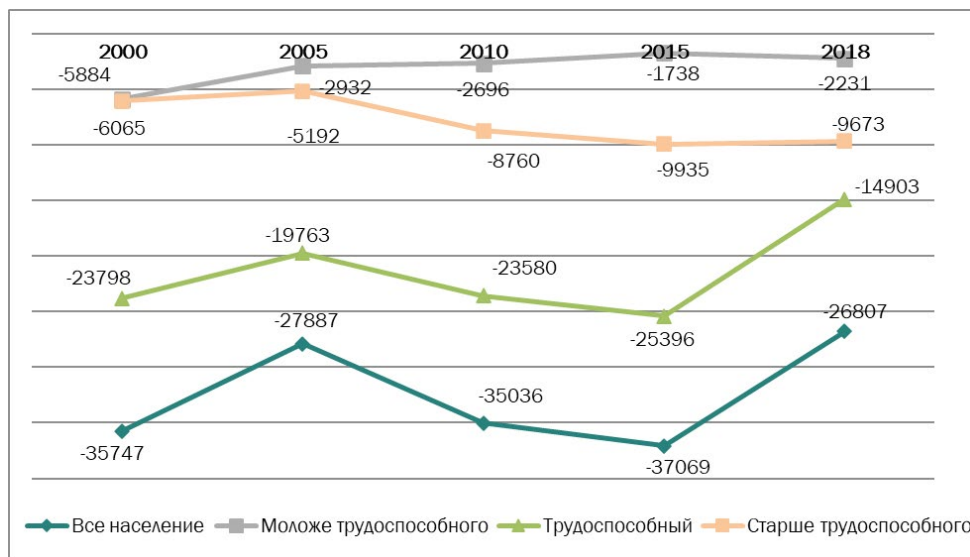

Рис. 2. Распределение миграционного прироста по субъектам АЗРФ по возрастным группам мигрантов в динамике с 2000 по 2018 гг. (человек, значение показателя за год)⁷

Проблема миграционного оттока из АЗРФ осмысливается на самом высоком уровне. В ежегодном докладе Совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации ФС РФ за 2018 г. отмечено, что в ближайшие годы арктические территории России будут испытывать острый дефицит трудовых ресурсов и не смогут обеспечить себя рабочей силой, необходимой для реализации проектов [О состоянии и проблемах..., 2019].

Выявление причин миграции позволяет более рельефно интерпретировать как внутрирегиональные процессы, так и общие для многих северных территорий тенденции. В частности, миграционные установки молодежи арктических регионов России являются предметом ряда социологических исследований (см, например: [Кондратович, 2016; Осипова, Маклашова, 2016; Маркин, Силин, 2017; Зайков, Каторин, Тамицкий, 2018; Шеломенцев и др., 2018; Галимуллин, 2019]). Обобщив накопленный исследовательский опыт, можно констатировать, что основными причинами оттока молодежи из АЗРФ являются социально-экономические усло-

⁷ Рассчитано авторами на основе данных ЕМИСС. См.: Распределение миграционного прироста по возрастным группам мигрантов (человек, значение показателя за год) // ЕМИСС: Государственная статистика. 2000—2018. URL: <https://fedstat.ru/indicator/37613> (дата обращения: 22.06.2020).

вия: неудовлетворенность заработной платой, невысокое качество образовательных, медицинских и досуговых услуг, дороговизна жизни на Севере.

С нашей точки зрения, значимым статистическим показателем является численность студентов вузов в регионах АЗРФ. Именно образовательные возможности территорий проживания и связанные с ними перспективы трудоустройства — приоритетные факторы в выстраивании жизненных стратегий. Численность студентов вузов по регионам АЗРФ (данные за 2005—2006 [Регионы России, 2007: 270—273; 282—283] и 2018—2019 гг. [Регионы России, 2019: 354—361]) представлена в таблице 1.

Таблица 1. Численность студентов вузов в структуре по регионам АЗРФ

Регион	2005 / 2006	2018 / 2019	2005 / 2006	2018 / 2019	2005 / 2006	2018 / 2019	2005 / 2006	2018 / 2019
	тыс. чел.		на 10 тыс. чел.		рейтинг РФ		рейтинг АЗРФ*	
Республика Карелия	24,1	11,5	346	187	61	62	6	4
Республика Коми	35,8	15,6	363	188	57	61	4—5	3
Архангельская область	47,7	18,6	369	169	52	67	4—5	5
Мурманская область	39,0	7,9	461	106	30	81	2	6
Ямало-Ненецкий автономный округ	14,7	0,8	277	14	73	84	7	8
Красноярский край	132,0	73,8	454	257	32	33	3	1
Республика Саха (Якутия)	46,8	24,3	492	251	21	36	1	2
Чукотский автономный округ	0	0,2	0	34	—	83	8	7
РФ	7064,6	4161,7	495	284				

* Рейтинг АЗРФ рассчитан авторами самостоятельно.

В целом данные по всем субъектам АЗРФ коррелируют с общероссийской тенденцией практически двукратного снижения численности студентов как в абсолютных значениях (всего в тыс. чел.), так и в соотношении с общей численностью населения (на 10 тыс. чел.). За период с 2005 по 2018 г. наибольшие относительные потери понесли ЯНАО (практически в 18 раз — с 14,7 до 0,8 тыс. чел.) и Мурманская область (практически в 5 раз — с 39,0 до 7,9 тыс. чел.). Безусловно, на данную динамику оказала влияние и общая демографическая ситуация, обусловленная спадом рождаемости в 1990-е годы. Мурманская область характеризуется наиболее ярко выраженной отрицательной динамикой по численности студентов. Регион утратил свои лидерские позиции не только в общероссийском рейтинге (с 30 на 81 место), но и в рейтинге субъектов АЗРФ (со второго на шестое место).

По России ниже позиция только в Ленинградской области (7,8 тыс. чел.; 42 чел. на 10 тыс. чел.) [Регионы России, 2019: 355], а из арктических регионов — в Чукотском автономном округе (0,2 тыс. чел.; 34 чел. на 10 тыс. чел.) и в ЯНАО (0,8 тыс. чел.; 14 чел. на 10 тыс. чел.). Все сказанное свидетельствует о том, что в Мурманской области «вымывается» интеллектуальный потенциал населения в результате мощного потока образовательной эмиграции.

Обратимся к данным трех эмпирических исследований, проведенных с 2014 по 2018 г. среди молодежи Мурманской области. Предлагается следующая модель анализа средовых и деятельностных рисков, задающих векторы жизненных стратегий молодых людей. Данная модель включает в себя такие показатели, как: степень привязанности к региону, субъективная оценка условий жизни, миграционные установки, желаемые направления самореализации и уровень притязаний. Ниже представлены основные выводы по указанной модели.

1. На протяжении исследования (в период 2014 по 2018 г.) региональной идентичности жителей Мурманской области регистрируются высокие оценки степени привязанности молодежи к своей «малой родине» (порядка 80% опрошенных).

2. Несмотря на высокую степень эмоциональной связи с регионом, молодые люди довольно низко оценивают качественные характеристики жизни в регионе. В частности, ниже среднего по 5-балльной шкале оцениваются такие возможности, как «найти работу и реализовать себя в выбранной профессии» (2,6 балла); «достигнуть желаемого уровня материального благополучия» и «создать и развить собственный бизнес» (по 2,7 балла); «сделать управленческую карьеру» (2,8 балла); «получить образование в соответствии со своими запросами» (2,9 балла). Относительно более высокие оценки получили такие возможности, как «встретить любимого человека и создать семью» (4,0 балла) и «выстроить систему отношений, связей (дружеских, деловых)» (3,8 балла). По всем возможностям самореализации в регионе относительно более низкие оценки в среднем имеет группа в возрасте 25—29 лет (2,9 балла), нежели другие возрастные группы (3,1—3,2 балла). Вероятно, этот возрастной период, сопряженный с окончанием профессионального обучения и первым серьезным опытом трудовой деятельности, наиболее сложный с точки зрения выработки жизненной стратегии и оценки имеющихся в регионе ресурсов для ее реализации.

3. Анализ оценок молодежи, которые касаются изменений жизни в регионе, позволяет констатировать, что со временем молодежь чаще демонстрирует рост пессимистических настроений: 37,2% указали на ухудшение условий и 25,7% — на улучшение. По сравнению с 2014 г., в 2016 г. отмечается изменение баланса положительных и отрицательных оценок жизни в регионе в пользу преобладания последних: в 2014 г. 29,8% положительных против 26,8% отрицательных, тогда как в 2016—25,7% против 29,4% соответственно. Данные 2018 г. об удовлетворенности жизнью в Мурманской области подтверждают незначительный перевес доли недовольных (28,9% против 27,0%). В структуре возрастных групп наиболее низкие значения удовлетворенности вновь дают лица от 25 до 29 лет (всего 8% скорее или полностью довольны проживанием в регионе). Среди представителей младшей возрастной группы (до 19 лет) практически каждый второй (46,5%) скорее или полностью недоволен условиями жизни в Мурманской области.

В связи с этим отношение молодежи к региону может быть осмыслено в контексте проблематики «центр — периферия», где Мурманской области отводится периферийный статус с весьма ограниченным потенциалом для самореализации. Причем сформированные за последние шесть лет арктическая повестка и соответствующий дискурс, призванные дать «вторую жизнь» северным территориям, мало повлияли на субъективные мнения и оценки молодых людей.

4. На протяжении исследовательского периода отмечается некоторое снижение доли молодых людей, планирующих переехать из Мурманской области: с 45,2% в 2014 г. до 35,7% в 2018 г. Почти на 5 п. п. увеличилась доля молодежи, связывающей свое будущее с регионом: с 32,8% в 2014 г. до 37,4% в 2018 г. При этом также возросло число «неопределившихся», заведомо представляющих собой группу «риска» с высоким потенциалом мобильности.

Планы уехать из области коррелируют с возрастной группой молодежи. Чем старше респонденты, тем больший процент из них хочет остаться в области. По данным за 2014 г. молодежь младшей возрастной группы (14—19 лет) определяет себя наиболее мобильной: из них более половины (51,3%) нацелены на эмиграцию и только 13,7% отметили, что не планируют уезжать из области (остальные затруднились ответить определенно). В группах старше 20 лет примерно вдвое больше молодежи с установкой на закрепление в регионе: 24,0% — в группе 20—24 лет и 24,7% — в группе 25—30 лет. В целом самую немобильную группу составляют молодые люди 20—24 лет (39,4% планируют покинуть регион против 45,9% в группе 25—30 лет и 51,3% в группе 14—19 лет). Вероятно, это связано с уже начавшейся профессиональной социализацией в регионе.

Основными причинами отъезда из региона для всех групп молодежи выступают социально-экономические факторы (43,8% в 2014 г., 83,0% — в 2018 г.). В качестве конкретных причин наши респонденты называли сложности в трудоустройстве и в построении карьеры, невысокие зарплаты, ограниченные образовательные возможности региона. Также молодежь определяла и общие для Мурманской области проблемы: отсутствие перспектив развития, нивелирование исторического и стратегического значения региона.

Вторую по популярности причину оттока молодежи составляют природные факторы, отмеченные более чем третью опрошенных (34,7% в 2014 г., 41,7% в 2018 г.). В данный блок объединены причины, связанные с природно-климатическими особенностями региона, экологической ситуацией и обусловленным ею состоянием здоровья, проблемы отдаленности региона, вызванные особым географическим положением, а также недостаток природных ресурсов.

В направлениях миграции доминирующие позиции занимают другие регионы РФ (порядка 45% по всем трем нашим исследованиям). Это без учета городов федерального значения — Санкт-Петербурга и Москвы, на которые приходится около 38,0% от числа всех опрошенных. Интересно снижение намерения уехать за пределы РФ: если в 2014 г. доля намеревающихся покинуть пределы РФ составляла 17,4%, то в 2018 г. — 9,3%. Направления эмиграции молодежи имеют статистические различия по возрасту: самые юные представители молодежи (14—19 лет) в значительно большей степени планируют эмигрировать в столичные города страны, а молодежь старше 20 лет — в другие населенные пункты России.

5. Особый интерес наших исследований составил вопрос о желаемых направлениях самореализации, помогающий глубже понять целевые установки молодежи, внутренние мотиваторы выбора конкретных жизненных стратегий. Рейтинг направлений самореализации открывают такие базовые для российского общества ценности, как профессия (48,3%), достаток (47,6%) и семья (44,7%). На наш взгляд, это своего рода «необходимый минимум» самореализации, направленный на удовлетворение первичных потребностей личности.

Анализ образовательных и социально-профессиональных притязаний дополняет представления о том, к чему стремится в жизни молодежь Мурманской области. Так, подавляющее большинство опрошенной молодежи претендует как минимум на вузовскую подготовку (85,1%), в том числе 57,1% устроит одно высшее образование и 24,8% ориентировано на два и более высших образования. Данные результаты свидетельствуют об универсализации ценности высшего образования, его превращении в социальную норму.

Высокие образовательные амбиции воплощаются в карьерных притязаниях. Подавляющее большинство опрошенных (57,4%) претендует на руководящую должность, из них половина ориентирована на позиции так называемых топ-менеджеров (руководитель предприятия, учреждения, а также более высоких звеньев управления). Чуть более трети (35,5%) молодых жителей Мурманской области остановили свой выбор на должности специалиста высокой квалификации, и лишь 7% от числа всех опрошенных — на должности рядового работника, специалиста средней квалификации.

Если говорить о возрастных различиях в карьерных притязаниях, то в группе респондентов 14—19 лет преобладают более высокие амбиции, нежели в группе зрелой молодежи (старше 25 лет). Среди исполнительских должностей они чаще ориентируются на высококвалифицированный труд: рядовыми работниками средней квалификации пожелали быть лишь 2,7% (9,3% среди молодежи старше 25 лет). Касательно руководящих должностей представители зрелой молодежи (25—30 лет) чаще ориентируются на более низкий уровень управления («руководитель небольшого коллектива») — 16,6% (против 9,6% среди младшей группы). И, напротив, младшая группа чаще претендует на высшие ступени руководства (15,1% против 7,3%). Респонденты в группе 20—24 лет имеют средний уровень притязаний, но чаще других предпочитают руководство предприятием, учреждением, что в целом сближает их с юными респондентами 14—19 лет. На наш взгляд, молодые люди старше 25 лет, как правило, уже имеют первичный трудовой опыт и гораздо лучше ориентируются в реальной жизни, нежели респонденты в младших возрастных группах, которые находятся в процессе обучения и профессионального самоопределения.

Следует отметить, что возможности, созданные в регионе для самореализации, низко оцениваются молодежью всех возрастных групп, так как не в полной мере позволяют осуществить жизненный выбор и достичь желаемого уровня притязаний. Самыми категоричными в оценках возможностей региона оказались возрастные группы 14—19 и 25—29 лет. В случае с младшей группой респондентов, с одной стороны, речь скорее идет о психологических особенностях возраста, связанных с максималистскими представлениями, с другой стороны, именно эта

группа на базовом, стартовом уровне видит собственную самореализацию вне региона (то есть в этой группе наиболее развиты эмиграционные настроения). В зоне безусловного риска находится и группа молодых людей 25—29 лет, которые вышли из-под «крыла» различных образовательных учреждений и столкнулись с реалиями рынка труда.

Полученный опыт поиска работы и трудовой деятельности обуславливает низкую удовлетворенность социально-экономическими условиями и возможностями профессиональной самореализации в регионе. Обозначенные обстоятельства в значительной мере указывают на высокие деятельностные риски, детерминированные средовыми факторами.

Заключение

Проведенные в Мурманской области и обобщенные по другим арктическим регионам социологические исследования свидетельствуют о достаточно высоких притязаниях молодежи в материальной, профессиональной и образовательной сферах. Обозначенные запросы молодежи вступают в противоречие с объективно существующими возможностями регионов, имеющих периферийный статус. Это приводит к усилению центростремительных тенденций в миграционном поведении молодых северян.

В связи с этим особого исследовательского и управленческого внимания заслуживает вопрос о брендировании территорий. На наш взгляд, данные социологических исследований по желаемым направлениям самореализации молодых северян дают четкое понимание запросов, с которыми возможно работать для содержательного выстраивания политики брендирования периферийных регионов.

Удержание молодежи — прежде всего в качестве основы социально-экономического потенциала региона, — и создание образовательных кластеров, способных удовлетворять потребности АЗРФ в трудовых ресурсах, должны актуализироваться как приоритетные направления государственной политики. На сегодняшний день большинство задач, направленных на удержание и привлечение человеческих ресурсов, на повышение качества и уровня жизни населения, прописанных как в государственной программе, так и в стратегиях социально-экономического развития регионов, продолжают носить декларативный характер. Существенные финансовые вложения в государственную программу «Социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» необходимо направить на решение ключевых проблем социального характера. А пока отрицательное миграционное сальдо, вымывание человеческого и интеллектуального потенциала продолжают обострять главные ресурсные риски макрорегиона.

Список литературы (References)

Арктика: Стратегия развития / под общ. ред. С. А. Липиной, О. О. Смирновой, Е. В. Кудряшовой. Архангельск : САФУ, 2019.

Lipina S. A., Smirnova O. O., Kudryashova E. V. (eds.) Arctic: Development Strategy. Arkhangelsk: NArFU, 2019. (In Russ.)

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Beck U. (2000) Risk Society: Towards a New Modernity. Moscow: Progress-Traditsiya.
(In Russ.)

Васильева О. В. Ценности и жизненные стратегии молодежи Арктики (по материалам республики Саха (Якутия) / Сб. науч. статей Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях. Якутск, 2018. С. 86—94. https://doi.org/10.25693/571.56.985.2018_003.

Vasileva O. V. (2018) Values and life strategies of Arctic youth (Based on the Republic of Sakha (Yakutia) / The Arctic and the North in current humanitarian research. The collection of research articles. Yakutsk: Publishing House of IHRISN SB RAS. https://doi.org/10.25693/571.56.985.2018_003. (In Russ.)

Васильева О. В., Маклашова Е. Г. Молодежь Арктики : Идентичности и жизненные стратегии / отв. ред. В. Б. Игнатьева. Якутск : Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2018.

Vasilyeva O. V., Maklashova E. G. (2018) Youth of Arctic: Identities and Life Strategies / ed. by V. B. Ignatyeva. Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North — Siberian Branch RAS. (In Russ.)

Вознесенская Е. Д. Молодежь и профессии // Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. С. 123—182.

Voznesenskaya E. D. (2015) Youth and Professions. In: New Meanings in Educational Strategies of Youth: 50 Years of Research. Moscow: Social Forecasting and Marketing Center. (In Russ.)

Волгин Н. А., Широкова Л. Н., Мосина Л. Л. Актуальные вопросы развития российского севера: Компенсационные и стимулирующие системы, направленные на привлечение и закрепление населения в северных и арктических регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2018. Т. 14. № 2. С. 34—46. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10013>.

Volgin N. A., Shirokova L. N., Mosina L. L. (2018) Topical Questions of Developing the Russian North: Compensation and Incentive Systems Intended to Attract and Consolidate the Population in the Northern and Arctic Regions. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. Vol. 14. No. 2. P. 34—46. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2018-10013>. (In Russ.)

Галимуллин Э. З. Миграционные установки и механизмы привлечения молодежи в Арктическую зону Российской Федерации // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 96—109. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.36.96>.

Galimullin E. Z. (2019) Migration Attitudes and Mechanisms for Attracting Young People to the Russian Arctic. *Arctic and North*. No. 36. P. 96—109. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.36.96>. (In Russ.)

Дрегалo А. А., Ульяновский В. И. Молодежь Поморья : Социологический анализ. Архангельск : Поморский университет, 2006.

Dregalo A. A., Ulyanovskiy V. I. (2006) Youth of Pomorie: A Sociological Analysis. Arkhangelsk: University of Pomorie. (In Russ.)

Жизненный путь поколения : Его выбор и утверждение / под ред. М.Х. Титмы. Таллин : Ээсти раамат, 1985.

Titma M. Kh. (ed.) Life Path of the Generation: Its Choice and Establishment. Tallinn: Eesti Raamat, 1985. (In Russ.)

Зайков К. С., Каторин И. В., Тамицкий А. М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. No. 3. С. 230—247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>.

Zaikov K. S., Katorin I. V., Tamitskii A. M. (2018) Migration Attitudes of the Students Enrolled in Arctic-Focused Higher Education Programs. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecasts*. Vol. 11. No. 3. P. 230—247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 147—162.

Zubok Yu. A. (2003) Risk in Social Development of Youth. *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 1. P. 147—162. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М. : Мысль, 2007.

Zubok Yu. A. (2007) The Phenomenon of Risk in Sociology: Youth Study Experience. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности: Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М. : Academia, 2008a.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2008a) Social Regulation in Conditions of Uncertainty: Theoretical and Applied Problems in Youth Research. Moscow: Academia. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. 2008b. № 7. С. 108—117.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2008b) Formation of the National School of Youth Sociology. *Sociological Studies*. No. 7. P. 108—117. (In Russ.)

Иконникова С. Н. Молодежь : Социологический и социально-психологический анализ. Л. : Издательство Ленинградского государственного университета, 1974. Ikonnikova S. N. (1974) Youth: The Sociological and Socio-Psychological Analysis. Leningrad: Leningrad State University Publishing House. (In Russ.)

Кондратович Д. Л. Социальное восприятие реалий и перспектив социально-экономического развития арктических регионов // Экономика и управление: проблемы и решения. 2016. № 10. С. 124—130.

Kondratovich D. L. (2016) The Social Perception of the Realities and Prospects of Social and Economic Development of the Arctic Regions. *Ekonomika i Upravlenie: Problemy, Resheniya*. No. 10. P. 124—130. (In Russ.)

Константинов А. С. Социальный состав населения и миграционные процессы на Архангельском Севере по материалам переписей // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 112—129. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.22.112>.

Konstantinov A. S. (2016) The Social Composition of the Population and Migration on Arkhangelsk North According to the Census Materials. *Arctic and North*. No. 22. P. 112—129. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.22.112>. (In Russ.)

Константиновский Д. Л. Формирование ориентаций молодежи в сфере образования // Вестник Института социологии. 2016. № 19. С. 13—27. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.427>.

Konstantinovskiy D. (2016) The Formation of Young People's Orientations in The Sphere of Education. *Bulletin of the Institute of Sociology*. No. 19. P. 13—27. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.427>. (In Russ.)

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX—XXI веков: Образование, труд, социальное самочувствие. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014.

Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. (2014) Russian Youth at the Turn of the XX—XXI Centuries: Education, Employment, Social Well-Being. Moscow: Social Forecasting and Marketing Center. (In Russ.)

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998—2008 годы. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A., Khokhlushkina F. A. (2011) Education and Life Trajectories of Youth: 1998—2008. Moscow: Institute for Sociology Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Лисовский В. Т. Социология молодежи. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1996.

Lisovskiy V. T. (1996) Sociology of Youth. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing House. (In Russ.)

Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Социально-экономические приоритеты устойчивого развития Арктического макрорегиона России // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. С. 985—1004. <http://doi.org/10.17059/2017-4-2>.

Leksin V. N., Porfiriev B. N. (2017) Socio-Economic Priorities for the Sustainable Development of Russian Arctic Macro-Region. *Economy of Region*. Vol. 13. No. 4. P. 985—1004. <http://doi.org/10.17059/2017-4-2>. (In Russ.)

Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Состояние и задачи государственного управления социально-экономическим развитием российской Арктики : Правовой аспект // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 2. С. 114—138.

Leksin V. N., Porfiriev B. N. (2018) Current State and Goals of Russian Arctic Legal Regulation of Socio-Economic Development. *Public Administration Issues*. No. 2. P. 114—138. (In Russ.)

Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск : САФУ, 2013. Lukin Yu. F. (2013) Russian Arctic in a Changing World. Arkhangelsk: NARFU. (In Russ.)

Маркин В. В., Силин А. Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустриального освоения Арктики : Социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены : Факторы, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 75—88. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.5>.

Markin V. V., Silin A. N. (2017) Human and Social Potential of Neo-Industrial Development of the Arctic: Sociological Analysis, Modeling, and Regulation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 10. No. 6. P. 75—88. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.5>. (In Russ.)

Наумова Н. Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения / отв. ред. В. Н. Садовский. М. : Наука, 1988.

Naumova N. F. (1988) Sociological and Psychological Aspects of Purposeful Behavior. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Недосека Е. В., Ануфриева Т. В. Особенности городской идентичности молодежи г. Мурманска // Социология города. 2015. № 3. С. 22—31.

Nedoseka E. V., Anufrieva T. V. (2015) Peculiarities of the Urban Identity of the Youth in Murmansk. *Sociology of City*. No. 3. P. 22—31. (In Russ.)

О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. О состоянии и проблемах законодательного обеспечения научной деятельности Российской Федерации в Антарктике. Ежегодный доклад (2018 год). М. : Совет Федерации Федерального Собрания РФ, 2019. URL: <http://council.gov.ru/media/files/VAzBy5r749GuZRCQD6zKQ6N0UzKAICAg.pdf> (дата обращения: 22.06.2020).

On the State and Problems of Legislative Support for the Implementation of the Strategy for Development of Arctic Zone of the Russian Federation and National Security until 2020. On the State and Problems of Legislative Support for the Scientific Activities of the Russian Federation in the Antarctic. Annual Report (2018). Moscow: Federation Council of the Federal Assembly of Russia, 2019. URL: <http://council.gov.ru/media/files/VAzBy5r749GuZRCQD6zKQ6N0UzKAICAg.pdf> (accessed: 22.06.2020). (In Russ.)

Осипова О. В., Маклашова Е. Г. Миграционные намерения молодежи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 14—24.

Osipova O. V., Maklashova E. G. (2016) Migration Intentions of the Arctic Youth in the Context of Subjective Evaluations of the Social Wellbeing. *Arctic and North*. No. 24. P. 14—24. (In Russ.)

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006 : стат. сб. М. : Федеральная служба государственной статистики, 2007.

Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2006: Statistical Digest. (2007) Moscow: Russian Federal State Statistics Service. (In Russ.)

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 : стат. сб. М. : Федеральная служба государственной статистики, 2019.

Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2019: Statistical Digest. (2019) Moscow: Russian Federal State Statistics Service. (In Russ.)

Руткевич М. Н., Рубина Л. Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М. : Политиздат, 1988.

Rutkevich M. N., Rubina L. Ya. (1998) Public Needs, Education System, Youth. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Чередниченко Г. А. Молодежь России: Социальные ориентации и жизненные пути. Опыт социологического исследования. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2004.

Cherednichenko G. A. (2004) Russian Youth: Social Orientations and Life Paths. A Case Study. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)

Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории выпускников средних школ // Социология образования. 2009. № 1. С. 28—45.

Cherednichenko G. A. (2009) Educational and Professional Paths of School Graduates. *Sociology of Education*. No. 1. P. 28—45. (In Russ.)

Шарова Е. Н. Роль арктического дискурса в формировании в идентичности жителей Северного региона // Регион: экономика и социология. 2016. № 4. С. 139—152. <https://doi.org/10.15372/REG20160406>.

Sharova E. N. (2016) The Role of Arctic Discourse in the Construction of a Northern Regional Identity. *Region: Economics & Sociology*. No. 4. P. 139—152. <https://doi.org/10.15372/REG20160406>. (In Russ.)

Шарова Е. Н., Недосека Е. В. Жизненные стратегии молодежи Мурманской области : Социологический анализ основных измерений // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17. № 4. С. 802—811.

Sharova E. N., Nedoseka E. V. (2014) Life Strategies of the Murmansk Region Youth: Sociological Analysis of the Basic Measurement. *Vestnik of MSTU*. 2014. Vol. 17. № 4. P. 802—811. (In Russ.)

Шеломенцев А. Г., Воронина Л. В., Смиреникова Е. В., Уханова А. В. Факторы миграции в Арктической зоне Российской Федерации // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2018. Т. 10. № 3. С. 396—418. <http://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-3-396-418>.

Shelomentsev A. G., Voronina L. V., Smirennikova E. V., Uhanova A. V. (2018) Migration Factors in the Arctic Zone of the Russian Federation. *Ars Administrandi*. Vol. 10. No. 3. P. 396—418. <http://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-3-396-418>. (In Russ.)

Шубкин В. Н. Трудящаяся молодежь: Образование, профессия, мобильность. М. : Наука, 1984.

Shubkin V. N. (1984) *Working Youth: Education, Profession, Mobility*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

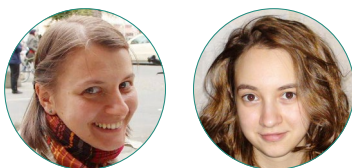
Шурыгина И. И. Жизненные стратегии подростков // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 52—62.

Shurygina I. I. (1999) Life Strategies of Teenagers. *Sociological Studies*. No. 5. P. 52—62. (In Russ.)

Cherednichenko G. A. (2019) Educational Tracks of Russian Youth in System of Education (On State Statistics 2000—2017). *Advances in Social Sciences Research Journal*. Vol. 6. No. 3. P. 366—382. <https://doi.org/10.14738/assrj.63.6379>.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1604

Е. С. Павленко, А. А. Якубовская

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЗРОСЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ

Правильная ссылка на статью:

Павленко Е. С., Якубовская А. А. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>.

For citation:

Pavlenko E. S., Yakubovskaya A. A. (2020) Interpretations of Adulthood and Formation of Educational Trajectories. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>.

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЗРОСЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ

ПАВЛЕНКО Екатерина Сергеевна — аналитик Лаборатории культурсоциологии и антропологии образования, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: epavlenko@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6910-0515>

ЯКУБОВСКАЯ Анастасия Антоновна — стажер-исследователь Проектно-учебной лаборатории «Развитие университетов», Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: ayakubovskaya@nes.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4141-3437>

Аннотация. Большая доля исследований молодежи посвящена тому, как молодежь достигает (или не достигает) взрослости. Критерием взрослости могут выступать различные параметры, например, в исследованиях жизненного курса образцом «взросления» (transition to adulthood) стал паттерн, заданный поколением «бэби-бумеров», сформировавшийся в 1950—1960-е годы, когда уже к 25 годам около половины юношей поколения успевали в строгом порядке получить образование, найти стабильную работу, создать семью и завести детей. Сегодня же все больше говорят о дестандартизации взросления, о том, что многие из этих принятых как стандартные критериев взросления теряют актуальность по мере того, как растет число прекарных профессий, образование

INTERPRETATIONS OF ADULTHOOD AND FORMATION OF EDUCATIONAL TRAJECTORIES

*Ekaterina S. PAVLENKO*¹ — Analyst at the Laboratory for Cultural Sociology and Anthropology of Education, Institute of Education

E-MAIL: epavlenko@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6910-0515>

*Anastasia A. YAKUBOVSKAYA*¹ — Intern Researcher at the Laboratory for University Development, Institute of Education

E-MAIL: ayakubovskaya@nes.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4141-3437>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. A vast portion of studies of youth is devoted to how adolescents reach (or do not reach) adulthood. Adulthood criteria might be numerous. For example, in life course research a criterion for a transition to adulthood is a baby-boomers' pattern during the 1950s–60s when half of young men and women managed to finish their education, to find a stable job, to build a family and to have children by the age of 25. Nowadays there is much talk about the de-standardization of adulthood: lots of common criteria for adulthood become less relevant as the number of precarious jobs keeps rising; education is no longer a life stage but more of a constant activity; people often abandon the idea of having a child or building a family.

из жизненного этапа становится постоянной деятельностью, а от создания семьи и рождения детей все чаще и вовсе отказываются. Однако взросление не одинаково для всей молодежи, исследователи говорят о «быстром треке» взросления, характерном для молодежи рабочего класса, и об «отложенном взрослении», характерном для молодежи среднего и выше среднего класса, продлевающей время пребывания в системе образования. На фоне этих тенденций приобретает актуальность изучение того, как современная молодежь представляет взросление и как молодые люди и девушки к нему стремятся. В данной работе мы описываем, какие интерпретации взросления конструирует молодежь, какие символические различия в них присутствуют и как различаются интерпретации взросления в зависимости от образовательного трека (СПО или вуз) и от уровня образования родителей.

Ключевые слова: взросление, социальное неравенство, интерпретативная социология, социология молодежи

Благодарность. В работе использованы результаты проекта «Траектории в образовании и профессии», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

Введение

В исследованиях жизненного курса образцом «взросления» (transition to adulthood) стал паттерн, заданный поколением «бэби-бумеров», сформировавшийся в 1950—1960-е годы [Elder, 1975]. Он начал меняться уже в 1970—1980-е. Сегодня модель взросления, долгое время считавшаяся стандартной, все чаще подвергается сомнению. Уходит модель «один добытчик в семье», девушки лучше контролируют рождаемость. «Взросление» занимает дольше времени. Создание

However, not all the adolescents grow up similarly. Researchers point out both that many adolescents are on a fast-track to adulthood typical of a working class youth and that they have a delayed entry into adulthood typical of middle and upper-middle-class youth trying to spend more time in education. These trends reveal the urgent need to study how young men and women view adulthood and how they try to achieve it. In the paper, the authors explore the adulthood interpretations that young people have, what those interpretations differ by and what they have in common depending on an educational track (intermediate vocational education or university) and their parents' level of education.

Keywords: transition to adulthood, social inequality, interpretative sociology, youth studies, educational trajectories

Acknowledgments. Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

семья перестает быть конечной точкой. События взросления трансформируются: в 1960-е половина мужчин и две трети девушек к 25 годам получали образование, устраивались на стабильную работу, создавали семью и имели детей. В 2010 г. в США только 8 % мужчин и 16 % девушек имели семью к 25 годам, и в целом возрастное смещение «взросления» составило около десяти лет [Furstenberg, 2015].

Процесс изменения жизненного курса по-разному разворачивается для разных социальных групп. Экономика знания «сделала выход на рынок труда для менее образованной рабочей силы куда более сложным и куда менее вознаграждаемым» [Furstenberg, 2015].

Трансформации жизненного курса способствуют две перекликающиеся тенденции. Одна из них связана с изменением образа взрослого, стиля и образа жизни взрослых людей — возникновением таких культурных феноменов, как «кидалты» или «дети-бумеранги» [Манокин, 2012; Ярская-Смирнова и др., 2008] ¹. Другая тенденция определяется исследованиями общей структуры жизненного курса, которые показывают, что она размывается, реструктурируется [Омельченко, 2003; Furstenberg, 2010; Fussell, Furstenberg, 2005; Reitzle, 2006; Liefbroer, Toulemon, 2010].

Обзор исследований структуры жизненного пути в США, выполненный Майклом Шанаханом, свидетельствует, что связь его реструктуризации с трансформацией вхождения во взрослую жизнь обнаруживают как ученые, работающие с эмпирическим материалом, так и теоретики [Shanahan, 2000]. Автор обзора, говоря об индивидуализации жизненного курса, упоминает «общество риска» Ульриха Бека [Beck, 1992] и анализ изменений представления об идентичности Энтони Гидденса [Giddens, 1991]. М. Шанахан отмечает, что если в XIX в. биография еще не рассматривалась как нечто управляемое, подвластное воле и усилиям индивида, то сегодня мы изучаем, что позволяет индивидам выстраивать более благополучные биографии, а что мешает [Shanahan, 2000: 670]. Концепция жизненного курса включает в определение взросления следующие события: отдельное от родителей проживание, получение образования, получение стабильной работы, создание семьи, рождение детей. В 1998 г. Мануэла Дюбуа-Реймонд предложила концепт «биографии выбора» (choice biography) в противовес «нормальной биографии» (normal biography). Она подчеркивает, что «биография выбора» означает не столько возможность безграничного выбора, сколько парадокс, в который попала молодежь — необходимо не только выбирать из нескольких альтернатив, но и искать обоснования для выбора [du Bois-Reymond, 1998]. Весомый вклад в изучение структуры жизненного курса в Америке внесли Дэннис Хоган, Нан Мари Эйстон и Мартин Коли [Hogan, Astone, 1986; Kohli, 1986]. В 1981 г. Д. Хоган предоставил эмпирические свидетельства того, что упорядоченность событий и маркеров взросления для когорт американцев, рожденных между 1907 и 1946 гг., изменилась [Hogan, 1981]. Следующая волна индивидуализации жизненного курса пришла на 1960-е годы, что отмечено М. Коли и Фрэнком Фюрстенбергом [Furstenberg, 2010; Kohli, 1986]. Самая масштабная перемена связана с тем, что молодежь все больше вовлекается в систему образования, зарабатывая себе относительную автономию от родительской семьи (например, проживая в обще-

¹ Henig R. M. (2010) What is It About 20-Somethings. The New York Times Magazine. August 18th. URL: <https://www.nytimes.com/2010/08/22/magazine/22Adulthood-t.html> (дата обращения: 24.06.2020).

житии), но при этом увеличивается временной лаг между выходом из родительской семьи и формированием своей. В другой работе Ф. Фюрстенберг и Элизабет Фассел утверждают, что исследователи еще не разработали полного репертуара средств описания жизненного курса и используют демографические данные для своих поисков [Fussell, Furstenberg, 2005].

Исследователи взросления вслед за Джеффри Арнеттом [Arnett, 1994, 1998] нередко обращаются к «субъективной концепции взрослости». Она предполагает скорее включение самооценочных вопросов в опросники, а не использование методов длинных или глубинных интервью. Тем не менее и эти методы позволяют увидеть разницу в результатах в разных странах в различных культурных контекстах. Так, к примеру, на материале опроса девушек и юношей в Швеции удалось обнаружить, что наиболее важный критерий взросления для них — признание ответственности за свои решения (так ответили 72 %, следующий по популярности ответ — «найти свою идентичность» — набрал 45 %) [Westberg, 2004]. Результаты сравнительного исследования молодежи Восточной и Западной Германии говорят о том, что молодежь, выросшая в ГДР, ощущает себя менее взрослой, ее жизненный путь отмечен большим количеством перемен ролей и статусов [Reitzle, 2006]. Исследование сотрудников Университета Масарика в Чехии, включавшее интервью и статистический анализ, позволило установить, что для чешской молодежи нет устойчивой ассоциации между статусом взрослого и долгосрочной перспективой планирования; молодые люди скорее отложат решения, которые могут иметь долгосрочный эффект. Авторы задаются вопросом: является ли причиной такого отложенного решения спонтанность или трансформация смысла взросления в целом, но не могут дать однозначного ответа [Масек, Bejček, Vaníčková, 2007].

Различение взрослого и ребенка значимо во всем современном мире. Между тем в России структура жизненного пути, упорядоченности демографических событий практически не изучается. Значимые исследования трудовых стратегий и стилей жизни ведутся Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ во главе с Еленой Омельченко, которая отмечает, что современная российская молодежь характеризуется заметной неоднородностью [Омельченко, 2003: 163].

Субъективная оценка отнесения или неотнесения себя к «взрослым» не позволяет понять, что включают индивиды в этот образ, когда они выстраивают жизненные пути, а самое главное — релевантна ли в принципе такая категория в построении жизни современной молодежи или они ориентируются на другие образы, связанные с «взрослым» лишь косвенно, поэтому мы стремимся сначала в целом разобраться, какие существуют интерпретации взросления, а следующим шагом — проанализировать, различаются ли представления о взрослении на различных образовательных траекториях.

В том, как индивид формирует жизненный путь, могут быть задействованы различные смысловые инструменты, ресурсы культуры и коды, влияющие на трансформацию жизненного курса. В данной работе мы сосредоточимся на категории «взрослый» и изучим, как интерпретация взросления связана или не связана с социальным положением молодых людей и их образовательными решениями. Представим, какую роль для респондентов может выполнять конституирование

себя в качестве взрослого или отказ от такового на разных этапах жизненного пути и какую роль играет обращение к этой категоризации в представлении своего дальнейшего пути.

Для данного исследования были проанализированы интервью качественного суб-исследования «Меченый атом», в рамках которого участники национальной панели лонгитюда «Траектории в образовании и профессии»² опрашиваются дополнительно в формате свободных интервью. В выборке «Меченого атома» восемь регионов, она охватывает 108 кейсов молодых людей и девушек с разным социально-экономическим бэкграундом, находящихся на разных образовательных треках. В данной работе проанализированы интервью, взятые в рамках первой волны «Меченого атома». Мы разделили их на два трека: интервью с теми, кто ушел после 9 класса в СПО, и с теми, кто остался обучаться в школе, чтобы сравнить, различаются ли и как, если да, в этих группах молодежи представления о взрослении.

Взрослый определяется средой и положением в среде

Классификация себя как взрослого может быть привязана к среде, в которой находится индивид. Школа в целом ассоциируется с детством.

Для студентов СПО школа — это детство, а колледж — уже взрослее, потому что там с тобой общаются «иначе, чем в школе», взрослые общаются с тобой как с равным, с уважением. В школе же постоянно воспитывают, ругают, указывают на ошибки, обращаются «как с ребенком»

*Папа там говорил: «Вот, в колледже будет немножко по-другому. К тебе будут относиться уже... то есть не обращаться там, ты там такой-то, такой-то, а будут обращаться на Вы, то есть, ну, как к коллеге. Ну, то есть вот, когда взрослый человек общается со взрослым. Вот так будет». Щас действительно так, но так как у нас группа не очень, то к нам, к некоторым личностям обращаются, ну вот, как в школе, когда ты там напортачил. И вот это вот, видимо, меня **как-то еще обратно в школу уводит**. (Екатерина, Москва)*

Некоторые информанты-старшеклассники, то есть находящиеся на академическом треке (старшие классы — вуз), говорят о своей роли школьника как о маркере «невзрослости».

Интервьюер (И.): Как ты думаешь, когда ты станешь взрослым, или чего нужно достичь, чтобы почувствовать себя взрослым человеком, сложившимся? Или, может быть, ты уже чувствуешь себя сложившимся человеком?

*Респондент (Р.): Нет, пока нет. **Я же в школе учусь**. [Смеется]. Я думаю, когда... ну... после института. Я не знаю, честно говоря, от чего это зависит. [Смеется]. Может быть, когда начнешь работать, тогда, наверное, скорей всего. (Ольга, Санкт-Петербург)*

Однако для старшеклассников обучение в вузе, то есть нахождение в другой среде, не обязательно означает взрослость, как для студентов колледжа.

² Проект «Траектории в образовании и профессии» выполнен в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

*Да. Ну, ушли те, которые не получали знаний, ну, которым было неинтересно, и они как можно скорее хотели, наверное, во взрослую жизнь. Потому что **учиться где-то, ну, вне школы это уже как бы все равно взрослее человек** себя считает. (Ольга, Красноярск)*

На академическом треке, наряду с переходом в другое учебное заведение, могут возникать более разнообразные критерии взросления.

...Когда уже куда-то поступаешь после школы. Потому что это все уже, получается. Ты ушла от родителей, это твоя жизнь, не их. И все только от тебя зависит, вот. (Александра, Екатеринбург)

Например, не сам по себе выпуск из школы означает преодоление границы детства, а вступительные экзамены или получение какого-то объема опыта самостоятельной жизни: «Повзрослею, когда год проживу в общежитии» (Анастасия, Казань).

Но обучение в вузе не всегда означает автоматическое взросление, и мы покажем ниже, что для молодежи на академическом треке амбивалентность статуса обучающегося открывает амбивалентность взрослости. Так, нахождение в школе, напротив, может квалифицироваться как «взрослость», потому что это среда, с которой индивид справляется, в то время как в незнакомой, другой, более масштабной среде, напротив, он станет «не взрослым».

*Ну, я чувствую себя взрослой, может быть, только потому что я учусь в одиннадцатом классе, что уже тут последний год. Ну, и все. Потом уеду в город, там я **буду чувствовать себя маленькой, потому что еще незнакомые лица**. (Ирина, Благовещенск)*

В маркирование взрослости встроена иерархичность. Если другие взрослые (учителя, родители) общаются с индивидом на равных или обращаются к нему на Вы, то это говорит о взрослости. А если указывают индивиду, что делать, контролируют или опекают — нет. Сам индивид может квалифицировать себя как «взрослого» — по отношению к детям более младшего возраста, которые, в свою очередь, могут к нему обращаться на Вы или спрашивать совета.

Взрослый — тот, кто может управлять собой, контролировать себя

Студенты СПО говорят о контроле поведения, контроле эмоций как о показателе взрослости.

Может сосредоточиться на деле, вот прям вот может сосредоточиться только на одном. И в то же время веселье и детство, и вот это все. То есть... ну, я не знаю, как это объяснить, но я считаю, что взрослый человек — это человек, в котором сочетается много качеств, и он может ими управлять, ну, то есть в трудной ситуации. А, к примеру, когда ты сидишь там, у тебя начинается истерика, это, мне кажется, уже детство. (Екатерина, Москва)

А старшеклассники, находящиеся на академическом треке, скорее говорят об умении учиться, самодисциплине, преодолении себя.

И.: Угу. Угу. А чувствуете ли Вы себя взрослым человеком сейчас? И что это вообще для Вас значит?

Р.: Честно? Чувствую. Когда чувствуешь ответственность, это уже взрослый.

И.: Угу. А когда это появилось ощущение?

Р.: Когда ощущение появилось? Не знаю, мне почему-то всегда дают больше возраст, чем мне есть. Меня почему-то считают, что я на втором курсе, не знаю, института учусь. Говорят. не знаю, когда есть ответственность, когда сам самостоятельный, там, учишься... стабильно учишься, хорошо учишься. Ну, мне кажется, в этом вот, а не то, что ты крутой, пошел, покурил там, и ты взрослый. (Денис, Казань)

Взрослый — тот, кто может брать на себя ответственность и принимать решения

Студенты СПО скорее говорят об ответственности как способности принять правильное решение, поступать правильно.

И.: Понятно. Скажи, пожалуйста, ты считаешь себя взрослым уже?

Р.: Ну, в принципе, да.

И.: Окей. Что, по-твоему, в это включается, быть взрослым?

*Р.: **Ответственность за все свои действия. Я стараюсь не делать ничего плохого,** поэтому считаю себя взрослым, так сказать. (Георгий, Санкт-Петербург)*

Студенты СПО делают акцент на том, чтобы уметь принимать **правильные** решения, не ошибаться, и для них это часто значит быть умным.

Нет, я себя еще пока не считаю совсем таким взрослым человеком, потому что я еще не совсем так умна прям настолько. И я могу, конечно, принять решения, но все равно с помощью родителей. Нет, наверное. (Арина, Казань)

У старшеклассников также присутствует такая интерпретация ответственности, хотя она встречается и редко.

И.: Ну да, кстати вопрос. А... какого человека стоит считать взрослым? С какого момента?

Р.: Ну, того, который уже осознанно делает поступки, который знает, что плохо, что хорошо делать. Который... я не знаю, дисциплинирован в какой-то мере. Ну, и все такое. (Дмитрий Благовещенск)

Старшеклассники больше говорят об ответственности за свои слова, действие по формуле «сказал — сделал», взрослый должен сам разбираться с последствиями.

Ну, взрослый человек для меня — это человек, который может самостоятельно принять решение и нести в дальнейшем ответственность за свои действия, благоразумный. То есть не всегда, например, даже взрослые, некоторые взрослые могут быть взрослыми, то есть принимать правильно взрослые решения, вот. Я, ну, не считаю себя взрослым человеком еще. (Кристина, Краснодар)

Также старшеклассники больше делают акцент на самостоятельности, независимости.

И.: Ну, то есть, в чем выражается взрослость?

Р.: Ну, не только, конечно, в обеспечении себя, но и в принятии каких-то решений. Как бы в этом я уже считаю себя взрослой. То есть я могу принимать решения сама. (Александра, Казань)

И.: То есть, ну, а взрослый человек, это какой?

Р.: Ну, человек, который принимает решения или какие-то действия, он потом может ответить за свои действия. То есть он несет ответственность какую-то за все, что он совершает. (Кирилл, Краснодар)

Взрослый — тот, кто финансово независим

Большинство студентов СПО выбирают этот вариант, потому что хотят быстрее «повзрослеть» именно в этом смысле — стать финансово независимыми.

Но все-таки, когда уже полная самостоятельность будет. То есть у меня уже сейчас есть желание. То есть не у родителей там просить, там: «Мама, мне надо денег», или че-нибудь еще, а именно самому что-то заработать... Ну, наверное, вот если так вот судить, когда у меня независимость, наверное, появится, тогда я и буду считать себя взрослым полностью человеком. (Игорь, Казань)

Именно студенты СПО стремятся выйти пораньше на рынок труда. Однако часто они оказываются в ловушке низких квалификаций, малого количества рабочих мест и низких зарплат. Их путь к «взрослости» удлиняется. Нередко из-за этого они в дальнейшем оказываются в сложной жизненной ситуации и довольно долго не могут полноценно «повзрослеть» — их работа не позволяет им жить в отдельном жилье, создать свою семью. Некоторые стараются потом получить дополнительное образование, которое дало бы им возможность больше зарабатывать — это откладывает достижение «взрослых» статусов, но не обязательно означает субъективное ощущение «невзрослости».

Старшеклассники также говорят о финансовой независимости как показателе взрослости.

И.: Угу. А считаете ли Вы себя сейчас взрослым человеком? И что это для Вас значит, в принципе, взрослость?

Р.: Взрослый человек — это, наверное, который может полностью себя обеспечить. (Ангелина, Казань)

Финансовая независимость — универсальный критерий взрослости для всех подростков, однако у ребят из семей разного социального статуса и на разных траекториях не равные ресурсы для достижения этой независимости.

Взрослый — это скучно. Отказ от взросления

Описанные выше характеристики взрослости, разделяемые молодежью, характеризуют взрослость как то, к чему нужно стремиться, однако это не единственная интерпретация. Нередко подростки говорят, что взрослость — это скучно, взрослость интерпретируется как некоторая ограниченность, закостенелость.

Для студентов СПО это может означать конфликт реального уровня ответственности, с которым сталкивается молодой человек из малообеспеченной семьи (стараящийся начать зарабатывать и поддерживать одинокую мать), и желания играть и веселиться:

И.: Как ты вот считаешь, можешь... можешь ты себя назвать взрослым?

Р.: Ну, даже не знаю. Тоже над... об этом задумывался. Вроде бы уже и взрослый.

Вроде бы хочется иногда вести себя пока что как не очень взрослый.

И.: Ну, а что это значит? В смысле как? Чем отличается?

Р.: Ну, все равно там с ребятами играть. То есть взрослые-то щас ходят, разговаривают все, пьют, курят, работают. А мне... В снежки играюсь с ребятами около колледжа. Это все равно же такое ребячество, это уже не взрослый. Ну, и ответственность, такой у меня нет. Все равно, конечно, я за семью отвечаю, за маму. Но все равно мама все делает. Вроде бы и не взрослый. Средний. (Владимир, Калуга)

Старшеклассники не сталкиваются с таким конфликтом как актуальным — скорее это возможный в будущем конфликт, поскольку взрослость неизбежно принесет заботы, и пока еще ты не готов отказаться от желания веселиться. Вплоть до того, что взрослый человек рассматривается как человек с редуцированным эмоциональным спектром — молодые люди не видят, чем насыщена взрослая жизнь, кроме забот и серьезности, и начинают в некотором смысле бояться и избегать взросления.

И.: А Вы чувствуете себя взрослым человеком?

Р.: Да, наверное, нет.

И.: А что это тогда вообще значит для Вас?

Р.: Ну... не знаю. Ну, как-то я чувствую себя, наверное, больше ребенком, потому что люблю вот, ну, порезвиться. И такая — не то что легкомысленная, нет, это, наверное, ко мне не относится. То, что, ну вот... люблю все такое, когда движется что-то вот, эмоции когда испытываешь. Взрослый человек, наверное, не знаю, по моему мнению, уже ну не склонен, может, к этому. Как-то он серьезно относится к жизни вот. (Лариса, Красноярск)

Некоторые откладывают размышления о взрослении в пользу беззаботного настоящего.

И.: Ага. А Вы работали когда-нибудь?

Р.: Нет.

И.: Хотели бы?

Р.: Пока нет [смеется]. Ну, пока детство, почему бы и не наслаждаться этим детством?

И.: А Вы считаете себя ребенком?

Р.: Ну, формально до восемнадцати лет я — ребенок.

И.: Вы же человек.

Р.: Ну да, но... не знаю. Мне кажется, не надо пока что себя загружать всякими взрослыми проблемами. Мне этого хватит в будущей жизни. (Ольга, Екатеринбург)

Некоторые, но далеко не все, могут найти для себя компромисс в том, чтобы допустить возможность сочетания серьезности и веселости во взрослой жизни.

И.: Ну да, кстати вопрос. А... какого человека стоит считать взрослым? С какого момента?

Р.: Ну, того, который уже осознанно делает поступки, который знает, что плохо, что хорошо делать. Который... я не знаю, дисциплинирован в какой-то мере. Ну, и все такое.

И.: Ну, ты считаешь себя взрослым?

Р.: Ну, не всегда. Иногда дисциплина шалит. Повеселиться охота.

И.: А как именно?

Р.: Ну, я просто... детство заиграет, и охота просто повеселиться.

И.: А когда, ты думаешь, все закончится, и ты станешь взрослым?

Р.: Никогда такое не закончится. Я веселый человек. [Смеется].

И.: Что же, ты никогда не станешь взрослым?

Р.: Ну, ну я стану взрослым. Ну, как без этого, без того, что... без веселья?

И.: Ну да.

Р.: Это скучная жизнь.

И.: То есть можно быть взрослым и дисциплинированным, но при этом веселым?

Р.: Да. (Дмитрий, Благовещенск)

Ну, то есть как бы все равно, несмотря на то, что мы все там растем, да, щас как-то развиваемся, все равно вот этого внутреннего ребенка в себе, мне кажется, вообще... ну, то есть он всегда должен быть. То есть он у многих там пропадает, засыпает, еще что-то, но я никогда, ну, как бы не стараюсь, чтобы всегда во мне вот это вот, такая детская непосредственность, она была. (Ольга, Казань)

Помимо представления о взрослении как о чем-то, что может быть не очень приятно и хочется отсрочить, есть и более радикальный отказ от взросления, в котором взрослость рассматривается как то, чего необходимо избегать. Вариант «откладывать взросление» есть только у молодежи из семей, которые могут себе это позволить. Быть финансово независимым, но чувствовать себя ребенком — сценарий, на уровне смыслов доступный не всем. Среди старшеклассников разные формы отказа от взросления встречаются не редко.

Старшеклассники говорят, что нужно опираться на ресурсы родителей, пока есть такая возможность:

Вот, допустим, мое поколение, я щас тоже заметила, оно старается побыстрее жить. То есть ему сказали, что тебе нужно найти работу и все такое, и, там, родить детей.

И все начинают тут просто... там тусоваться все начали с четырнадцати лет, когда у людей как бы, в принципе-то, нормально, да, раньше было, что об этом все как-то задумываются, в шестнадцать лет все начинают, да? А в восемнадцать: «О, боженька! Наконец-то мне все можно!» А щас что? Тебе если исполняется восемнадцать лет, ты такой, типа: «Ну, че? А я уже могу делать то же самое, что я делал до этого». Ну, только машину можешь водить, ну, окей». <...> Я говорю: «Почему ты, ну, хочешь на бюджет?» — «Я не хочу быть зависимым от родителей». Тебе восемнадцать лет еще. Вот я не знаю. Пока я смогу с мамой сидеть, там, не знаю, вместе на кухне и так далее. Насколько долго я смогу это все делать, я не знаю, только не взрослеть. (Елена, Москва)

Они не хотят, насколько это возможно долго, брать ответственность за себя, и тем более других.

И.: Ну, вообще, стремишься к тому, чтобы стать взрослой?

*Р.: Неа. Зачем? [Смеется]. **Столько ответственности сразу наваливается на тебя. Нафиг надо.***

И.: Ну, например?

Р.: Ну, отвечать за свои дела и поступки. Хотя и сам же уже отвечаешь как бы, по возрасту должен. Но мне как-то это не очень. И потом еще нести ответственность за других. (Ирина, Петербург)

Старшеклассники говорят, что взросление — это остановка движения, перестают происходить события, а все, чем ты занимаешься — это муторная, скучная работа.

*На самом деле, не знаю, мне кажется, вообще взрослеть — это как-то так... Все равно все мы в душе дети. И вот, наверное, я, на самом деле, очень не хочу взрослеть, вот, потому что как бы для меня взрослость ассоциируется с каким-то вот таким обременительным трудом, какой-то такой, ну, там, муторной работой. Вот не знаю, может быть, просто как бы, ну, очень много вот таких взрослых людей, которые там постоянно говорят о том, что «Вот, там, у нас все плохо. Мы, там, на работу встаем. Фу, вообще все. Жизнь не удалась, все», вот. И как бы у меня ассоциации именно взрослости это значит, что ты там... у тебя есть какие-то обязанности, да? Ты должен служить государству, еще что-то, еще что-то. Ну, как бы все равно для меня это вообще. И как бы вообще никогда бы не хотела вот так вот. Ну, то есть мне хочется всегда в этом всем вариться, постоянно быть везде в центре событий, чтоб какие-то там идеи, постоянно что-то происходило. И для меня вот это как бы не сочетается с понятием взрослость. **Поэтому я очень надеюсь, что я никогда не смогу назвать себя поистине взрослой.** (Ольга, Казань)*

Наконец, старшеклассники говорят о взрослости как о подвижном концепте, элементе идентичности, который можно выбрать, а можно и не выбрать — нет необходимости или потребности взрослеть.

Мне кажется, раньше, конечно же, взрослели раньше. А щас... мне кажется, это все зависит, как вот тебе нужно это вообще взросление — нет. (Дарья, Красноярск)

Нежелание взрослеть может быть осмысленным в том случае, если ему есть альтернатива. Студенты СПО и старшеклассники по-разному понимают не только взрослость, но и детство. По каким-то причинам студенты СПО не думают о не-взрослости как о чем-то беззаботном, веселом, свободном, у них нет символической возможности выбрать отказ от взросления, хотя образ взрослости их тоже может не во всем привлекать.

Заключение

Мы показали основные интерпретации взросления молодыми людьми и девушками, которые в 2012 г. выбрали свой дальнейший трек и либо обучались в СПО, либо были старшеклассниками на пути к академическому треку. Среди основных интерпретаций: взрослость как определяемая средой иерархическая категория, взрослость как умение контролировать себя, как умение брать на себя ответственность и принимать самостоятельные решения, как финансовая независимость. Во всех этих трактовках взрослость рассматривается скорее как что-то неизбежное, чем желаемое и предвкушаемое. Есть и альтернативный взгляд, доступный молодежи на академическом треке, рисующий взрослость как что-то негативное, требующее избегания или какого-то переосмысления, инкорпорирования новых смыслов (быть взрослым, но веселым).

Различия в интерпретациях взрослости заметны в том, для чего необходим самоконтроль — студенты СПО говорят скорее о контроле над эмоциями и поведением, в то время как старшеклассники — об умении собраться и сосредоточиться на учебе. Когда говорят об умении принимать решения и брать ответственность, студенты СПО имеют в виду умение принимать правильные решения, необходимость быть умным, а старшеклассники больше акцентируют самостоятельность, возможность ни с кем не советоваться. Для всех значимым показателем взросления является финансовая независимость — и почти никто не назвал создание собственной семьи.

Редко встречается интерпретация взросления как открывающихся возможностей. Даже финансовая независимость иногда описывается скорее как бремя и ограничение, чем как свобода. Никто из респондентов не говорил о взрослении как о преимущественно положительном переходе, открывающем множественные возможности по выбору дальнейшего жизненного пути.

В целом можно сказать, что среди старшеклассников взгляды респондентов на взрослость гораздо более гибкие и неоднородные, они включают больше трактовок и интерпретаций, чем образы взрослости студентов СПО, в том числе переписание взросления, отказ от взросления.

Список литературы (References)

- Манокин М. А. Ювенилизация современного общества: культурологические аспекты // Общество. Среда. Развитие. (Terra Humana). 2012. № 3. С. 77—81.
Manokin M. A. (2012) Rejuvenation of the Modern Society: Cultural Aspects. *Society. Environment. Development. (Terra Humana)*. No. 3. P. 77—81. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2003. № 18. С. 145—166.

Omelchenko E. L. (2003) Cultural Practices and Lifestyles of Russian Youth at the End of the Twentieth Century. *Rubezh: Social Research Almanac*. No. 18. P. 145—166. (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р., Карпова Г. Г., Ворона М. А. «Веселые, непонимающие и бессердечные»? О феномене Питера Пэна // Неприкосновенный запас : Дебаты о политике и культуре. 2008. № 6. С. 161—177.

larskaia-Smirnova E. R., Karpova G. G., Vorona M. A. (2008) “Cheerful, Misunderstood, and Heartless”? On the Phenomenon of Peter Pan. *Neprikosnovennyi Zapas: Debates on Politics and Culture*. No. 6. P. 161—177. (In Russ.)

Arnett J. J., Taber S. (1994) Adolescence Terminable and Interminable: When Does Adolescence End? *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 23. No. 5. P. 517—537. <https://doi.org/10.1007/bf01537734>.

Arnett J. J. (1998) Learning to Stand Alone: The Contemporary American Transition to Adulthood in Cultural and Historical Context. *Human Development*. Vol. 41. No. 5—6. P. 295—315. <https://doi.org/10.1159/000022591>.

Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage.

du Bois-Reymond M. (1998) ‘I Don’t Want to Commit Myself Yet’: Young People’s Life Concepts. *Journal of Youth Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 63—79. <https://doi.org/10.1080/13676261.1998.10592995>.

Elder G. H. (1975) Age Differentiation and the Life Course. *Annual Review of Sociology*. No. 1. P. 165—190. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.01.080175.001121>.

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Furstenberg F. F. (2010) On a New Schedule: Transitions to Adulthood and Family Change. *The Future of Children*. Vol. 20. No. 1. P. 67—87. <https://www.doi.org/10.1353/foc.0.0038>.

Furstenberg F. F. (2015) Becoming Adults: Challenges in the Transition to Adult Roles. *American Journal of Orthopsychiatry*. Vol. 85. No. 5 (Suppl). P. 14—21. <https://www.doi.org/10.1037/ort0000107>.

Fussell E., Furstenberg F. F. (2005) The Transition to Adulthood during the Twentieth Century: Race, Nativity, and Gender. In: Settersten R. A., Furstenberg F. F., Rumbaut R. G. (eds.) *On the Frontier of Adulthood: Theory, Research, and Public Policy*. Chicago, IL: University of Chicago Press. P. 29—75. <https://www.doi.org/10.7208/chicago/9780226748924.003.0002>.

Hogan D. P. (1981) *Transitions and Social Change: The Early Lives of American Men*. New York, NY: Academic Press.

Hogan D. P., Astone N. M. (1986) The Transition to Adulthood. *Annual Review of Sociology*. Vol. 12. P. 109—130. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.12.080186.000545>.

Kohli M. (1986) The World We Forgot: A Historical Review of the Life Course. In: Marshall V. (ed.) *Later Life*. Beverly Hills, CA: Sage. P. 271—303.

Liefbroer A. C., Toulemont L. (2010) Demographic Perspectives on Transitions to Adulthood: An Introduction. *Advances in Life Course Research*. Vol. 15. No. 2—3. P. 53—58. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2010.10.002>.

Macek P., Bejček J., Vaníčková J. (2007) Contemporary Czech Emerging Adults: Generation Growing Up in the Period of Social Changes. *Journal of Adolescent Research*. Vol. 22. No. 5. P. 444—475. <https://doi.org/10.1177/0743558407305417>.

Reitzle M. (2006) The Connections between Adulthood Transitions and the Self-Perception of Being Adult in the Changing Contexts of East and West Germany. *European Psychologist*. Vol. 11. No. 1. P. 25—38. <https://doi.org/10.1027/1016-9040.11.1.25>.

Shanahan M. J. (2000) Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Course Perspective. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. P. 667—692. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.667>.

Westberg A. (2004) Forever Young? Young People's Conception of Adulthood: The Swedish Case. *Journal of Youth Studies*. Vol. 7. No. 1. P. 35—53. <https://doi.org/10.1080/1367626042000209949>.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1603

М. Б. Богданов, В. М. Малик

КАК СОЧЕТАЮТСЯ СОЦИАЛЬНОЕ, ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ И ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЯХ МОЛОДЕЖИ РОССИИ?

Правильная ссылка на статью:

Богданов М. Б., Малик В. М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 391—421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>.

For citation:

Bogdanov M. B., Malik V. M. (2020) Social, Territorial and Gender Inequalities in Educational Trajectories of the Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 391—421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>.

КАК СОЧЕТАЮТСЯ СОЦИАЛЬНОЕ, ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ И ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЯХ МОЛОДЕЖИ РОССИИ?

БОГДАНОВ Михаил Богданович — аспирант, младший научный сотрудник Лаборатории культурсоциологии и антропологии образования, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: mbogdanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6245-7178>

МАЛИК Валерия Михайловна — ведущий эксперт Лаборатории культурсоциологии и антропологии образования, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vmalik@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9546-7815>

Аннотация. В статье проводится исследование социального, территориального и гендерного неравенств при формировании образовательных траекторий российской молодежи в течение четырех лет после окончания девятого класса. Эмпирическую базу исследования составляют первая, вторая и четвертая волны всероссийского репрезентативного лонгитюдного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП), проведенные в 2012, 2013 и 2015 гг.

Для выявления на основе эмпирических данных сочетания разных типов неравенств мы используем разведывательный и описательный подход — метод дерева классификации, в отличие от традиционного для этой области

SOCIAL, TERRITORIAL AND GENDER INEQUALITIES IN EDUCATIONAL TRAJECTORIES OF THE RUSSIAN YOUTH

Mikhail B. BOGDANOV¹ — Junior Research Fellow at the Laboratory for Cultural Sociology and Anthropology of Education, Institute of Education
E-MAIL: mbogdanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6245-7178>

Valeriya M. MALIK¹ — Leading Expert at the Laboratory for Cultural Sociology and Anthropology of Education, Institute of Education
E-MAIL: vmalik@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9546-7815>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article investigates how social, territorial and gender inequalities shape educational trajectories of the Russian young people within four years after they graduate from the 9th grade. Empirical basis of the study encompasses the data from the first, the second and the third waves of the Trajectories in Education and Careers (TrEC) Russian Longitudinal Study conducted in 2012, 2013 and 2015.

To reveal various inequalities through the empirical data the study applies investigative and descriptive approach, i.e. the classification tree method rather than logistic regression traditionally used in this field. Five groups of trajectories are singled out: (1) enrollment in a secondary vocational school after the

исследований метода логистической регрессии. Выделены пять групп траекторий: «после девятого класса в СПО (среднее профессиональное образование)», «после 11-го класса в СПО», «после 10—11-го классов в неселективный вуз» (средний бал ЕГЭ у зачисленных абитуриентов 70 и ниже), «после 10—11-го классов в селективный вуз» (средний бал ЕГЭ у зачисленных абитуриентов больше 70), и «прекращение обучения после окончания школы». Как показали результаты исследования, ключевым фактором дифференциации образовательных траекторий является успеваемость. Для групп с разной успеваемостью следующим по важности фактором становится образование родителей (для тех, кто учится на тройки и четверки) и место жительства (для «отличников»). Единственная группа, для которой значимым фактором формирования траектории выступает пол, — это «троечники», у родителей которых нет высшего образования.

Ключевые слова: образовательные траектории, социально-экономическое неравенство, гендерное неравенство, территориальное неравенство, неравенство в образовании, лонгитюдные исследования, ТрОП, интерпретативная количественная социология, дерево классификации

Благодарность. В работе использованы результаты проекта «Траектории в образовании и профессии», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. Авторы выражают благодарность Д. Ю. Куракину, заведующему Лабораторией культурсоциологии и антропологии образования Института образования НИУ ВШЭ, за плодотвор-

9th grade, (2) enrollment in a non-selective university after the 10th-11th grades (for the enrolled applicants with an average Unified State Exam score of 70 and lower); (3) enrollment in a selective university after the 10th–11th grades (for the enrolled applicants with an average Unified State Exam score of 70 and higher), (4) termination of education after school graduation. The results show that academic performance is the key factor shaping educational trajectories. When choosing an educational path, parental educational background appears to be important for students in the medium-scoring and low-scoring groups, and place of residence, for students in the high-scoring group. The only group where no attention is paid to gender is a group of low-scoring students whose parents have no higher education background.

Keywords: educational trajectories, social inequality, gender inequality, territorial inequality, inequality in education, longitudinal studies, TrEC, interpretative qualitative sociology, classification tree

Acknowledgments. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2019. The authors express gratitude to D. Kurakin, head of the Laboratory for Cultural Sociology and Anthropology of Education (HSE Institute of Education), for the fruitful cooperation, and M. Gurin, intern

ное сотрудничество и идеи, а также М. Ю. Гурину, стажеру-исследователю Лаборатории культурсоциологии и антропологии образования Института образования НИУ ВШЭ, за помощь в оформлении графиков.

researcher at the Laboratory for Cultural Sociology and Anthropology of Education (HSE Institute of Education), for his help in constructing the graphs.

Введение

Картина неравенства в образовании сложна, на образовательный выбор влияет множество факторов. В решениях о будущем образовании ученики руководствуются своими оценками — для школьников, их семей и учителей они служат ориентиром относительно способностей [Valentine, DuBois, Cooper, 2004]. В числе ограничений выбора также финансовые ресурсы семей и представления о том, какой уровень образования необходим ребенку [Breen, Goldthorpe, 1997]. Эти представления зависят в том числе и от пола ребенка [Buchmann, DiPrete, McDaniel, 2008]. Помимо этого, важную роль в определении траектории играет место жительства: для продолжения обучения прежде всего доступны учебные заведения, находящиеся в том же населенном пункте, где живет ребенок. В больших городах может быть широкой выбор возможностей для обучения — это так называемые образовательные оазисы¹. В свою очередь, районы без плотной сети вузов и колледжей, удаленные от крупных городов, представляют собой «образовательные пустыни» [Hillman, 2016]. Эти факторы могут по-разному влиять на образовательные траектории, в каких-то сочетаниях усиливать или компенсировать друг друга. Для того чтобы лучше понять, как формируются образовательные траектории, необходимо изучать их совместно, а не только в рамках образовательных переходов с одной ступени образования на другую.

На российских данных лучше всего изучено влияние социально-экономического неравенства на формирование образовательных траекторий, литература на эту тему обширна. Мы остановимся только на работах, в основе которых — данные российского панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП)². Ежегодное обследование 5 тысяч школьников из 42 регионов России проводится с 2011 г. Институтом образования НИУ ВШЭ [Бессуднов и др., 2014; Malik, 2019]. Основным образовательным переходом в российской системе образования является переход после 9-го класса, когда часть выпускников продолжает обучение в старшей школе («академический трек»), а часть переходит в систему среднего профессионального образования (СПО) — техникумы или колледжи («неакадемический трек»). Дети из более привилегированных семей чаще выбирают академический трек, так как они в среднем лучше учатся (первичные эффекты социального неравенства). Кроме того, это результат образовательного выбора [Бессуднов, Малик, 2016]. Социальное происхождение оказывает влияние не только на выбор в точке образовательного перехода, но и на распределение

¹ Hillman N. (2019) Place Matters: A Closer Look at Education Deserts. *Third Way*. May 21. URL: <https://www.thirdway.org/report/place-matters-a-closer-look-at-education-deserts> (дата обращения: 24.06.2020).

² Подробная информация об исследовании «Траектории в образовании и профессии» доступна на сайте trec.hse.ru.

учащихся по типам школ до этого перехода [Kosyakova et al., 2016]. В последующих образовательных переходах роль вторичных эффектов усиливается: в определении дальнейшей траектории — поступление в вуз или колледж после 11-го класса и выбор между селективным и неселективным вузом — оценки начинают играть меньшую роль по сравнению с ресурсами семьи [Хавенсон, Чиркина, 2019].

Механизмы гендерного неравенства в выборе образовательной траектории работают по-другому. Девочки лучше учатся в школе, большая их часть переходит в 10-й класс, меньшая — поступает в учреждения СПО. В данном случае мы наблюдаем первичные эффекты пола на образовательный выбор, вторичные эффекты отсутствуют [Бессуднов, Малик, 2016]. Наряду с успеваемостью, социальным происхождением и полом одним из важнейших факторов, влияющих на образовательный выбор, является место проживания [Roscigno, Tomaskovic-Devey, Crowley, 2006; López Turley, 2009]. Влияние типа населенного пункта на формирование образовательной траектории и взаимодействие этого фактора с другими аскриптивными характеристиками недостаточно изучено на российских данных.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании социального, территориального и гендерного неравенства при формировании образовательных траекторий российской молодежи. Для того чтобы изучить действие нескольких факторов, определяющих формирование образовательных траекторий, мы проводим эксплораторное исследование с помощью метода дерева классификации. Это дает возможность посмотреть на то, как оценки, образование родителей, место жительства и пол сочетаются друг с другом в контексте разных образовательных траекторий. Отличие нашего исследования от предыдущих работ, изучавших образовательные переходы в контексте неравенства на данных ТрОП, заключается в одновременном рассмотрении трех измерений неравенства (социально-экономического, гендерного, территориального), а также применение разведывательного метода анализа, не предполагающего использования регрессионного анализа и разложения эффектов неравенства на первичные и вторичные.

Статья построена следующим образом. Сначала представлено краткое обсуждение литературы, посвященной социально-экономическому, гендерному и территориальному неравенству при формировании образовательных траекторий, а также описание того, что уже известно об образовательных траекториях российской молодежи благодаря анализу данных лонгитюдных исследований. Затем мы даем характеристику эмпирической базы исследования — лонгитюдного исследования ТрОП, выборки и основного метода исследования — дерева классификации. Далее представлены результаты анализа в виде выделенных гомогенных групп по образовательным траекториям. При этом последовательно рассматриваются ветвление дерева для каждой из групп и основные факторы, определяющие их формирование. В заключении мы описываем ограничения работы и направления для дальнейших исследований.

Теоретическая часть

Неравенство между социальными группами в образовании проявляется в образовательных результатах (успеваемости, результатах тестов) и образовательных переходах (вероятности перехода на более престижную ступень образования).

При анализе формирования образовательных траекторий ученые в большей степени ориентируются на исследование переходов между уровнями образования. Например, оценивается вероятность перейти после 9-го класса (в российской системе образования) средней школы в старшую школу («академический трек») или поступить в колледж или техникум («неакадемический трек»). При этом стоит отметить связь между успеваемостью и вероятностью совершения образовательного перехода. Так, ученики с высокими оценками с большей вероятностью перейдут на следующий уровень образования. В этом обзоре кратко рассмотрим некоторые подходы к изучению неравенства между группами, которые выделяются на основе аскриптивных характеристик. В их числе — социальный класс, пол и место проживания.

Социально-экономическое неравенство

Литература о связи социально-экономического статуса семьи и неравенства в образовании чрезвычайно обширна. Подробный обзор подходов и международных исследований представлен, например, в работе Ричарда Брина и Яна О. Йонссона [Breen, Jonsson, 2005], теории систематизированы Татьяной Чиркиной [Чиркина, 2018]. Здесь мы рассмотрим модели, позволяющие изучить связь между успеваемостью учеников, социально-экономическим положением семьи и вероятностью совершить образовательный переход, а также некоторые результаты исследований на российских данных.

Французский социолог Раймон Будон предложил при изучении воспроизводства социального неравенства в образовании разделять первичные (primary effects) и вторичные эффекты (secondary effects) социального происхождения учеников на их образовательные траектории [Boudon, 1974]. Первичные эффекты можно описать следующим образом. Социальное происхождение оказывает влияние на успеваемость учащихся: чем выше социально-экономическое положение, тем в среднем лучше успеваемость. Учащиеся с более высокой успеваемостью имеют больше шансов получить высшее образование. Вторичные эффекты — это влияние социального происхождения на образовательную траекторию за вычетом эффекта успеваемости. Так, при одинаковой успеваемости социальное происхождение может оказывать влияние на процесс принятия решения о будущей траектории. Механизмы, с помощью которых может реализовываться такое влияние, включают, например, образовательные притязания учащихся и родителей, политику образовательных учреждений и институциональные условия [Boudon, 1974; Jackson, 2013].

Одинаково ли действуют вторичные эффекты социального происхождения при разном уровне успеваемости? Теория компенсаторного преимущества (compensatory advantage) Фабрицио Бернарди объясняет механизмы действия вторичных эффектов в случае низких образовательных результатов учеников [Bernardi, 2014]. Действительно, возможна ситуация, когда влияние социального происхождения на вероятность совершить образовательный переход учениками с высокой успеваемостью невелико. Однако для учеников с низкой успеваемостью этот фактор будет важен: более привилегированные семьи могут использовать свои ресурсы, чтобы компенсировать низкие оценки и повысить шансы своих

детей на достижение более высокого уровня образования. В результате в группе учащихся с низкой успеваемостью фиксируется более высокий уровень образовательного неравенства. Такие механизмы социального неравенства были обнаружены, например, на данных Испании [Bernardi, Boado, 2014a], Франции [Bernardi, Boado, 2014b], Италии [Bernardi, Triventi, 2020]. Таким образом, вторичные эффекты могут проявляться неоднородно и зависеть от успеваемости учащихся.

На данных лонгитюдного исследования ТрОП проведено несколько исследований, которые позволили описать механизмы формирования образовательных траекторий молодежи современной России в условиях социально-экономического неравенства, проявляющегося при переходе после 9-го класса и распределении на треки. Показано, что у детей из более привилегированных семей академические достижения (оценки, результаты тестов) в среднем выше, поэтому они попадают на академический трек (так проявляются первичные эффекты социального неравенства). Даже при одинаковой успеваемости больше шансов попасть на этот трек имеют дети из более привилегированных семей (вторичные эффекты). Таким образом, при образовательном переходе после 9-го класса реализуются как первичные, так и вторичные механизмы воспроизводства социального неравенства [Бессуднов, Малик, 2016; Kosyakova et al., 2016]. Переход после 9-го класса — ключевой образовательный переход, определяющий последующие траектории с точки зрения неравенства. Следующий переход — окончание 11-го класса — менее важен, так как 80 % выпускников старшей школы поступают в вузы [Бессуднов, Куракин, Малик, 2017: 99].

Альтернативный (через неакадемический трек) путь к высшему образованию, то есть окончание колледжа и затем поступление в вуз, изучен в работе Гордея Ястребова и его коллег [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018]. Доступ к высшему образованию не закрыт для тех, кто выбирает неакадемический трек после 9-го класса. В вузы можно поступить с дипломом СПО. Авторы показали, что этот путь используется как менее привилегированными семьями (как более безопасный путь к высшему образованию), так и более статусными семьями, дети из которых демонстрируют невысокие академические достижения и рискуют провалиться на ЕГЭ. То есть более привилегированные семьи могут выбирать этот трек в случае, если дети плохо учатся.

Изучение последовательности нескольких образовательных переходов показало, что первичные эффекты социального неравенства ослабевают при переходе от 9-го к 11-му классу, а роль вторичных возрастает [Хавенсон, Чиркина, 2019]. Исследователи рассмотрели три образовательных перехода: выбор обучения в старшей школе или СПО после 9-го класса, поступление в вуз или СПО после 11-го класса, а также выбор селективного/неселективного вуза. Авторы приходят к выводу, что успеваемость является лишь одним из факторов, определяющим образовательный выбор. При этом влияние успеваемости на образовательный выбор уменьшается при переходе от 9-го класса к 11-му. Одновременно с этим возрастает действие вторичных факторов социального неравенства: даже при высоких оценках выбор все больше определяется такими факторами, как культурный, образовательный и социальный капитал семьи.

Территориальное неравенство

Место проживания рассматривается как один из факторов неравенства в образовании. Например, ряд работ российских исследователей включает в себя анализ территориального неравенства в рамках исследования доступности образования (см., например, [Константиновский и др., 2006; Абанкина, Филатова, 2018]). Доступность при этом понимается как возможность получения определенного уровня образования представителями разных социальных групп. Такой подход предполагает рассмотрение территориального барьера как одного из параметров доступности наряду с социальными, экономическими, культурными и другими барьерами. Территориальный барьер может включать в себя и уровень урбанизации, и расстояние до образовательных организаций, а также транспортную доступность [Константиновский и др., 2006].

Отдельное направление исследований образовательного неравенства фокусируется на изучении того, как место проживания влияет на формирование образовательных траекторий. Ранее географические характеристики не находились в фокусе внимания исследователей образовательных траекторий, однако в последнее время был предложен ряд подходов, интегрирующих географическое измерение в исследования неравенства в образовании. Здесь мы опишем подходы, которые предлагают использовать при изучении образовательного выбора понятия «география образовательных возможностей» [López Turley, 2009], «образовательные пустыни»³, а также учитывают уровень урбанизации (например, [Roscigno, Tomaskovic-Devey, Crowley, 2006; Byun, Meece, Irvin, 2012]).

Рут Лопес Терли предложила подход, предполагающий изучение образовательного выбора с учетом территориальной доступности колледжей для выпускников американских школ [López Turley, 2009]. Автор объединяет традиционный подход к изучению образовательного выбора, учитывающий такие независимые переменные, как социально-экономический статус семей, академические достижения и др., и «географию возможностей» (geography of opportunity), которая рассматривает место жительства как важную характеристику, определяющую доступ к ресурсам, в том числе образовательным.

Описывая возможные механизмы, через которые географическая доступность (наличие нескольких колледжей поблизости от места проживания) может повысить шансы на поступление, автор выделяет механизмы, связанные а) с удобством и б) повышением предрасположенности к поступлению в колледж. Первый связан с тем, что наличие нескольких учебных заведений поблизости от места жительства делает поступление более удобным — финансово, с точки зрения логистики или эмоционально. Пример того, как наличие колледжа поблизости может сделать обучение более доступным, — возможность экономить на оплате общежития, если жить дома. Наличие колледжей поблизости особенно важно для семей с низким социально-экономическим статусом. Кроме того, проживание дома дает возможность часто видеться с семьей, поддерживать семейные связи, то есть делает обучение более удобным в эмоциональном плане. Второй возможный механизм, посредством которого доступность колледжей может влиять на образовательный

³ Hillman N. (2019) Place Matters: A Closer Look at Education Deserts. *Third Way*. May 21. URL: <https://www.thirdway.org/report/place-matters-a-closer-look-at-education-deserts> (дата обращения: 24.06.2020).

выбор, связан с образовательными притязаниями. Предполагается, что территориальная доступность колледжей может повысить предрасположенность к поступлению в них выпускников школ [López Turley, 2009: 127—130].

Результаты исследования, проведенного Р. Терли, подтвердили, что увеличение количества колледжей поблизости от места проживания повышает вероятность поступления в них, в особенности в колледжи с четырехлетним сроком обучения. Кроме того, выявлено, что близость колледжа как фактор увеличения шансов на поступление в него работает через механизм «удобства», но не повышения предрасположенности к поступлению.

Николас Хилман развивает направление изучения географии образовательных возможностей. Территории, где поблизости от места проживания (в рамках пригородного сообщения) нет или практически нет колледжей, автор предлагает называть «образовательными пустынями» (education deserts) [Hillman, 2016]. Анализ Н. Хилмана показывает, что «образовательные пустыни» чаще встречаются на территориях, где проживает больше представителей этнических меньшинств и населения с более низким социально-экономическим статусом. Другие территории, наоборот, обеспечивают широкие возможности выбора колледжей — исследователь называет их «оазисами»⁴. Так как выбор колледжа поблизости от места проживания характерен для наименее привилегированных слоев населения, это может препятствовать восходящей социальной мобильности таких групп.

Другой подход к изучению важности географической составляющей в структуре неравенства образовательных возможностей представлен в статье Винсента Роскиньо и его коллег [Roscigno, Tomaskovic-Devey, Crowley, 2006]. Исследователи анализируют неравенство в образовательных результатах и достижениях в зависимости от уровня урбанизации территории. В центре внимания — неравенство в образовательных достижениях школьников городских (inner city), пригородных (suburb) и сельских (rural) населенных пунктов в Америке и его связь с ресурсами семьи (например, образованием родителей, семейным доходом, книгами дома) и ресурсами школы (например, соотношение учитель/ученик или образовательная программа повышенной сложности). Авторы также предлагают рассматривать отдельно, насколько семья и школа в изучаемых типах населенных пунктов обеспечены ресурсами, с одной стороны, и какие принимаются решения об инвестициях этих ресурсов — с другой. Это различие, по мнению исследователей, позволяет рассматривать образовательные решения с точки зрения агентности и рефлексивности. Так, решения об инвестициях в образование детей зависят не только от имеющихся ресурсов, но и от доступности образования, местного рынка труда, исторически сложившихся представлений об эффективности таких инвестиций. Такое же различие возможно и на уровне школ. Например, на территориях, откуда происходит «утечка мозгов», могут снижаться инвестиции в образование вузовского уровня [ibid.: 2121—2124].

Работы, анализирующие образовательное неравенство между городскими и сельскими населенными пунктами, фокусируются также на поиске преиму-

⁴ Ibid.

ществ обучения в сельской местности и стремятся показать, что этот тип поселения характеризуется не только дефицитами. Например, Су Йонг Бьон и его коллеги показывают, что и в сельской местности можно выделить факторы, положительно связанные с получением высшего образования [Yun, Meese, Irvin, 2012]. Так, сельские школьники имеют больше социальных ресурсов. Этот фактор оказывает положительное влияние, хоть и небольшое, на поступление и окончание колледжа. Однако для родителей сельских школьников характерны более низкие образовательные ожидания и меньшая вовлеченность в образование детей.

Территориальное неравенство как фактор формирования образовательных траекторий на российских эмпирических данных изучено в меньшей степени. Вместе с тем появляются работы, в центре внимания которых — разница в образовательных достижениях в зависимости от урбанизации территории (см., например, [Kryst, Kotok, Bodovski, 2015]), влияние ЕГЭ на территориальную мобильность [Francesconi, Slonimczyk, Yurko, 2019], региональное неравенство и формирование траекторий [Захаров, Адамович, 2020].

В работе Эрики Крист и ее коллег [Kryst, Kotok, Bodovski, 2015] проведено сравнение уровня естественнонаучного образования у городских и сельских восьмиклассников в нескольких постсоветских странах, включая Российскую Федерацию, в период с 1995 по 2011 гг. Результаты анализа по России показали наличие существенного преимущества в результатах тестов у городских школьников. Разница в результатах, связанная с уровнем урбанизации, объясняется социально-экономическим статусом родителей школьников во все годы, кроме 1995, когда после контроля сохранялся и эффект места жительства. Авторы приходят к выводу, что в 1995 г. разрыв в качестве образования был более серьезным, и с тех пор наблюдалось улучшение ситуации.

Изменения в доступности высшего образования зафиксированы в связи с введением ЕГЭ вместо вступительных испытаний каждого вуза [Francesconi, Slonimczyk, Yurko, 2019]. ЕГЭ позволяет подавать документы в вузы, находящиеся в других городах и регионах России, необходимость посещения вузов для сдачи экзаменов отпала. На лонгитюдных данных исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ авторы показали, что мобильность выпускников школ после введения ЕГЭ выросла. Однако обращает на себя внимание тот факт, что это касается в основном представителей семей с высоким социально-экономическим статусом, то есть семей, которые могут позволить себе финансово поддержать ребенка при обучении в другом городе. Таким образом, снижение территориального неравенства произошло не для всех социальных групп.

В работе Андрея Захарова и Ксении Адамович проведен анализ доступности образовательных ресурсов и образовательных траекторий выпускников школ на региональном уровне [Захаров, Адамович, 2020]. Результаты исследования говорят, что в более урбанизированных регионах образовательные ресурсы более доступны (выше объем финансирования и доступность углубленного и профильного обучения, более опытные учителя и пр.). Авторы также показывают, что степень урбанизированности положительно связана с долей учащихся, выбирающих академический трек.

Гендерное неравенство

В последние десятилетия исследователями зафиксированы значительные изменения в структуре гендерного неравенства: все большее преимущество в успеваемости, результатах тестов и уровне полученного образования получают женщины [Buchmann, DiPrete, McDaniel, 2008]. В США больше девушек заканчивают обучение в старшей школе и получают степени бакалавров и магистров [Snyder, Dillow, 2008]. В большинстве европейских стран женщины также превзошли мужчин по уровню образования [OECD, 2006]. Девочки обычно имеют более высокую успеваемость в школе [Buchmann, DiPrete, McDaniel, 2008], показывают лучшие результаты тестов по чтению и сравнимые по математике [Marks, 2007; Lindberg et al., 2010]. Анализ гендерного неравенства в момент перехода после 9-го класса на данных ТрОП показал, что девочки лучше учатся и чаще переходят в 10-й класс. После контроля по уровню академических достижений вторичных эффектов обнаружено не было. Таким образом, девочки имеют больше шансов продолжить образование на академическом треке. Следовательно, механизм формирования гендерного неравенства отличается от механизма формирования социально-экономического неравенства. По всей видимости, на этом этапе выбор траектории связан с успеваемостью, но не с полом ребенка. Анализ дальнейших образовательных переходов на данных ТрОП показал, что образовательные траектории юношей и девушек различаются. В СПО юноши чаще уходят после окончания 9-го класса, тогда как девушки — после окончания 11-го класса. В вузы поступает больше девушек, чем юношей [Бессуднов, Малик, 2016; Бессуднов, Куракин, Малик, 2017].

Анализ результатов ЕГЭ по математике за 2011 г. свидетельствует, что разница в баллах между мальчиками и девочками незначительна, но она дифференцирована по социально-экономическому статусу и территории проживания [Bessudnov, Makarov, 2015]. При этом у мальчиков вариация в результатах тестов больше. Кроме того, среди получающих наивысшие баллы обнаружено больше мальчиков. Авторы также изучили, как влияют на гендерную дифференциацию результатов тестов по математике такие факторы, как тип школы и ее местонахождение (город/село). Чем выше уровень школы, тем больше разница в результатах экзамена между мальчиками и девочками в пользу мальчиков. Эта разница увеличивается в группе с самыми высокими результатами тестов. Эта же тенденция выявлена в городских школах, но не в сельских. Таким образом, размер разрыва в результатах по гендерному признаку зависит от типа и местонахождения школы. В данном случае зафиксирована связь гендерного неравенства с социально-экономическим (тип школы может выступать как прокси социально-экономического статуса) и территориальным неравенством.

Цель исследования

Проведенный обзор исследований социального, территориального и гендерного неравенства при формировании образовательных траекторий свидетельствует, что факторы неравенства могут как проявляться непосредственно в успеваемости и результатах тестов, так и воздействовать на выбор. При этом эффекты неравенства могут быть дифференцированы в зависимости от успеваемости (теория компенсаторного преимущества) и социально-экономического положения (по-

вышение доступности высшего образования в связи с введением ЕГЭ). Кроме того, они могут проявляться в определенных группах траекторий (траектория «через колледж в вуз») или менять интенсивность от одного образовательного перехода к другому. Задачей настоящей статьи является исследование сочетания социального, территориального и гендерного неравенства при формировании образовательных траекторий российской молодежи. Для одновременного исследования нескольких типов неравенства как факторов, определяющих формирование траекторий, мы проводим эксплораторное исследование методом дерева классификации. Такой подход не предполагает выдвижения предварительных гипотез и их последующую проверку, а скорее позволяет построить целостную картину и определить, какие факторы в наибольшей степени описывают дифференциацию образовательных траекторий: оценки, социально-экономическая дифференциация, пол или место жительства.

Дизайн исследования и методы

Выборка

В работе используются данные когортного панельного исследования «Траектории в образовании и профессии». Это исследование основано на репрезентативной выборке международного образовательного исследования Trends in International Mathematics and Science Study когорты восьмиклассников, проведенного в 2011 г. (TIMSS-2011). В исследовании приняли участие 4893 восьмиклассника из 210 школ в 42 регионах России. В 2012 г. 90% участников TIMSS-2011 также приняли участие в Programme for International Student Assessment 2012 (PISA-2012). Респонденты TIMSS-2011 составили основу для выборки ТрОП и затем опрашивались ежегодно.

В этом исследовании используется подвыборка из тех, кто участвовал в первой, второй и четвертой волнах ТрОП, а также ответил на вопрос о годовых оценках за 8-й класс по каждому предмету в первой волне. Размер подвыборки составил 2103 респондента, то есть 43% от изначальной выборки TIMSS-2011. Для нивелирования возможных смещений, вызванных осыпанием панели, были рассчитаны веса, они корректируют возможные смещения по сравнению с изначальной выборкой TIMSS. Затем эти веса были перемножены с весами TIMSS. Таким образом, перевзвешенная подвыборка использовалась для анализа, генерализуемого на всю совокупность когорты российских восьмиклассников 2011 г. Более подробно процедура расчета весов описана в работе Алексея Бессуднова и его коллег [Бессуднов и др., 2014: 26—27]. Кроме того, экстремально большие значения итоговых весов были искусственно обрезаны до значения, равного медиане распределения весов и пяти интерквартильным размахам распределения весов, чтобы уменьшить выборочную вариацию оценок, которая может быть вызвана большими весами [Potter, Zheng, 2015: 2707]. Этот подход используется, например, в National Adult Tobacco Survey (NATS) [van de Kerckhove, Mohadjer, Krenzke, 2014: 658].

Переменные

Образовательная траектория представляет собой переменную, отражающую последовательность академических статусов респондентов во второй (10-й класс

или 1-й курс СПО) и четвертой (1—2-й курсы университета или последние курсы СПО/окончание СПО) волнах ТрОПа. Всего в данных присутствовало 15 уникальных траекторий, которые были сгруппированы в пять типов траекторий:

- 1) «9-й класс → СПО»;
- 2) «9-й класс → 10—11-й классы → СПО»;
- 3) «9-й класс → 10—11-й классы → неселективный вуз»;
- 4) «9-й класс → 10—11-й классы → селективный вуз»;
- 5) «Из школы в никуда» (например, «9-й класс → 10—11-й классы → окончание обучения» и т. п.).

В качестве критерия разделения вузов на селективные и неселективные использовался средний балл ЕГЭ зачисленных в вузы в 2014 г., то есть в год поступления в вузы основной массы рассматриваемой когорты учащихся. К селективным относились вузы со средним баллом более 70, по данным мониторинга качества приема в российские вузы — 2015 [Качество приема..., 2016]. Такой подход использовался в других исследованиях социального неравенства в образовании на данных ТрОП [Хавенсон, Чиркина, 2019].

Образование родителей измерялось в трех волнах ТрОП: TIMSS-2011, PISA-2012 и первой волне ТрОП. Однако если в первой волне ТрОП на вопросы об образовании родителей отвечали сами родители, то в TIMSS и PISA это делали дети. В данных первой волны ТрОП примерно для 7 % детей нет информации об образовании матери и для 27 % — об образовании отца. Поэтому мы использовали ответы детей об образовании родителей из PISA-2012, а затем для тех, у кого остались пропущенные значения, добавили данные из TIMSS-2011 для заполнения пропусков. В конечном виде образование родителей представлено в виде бинарной переменной, где 0 означает «в семье ни у одного из родителей нет высшего образования (или нет информации о таковых)», а 1 — «хотя бы один родитель имеет высшее образование».

Средний балл рассчитывался как среднее арифметическое значение оценок по следующим предметам в 8-м классе: алгебра, геометрия, русский язык, литература, история, физика, химия и биология. Для примерно 6 % детей, принимавших участие в первой волне ТрОП, не получилось рассчитать средний балл из-за отсутствия данных об оценках по одному или нескольким предметам. Потенциальные смещения, вызванные этими пропущенными значениями, корректировались с помощью перевзвешивания данных.

Тип населенного пункта имеет пять категорий: село и поселки городского типа, город с населением до 100 тыс. человек, город с населением 100—680 тыс. человек⁵, город с населением более 680 тыс. человек, Москва и Санкт-Петербург.

Метод анализа данных

Регрессионное моделирование, а именно логистическая регрессия, давно стало стандартным методом анализа данных в исследованиях образовательного неравенства и стратификации [Breen, Jonsson, 2000: 754]. Исследователями

⁵ Основа такого разбиения типов населенных пунктов — параметры стратификации выборки по урбанизированности населенных пунктов, которые использовались в TIMSS-2011 в России (описание выборки см. <https://timssandpirls.bc.edu/methods/t-sample-design.html>).

были разработаны и апробированы различные методы оценки первичных и вторичных (в другой терминологии — прямых и непрямых) эффектов социального-экономического бэкграунда семьи учащихся на их образовательные переходы и траектории [Karlson, Holm, Breen, 2012; Morgan, 2012].

В этой работе мы придерживаемся так называемого интерпретативного подхода к количественным методам в социальных науках [Babones, 2016]. В отличие от позитивистского, интерпретативный подход предполагает использование различных количественных методов для более глубокого понимания взаимосвязей между теоретическими конструктами [ibid.: 459]. Другими словами, интерпретативный подход поиска ответа на исследовательский вопрос предлагает триангуляцию результатов, полученных с помощью разных подходов и взглядов на данные и их анализ [ibid.: 453]. Одним из методов триангуляции является поиск различий во взаимосвязи между конструктами в разных подгруппах в обществе [ibid.: 461]. Статистически это можно назвать поиском эффектов взаимодействий.

В статистике выделяют три подхода к моделированию [Shmueli, 2010: 290—291].

1. Объяснительное моделирование (Explanatory Modeling) — применение статистических моделей для проверки гипотез о причинно-следственных связях между теоретическими конструктами [ibid.: 91].
2. Предсказательное моделирование (Predictive Modeling) — применение статистических моделей и/или алгоритмов машинного обучения для предсказания новых (вне выборочных) наблюдений [ibid.: 292].
3. Описательное моделирование (Descriptive Modeling) — применение статистических моделей для описания структуры данных без опоры на гипотезы о взаимосвязи теоретических конструктов (или их учет в менее строгом виде).

Если в исследованиях неравенства в образовании доминирует использование объяснительного моделирования, то в этой работе мы предлагаем посмотреть на сочетания социального, территориального и гендерного неравенства образовательных траекторий сквозь призму в большей мере разведывательного и описательного (по сравнению с регрессионным моделированием) метода анализа данных — дерева классификации. Предлагаемый нами подход вносит вклад в триангуляцию результатов исследований в области неравенства в образовании за счет использования сравнительно нового для данной области метода, а также выделения сочетаний разных типов неравенств (говоря статистически — эффектов взаимодействия) с опорой на данные, а не на теоретические гипотезы. Деревья классификации позволяют в автоматизированном формате искать эффекты взаимодействия в данных [Ротмистров, Жидкова, 2016; Жучкова, Ротмистров, 2019]. Кроме этого, мы полагаем, что дерево классификации будет более понятно для читателей без специальной подготовки в области статистики, чем регрессионные модели.

В общем виде деревья классификации работают следующим образом:

1. Исследователь задает зависимую переменную, а также независимые переменные, которые могут (но не обязательно будут, в отличие от логистической регрессии) использоваться в модели.
2. Модель последовательно выбирает переменные и критерии деления по этим переменным, которые лучше всего снижают разнородность в распределении зависимой переменной и таким образом выделяют однородные

по распределению зависимой переменной группы. Можно сказать, что деревья классификации — это «умные» многослойные таблицы сопряженности, в которых в столбцах находятся категории зависимой переменной (например, куда пошел ребенок после 9-го класса: в 10-й класс или СПО), а в строках — комбинации категорий независимых переменных (например, «девочки и отличницы и из больших городов»).

3. Ветвление дерева в конкретной группе, то есть выделение дальнейших подгрупп, останавливается, когда достигаются определенные значения параметров модели, заданные исследователем. Например, когда достигнуто минимально допустимое количество наблюдений в подгруппе и/или количество уровней вложенных друг в друга подгрупп достигло заданного предела (глубина дерева). Ветвление дерева в конкретной группе также может быть остановлено, когда дальнейшее деление на подгруппы не снизит разнородность в распределении зависимой переменной.

Более подробно история, преимущества, разновидности деревьев классификации и их сравнение с другими методами представлены в ряде работ [Ротмистров, Жидкова, 2016; Тенишева, Савельева, Александров, 2018; Жучкова, Ротмистров, 2019].

Для выделения сочетаний социального, территориального и гендерного неравенства образовательных траекторий в контексте успеваемости учащегося было построено дерево классификации методом исчерпывающего CHAID (Chi-square Automatic Interaction Detection), в основе которого лежит использование статистики Хи-квадрат для выделения независимых переменных, наиболее связанных с зависимой переменной. В нашем случае зависимая переменная — это образовательная траектория на момент 18—19 лет, а независимые — средний балл, пол, образование родителей и тип населенного пункта.

Ниже перечислены некоторые параметры тюнинга модели, использовавшиеся в финальной версии дерева. Модели разрешалось переразделять склеенные категории внутри узла. Так, если на предыдущем этапе ветвления дерева какие-то категории были склеены, то на последующих этапах ветвления допускалось разделение этих категорий, если это снижало разнородность распределения зависимой переменной и позволяло выделить более однородные группы на следующем уровне ветвления дерева. И для разделения узлов, и для склеивания категорий был установлен уровень значимости 0,05. Минимальное количество наблюдений в родительском узле (группе, которая может быть разделена на подгруппы) — 100, в конечном узле (подгруппе, которая дальше не делится) — 50. Интервальная переменная разбивается максимум на 4 категории; максимальная допустимая глубина дерева — 5.

Результаты⁶

Получившееся дерево имеет всего 31 группу (узел), из которых конечными, то есть не делящимися в текущей спецификации модели на более мелкие подгруппы, являются 19 подгрупп (узлов). Эта модель правильно классифицирует по траекториям 56,5% наблюдений.

⁶ Описательная статистика по всем переменным приведена в приложении.

Первичным фактором, дифференцирующим школьников по образовательным траекториям, является *успеваемость*, измеренная через средний балл по основным предметам в 8-м классе. Модель делит школьников по среднему баллу на четыре группы приблизительно одинакового размера: ~25%. Это условие было эксплицитно задано на этапе спецификации модели, дабы избежать появления мало наполненных групп, которые не дифференцировались бы в дальнейшем по другим факторам в силу своего небольшого размера и заданных ограничений модели.

Итак, получившиеся четыре группы можно условно назвать следующим образом:

- 1) троечники (средний балл $\leq 3,25$);
- 2) средняя успеваемость (средний балл $\in (3,25, 3,75]$);
- 3) хорошисты (средний балл $\in (3,75, 4,125]$);
- 4) отличники (средний балл $> 4,125$).

Дифференциация образовательных траекторий по успеваемости имеет ожидаемую взаимосвязь: чем выше средний балл, тем более распространены академические траектории (в вузы) и менее — траектории «в СПО» и «окончание формального обучения после школы» (см. рис. 1). Однако если рассмотреть группы и траектории более детально, мы увидим, что взаимосвязь между ними неоднородна и, возможно, нелинейна. Так, доли поступивших в неселективные вузы среди хорошистов и отличников статистически не различаются (53% и 52% соответственно). Однако среди отличников почти в 2,5 раза больше поступивших в селективные вузы (29% против 13%). Таким образом, отличники не просто чаще поступают в вузы, а чаще поступают именно в селективные вузы, тогда как доля поступивших в неселективные вузы такая же, как и среди хорошистов.

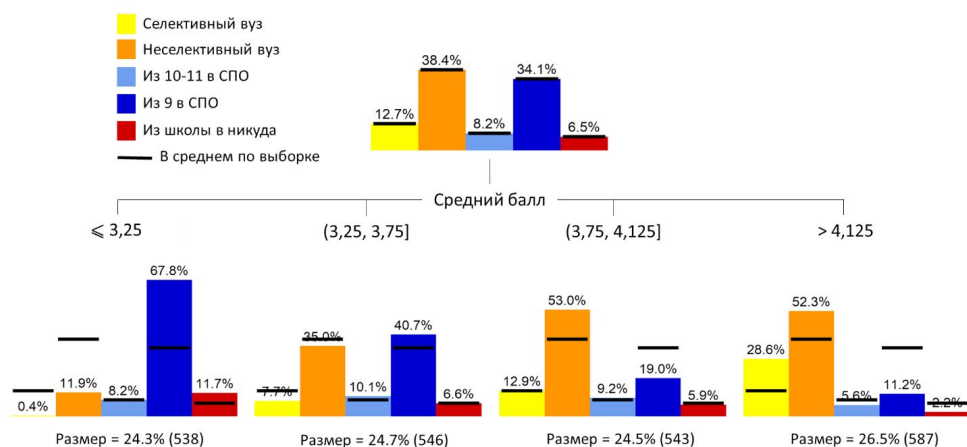

Рис. 1. Первый уровень дерева классификации: образовательные траектории в разрезе групп по среднему баллу

Интересно, что траектория «в систему СПО после перехода в 10-й класс» одинаково распространена среди троечников, учеников со средней успеваемостью (3—4) и хорошистов — 8%, 10% и 9% соответственно. По-видимому, для всех, кроме отличников, оценки не являются ключевым фактором, влияющим на принадлежность к этой траектории. Также можно заметить, что распространенность траектории «окончание формального обучения после школы» пусть и снижается по мере роста среднего балла, но среди учеников со средней успеваемостью и хорошистов практически не различается: 7% и 6% соответственно (см. рис. 1).

Далее мы последовательно рассмотрим ветвление дерева для каждой из групп по успеваемости, начав с троечников (левая группа на рис. 1).

Троечники

Для троечников следующим фактором, дифференцирующим их по образовательным траекториям, выступает образование родителей (см. рис. 2). Среди троечников из семей с высшим образованием доля поступивших в вузы составляет 31%, тогда как из семей без высшего образования таких только 7%. Причем наличие высшего образования у родителей связано только с поступлением в неселективные вузы, тогда как для селективных разница между троечниками из семей с ВО (здесь и далее ВО — высшее образование) и без ВО отсутствует. То есть троечники из семей с ВО чаще поступают в неселективные вузы, чем троечники из семей без ВО, но в случае селективных вузов различия между ними нет. Доля поступивших в СПО меньше среди детей из семей с ВО.

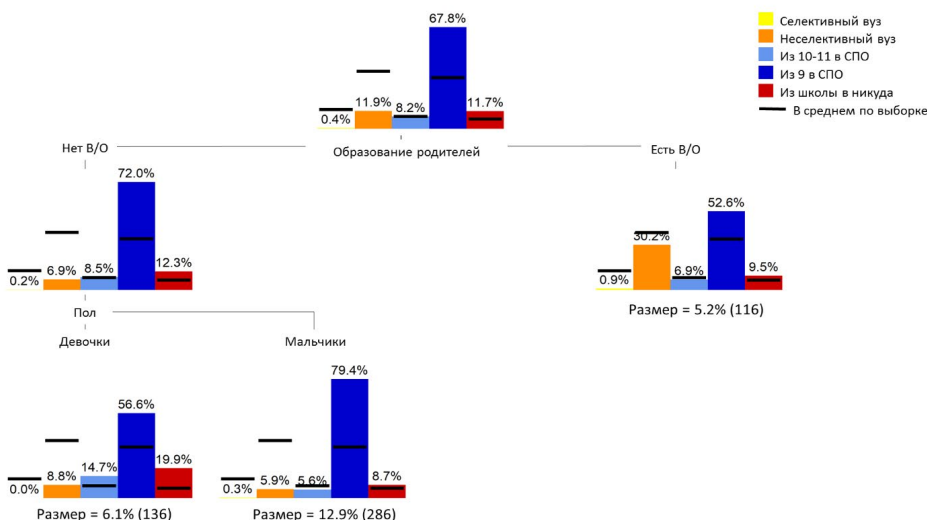

Рис. 2. Ветвление дерева классификации для троечников

Для троечников из семей без ВО дальнейшим фактором дифференциации выступает пол. Среди девочек-троечниц из семей без ВО на 23 п. п. менее распространены траектории «в СПО после 9-го класса», чем среди мальчиков: 79%

и 57 % соответственно. В то же время среди девочек почти в три раза популярнее траектории «в СПО после 10—11-го классов» (15 % против 6 % соответственно) и в два раза чаще встречается «окончание формального обучения после школы» (20 % и 9 % соответственно). Отметим, что именно в этой группе — девочки-тройчатки из семей без ВО — наиболее распространена практика окончания формального обучения после школы: 20 %, тогда как в среднем по выборке — 7 %. Мы можем предположить, что прекращение образования для этой группы может быть связано с выходом на рынок труда, формированием семьи и рождением детей, попаданием в категорию NEET (Not in education, employment or training). Вероятность попасть в эту категорию выше для девушек, чем для юношей, а также для тех, у кого ниже уровень образования [Варшавская, 2015].

Ученики со средней успеваемостью

Для группы учеников со средним баллом € (3,25, 3,75] дифференцирующим фактором также выступает образование родителей (см. рис. 3). Если среди детей из семей без ВО преобладающими являются траектории «в СПО» (суммарно 63 %), то у детей из семей с ВО более популярны траектории «в ВО» (56 %). Следующим фактором, по которому проводится дифференциация образовательных траекторий как для детей из семей с ВО, так и без него, является тип населенного пункта.

Модель делит учеников со средней успеваемостью (3—4) из семей без ВО на три группы по типам населенных пунктов, в которых они проживают: село и ПГТ, города с населением до 100 тыс., города с населением > 100 тыс. По мере роста условной урбанизированности населенного пункта доля траекторий «в СПО» снижается, «в ВО» — увеличивается. Однако эта связь неоднородна по типам траекторий «в СПО». Так, в селах и ПГТ доля поступивших в СПО после 9-го класса на 15 п. п. меньше, чем в малых городах (с населением до 100 тыс.): 68 % и 53 %. Однако доля выбравших СПО после 10—11-го классов в три раза выше — 3 % и 15 % соответственно. Эти различия могут быть связаны с разной доступностью организаций СПО в селах и ПГТ, с одной стороны, и в малых городах — с другой. Для того чтобы перейти в колледж или техникум, особенно после окончания 9-го класса, важна их близость к месту проживания, так как обычно колледжи не предоставляют общежития. С другой стороны, после окончания 10—11-го классов совершить переезд уже проще. Если в селах и ПГТ 5 % школьников со средней успеваемостью из семей без ВО идут в вузы, то в городах с населением > 100 тыс. таких уже 45 %.

Что касается учеников со средней успеваемостью из семей с ВО, то они также делятся на три группы по типам населенных пунктов: село и ПГТ, города с населением до 680 тыс. и города с населением >680 тыс. человек.

Среди жителей сёл и ПГТ преобладают траектории «в СПО» (суммарно 61 %), тогда как среди жителей городов (две другие «городские» подгруппы) — «в ВО». Отметим, что среди учеников со средней успеваемостью из семей с ВО, живущих в селах и ПГТ, наблюдается наибольшая по сравнению с другими группами в выборке доля тех, кто выбрал СПО после 10—11-го классов — 21 % (в среднем по выборке показатель составляет 8 %). Возможно, это связано с тем, что дети со средней успеваемостью получают в том или ином виде сигнал о выборе академического трека («в ВО») от родителей с высшим образованием. Однако в старших

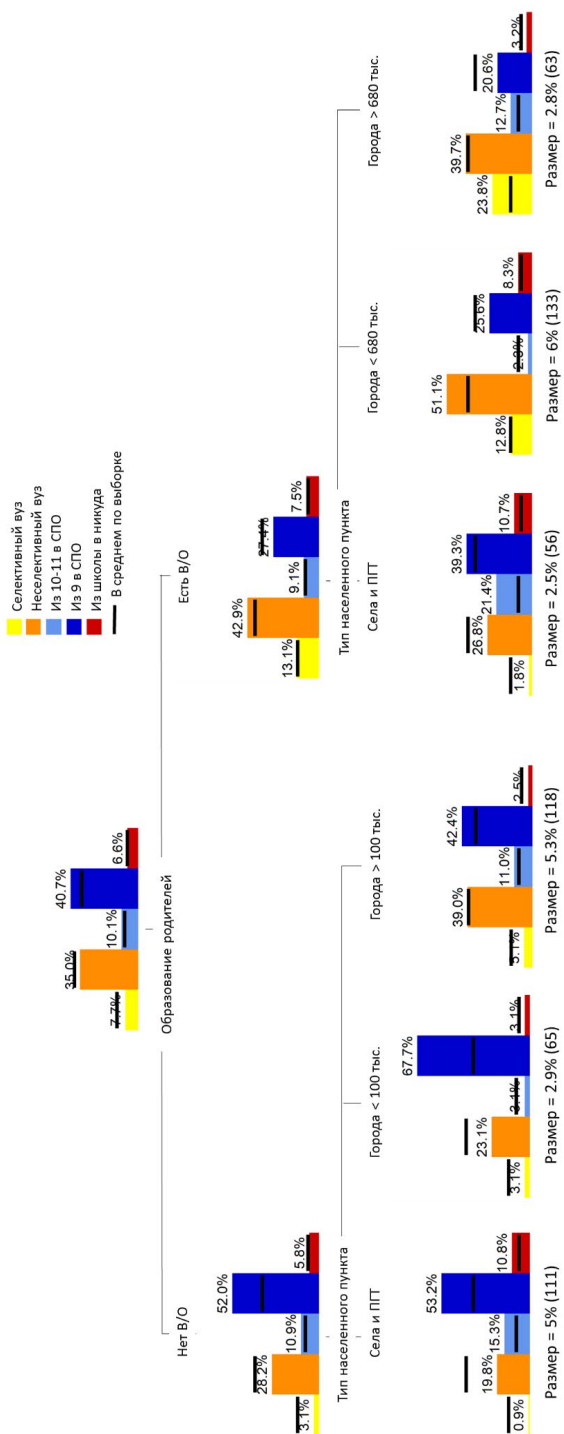

Рис. 3. Ветвление дерева классификации для учеников со средней успеваемостью (3—4)

классах они понимают, что не смогут поступить в вуз. Вероятно, в числе причин также — ограниченное количество образовательных ресурсов для успешной сдачи ЕГЭ: в сельских школах меньше хороших учителей, меньше репетиторов, которые могут подготовить к ЕГЭ на уровне, достаточном для поступления в вуз.

Доли траекторий «в ВО» среди учеников со средней успеваемостью из семей с ВО в городах с населением до 680 тыс. и с населением больше 680 тыс. примерно равны: 64 % и 65 % соответственно. Однако если в малых и средних городах только 13 % таких детей поступают в селективные вузы, то среди жителей больших городов их уже около 24 %. Таким образом, в малых и средних городах дети с одинаковой успеваемостью и одинаковым семейным бэкграундом реже поступают в селективные вузы, чем дети из больших городов. С одной стороны, это можно объяснить тем, что в крупных городах больше образовательных ресурсов для подготовки к ЕГЭ и олимпиадам. С другой стороны, в них также больше селективных университетов, что дает преимущество — можно учиться в одном из таких вузов, не переезжая в другой город. Тогда как дети из малых и средних городов могут делать выбор в пользу неселективных университетов в родных населенных пунктах, имея при этом возможность поступить в селективный вуз в другом городе. Помимо удобства, причины поступления в неселективные вузы могут быть связаны с более скромным уровнем образовательных притязаний учащихся и их семей, проживающих в малых городах.

Хорошисты

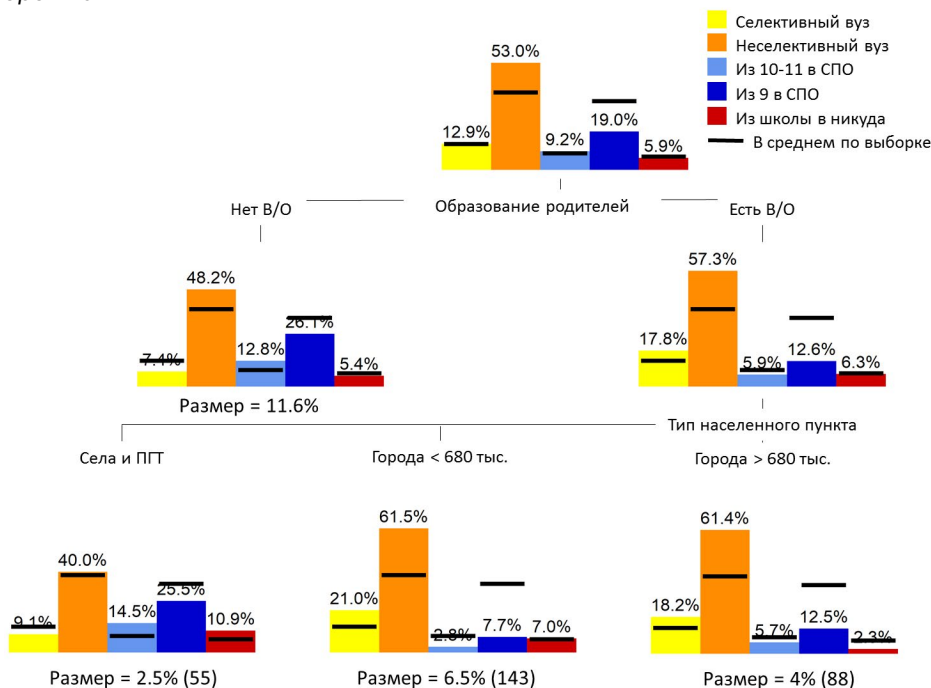

Рис. 4. Ветвление дерева классификации для хорошистов

Что касается хорошистов, то для них дифференцирующим фактором также выступает образование родителей (см. рис. 4). Если среди хорошистов из семей без ВО доля поступивших в вуз равна 56 %, то из семей с ВО таких уже 75 %. Дальше модель делит эту группу на подгруппы по типам населенных пунктов: село и ПГТ, города с населением до 680 тыс. и города с населением > 680 тыс. человек. Среди хорошистов из семей с ВО, проживающих в селах и ПГТ, траектории «в СПО» относительно распространены — их выбрали 40 % представителей данной группы. В то же время среди жителей городов доля выбравших эти траектории составляет только 10—18 %; 80—83 % выбирают траектории «в вузы». Интересно, что распределение траекторий «в вузы» среди жителей городов с населением до 680 тыс. и более крупных городов одинаково с точки зрения поступления как в селективные, так и в неселективные вузы. То есть для хорошистов из семей с ВО проживание в крупных городах не связано с большей вероятностью поступления в высшие учебные заведения. Для них выше вероятность поступления в СПО (по сравнению с менее крупными городами и селами) за счет снижения распространенности траектории «в никуда» после школы: в селах и ПГТ — 10 %, в городах с населением до 680 тыс. — 7 %, в крупных городах — 2 %.

Отличники

Интересно, что следующим после успеваемости фактором, дифференцирующим отличников по образовательным траекториям, является не образование родителей (как для других групп по успеваемости), а тип населенного пункта (см. рис. 5). Модель делит респондентов на отличников из сёл и ПГТ, нестоличных городов и столиц (Москва и Санкт-Петербург). Основное различие между отличниками из разных типов поселений заключается в качественной разнородности траекторий «в ВО». Так, если среди отличников из сёл и ПГТ является траектория «в неселективные вузы», то среди отличников из Москвы и Санкт-Петербурга более распространены траектории «в селективные вузы». Эта единственная группа, где поступление в селективные вузы является доминирующей траекторией. Заметим, что общие доли поступающих в вузы в нестоличных городах и столицах статистически не различаются — 88 % и 80 % соответственно. Однако в нестоличных городах только каждый третий (31 %) отличник поступает в селективный вуз.

Отличники из сёл демонстрируют и траектории «в СПО» — суммарно 29 %. Следующим фактором дифференциации для отличников из сёл и ПГТ является образование родителей. Основное различие между отличниками из сёл из семей с ВО и без него пролегает в плоскости выбора между неселективными вузами и системой СПО. Среди первых только 17 % отличников поступают в СПО и 65 % — в неселективные вузы. В то же время в сельских семьях без ВО СПО выбирают 40 % отличников, а неселективные вузы — 44 %. Доли поступивших в селективные вузы статистически не различаются между сельскими отличниками из семей с ВО и без него: 15 % и 13 % соответственно.

Для жителей нестоличных городов следующее деление также происходит по образованию родителей. Однако в случае отличников не из Москвы и Санкт-Петербурга различия между наличием и отсутствием в семье ВО пролегают в каче-

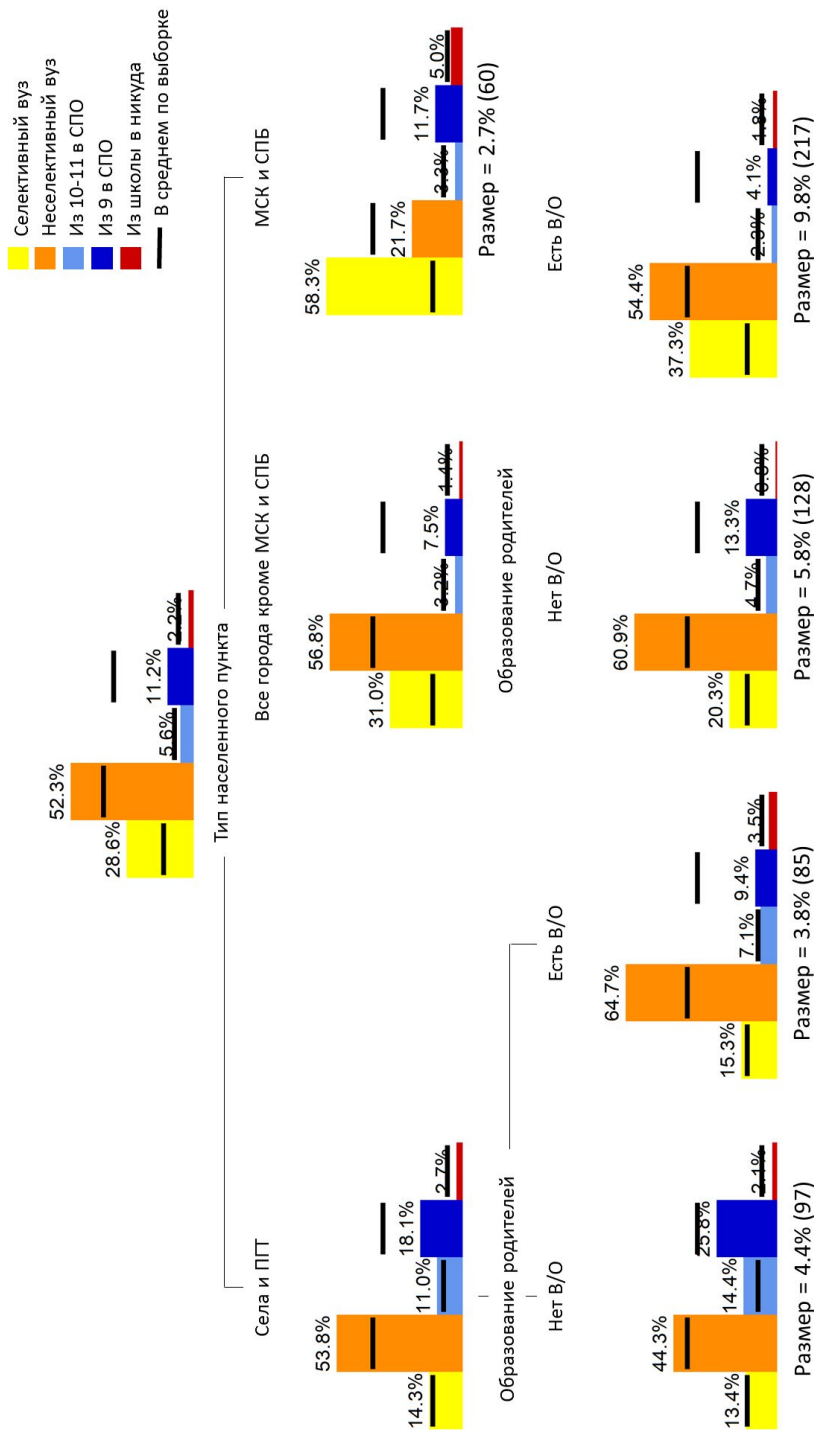

Рис. 5. Ветвление дерева классификации для отличников

ственной разнородности траекторий «в ВО». Так, отличники из нестоличных городов из семей с ВО почти в два раза чаще поступают в селективные вузы по сравнению с их сверстниками из семей без ВО: 37 % и 20 % соответственно.

Таким образом, мы наблюдаем разный эффект от наличия высшего образования в семье для отличников из сёл и нестоличных городов. Если для первых наличие ВО в семье связано с большей вероятностью поступить в неселективный вуз и с меньшей — пойти в СПО по сравнению с отличниками из семей без ВО, то для вторых (жителей нестоличных городов) высшее образование в семье связано с большей вероятностью поступить в селективный вуз.

Обсуждение результатов

Нашей целью было исследование социального, территориального и гендерного неравенства при формировании образовательных траекторий. Результаты моделирования позволили показать, как оценки, образование родителей, место жительства и пол сочетаются в контексте разных образовательных траекторий. Основным результатом анализа является наглядная демонстрация того, что картина неравенства разнородна. Среди многообразия сочетаний факторов неравенства можно выделить несколько тенденций. Во-первых, наиболее важный фактор, дифференцирующий изучаемые нами траектории, — школьная успеваемость. Во-вторых, для группы отличников определяющим фактором выступает место проживания, а уже затем — образование родителей. В-третьих, для остальных групп учащихся (троечников, учеников со средней успеваемостью и хорошистов) социальное происхождение, напротив, является наиболее важным фактором. В-четвертых, единственной группой, для которой при выборе дальнейшей траектории оказался важен пол, стали «девочки с низкой успеваемостью из семей без высшего образования».

Что означают эти результаты в контексте теории о первичных и вторичных эффектах? В рамках этой теории постулируется, что социальное происхождение оказывает влияние на формирование образовательных траекторий двумя способами. Первичные эффекты проявляются в том, что дети из более привилегированных слоев лучше учатся и поэтому попадают на академические траектории, а вторичные — в том, что даже при одинаковой успеваемости привилегированные семьи склонны делать выбор в пользу более престижных траекторий. Фиксируя успеваемость в качестве ключевого фактора, дифференцирующего траектории, мы принимаем во внимание, что социально-экономическое неравенство проявляется в уровне успеваемости. Другими словами, фактор успеваемости не очищен от влияния социально-экономического неравенства. Более того, он также не очищен и от влияния пола — девочки лучше учатся в школе и поэтому чаще выбирают академический трек.

Для выделенных на основе успеваемости групп обнаружены некоторые отличия (речь идет о влиянии социально-экономического и территориального неравенства). Так, образовательные траектории отличников в наибольшей степени связаны с типом населенного пункта, в котором они проживают (Москва, Санкт-Петербург, нестоличный город или село/поселок городского типа). Уровень образования родителей для этой группы менее важен. Зависимость траекторий

отличников от места проживания может быть объяснена в контексте географии образовательных возможностей. Территориальная доступность селективных вузов для школьников из столичных городов, по-видимому, играет непосредственную роль в формировании образовательных траекторий. Так, это единственная группа, в которой траектория «школа — селективный вуз» наиболее распространена. Школьники с максимальной успеваемостью из нестоличных городов и сельской местности поступают в основном в неселективные вузы.

Для других групп по успеваемости (хорошистов, учеников со средней успеваемостью и троечников) картина отличается: социальное происхождение оказывается более важным фактором. Эти результаты согласуются с исследованиями вторичных эффектов социального неравенства, когда при одинаковой успеваемости более престижную траекторию склонны выбирать дети из более привилегированных семей. Кроме того, важность социально-экономического положения семьи при менее высокой успеваемости согласуется с положениями теории компенсаторного преимущества: в более привилегированных семьях могут быть задействованы дополнительные ресурсы для компенсации низких оценок и повышения шансов детей получить более высокий уровень образования. Это приводит к большему социальному неравенству среди учеников со слабой успеваемостью.

Единственная группа, для которой значимым фактором формирования траекторий выступает пол, — это группа девочек с низкой успеваемостью, у родителей которых нет высшего образования. Во-первых, девочки по сравнению с мальчиками реже идут в СПО после 9-го класса и чаще — после 11-го. Эта разница в траекториях может объясняться различными социальными и культурными механизмами и институциональными особенностями и требует отдельного изучения. Во-вторых, для этой группы характерна большая доля тех, кто после 9-го или 10—11-го классов не продолжил обучение ни в колледже, ни в вузе (20 % по сравнению с 7 % в среднем по выборке). Вероятно, прекращение образования для этой группы может быть связано либо с выходом на рынок труда, созданием семьи, либо попаданием в категорию не включенных в образование, занятость и обучение (NEET).

Выделенная в результате анализа группа девочек с низкой успеваемостью из семей без высшего образования — пример группы, для которой продолжение обучения после школы менее доступно. Результаты исследования дают возможность выделить и другие уязвимые группы (сочетание социально-экономического и территориального неравенства, усиливающее друг друга). Практическое применение этих результатов возможно в сфере социальной политики, например, в сфере обеспечения доступности высшего образования. Предполагаем, что они могут использоваться для разработки таргетированного инструмента поддержки наиболее незащищенных групп при поступлении в вузы.

В анализе мы используем переменную, отражающую среднюю успеваемость учащихся за 8-й класс. На наш взгляд, успеваемость дает ученику, учителям, школе сигналы о знаниях и возможностях, которые открыты в образовании дальше. Использование этой переменной, однако, накладывает ограничения на наш анализ. Так, школьные оценки не полностью объективны, зависят не только от знаний

учеников, но и от подхода к оцениванию, принятому в школе или классе: «пятерки» по математике в классе с углубленным изучением данного предмета и сельской школе могут говорить о разном уровне знаний. Кроме того, субъективность в оценивание вносит и история отношений учителей и учеников. Также на оценки могут оказывать влияние социально-культурные различия между учителями и учениками. Поэтому следующим шагом в развитии исследования может быть использование более объективных переменных, отражающих знания учащихся, — результатов тестов TIMSS-2011 и PISA-2012, в которых приняли участие большинство участников панели.

Одним из ограничений исследования является то, что переменная «тип населенного пункта» может не всегда точно измерять географию образовательных возможностей. Например, сёла или ПГТ могут находиться на небольшом расстоянии от столичных городов. В этом случае для проживающих в них школьников образовательные ресурсы столиц будут более доступны, чем для жителей больших городов, удаленных от «центра». Поэтому исследование территориального неравенства можно продолжить, используя в качестве переменной расстояние от места проживания школьников до селективных и неселективных вузов, а также до колледжей. Кроме того, можно измерить количество таких учебных заведений на небольшом расстоянии от места жительства выпускника. Это позволит более точно идентифицировать территории, которые являются «образовательными оазисами» или «образовательными пустынями».

Заключение

Использование дескриптивного моделирования с помощью дерева классификации позволило выделить разнообразие сочетания социального, территориального и гендерного неравенства при формировании образовательных траекторий в разрезе групп по успеваемости. Первичным фактором дифференциации молодежи по образовательным траекториям является успеваемость, однако внутри групп по успеваемости сочетания различных типов неравенств неоднородны. Так, если для отличников первичным фактором дифференциации выступает место проживания, а уже затем социальный бэкграунд семьи, то для групп с более низкой успеваемостью — наоборот. Более того, сочетания этих факторов по-разному связаны с образовательными траекториями.

Полученные результаты открывают огромное поле для более детальных исследований механизмов воспроизводства неравенства в образовании в целом и в образовательных траекториях в частности. Например, почему для отличников из сёл наличие высшего образования в семье связано только с большими шансами поступления в неселективные вузы, но не в селективные, а для отличников из нестоличных городов — наоборот? Какую роль здесь играет доступность образования и наличие образовательных ресурсов, а какую — эффект образовательных притязаний сверстников? Или, например, почему среди троечников из семей без высшего образования девочки чаще, чем мальчики, идут в СПО после 10—11-го классов или заканчивают образование после школы? Какое значение имеют гендерные роли и стереотипы? Как влияют институциональные стимулы в виде службы в армии по призыву для юношей?

Список литературы

Абанкина И. В., Филатова Л. М. Доступность дошкольного образования // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 216—246. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-216-246>.

Abankina I. V., Filatova L. M. (2018) Accessibility of Preschool Education. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 216—246. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-216-246>. (In Russ.)

Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. М. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83—109. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>.

Bessudnov A. R., Kurakin D. Y., Malik V. M. (2017) The Myth about Universal Higher Education: Russia in the International Context. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 83—109. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>. (In Russ.)

Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. М., Янбарисова Д. М. Бюллетень Российского лонгитюдного панельного исследования образовательных и трудовых траекторий. Национальная панель: первая волна (2011—2012). М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Bessudnov A. R., Kurakin D. Yu., Malik V. M., Yanbarisova D. M. (2014) Bulletin of the Russian Panel Longitudinal Study on Trajectories in Education and Careers. National Panel: The First Wave (2011—2012). Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Бессуднов А. Р., Малик В. М. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 135—167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>.

Bessudnov A. R., Malik V. M. (2016) Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 135—167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>. (In Russ.)

Варшавская Е. Я. Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 40—46. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2015-0-4-40-46>.

Varshavskaya E. Ya. (2015) Youth Excluded from Participating in the Education System And in the Labour Market of the EU Countries and Russia. *Voprosy statistiki*. No. 4. P. 40—46. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2015-0-4-40-46>. (In Russ.)

Жучкова С. В., Ротмистров А. Н. Поиск многомерной связи категориальных признаков: сравнение CHAID, логлинейного анализа и множественного анализа соответствий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 32—53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.02>. Zhuchkova S. V., Rotmistrov A. N. (2019) In Search of Multivariate Associations: Comparison of CHAID, LogLinear Analysis, and Multiple Correspondence Analysis.

Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 2. P. 32—53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.02>. (In Russ.)

Захаров А. Б., Адамович К. А. Региональные различия в доступе к образовательным ресурсам, в академических результатах и в траекториях российских учащихся // *Экономическая социология*. 2020. Т. 21. № 1. С. 60—80.

Zakharov A. B., Adamovich K. A. (2020) Regional Differences in Access to Educational Resources, Academic Results and Students' Trajectories in Russia. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 21. No. 1. P. 60—80. (In Russ.)

Качество приема в российские вузы — 2015 / под ред. М. С. Добряковой, Я. И. Кузьмина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

Dobryakova M. S., Kuzminov Ya. I. (eds.) *Quality of Admission to Russian Universities — 2015*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2016. (In Russ.)

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Рощина Я. М. Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения // *Вопросы образования*. 2006. № 2. С. 186—202.

Konstantinovskiy D. L., Vakhshtain V. S., Kurakin D. Yu., Roschina Ya. M. (2006) Access to Quality Education in Russia: Opportunities and Constraints. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 186—202. (In Russ.)

Ротмистров А. Н., Жидкова П. А. Логистическая регрессия с категориальными предикторами и эффектами взаимодействия и CHAID: сравнительный анализ на эмпирическом примере // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М)*. 2016. № 43. С. 63—99.

Rotmistrov A. N., Zhidkova P. A. (2016) Logistic Regression Using Categorical Predictors and Interaction Effects and CHAID: a Comparative Analysis Based on an Empirical Example. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modelling (4M)*. No. 43. P. 63—99. (In Russ.)

Тенишева К. А., Савельева С. С., Александров Д. А. Применение метода условных деревьев решений к моделированию выбора школы родителями // *Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М)*. 2018. № 46. С. 44—84.

Tenisheva K. A., Savelieva S. S., Alexandrov D. A. (2018) Method of Conditional Inference Decision Trees for Modeling Parental School Choice. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modelling (4M)*. No. 46. P. 44—84. (In Russ.)

Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 19. № 4. С. 539—554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>.

Khavenson T. E., Chirkina T. A. (2019) Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 4. P. 539—554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>. (In Russ.)

Чиркина Т. А. Социально-экономическое положение и выбор образовательной траектории учащимися: теоретические подходы к изучению взаимосвязи // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 3. С. 109—125.

Chirkina T. A. (2018) Review of Theoretical Approaches to the Study of the Relationship between Students' Socio-Economic Status and Educational Choice. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 19. No. 3. P. 109—125. (In Russ.)

Babones S. (2016) Interpretive Quantitative Methods for the Social Sciences. *Sociology*. Vol. 50. No. 3. P. 453—469. <https://doi.org/10.1177/0038038515583637>.

Bernardi F. (2014) Compensatory Advantage as a Mechanism of Educational Inequality: A Regression Discontinuity Based on Month of Birth. *Sociology of Education*. Vol. 87. No. 2. P. 74—88. <https://doi.org/10.1177/0038040714524258>.

Bernardi F., Boado H.-C. (2014a) Social Class and School Performance as Predictors of Educational Paths in Spain. *Revista Española de Investigaciones Sociológicas*. Vol. 146. P. 3—22. <https://doi.org/10.5477/cis/reis.146.3>.

Bernardi F., Boado H.-C. (2014b) Previous School Results and Social Background: Compensation and Imperfect Information in Educational Transitions. *European Sociological Review*. Vol. 30. No. 2. P. 207—217. <https://doi.org/10.1093/esr/jct029>.

Bernardi F., Triventi M. (2020) Compensatory Advantage in Educational Transitions: Trivial or Substantial? A Simulated Scenario Analysis. *Acta Sociologica*. Vol. 63. No. 1. P. 40—62. <https://doi.org/10.1177/0001699318780950>.

Bessudnov A., Makarov A. (2015) School Context and Gender Differences in Mathematical Performance among School Graduates in Russia. *International Studies in Sociology of Education*. Vol. 25. No. 1. P. 63—81. <https://doi.org/10.1080/09620214.2014.1000937>.

Boudon R. (1974) Education, Opportunity, and Social Inequality. New York, NY: John Wiley & Sons.

Breen R., Goldthorpe J. H. (1997) Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory. *Rationality and Society*. Vol. 9. No. 3. P. 275—305. <https://doi.org/10.1177/104346397009003002>.

Breen R., Jonsson J. O. (2000) Analyzing Educational Careers: A Multinomial Transition Model. *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 5. P. 754—772. <https://doi.org/10.2307/2657545>.

Breen R., Jonsson J. O. (2005) Inequality of Opportunity in Comparative Perspective: Recent Research on Educational Attainment and Social Mobility. *Annual Review of Sociology*. Vol. 31. No. 1. P. 223—243. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.31.041304.122232>.

Buchmann C., DiPrete T. A., McDaniel A. (2008) Gender Inequalities in Education. *Annual Review of Sociology*. Vol. 34. No. 1. P. 319—337. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.34.040507.134719>.

Byun S.-Y., Meece J. L., Irvin M. J. (2012) Rural-Nonrural Disparities in Postsecondary Educational Attainment Revisited. *American Educational Research Journal*. Vol. 49. No. 3. P. 412—437. <https://doi.org/10.3102/0002831211416344>.

Francesconi M., Slonimczyk F., Yurko A. (2019) Democratizing Access to Higher Education in Russia: The Consequences of the Unified State Exam Reform. *European Economic Review*. Vol. 117. P. 56—82. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2019.04.007>.

Hillman N. W. (2016) Geography of College Opportunity: The Case of Education Deserts. *American Educational Research Journal*. Vol. 53. No. 4. P. 987—1021. <https://doi.org/10.3102/0002831216653204>.

Jackson M. (ed.) *Determined to Succeed? Performance versus Choice in Educational Attainment*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2013.

Karlson K. B., Holm A., Breen R. (2012) Comparing Regression Coefficients Between Same-Sample Nested Models Using Logit and Probit: A New Method. *Sociological Methodology*. Vol. 42. No. 1. P. 286—313. <https://doi.org/10.1177/0081175012444861>.

van de Kerckhove W., Mohadjer L., Krenzke T. A. (2014) A Weight Trimming Approach to Achieve a Comparable Increase to Bias across Countries in the Programme for International Assessment of Adult Competencies. In: *JSM Proceedings, Survey Research Methods Section*. Alexandria, VA: American Statistical Association. P. 655—666.

Kosyakova Yu., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) The Reproduction of Social Inequality within the Russian Educational System. In: Blossfeld H.-P., Buchholz S., Triventi M. (eds.) *Models of Secondary Education and Social Inequality: An International Comparison*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing. P. 323—342. <https://doi.org/10.4337/9781785367267.00031>.

Kryst E. L., Kotok S., Bodovski K. (2015) Rural/Urban Disparities in Science Achievement in Post-Socialist Countries: The Evolving Influence of Socioeconomic Status. *Global Education Review*. Vol. 2. No. 4. P. 60—77.

Lindberg S. M., Hyde J. S., Petersen J. L., Linn M. C. (2010) New Trends in Gender and Mathematics Performance: A Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*. Vol. 136. No. 6. P. 1123—1135. <https://doi.org/10.1037/a0021276>.

López Turley R. N. (2009) College Proximity: Mapping Access to Opportunity. *Sociology of Education*. Vol. 82. No. 2. P. 126—146. <https://doi.org/10.1177/003804070908200202>.

Malik V. (2019) The Russian Panel Study ‘Trajectories in Education and Careers’. *Longitudinal and Life Course Studies*. Vol. 10. No. 1. P. 125—144. <https://doi.org/10.1332/175795919x15468755933416>.

Marks G. N. (2007) Accounting for the Gender Gap in Reading and Mathematics: Evidence from 31 Countries. *Oxford Review of Education*. Vol. 34. No. 1. P. 89—109. <https://doi.org/10.1080/03054980701565279>.

Morgan S. L. (2012) Models of College Entry in the United States and the Challenges of Estimating Primary and Secondary Effects. *Sociological Methods & Research*. Vol. 41. No. 1. P. 17—56. <https://doi.org/10.1177/0049124112440797>.

OECD (2006) Education at a Glance: OECD Indicators. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development.

Potter F., Zheng Y. (2015) Methods and Issues in Trimming Extreme Weights in Sample Surveys. In: *Proceedings of the American Statistical Association. Section on Survey Research Methods. Seattle, Washington, August 8—13, 2015*. Alexandria, VA: American Statistical Association. P. 2707—2719.

Roscigno V. J., Tomaskovic-Devey D., Crowley M. (2006) Education and the Inequalities of Place. *Social Forces*. Vol. 84. No. 4. P. 2121—2145. <https://doi.org/10.1353/sof.2006.0108>.

Shmueli G. (2010) To Explain or to Predict? *Statistical Science*. Vol. 25. No. 3. P. 289—310. <https://doi.org/10.1214/10-sts330>.

Snyder T. D., Dillow S. A. (2008) Digest of Educational Statistics. Washington, DC: National Center for Education Statistics, Institute of Education Sciences, U. S. Department of Education.

Valentine J. C., DuBois D. L., Cooper H. (2004) The Relation between Self-Beliefs and Academic Achievement: A Meta-Analytic Review. *Educational Psychologist*. Vol. 39. No. 2. P. 111—133. https://doi.org/10.1207/s15326985ep3902_3.

Yastrebov G., Kosyakova Yu., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*. Vol. 91. No. 3. P. 224—241. <https://doi.org/10.1177/0038040718779087>.

Приложение 1

Таблица 1. *Описательные статистики переменных*

		Нижняя граница 95% ДИ	% или среднее значение	Верхняя граница 95% ДИ
Образовательные траектории	Селективный ВУЗ	11,2%	12,6%	14,0%
	Неселективный ВУЗ	36,4%	38,5%	40,6%
	Из 11-го в СПО	7,1%	8,2%	9,5%
	Из 9-го в СПО	32,3%	34,3%	36,4%
	Другое	5,4%	6,4%	7,5%
Пол	Женский	48,1%	50,2%	52,3%
Образование родителей	Хотя бы один родитель имеет высшее образование	43,6%	45,8%	47,9%
Тип населенного пункта	Село и ПГТ	28,9%	30,8%	32,8%
	Город с населением до 100 тыс. чел.	19,6%	21,3%	23,1%
	Город с населением 100—680 тыс. чел.	25,7%	27,6%	29,6%
	Город с населением > 680 тыс. чел.	11,6%	13,0%	14,5%
	Москва и Санкт-Петербург	6,1%	7,2%	8,3%
Средний балл по основным предметам в 8-м классе		3,80	3,82	3,85

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1635

С. К. Бекова

БЛАГОПОЛУЧИЕ АСПИРАНТОВ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИК

Правильная ссылка на статью:

Бекова С. К. Благополучие аспирантов: обзор исследований и практик // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 422—442. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1635>.

For citation:

Bekova S. K. (2020) Well-being of Doctoral Students: a Review of Studies and Practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 422—442. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1635>.

БЛАГОПОЛУЧИЕ АСПИРАНТОВ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИК

БЕКОВА Сауле Казржановна — научный сотрудник, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-MAIL: sbekova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4416-2194>

Аннотация. Изучение благополучия в образовании и профессии стало одним из самых актуальных и популярных направлений исследований. Статьи, посвященные различным аспектам благополучия аспирантов, выходят в ведущих журналах по тематике образования и общенаучных изданиях, а университеты разрабатывают программы по формированию благоприятной среды. Благополучие аспирантов рассматривается как залог благополучия во всей академической среде. Однако в России эта тема только набирает популярность. В данной статье автор предлагает обзор проведенных исследований по теме благополучия аспирантов. Представленные варианты определения и способы измерения благополучия, а также описание и анализ основных факторов, которые вносят положительный или негативный вклад в оценку аспирантами своего благополучия, могут быть использованы для формирования исследовательской повестки, а также для соответствующих интервенций с учетом потребностей аспирантов.

Ключевые слова: российская аспирантура, благополучие, аспиранты

WELL-BEING OF DOCTORAL STUDENTS: A REVIEW OF STUDIES AND PRACTICES

Saule K. BEKOVA¹ — Research Fellow
E-MAIL: sbekova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4416-2194>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. Well-being in education and career is one of the most popular areas of research today. Numerous articles devoted to the well-being of doctoral students are being published in the leading education-related and general interest journals; universities are developing programs aimed at building positive environment. Well-being of doctoral research students is key to the entire academic environment. However, in Russia this topic is only starting to gain popularity. The article is an attempt to review the works related to the well-being of doctoral students. The study presenting various definitions and ways to measure well-being, describing and analyzing the basic factors which have a negative or positive impact on the doctoral student assessments of well-being can be useful in future research and interventions taking into account the needs of post-graduate students.

Keywords: Russian doctoral programs, well-being, doctoral students

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) научного проекта № 19-113-50238.

Acknowledgments. The article is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-113-50238.

Введение

Изучение благополучия на уровне аспирантуры в России еще находится в зачаточном состоянии. Сотрудники отделов аспирантуры и другие ответственные за нее должностные лица в ведущих российских вузах отмечают, что эта тема либо не изучается совсем, либо ее изучение только планируется¹. Это во многом вызвано тем, что аспирантура в России столкнулась с огромным количеством проблем, от решения которых зависит развитие всей системы. Это проблемы недофинансирования, совмещения учебы с работой, оттока кадров на внешний рынок труда, девальвации ценности ученой степени, распространения практик нечестного поведения в академической среде [Бедный, Рыбаков, Сапунов, 2017; Терентьев, Бекова, Малошонок, 2018]. Вполне закономерно, что в условиях огромного количества проблем на национальном и институциональном уровне проблемы микроуровня уходят на второй план. Тем не менее это не умаляет их важности. Исследования показывают, что уровень тревожности, стресса и депрессии среди аспирантов существенно выше, чем в целом у населения [Eisenberg et al., 2007; Guthrie et al., 2017; Woolston, 2019]. И это имеет негативные последствия для всех участников процесса. На индивидуальном уровне такие состояния могут вести к серьезному урону здоровью, снижать шансы на успешное завершение аспирантуры, а также иметь негативные последствия для дальнейшего трудоустройства [Stubb, Pyhältö, Lonka, 2011; Pyhältö et al., 2012; Jackson, Michelson, 2015; Weiden et al., 2017]². Риски незавершения обучения и снижения шансов на защиту особенно актуальны для России. В последние годы наблюдается резкое снижение показателей защищаемости, в России в 2017 г. доля выпускников, защитивших диссертацию в срок, составила только 13%³. На организационном и национальном уровне это ведет к потере специалистов высокого уровня, негативному отбору, что ставит под вопрос возможность кадрового обеспечения достижения амбициозных задач по научно-технологическому развитию, особенно в условиях старения академических кадров [Гусев, 2015]. При этом факторами психологических трудностей аспирантов часто становятся как сам характер академической работы, так и способы организации учебного и рабочего процесса

¹ «Низкооплачиваемое рабство без каких-либо гарантий на будущее»: что угрожает психическому здоровью аспирантов // Indicator. 2019. 18 июня. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/aspianaty-psychicheskoe-zdorovie.htm> (дата обращения: 27.06.2020).

² Metcalfe J., Nalden S. (2018) Are We Looking after the Wellbeing of our Doctoral Researchers? EUA Council for Doctoral Education. December 6th. URL: <https://eua-cde.org/the-doctoral-debate/65-are-we-looking-after-the-wellbeing-of-our-doctoral-researchers.html> (дата обращения: 28.06.2020).

³ Программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре и подготовка научных кадров в докторантуре // Федеральная служба государственной статистики. 2020. URL: <https://www.gks.ru/folder/13398> (дата обращения: 28.06.2020).

[Levecque et al., 2017], а значит есть существенное число параметров, на которые можно воздействовать на институциональном уровне.

Целью данной статьи является обзор проведенных исследований благополучия аспирантов для выявления основных групп факторов, которые могут быть связаны с благополучием аспирантов. В условиях ограниченного количества работ по данной теме в России подобный обзор поможет познакомить широкую публику с результатами зарубежных исследований. Исследователям аспирантуры обзор позволит понять, в чем состоит повестка по этой теме, поможет в формировании исследовательских вопросов. Руководителям вузов и научных институтов статья может быть полезна для формирования запросов на исследования, а также для разработки мероприятий по формированию здоровой среды для аспирантов. Ответственным за образовательную политику статья может быть также полезна для разработки соответствующих интервенций с учетом потребностей аспирантов.

Методы

Для достижения целей исследования был проведен систематический обзор литературы на базах публикаций Web of Science, ERIC⁴ и Google Scholar без ограничения года выхода статьи. Использование этих баз позволило включить в обзор статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, а также «серую» литературу [Siddaway, Wood, Hedges, 2019] — диссертации, отчеты и иные аналитические материалы. Расширение списка источников было вызвано спецификой темы: во-первых, тема благополучия аспирантов является относительно новой, и многие материалы могли быть еще не опубликованы в журналах, а во-вторых, тема благополучия тесно связана с практикой, следовательно, существенная доля источников может быть в виде аналитических отчетов и иных аналитических материалов. В качестве поисковых запросов по заголовкам и ключевым словам работ были использованы следующие комбинации: «wellbeing» OR «well being» AND «doctoral» OR «PhD*» OR «postgraduate». Результаты поиска и первичного отбора представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты поиска и первичного отбора (период поиска — январь 2020 г.)

Запрос	Общее количество	Не по теме	Повторы	Недоступные тексты	По теме
Google Scholar	276	203	17	21	35
Web of Science	26	1	6	3	16
ERIC	3	—	—	—	3

На этапе первичного отбора на основе информации из заголовков и аннотаций работ из общего списка были удалены следующие источники:

- дубликаты, в том числе если работа была опубликована в виде препринта, а затем в виде статьи;

⁴ Электронная онлайн-библиотека исследований и информации в области образования (Education Resources Information Center).

- работы не по теме: из-за специфики поискового запроса (наличие слов *doctoral*, *PhD*) в результатах поиска нередко выводились диссертации, где указанные слова относились не к теме исследования, а к статусу автора;
- недоступные тексты: по всем результатам выдачи был проведен поиск полного текста. Из списка были исключены источники, отсутствующие в открытом доступе, например, предоставляемые только сотрудникам одного университета; тексты на других языках кроме русского и английского; аннотации выступлений на конференциях без доступа к полному тексту.

В результате был сформирован список из 54 источников, из которого были удалены 16 повторяющихся работ (разные системы поиска статей выдавали одни и те же результаты), а также добавлены четыре работы на основе изучения списков литературы отобранных источников (они подходили под первоначальные критерии отбора, однако не были найдены в результате первичного поиска в базах цитирования). В итоге были отобраны 42 работы⁵.

Таблица 2. Типы источников, отобранных в результате первичного отбора

Тип источника	Количество
Диссертации	3
Книга	1
Отчет	3
Постер	1
Презентация	2
Статья	32
Итого	42

Затем на основе ознакомления с полными текстами работ был проведен вторичный отбор. Для отбора источников на данном этапе были использованы следующие критерии:

- используются эмпирические данные (исключены четыре обзора);
- используются количественные методы (исключены восемь работ, основанные на качественной методологии);
- удалены два дубликата (диссертация и статья по одному и тому же материалу), а также три работы, где речь шла о *postgraduate students*, но в выборку не входили аспиранты.

Итоговый список работ включает 22 источника.

⁵ Для поиска российских публикаций была использована база РИНЦ (eLibrary.ru). Были использованы следующие поисковые запросы: «благополучие», «аспирант». Однако ни одной работы, содержащей в заголовке эту комбинацию, обнаружено не было.

Предыдущие обзоры по теме

Среди работ, первоначально отобранных для статьи, было четыре обзора:

- обзор по факторам отсева и благополучия [Sverdlik et al., 2018];
- обзор исследований благополучия в аспирантуре [Schmidt, Hansson, 2018];
- обзор исследований влияния среды на психологическое благополучие и здоровье аспирантов [Mackie, Bates, 2019];
- обзор количественных исследований благополучия аспирантов [Scott, Takarangi, 2019].

Все четыре обзора были исключены из дальнейшей работы, так как не содержали авторских эмпирических результатов о факторах благополучия, однако рассмотрим эти работы подробнее, чтобы понять отличие данной статьи от проведенных обзорных исследований и проверить обоснованность создания очередного обзора.

В первой работе авторы объединяют отсев и благополучие под общей рамкой опыта аспирантов во время обучения и предпринимают попытку группировки факторов, определяющих этот опыт [Sverdlik et al., 2018]. Несмотря на то, что часть работы посвящена факторам благополучия, эта статья в первую очередь ориентирована на изучение факторов отсева.

Второй обзор наиболее близок по теме текущему исследованию, так как посвящен исследованиям благополучия аспирантов [Schmidt, Hansson, 2018]. Авторы рассматривают 17 работ и приводят информацию о том, как исследователи понимают благополучие, как они его измеряют, какие использованы теоретические рамки, основные результаты. Авторы также проводят SWOT-анализ рассмотренных исследований. Помимо различия в ключевом вопросе текущий обзор существенно отличается по корпусу обзриваемых статей, так как обзор М. Шмидт и Э. Хенсон опубликован в 2018 г. (обзор включает одну работу 2018 г.), а повышенный интерес к теме благополучия привел к резкому росту количества публикаций в последние два года (см. рис. 2). В данном обзоре существенно расширяется база исследования за счет включения новых работ, не попавших в обзор 2018 г., а также за счет включения прочих источников, помимо статей.

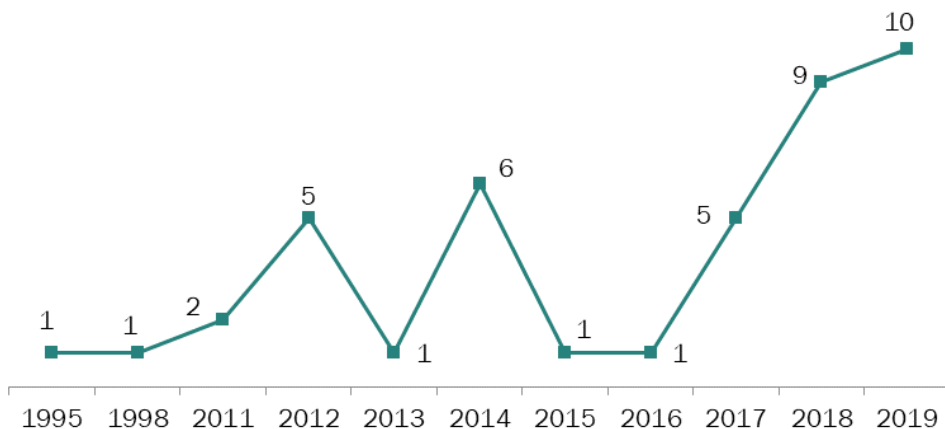

Рис. 1. Распределение источников по дате публикации

Третья работа [Mackie, Bates, 2019] представляет собой скорее обзор статей, посвященных психологическому здоровью. В связи с этим при формировании базы этого обзора использовались системы цитирования, аккумулирующие медицинские статьи и соответствующие поисковые запросы, в итоге корпус изученных статей существенно отличается от представленного в данном обзоре.

Наконец, последний обзор [Scott, Takarangi, 2019] ставит своей задачей рассмотрение понятия благополучия и способов его измерения в проведенных исследованиях. В данной работе это не является основной задачей, однако мы рассмотрим используемые авторами определения благополучия и применяемые в исследованиях инструменты.

Таким образом, предлагаемый обзор ставит отличный от предыдущих обзоров исследовательский вопрос — обзор исследований факторов благополучия аспирантов, а также основывается на ином корпусе работ.

Понимание благополучия и способы его измерения

Благополучие — это комплексное понятие, включающее в себя самые разные аспекты. В исследованиях, посвященных этой теме, авторы по-разному подходят к определению благополучия, а вопрос четкого определения этого понятия все еще остается актуальным [Dodge et al., 2012]. В проанализированных исследованиях аспирантов используются самые разные формулировки и определения: благополучие, социально-психологическое, психологическое, психическое, эмоциональное и субъективное благополучие. Рассмотрим особенности определения, использования и измерения каждого из них.

Психологическое благополучие (Psychological Well-being). Работы, где используется понятие психологического благополучия, фокусируются на чертах, необходимых индивиду для успешного функционирования. В таких исследованиях благополучие — это некое целевое состояние, к которому человек может прийти благодаря наличию у него определенных качеств [Bedilu, 2018; Warner, 2019]. Авторы основываются на подходе К. Рифф, предложившей шестифакторную модель психологического благополучия [Ryff, 1989]. В ее подходе благополучие рассматривается через шесть характеристик индивида, способствующих успеху личности, эмоциональному и физическому здоровью: автономия, личностный рост, принятие себя, позитивные отношения с другими, жизненные цели, компетентность.

Субъективное благополучие (Subjective Well-being) — одно из самых распространенных понятий в работах, посвященных благополучию аспирантов. Все исследования, где применяется это понятие [Pychyl, Little, 1998; Odaci, 2013; Nelson, 2014; Panger, Tryon, Smith, 2014; Nielsen et al., 2017], в целом опираются на определение субъективного благополучия, введенное Э. Динером. Он определяет его как субъективную оценку человеком качества его жизни, включающая когнитивный (оценка удовлетворенности жизнью) и эмоциональный компоненты (положительные и негативные эмоции) [Diener, 1984].

Т. Пичил и Б. Литтл [Pychyl, Little, 1998] измеряют субъективное благополучие через три компонента: позитивное состояние, негативное состояние и удовлетворенность. Для измерения первых двух компонентов респонденту предлагалось девять прилагательных, каждое из которых нужно оценить по семибалльной шкале Лайкерта. Четыре

из них представляли позитивный аффект (счастливый, радостный, удовлетворенный и веселый), остальные пять — негативный (депрессивный, несчастный, потерянный, агрессивный, тревожный). Когнитивный компонент субъективного благополучия измерялся через оценку степени удовлетворенности различными аспектами жизни: общая удовлетворенность, удовлетворенность академической составляющей, общественной жизнью, домом, эмоциональным состоянием, отдыхом, физическим здоровьем. Некоторые авторы используют лишь отдельные элементы структуры, предложенной Э. Динером, например, используют как синонимы субъективное благополучие и удовлетворенность жизнью [Nielsen et al., 2017].

Психическое благополучие (Mental Well-being) / Эмоциональное благополучие. Авторы, использующие эти понятия, рассматривают благополучие как отсутствие психических проблем и расстройств, при этом непосредственному измерению подлежит скорее неблагополучие как наличие психических проблем и расстройств: стресс, истощение, тревожность, потеря интереса, депрессия, выгорание, негативные эмоции, чувства [Pyhältö et al., 2012; Marais et al., 2018; Weiden et al., 2017; Lonka et al., 2014; Lonka et al., 2019; Moate et al., 2019].

Для измерения часто используются различные стандартизированные опросники, например, опросник общего здоровья (General Health Questionnaire, в различных вариантах — 4 или 12 вопросов), шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург (Warwick-Edinburgh Mental Wellbeing Scale — WEMWBS). Такой подход близок к определению, используемому Всемирной организацией здравоохранения, рассматривающей благополучие как важный компонент психического здоровья человека [Scott, Takarangi, 2019].

Благополучие аспирантов (Doctoral / PhD students well-being). Есть группа авторов, использующих понятие благополучия без дополнительных характеристик. Они ориентируются на непосредственный опыт аспирантов и рассматривают его как элемент общего благополучия индивида, которое определяется по большей части их ролью аспиранта и может изменяться под влиянием интервенций на уровне университета [Juniper et al., 2012]. Этот подход базируется на работах в области позитивной психологии, рассматривающих благополучие как процветание, то есть учитывающих помимо удовлетворенности и счастья человека еще и самореализацию, значимые цели, вклад в развитие сообщества и т. д. [Dodge et al., 2012].

Исследователи данной группы пытаются найти операциональное определение и создать специфичный измерительный инструмент именно для группы аспирантов [Stubb, Pyhältö, Lonka, 2012; Juniper et al., 2012; Hargreaves et al., 2017].

В рамках этого подхода авторы рассматривают благополучие как отсутствие проблем, негативно влияющих на благополучие [Juniper et al., 2012]. В ходе интервью с аспирантами они выделили ключевые трудности, с которыми сталкиваются аспиранты во время обучения, а затем в ходе опроса оценили их распространенность. В результате авторы выделили наиболее важные факторы и сгруппировали их в семь ключевых сфер благополучия аспирантов:

- развитие — как аспиранты оценивают возможности для обучения и развития карьеры;
- инфраструктура — предоставляемые университетом возможности, физические пространства, техника и проч.;

- дом и здоровье — то, как роль аспиранта влияет на личную жизнь, психологическое и физическое здоровье;
- исследование — исследовательский опыт;
- социальные аспекты — отношения;
- научный руководитель — отношения с научным руководителем, восприятие его поведения;
- университет — более широкие аспекты деятельности университета (нормы, правила, политика и проч.).

Ш. Моррис и Д. Уискерс [Morris, Wiskers, 2011] в своем отчете по изучению благополучия среди магистрантов и аспирантов в Великобритании используют понятие академического благополучия, определяя его как сочетание личных и профессиональных (учебных) качеств и навыков обучающегося, возможность их развития, имеющиеся в их распоряжении ресурсы, а также характеристик сообщества и культуры, к которым они принадлежат и которые формируют условия для достижения успеха. Авторы также предложили респондентам в ходе фокус-групп определить, что значит благополучие для них. Выяснилось, что студенты плохо разделяют личное и профессиональное благополучие, и первое, включая физическое здоровье, рассматривают как основу для академического благополучия. Помимо этого, студенты и аспиранты включают в благополучие чувство принадлежности к своему академическому сообществу, внесение в него своего вклада. Когда их основные потребности в благосостоянии и здоровье удовлетворены, они в состоянии справиться со стрессом и способны работать и реализовывать свой потенциал. В оценке того, как эти факторы сказались на их учебе, аспиранты называли следующие последствия: потеря концентрации и мотивации, решение уйти с программы, потеря интереса, меньше времени на академическую работу, неуверенность, низкое качество работы, проблемы с психическим и физическим здоровьем, прокрастинация. Таким образом, академическое благополучие для обучающихся заключается в возможности и способности качественно и в срок выполнять свою работу [ibid.].

Д. Стабб и соавторы [Stubb, Pyhältö, Lonka, 2011]⁶ для измерения благополучия используют открытый вопрос «Как вы видите свою роль как аспиранта в вашем научном сообществе?». Ответы на этот вопрос были впоследствии проанализированы, и индуктивно выделены две категории опыта аспирантов: «*empowerment*» (наделение правами и возможностями) и «*burden*» (нагрузка). Первая категория описывала позитивный опыт, когда академическое сообщество воспринималось аспирантом как поддерживающее обучение и академическое развитие аспирантов. Типичными для второй категории были чувство изоляции и переутомления, а отношения с сообществом (или их отсутствие) описывались в негативном ключе.

Встречаются также работы, объединяющие несколько подходов к определению благополучия. Например, понятие эмоционального благополучия замеряется через удовлетворенность, позитивный и негативный опыт, а также через воспринимаемый уровень стресса [Moate et al., 2019]. А. Сведрик и Н. Холл [Sverdlik, Hall, 2019] изучают такие аспекты благополучия, как психологическое здоровье и раз-

⁶ Авторы используют понятие социально-психологического благополучия. Вероятно, это вызвано тем, что в работе они измеряют благополучие на индивидуальном и коллективном уровне, и этот термин используется как рамочный.

личные симптомы физического здоровья. В первую категорию входит уровень депрессии и напряженности, а также удовлетворенность аспиранта. Симптомы физического здоровья оцениваются через замер частоты таких проблем, как проблемы со сном, головные боли, низкий уровень энергии, мышечное напряжение, усталость, боли в животе, учащенное сердцебиение и плохой аппетит. Некоторые авторы, использующие определение Э. Динера, добавляют в него и другие компоненты. Иногда объединяют показатели субъективного и психологического благополучия, замеряя удовлетворенность жизнью и аспекты позитивного функционирования [Panger, Tryon, Smith, 2014].

Факторы благополучия

В исследованиях благополучия на уровне аспирантуры отсутствуют конвенции относительно определения и операционализации понятия благополучия, что накладывает определенные ограничения на сопоставление и обобщение результатов этих исследований. При рассмотрении результатов исследований следует учитывать, что:

- в анализируемых исследованиях использовались разные определения благополучия и инструменты для его измерения;
- многие исследования являются кейсовыми и базируются на изучении отдельных департаментов и вузов;
- все изученные исследования были срезовыми, и мы не можем говорить о причинно-следственной связи. В данном случае факторы благополучия — это любые переменные, продемонстрировавшие значимую связь с различными показателями благополучия в разных исследованиях.

Карьерные перспективы. Ряд работ показал высокую значимость для благополучия такого фактора, как оценка аспирантом собственных карьерных перспектив [Panger, Tryon, Smith, 2014; Hargreaves et al., 2017; Marais et al., 2018]. В исследовании на базе опроса аспирантов университета Беркли выявили, что главным предиктором субъективного благополучия, измеренного как сочетание удовлетворенности жизнью и уровня депрессии, выступают карьерные перспективы. Аспиранты, оптимистично смотрящие на трудоустройство после выпуска, больше довольны жизнью и меньше подвержены депрессии [Panger, Tryon, Smith, 2014].

Поддержка по время обучения. Важным фактором для поддержания благополучия аспиранта во время обучения является поддержка со стороны семьи, академического сообщества и научного руководителя [Stubb, Pyhältö, Lonka, 2011; Panger, Tryon, Smith, 2014; Nielsen et al., 2017]. Поддержка окружающих (наличие того, кому можно рассказать о своих страхах и волнениях), ощущение включенности в сообщество и чувство собственной ценности в нем положительно сказываются на оценке аспирантом собственного благополучия [Panger, Tryon, Smith, 2014]. В качестве негативных факторов благополучия выступают недостаточная поддержка в учебе и исследовательской деятельности и низкое качества научного руководства [Stubb, Pyhältö, Lonka, 2011].

Роль научного руководителя в опыте аспиранта велика, однако связь с благополучием может быть сложнее, чем кажется. Так, было обнаружено, что нет прямой связи между тем, как аспирант оценивает поддержку от своего научного

руководителя, и тем, насколько он удовлетворен жизнью [Nielsen et al., 2017]. Однако эффект появляется при добавлении переменной-медиатора, например, поддержки в семье. Для тех аспирантов, кто оценивает поддержку семьи как низкую, существует прямая связь между поддержкой научного руководителя и субъективным благополучием: роль научного руководителя возрастает тогда, когда аспирант испытывает недостаток поддержки среди близких.

Другие исследования также подтверждают важность неформальной поддержки со стороны научного руководителя, не связанной с профессиональной деятельностью. Аспиранты считают наиболее ценной не прямую академическую поддержку, а скорее психологическую поддержку со стороны научного руководителя. Такие руководители помогают пересмотреть рамку интерпретации происходящего в аспирантуре, нормализуя типичные трудности, и это помогает студентам по-другому взглянуть на трудности, с которыми они сталкиваются: синдром самозванца, страхи, незнание, сомнения в своих способностях, чувство изоляции [Posselt, 2018].

Опыт и академические навыки. Среди важных факторов благополучия аспирантов — их деятельность в аспирантуре, непосредственный опыт аспирантов, а особенно те его аспекты, которые связаны с академическими требованиями и являются предметом оценки деятельности аспиранта.

Исследования показали, что важным фактором субъективного благополучия является то, как аспиранты воспринимают обучение и подготовку диссертации [Stubb, Pyhältö, Lonka, 2012]. Авторы выделяют две основных группы восприятия аспирантуры: как процесс и как продукт. В первом случае обучающиеся рассматривают аспирантуру как период улучшения навыков, роста, вхождения и внесения вклада в академическое сообщество. Во втором — как способ доказать собственный опыт и знания, занять место в сообществе, приобрести статус. Было показано, что аспиранты второй группы больше склонны к потере интереса, стрессу, тревожности во время обучения в аспирантуре.

Оценка собственных навыков — также важный предиктор благополучия для аспирантов. Низкая оценка своего уровня подготовки к деятельности в аспирантуре, неуверенность в собственном прогрессе в работе над диссертацией и в вероятности защиты рассматриваются как значимые негативные факторы благополучия аспирантов [Stubb, Pyhältö, Lonka, 2011; Panger, Tryon, Smith, 2014; Weiden et al., 2017; Marais et al., 2018].

Одним из важнейших аспектов деятельности аспиранта во время обучения является написание академических текстов. Существует целый блок работ, изучающих связь между субъективным благополучием и академическим письмом. Изучению подлежат самые разные аспекты академического письма: оценка и самооценка навыков аспиранта [Lonka et al., 2014], успехи и трудности в академическом письме [Stubb et al., 2011; Lonka et al., 2019], различные форматы освоения этого навыка или помощи в его освоении [Doody et al., 2017; Wilson, Cutri, 2019].

Исследования показали, что аспиранты, испытывающие проблемы с академическим письмом (писательский блок, прокрастинация, перфекционизм), а также аспиранты, считающие способность писать тексты врожденным, а не приобре-

таемым качеством, чаще испытывают стресс, тревожность, потерю интереса к процессу и выгорание [Lonka et al., 2014]. Те же, кто рассматривает способность писать тексты как приобретаемый навык, демонстрируют более высокие показатели субъективного благополучия.

В дальнейшем та же исследовательская группа изучила различные показатели процесса написания: преграды в написании текста, прокрастинацию, оценку продуктивности, изменения в результате письма, перфекционизм и оценку внутренних способностей [Lonka et al., 2019]. На базе этих показателей авторы выделили три группы профилей аспирантов: демонстрирующие рост (высокие показатели продуктивности, перфекционизма и восприятие письма как приобретаемых навыков), застрявшие (те, кто демонстрирует наименьший рост навыков и знаний, низкую продуктивность и множество преград) и амбивалентные. Статистически значимые различия между этими группами аспирантов были обнаружены в потере интереса, которую демонстрировали аспиранты второй группы. В остальных аспектах благополучия (тревожность, стресс, выгорание) значимых связей не было обнаружено.

Другие характеристики. Положительный вклад в оценку благополучия вносят различные психологические характеристики аспиранта: способность справляться со стрессом и нагрузкой [Weiden et al., 2017], внутренняя мотивация к обучению [Marais et al., 2018], низкие показатели перфекционизма [Moate et al., 2019], а также психологический капитал аспиранта (self-efficacy, hope, resilience and optimism) [Nielsen et al., 2017]. Было показано, что высокие баллы по шкале невротизма связаны с высокими показателями негативной аффективной составляющей субъективного благополучия, а высокие значения по шкале экстраверсии — с позитивной [Pychyl, Little, 1998]. Авторы также обнаружили обратную связь между удовлетворенностью аспирантов и проблемами с распределением времени — прокрастинацией, нехваткой времени и проч. [ibid.].

Помимо психологического состояния для благополучия важны и показатели физического здоровья, в нескольких исследованиях была показана связь между негативной оценкой благополучия и нарушениями сна [Panger, Tryon, Smith, 2014; Marais et al., 2018].

Важным для изучения благополучия может быть стадия обучения, на которой в момент исследования находится аспирант. Исследования показывают, что аспиранты старших курсов испытывают больший стресс и демонстрируют более низкий уровень удовлетворенности жизнью [Hargreaves et al., 2017; Sverdlik, Hall, 2019]. Однако некоторые исследования не обнаруживают значимых различий в оценке благополучия между аспирантами разных курсов [Nelson, 2014].

Согласно рассматриваемым исследованиям, оценки благополучия неодинаковы в разных социально-демографических группах аспирантов: женщины демонстрируют более низкие оценки собственного благополучия [Appel, Dahlgren, 2003; Hargreaves et al., 2017], иностранные аспиранты также являются группой риска [Weiden et al., 2017], а замужние и женатые аспиранты демонстрируют более высокий уровень благополучия, нежели незамужние и неженатые [Bedilu, 2018].

В таблице 3 приведены все факторы, для которых были обнаружены связи с различными аспектами благополучия аспирантов.

Таблица 3. Факторы благополучия аспирантов

Фактор	Измеряемый аспект благополучия	Источник
Карьерные перспективы	Удовлетворенность жизнью и уровень депрессии	Panger et al., 2014
	Отсутствие проблем при обучении в аспирантуре	Hargreaves et al., 2017
	Шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург	Marais et al., 2018
Поддержка окружающих	Роль в академическом сообществе	Stubb et al., 2011
	Удовлетворенность жизнью и уровень депрессии	Panger et al., 2014; Nielsen et al., 2017
Восприятие обучения	Потеря интереса, стресс, тревожность	Stubb et al., 2012
Оценка собственных навыков и вероятности защиты	Потеря интереса, стресс, тревожность	Stubb et al., 2011
	Удовлетворенность жизнью и уровень депрессии	Panger et al., 2014
	Опросник общего здоровья (General Health Questionnaire)	Weiden et al., 2017
	Шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург	Marais et al., 2018
Навыки академического письма	Стресс, усталость, потеря интереса и депрессия	Lonka et al., 2014; Lonka et al., 2019
	Потеря интереса, стресс, тревожность	Stubb et al., 2011
Способность справляться со стрессом	Опросник общего здоровья (General Health Questionnaire)	Weiden et al., 2017
Внутренняя мотивация к обучению	Шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург	Marais et al., 2018
Невротизм	Трехкомпонентная структура субъективного благополучия	Pychyl, Little, 1998
Перфекционизм	Воспринимаемый стресс, удовлетворенность жизнью, позитивные и негативные эмоции	Moate et al., 2019
Проблемы с распределением времени	Трехкомпонентная структура субъективного благополучия	Pychyl, Little, 1998
Психологический капитал аспиранта	Удовлетворенность жизнью	Nielsen et al., 2017
Сон	Удовлетворенность жизнью и уровень депрессии	Panger et al., 2018
Курс обучения	Отсутствие проблем при обучении в аспирантуре	Hargreaves et al., 2017
	Удовлетворенность, стресс	Sverdlík, Hall, 2019
Пол	Отсутствие проблем при обучении в аспирантуре	Hargreaves et al., 2017
	Субъективная оценка трудностей	Appel, Dahlgren, 2003
Гражданство	Опросник общего здоровья (General Health Questionnaire)	Weiden et al., 2017
Семейный статус	Шестифакторная модель психологического благополучия Рифф	Bedilu, 2018

Существующие практики

Таким образом, результаты исследований демонстрируют значимость множества факторов для благополучия аспирантов: карьерных перспектив, поддержки аспирантов, академических навыков, а также психологического и физического состояния индивида. Рассмотрим, какие существуют практики в университетах по работе с этими группами факторов и насколько они применимы для российского контекста.

Важность такого фактора, как оценка аспирантами *своих карьерных перспектив*, во многом вызвана ситуацией с трудоустройством после окончания аспирантуры. Проблема перепроизводства аспирантов актуальна для многих стран мира [Cyranoski et al., 2011]. Выпускникам аспирантуры крайне тяжело получить постоянную позицию после получения степени. Так, в Великобритании меньше 5% выпускников получают постоянную позицию в университете [The Scientific Century, 2010]. Часть аспирантов еще во время обучения разочаровываются в академической сфере и не рассматривают ее как желательную для построения дальнейшей карьеры [Mason, Goulden, Frasch, 2009].

Кроме того, остается открытым вопрос премии за степень. Разные исследования демонстрируют противоречивые результаты. Так, часть исследователей фиксируют положительный эффект от наличия степени: в США по состоянию на конец 2000-х годов доходы обладателей ученой степени были более чем на 20% выше, чем у обладателей степени магистра [Carnevale, Rose, Cheah, 2011]. Часть исследователей фиксировали падение реальных зарплат обладателей степени в 1980-х годах, что связывалось с превышением предложения над спросом на рынке труда [Bowen, Sosa, 1989]. Кроме того, финансовые потери связаны еще и с тем, что годы, потраченные аспирантами на получение степени, использовались их сверстниками для получения опыта работы, который в дальнейшем ценился работодателями больше, чем научная степень [Rudd, 1990]. Особенно это относится к тем обладателям степени, которые трудоустраиваются в неакадемической сфере [Gaeta, Lavadera, Pastore, 2017].

Для решения трудностей, возникающих у аспирантов по поводу карьерных перспектив, в зарубежных университетах создаются консультационные центры по вопросам, связанным с трудоустройством после окончания обучения в аспирантуре⁷. В подобных центрах аспирант может получить консультацию по возможным местам трудоустройства, построить карьерный план, встроиться в неформальные и формальные профессиональные сети, найти ментора, получить информацию о трендах на рынке труда и конкретных вакансиях, подготовить свои документы к подаче на вакансии, посетить различные мероприятия и многое другое.

Согласно опросам, около 40% аспирантов не удовлетворены балансом между учебой и жизнью, 40% отмечают, что обучение не оправдало их ожиданий [Woolston, 2019]. В таких условиях необходима разработка систем *поддержки аспирантов* по нескольким направлениям: академическое развитие, психологическая поддержка, социальная интеграция.

⁷ См., например: Graduate Students, PhDs & Postdocs. *University of California, Berkeley*. URL: <https://career.berkeley.edu/Phds/Phds>. (дата обращения: 28.06.2020); Graduate and Doctoral Student Resources. *University of Southern California*. URL: <https://careers.usc.edu/students/discover-resources/graduate-and-doctoral-student-resources/> (дата обращения: 28.06.2020); Graduate Students. *Boston College*. URL: <https://www.bc.edu/bc-web/offices/student-affairs/sites/careers/sites/graduate-students.html> (дата обращения: 28.06.2020).

Академическое развитие — это прежде всего базовые навыки, необходимые для проведения исследования и написания текстов. В данном направлении помимо способов формирования этих навыков (курсы, занятия, мастер-классы) важно развивать инструменты обратной связи по подготовке, обсуждению и доработке работ аспирантов и формировать установки на возможность освоения этих навыков [Lonka et al., 2019]. Психологическая поддержка аспирантов может быть реализована через работу психологических служб. Так, в Университете Лиона была разработана и апробирована программа CARE для аспирантов, которая включала в себя аудиторные занятия и домашние задания из сферы позитивной психологии [Marais et al., 2018]. Аспиранты, в течение почти двух месяцев занимавшиеся на этом курсе, продемонстрировали повышение уровня благополучия и снижения стресса и депрессии, улучшение сна.

Одним из важнейших источников поддержки аспирантов является научный руководитель. Исследователи обращают внимание, что поддержка со стороны научных руководителей должна быть прежде всего психологическая, а не только профессиональная. Научный руководитель может оказаться единственным человеком, с которым аспирант тесно взаимодействует во время обучения, а также основным источником его поддержки. Однако традиционно научные руководители фокусируются на вопросах, связанных с реализацией диссертационного исследования, что не отвечает потребностям аспирантов. Сегодня необходима современная система подготовки к реализации научного руководства, которая будет включать разные аспекты взаимодействия с аспирантом. В Испании был разработан курс для научных руководителей аспирантов «Введение в передовые практики для научного руководства» [Reguero, 2017], который включают помимо вопросов, связанных с прогрессом аспиранта в работе над диссертацией, рассмотрение и анализ различных психологических трудностей, с которыми сталкивается аспирант. Курс был первоначально внедрен в одном университете, а затем практика распространилась на другие вузы в стране и за ее пределами.

Наконец, меры социальной адаптации аспиранта должны быть направлены на повышение чувства принадлежности к сообществу, формирование здоровой культуры взаимодействия между аспирантами и сотрудниками университетов. Этому могут способствовать включение аспирантов в деятельность подразделений, обеспечение площадок для академической работы и взаимодействия, расширение их участия в принятии решений, информирование об имеющихся возможностях и правилах среды [Morris, Wiskers, 2011; Benjamin, Williams, Maher, 2017].

Заключение

Обзор количественных исследований благополучия аспирантов показал высокую вариативность как используемых терминов, так и способов измерения благополучия. Множество терминов и подходов к их определению в исследованиях аспирантов — это лишь отражение ситуации с определением благополучия в более широком исследовательском поле: сложность самого концепта, множество аспектов для изучения, междисциплинарность изучаемого явления, продолжающиеся дискуссии по определению понятия [Dodge et al., 2012]. Разные традиции понимания благополучия необходимо учитывать при изучении результатов и их сопоставлении.

Зарубежные исследования благополучия аспирантов показывают, что в этой группе значительно выше уровень тревожности, стресса и депрессии, чем в среднем у населения [Eisenberg et al., 2007; Guthrie et al., 2017; Woolston, 2019]. Несмотря на отсутствие количественных оценок благополучия российских аспирантов, можно предположить, что в России картина благополучия может быть похожей, так как выявленные в ходе анализируемых исследований факторы благополучия актуальны и для российского контекста. Так, среди ключевых трудностей российских аспирантов — вопрос будущего трудоустройства, неопределенность перспектив, полезность степени для будущей карьеры [Бекова, Джафарова, 2019]. В России ситуация усугубляется неразвитостью академического рынка, формальным отбором в аспирантуру и теневым рынком академических услуг [Калимуллин, 2005; Терентьев, Бекова, Малошонок, 2018]. Отечественные исследования показывают, что аспиранты испытывают двойную нагрузку во время учебы, так как чаще всего совмещают ее с работой, нередко с работой полный рабочий день [Векова, 2019]. При этом требования к аспирантам постоянно ужесточаются, увеличивается количество статей, необходимых для защиты, повышаются и требования к журналам, где они могут быть опубликованы⁸. Аспиранты отмечают, что сталкиваются с самыми разными трудностями во время обучения: необходимостью совмещения учебы с работой, сложностями с учебной программой, высокими академическими требованиями [Бекова и др., 2017], изоляцией, исключенностью из академического сообщества [Бекова, 2020]. Все это может негативно сказываться на оценке благополучия аспирантами, однако в ситуации отсутствия данных нельзя говорить ни о количественных оценках, ни о связи с теми или иными факторами.

Прямой перенос результатов зарубежных исследований уровня благополучия и его факторах невозможен в силу особенностей российской системы подготовки аспирантов и их опыта в ходе обучения. Среди ключевых отличий российской аспирантуры стоит отметить специфику академического рынка, систему финансирования российской аспирантуры и расширенный внешний контроль, постоянные преобразования аспирантуры в последние несколько лет, специфическую систему отбора в аспирантуру, преобладающую модель взаимодействия с научным руководителем и проч. В связи с этим необходимы собственные исследования в этой сфере, которые учитывали бы отличия российского контекста. В целом регулярный мониторинг и открытость таким сензитивным темам, как благополучие в академической среде, а также готовность решать возможные выявляемые проблемы, могут стать отличным основанием для необходимых преобразований в аспирантуре и улучшения опыта аспирантов.

Список литературы (References)

Бедный Б. И., Рыбаков Н. В., Сапунов М. Б. Российская аспирантура в образовательном поле: междисциплинарный дискурс // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 125—134. <https://doi.org/10.7868/S0132162517090148>.

⁸ Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 N 842 (ред. от 01.10.2018, с изм. от 26.05.2020) «О порядке присуждения ученых степеней» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/8af0961a8a1cae81e691dc69dc02108292933253/ (дата обращения: 28.06.2020).

Bednyi B. I., Rybakov N. V, Sapunov M. B. (2017) Doctoral Education in Russia in the Educational Field: An Interdisciplinary Discourse. *Sociological Studies*. № 9. P. 125—134. <https://doi.org/10.7868/S0132162517090148>. (In Russ.)

Бекова С. К. Академическое самоубийство: сценарии отсева в российской аспирантуре // Вопросы образования. 2020. № 2. С. 83—109. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-2-83-109>.

Bekova S. K. (2020) Academic Suicide: Scenarios of Doctoral Student Attrition in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 83—109. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-2-83-109>. (In Russ.)

Бекова С. К., Груздев И. А., Джафарова З. И., Малошонок Н. Г., Терентьев Е. А. Портрет современного российского аспиранта. *Современная аналитика образования*. Вып. 7 (15). М.: НИУ ВШЭ, 2017.

Bekova S. K., Gruzdev I. A., Dzhabarova Z. I., Maloshonok N. G., Terentev E. A. (2017) The Image of Contemporary Russian Doctoral Student. *Contemporary Education Analytics*. No. 7 (15). Moscow: National Research University Higher School of Economics. (In Russ.)

Бекова С. К., Джафарова З. И. Кому в аспирантуре жить хорошо: связь трудовой занятости аспирантов с процессом и результатами обучения // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 87—108. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-87-108>.

Bekova S. K., Dzhabarova Z. I. (2019) Who is Happy at Doctoral Programs: The Connection between Employment and Learning Outcomes of PhD Students. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 87—108. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-1-87-108>. (In Russ.)

Гусев А. Б. Круглый стол «Роль аспирантуры в воспроизводстве научных кадров» // Наука. Инновации. Образование. 2015. № 17. С. 196—224.

Gusev A. B. (2015) Roundtable Discussion «Postgraduate Study and Its Role in Growing of Human Resources in Science and Technology». *Science. Innovations. Education*. No. 17. P. 196—224. (In Russ.)

Калимуллин Т. Р. Российский рынок диссертационных услуг (начало) // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 4. С. 14—38.

Kalimullin T. R. (2005) Russian Market of the Dissertation Services (beginning). *Journal of Economic Sociology*. Vol. 6. No. 4. P. 14—38. (In Russ.)

Терентьев Е. А., Бекова С. К., Малошонок Н. Г. Кризис российской аспирантуры: источники проблем и возможности их преодоления // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 5. С. 54—66. <https://doi.org/10.15826/umpa.2018.05.049>.

Terentiev E. A., Bekova S. K., Maloshonok N. G. (2018) The Crisis of Postgraduate Studies in Russia: What Bears Problems and How to Overcome Them. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 22. No. 5. P. 54—66. <https://doi.org/10.15826/umpa.2018.05.049>. (In Russ.)

Appel M. L., Dahlgren L. G. (2003) Swedish Doctoral Students' Experiences on Their Journey towards a PhD: Obstacles and Opportunities Inside and Outside the Academic

Building. *Scandinavian Journal of Educational Research*. Vol. 47. No. 1. P. 89—110. <https://doi.org/10.1080/00313830308608>.

Bedilu N. (2018) Psychological Well-Being of Married and Unmarried Postgraduate Students in the College of Education and Behavioral Studies, Addis Ababa University. MA Thesis. Addis Ababa: Addis Ababa University.

Bekova S. (2019) Does Employment during Doctoral Training Reduce the PhD Completion Rate? *Studies in Higher Education*. P. 1—13. <https://doi.org/10.1080/03075079.2019.1672648>.

Benjamin S., Williams J., Maher M. A. (2017) Focusing the Lens to Share the Story: Using Photographs and Interviews to Explore Doctoral Students' Sense of Well-Being. *International Journal of Doctoral Studies*. Vol. 12. P. 197—217. <https://doi.org/10.28945/3862>.

Bowen W. G., Sosa J. A. (1989) Prospects for Faculty in the Art and Science: A Study of Factors Affecting Demand and Supply. 1987 to 2012. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Carnevale A. P., Rose S. J., Cheah B. (2011) The College Payoff: Education, Occupations, Lifetime Earnings. Washington, DC: Georgetown University Center on Education and Workforce.

Cyranoski D., Gilbert N., Ledford H., Nayar A., Yahia M. (2011) The PhD Factory. *Nature*. No. 472. P. 276—279. <https://doi.org/10.1038/472276a>.

Diener E. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*. Vol. 95. No. 3. P. 542—575. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542>.

Dodge R., Daly A. P., Huyton J., Sanders L. D. (2012) The Challenge of Defining Wellbeing. *International Journal of Wellbeing*. Vol. 2. No. 3. P. 222—235. <https://doi.org/10.5502/ijw.v2i3.4>.

Doody S., McDonnell M., Reid E., Marshall S. C. (2017) Doctoral Peer Writing Groups as a Means of Promoting Well-Being. *LEARNing Landscapes*. Vol. 10. No. 2. P. 145—157. <https://doi.org/10.36510/learnland.v10i2.807>.

Eisenberg D., Gollust S. E., Golberstein E., Hefner J. L. (2007) Prevalence and Correlates of Depression, Anxiety, and Suicidality among University Students. *American Journal of Orthopsychiatry*. Vol. 77. No. 4. P. 534—542. <https://doi.org/10.1037/0002-9432.77.4.534>.

Gaeta G. L., Lavadera G. L., Pastore F. (2017) Much Ado about Nothing? The Wage Penalty of Holding a PhD Degree but Not a PhD Job Position. In: Polachek S. W., Poulidakas K., Russo G., Tatsiramos K. (eds.) *Skill Mismatch in Labor Markets. (Research in Labor Economics. Vol. 45)*. Bingley: Emerald Publishing. P. 243—277. <https://doi.org/10.1108/S0147-912120170000045007>.

Guthrie S., Lichten C., van Belle J., Ball S., Knack A., Hofman J. (2017) Understanding Mental Health in the Research Environment: A Rapid Evidence Assessment. Cambridge: RAND Corporation. <https://doi.org/10.7249/RR2022>.

- Hargreaves C. E., de Wilde J. P., Juniper B., Walsh E. (2017) Re-Evaluating Doctoral Researchers' Well-Being: What Has Changed in Five Years? London: Graduate School, Imperial College London. URL: <https://www.imperial.ac.uk/media/imperial-college/study/graduate-school/public/well-being/Wellbeing-for-GS.pdf> (дата обращения: 28.06.2020).
- Jackson D., Michelson G. (2015) Factors Influencing the Employment of Australian PhD Graduates. *Studies in Higher Education*. Vol. 40. No. 9. P. 1660—1678. <https://doi.org/10.1080/03075079.2014.899344>.
- Juniper B., Walsh E., Richardson A., Morley B. (2012) A New Approach to Evaluating the Well-Being of PhD Research Students. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. Vol. 37. No. 5. P. 563—576. <https://doi.org/10.1080/02602938.2011.555816>.
- Levecque K., Anseel F., de Beuckelaer A., van der Heyden J., Gisle L. (2017) Work Organization and Mental Health Problems in PhD Students. *Research Policy*. Vol. 46. No. 4. P. 868—879. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2017.02.008>.
- Lonka K., Chow A., Keskinen J., Hakkarainen K., Sandström N., Pyhältö K. (2014) How to Measure PhD Students' Conceptions of Academic Writing — and Are They Related to Well-Being? *Journal of Writing Research*. Vol. 5. No. 3. P. 245—269. <https://doi.org/10.17239/jowr-2014.05.03.1>.
- Lonka K., Ketonen E., Vekkaila J., Cerrato Lara M., Pyhältö K. (2019) Doctoral Students' Writing Profiles and Their Relations to Well-Being and Perceptions of the Academic Environment. *Higher Education*. Vol. 77. No. 4. P. 587—602. <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0290-x>.
- Mackie S. A., Bates G. W. (2019) Contribution of the Doctoral Education Environment to PhD Candidates' Mental Health Problems: A Scoping Review. *Higher Education Research & Development*. Vol. 38. No. 3. P. 565—578. <https://doi.org/10.1080/07294360.2018.1556620>.
- Marais G. A. B., Shankland R., Haag P., Fiault R., Juniper B. (2018) A Survey and a Positive Psychology Intervention on French PhD Student Well-Being. *International Journal of Doctoral Studies*. Vol. 13. P. 109—138. <https://doi.org/10.28945/3948>.
- Mason M. A., Goulden M., Frasch K. (2009) Why Graduate Students Reject the Fast Track: A Study of Thousands of Doctoral Students Shows That They Want Balanced Lives. *Academe Online*. Vol. 95. No. 1. P. 11—17. URL: https://www.aaup.org/article/why-graduate-students-reject-fast-track#.Xvh_10dn2hN (дата обращения: 28.06.2020).
- Moate R. M., Gnilka P. B., West E. M., Rice K. G. (2019) Doctoral Student Perfectionism and Emotional Well-Being. *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. Vol. 52. No. 3. P. 145—155. <https://doi.org/10.1080/07481756.2018.1547619>.
- Morris C., Wiskers G. (2011) Troublesome Encounters: Strategies for Managing the Wellbeing of Masters and Doctoral Education Students during Their Learning Processes. A Final Report. York: HEA ESCalate Subject Centre. URL: <http://escalate.ac.uk/downloads/8634.pdf> (дата обращения: 28.06.2020).

Nelson K. (2014) Academic Progress in Doctoral Students: Levels of Hope, Subjective Well-Being, and Stress. PhD Thesis. Minneapolis, MN: Walden University.

Nielsen I., Newman A., Smyth R., Hirst G., Heilemann B. (2017) The Influence of Instructor Support, Family Support and Psychological Capital on the Well-Being of Postgraduate Students: A Moderated Mediation Model. *Studies in Higher Education*. Vol. 42. No. 11. P. 2099—2115. <https://doi.org/10.1080/03075079.2015.1135116>.

Odaci H. (2013) The Role of Computer Self-Efficacy, Self-Esteem, and Subjective Well-Being in Predicting Research Self-Efficacy among Postgraduate Students. *The Asia-Pacific Education Researcher*. Vol. 22. No. 4. P. 399—406. <https://doi.org/10.1007/s40299-012-0039-8>.

Panger G., Tryon J., Smith A. (2014) The Graduate Assembly: Graduate Student Happiness & Well-Being Report. 2014. Berkeley, CA: UC Berkeley Graduate Assembly. URL: http://ga.berkeley.edu/wp-content/uploads/2015/04/wellbeingreport_2014.pdf (дата обращения: 28.06.2020).

Posselt J. (2018) Normalizing Struggle: Dimensions of Faculty Support for Doctoral Students and Implications for Persistence and Well-Being. *The Journal of Higher Education*. Vol. 89. No. 6. P. 988—1013. <https://doi.org/10.1080/00221546.2018.1449080>.

Pychyl T.A., Little B.R. (1998) Dimensional Specificity in the Prediction of Subjective Well-Being: Personal Projects in Pursuit of the Ph D. *Social Indicators Research*. Vol. 45. No. 1—3. P. 423—473. <https://doi.org/10.1023/A:1006970504138>.

Pyhältö K., Toom A., Stubb J., Lonka K. (2012) Challenges of Becoming a Scholar: A Study of Doctoral Students' Problems and Well-Being. *International Scholarly Research Notices*. P. 1—12. <https://doi.org/10.5402/2012/934941>.

Reguero M., Carvajal J.J., García M.E., Valverde M. (eds.) Good Practices in Doctoral Supervision: Reflections from the Tarragona Think Tank. Tarragona: Universitat Rovira i Virgili, 2017.

Rudd E. (1990) The Early Careers of Social Science Graduates and the Value of a Ph D. *Journal of the Royal Statistical Society. Series A (Statistics in Society)*. Vol. 153. No. 2. P. 203—232. <https://doi.org/10.2307/2982801>.

Ryff C.D. (1989) Happiness is Everything, or Is It? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57. No. 6. P. 1069—1081. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069>.

Schmidt M., Hansson E. (2018) Doctoral Students' Well-Being: A Literature Review. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being*. Vol. 13. No. 1. <https://doi.org/10.1080/17482631.2018.1508171>.

Scott H., Takarangi M. K. T. (2019) Measuring PhD Student's Psychological Well-Being: Are We Seeing the Whole Picture? *Student Success*. Vol. 10. No. 3. P. 14—24. <https://doi.org/10.5204/ssj.v10i3.1294>.

- Siddaway A., Wood A., Hedges L. (2019) How to Do a Systematic Review: A Best Practice Guide for Conducting and Reporting Narrative Reviews, Meta-Analyses, and Meta-Syntheses. *Annual Review of Psychology*. Vol. 70. P. 747—770. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010418-102803>.
- Stubb J., Pyhältö K., Lonka K. (2011) Balancing between Inspiration and Exhaustion: PhD Students' Experienced Socio-Psychological Well-Being. *Studies in Continuing Education*. Vol. 33. No. 1. P. 33—50. <https://doi.org/10.1080/0158037X.2010.515572>.
- Stubb J., Pyhältö K., Lonka K. (2012) The Experienced Meaning of Working with a PhD Thesis. *Scandinavian Journal of Educational Research*. Vol. 56. No. 4. P. 439—456. <https://doi.org/10.1080/00313831.2011.599422>.
- Sverdlik A., Hall N.C. (2019) Not Just a Phase: Exploring the Role of Program Stage on Well-Being and Motivation in Doctoral Students. *Journal of Adult and Continuing Education*. Vol. 26. No. 1. P. 97—124. <https://doi.org/10.1177/1477971419842887>.
- Sverdlik A., Hall N.C., McAlpine L., Hubbard K. (2018) The PhD Experience: A Review of the Factors Influencing Doctoral Students' Completion, Achievement, and Well-Being. *International Journal of Doctoral Studies*. Vol. 13. P. 361—388. <https://doi.org/10.28945/4113>.
- The Scientific Century: Securing Our Future Prosperity. London: The Royal Society, 2010. URL: <http://sro.sussex.ac.uk/id/eprint/23776/> (дата обращения: 06.07.2020).
- Warner R. C. (2019) The Role of Racial Microaggressions, Belongingness, and Coping in African American Psychology Doctoral Students' Well-Being. PhD Thesis. Milwaukee, WI: Marquette University.
- Weiden I., Meijer I., van der Ven I., Beukman J., Farzand A. R., de Gelder E. (2017) The Mental Well-Being of Leiden University PhD Candidates. CWTS Policy Report. Leiden: Centre for Science and Technology Studies, Leiden University.
- Wilson S., Cutri J. (2019) Negating Isolation and Imposter Syndrome Through Writing as Product and as Process: The Impact of Collegiate Writing Networks During a Doctoral Programme. In: Pretorius L., Macaulay L., Cahusac de Caux B. (eds.) *Wellbeing in Doctoral Education: Insights and Guidance from the Student Experience*. Singapore: Springer. P. 59—76. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9302-0_7.
- Woolston C. (2019) PhD Poll Reveals Fear and Joy, Contentment and Anguish. *Nature*. Vol. 575. P. 403—406.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1597

Н. Л. Антонова, С. Б. Абрамова, В. В. Полякова

ПРАВО НА ГОРОД: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ И ПАРТИСИПАЦИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Правильная ссылка на статью:

Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Полякова В. В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443—462. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597>.

For citation:

Antonova N. L., Abramova S. B., Polyakova V. V. (2020) The Right to the City: Daily Practices of Youth and Participation in the Production of Urban Space. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 443—462. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597>.

ПРАВО НА ГОРОД: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ И ПАРТИСИПАЦИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

АНТОНОВА Наталья Леонидовна — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: n-tata@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>

АБРАМОВА Софья Борисовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: sofia_abramova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>

ПОЛЯКОВА Виктория Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: vika.polyakova@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3359-9764>

Аннотация. В исследовании поднимается вопрос о реализации права на город в оценках молодого поколения крупного промышленного города сквозь призму повседневной жизнедеятельности и участия в производстве и воспроизводстве городского пространства. Город как «среда обитания» становится важнейшей сценой поведенческих практик и взаимодействий молодого поколения, а партиципация в производстве городского пространства меняет саму молодежь, которая

THE RIGHT TO THE CITY: DAILY PRACTICES OF YOUTH AND PARTICIPATION IN THE PRODUCTION OF URBAN SPACE

Natalya L. ANTONOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of Applied Social Studies
E-MAIL: n-tata@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>

Sofya B. ABRAMOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Applied Social Studies
E-MAIL: sofia_abramova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>

Viktoria V. POLYAKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Applied Social Studies
E-MAIL: vika.polyakova@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3359-9764>

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The study highlights realization of the right to the city based on the youth's assessments of a large industrial city through the prism of daily activities and participation in the production and reproduction of urban space. City as a "habitat" is a place for behavioral practices and interactions of young people; participation in the production of urban space makes young people themselves change: they start to take responsibility for their community and implementation of life plans. This is an empirical

берет на себя ответственность за место проживания и реализацию своих жизненных планов. Основой эмпирического исследования (Екатеринбург, 2019) стала полиметодическая стратегия. Нами опрошено 750 молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет (анкетный опрос, квотный вид отбора). Обработка полученных результатов была проведена с использованием программы SPSS. С целью глубинного понимания потребностей городской молодежи проведено 22 полуформализованных интервью, информантами в которых стали 15 девушек и 7 юношей. Также в рамках проекта опрошено 10 экспертов: специалистов/руководителей молодежных проектов, представителей научного сообщества.

Результаты исследования показали, что в ситуации стабильного существования, при отсутствии выраженного вмешательства государственных или региональных властей в сферы, которые молодые граждане оценивают как сугубо личностные или общественно значимые, лишь 5% респондентов оценивают участие в управлении городом как неотъемлемую часть своей жизни. Проведенный качественный анализ позволил наметить три модели поведения молодежи при возникновении противоречий между городскими органами власти и горожанами, стремящимися реализовать свое право на город: модель невмешательства, модель искреннего участия, модель бегства. Эмотивный аспект присвоения города формирует чувство принадлежности к городу и неразрывности своей судьбы и судьбы города. Это воплощается в языковых конструкциях, город становится персонифицированным, о нем говорят, как о человеке. Материалы

study (Yekaterinburg, 2019) using a multimethod strategy. A total of 750 young respondents aged 18–30 were surveyed (questionnaire survey, quota-based selection). To process the data SPSS software was used. To investigate the in-depth needs of young people 22 semi-structured interviews involving 15 female and 7 male participants were carried out. Ten experts (youth project specialists/managers, scientific community) were surveyed.

The results show that in a situation of stable existence with no pronounced intervention from public or regional bodies in the domains perceived by young people as strictly their personal or socially relevant, only 5% of respondents consider their participation in the urban management as an integral part of their life. Based on the qualitative analysis the authors draw three models of youth behavior whenever any discrepancies arise between the city administration and urban dwellers eager to use their right to the city: a non-intervention model, a model of sincere participation, and an escapism model. Emotive aspect of city's appropriation leads to a feeling of belonging to the city and inextricability of a person's fate and a city's fate. This manifests itself through language patterns; the city becomes more personalized; it is spoken of as a person. The findings of the study point to a transition from the consumption of space to its production through innovative and creative practices instead of habitual and stereotyped patterns. One of modern practices is DIY initiatives which appear to be interesting to more than half of respondents.

исследования свидетельствуют о переходе от потребления пространства молодежью к его производству через создание инновационных и творческих форм практик взамен опривыченных и стереотипных. Одной из актуальных практик становятся DIY-инициативы, в которые готовы включиться более половины опрошенных.

Ключевые слова: город, право на город, повседневные практики, партисипация, молодежь

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660012 p_a «„Право на город“: социальная активность, мобилизация и партисипация молодежи»; РФФИ и АНО «Экспертный институт социальных исследований» (№ 19-011-31151).

Keywords: city, right to the city, daily practices, participation, youth

Acknowledgments. The study is funded by RFBR and Sverdlovsk oblast as part of the project no. 20-411-660012 p_a “The Right to the City: Social Activity, Mobilization and Participation of Youth”; RFBR and the Expert Institute for Social Research (No. 19-011-31151).

Введение

В исследованиях городской среды на первый план выходят вопросы не столько освоения новых территорий, сколько трансформации городского пространства и его инфраструктуры под запросы и потребности конкретных социальных групп и общностей [Калинникова, Головина, 2018]. В этом контексте институциональный субъект трансформации города — администрация/органы власти территории — ориентирован на реализацию крупных социально значимых изменений с целью учета интересов региона в целом. Последнее входит в зону ответственности администрации, так как на это выделяются ресурсы: финансовые, квалификационные, материально-технические, информационные. Жители города также выступают субъектом трансформации городского пространства [Антонова, Ракевич, 2016], однако они в большей степени заинтересованы в локальных переменах и перестройке отдельных районов города с позиций удовлетворения собственных интересов. При этом зачастую у горожан отсутствуют необходимые ресурсы, свойственные институциональным субъектам, и в этом случае действенным механизмом становится объединение интересов.

В связи с вышесказанным во многих крупных городах активно реализуются различного рода инициативные проекты, нацеленные на преобразование городского пространства под нужды горожан без учета глобальных финансовых или политических выгод. Такие инициативы ориентированы на формирование комфортной

среды для жизни конкретных людей, что безусловно должно способствовать их закреплению на данной территории.

Настрой на активное изменение пространства вокруг себя с ориентацией на собственные ценности в большей мере характерен для молодежи как наиболее мобильной части общества [Зубок, Чупров, 2019]. Кроме того, именно молодежь в первую очередь готова поддержать начинания, инициированные внеинституциональными субъектами городских изменений. Отчасти это связано с ее протестным настроением, которое часто проявляется в поддержании всего нового, отличного от того, что было раньше. Кроме того, для молодого поколения характерна активная жизненная позиция, которая помимо прочего выражается в попытках ревизии окружающего пространства в связи с определением собственной траектории личного развития и реализацией жизненных планов.

Таким образом, городская молодежь не просто принимает пространство города, в котором она выросла и живет, но и меняет его под себя, с учетом своих представлений о комфорте и удовлетворении значимых потребностей. Молодые люди чувствуют себя вправе вписать в городскую среду и утвердить в ней свои ценности и намерения, устремления и желания.

Концептуализация «права на город»

Концепция «права на город» является одной из модных и востребованных в последние десятилетия исследовательских моделей изучения и анализа городского пространства [de Souza, 2010]. Впервые она была сформулирована Анри Лефевром [Lefebvre, 1996], французским социологом и философом, представителем неомарксизма. Согласно ему, право на город проявляется как высшая форма прав человека: право на свободу, на индивидуальность в процессе социализации, на среду обитания/проживания, а также право на творчество, участие в создании и присвоении городского пространства [ibid.: 173—174]. Центральным, на наш взгляд, механизмом реализации права на город является утверждение об участии в создании и присвоении пространства.

Право на участие, выступающее базисом концепции «права на город», современные исследователи рассматривают, прежде всего, сквозь призму непосредственной вовлеченности в городские политические процессы [Plyushteva, 2009], управление городом [Fernandes, 2007] или создание городского пространства [Mitchell, Villanueva, 2010]. Город предстает как политическое пространство, в котором его обитатели могут принимать деятельное участие в политической жизни.

Ряд исследователей радикализирует право политической активности, акцентируя внимание на противоборстве жителей и городских властных структур. Так, Алессандро Буса [Busà, 2009] утверждает, что демократическое участие жителей в принятии управленческих решений становится вызовом для существующей городской власти. В свою очередь, Эдвард Соја определяет «право на город» через политическое включение в борьбу за демократию, социальные права и справедливость [Soja, 2010]. Реализация права на город в таком ключе создает серьезную угрозу для устоявшихся структур либерального гражданства [Purcell, 2002].

Мы полагаем, что право на участие не обязательно свидетельствует о стремлении оспаривать характер и качество выполнения институционально закрепленных

функций городской власти. Если социальное самочувствие горожан удовлетворительное, а пространство города реализует насущные запросы и потребности, то роль жителей концентрируется вокруг воспроизводства актуальных социально-пространственных взаимодействий и отношений. Кроме того, право на участие в управлении городом и его политической жизни позволяет определять новые потребности и интересы городского населения.

Право на город в контексте потребления предусматривает право жителей на использование городского пространства [ibid.: 103], непрерывный и активный процесс его присвоения [McCann, 2002: 77]. Тоби Фенстер отмечает, что право на городское пространство подразумевает его использование в повседневной жизни индивидов и социальных групп: право жить, играть, работать, представлять, характеризовать и занимать [Fenster, 2005: 219]. Использование/присвоение/потребление репертуара города мы противопоставляем пространственной маргинализации и изоляции. Доступность публичных и полупубличных мест [Plyusheva, 2009: 95], а также доступ к городским услугам [Fernandes, 2007: 208] становятся условиями реализации права на город.

Формирование концепта «права на город» в духе А. Лефевра ставит вопрос о разграничении присвоения существующего пространства и производства пространства через присвоение. В первом случае речь идет о распределенном/демократичном потреблении городского пространства и размещенных в нем объектов, во втором — о преобразовании городской жизни в целом. Приватизируя город, его жители могут способствовать развитию городской среды — например, через инициирование инновационных видов социальных связей и практик. Именно политика присвоения в производстве обладает преобразующим и революционным потенциалом концепции «права на город». Об этом пишет Питер Маркузе [Marcuse, 2009], утверждая, что право на город не должно толковаться исключительно как право на доступ к городским ресурсам (право на жилье, право на информацию и т. п., хотя каждое из них важно и играет определенную роль в достижении права на город в целом); право на город — это право формировать и преобразовывать социальные процессы в городе, то есть по сути политическое требование, охватывающее несколько видов прав. К примеру, в своем исследовании топонимического активизма Евгений Терентьев пришел к выводу, что гражданские инициативы о наименовании/переименовании территориальных единиц являются одним из «инструментов борьбы горожан за право участвовать в принятии решений о производстве городского социального пространства и присвоении его объектов» [Терентьев, 2015: 200].

Производство городских пространств — это арена сосуществования институциональных и внеинституциональных практик, это система социальных связей и взаимодействий разных субъектов. Роль городских жителей в современных мегаполисах возрастает: они становятся не только пользователями, но и соавторами. Вовлечение горожан в пространственные трансформации предполагает качественные изменения индивида: возрастает эмоциональная привязанность к городу, утверждается территориальная идентичность, формируется чувство ответственности. Так, город для его жителей становится ценным ресурсом.

Право на город предстает как общественная этика, культивируемая повседневной жизнью горожан, а также совместным использованием и производством

городского пространства. Жители определяют свои потребности и интересы, мобилизуют и координируют возможности, развивая различные виды солидарности и коллективные формы поведения. Право на город, таким образом, — это право менять себя, изменяя городское пространство [Harvey, 2008].

Инна Вершинина, анализируя работы А. Лефевра, утверждает, что «право на город должны предъявить те, для кого он является частью их повседневной жизни: молодежь, студенты, интеллектуалы, армии рабочих <...>» [Вершинина, 2018: 58]. Современное молодое поколение актуализирует различные практики освоения, потребления и производства пространства города, иницируя в том числе инновационные модели активностей, внося значительный вклад в социальный капитал территории. Молодежь порождает новую модальность производства пространства. Так, по утверждению Анны Желниной, для российских городов характерно «вмешательство «креативной» городской молодежи в благоустройство и трансформацию пространства» [Желнина, 2015: 45]. Участие молодого поколения в будущем города сокращает разрыв между горожанами, ограничивает сегрегацию и способствует развитию инклюзивной городской среды, развитию гуманистического города, в котором актуализируется диалог между административными структурами и молодежью, поддерживаются инициативы, расширяется социальный активизм и усиливается субъектность молодых акторов.

Эмпирическая база исследования

Наше эмпирико-социологическое исследование было проведено в мае—июне 2019 г. Объектом исследования стала учащаяся и работающая молодежь крупного промышленного города — Екатеринбурга. Нами были выдвинуты следующие исследовательские вопросы. (1) Как городское пространство как фактор удовлетворения широкого спектра потребностей и интересов вписано в жизненные планы молодежи в контексте реализации права на город? (2) Какое значение для молодого поколения имеют возможности управления городом, присвоения городского пространства и его производства? Мы полагаем, что городская молодежь, ориентируясь на собственные ценности, создает в пространстве города определенную «зону комфорта». Это своего рода локально-территориальный микроуровень реализации потребностей и интересов, заявление права на потребление и производство пространства «вокруг себя». Вместе с тем городу как полифункциональному гетерогенному образованию требуются разного рода активности, нацеленные на его изменение и развитие. Ожидания городских структур инициативности и действенности от молодого поколения в рамках институционализированных моделей участия вступают в противоречие с инерцией и ориентацией на личностные/индивидуальные запросы в «перекройке» городского пространства.

Всего методом очного раздаточного анкетирования (квотный вид отбора) было опрошено 750 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет. Квотные параметры выборки были заданы на две категории молодежи: студенческая ($N = 350$) и работающая ($N = 400$), внутри каждой из которых котируются возрастные группы (18—20, 21—25 лет для студентов и 18—20, 21—25, 26—30 лет для работающих) примерно в равном соотношении. Также в качестве контролируемой характеристики выступал пол: квота на участие мужчин составляла не менее 40 % от выбо-

рочной совокупности. Таким образом, распределение опрошенных по возрасту выглядит следующим образом: до 20 лет — 37,9%, 21—25 лет — 42,3%, старше 26 лет — 19,8%; из них: 60% — девушки, 40% — юноши. Студенческая молодежь из нашей выборки (47%) получает образование по направлениям и специальностям как гуманитарного профиля (68,1%), так и естественно-научного/технического (31,9%); 88% опрошенных являются студентами бакалавриата. Основными сферами занятости попавшей в нашу выборку работающей молодежи (53%) являются образование и наука (18,4%), финансы и юриспруденция (18,4%), реклама и СМИ (16,5%); при этом более половины из них имеют высшее образование.

С целью глубинного понимания потребностей городской молодежи мы провели 22 полуструктуризированных интервью (средняя продолжительность интервью — 30 минут). Критериальный отбор информантов строился с учетом пола (участниками стали 15 девушек и 7 юношей), возраста (до 30 лет), категории молодежи (12 интервью с работающими и 10 со студентами), а также намерения относительно дальнейшего проживания в Екатеринбурге (11 интервью с «оседлыми» информантами, не планирующими в течение двух-трех лет покинуть город, и 11 — с «мобильными», имеющими сформированное желание переехать). Этап глубинных интервью позволил определить модели участия молодежи в отстаивании своих прав на город, а также выявить повседневные практики присвоения городской среды (воспринимаемое пространство объектов городской среды, с которыми взаимодействуют в повседневной жизни) и ключевые ориентиры задуманного пространства города (как и почему он должен измениться).

Кроме того, в ходе исследования было опрошено десять экспертов: специалистов/руководителей молодежных проектов и организаций, а также представителей научного сообщества — исследователей молодежного активизма и партисипации. Такой опрос был необходим для выделения базовых трендов активности молодежи в реализации права на город и определения проблемных зон: представления молодого поколения о праве на город и моделях его реализации отличаются от оценок группы экспертов, деятельность которых так или иначе связана с политикой администрации города, нацеленной на удовлетворение потребностей и интересов молодого поколения и их интеграцией в единую систему общегородского управления. Тематика для экспертов была актуальной: они выразили заинтересованность в оценке и продвижении молодежных инициатив, ориентированных на развитие городского пространства. Отсюда и длительность интервью с ними оказалась чуть дольше, чем непосредственно с молодыми информантами (средняя продолжительность интервью — 45 минут).

После расшифровки аудиозаписей интервью полученные текстовые материалы были обобщены и сгруппированы в соответствии с задачами исследования.

Результаты

Систему жизненных планов молодого поколения можно разделить на несколько крупных категорий (см. табл. 1). С одной стороны, это ориентация на достижение профессионально-образовательного статуса, выраженная в поиске интересной и высокооплачиваемой работы и продолжении образования. С другой — это связь жизненных планов молодежи с формированием стартовых условий для обретения

независимости и личностной успешности. В этом случае на первый план выходит решение вопросов независимости от родителей, приобретения собственного жилья, создания комфортного быта.

Таблица 1. **Какие планы Вы строите в настоящее время? (%)**

	Категория молодежи	
	Студенческая	Работающая
<i>Профессионально-образовательные планы, в том числе:</i>		
Стать обеспеченным, хорошо зарабатывать	54,8	60,4
Иметь интересную работу	61,6	51,4
Продолжить образование	67,3	34,6
Заниматься творчеством, наукой	25,6	33,3
<i>Обретение независимости и личностной успешности, в том числе:</i>		
Быть независимым от родителей, жить своим трудом	57,4	27,1
Иметь счастливую семью, лад в доме	34,7	42,4
Иметь достойное жилье	21,3	31,8
Иметь больше свободного времени для себя	21,9	26,8
Сделать жизнь более комфортной — купить новую машину, хорошую бытовую технику	16,2	25,2
Уехать за рубеж на постоянное место жительства	15,3	14,0
Переехать в большой город, столицу	8,5	9,6
<i>Общественно ориентированные планы, в том числе:</i>		
Найти возможность быть полезным другим людям, обществу	17,0	19,6
Участвовать в политической, общественной деятельности	5,7	5,0

Такая иерархия ближайших планов закономерно оттесняет общественно ориентированные задачи на менее значимые позиции: участие в политической и общественной жизни как неотъемлемую часть своей жизни рассматривают только 5%—6% наших респондентов. Низкая вовлеченность населения и отсутствие у жителей сформированной потребности в участии в жизни города фиксируются рядом исследователей на протяжении многих лет [Журавлев, 2015]. Так, в 2013 г. жители Казани оценили возможность участвовать в решении городских проблем на 2,89 балла по шкале от 1 до 4 [Глебова, 2013]. Изучение факторов, ограничивающих взаимодействие населения и местных органов власти, составляет отдельное и актуальное направление исследовательской деятельности социологов [Фролова, 2016; Gladarev, 2016].

Однако такое отношение к участию в локально-территориальной общественно-политической жизни относится исключительно к ситуации стабильного

существования, при отсутствии выраженного вмешательства государственных / региональных / муниципальных политических структур в сферы, которые молодые граждане относят либо к сугубо личной, либо к общественно значимой в их системе ценностных ориентаций (в том числе в вопросах среды проживания и городского пространства).

Если молодежь сталкивается с тем, как функционирует городская власть, но только в конкретные моменты времени, это ситуативное столкновение. (Э1)

Зачастую на законодательном уровне городская политика не учитывает запрос городского образованного среднего класса и молодежных ожиданий, связанных с возможностями мобильности, выбора и т. д. [Шпаковская, Чернова, 2017].

В подобной ситуации «излишнего вмешательства» можно выделить три базовые модели поведения, описанные в ходе интервью участниками нашего исследования.

Первая модель — «модель невмешательства» — основана на страхе участия или на отсутствии веры в результативность проявления своей позиции.

Кто-то боится: «вдруг мне там попадет» или еще что-то. Кто-то боится, мало ли там какие-то провокаторы, [и] их там куда-то втянут. (Э2)

При этом остается нереализованным субъектный потенциал молодежи, что приводит к росту недовольства своей жизнью, ощущению не востребованности в городе:

Молодому поколению необходима возможность диалога с администрацией города, необходимо понимание, что наши идеи и предложения нужны, а голоса могут быть услышаны. Это лучшая мотивация. В конце концов, при таком подходе молодежь сама создаст город, в котором ей хочется оставаться. Иначе талантливая молодежь, с которой хотят найти общий язык, уже выйдет из этого прекрасного возраста и будет получать пенсию в другом регионе или стране. (Э3)

Вторая модель — «модель искреннего участия» — подразумевает открытую заинтересованную позицию, готовность ее отстаивать, в том числе в диалоговой форме с субъектами, вовлеченными в решение актуального вопроса.

Ну, реально, я все время вижу, [как] они там гуляют, скачут, сидят там, болтают, рисуют. Видимо, это место для них было каким-то значимым, [так как] они пришли. (Э2)

Такая позитивная настроенность должна встречать ответный отклик со стороны властей:

Администрации города необходимо перейти от директивного формата работы к диалогу. Какой смысл общения с администрацией, если их проекты развития города определены на десять-двадцать лет вперед, и план менять не готовы? (Э3)

Открытость администрации стимулирует молодежь на производство новых практик, которые становятся движущей силой изменений в городской среде в целом. Речь идет о том, что при институциональной поддержке молодое поколение может «выйти» за пределы топического/локального/местечкового на уровень глобальных трансформаций города как социально-территориального образования.

Здесь [в Екатеринбурге] можно развиваться самостоятельно, возможно открыть какой-то бизнес. И администрация, и сам город предрасполагают к этому. (И1)

Третья модель — «модель бегства» — предполагает готовность к смене места жительства как отклик на неудовлетворительную политику местной власти.

Не нравится обилие конъюнктурных решений: точечная «вульгарная» застройка, экономия на инфраструктуре и ее несистемность, постоянные колебания стратегий развития и т. п. В результате, у города сильно размывается образ будущего. Я все меньше вижу себя здесь. (И2)

Данная модель в наибольшей степени высвечивает неготовность встраивать свой «локальный» жизненный проект в существующую макросреду города. Стандартные акции властей не могут решить данную проблему:

В плане проводить всякие акции на укрепление патриотизма — возможно, какую-то роль это сыграет, но далеко не самую большую. Все равно в первую очередь нужно повышать уровень жизни и стремиться к развитию города в плане инфраструктуры, социальных услуг и т. д. Тогда у человека будет больше моментов привязанности к городу. И [важно] не мешать ему самому решить здесь остаться. (З4)

Присвоение городского пространства может быть рассмотрено как в потребительском (в том числе утилитарно-бытовом) контексте, так и в эмотивном, включая субъективные оценочные эмоционально окрашенные характеристики права на город.

Право на присвоение города определяется доступностью городских объектов для потребления, культурно-досуговой деятельности и удовлетворения потребностей жителей. Значимость факторов городской среды при выборе потенциального города для проживания замерялась по шкале от 1 до 4: чем выше значение индекса, тем более важной является данная характеристика.

Среди объектов городского пространства наибольшее значение для наших респондентов имеют доступное жилье и наличие зеленых зон, парков. При этом зеленые зоны — фактор не только настоящего, но и будущего комфортного проживания в городе:

Еще, хотя я на данный момент не собачница, без детей и без самоката, в будущем все-таки собираюсь войти в эти три категории и понимаю, что пока инфраструктура для всего этого очень плохо приспособлена. (И3)

Таблица 2. Оценка значимости факторов при выборе города для проживания (индекс)

	Категория молодежи	
	Студенческая	Работающая
<i>Объекты и услуги городского пространства</i>		
Доступность жилья (для аренды, покупки)	3,62	3,66
Доступность и качество медицинского обслуживания	3,53	3,54
Наличие зеленых зон, парков	3,45	3,50
Работа городского транспорта	3,23	3,21
Доступность получения качественного высшего образования	3,23	3,04
Качество услуг ЖКХ	3,21	3,13
Доступность социальных и бытовых услуг для населения	3,16	3,13
Состояние дорог	3,12	3,19
Доступность учреждений общественного питания (кафе, бары, рестораны)	3,11	3,08
Доступность культурно-развлекательных учреждений высокого уровня, возможность культурного досуга	3,07	3,15
Доступность учреждений для занятий физической культурой и спортом	2,72	2,77
Количество торговых центров и магазинов	2,62	2,57
Возможности для открытия и ведения бизнеса	2,61	2,59
<i>Характеристики городской среды</i>		
Уровень безопасности (экологической, криминальной, террористической)	3,54	3,50
Уровень дохода, уровень жизни жителей города	3,52	3,48
Комфортность городской среды (чистота, освещенность, широкие улицы и т. д.)	3,49	3,55
Красота города	3,36	3,45
Состояние экологии	3,30	3,37
Перспективы развития города	3,24	3,37
Красота природы, ландшафта	3,22	3,24
Климатические условия	3,13	3,18
Уровень конфликтности, социальной напряженности в городе	3,11	3,16
Уровень культуры жителей города	3,10	3,22
Доверие к органам городской власти	3,08	3,02
Ситуация с пробками на дороге	3,06	3,04
Толерантность, терпимость жителей города	3,02	3,00
Объективность городских СМИ	2,69	2,70

Парки становятся значимым «третьим местом» городского пространства, если не вытесняя, то создавая конкуренцию традиционным кафе:

Ну, не хватает им площадок, каких-то мест, где они могут собраться, общаться. Ну, не в вузе же сидеть и не на этих фудкортах бесконечных! Сейчас, мне кажется, к этому идет потихонечку. Все равно как-то стали заботиться о парках... (35)

«Гулять по этому городу» — фраза, наиболее емко характеризующая присвоение города через его непосредственное прохождение, «присвоение ногами». Исследуя практику ходьбы по городу как фактор социального смешения и взаимодействия, а также сплоченности городского сообщества, Дженни Миддлтон утверждает, что подобные повседневные практики должны стать предметом городской политики, ориентированной на реализацию права на город [Middleton, 2016]. «Пройденное» становится частью локального пространства, выхватывая его из внешней и неосвоенной среды. В результате происходит кардинальная смена отношения и используемых практик присвоения.

Одним из важных моментов «потребления» города становится «опривычивание» доступности торговых центров и магазинов. Этот фактор менее значим, чем наличие культурно-развлекательных и спортивных учреждений, а также предприятий общественного питания. Магазины стали очевидной, а потому «незамечаемой» характеристикой городской среды крупного города. Значимая тенденция здесь — ожидание «сжимания» пространства места торговли и «расширения» времени покупки:

Ты приехал и затарился всем, начиная от носков и до каски. Все, что тебе нужно, ты можешь найти в одном месте. И очень важно, чтобы были круглосуточные торговые центры. (И1)

В то же время именно торгово-развлекательные центры создают парадокс типичности досуга, вовлекая в стереотипные модели потребления:

Магазинов, торговых центров у нас уже полно! Уже скукотища: одно и то же везде! Там все выходные [проводим]. Народ идет туда отдыхать: кино, магазин, еда. (Э2)

Возможность противопоставить этой стандартизации досуга уникальные проекты будет расцениваться как одно из принципиально важных качеств города, привлекательного для молодежи:

Тут есть театры с действительно классными и уникальными постановками. (И4)

Активно на это обращали внимание и участники количественного опроса, давая развернутые ответы на открытый вопрос «Чем Вы гордитесь как житель Екатеринбурга?»:

Уникальная творческая атмосфера, самобытная культура, активные жители. (И5)

Здесь сосредоточена большая часть интеллектуальной России, постоянно проходят различные интересные мне мероприятия. (И6)

Мероприятия, которые не имеют аналогов в других городах. (И7)

Создание условий совпадения личностных интересов молодых жителей и реализуемых в городе проектов позволяет расширить границы партисипации, сформировать новый опыт и потребности общественного участия.

Базовым фактором освоения городского пространства выступает и транспортная инфраструктура. Как отмечает Кафуи Аттох, для жителей право на город означает право на транзит, то есть перемещение по городу [Attoh, 2019]. Транспортная сеть определяет достижимость городских объектов с точки зрения не только возможности доехать до них, но и скорости перемещения по городу. Сжатие времени и пространства изменяет восприятие городских объектов, переводит их из категории «далеких и чужих» в «свои», тем самым включая объективно разрозненные и удаленные фрагменты городского пространства в индивидуальное единое целое. Отсюда на скорость повседневной мобильности и ее значимость указывают практически все молодые информанты.

Если сравнивать с Кемерово, например, то он тоже достаточно большой индустриальный город, но в этом плане [скорости жизни] он какой-то не быстрый. А мне надо за день побывать в самых разных точках города, и ждать я не могу. (И8)

Скорость перемещения по городу требует современного и надежного транспортного парка, качественных дорог и интеллектуальных сервисов информирования пассажиров:

Чем шире улицы, тем соответственно трафик, городской поток транспорта более быстрый, и тогда удобнее добираться до работы. И, конечно, человек стремится пользоваться интернет-сервисами и принимать решения быстрее, чтобы ему было комфортнее добираться. (Э1)

Следовательно, время в пути становится фактором влияния на физическое и эмоциональное состояние горожан, выбор места работы или отдыха [Лычко, Мосиенко, 2016], и в итоге — фактором удовлетворенности городским пространством.

Партисипативная концепция предполагает, что процесс взаимодействия жителя и города можно сделать эффективнее и инновационнее за счет вовлечения людей в деятельность по развитию и улучшению города [Шутова, 2015]. Однако политизированные показатели, связанные с доверием к органам местного самоуправления, в системе критериев выбора города проживания смещены на одно из последних мест, подчеркивая доминирование экономических аспектов участия в жизни города и слабость установок права на участие в управлении и преобразовании города на уровне публичной политики. Это предполагает, что имеющиеся механизмы политической партисипации не устраивают молодых горожан

и требуют разработки и развития специализированных форм участия молодежи в развитии городской среды [Фурсов, 2019: 81].

Эмотивный аспект присвоения города связан с формированием чувства принадлежности к городу, неразрывности своей судьбы и судьбы города, складыванием территориальной идентичности, появлением чувства гордости за город проживания. Эти аспекты получают воплощение в том числе в языковых конструкциях с использованием слов «мой», «наш», «родной», «любимый», «близкий». Город становится персонифицированным, о нем говорят, как о человеке:

И я стал понимать, что не хочу уезжать из этого города, что он мне нравится. (И1)

<...> Это мой родной город, только в нем мне комфортно. (И9)

Мне кажется, наш город с каждым годом становится все лучше и лучше. Мне очень повезло: я могу добиться всех своих целей, не покидая любимый город. (И10)

Такая эмоциональная связка представляется наиболее эффективной моделью присвоения города: включив город в круг эмоциональных привязанностей, его уже нельзя разрушить, обидеть или «бросить без веских на то причин» (И11). Город становится соратником, партнером, другом:

Екатеринбург мне нравится своей динамичностью и общим духом развития и стремлений, что согласовывается с моими убеждениями. (И5)

Эмоциональный контекст был также замерен через оценку чувства гордости за город Екатеринбург («Есть ли в Екатеринбурге что-то, чем Вы как его житель гордитесь?»): его испытывают 62 % опрошенных в равной мере студенты и уже работающие молодые жители Екатеринбурга. Такое чувство более свойственно местным жителям (70 %) по сравнению с приезжими горожанами (57 %). Однако материалы нашего опроса свидетельствуют, что длительность проживания в городе становится фактором «привязки» к нему: если среди тех, кто прожил в Екатеринбурге один год, 40 % указывают на наличие чувства гордости от проживания в нем, то среди проживших четыре года этот показатель достигает уже 68 % и практически сравнивается с уроженцами / коренными жителями города. Мы можем предположить, что именно этот временной период требуется для появления сформированной в достаточной степени идентичности с новым местом жительства. Следовательно, при частых сменах города проживания и кратком пребывании в том или ином месте у человека просто не успевает произойти эмоциональное присвоение города, как не успевает сформироваться и отношение, схожее с отношением «местного» жителя.

Чувство гордости за город, в котором проживаешь, по оценкам опрошенных, выступает условием DIY-активностей (от англ. *Do It Yourself* — «сделай сам»). Подобные инициативы свидетельствуют о переходе от потребления городского пространства молодежью к его производству через создание новых форм социальных практик. Более половины опрошенных признались, что готовы включиться в практики

«малых дел», ориентированных на улучшение городской среды, систем взаимодействия горожан и становления новых форм сотрудничества с управленческими структурами:

Мне нравится, что в университете в коридорах стоят стеллажи с книгами: бери что нравится для чтения. Принести и поставить можно свои прочитанные книги. (И12)

<...> Весной всегда иду на субботник, убираю мусор возле дома и на детской площадке. (И10)

Такого рода инициативы представляются действенным инструментом утверждения права на город — не только культурного потребления и потребления развлечений, но и производства новых типов социальных связей и отношений. Как следствие у молодого поколения формируется потребность в инновационном развитии городского пространства и соучастии в управлении территорией, возникает чувство ответственности за нее перед собой и последующими поколениями.

Заключение

Результаты исследования позволили прийти к следующим выводам. Молодое поколение рассматривает право на город прежде всего сквозь призму утилитарного практического запроса на условия в городском пространстве для реализации актуальных потребностей: стабильная работа, высокий заработок, разнообразный досуг, развитая транспортная инфраструктура. Привлекательность города определяется его возможностями предложить комфортную повседневную жизнедеятельность молодым горожанам, эмоционально привязывающимся к городу и испытывающим чувство гордости за него.

Молодежь, руководствуясь личными интересами и жизненными стратегиями, готова стать субъектом преобразования пространства «вокруг себя». Тем не менее, как свидетельствует наше исследование, не исключены противоречия между стремлением молодых людей инициировать и реализовать локальные инициативные практики и ориентациями властных структур города на макроразвитие территории в целом. Границы участия молодежи в производстве пространства города оказываются размытыми: молодые люди сужают их, а институциональные субъекты — расширяют. Молодое поколение стремится к утверждению собственных ценностей, используя практику малых дел, и тем самым реализует право на присвоение и развитие городского пространства.

Нам видятся перспективными следующие направления дальнейшего исследования включенности молодежи в производство городского пространства: анализ социального неравенства и эксклюзии некоторых социальных групп из практик такого участия (молодых инвалидов, беспризорников, нищих и пр.); изучение механизмов мобилизации молодежи и форм коллективного поведения в контексте реализации права на город; исследование противоречий и конфликтов между представителями молодежных субкультур в повседневном присвоении города и его сегрегации.

Список литературы (References)

- Антонова Н. Л., Ракевич Е. В. Горожане как субъект формирования имиджа города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 2. С. 160—166. <http://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-2-160-166>.
- Antonova N. L., Rakevich E. V. (2016) Citizens as the Subject of City Image Forming. *Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. No. 2. P. 160—166. <http://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-2-160-166>. (In Russ.)
- Вершинина И. А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 48—60. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60>.
- Vershinina I. A. (2018) Anri Lefevr: "From The Right to the City" to the "Urbanist Revolution". *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. Vol. 24. No. 2. P. 48—60. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60>. (In Russ.)
- Глебова И. С. Оценка комфортности и привлекательности жизнедеятельности в городе (на примере г. Казани) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10020> (дата обращения: 21.05.2020).
- Glebova I. S. (2013) Evaluation of Comfort and Attractiveness of Life in the City (On the Example of Kazan City). *Modern Problems of Science and Education*. No. 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10020> (accessed: 21.05.2020). (In Russ.)
- Желнина А. А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 2. С. 45—59.
- Zheltnina A. A. (2015) Creativity in the City: Reinterpreting the Public Space. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XVIII. No. 2. P. 45—59. (In Russ.)
- Журавлев О. М. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов // Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011—2013 годов / под ред. С. В. Ерпылевой, А. В. Магуна. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 27—70.
- Zhuravlev O. M. (2015) Inertia of Post-Soviet Depoliticization and Politicization of 2011—2012. In: Erpyleva S. V., Magun A. V. (eds.) *The Politics of the Apolitical: Civic Movements in Russia, 2011—2013*. Moscow: New Literary Observer. P. 27—70. (In Russ.)
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.
- Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>. (In Russ.)
- Калинникова М. В., Головина А. А. Социологические основы рефлексии благоприятной городской среды в общественном мнении молодежи // Известия

Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 4. С. 391—393. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-391-393>.
Kalinnikova M. V., Golovina A. A. (2018) Sociological Foundations for the Reflexy on Favorable Urban Environment in Youth Public Opinion. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Vol. 18. No. 4. P. 391—393. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-391-393>. (In Russ.)

Лычко С. К., Мосиенко Н. Л. Общественный транспорт в практиках мобильности: повседневные маршруты горожан // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 256—273. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.14>.

Lychko S. K., Mosienko N. L. (2016) Public Transport in Mobility Practices: Daily Routes of Citizens. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 256—273. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.14>. (In Russ.)

Терентьев Е. А. Топонимический активизм и «право на город»: социологические заметки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1. С. 194—202. <http://doi.org/10.17223/1998863X/29/21>.
Terentev E. A. (2015) Toponymic Practices and the 'Right to the City': Sociological Notes. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 1. P. 194—202. <http://doi.org/10.17223/1998863X/29/21>. (In Russ.)

Фролова Е. В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 59—64.

Frolova E. V. (2016) Interaction of the Population and Local Government: Problems and New Opportunities. *Sociological Studies*. No. 4. P. 59—64. (In Russ.)

Фурсов А. А. Правовые основы привлечения граждан к процессам благоустройства (на примере городских округов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2. С. 67—84.

Fursov A. A. (2019) Legal Foundations for Citizen Involvement in Development Processes (in the Context of Urban Districts). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. No. 2. P. 67—84. (In Russ.)

Шпаковская Л. Л., Чернова Ж. В. Город, дружелюбный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 160—177. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.10>.

Shpakovskaya L. L., Chernova Zh. V. (2017) Family-Friendly City: New Public Space for Children and Their Parents. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 160—177. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.10>. (In Russ.)

Шутова А. С. Реализация партисипационной концепции в городской среде средствами графического дизайна // Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы. Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 230—236.

Shutova A. S. (2015) Implementation of Participatory Concept in Urban Environment by Means of Graphic Design. In: *Improving Humanitarian Technologies in the Educational*

Space of a University: Factors, Problems, Prospects. Yekaterinburg: Ural Federal University. P. 230—236. (In Russ.)

Attoh K. A. (2019) Rights in Transit: Public Transportation and the Right to the City in California's East Bay. Athens: University of Georgia Press. <http://doi.org/10.2307/j.ctt22nmc4p>.

Busà A. (2009) The Right to the City: The Entitled and the Excluded. *The Urban Reinventors*. No. 3. P. 1—13.

de Souza M. L. (2010) Which Right to Which City? In Defence of Political-Strategic Clarity. *Interface: A Journal for and About Social Movements*. Vol. 2. No. 1. P. 315—333.

Fenster T. (2005) The Right to the Gendered City: Different Formations of Belonging in Everyday Life. *Journal of Gender Studies*. Vol. 14. No. 3. P. 217—231. <http://doi.org/10.1080/09589230500264109>.

Fernandes E. (2007) Constructing the 'Right to the City' in Brazil. *Social & Legal Studies*. Vol. 16. No. 2. P. 201—219. <http://doi.org/10.1177/0964663907076529>.

Gladarev B. (2016) Attempts to Overcome 'Public Aphasia': An Analysis of Public Discussions in Russia at the Beginning of the Twenty-First Century. In: Vakhtin N., Firsov B. (eds.) *Public Debate in Russia: Matters of (Dis)order*. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 167—205.

Harvey D. (2008) The Right to the City. *New Left Review*. No. 53. P. 23—40.

Lefebvre H. (1996) *Writings on Cities*. Cambridge, MA: Blackwell Publishers.

Marcuse P. (2009) From Critical Urban Theory to the Right to the City. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. Vol. 13. No. 2—3. P. 185—197. <https://doi.org/10.1080/13604810902982177>.

McCann E. J. (2002) Space, Citizenship, and the Right to the City: A Brief Overview. *GeoJournal*. Vol. 58. No. 2—3. P. 77—79. <https://doi.org/10.1023/B: GEJO.0000010826.75561.c0>.

Middleton J. (2016) The Socialities of Everyday Urban Walking and the 'Right to the City'. *Urban Studies*. Vol. 55. No. 2. P. 296—315. <https://doi.org/10.1177/0042098016649325>.

Mitchell D., Villanueva J. (2010) The Right to the City. In: Hutchison R. (ed.) *Encyclopedia of Urban Studies*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 667—671.

Plyushteva A. (2009) The Right to the City and Struggles over Urban Citizenship: Exploring the Links. *Amsterdam Social Science*. Vol. 1. No. 3. P. 81—97.

Purcell M. (2002) Excavating Lefebvre: The Right to the City and its Urban Politics of the Inhabitant. *GeoJournal*. Vol. 58. No. 2—3. P. 99—108. <https://doi.org/10.1023/B: GEJO.0000010829.62237.8f>.

Soja E. W. (2010) *Seeking Spatial Justice*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Приложение. Список информантов¹**Эксперты**

Код информанта	Пол	Возраст	Должность	Стаж работы в молодежной сфере
Э1	Женщина	35	Руководитель школы проектов для молодежи Уральского федерального университета	10
Э2	Женщина	54	Руководитель государственного автономного учреждения по работе с молодежью	30
Э3	Мужчина	31	Куратор молодежных проектов в Уральском федеральном университете	8
Э4	Женщина	25	Педагог-организатор городского школьного медиацентра	3
Э5	Женщина	42	Руководитель общественной организации молодежи	11

Молодые информанты

Код информанта	Пол	Возраст	Категория молодежи	Намерение мобильности
И1	Мужчина	22	Работающий	«Оседлый»
И2	Мужчина	30	Работающий	«Мобильный»
И3	Женщина	26	Работающая	«Оседлая»
И4	Женщина	21	Студентка	«Мобильная»
И5	Женщина	29	Работающая	«Оседлая»
И6	Мужчина	22	Студент	«Оседлый»
И7	Женщина	19	Студентка	«Мобильная»
И8	Мужчина	20	Студент	«Мобильный»
И9	Женщина	25	Работающая	«Оседлая»
И10	Женщина	20	Студентка	«Оседлая»
И11	Мужчина	20	Студент	«Оседлый»
И12	Женщина	22	Студентка	«Мобильная»

¹ Представлены только те информанты, интервью с которыми были упомянуты в статье.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1680

О. Н. Безрукова, В. А. Самойлова

МАТЕРИНСКИЙ ГЕЙТКИПИНГ В РОССИИ: МОЛОДЫЕ ОТЦЫ О МАТЕРЯХ И БАРЬЕРАХ ДОСТУПНОСТИ ДЕТЕЙ ПОСЛЕ РАЗВОДА

Правильная ссылка на статью:

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 463—498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1680>.

For citation:

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2020) Maternal Gatekeeping in Russia: Young Fathers about Mothers and the Barriers to Access Children after Divorce. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 463—498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1680>.

МАТЕРИНСКИЙ ГЕЙТКИПИНГ В РОССИИ: МОЛОДЫЕ ОТЦЫ О МАТЕРЯХ И БАРЬЕРАХ ДОСТУПНОСТИ ДЕТЕЙ ПОСЛЕ РАЗВОДА

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, и.о. заведующей кафедрой социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: o.bezrukova@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0003-2821-1734>

САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: v.samojlova@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0001-5412-0575>

Аннотация. Статья посвящена исследованию практики гейткипинга — материнских барьеров доступности детей после развода — в восприятии разведенных молодых отцов. Гейткипинг понимается как динамичный и взаимный процесс выстраивания барьеров, установления контроля, выдвижения обвинений, препятствующих выработке общих правил взаимодействия и достижения сотрудничества родителей в интересах ребенка в процессе и после развода. Показано, что конструирование идентичности разведенных молодых отцов определяется влиянием специфического феномена «уязвленной маскулинности». Он фиксирует болезненные переживания травмы гегемонной маскулинности, кризиса мужской идентичности вследствие проигрыша в борьбе за властную по-

MATERNAL GATEKEEPING IN RUSSIA: YOUNG FATHERS ABOUT MOTHERS AND THE BARRIERS TO ACCESS CHILDREN AFTER DIVORCE

Olga N. BEZRUKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Acting Head of the Department of Youth Sociology and Youth Policy

E-MAIL: o.bezrukova@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0003-2821-1734>

Valentina A. SAMOYLOVA¹ — Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Social Work

E-MAIL: v.samojlova@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0001-5412-0575>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of gatekeeping practices, namely the barriers raised by mothers to limit the access to children, as perceived by the divorced young fathers. Parental gatekeeping is defined as a dynamic and reciprocal process of creating barriers, establishing control, bringing accusations that prevent from the development of common rules for interaction and the achievement of parental cooperation in the interests of the child during and after the divorce. The authors conclude that the identity of the divorced young fathers is influenced by the so-called “wounded masculinity”. The phenomenon captures painful experiences of hegemonic masculinity, the crisis of male identity due to a loss in the struggle for a dominant position in the family and manifests itself through the feeling of insolvency, the fear

зицию в семье, проявляется в переживании несостоятельности, в страхе показаться слабым и испытывающим душевную боль, а также в чувстве обиды или ожесточения, агрессии.

Представлены результаты анализа интервью с 18 разведенными молодыми отцами и 5 специалистами по экспертизе семейных споров об определении места жительства ребенка и порядке встреч с отдельно проживающим родителем. На основе критериев целей и средств их реализации предлагается типология практик материнского гейткипинга. Сделан вывод, что в основе целей гейткипинга лежат стремление матерей к отчуждению отца от ребенка и «перезагрузке» жизни — своей и ребенка, дискредитация его в глазах детей, окружающих и в общественном мнении, месть, демонстрация доминирования матери, получение материальных благ. Анализируются различные практики контроля матерей над повседневными взаимодействиями отцов с детьми, стратегии ограничения и/или лишения отца родительских прав, финансового и алиментного контроля. Выделены четыре модели постразводного отцовства — «отца-жертвы», «отсутствующего отца», «борца за права», «вовлеченного отца». Предлагаются направления практической реализации результатов исследования — применение типологии практик гейткипинга в диагностике, экспертизе и социальной помощи разведенным родителям и их детям, развитие семейной медиации, внедрение технологий профилактики разводов, урегулирования семейных конфликтов, разработка программ по подготовке молодежи к семейной жизни и повышению культуры семейных отношений, совершенствование

of being seen as weak and emotionally wounded resulting in resentful feelings and aggression.

The authors present the results of a study based on the interviews with 18 divorced young fathers and 5 experts in family disputes on determining the child's place of residence and the visitation procedure for the non-custodial parent. Based on the criteria for goals and means for achieving the goals, the authors suggest a typology of maternal gatekeeping practices. The goals of maternal gatekeeping are as follows: mothers' desire to alienate the father from the child and "reset" their own life with the child, discrediting the father in the eyes of the child and the social circle, revenge, demonstration of mother's dominance, obtaining material benefits. The authors analyze various strategies of maternal control over the father's daily interactions with children, strategies to limit or terminate father's parental rights, financial support and alimony. Four models of post-divorce fatherhood are identified: "father as a victim", "absent father", "father fighting for his rights", and "involved father". The authors propose to use the results of the study in the following fields: the typology of gatekeeping barriers and practices can be applied in the diagnostic assessment, examination and social facilitation for the divorced parents and their children, family mediation, divorce prevention, development of awareness programs to prepare youth for family life and improve family culture, improvements to joint legal custody, etc.

правовых механизмов реализации совместной опеки родителей над детьми на паритетной основе на всех этапах развода.

Ключевые слова: гейткипинг, развод, отцовство, маскулинность, материнство, споры о детях, интересы детей

Keywords: gatekeeping, divorce, fatherhood, masculinity, motherhood, child-related disputes, child interests

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-011-00543.

Acknowledgments. The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-011-00543.

Введение

Глобальные тенденции изменений в семейных отношениях — сокращение числа регистраций браков, их неустойчивость, снижение рождаемости, рост числа разводов [Захаров, 2008; Amato, Meyers, Emery, 2009; Воронина, 2011; Егорова, Сизова, 2014; Kalmijn, 2015; Синельников, 2018 и др.]. Анализ данных статистики о браках и разводах показывает, что с середины XX века число разводов в России увеличилось втрое¹, распадается более чем каждый второй брак, в большинстве разводящихся семей (примерно в 60%) есть дети [Захаров, 2013, Шевченко, 2015]. Наиболее уязвимы к расторжению брака молодые семьи [Архангельский, 2013; Антонов, Лактюхина, 2015], специфическими особенностями разводящихся молодых семей выступают конфликты, в основе которых лежат существенные сдвиги в социокультурных смыслах и жизненных ценностях молодежи, изменения гендерных норм, противоречия между традиционными и современными представлениями о материнстве и отцовстве, идеальными моделями и их практическим воплощением в жизни семьи [Безрукова, 2017; Бурменская и др., 2018; Микляева, Румянцева, 2018; Зубок, Чупров, 2019; Клёцина, Иоффе, 2019 и др.]. Сокращается общая продолжительность брака, преодолевается разрыв между удовлетворенностью браком и его стабильностью [Население..., 2011: 73], дети больше не являются условием юридического оформления или продолжения брачных отношений [Гольцова, Лещенко, 2010; Архангельский, 2013; Антонов, Лактюхина, 2015: 21].

Отношение общества к разводам вполне лояльное. По данным ВЦИОМ, большинство россиян считают их допустимыми (89% в 2019 г. против 80% в 1990 г.)². Вместе с тем в последние годы отношение к ним стало более рациональным: 56% считают, что принимать решение о разводе или сохранении семьи стоит исходя из конкретной ситуации (в 1990 г. эта доля составляла 36%). При этом только 10% опрошенных категорически не принимают возможность расторжения брака,

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 27.06.2020).

² Отношение к бракам и разводам: мониторинг // ВЦИОМ. 2019. 8 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9793> (дата обращения: 27.06.2020).

выступая за его сохранение вне зависимости от причин (13% в 1990 г.), еще треть респондентов не поддерживают развод, если семья фактически не распалась (30% против 39% в 1990 г.).

Одно из негативных последствий развода — споры родителей об определении места жительства ребенка и порядке встреч с отдельно проживающим родителем [Даниленков, 2013; Шелютто, 2013; Зыков, 2018; Якушев, 2018 и др.]. Право отца на воспитание и заботу о детях наравне с матерью гарантируется ст. 19 ч. 3 Конституции РФ, а также закреплено в Семейном кодексе РФ (см. ст. 1 п. 3, ст. 16). Конвенция ООН о правах ребенка предписывает при решении вопроса о проживании ребенка с родителями исходить из нормы о соблюдении «наилучших интересов ребенка»³. Правовые нормы поддерживаются и все более демократичными взглядами граждан на важную роль разведенного отца в воспитании детей. За последние годы значительно выросла доля согласных с мнением, что решение, кому оставлять ребенка в случае развода, следует принимать в зависимости от конкретных родителей и ситуации в семье (58% в 2019 г. против 43% в 2015 г.). При этом в два раза снизилась доля сторонников выбора в пользу матери (20% против 38% в 2015 г.). Мнения о том, что никто из родителей не сможет в одиночку хорошо воспитать ребенка, придерживаются 15% респондентов⁴.

Вместе с тем на практике в 90% случаев после развода дети остаются с матерями [Ржаницына, 2012: 14], при этом нередки ситуации, когда матери препятствуют общению детей с отцом. Судебные решения, в соответствии с которыми матери становятся единственными опекунами ребенка, поддерживаются гендерными нормами и стереотипами о матерях как естественных и умелых родителях, предубеждениями в отношении способности мужчин заботиться о детях [Здравомыслова, Темкина, 2007; Безрукова, Самойлова, 2017, 2019; Иссерс, 2017; Клупт, 2020].

Несмотря на острую актуальность в изучении проблем постразводного отцовства, последствий споров родителей о месте жительства и общении детей с отцами после развода, подобных исследований в российском научном дискурсе совсем немного [Гурко, 2018: 46; Солodников, 2018: 281]. Интерес исследователей фокусируется на причинах разводов в молодых семьях с детьми [Лактохина, Антонов, 2016; Синельников, 2017], рассматриваются российская специфика алиментных обязательств и проблемы уклонения от выплаты алиментов [Воронцова, 2000; Прокофьева, Валетас, 2002; Гурко, 2008; Ржаницына, 2010, 2012, 2015; Иванова, 2018], авторы акцентируют внимание на типологии разведенных отцов [Иванова, 2017; Русских, 2018; Шевченко, 2015; Янак, 2016], анализируют практики отцовской вовлеченности в воспитание детей после развода [Гурко, 2013; Шевченко, 2015; Шелуханова, 2017; Русских, 2018; Янак, 2018; Borisenko, Evseenkova, 2019]. Вместе с тем остаются неизученными возможности совместной равноправной опеки над детьми для родителей после развода, способы достижения родительского консенсуса, дискриминация отцов в судах и потеря прав на опеку над деть-

³ Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // ООН: Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 27.06.2020).

⁴ Отношение к бракам и разводам: мониторинг // ВЦИОМ. 2019. 8 июля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9793> (дата обращения: 27.06.2020).

ми, практики активности отцов в защиту отцовских прав и борьбы за изменения в законодательстве и семейной политике, ограничения или нарушение равенства прав отцов и матерей на воспитание детей после развода.

Цель статьи состоит в анализе материнских барьеров доступности детей после развода в восприятии разведенных молодых отцов. Ключевые исследовательские вопросы: какие препятствия создают матери, ограничивая отцов в контактах с детьми после развода? Какие стратегии используют матери для управления и контроля за отцом? Какова мотивация матерей в семейных спорах о детях в восприятии отцов? Как молодые разведенные отцы воспринимают бывших жен и материнские барьеры доступности детей? Каковы причины вовлечения отцов в противостояние с матерью в борьбе за доступность ребенка?

Теоретические и эмпирические исследования гейткипинга

Участие обоих родителей в жизни ребенка относится к неоспоримым характеристикам жизненной ситуации, наиболее благоприятной для его роста и развития. Это положение соответствует представлению о наилучших интересах ребенка и в том случае, когда родители расстаются, в идеале каждый родитель поддерживает отношения другого родителя со своим ребенком или, по крайней мере, не создает препятствий для их общения. В период совместной жизни родители разделяют права, обязанности и радости воспитания детей, важно, чтобы и в случае расторжения брака они делились ими, особенно это касается радости общения.

Развод чаще сопровождается ограничением контактов с ребенком для одного из родителей, как правило, отца. В зарубежных исследованиях накоплены значительные свидетельства ограничения доступа к ребенку, установленного для бывшего супруга либо в неофициальном порядке, либо в соответствии с законными условиями опеки [Fabricius et al., 2010]. Практика контроля общения с ребенком получила название *гейткипинг* (gatekeeping), буквально — регулирование доступа к ребенку путем «открытия/закрытия ворот», входной контроль, с помощью которого один из родителей ограничивает (или делает возможным) взаимодействие другого со своим ребенком/детьми [Allen, Hawkins, 1999]. С. Аллен и А. Хокинс, авторы наиболее часто цитируемого определения, делают акцент на нежелании матери отказаться от лидирующей роли и родительской ответственности, устанавливая жесткие стандарты, стремясь утвердить и подчеркнуть материнскую идентичность и поддерживая дифференцированную концепцию семейных ролей. Это определение отмечает важность убеждений, поведения и результатов как составляющих гейткипинга.

Хотя более традиционным является фокус на процессах торможения доступа к ребенку, современная точка зрения состоит в том, что существует некий континуум, который отражает варианты от стимулирующего к ограничивающему воздействию одного из родителей, от проактивного и позитивного — до ограничительного и негативного [Trinder, 2008; Austin et al., 2013]. Позитивный полюс — содействующее управление (facilitative gatekeeping, FG), когда родитель-опекун выступает за поддержание конструктивных отношений с ребенком родителя-нерезидента, способствует этому и демонстрирует ребенку, что ценит вклад другого родителя. Промежуточная форма — защитное управление (protective gatekeeping, PG) — воз-

никает, когда родитель действует, чтобы ограничить участие другого родителя или критикует его родительские навыки из-за опасений по поводу возможного вреда для ребенка. На негативном полюсе — ограничительное управление (*restrictive gatekeeping, RG*) — относится к действиям одного из родителей, направленным на то, чтобы помешать участию другого родителя общаться с ребенком [Austin et al., 2013]. По другой классификации выделяется пять типов: «активное» и «условное открытие ворот», «пассивное управление воротами», «оправданное» и «активное закрытие ворот» [Trinder, 2008].

Сравнительно чаще в роли родителя-привратника выступает мать, это нашло отражение в данных ряда исследований [Allen, Hawkins, 1999; Fagan, Palkovitz, 2011 и др.] и в определениях самого понятия гейткипинга как попытки матерей ограничить или исключить отца из ухода за детьми и общения с ними, степени материнского контроля на входе, когда женщины ограничивают доступ своих детей к отцу [Allen, Hawkins, 1999; Fagan, Barnett, 2003]. Среди причин материнского гейткипинга наиболее влиятельными исследователи считают три фактора: гендерную идеологию, восприятие отцовской компетентности и родительский конфликт [Trinder, 2008].

Если отношения между супругами заканчиваются и переструктурируются, культурный мандат — брать на себя главную роль в качестве опекуна — принадлежит матерям, они и получают большую власть в этой области над отцами [Adamsons, 2010; Austin et al., 2013; Puhlman, Pasley, 2013]. По данным американских исследований, более чем в 80 % случаев при разводе правами опеки над детьми наделяют матерей [Cancian et al., 2014]. Во многом это обусловлено традиционным предположением, что женщины — более компетентные опекуны, а отцы менее подготовлены для выполнения обязанностей по уходу за детьми [Bietel, Parke, 1998; Jeynes, 2015].

То, сколько времени отец будет проводить с ребенком, зависит от личного восприятия матерью родительских способностей отца и его приверженности интересам ребенка [Trinder, 2008; Austin, Fieldstone, Pruett, 2013]. Отношение матерей к отцовскому воспитанию после развода связано с тем, как они его оценивали во время брака [Pruett, Arthur, Ebling, 2007], и чем в большей степени матери были удовлетворены воспитанием, тем более тесно, как правило, отцы связаны со своими детьми. Согласно исследованию Л. Триндер, немногие матери в выборке оценивали позитивно своих бывших партнеров, но те, кто считал их достаточно хорошими папами с добрыми намерениями, не препятствовали, а способствовали общению между ними и детьми [Trinder, 2008].

Наличие и острота конфликта в отношениях бывших супругов в значительной степени определяют то, какая складывается практика взаимодействия ребенка с родителем-нерезидентом. Если мать негативно относится к отцу, он обычно взаимодействует с ребенком меньше [Kulik, Tsoref, 2010]. Переопределение отношений в переходный период оказывается довольно сложным для всех родителей. Даже те, кто ориентирован на интересы ребенка и поддерживает конструктивный контакт, под влиянием интенсивных эмоций, связанных с разводом и судебным разбирательством, проявляют тенденцию к жесткому, негативному мышлению о бывшем партнере как о личности и как о родителе, которая часто имеет вре-

менный характер. Для разводов с высоким уровнем конфликта характерны двухсторонние ограничивающие стратегии (RG) [Austin et al., 2013].

Большая часть исследований была сфокусирована на матери как на главном попечителе ребенка [Beitel, Parke, 1998; Puhlman, Pasley, 2013; Sturm, Antonakis, 2015]. Однако термин «материнский гейткипинг» все чаще признается устаревшим и ограничивающим представление о реальном взаимодействии, поскольку оба родителя реагируют на отношение к ребенку и поведение друг друга и используют свою силу и полномочия, чтобы получить как можно больше, контролируя при этом действия бывшего супруга [Puhlman, Pasley, 2013; Cancian et al., 2014]. Как отмечают авторы, гейткипинг — это «двухсторонний процесс, а не линейный однонаправленный акт» [Trinder, 2008: 1298], модель практики взаимного контроля, результат общего набора мнений о воспитании детей [Arellanes, Parke, Gudmunson, 2017].

Основным средством для расширения возможностей доступа к своим детям у отцов выступают финансы. Исследования показывают, что матери с большей вероятностью отказываются от посещения ребенка отцом, если не получают от него финансовой поддержки, и что вероятность воссоединения с детьми более чем в три раза выше у отцов, которые предоставляют финансовую и/или нефинансовую поддержку, чем у тех, кто не оказывает никакой поддержки [Coakley, Shears, Randolph, 2015]. Споры о детях и о финансах часто взаимосвязаны: отец контролирует поток денег, но ощущает контроль со стороны бывшей супруги; если она активно пытается препятствовать доступу к ребенку, отец может угрожать урезать выплаты, тем самым оказывая на нее давление. Эта мера оказывается чувствительной, если во время брака в семье было сильное разделение по признаку пола — тогда и после развода гендерные практики обеспечения и воспитания детей продолжают. В случае распада эгалитарной семьи с двумя доходами финансы как средство контроля не играют столь значимой роли, и матери чаще ценят роль самого отца, считая его участие критически важным для обеспечения интересов ребенка [Moore, 2012].

Финансовые инструменты могут использоваться обоими родителями в их противоборстве, выступая в том числе как средство манипуляции и обмана. Так, мужчины скрывают свои активы от жен и от судей, чтобы отделить их от «общего финансового пула», который будет впоследствии разделен [ibid.]. Отцы имеют больше шансов получить опеку над своими детьми после развода, если у них есть финансовые возможности обеспечить себе хорошее юридическое представительство [Cancian et al., 2014]. Когда матери экономически уязвимы, отцы могут ограничивать денежные средства, усиливая свою власть и одновременно создавая имидж матери как непригодной для ухода за детьми. Матери, в свою очередь, указывают на то, что отцы мало заботятся о своих детях, поскольку не обеспечивают их должным образом. При этом содержание ребенка (алименты) становится валютой, олицетворяющей любовь и заботу, и такие матери воспринимают неплатеж или недоплату как недостаток любви и заботы [Moore, 2012]. Если отцы не платят алименты, матери могут удерживать ребенка. Но и в случае выплаты алиментов факты свидетельствуют о том, что отцы не получают значительно большего доступа к своим детям [Jeunes, 2015].

Таким образом, проведенные исследования показывают, что достижение договоренностей между бывшими супругами по поводу общения с ребенком родителя-нерезидента зависит от установок и поведения обеих сторон, и поведение матерей является «по крайней мере, частичным ответом на убеждения и поведение отцов, а также, в свою очередь, «задает», что отцы могут или не могут делать» [Trinder, 2008: 1320]. «Работа ворот» — динамичный процесс, родители оказывают постоянное и взаимное влияние друг на друга. В семьях, где «ворота» активно открывались, отцы ценили поддержку и сами поддерживали матерей, что вызывало реакцию последних, за счет чего позитивный цикл повторялся. Напротив, в отсутствие ролевых сделок родители оказывались «запертыми в отрицательном круге взаимного недоверия»: матери не способствовали контакту, а отцы чувствовали себя обделенными и недооцененными и поэтому стремились защитить и укрепить свою позицию, из-за чего матери чувствовали себя эмоционально истощенными и находящимися в осаде [ibid.: 1321].

При этом стремление снять с себя ответственность за то, что контакты родителя-нерезидента с ребенком не поддерживаются, характерно для обеих сторон. Как отмечает в своей работе Л. Триндер, ни одна из матерей, ограничивающих доступ отца к ребенку, не сообщила, что она против контакта — причиной называлось благополучие детей, а также их собственное желание сократить или прекратить контакт. Напротив, ни один отец не признал, что действия матери были оправданными: все утверждали, что это матери активно препятствовали доступу, чтобы монополизировать воспитание детей по необъяснимым причинам или из-за мстительности [ibid.].

Очевидно, что избежать субъективизма в эмоционально нагруженной ситуации, какой является развод, непросто. К настоящему времени проведено значительное количество исследований о препятствиях для участия отца, которые отражают негативные взгляды других людей относительно вклада и потенциала отцов [O'Donnell et al., 2005]. Как правило, эти исследования состоят из данных, запрошенных у матерей детей в разведенных семьях, работников социальных служб или из других источников, но не от самих отцов [Coakley, Shears, Randolph, 2015]. Данные об участии отца, полученные только из материнских отчетов, содержат информацию матерей о своем собственном поведении, связанном с отцом, об отношении к отцам и их родительской компетентности [Fagan, Barnett, 2003]. Альтернативным подходом было бы получение более объективных показателей участия отцов от них самих.

Методология исследования

Теоретико-методологические подходы исследования базируются, во-первых, на понимании отцовства (fatherhood) как социального института, системы прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как родителю и коренящихся в нормативной системе культуры; индивидуальной и рефлексивной социальной практике (fathering), сложного феномена, включающего множество компонентов и подвергающегося различным факторам воздействия [LaRossa, 1997; Doherty, Kouneski, Erickson, 1998; Coltrane, 2004; Кон, 2009; Plantin, Olukoja, Ny, 2011]. Ведущим фактором, определяющим

степень участия отца в заботе о детях, выступает поддержка матери [Doherty, Kouneski, Erickson, 1998], дифференцированная в зависимости от наличия у нее культурных и экономических ресурсов [Безрукова, 2013; Безрукова, Рыскина, Самойлова, 2016]. В исследованиях показано, что позитивное отношение к продолжению контактов отцов со своими детьми после развода скорее будут иметь представительницы среднего класса, имеющие высшее образование, приверженность идеологии гендерного равенства, партнерства в воспитании детей, на практике поддерживающие вовлеченность отца [Arendell, 1996]. Напротив, матери с недостаточным уровнем образования, сторонницы концепции разделенного родительства и консервативных взглядов на роль отца в семье, с жесткими, авторитарными воспитательными установками, скорее, будут препятствовать контактам отцов с детьми [Allan, Hawkins, 1999: 203; Fagan, Barnett, 2003: 1025; Безрукова, Самойлова, 2016: 51].

Во-вторых, реализуемые в исследовании подходы основываются на понимании гейткипинга (gatekeeping) как практики управляющего воздействия, контроля одного из родителей (чаще матери) или обоих родителей попеременно, ограничивающего контакты с детьми после развода [Allen, Hawkins, 1999; Trinder, 2008]. При этом, переходя от акцентирования внимания на ведущей роли матери в практиках контролирующего поведения к пониманию двусторонности конфликтного взаимодействия [Fagan, Barnett, 2003; Trinder, 2008; Arellanes, Parke, Gudmunson, 2017], мы утверждаем, что гейткипинг — динамичный и взаимный процесс выстраивания барьеров, установления контроля, выдвижения обвинений, препятствующих выработке общих правил взаимодействия и достижения сотрудничества родителей в интересах ребенка в процессе и после развода.

В-третьих, мы опираемся на понимание того, как разведенные отцы строят свою идентичность. Теоретические положения концепции гегемонной маскулинности позволяют понять, как в повседневной жизни мужчин реализуется стратегия их доминирования с позиции власти [Carrigan, Connell, Lee, 1985; Connell, 1995], и как эта стратегия подвергается испытаниям в ситуации развода, каким образом и почему происходят социальные изменения в ортодоксальной мужской идентичности [Pleck, 1987; LaRossa, 1988; DeGarmo et al., 2010; Poole et al., 2016]. В контексте логики интерсекционального анализа [Здравомыслова, Темкина, 2018: 52] объясняется «кризис маскулинности» как проблематизация мужского опыта», что предполагает «диагностику проблем мужского бытия в контексте издержек мужской гегемонии, непредвиденных и явных последствий жестко определяемой доминирующей роли и отвержения всех и всего, что с ней не согласуется» [там же: 63].

Одновременно с этим мы основываемся на том, что маскулинная идентичность неоднозначна, противоречива и множественна, она представляет собой «культурно предписанный сценарий, от реализации которого зависит относительная социальная успешность индивида, его самооценка и восприятие его окружающими» [Тартаковская, 2002: 113]. Исследователи делают вывод, что мужчине приходится прилагать значительные усилия, чтобы избежать «срыва сценария» успешной мужественности, противостоять угрозе провала, сползания к проявлениям «несостоявшейся маскулинности» (failed masculinity) как синониму жизненного краха [Pleck, 1976; Ashwin, 2001; Тартаковская, 2002: 114]. Это во многом объясняет

проявления специфического феномена «уязвленной маскулинности», обуславливающего эскалацию конфликта бывших супругов и то, как разведенные отцы строят свою идентичность.

«Уязвленная маскулинность» — это болезненные переживания травмы гегемонной маскулинности, кризиса мужской идентичности вследствие проигрыша в борьбе за властную позицию в семье, проявляющиеся в ощущении собственной несостоятельности, ущербности и в то же время страхе показаться слабым, испытывающим душевную боль, в чувстве обиды или, напротив, злобы, ожесточения, агрессии. Уязвленная маскулинность как осечка в развитии «сценария гегемонной маскулинности» проявляется в нескольких специфических моделях поведения. (1) Отец может получить глубокую эмоциональную травму, испытывать чувство незаживающей раны, переживания предательства, обиды, вследствие чего формируются защитные поведенческие реакции отчужденности, сочетающиеся с болезненным реагированием. (2) Унижения и оскорбления бывшей жены порождают в ответ ожесточение, озлобление, агрессию, а вместе с ними и оборонительную реакцию — готовность бороться за свои права «до победного конца», а иногда и стремление противодействовать, препятствовать, «уничтожить». (3) Отец занимает пассивную позицию, считает невозможным противостоять агрессивному натиску бывшей жены, неспособен постоять за себя, проявляет слабость, избегает контактов с ней или разрывает отношения.

Таким образом, возможны разные модели постразводного отцовства — «отца-жертвы», потерпевшего от враждебности матери своего ребенка и стремящегося воскресить или построить заново маскулинную идентичность, приспособившись к новой ситуации; «отсутствующего» отца, прекращающего контакты с бывшей женой и ребенком; «отца — борца за права», стремящегося восстановить гегемонную маскулинность, питающую образ настоящего мужчины, а также «вовлеченного отца», отражающая попытку «реабилитировать» собственную маскулинность, уязвленную разводом и потерей властной позиции в семье» [Иванова, 2018: 132]. Если в основе первых трех моделей скорее лежит забота о собственной личности, стремление восстановить самоуважение, то для «вовлеченного» отца на первом месте стоят интересы ребенка и забота о его благополучии.

Дизайн исследования

Эмпирическая основа статьи — материалы исследования, проведенного в 2019 г. в Санкт-Петербурге. Эмпирическим объектом исследования выбраны молодые мужчины, поскольку именно новое поколение отцов чутко реагирует на меняющиеся тренды отцовства и последовательно выстраивает более равноправный сценарий родительства, стремясь в большей степени оставаться в жизни своих детей по сравнению с поколением своих отцов. Для молодых мужчин — нового поколения отцов — свойственны вовлеченность, приверженность идеологии равной ответственности родителей за заботу о детях, открытость новому опыту [Mille, Browning, Spruance, 2001; Безрукова, Самойлова, 2017: 123; Andreasson, Johansson, 2019], нежелание повторять жизнь с одним родителем [Bradshaw et al., 1999; Rosenberg, Wilcox, 2006], практики борьбы отцов за права [Jordan, 2009, 2018]. Собрано 18 интервью с разведенными молодыми

отцами. Проведены пять интервью с экспертами — специалистами аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге, руководителем отдела опеки и попечительства муниципального образования одного из районов города, специалистом по психолого-педагогической экспертизе гражданских дел об определении места жительства ребенка и порядке встреч с отдельно проживающим родителем, медиатором, конфликтологом. Выборка целевая, критерии отбора специалистов — опыт работы с семьями в ситуации развода/постразвода (от пяти лет), отцов — семейное положение (разведены), развод состоялся три и более лет назад, наличие спора с бывшей женой по поводу проживания, общения и воспитания ребенка, возраст до 35 лет, наличие несовершеннолетнего ребенка/детей, нет основной опеки над ребенком (детьми). Возраст опрошенных отцов: 25—35 лет, высшее образование имеют 17 человек, среднее специальное — 1. Разведены с матерью ребенка — 18. Одного ребенка имеют 11 человек, двое детей — 5, у двоих отцов помимо кровного ребенка в семьях были дети бывшей жены от предыдущих браков. Материальное положение оценили как в целом хорошее 15 человек, 3 — как удовлетворительное. Повторно женаты — 2, имеют постоянные отношения — 7, одиноки — 8. Метод исследования — глубинное интервью. Продолжительность — от 1 часа до 3 часов.

Стратегия анализа данных включала транскрибирование интервью, затем все тексты интервью анализировались с помощью качественного кодирования информации, классификации и типологизации, аналитической интерпретации полученных данных.

Материнский гейткипинг: барьеры в доступности детей для разведенных молодых отцов

Материалы исследования показали, что конфликтные отношения бывших супругов в процессе развода и постразводной ситуации порождают препятствия, снижающие доступность для отцов заботы о детях. В ходе исследования мы акцентировали внимание на практиках препятствий, создаваемых матерями, но отмечали и ограничения, которые используют отцы против матерей. По результатам обсуждения с отцами и экспертами были выделены основные, типичные представления, оценки, идеи, действия, которые приобретают характер своеобразной доминанты, лежащей в основе практик матерей по созданию барьеров доступа отцов к детям после развода. Можно условно разделить их на два уровня: одни из них отражают цели, которые преследуют матери, а другие представляют собой средства достижения этих целей (см. табл. 1). Рассмотрим подробнее типы материнского гейткипинга, цели и средства их достижения.

«Папа плохой!» проявляется в том, что в восприятии ребенка, родителей, ближайшего окружения бывшая жена стремится создать образ плохого отца, который бросил ребенка, разрушил семью. Давление на мужчину часто сопровождается обвинениями в том, что отец пренебрегает интересами ребенка в любви, заботе: *«Папа тебе больше не папа»* (М., 28 л., реб. — 5 л.); *«Папа нехороший, он тебя бросил, у него другая теперь женщина, у него будет другая семья»* (М., 31 г. реб. — 6 л.); *«Папа негодяй, он никогда не любил тебя, у него есть другой ребенок, которого он любит»* (М., 33 г., реб. — 8 л.).

Таблица 1. Типология целей и средств их достижения в практиках материнского гейткипинга

Цели гейткипинга	Средства достижения целей	Типы гейткипинга
Дискредитация отца в глазах ребенка, окружающих, в общественном мнении	Психологическое давление, обвинения, создание негативного, рискованного и опасного образа отца, внедрение идеи о недоверии бывшему мужу как отцу, создание образа некомпетентного и неумелого отца, привлечение специалистов к подготовке ложных и фальшивых экспертиз, шантаж, обвинения в сексуальных притязаниях или насилии, введение в заблуждение судей, специалистов по психолого-педагогической экспертизе, компромат, использование личных данных бывшего мужа (фактов биографии, фотографий, дневниковых записей, медицинских карт и др.) с целью опорочить, создать плохую репутацию.	«Папа плохой!» Создание образа опасного отца. Обвинения в сексуальных домогательствах к ребенку.
Отчуждение отца от ребенка и «перезагрузка» жизни — своей и ребенка	Запрет на общение, воспитание детей; ребенку дается фамилия нового мужа, ребенку дается информация о том, что отец пропал, исчез, забыл о ребенке, о том, что отец — чужой человек, лишенный прав на воспитание; блокирование контактов отца с ребенком; помехи для общения, манипулирование информацией о заседаниях суда, введение в заблуждение судей, специалистов по психолого-педагогической экспертизе, сокрытие информации о месте проживания ребенка; избегание контактов; переезд в другой город, район, регион, страну; воспитание ребенка родственниками.	«Папа — лишний!» Затягивание судебного процесса. Нарушения порядка общения. Полная блокировка или запрет на коммуникации. Географическая сепарация. Передача ребенка на воспитание своим родителям, близким родственникам.
Демонстрация доминирования матери	Агрессивные высказывания, унижение, запрет на общение отца с ребенком, жесткие ограничения, создание правил, в том числе трудновыполнимых, противодействие отцу, нарушения общения в установленном судом порядке, штрафные санкции, общение с ребенком только в присутствии матери.	«Не хочу и не дам, все равно не дам!» Нарушения порядка общения. Общение только в присутствии матери. Требование соблюдения жестких правил.
Месть	Оскорбления, угрозы, запугивания, агрессивные действия бывшей жены и ее родителей.	Запугивания, угрозы, оскорбления. Требование соблюдения жестких правил.
Получение материальных благ	Подготовка фальшивых экспертиз, компромат, хронометраж времени, проведенного отцом с ребенком в соответствии с постановлением суда, отслеживание нарушений в порядке общения отца с ребенком, выплаты алиментов и дополнительных денег на содержание ребенка, притязания в отношении собственности бывшего мужа и его семьи, выплата кредитов в интересах бывшей жены, контроль за размером и регулярностью алиментов.	Ограничение и/или лишение отца родительских прав. Финансовые притязания. Алиментный контроль.

По мнению участников исследования, бывшая супруга пытается создать негативный образ отца — «раздолбая», «эгоиста», «безответственного придурка» не только в глазах ребенка и родственников, но и у воспитателей в детском саду, школьных педагогов, тренеров спортивной секции, психологов: «Она все время подчеркивала, что я просто такой неумеха, что со мной нельзя оставить ребенка одного, а нужно все время «нависать»» (М., 35 л., реб. — 8 л.). Обвинения матерей воспринимаются отцами чрезвычайно болезненно: «Она сначала была вообще против того, чтобы я виделся с ребенком, в принципе. Ты бросил ребенка и делаешь ему только хуже, уйди уже, видеть тебя не хочу» (М., 35 л., реб. — 8 л.), а действия оцениваются как несправедливые, лживые, вызывают обеспокоенность и сопротивление: «Взяла из школы справку про собрания, с каких-то курсов по самбо, что отца ни разу не видели, он его не приводит. Какой-то знакомый психолог заключение написал, что ребенок закрытый, плюс от врачей была кипа справок, что он болеет все время, и каким-то образом пыталась подбить, что он болеет после того, как со мной встречается» (М., 34 г., реб. — 7 л.).

Для создания образа неадекватного человека, склонного к деструктивным реакциям, используются различные способы, могут привлекаться и специалисты, выполняющие недостоверные экспертизы: «В том психологическом центре работает мама ее адвоката, то есть они специально меня заманили и сказали, что мои тесты выражают мою неадекватность, склонность к агрессии, насилию» (М., 35 л., реб. — 6 л.). Как правило, отрицательные отзывы распространяются и на членов семьи мужа, ближайших родственников, таким образом происходит эскалация конфликта, вовлекающая в зону противостояния всю родню: «Еще она обвиняла на суде мою бабушку, которой сейчас 83 года, что она как-то не так протирает пыль, то есть если я захочу съездить к своей бабушке с ребенком, то там такие плохие условия, что ребенок пропадет, хотя бабушка у меня очень чистоплотная. То, что она говорила, это просто полная ерунда» (М., 35 л., реб. — 6 л.).

Такая стратегия отторжения мужчины как отца может объясняться своеобразным семейным наследованием, жизненным сценарием, формирующимся в семьях одиноких матерей или семей с доминирующей и властной матерью. В силу обесценивания бывшего супруга в качестве мужчины женщина воспринимает его образ отца в «черных красках»: от негативной оценки отдельных характеристик или поступков до полного отвержения. По мнению одного из экспертов, в таких ситуациях матери практикуют тактику «доведение ребенка до ненависти к отцу».

На ребенка в семье оказывалось такое влияние, что она ненавидела и отца, и его родственников. Отцу запрещено было видаться, бабушка навещала внука в присутствии третьего лица, адвоката. Адвоката приходилось приводить в себя. Настолько она была потрясена истериками, которые она видела со стороны девочки и необоснованное поведение такое. (Э.)

Жена долго не могла объяснить, зачем она все это делает, потом начала грязь на меня лить, по два с половиной листа. Писала, что я целыми днями пью, детей бью, ее бью, людей насилую, езжу на танке с двумя автоматами, надо спасать мир от меня: «Я думала он борется со злом, но только пожив с ним, поняла, что он и есть зло». В таком

вот ключе 2,5 листа, я читал. Я говорю: «Зачем ты это все пишешь, это же не правда? Зачем эта грязь, нас все равно разведут». (М., 35 л., двое детей)

«Папа — лишний!» проявляется в ситуациях, когда бывшая супруга вступает в новые отношения или повторно выходит замуж. Мотивация данной практики скорее лежит в стремлении к отчуждению себя и ребенка от отца, желании начать новую жизнь с «чистого листа», провести «перезагрузку» жизни — своей и ребенка. В этом случае мать начинает запрещать видиться с ребенком на основании того, что у него появился новый «хороший» отец. В отдельных случаях мать стремится не только создать другую семью, но и закрепить обновленный статус ребенка фамилией нового мужа, что вызывает защитную реакцию отца, проявляемую в виде агрессивной риторики и действий: *«Она сказала, что у ребенка теперь есть другой отец, и есть кому позаботиться о нем, а мне нужно убраться, забыть, родить себе других детей. Это нормально?»* (М., 34 г., реб. — 4 г.). Другой вариант — когда бывшая жена пытается приучить ребенка к мысли, что отец «пропал», «забыл о ребенке», исчез из его жизни: *«Я просто не хочу, чтобы она специально заставляла его забыть об мне, чтобы она не прививала ему, что я посторонний, чужой. Это вообще верх дурдома! Ему заново знакомиться придется. Главное, чтобы вспомнил меня»* (М., 30 л., реб. — 3 г.)

Для многих отцов неприемлема ситуация, в которой они характеризуются как «чужие» люди, не имеющие права общаться с ребенком, забирать его из детского сада, играть с ним:

Она не дает мне видиться с ребенком. Вообще никак. Вот я прихожу в детский сад, иду к заведующей, представляюсь, даю свои документы, они смотрят, что родительских прав не лишен, ребенок меня узнает, мы играемся. Но в третий раз они позвонили, и она приехала с криками: «Это не твой папа, это чужой дядя, собирайся, и мы уходим домой!» Ну понятно, что при маленьком ребенке я просто развернулся и ушел. (М., 34 г., реб. — 4 г.)

Запугивания, угрозы, оскорбления — отцы отмечали стремление бывших жен запугать:

В милицию написал заявление, о том, что она угрожает мне. Она всякую ерунду писала по телефону, я вас там убью, отправлю, закопаю. (М., 35 л., реб. — 8 л.)

Один из отцов возмущался тем, что любое его появление в квартире бывшей супруги с просьбой увидеть ребенка, превращалось в битву с оскорблениями, к которой подключались ее родители:

Желчь такая вся полезла, «контры» начались. Все это время у меня стояла цель — увидеться с ребенком. Мне вообще было пофиг, что там и как. Я приезжал, меня просто «говном» поливали, вся семья, лезли в драку, то есть я один, а они все втроем меня уничтожали. (М., 28 л., двое детей)

Другой отец отмечал, что оскорбления, угрозы непрекращающиеся несколько лет после развода, не дают возможности спокойно общаться с ребенком:

Со всех мессенджеров льются в мою сторону оскорбительные вещи, теперь уже и по отношению к ребенку: ты зачем это, зачем то сделал? (М., 35 л., реб.— 6 л.)

Вовлечение в зону конфликта членов семьи, их агрессивные действия иллюстрирует высказывание одного из отцов:

Встретились на улице с дочкой и тещей, теща всячески мне преграждала путь, не давала с дочкой пообщаться, кулаками махала, дралась. Выставляют все, что я дочку увидел и должен мимо проехать. Попираются права не только отца, но и детей. Даже ребенка никто и слушать не хочет. (М., 35 л., сын 8 л., дочь 5 л.)

«Не хочу и не дам, все равно не дам!» проявляется в действиях и агрессивном дискурсе бывшей жены, которая противодействует контактам отца с ребенком, не приводя никаких аргументов, несмотря на судебные решения, формальные и неформальные договоренности. Такие практики контроля объясняются стремлением бывшей жены доминировать в отношениях, авторитарной логикой, склонностью к директивным указаниям, оцениваются мужчинами как проявления «самодурства и глупости»:

В конечном счете суд постановил, что порядок встреч — до 7 лет 3—4 часа в день, после 7 лет — до 9 часов и на весь день, после 9 — на пару дней и так далее. Но по факту с ее стороны это не реализовывалось. Я пытался регулировать встречи, дозволенные судом, но это было безуспешно. Ребенка я не видел. Она сказала: «Только через мой труп! Мне суд не указ. Не хочу и не дам!» (М., 33 г., реб.— 7 л.)

Требование соблюдения жестких правил заключается в том, что бывшая жена составляет перечень правил, которые отец должен соблюдать, чтобы иметь возможность встречаться с ребенком. При нарушении какого-либо из правил мужчина подвергается соответствующим штрафным санкциям, которые скрупулезно разработаны и подробно прописаны. Как правило, в такой роли выступают женщины с высоким уровнем образования, педантичные, жесткие и чрезвычайно требовательные. Вместе с тем им тесно «работать по шаблону», их отличает креативность в практиках ограничения отца:

Все было спокойно: без криков и истерик с ее стороны. Но настоящая садистка! Концлагерь отдыхает! Опоздал, просрочил — платил деньгами, вещами, раздеваниями, сексом. (М. 35 л., реб.— 7 л.)

Нарушения порядка общения — невыполнение матерью порядка общения отца с ребенком в процессе развода/после развода, до судебного решения/после суда. При блокировании контактов отца с ребенком матери, как правило, аргументируют это целесообразностью (разумностью) своих действий — пресе-

чением «невежества отца», сокращением негативного влияния «плохого отца» на ребенка, созданием более благоприятных условий для жизни и развития «без этого кретина», а также иногда просто плохим настроением или неважным самочувствием: «*Меня не устраивал формат встреч. Потому что у нее все время плохое настроение, она могла просто на два месяца перестать мне давать с ним встречаться*» (М., 34 г., реб. — 9 л.). Такие препятствия, не оставляющие возможность отцу видиться с ребенком в течение дня, недели, месяцев, а иногда и нескольких лет, пока идет судебное разбирательство, опасны прежде всего тем, что ребенок фактически может перестать общаться с отцом, их «связи разрываются»: «*Про дочку ничего не знаю, полный информационный вакуум. Дочка не ходит в садик уже почти год, супруга мотивирует тем, что папа ее там украдет, требует перевода в другой садик в другом районе города*» (М., 35 л., сын 8 л., дочь 5 л.). Один из отцов признался, что из-за конфликта с бывшей женой больше не может видиться с сыном: «*Я с ним больше года не вижу. Как я с ним буду видеться? Не буду же я двери и окна выбивать*» (М., 30 л., реб. — 3 г.). Другой вспоминает, как лишился возможности видиться с сыном в детском саду: «*Я же приезжал в детский сад. После того, как она приехала и забрала его, она перестала его водить туда. Он туда не ходит совсем. Она сказала: если ты будешь приходить в садик, я не буду его туда водить*» (М., 35 л., реб. — 4 г.).

Для таких матерей характерна стратегия **затягивания судебного процесса** по вопросам о месте проживания и порядке общения отца с ребенком в надежде на то, что отец перестанет инициировать встречи с ребенком:

Она манипулировала мной. Она не брала трубку. Я приезжал к дому, звонил, а там никого нет. Или мы договаривались о встрече в суде. В итоге я приезжаю, а там никого нет, суд откладывается. Через час перезванивает: «Ой, я тут задержалась, скоро будем». Неуважение было постоянное. (М., 28 л., двое детей)

Часто в нарративах отцов встречается и стратегия **«Только в присутствии матери»** — общение с ребенком бывшая жена разрешает только в ее присутствии, что воспринимается отцами как нарушение своих прав:

Я настаивал на том, чтобы без ее присутствия, но это куча препятствий, это нужно, чтобы приставы ее вынуждали давать мне видеться с ребенком, я даже не представляю, как это сделать. То есть приставы будут ее принуждать к этому! (М., 35 л., реб. — 3 г.)

Часто запреты на свободное общение и взаимодействие с детьми, по словам отцов, объясняются установками бывшей жены на некомпетентность, непригодность, неумелость отца, который может причинить ребенку физические и психологические травмы:

С точки зрения бывшей жены, я был настолько непригодный к общению, что она боялась за безопасность ребенка. Вспоминала ситуацию, как я ненадолго как-то раз оставил коляску рядом с почтой, а я просто хотел зайти посмотреть, какая очередь на почте. На суде она приводила этот пример, что мне нельзя доверять ребенка. (М., 35 л., реб. — 8 л.)

Другой отец рассматривает контроль матери за общением как своеобразную месть за развод:

Не общаемся ни по телефону, ни по WhatsApp, были попытки общения по телефону, но это было так: телефонные звонки, видимо, на полную громкость, потому что мама здесь. И, допустим, общаемся, я ей задаю вопрос какой-то, она хочет сама ответить, а не может, потому что она смотрит на маму, боится и ждет ее ответа. Смысл так мучить ребенка? (М., 33 г., дочь — 7 л.)

Еще один отец объяснял невозможность свободного общения с ребенком «военными действиями» в отношениях с бывшей женой:

Общение с ребенком очень жестко контролировалось, были очень тяжелые отношения, психологически крайне дискомфортно. Не было возможности общения один на один, но только в ее присутствии. (М., 35 л., реб. — 5 л.)

Крайним вариантом выступает стратегия **полной блокировки или запрета на коммуникации**, заключающаяся в том, что мать создает помехи для общения отца с ребенком, трудности, которые преодолевают только самые настойчивые отцы:

Она блокирует меня везде, на всех девайсах. И никакого нет ответа, ничего! Ни телефон, ни соцсети, то есть все, не мог совсем связаться... я что-то не так сказал, и поэтому полностью заблокировала меня. Я пытался, а она никак. Ребенок фактически жил с ее родителями, а я не знал и с ума сходил. (М., 35 л., реб. — 8 л.)

Один из отцов жаловался на жесткие последствия ограничений в доступности ребенка:

У ребенка отобрали сотовый телефон, вечерами не дает общаться. Когда ребенок спрашивает: «Почему мне нельзя позвонить папе? Я сделал все домашние дела, я сделал уроки в школе». Отвечают: «Потому что!» (М., 33 г., реб. — 7 л.)

Несмотря на создание отцом разных возможностей для общения с дочерью, все эти способы также пресекались:

Я дарил ей телефон, оплачивал мобильную связь, чтобы у нее был и WhatsApp, заводил аккаунты в социальных сетях, настраивал различные доступы, чтобы ребенку не дай бог ничего не вылезло в поиске. Мама отобрала у нее телефон, купила ей свой. На вопрос «почему?» она говорит: «Ты можешь следить за ребенком!» (М., 34 г., реб. — 9 л.)

Географическая сепарация проявляется в том, что бывшая жена стремится создать территориальные барьеры между отцом и ребенком, построить границы, которые трудно преодолеть из-за ограниченной мобильности, больших расстояний, проживания в разных странах, регионах, районах мегаполисов:

Она года полтора-два в Сочи прожила. Уехала, меня не спрашивала, с ребенком. Она там чем угодно занималась: и в отеле работала, и где только ни работала. В Сочи так просто не смотаешься, они на праздники приезжали, вместе с дочкой. Условно говоря, 2—3 года я видел ребенка 2—3 раза в год. (М., 33 г., реб. — 7 л.)

Я очень переживал, особенно в силу расстояния, ведь я не миллионер, а билет туда-обратно — это очень дорого, 45 тысяч. Нет возможности летать каждый месяц в Сибирь, даже иногда раз в год не всегда выходит. (М., 33 г., реб. — 7 л.)

Летать в Италию, где она нашла нового мужа, накладно, да и по скайпу не дает поговорить. (М., 34 г., реб. — 7 л.)

Сейчас они живут в Пушкине. На буднях туда-сюда смотаться непросто, при всем желании. Она это знает и использует как только можно, говорит ребенку, что не хочу приехать. (М., 33 г., реб. — 6 л.)

Передача ребенка на воспитание своим родителям, близким родственникам — одна из часто обсуждаемых отцами тем: матери стремятся устроить личную жизнь после развода, освободившись от повседневной заботы о ребенке. Чаще всего они передают детей на воспитание своим родителям, близким родственникам и др. Мужчины либо осуждают такое поведение, либо относятся нейтрально, либо, напротив, приветствуют появление постоянного партнера у бывшей жены, возлагая на него надежды в воспитании своего ребенка. Возмущение отцов вызывает то, что чаще всего информация о месте нахождения ребенка в этот период скрывается:

К ребенку никакого внимания не было. Он был отдан первой свекрови от гражданского брака и жил там два месяца. Там просто такая мама, которая взяла восемь детей из детдома и воспитывает их. И она отдала ей ребенка еще! Я звоню адвокату, чтобы разобрать эту ситуацию, потому что я не могу найти ребенка. В итоге жена занималась личной жизнью, а мне сказала: «Через два месяца увидишь ребенка!» Никакой договоренности не получалось. (М., 28 л., двое детей)

Создание образа опасного отца, которому нельзя доверять ребенка имеет целью опорочить отца. В таких случаях бывшая супруга, как правило, использует тайную (скрытую) информацию о мужчине, которая стала ей известна во время семейной жизни. Это сведения о заболеваемости, ситуациях с рискованным употреблением алкоголя/наркотиков, привлечении полиции, судебных разбирательствах и др. Бывшая жена начинает шантажировать мужчину и может добиваться своих целей. Один из отцов рассказал свою историю:

Она пыталась оперировать тем, что в детстве у меня была инвалидность ДЦП, хотя она в детстве была и в детстве осталась. Сам ей рассказал когда-то, а сейчас спокойно работаю. Но она пыталась этим оперировать, залезала в архивы, но ей отвечали, что никто давно не состоит на учете. Как я понял, она давно начала готовить компромат, копаться в моей жизни, просила справки с работы. (М., 33 г., реб. — 7 л.)

Одно из новых и опасных для репутации отца препятствий — **обвинения в сексуальных домогательствах по отношению к ребенку**. Это детально проработанные схемы обвинения отца в сексуальных притязаниях и/или насилии с целью дискредитации, отказа от своих прав на общение с ребенком или затягивания судебных разбирательств. Подобное компрометирование мужчины в глазах общественности приводит к тому, что ему очень сложно опровергнуть эти обвинения и доказать свою невиновность. При этом даже в Санкт-Петербурге немного специалистов, которые могли бы оказать квалифицированную помощь, провести экспертизу и отличить ласковые прикосновения любящего отца от действий педофила. Один из наших экспертов, анализируя конфликтное противостояние родителей, приводит следующую ситуацию:

Мать предоставляет видеозапись: плохо видно, темно. Папа лежит на диване, смотрит телевизор, а дочка лежит где-то там головой на его животе. Она поперек дивана вместе с ним смотрит телевизор, папин живот использует вместо подушки. Мать предполагает, что он мог ее сексуально использовать. А он ее еще гладит по голове и плечам. Ну вот докажи, что это не вечер, проведенный вместе. (Э.)

Папу обвиняли в сексуальных домогательствах к ребенку семи лет. Причем мама с бабушкой настолько были фиксированные на этой теме, что какие-то рисунки ребенка хранили в сейфе, чтобы отпечатки пальцев представить, то есть пока не добьют — не успокоятся. Папа вел научную деятельность, и они поставили его в такие условия, что либо ты останешься без профессии, либо откажешься от прав на ребенка. (Э.)

Другая ситуация обвинения в сексуальных домогательствах:

Папа — врач. Дочка младенец, лежит на пеленальном столике, ее распеленали, собираются пеленать. Она говорит, что «я видела, как он прошел мимо нее, провел пальцем по промежности у нее и потом понюхал». (Э.)

Один из отцов рассказал о сексуальных практиках бывших супругов, которые, как оказалось, фиксировались женой и были использованы в качестве обвинения в гомосексуальной ориентации:

В начале отношений всякие глупости были для яркости впечатлений, переодевался в женскую одежду, она в мужскую, бегали по квартире друг за другом, теперь она фотографии эти показывает на суде, говорит, что у меня гомосексуальные наклонности. (М., 34 г., реб. — 7 л.)

Стратегия **ограничения и/или лишения отца родительских прав** проявляется в том, что бывшая жена стремится лишить или запугать отца лишением родительских прав на основании нарушения постановления суда о порядке общения отца с ребенком, компрометации, невыполнения алиментных обязательств, болезни, пребывания в местах заключения и др. Как свидетельствуют материалы исследования, этот способ управления поведением второго родителя — довольно

распространенная практика. Такая линия поведения часто используется родителями, если необходимо организовать продажу собственности, например, квартиры, в которой есть доля ребенка, или поехать за границу — на постоянное место жительства или в кратковременную поездку. Для осуществления этих действий необходимо иметь разрешение второго родителя, который, как правило, бывает не согласен, тогда первый стремится лишить его родительских прав. По мнению одного из экспертов, практика подготовки психолого-педагогических экспертиз показывает, что «это непреодолимо совершенно, потому что здесь можно уже отыграться на все сто процентов. Хочешь — не хочешь — ты нарушаешь права ребенка. Он мог бы иметь отдельную комнату, а из-за тебя, например, только десятую долю имеет, поэтому мы тебя лучше лишим родительских прав со всеми вытекающими последствиями» (Э.).

Для многих отцов лишение родительских прав представляется совершенно неприемлемым способом выяснения отношений с бывшей супругой по порядку общения с детьми:

Ребенок плачет по воскресеньям: «Я не хочу к маме». А я не могу ее не доставить, потому что если я нарушу медитативное соглашение, то она подаст на меня в суд о лишении родительских прав. (М., 34 г., реб.— 8 л.)

Я не знаю, какая там договоренность, но воспитатели звонят ей. По решению суда я могу видеть ее только в субботу и воскресенье с десяти до семнадцати в ее присутствии. То есть, если я приду в садик, она выйдет в суд с решением о лишении меня родительских прав. (М., 35 л., реб.— 4 г.)

Финансовые притязания — в восприятии мужчины бывшая жена предстает меркантильной и прагматичной женщиной, стремящейся использовать ситуацию развода и споры по поводу порядка проживания и общения с ребенком, а также эмоциональную вовлеченность и любовь отца к ребенку в корыстных целях — завладеть имуществом отца (квартирой, машиной, техникой и др., получить денежную компенсацию, вклады, оплату поездок за рубеж, аренду квартиры и др.):

Ей от меня нужны были только деньги, я оплатил лечение ребенка за рубежом, а она обманула меня, увезла ребенка, никакого лечения не было. (М., 34 г., двое детей)

Я специально переехал, здесь сдал, там снял квартиру, чтобы видеться с сыном, быть в шаговой доступности от ребенка. Но эйфория моя продлилась недолго, она мне выдвинула условия, на которые я не могу согласиться. Она хочет, чтобы я на нее переписал вот эту жилплощадь, где мы сейчас с сыном зарегистрированы. (М., 28 л., реб.— 3 г.)

Я брал кредиты для нее, которые до сих пор отдаю, и видеться поэтому запрещает. (М., 35 л., реб.— 5 л.)

Она мне скидывает видео и сообщение: «Напишешь доверенность на квартиру, тогда и будем разбираться, будешь ли ты с сыном видеться или нет!». Скидывает видео, где

показывает ему мою фотографию, спрашивает, знает ли он, кто это, а ребенок говорит: «Нет, не знаю!» (М., 35 л., реб.— 6 л.)

Такие притязания могут распространяться не только на имущество отца, но и на его ближайших родственников:

Ей от первого брака достались несколько объектов недвижимости, которые она сдает и может позволить себе жить, ни в чем себе не отказывая. Но она хочет еще путешествовать, развлекаться, а пусть мои родители или сестра перепишут квартиру ей. (М., 35 л., реб.— 6 л.)

Она уехала к себе, увезя некоторые вещи из квартиры, например кухонный гарнитур карельской березы, драгоценности семейные, не отдашь — не будет тебе ребенка! (М., 33 г., реб.— 3 г.)

В историях экспертов и информантов встречались ситуации, когда отцы не могли встретиться с детьми, поскольку выплачивали кредиты на организацию свадебной церемонии, платных родов, зарубежных поездок, ценных подарков супруге:

Несколько лет не объявлялся, а была простая причина — роды были платные, кредиты были набраны, по алиментам должен был, и у нее было основание: «Ты не выполняешь, пошел вон!» И вот пока не выплатил все долги, не мог показаться. Вот когда все это заработал, заплатил, отдал, только тогда... (М., 31 г., реб.— 5 л.)

Алиментный контроль проявляется в том, что главным аргументом матери в недоступности ребенка для отца выступают факт отсутствия выплат на содержание ребенка, недостаточность их размера или нерегулярность. В материалах интервью раскрываются различные варианты материальной поддержки отцов своих детей.

При этом одни отцы переводили деньги на счет матери до решения суда о назначении алиментов, другие лично передавали деньги жене, третьи покупали одежду, продукты, оплачивали летний отдых на море, поездки и др. Ни один из опрошенных отцов не был доволен тем, как расходуются бывшими женами алиментные деньги, и все предлагали различные варианты изменения порядка содержания ребенка. Вместе с тем, несмотря на выполнение финансовых обязательств и регулярную поддержку, каждый из них оказался лишенным возможности видеть своего ребенка:

Полгода так и было, естественно, все на доверии. Я просто переводил ей по карте деньги. А потом выходит судебный приказ. Я ей звоню, говорю: «Что такое? Тебя не устраивает?» На что слышу ответ: «Вдруг ты откажешься платить». Я как бы юридически не подкован был, потом с меня удержали за весь этот период. То есть помимо того, что я платил, еще сверху надо было заплатить, а ребенка все равно не видел. (М., 33 г., реб.— 7 л.)

Обсуждение результатов исследования

Мы исходили из предположения о том, что препятствия, создаваемые матерями и ограничивающие контакты отца с ребенком после развода, обусловлены взаимным негативным восприятием родителей друг друга. В данном исследовании мы сосредоточились на восприятии отцов. Оценки, мнения, переживания мужчин отражают ту психологическую реальность, в которой они живут. Это их личный, субъективный опыт, которому у них нет оснований не доверять и из которого они исходят, интерпретируя прошлые события, причины действий (свои и других), планируя будущее. В ситуациях конфликтного взаимодействия, в том числе гейткипинга, особенно важно определить содержание психологической реальности сторон (в данном случае мужчин), выстраиваемую ими причинную интерпретацию происходящих событий.

Матери используют различные практики контроля над повседневными взаимодействиями отцов с детьми. Проведенный типологический анализ на основе критериев целей и средств их реализации показал, что в основе доминирующих целей гейткипинга лежит стремление матерей к отчуждению отца от ребенка и перезагрузке жизни — своей и ребенка, дискредитация его в глазах детей, окружающих, общественном мнении, месть. Не менее важны демонстрация доминирования матери и получение материальных благ. Средства, используемые матерями, характеризуются многообразием и изощренностью. Среди них как агрессивные риторика и практики, проявляющиеся в запретах, контроле, оскорблениях, угрозах, запугиваниях, так и более изощренные варианты, поражающие изобретательностью, цинизмом и жестокостью (подготовка фальшивых экспертиз, компромат, обвинения в сексуальных притязаниях или насилии, введение в заблуждение судей, специалистов по психолого-педагогической экспертизе, использование личных данных бывшего мужа с целью опорочить, создать плохую репутацию и др.).

Для части матерей характерны смешанные стратегии борьбы за контроль и власть над доступностью ребенка, сочетающие одну-две или несколько стратегий. Объединяет матерей присущая им авторитарная установка на пренебрежение и/или отвержение участия отцов в заботе о детях. Объяснения этому могут быть связаны с распавшимся браком, претензиями матери к финансовым обязательствам отца, конфликтностью отношений, властностью матери, стремлением сохранить доминирование в воспитании ребенка, традиционным разделением гендерных ролей. При этом для матерей, обладающих бедными культурными и экономическими ресурсами, скорее характерны открытые агрессивные практики гейткипинга *«папа плохой!»*, *«папа — лишний!»*, *запугивания, угроз, оскорблений, «не хочу и не дам, все равно не дам!»*, *финансового и алиментного контроля* и др., для матерей с культурным капиталом — более изощренные практики *компрометирования/дискредитации отца в общественном мнении, обвинения в сексуальных домогательствах к ребенку, требование соблюдения жестких правил, ограничение и/или лишение отца родительских прав, географическая сепарация* и др.

Мотивы создания барьеров матерями могут быть обусловлены комплексом разнообразных причин: от переживания негативных чувств, вызванных разводом (злости, гнева, отчаяния), до осознания факта несостоявшейся семейной жизни, от ощущения разочарования и обиды до стремления причинить боль

и страдание, от желания унижить и оскорбить до потребности в мести и шантаже. Конструирование препятствий проявляется и в стремлении повлиять на психологическое состояние мужчины и тем самым добиться целей, связанных с экономическими интересами — увеличить размер алиментов, дополнительных выплат, добиться неформальных договоренностей и условий, завладеть собственностью, обеспечить выгодный раздел совместного имущества. При этом интересы и потребности детей не осознаются или остаются без внимания, а сами дети выступают инструментом решения финансовых вопросов, разрешения психологических трудностей, манипулирования в интересах родителей.

Молодые отцы, отобранные для исследования с учетом критерия «наличие конфликта с бывшей женой по поводу проживания, общения и воспитания ребенка», реализуют модель постразводного отцовства «борец за права». Основа этой модели — феномен «уязвленной маскулинности», которая раскрывается в воспринимаемой мужчиной проигранной борьбе за власть и принятие семейных решений. В фокусе ключевой претензии к бывшей жене, на наш взгляд, лежит повседневная борьба мужчин за доминантную позицию в семье, стремление к контролю и регулированию отношений, потребность во власти и реализации ответственности, что обеспечивает позицию семейного лидера и обеспечивает ресурс поддержания гегемонной маскулинности. Не получая в повседневной жизни подтверждения своего лидерства, мужчины испытывают болезненные реакции, которые продолжаются и после развода.

Вместе с тем существенный вклад в семейные споры о детях в российском контексте вносит гендерная идеология, воспроизводящая набор стереотипизированных представлений о доминирующей роли матери в заботе о детях. Пробелы в семейном законодательстве, отстающем от реальных практик бракоразводных процессов и семейных споров с участием детей, также снижают доступность детей для общения с отцом. Способствуют культурному воспроизводству контролирующих практик матерей и специфические барьеры при организации социальной работы с разведенными семьями, недостаток конструктивного взаимодействия специалистов разных ведомств, служб и организаций.

Настоящее исследование имеет свои ограничения, поскольку выполнено на небольшой выборке молодых отцов, преимущественно имеющих высшее образование. С целью получения достоверных данных и возможности переноса результатов на генеральную совокупность конфликтующих разведенных родителей представляется важным провести качественный анализ мнений женщин — бывших жен о конфликте, мотивации и практиках родительского гейткипинга, а также целесообразно провести количественный анализ выделенных барьеров и практик гейткипинга, характерных для данной целевой группы.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать несколько выводов для практической реализации его результатов. Типология гейткипинга может быть использована специалистами при диагностике мотивации родительских конфликтов о детях в процессе развода и в постразводной ситуации, при подготовке экспертных заключений о порядке общения и месте проживания детей

в ситуации развода, при вынесении решений об опеке над детьми в судебной практике, при оказании адресной и дифференцированной социальной помощи родителям для конструктивного взаимодействия в интересах детей в ситуации развода. Понимание целей и средств осуществления материнского гейткипинга может помочь разводящимся/разведенным родителям лучше осознать ситуацию, свои интересы и действия, отделить свои интересы от интересов детей, спрогнозировать будущее своего ребенка без отца, переосмыслить ценность участия родного отца в жизни ребенка и принять верное решение.

Представляется важным развитие и активное продвижение новой технологии работы с семьями — семейной медиации, переговоров по спорным вопросам взаимоотношений с участием профессионального посредника, направленных на гармонизацию семейных отношений, разрешение кризисных ситуаций. Кроме того, медиация имеет ключевое значение в качестве триггера, запускающего процесс осознания родителями, в чем действительно заключаются интересы ребенка, а также способа подготовки соглашения родителей по поводу определения места жительства и порядка общения с ребенком до суда. К сожалению, семейная медиация по-прежнему остается не всегда доступной и бесплатной формой урегулирования родительских конфликтов даже в Санкт-Петербурге. С учетом значительного числа распадающихся браков с детьми настоятельно необходимо разрабатывать и внедрять новые эффективные технологии профилактики разводов, урегулирования семейных конфликтов, сглаживания негативных явлений постразводной адаптации супругов и детей, снижения напряженности в семейных отношениях и др. Несмотря на то, что такие технологии уже существуют, их внедрение отстает от потребностей и запросов практики [Барабохина, 2017; Камышова, 2018; Камышова, Лазарева, 2018 и др.]. Важно «переходить от слов к делу» в подготовке молодежи к семейной жизни, разработке и внедрении соответствующих проектов, программ и учебных курсов. Работа в этом направлении уже частично началась в отдельных регионах страны [Купецкова, Редя, Смирнова, 2012; Панфилова, Шумилина, 2015; Карцева и др., 2016, Сорокина, Беккер, Тарасова, 2016; Карцева, 2018; Келасьев и др., 2019], но существует острая необходимость в реализации этих программ в активных и адекватных современным реалиям формах. Не менее значимо совершенствование правовых механизмов реализации совместной опеки родителей над детьми на всех этапах развода «на паритетной основе» [Зыков, 2018: 91], имеющей целью реализацию прав и наилучших интересов детей в возможности общения с обоими родителями и воспитания как матерью, так и отцом.

Список литературы (References)

- Антонов Г. В., Лактюхина Е. Г. Кризис института брака в современной России: реальность или вымысел? // Вопросы статистики. 2015. № 7. С. 24—34. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2015-0-7-21-31>.
- Antonov G. V., Laktukhina E. G. (2015) The Crisis of Marriage Institutions in Modern Russia: Reality or Fiction? *Voprosy Statistiki*. No. 7. P. 24—34. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2015-0-7-21-31>. (In Russ.)

Архангельский В. Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129—136.

Arkhangelskiy V. N. (2013) Reproductive and Marital Behavior. *Sociological Studies*. No. 2. P. 129—136. (In Russ.)

Барабохина В. А. Воспитание детей «неделя через неделю» // Практика социальной работы. Открытый методический ресурс. 2017. № 1.

Barabokhina V. A. (2017) Parenting “A Week in a Week”. *Practice of Social Work: An Open Methodical Resource*. No. 1. (In Russ.)

Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118—130.

Bezrukova O. N. (2013) Fatherhood in the Transforming Society: Mothers’ Expectations and Fathers’ Practices. *Sociological Studies*. No. 11. P. 118—130. (In Russ.)

Безрукова О. Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 88—110. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5003>.

Bezrukova O. N. (2017) The Values of Children and Parenthood: Intergenerational Dynamics. *Sociological Journal*. Vol. 23. No. 1. P. 88—110. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5003>. (In Russ.)

Безрукова О. Н., Рыскина В. Л., Самойлова В. А. Культурный капитал материнства и ценности семейного воспитания: сравнительный анализ // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 3. С. 107—128. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.3.4588>.

Bezrukova O. N., Ryskina V. L., Samoylova V. A. (2016) The Cultural Capital of Motherhood and the Values of Family Upbringing: A Comparative Analysis. *Sociological Journal*. Vol. 22. No. 3. P. 107—128. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.3.4588>. (In Russ.)

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Авторитарность в родительской культуре матерей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 44—54.

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2016) Authoritarian Syndrome in Mothers’ Child-Rearing Culture. *Sociological Studies*. No. 8. P. 44—54. (In Russ.)

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 116—125. <https://doi.org/10.7868/S0132162517070133>.

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2017) Paternity Leave in Russia: A Dream or Reality? *Sociological Studies*. No. 7. P. 116—125. <https://doi.org/10.7868/S0132162517070133>. (In Russ.)

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Папы по любви» и «папы поневоле», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90—101. <https://doi.org/10.31857/S013216250005796-8>.

Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2019) ‘Eager Dads’ and ‘Dads against Their Will’, or Why Russian Dads are Reluctant to Go on Parental Leave. *Sociological Studies*. No. 7. P. 90—101. <https://doi.org/10.31857/S013216250005796-8>. (In Russ.)

Бурменская Г. В., Алмазова О. В., Карабанова О. А., Захарова Е. И., Долгих А. Г., Молчанов С. В., Садовникова Т. Ю. Эмоционально-смысловое отношение девушек к материнству // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 4. С. 46—64. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260404>.

Burmenskaya G. V., Almazova O. V., Karabanova O. A., Zakharova E. I., Dolgikh A. G., Molchanov S. V., Sadovnikova T. Yu. (2018) Girls' Emotional and Meaningful Attitude to Motherhood. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. Vol. 26. No. 4. P. 46—64. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260404>. (In Russ.)

Воронина Т. Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины и последствия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 21—31.

Voronina T. D. (2011) Divorce as a Social Phenomenon in Contemporary Russia: Causes and Consequences. Experience in Regional Research. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 1. P. 21—31. (In Russ.)

Воронцова М. Г. Участвуют ли отцы в обеспечении детей? // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 145—148.

Vorontsova M. G. (2000) Do Fathers Participate in Maintenance of Their Children? *Sociological Studies*. No. 11. P. 145—148. (In Russ.)

Гольцова Е. В., Лещенко Я. А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 125—130.

Goltsova E. V., Leshchenko Ya. A. (2010) Factors of the Social Environment as Determinants of Marriage and Birth Rates. *Sociological Studies*. No. 2. P. 125—130. (In Russ.)

Гурко Т. А. Алименты: фактор качественного и количественного воспроизводства населения // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 110—120.

Gurko T. A. (2008) Alimony: Factor of Qualitative and Quantitative Reproduction of Population. *Sociological Studies*. No. 9. P. 110—120. (In Russ.)

Гурко Т. А. Отцовство в молодых семьях и после развода // Актуальные проблемы родительства в России / под отв. ред. Т. А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 52—72.

Gurko T. A. (2013) Fatherhood in Young Families and after Divorce. In: Gurko T. A. (ed.) *Actual Problems of Parenthood in Russia*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. P. 52—72. (In Russ.)

Гурко Т. А. Становление социологии семьи в России // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 40—52. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060041>.

Gurko T. A. (2018) Formation of the Sociology of Family in Russia. *Sociological Studies*. No. 6. P. 40—52. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060041>. (In Russ.)

Даниленков А. А. Возрастной ценз ребенка как один из способов ограничения прав отцов в РФ // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 10—15.

Danilenkov A. A. (2013) Age Qualification of a Child as One of Methods of Illegitimate Limitation of Fathers' Rights in the Russian Federation. *Family and Housing Law*. No. 2. P. 10—15. (In Russ.)

Егорова Н. Ю., Сизова И. Л. Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 97—102.

Egorova N. Yu., Sizova I. L. (2014) Has Russian Family Chance to Become a Supportive One? *Sociological Studies*. No. 4. P. 97—102. (In Russ.)

Захаров С. В. Браки и разводы // Население России — 2006. Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / под отв. ред. А. Г. Вишневого. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2008. С. 71—97.

Zakharov S. V. (2008) Marriages and Divorces. In: Vishnevskiy A. G. (ed.) *Population of Russia — 2006. The Fourteenth Annual Demographic Report*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. P. 71—97. (In Russ.)

Захаров С. В. Куда движется супружество в России? // Демоскоп Weekly. 2013. № 545—546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (дата обращения: 27.06.2020).

Zakharov S. V. (2013) Where is Marriage Going in Russia? *Demoscope Weekly*. No. 545—546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (дата обращения: 27.06.2020). (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 96—137.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2007) Soviet Etacritic Gender Order. In: Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (eds.) *Russian Gender Order: Sociological Approach*. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg Press. P. 96—137. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2018) What is “Masculinity”? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 48—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>. (In Russ.)

Зыков С. В. Совместная физическая опека или определение места жительства ребенка на паритетной основе? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 92—111. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.1.78.92.111>.

Zykov S. V. (2018) Joint Physical Custody or Determining Place of Residence of the Child on Parity Basis? *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 1. P. 92—111. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.1.78.92.111>. (In Russ.)

Иванова Е. А. «Я себя не отношу к хорошим папам, в лучшем случае, к нормальным»: как российские мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 132—150. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.8>.

Ivanova E. A. (2017) “I Don’t Consider Myself a Good Dad, at Best, an Average One”: How Russian Men Construct the Image of a “Good Father” after Divorce. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 20. No. 5. P. 132—150. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.8>. (In Russ.)

Иванова Е. А. Алименты как множественные деньги: контрибуция, обязательство или забота? Исследование практик содержания ребенка отцами после развода // Экономическая социология. 2018. № 4. С. 101—133. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-101-133>.

Ivanova E. A. (2018) Child Support as Multiple Monies: Contribution, Duty, or Care? Research on Fathers’ Practices of Child Maintenance after Divorce. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 19. No. 4. P. 101—133. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-101-133>. (In Russ.)

Иссерс О. С. «Право быть отцом»: лингвокогнитивный анализ стереотипов российского общества о правах и обязанностях отцов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 37—50. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-3-37-50>.

Issers O. S. (2017) “A Right to Be a Father”: Stereotypes of Russian Society about Fathers’ Rights and Duties Described in Mass Media, Blogosphere and Social Advertising. *Issues of Cognitive Linguistics*. No. 3. P. 37—50. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-3-37-50>. (In Russ.)

Камышова Е. В., Лазарева З. Н. Социальная коррекция взаимоотношений детей и родственников отдельно проживающего родителя после развода // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1. С. 25—29. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.1.5>.

Kamyshova E. V., Lazareva Z. N. (2018) Social Correction of the Relationships between Children and Relatives of a Non-Custodial Parent after a Divorce. *Theory and Practice of Social Development*. No. 1. P. 25—29. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.1.5>. (In Russ.)

Камышова Е. В. Социальная работа с семьями на разных стадиях развода // Теория и практика общественного развития. 2018. № 8. С. 39—42. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.8.6>.

Kamyshova E. V. (2018) Social Work with Families at Different Stages of Divorce. *Theory and Practice of Social Development*. No. 8. P. 39—42. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.8.6>. (In Russ.)

Карцева Л. В. Семейведение в образовательном пространстве Татарстана // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1. С. 121—125.

Kartseva L. V. (2015) Family Science in the Educational Environment of Tatarstan. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 1. P. 121—125. (In Russ.)

Карцева Л. В., Богачева Н. В., Низамиева О. Н., Яныкина А. Н., Садыкова Т. И. *Семьеведение: книга для учителя*. Казань : Казанский государственный институт культуры, 2016.

Kartseva L. V., Bogacheva N. V., Nizamieva O. N., Yanykina A. N., Sadykova T. I. (2016) *Family Science: A Book for a Teacher*. Kazan: Kazan State Institute of Culture. (In Russ.)

Келасьев В. Н., Первова И. Л., Шишкина Е. А. *Подготовка подрастающего поколения к семейной жизни: учебное пособие*. СПб. : Астерион, 2019.

Kelasiev V. N., Pervova I. L., Shishkina E. A. (2019) *Preparing the Younger Generation for Family Life: A Tutorial*. Saint Petersburg: Asterion. (In Russ.)

Клещина И. С., Иоффе Е. В. *Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе* 2019. № 3. С. 72—90. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.6>.

Kletsina I. S., Ioffe E. V. (2019) *The Norms of Female Behavior: Traditional and Contemporary Models*. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 72—90. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.6>. (In Russ.)

Клупт М. А. *Влияние семейной политики и нормативных представлений о семье на рождаемость: компаративный анализ // Социологические исследования*. 2020. Т. 46. № 3. С. 40—50. <https://doi.org/10.31857/S013216250008812-6>.

Klupt M. A. (2020) *Influence of Family Policy and Normative Beliefs about Family on Fertility: A Comparative Analysis*. *Sociological Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 40—50. <https://doi.org/10.31857/S013216250008812-6>. (In Russ.)

Кон И. С. *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время, 2009.

Kon I. S. (2009) *Man in the Changing World*. Moscow: Vremya. (In Russ.)

Купецкова Е. Ф., Редя Г. П., Смирнова И. Ф. *Семьеведение: программа курса для учащихся 1—11 кл. общеобразовательных учреждений. Методические рекомендации для учителя / под ред. С. П. Кудиновой*. М.; Пенза, 2012.

Kupetskova E. F., Redya G. P., Smirnova I. F. (2012) *Family Science: Course Program for Students in Grades from 1st to 11th. Guidelines for Teachers*. Moscow, Penza. (In Russ.)

Лактюхина Е. Г., Антонов Г. В. *Причины развода в современной России // Народонаселение*. 2016. № 4. С. 57—67.

Laktyukhina E. G., Antonov G. V. (2016) *Causes of Divorce in Modern Russia*. *Population*. No. 4. P. 57—67. (In Russ.)

Микляева А. В., Румянцева П. В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном интернет-дискурсе // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1. С. 67—77.

Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V. (2018) *#Sheisamother: Implicit Social Beliefs about Motherhood in the Modern Russian Internet Discourse*. *Woman in Russian Society*. No. 1. P. 67—77. (In Russ.)

Население России — 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.

Vishnevsky A. G. (ed.) Population of Russia 2009. The Seventeenth Annual Demographic Report. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2011. (In Russ.)

Панфилова Л. В., Шумилина Т. О. Основы семейной жизни: программа регионального курса. Владимир, 2015.

Panfilova L. V., Shumilina T. O. (2015) Family Life Basics: Regional Course Program. Vladimir. (In Russ.)

Прокофьева Л., Валетас М.-Ф. Отцы и их дети после развода // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 111—115.

Prokofyeva L., Valetas M.-F. (2002) Fathers and Their Children after Divorce. *Sociological Studies*. No. 6. P. 111—115. (In Russ.)

Ржаницына Л. С. Алименты на детей как элемент гражданской ответственности // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 56—65.

Rzhanitsyna L. S. (2010) Alimonies for Children as an Element of Civic Responsibility. *Sociological Studies*. No. 7. P. 56—65. (In Russ.)

Ржаницына Л. С. Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей. М.: Институт экономики РАН, 2012.

Rzhanitsyna L. S. (2012) Child Support in Russia: Analysis of Problems and Strategy in Children Interests. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Ржаницына Л. С. Улучшение положения детей в разведенных семьях // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 65—69.

Rzhanitsyna L. S. (2015) Improving Position of Children in Divorced Families. *Sociological Studies*. No. 3. P. 65—69. (In Russ.)

Русских Л. В. Состояние и проблемы современного отцовства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 3. С. 94—98. <http://dx.doi.org/10.14529/ssh180315>.

Russkikh L. V. (2018) The State and Problems of Modern Fatherhood. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*. Vol. 18. No. 3. P. 94—98. <http://dx.doi.org/10.14529/ssh180315>. (In Russ.)

Синельников А. Б. Субъективные причины развода: данные исследования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 116—139.

Sinelnikov A. B. (2017) Divorce for Subjective Reasons: The Survey Data. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. Vol. 23. No. 3. P. 116—139. (In Russ.)

Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95—113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>.

Sinelnikov A. B. (2018) Family and Marriage: Crisis or Modernization? *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 1. P. 95—113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>. (In Russ.)

Солодников В. В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: Мета-анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>.

Solodnikov V. V. (2018) Russian Sociological and Psychological Research of the Family: Meta-Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>. (In Russ.)

Сорокина Е. Е., Беккер Н. С., Тарасова Г. Р. Семейведение: культура взаимоотношений. Книгадлечения. Уфа : Астарт, 2016.

Sorokina E. E., Becker N. S., Tarasova G. R. (2016) Family Science. Relationship Culture: A Reader. Ufa: Astarta. (In Russ.)

Тартаковская И. Н. Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. Т. 9. № 3. С. 112—125.

Tartakovskaya I. N. (2002) Men in the Labor Market. *Sociological Journal*. Vol. 9. No. 3. P. 112—125. (In Russ.)

Шелютто М. Л. Реализация конституционных принципов семейного права в российском законодательстве // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 56—64. <https://doi.org/10.12737/1548>.

Shelyutto M. L. (2013) Realization of Constitutional Principles of Family Law in the Russian Legislation. *Journal of Russian Law*. No. 12. P. 56—64. <https://doi.org/10.12737/1548>. (In Russ.)

Шевченко И. О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70—77.

Shevchenko I. O. (2015) The Situation after Divorce: Fathers and Children. *Sociological Studies*. No. 3. P. 70—77. (In Russ.)

Шелуханова Л. В. Роль отца в инвестировании социального капитала в развитие ребенка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3. С. 109—115.

Shelukhanova L. V. (2017) Father's Role in the Investment of Social Capital into the Child's Development. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 3. P. 109—115. (In Russ.)

Якушев П. А. Учет возраста и пола ребенка при определении его места жительства при раздельном проживании родителей // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 28—31.

Yakushev P. A. (2018) Consideration of Child's Age and Sex in Determination of the Child's Place of Residence in Case of Spousal Estrangement. *Family and Housing Law*. No. 2. P. 28—31. (In Russ.)

Янак А. Л. Практики постразводного отцовства: некоторые проблемы в осуществлении родительской роли // Политика и общество. 2016. № 3. С. 369—373.

Yanak A. L. (2016) Practices of Post-Divorce Fatherhood: Some Problems in Realization of Parental Role. *Politics and Society*. No. 3. P. 369—373. (In Russ.)

Янак А. Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2. С. 124—131.

Yanak A. L. (2018) Father Involvement in Different Types of Families. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 2. P. 124—131. (In Russ.)

Adamsons K. (2010) Using Identity Theory to Develop a Midrange Model of Parental Gatekeeping and Parenting Behavior. *Journal of Family Theory & Review*. Vol. 2. No. 2. P. 137—148. <https://doi.org/10.1111/j.1756-2589.2010.00047.x>.

Allen S. M., Hawkins A. J. (1999) Maternal Gatekeeping: Mothers' Beliefs and Behaviors that Inhibit Greater Father Involvement in Family Work. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 61. No. 1. P. 199—212. <https://doi.org/10.2307/353894>.

Amato P. R., Meyers C. E., Emery R. E. (2009) Changes in Nonresident Father-Child Contact from 1976 to 2002. *Family Relations*. Vol. 58. No. 1. P. 41—53. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2008.00533.x>.

Andreasson J., Johansson T. (2019) Becoming a Half-Time Parent: Fatherhood after Divorce. *Journal of Family Studies*. Vol. 25. No. 1. P. 2—17. <https://doi.org/10.1080/13229400.2016.1195277>.

Arellanes J. A., Parke R., Gudmunson C. G. (2017) Reconceptualizing Gatekeeping Practices: Towards a View of Partner Co-Regulation. 2017 NCFR Annual Conference. Saint Paul, MN: National Council on Family Relations. URL: <https://www.ncfr.org/sites/default/files/2017-08/TCRM%201%20-%20A%20Theoretical%20Reconceptualization%20of%20Gatekeeping%20Practices.pdf> (дата обращения: 27.06.2020).

Arendell T. (1996) Co-Parenting: A Review of the Literature. Preprint No. LR-CP-96-03. Philadelphia, PA: National Center on Fathers and Families: University of Pennsylvania.

Ashwin S. (2001) Male Social Exclusion in Contemporary Russia. Paper Presented to the 5th ESA Conference. Helsinki: University of Helsinki.

Austin W. G., Fieldstone L., Pruett M. K. (2013) Bench Book for Assessing Parental Gatekeeping in Parenting Disputes: Understanding the Dynamics of Gate Closing and Opening for the Best Interests of Children. *Journal of Child Custody*. Vol. 10. No. 1. P. 1—16. <https://doi.org/10.1080/15379418.2013.778693>.

Austin W. G., Pruett M. K., Kirkpatrick H. D., Flens J. R., Gould J. W. (2013) Parental Gatekeeping and Child Custody/Child Access Evaluation: Part I: Conceptual Framework, Research, and Application. *Family Court Review: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 51. No. 3. P. 485—501. <https://doi.org/10.1111/fcre.12045>.

Beitel A. H., Parke R. D. (1998) Paternal Involvement in Infancy: The Role of Maternal and Paternal Attitudes. *Journal of Family Psychology*. Vol. 12. No. 2. P. 268—288. <https://doi.org/10.1037/0893-3200.12.2.268>.

- Borisenko Yu. V., Evseenkova E. V. (2019) Differences in Fathering among Russian Men Brought Up with and without a Father. *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 12. No. 3. P. 105—120. <http://doi.org/10.11621/pir.2019.0308>.
- Bradshaw J., Skinner C., Stimson C., Williams J. (1999) *Absent Fathers?* London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203028773>.
- Cancian M., Meyer D. R., Brown P. R., Cook S. T. (2014) Who Gets Custody Now? Dramatic Changes in Children's Living Arrangements after Divorce. *Demography*. No. 51. No. 4. P. 1381—1396. <https://doi.org/10.1007/s13524-014-0307-8>.
- Carrigan T., Connell B., Lee J. (1985) Toward a New Sociology of Masculinity. *Theory and Society*. Vol. 14. No. 5. P. 551—604. <https://doi.org/10.1007/BF00160017>.
- Coakley T. M., Shears J. K., Randolph S. D. (2015) Understanding Key Barriers to Fathers' Involvement in Their Children's Lives. *Child & Youth Services*. Vol. 35. No. 4. P. 343—364.
- Coltrane S. (2004) Fathering: Paradoxes, Contradictions, & Dilemmas. In: Coleman M., Ganong L. H. (eds.) *Handbook of Contemporary Families: Considering the Past, Contemplating the Future*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 224—243.
- Connell R. W. (1995) *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.
- DeGarmo D. S., Reid J. B., Leve L. D., Chamberlain P., Knutson J. F. (2010) Patterns and Predictors of Growth in Divorced Fathers' Health Status and Substance Use. *American Journal of Men's Health*. Vol. 4. No. 1. P. 60—70. <https://doi.org/10.1177/1557988308329454>.
- Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. (1998) Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 60. No. 2. P. 277—292. <https://doi.org/10.2307/353848>.
- Fabricius W. V., Braver S. L., Diaz P., Velez C. E. (2010) Custody and Parenting Time: Links to Family Relationships and Well-Being after Divorce. In: Lamb M. E. (ed.) *The Role of the Father in Child Development*. Hoboken, NJ: Wiley. P. 201—240.
- Fagan J., Barnett M. (2003) The Relationship Between Maternal Gatekeeping, Paternal Competence, Mothers' Attitudes about the Father Role, and Father Involvement. *Journal of Family Issues*. Vol. 24. No. 8. P. 1020—1043. <https://doi.org/10.1177/0192513X03256397>.
- Fagan J., Palkovitz R. (2011) Coparenting and Relationship Quality Effects on Father Engagement: Variations by Residence, Romance. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 73. No. 3. P. 637—653. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00834.x>.
- Jeynes W. H. (2015) A Meta-Analysis: The Relationship between Father Involvement and Student Academic Achievement. *Urban Education*. Vol. 50. No. 4. P. 387—423. <https://doi.org/10.1177/0042085914525789>.
- Jordan A. (2009) 'Dads aren't Demons. Mums aren't Madonnas.' Constructions of Fatherhood and Masculinities in the (Real) Fathers 4 Justice Campaign. *Journal of*

Social Welfare and Family Law. Vol. 31. No. 4. P. 419—433. <https://doi.org/10.1080/09649060903430280>.

Jordan A. (2018) Masculinizing Care? Gender, Ethics of Care, and Fathers' Rights Groups. *Men and Masculinities*. Vol. 23. No. 1. P. 20—41. <https://doi.org/10.1177/1097184X18776364>.

Kalmijn M. (2015) Father-Child Relations after Divorce in Four European Countries: Patterns and Determinants. *Comparative Population Studies*. Vol. 40. No. 3. P. 251—276. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2015-10en>.

Kulik L., Tsoref H. (2010) The Entrance to the Maternal Garden: Environmental and Personal Variables that Explain Gatekeeping. *Journal of Gender Studies*. Vol. 19. No. 3. P. 263—277. <https://doi.org/10.1080/09589236.2010.494342>.

LaRossa R. (1988) Fatherhood and Social Change. *Family Relations*. Vol. 37. No. 4. P. 451—457. <https://doi.org/10.2307/584119>.

LaRossa R. (1997) *The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Mille R. R., Browning S. L., Spruance L. M. (2001) An Introduction and Brief Review of the Impacts of Incarceration on the African American Family. *Journal of African American Men*. Vol. 6. No. 1. P. 3—12. <https://doi.org/10.1007/s12111-001-1010-6>.

Moore E. (2012) Paternal Banking and Maternal Gatekeeping in Postdivorce Families. *Journal of Family Issues*. Vol. 33. No. 6. P. 745—772. <https://doi.org/10.1177/0192513X11428444>.

O'Donnell J. M., Johnson W. E., D'Aunno L. E., Thornton H. L. (2005) Fathers in Child Welfare: Caseworkers' Perspectives. *Child Welfare*. Vol. 84. No. 3. P. 387—414.

Plantin L., Olukoya A. A., Ny P. (2011) Positive Health Outcomes of Fathers' Involvement in Pregnancy and Childbirth Paternal Support: A Scope Study Literature Review. *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*. Vol. 9. No. 1. P. 87—102.

Pleck J. (1976) The Male Sex Role: Definitions, Problems, and Sources of Change. *Journal of Social Issues*. Vol. 32. No. 3. P. 155—164. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1976.tb02604.x>.

Pleck J. (1987) *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: MIT Press.

Poole E., Speight S., O'Brien M., Connolly S., Aldrich M. (2016) Who are Non-Resident Fathers? A British Socio-Demographic Profile. *Journal of Social Policy*. Vol. 45. No. 2. P. 223—250. <https://doi.org/10.1017/S0047279415000653>.

Pruett M. K., Arthur L. A., Ebling R. (2007) The Hand that Rocks the Cradle: Maternal Gatekeeping after Divorce. *Pace Law Review*. Vol. 27. No. 4. P. 709—739.

Puhlman D. J., Pasley K. (2013) Rethinking Maternal Gatekeeping. *Journal of Family Theory and Review*. Vol. 5. No. 3. P. 176—193. <https://doi.org/10.1111/jftr.12016>.

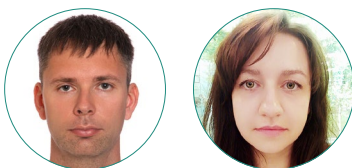
Rosenberg J., Wilcox W. B. (2006) The Importance of Fathers in the Healthy Development of Children. Washington, DC: U. S. Department of Health and Human Services.

Sturm R. E., Antonakis J. (2015) Interpersonal Power: A Review, Critique, and Research Agenda. *Journal of Management*. Vol. 41. No. 1. P. 136—163. <https://doi.org/10.1177/0149206314555769>.

Trinder L. (2008) Maternal Gate Closing and Gate Opening in Postdivorce Families. *Journal of Family Issues*. Vol. 29. No. 10. P. 1298—1324. <https://doi.org/10.1177/0192513X08315362>.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1628

Д. А. Котов, Н. В. Грек

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Правильная ссылка на статью:

Котов Д. А., Грек Н. В. Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 499—517. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628>.

For citation:

Kotov D. A., Grek N. V. (2020) Transformation of Reproductive Behavior in Life Strategies of the Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 499—517. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628>.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

КОТОВ Дмитрий Алексеевич — исследовательский менеджер, ВЦИОМ, Москва, Россия; ассистент, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

E-MAIL: kotov_d@wciom.com

<https://orcid.org/0000-0002-3330-4292>

ГРЕК Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, исследовательский менеджер, ВЦИОМ, Москва, Россия

E-MAIL: grek_n@wciom.com

<https://orcid.org/0000-0003-2281-7161>

Аннотация. В статье рассматривается влияние современных динамически меняющихся социальных процессов на жизненно-стилевые стратегии молодежи в России. Опираясь на подходы к изучению жизненных стратегий молодежи и их типологии, авторы проанализировали основные социологические подходы к детерминации социальной идентичности молодежи в личной жизни, межличностных отношениях, в профессиональной и социальной сферах. Указанные трансформации особым образом влияют на выстраивание стратегии семейных отношений, в том числе в отношении деторождения. Проведенная по результатам кластерного анализа сегментация опрошенных выявила четыре основные жизненные стратегии, для каждой из которых были описаны ключевые особенности составляющей ее аудитории. Выявленные особенности проанализированы с использованием

TRANSFORMATION OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR IN LIFE STRATEGIES OF THE RUSSIAN YOUTH

Dmitry A. KOTOV^{1,2} — Research Manager; Assistant

E-MAIL: kotov_d@wciom.com

<https://orcid.org/0000-0002-3330-4292>

Natalia V. GREK¹ — Cand. Sci. (Soc.), Research Manager

E-MAIL: grek_n@wciom.com

<https://orcid.org/0000-0003-2281-7161>

¹ Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article seeks to study the influence of modern dynamic social processes on life and lifestyle strategies of the Russian youth. The authors provide an analysis of the main sociological approaches to determining the social identity of young people in personal life, interpersonal relationships, professional and social spheres. The transformations highlighted by the authors greatly shape the way the family relationships (including child-bearing) are built. Based on the cluster analysis respondents were grouped into four categories, each featuring specific life strategies. Qualitative methods helped to describe the motives behind strategy-specific choices within a pro-natalist social policy. The authors tried to define the reasons why young people postpone their entry into family roles and marriage, adhere to a particular reproductive plan, and why traditional family values play a smaller

качественных методов анализа, что позволило более полно рассмотреть причины и мотивы выбора молодежью конкретной жизненной стратегии в контексте пронаталистской социальной политики. Определены ключевые причины откладывания молодежью вступления в брачно-семейные отношения, уменьшения значимости традиционных семейных ценностей, особенностей репродуктивного планирования. Новизна представленной научной работы заключается в анализе изменений стратегий деторождения у современной молодежи и определяющих ее факторов, а также в построении модели сегментации молодежи в зависимости от приоритетных смысловых конструктов.

Ключевые слова: молодежь, жизненно-стилевые стратегии, социальная реальность, демографическая политика, рождаемость

role. The novelty of the work consists in an attempt to analyze youth's changing child-bearing strategies and factors behind them as well as to build a model of youth segmentation depending on the meaning-in-life construct priorities.

Keywords: youth, lifestyle strategies, social reality, population policy, fertility

Трактовка термина «жизненная стратегия» меняется в зависимости от контекста, что увеличивает его вариативность. В то же время, несмотря на некоторую неоднозначность данного термина, в целом он обозначает наличие у индивида долгосрочных планов и действий, которые ведут к желаемому результату [Осипова, Энвери, 2016]. «Жизненная стратегия» обычно тесно связана с процессом адаптации к меняющимся условиям окружающей среды. Согласно А. Адлеру, с самого детства у человека формируется жизненный стиль, позволяющий эффективно взаимодействовать с окружением. Важную роль в процессе адаптации играет агрессия, выражающаяся в проявлении инициативы, активности, результатом которой является личностный рост и самосовершенствование. Как писал А. Адлер, жизненный стиль позволяет человеку добиваться поставленных целей, определяя собственные поведенческие стратегии с учетом влияния сознательных и бессознательных импульсов. Важно то, что в данном подходе человек обладает возможностью самому выбирать те нормы, ценности и принципы, которыми он руководствуется в своей жизни [Адлер, 1997].

Отечественные ученые Ю. М. Резник и Т. Е. Резник внесли значительный вклад в развитие социологического понимания жизненных стратегий личности, которые они рассматривают как некие «идеальные образования», проявляющиеся в его поведении, целях, ориентирах и приоритетах. По мнению авторов, жизненная стратегия — это «динамическая саморегулирующаяся система социокультурных

представлений личности о собственной жизни, ориентирующая и направляющая ее поведение в течение длительного времени. Она предполагает определение или принятие наиболее значимых ориентиров и приоритетов на долговременную перспективу» [Резник, Резник, 1995: 102]. При этом важно отметить, что Ю. М. Резник и Т. Е. Резник предлагают разделять такие понятия, как «жизненные стратегии» и «стратегическое поведение», поясняя, что «стратегическое поведение» — это внешнее проявление или форма жизненной стратегии. Жизненные стратегии занимают важное место в жизни людей, они помогают проводить сознательное планирование и поэтапную реализацию своего будущего.

Развивая идеи отечественных и западных исследователей, Л. Б. Осипова предлагает свое авторское определение термина «жизненная стратегия». Согласно этому определению, жизненная стратегия — это «система перспективного ориентирования личности, направленная на сознательное конструирование своей будущей жизни» [Осипова, Энвери, 2016]. Такой подход выводит на первый план идею о том, что жизненная стратегия требует достаточного высокого уровня понимания индивидом собственных целей и наличие некоторого образа будущего, к которому он стремится.

Репродуктивное поведение, будучи частью жизненной стратегии, активно обсуждается исследователями. Одно из распространенных определений репродуктивного поведения было дано В. А. Борисовым, согласно которому это «система действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности, в браке или вне брака» [Борисов, 1970: 8]. Данное определение было сформулировано на ранних этапах развития изучения репродуктивного поведения, и с тех пор произошли значительные изменения: теперь существует множество направлений, в рамках которых происходит его изучение как социологами, так и демографами, психологами, медиками, культурологами, экономистами.

Согласно психологическому направлению, репродуктивное поведение определяется преимущественно биологической природой человека, проявлением его врожденных инстинктов и бессознательного [Кенрик, 2012]. У человека существуют внутренние и внешние мотивы и стимулы, побуждающие его к рождению ребенка с целью реализации себя в обществе и поиска смысла в жизни [Морозова и др., 2014; Стоянова, Магденко, 2020].

С точки зрения культурологического направления, репродуктивное поведение определяется проявлением сложившейся в обществе культуры и стремлением общества к самовоспроизводству, которое обуславливает желание иметь детей через создание и регулирование ряда условий — биологических, социальных и культурных [Андреева, 2015: 3; Беляева, Беляева, 2011: 15]. Несмотря на наличие большого количества научных школ и направлений, до сих пор ученые не пришли к единому мнению относительно структуры репродуктивного поведения и влияющих на него факторов, то выводя на первый план индивидуальные репродуктивные установки и мотивы, то вводя психологические или культурные факторы [Ильясов, 2013].

По мнению некоторых ученых, репродуктивное поведение не самостоятельное социальное явление, а часть понятия репродуктивного здоровья. Соответственно,

оно должно изучаться в контексте этой более крупной категории, затрагивающей состояние репродуктивной функции человека [Петрова, 2007: 146—147].

Исходя из вышесказанного, репродуктивное здоровье представляет собой понятие, которое каждое научное направление наполняет собственным смыслом, что размывает его понимание и не дает достичь какого-либо единства [Копылов, 2016].

Зарубежные исследователи находятся в похожей ситуации, вызванной многогранностью репродуктивного поведения и направлений его изучения. Снижение темпов рождаемости в развитых странах и высокие темпы рождаемости в странах третьего мира заставляют ученых переосмысливать экономические, культурные, психологические факторы, определяющие репродуктивное поведение. Изучая факторы репродуктивного поведения в развитых странах, западные исследователи делают акцент на исследовании внутренних факторов, влияющих на формирование репродуктивных целей индивидов [Bhrolcháin, Beaujouan, 2019]. Согласно недавним исследованиям, происходит постепенное увеличение возраста до 35 лет, когда индивиды не могут определиться со своими репродуктивными планами, что рассматривается как аномалия в демографическом контексте. Традиционно в западной литературе считается, что репродуктивное поведение — это последствие рационального выбора людей [Tversky, Thaler, 1990], но в последнее время с накоплением эмпирических данных растет понимание, что существуют глубинные психологические, социальные и экономические факторы, которые не могут быть напрямую связаны с рациональной моделью выбора репродуктивных целей [Bruni, Sugden, 2007].

Репродуктивное поведение и связанные с ним стратегии могут быть очень гибкими, что подтверждено исследованиями как в развивающихся, так и в развитых странах. Уровень гибкости и подверженность изменениям в репродуктивном поведении напрямую зависят от стадии жизненного цикла индивида, который может пересмотреть свои цели и отношение к семье и желанию иметь детей [Rackin, Bachrach, 2016; Trinitapoli, Yeatman, 2018]. Репродуктивное поведение, выраженное в конкретных репродуктивных целях, формируется постепенно на основе ценностей и доступной информации о предпочтениях окружения [Fischhoff, 2006]. Кроме того, планирование детей в большинстве случаев подразумевает формирование семьи, что само по себе является вызовом для индивида, имеет недостатки и преимущества и может влиять на формирование репродуктивного поведения [Iacovou, Tavares, 2011]. Постепенно западные исследователи склоняются к синтетическому подходу, в котором соединяют взгляды различных научных школ и направлений, что позволяет конструировать более сложные модели формирования репродуктивного поведения.

Реализация жизненных стратегий молодежи является неотъемлемой частью государственной молодежной политики РФ, которая направлена на создание условий интеграции молодежи в существующее общество и активное содействие молодежи в выборе жизненного пути, а значит и в формировании жизненных стратегий. Молодежная политика и ее принципы установлены соответствующими федеральными законами, позволяющими защищать интересы молодежи и способствовать ее становлению в обществе.

Постановление Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. № 5090-1 «Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» утвердило следующие основные направления молодежной политики¹:

- обеспечение соблюдения прав молодежи;
- обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи;
- содействие предпринимательской деятельности молодежи;
- государственная поддержка молодой семьи;
- гарантированное предоставление социальных услуг;
- поддержка талантливой молодежи;
- формирование условий, направленных на физическое и духовное развитие молодежи;
- поддержка деятельности молодежных и детских объединений;
- содействие международным молодежным обменам.

Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» дополнило государственную молодежную политику конкретными мероприятиями, направленными на поддержку молодежи как ключевого субъекта, от которого зависит будущее страны, и установило приверженность традиционным семейным ценностям. Один из ключевых пунктов данного распоряжения — «создание благоприятных условий для молодых семей, направленных на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи, всестороннюю поддержку молодых семей. Реализация этой задачи предусматривает осуществление следующих мероприятий»². В рамках данного пункта предполагается проведение социальных и экономических мероприятий, которые позволят молодежи сформировать успешную семью, включающую двух и более детей.

Как уже было отмечено, в последние десятилетия наблюдается изменение традиционных семейно-брачных ценностей. Это проявляется в том, что современная молодежь позже вступает в брачные отношения, откладывает деторождение и молодые семьи имеют в среднем меньше детей, чем предыдущие поколения. Если раньше такой тренд был присущ только развитым странам, то сейчас он наблюдается и в России. Особый драматизм складывающейся демографической ситуации придает и то, что из-за низкой рождаемости в 1990-х годах в настоящий момент Россия проходит через демографическую яму.

В целях преодоления существующей негативной тенденции предпринимаются усилия по стимулированию рождаемости и поддержке молодых семей. Так, Послание президента Федеральному собранию 2006 г. определяет демографическую ситуацию в стране как критическую³. На протяжении многих лет в России

¹ Постановление ВС РФ от 03.06.1993 N 5090—1 «Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2138/ (дата обращения: 29.06.2020).

² Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Гарант.РУ. URL: <http://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения: 29.06.2020).

³ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. 2006. 10 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577> (дата обращения: 29.06.2020).

использовались различные меры поддержки, которые включали в себя такие способы стимулирования рождаемости, как выплата материнского капитала, пособия для многодетных и малоимущих семей, выплаты на детей, различные социальные льготы и т. д. В посланиях Федеральному Собранию 2019—2020 гг. президент представил пакет мер по поддержке семей. Например, в начале 2020 г. была введена выплата на первого ребенка в размере 466 тысяч 617 рублей, а материнский капитал на второго ребенка впервые за много лет был проиндексирован до суммы 616 617 рублей, при этом за третьего и последующего ребенка полагается такая же сумма⁴.

Результаты количественного исследования

Трансформации, происходящие в современном обществе, особенным образом влияют на конструирование стратегии семейных взаимоотношений, в том числе на стратегии деторождения. Для исследования данного феномена авторы статьи в октябре — декабре 2019 г. провели комплексное социологическое исследование, посвященное выявлению мер потенциального стимулирования рождаемости среди репродуктивного населения России. Для получения необходимой информации был проведен всероссийский телефонный опрос молодежи в возрасте от 18 до 30 лет. Выборка составила 1600 человек. Максимальная ошибка выборки — 2,5%. Авторами статьи был составлен полный инструментарий исследования, а затем проведен анализ базы данных (при помощи пакета SPSS, включающего методы многомерного статистического анализа). Задачи этой части исследования:

- определение мотивов и факторов, оказывающих влияние на принятие решения о рождении первого ребенка в актуальной социально-экономической ситуации (в том числе формирование рейтинга мотивационных стимулов и барьеров, влияющих на принятие решения о рождении первого ребенка);
- выявление факторов, способствующих принятию решения о рождении второго ребенка, а также объективных и субъективных барьеров, сдерживающих рождаемость в семьях с одним ребенком.

Респондентам задавались вопросы о жизненных стратегиях, которые имеют для них наивысшую важность. Из предложенного списка можно было выбрать не более трех вариантов. Полное распределение ответов по всем опрошенным приведено в таблице 1.

Таблица 1. Ответы респондентов на вопрос: «Я зачитаю Вам список параметров, относящихся к жизненной стратегии. Отметьте наиболее важные для Вас лично. Вы можете выбрать не более 3 вариантов», в %, n = 1557 (без учета затруднившихся ответить и отметивших вариант «Другое»)

Вариант ответа	% от ответивших
Материальный достаток	60
Хороший эмоциональный климат внутри моей собственной семьи	29
Забота о своем здоровье, регулярное посещение врача	23

⁴ Самтынова Е. На портале госуслуг рассказали, как изменились меры господдержки для семей с детьми в 2020 году // Гарант.РУ: Информационно-правовой портал. 2020. 17 февраля. URL: <http://www.garant.ru/news/1327822/> (дата обращения: 29.06.2020).

Вариант ответа	% от ответивших
Наличие свободного времени для своих увлечений	22
Хорошие жилищные условия	22
Общение с друзьями	21
Много работать и получать за это хорошее вознаграждение	19
Рождение и воспитание нескольких детей (больше двух)	18
Рождение и воспитание двух детей	14
Реализация в профессии	13
Регулярное посещение общественных мест развлечений (кино, театры, выставки)	11
Состоять в зарегистрированном браке	7
Получение высшего образования	5
Иметь постоянного партнера	5
Рождение и воспитание только одного ребенка	5
Контроль над своим питанием и распорядком дня	3

Приоритетной стратегией исследуемой аудитории является материальное благополучие: данный ответ выбирался минимум в два раза чаще, чем другие. Следующие по значимости приоритеты относятся к высокому уровню жизни, при этом большинство из них нематериальные: доверительные взаимоотношения в семье, забота о своем здоровье, социальные коммуникации, реализация творческого потенциала.

На основании ответов на данный вопрос была проведена сегментация опрошенных. Сегментация проводилась методом К-средних, оценка формирования кластеров составляет 0,4, что является средним результатом. Однако при общей однородности исследуемой группы данный коэффициент допустим при текущем наполнении каждого кластера.

По результатам кластеризации были выделены четыре кластера.

«Индивидуалисты». Данный сегмент составляют 54 % мужчин, 59 % из них не имеют детей в настоящее время. Хотя в целом они планируют иметь детей (79 %), представители данного сегмента часто отмечают неготовность быть родителем когда-либо (17 %). В репродуктивных планах у них, как правило, 1—2 ребенка (84 %), и почти две трети (62 %) не планируют становиться родителями в ближайшие три года. Среди важнейших параметров респондентами были названы активная работа и хорошее вознаграждение за профессиональную деятельность (55 %), материальный достаток (43 %), регулярное посещение общественных мест развлечений (кино, театры, выставки) (40 %), Общение с друзьями (26 %), наличие свободного времени для своих увлечений (22 %). Репродуктивные планы в данном сегменте носят отложенный характер, в то время как профессиональная реализация и финансовая независимость имеют доминирующее значение.

«Партнеры». В данном сегменте были выделены 58 % мужчин, 66 % из них не имеют детей в настоящее время. В целом представители сегмента «Партнеры» не отказываются от рождения детей (73 %), однако при этом в данном сегменте наблюдается самый высокий процент тех, кто вообще не хочет быть родителем (21 %). 78 % хотели бы иметь не более двух детей. Текущими жизненными доми-

нантами являются материальный достаток (70%), наличие свободного времени для своих увлечений (66%), общение с друзьями (47%), хороший эмоциональный климат в семье (30%), забота о своем здоровье, регулярное посещение врача (22%). В данном сегменте репродуктивные планы не являются обязательными, отношения нацелены скорее не партнерство двух супругов.

«Традиционалисты». 56% представителей данного сегмента — женщины, подавляющее большинство из них (89%) в целом планируют иметь детей, а 53% уже являются родителями. В текущих условиях 66% представителей данного сегмента желали бы иметь двух детей, а в идеальных — двух или трех детей (79%). Из жизненных параметров наиболее важными для них представляются рождение и воспитание двух детей (60%), материальный достаток (51%), официально зарегистрированный брак (30%), забота о своем здоровье, регулярное посещение врача (22%), получение высшего образования (20%). Данный сегмент — некое отражение традиционной двухдетной семьи, образ которой широко транслируется в СМИ.

«Рациональные многодетные». 57% данного сегмента составляют женщины, 88% из них планируют иметь детей. 73% в данном сегменте в идеальных условиях хотели бы быть многодетными (иметь трех и более детей), 57% из них уже являются родителями. В списке приоритетов находятся материальный достаток (72%), рождение и воспитание нескольких детей (больше двух) (44%), хороший эмоциональный климат в семье (42%), хорошие жилищные условия (34%), забота о своем здоровье, регулярное посещение врача (30%). Можно сказать, что, будучи родителями, они объективно оценивают свои финансовые возможности и затраты на содержание детей, а нематериальные составляющие важны для поддержания межличностных взаимоотношений внутри семьи.

Далее респондентам было предложено оценить важность предложенных критериев в ситуации, если бы они готовились к появлению ребенка. Затем на оценку предлагались эти же параметры, однако теперь опрошенные оценивали свою удовлетворенность ими на текущий момент времени. Рисунок 1 демонстрирует распределение оцениваемых параметров по степени соотношения оценок важности/удовлетворенности.

В зону ключевой неудовлетворенности попадают многие важные параметры: комфортные жилищные условия, собственное жилье, стабильный заработок, доступность качественных продуктов питания, детской инфраструктуры, качественного медицинского обслуживания.

Наибольший разрыв в оценках важности и удовлетворенности на текущий момент отмечается по позициям:

- доступность качественного медицинского обслуживания;
- стабильный заработок;
- доступность детских садов и яслей;
- доступность инфраструктуры для детей по месту жительства.

При принятии решения о рождении первого ребенка именно эти параметры имеют наибольшую важность для опрошенных, то есть данный разрыв можно рассматривать как причину откладывания рождения первого ребенка или вовсе отказа от него.

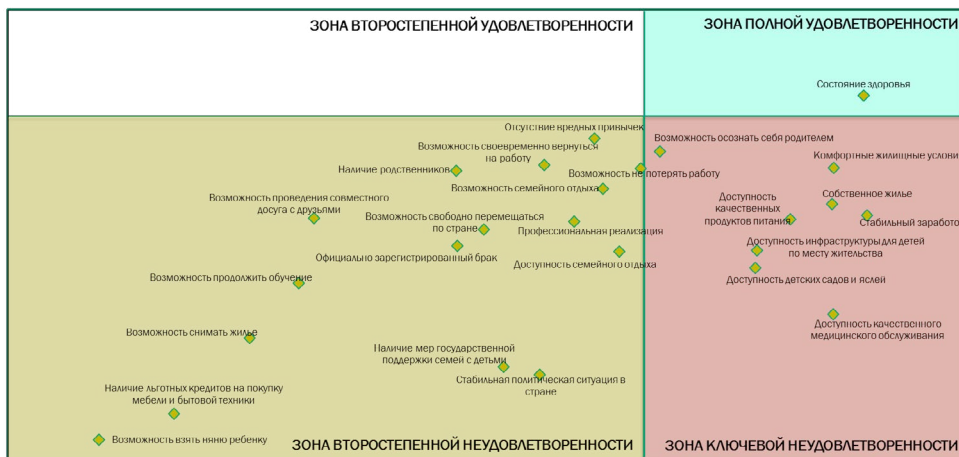

Рис. 1. Распределение параметров по степени соотношения оценок важности/удовлетворенности

Результаты качественного исследования

Параллельно количественному опросу авторами были проведены два онлайн-форума: в качестве целевой аудитории выступали бездетные респонденты в возрасте от 18 до 35 лет, а также респонденты в возрасте от 18 лет, уже являющиеся родителями. Общее количество участников — 72 человека. Чтобы исключить влияние других участников форума, респонденты не могли видеть их ответы. У качественной части исследования были следующие задачи:

- определение мотивов и факторов, оказывающих влияние на принятие решения о рождении ребенка;
- отношение к семьям с детьми, восприятие, представления и стереотипы в отношении «счастливой семьи» и «счастливой семьи с детьми»;
- восприятие потенциальных мер стимулирования рождений в семьях.

По результатам проведенных онлайн-форумов можно сказать, что семья воспринимается как основная жизненная ценность и наделяется атрибутами позитивного эмоционального содержания. Дети — необходимый атрибут счастливой семьи наравне с гармоничными и доверительными межличностными взаимоотношениями. В восприятии большинства участников онлайн-форумов «счастливая семья» практически всегда означает наличие детей (минимум одного). Кроме того, счастливая семья выстраивает межличностные отношения на основе взаимной любви, понимания и уважения. Часто образ «счастливой семьи» включает тесные межпоколенческие связи с ближайшими родственниками (бабушки, дедушки, дяди, тети). Также важно отметить, что «счастливая семья» имеет некие материальные ресурсы, позволяющие поддерживать необходимый уровень жизни (просторное жилое помещение, автомобиль, путешествия).

Родные люди, которые всегда поддержат. Семья может выходить за привычные рамки «муж, жена, ребенок». (Мужчина, 29 лет, не женат, нет детей)

Семья — это союз людей, у которых есть общие цели и интересы. Ну, и, конечно же, присутствие любви и взаимоуважения. Иметь семью — это прекрасно! (Женщина, 27 лет, не замужем, детей нет)

Моя идеальная семья состоит из меня с женой и троих детей. Я полностью обеспечиваю финансово семью, жена имеет возможность не работать и занимается тем, что ей нравится, если хватает времени. Мы любим проводить время вместе, у нас с женой полное взаимопонимание, простое отношение к жизни. Воспитание детей идет легко и с радостью. (Мужчина, 25 лет, не женат, нет детей)

Образ реальной семьи отличается от образа идеальной «счастливой семьи» в худшую сторону за счет следующих приписываемых характеристик: неудовлетворительные жилищные условия, вынужденное проживание расширенными семьями, наличие долговых обязательств.

Обычная российская семья — это какая-то грустная семья, мне кажется... фото — оно должно быть черно-белым... а если и будут цветные, то это будет не реальная локация этой семьи, а постановка... в реальности же работа у родителей днем, ТВ — госканалы — вечером, большая закредитованность родителей. Совсем мало путешествуют вместе, ничего не видят дальше своего города... (Мужчина, 32 года, женат, нет детей)

Все участники онлайн-форумов признают глубокие трансформации института семьи и брака, особенно выделяя широкое распространение «гражданских браков». Данная тенденция связана прежде всего с ориентацией молодых людей на карьеру и личностный рост (обучение, развитие профессиональных качеств, стремление к путешествиям как источнику впечатлений). Также вследствие длительного процесса эмансипации женщин наблюдается смещение патриархальной модели семьи в сторону партнерских отношений, где члены семьи наделяются равными правами и обязанностями. В итоге происходит логичное сужение зоны ответственности мужчины. Стремление достичь финансово-экономической стабильности влечет за собой отложенное решение о заключении официального брака, а также о рождении первого ребенка, и нежелание иметь более двух детей. Несмотря на то, что в обществе присутствует некая стигматизация одиноких женщин / женщин в разводе, многие женщины предпочитают прекратить семейно-брачные отношения в целях сохранения персональной психосоциальной стабильности.

...Это широкое распространение «гражданских браков», совместное проживание и воспитание детей. Думаю, это связано с большей материальной независимостью партнеров, у них нет необходимости документально защищать свои отношения. Общество более терпимо стало относиться к формальным признакам семьи и брака. (Мужчина, 25 лет, не женат, нет детей)

Роль женщины в семье стала более значимой, ведь сейчас во многих семьях полное равноправие. В этом есть большой плюс, ведь раньше женщины ущемлялись в правах

и были даже лишены их, подвергались насилию и избиению» (Мужчина, 23 года, женат, нет детей)

Респонденты предпочитают отложенное деторождение при условии осознанного планирования беременности. Отложенное рождение первого ребенка вызвано прежде всего финансово-экономическими причинами.

Мне кажется, что к рождению ребенка стали подходить более прагматично, воспитание ребенка дорого, дорого по деньгам, отнимает много времени. Стараются завести ребенка, когда уверенно стоят на ногах, часто откладывая это событие на потом. (Мужчина, 25 лет, не женат, нет детей)

Отношение к рождению второго ребенка несколько иное. Опрошенные придерживаются мнения, что принять решение о рождении второго/последующего ребенка проще, поскольку уже имеется опыт родительства, и семья более активно стремится к улучшению своих финансово-экономических условий. При этом неоднократно упоминался «материнский капитал» в качестве меры, стимулирующей выбор в пользу рождения второго ребенка.

Один ребенок есть почти у всех наших знакомых. Говорят, что ребенок в семье должен быть у всех. Второго рожают 70 % нашего окружения, из них 40 % говорят, что «материнский капитал» поможет улучшить их жилищные условия и они смогут обеспечить двоих детей. (Мужчина, 35 лет, женат, трое детей)

Да, сейчас подходят к этому вопросу очень ответственно, все обдумывают. Не гонятся за стереотипами, что к 25 должны уже быть дети. Первое: если морально и материально готовы. Второе: получение «материнского капитала» и вложение его в детей. Третье: в наше время считаю роскошью иметь больше двух детей. (Женщина, 28 лет, замужем, один ребенок)

Основной мотив для рождения первого ребенка — желание обрести новый социальный статус родительства, а также продолжить свой биологический род. Мотивы для рождения второго или последующего ребенка делятся на экономические (получение материальной поддержки в виде «материнского капитала») и эмоциональные (желание расширить свою семью). При этом участники дискуссии отмечают, что кардинальные перемены в жизни семьи обычно связаны с рождением именно первого ребенка, а после второго/третьего трансформация семьи не столь значительна.

Думаю, первенец рождается из мыслей о том, что так должно быть в нормальной семье, что нужно продолжать род. (Мужчина, 25 лет, не женат, нет детей)

К сожалению, очень часто мотивацией при рождении детей становится выгода («мат. капитал» и т. д.), это касается ниже среднего класса. У людей, у которых все в порядке с деньгами, выбор осознанный в зачатии. (Женщина, 32 года, замужем, двое детей)

Основным барьером для принятия решения о рождении первого ребенка является финансово-экономическая стабильность семьи. Апеллируя к современным критериям персональной успешности, респонденты отмечают необходимость достижения экономического благополучия для рождения и последующего содержания ребенка. В основном опрошенные акцентируют внимание на вопросах доступности жилья для молодых семей, особенно тех, кто уже имеет детей.

Чаще всего мешает отсутствие денег и плохие условия жизни. То есть нет большой квартиры. Некоторые знакомые у нас хотели бы еще одного ребенка, но живут в однокомнатной квартире и взять денег на ипотеку негде. (Женщина, 34 года, замужем, трое детей)

Психологические барьеры также имеют немаловажное значение в процессе принятия решения о рождении первого ребенка. Под такими барьерами подразумевается довольно широкий диапазон личностных приоритетов: карьера, самореализация, эгоистичные мотивы («жить для себя»). Артикулируется потенциальная утрата некоторых личностных предпочтений, и при этом появление ребенка выступает не ресурсом для дальнейшего развития, а барьером.

Мешает карьера, боязнь что им придется больше времени уделять ребенку, а себе меньше (гулять, и общение с друзьями уменьшится). (Мужчина, 31 год, женат, нет детей)

В отдельный блок выделены высказывания участников дискуссии относительно взаимоотношений с партнером. Неуверенность в партнере, отсутствие сильной межличностной привязанности, риск развода заставляют семьи отложить принятие решения о рождении первенца. Стоит отметить, что межличностные взаимоотношения в качестве барьера отмечались респондентами почти так же часто, как и финансово-экономический статус.

Неуверенность в партнере также является большой проблемой. (Женщина, 35 лет, замужем, 1 ребенок)

Боятся разводов. Их сейчас особенно много в России. В нашей стране разводом заканчивается 80 (!) процентов браков. (Женщина, 28 лет, замужем, нет детей)

Физиология женщин также может служить барьером к деторождению. Репродуктивное нездоровье воспринимается как серьезный барьер, влекущий за собой как психологические (непринятие ситуации, отрицание необходимости лечения), так и экономические трудности (стоимость лечения). Однако вместе с тем присутствует некая стигматизация репродуктивного поведения, когда успешность зачатия и вынашивания ребенка приписывается в основном женщине, а мужской репродуктивный фактор нивелируется.

Людам мешают рожать детей обычно какие-то проблемы в плане здоровья, либо боязнь нехватки денег, желание сначала чего-то достичь. Сейчас медицина шагнула

далеко вперед, поэтому есть выход. Было бы, как говорится, желание. (Женщина, 30 лет, замужем, 3 детей)

Ассоциации с многодетной семьей в целом дифференцированы. Позитивные ассоциации относятся в основном к контексту ответственности в воспитании детей, значимости для общества. Негативные ассоциации чаще всего связаны с представлениями о финансовом благополучии семьи, нехватке времени, а также о дополнительных потребностях в ущерб другим, немногодетным семьям.

Сегодня в России многодетная семья — это важная ячейка общества, которая ответственно относится к своему существованию, делает большую работу по воспитанию, содержанию, в связи с чем получает некоторые льготы. (Мужчина, 25 лет, не женат, нет детей)

Многодетные семьи для меня — это семьи с тремя и более детьми. Вызывают чувство удивления и непонимания, большая ответственность и требует много времени. (Мужчина, 25 лет, не женат, нет детей)

По мнению участников дискуссии, многодетной может считаться семья, в которой три и более детей. Для некоторых опрошенных наличие двух детей уже является критерием многодетности (с учетом текущей экономической ситуации). Однако другие высказывали мнение, что многодетной семьей может считаться семья с четырьмя и более детьми. Несмотря на то, что большинство участников дискуссии критерием многодетности считают наличие трех и более детей, лично для себя оптимальным считают двоих детей. Чаще всего это мотивируется финансовым положением, желанием дать детям высшее образование, равномерно распределять внимание и заботу. Некоторые респонденты, в основном женщины, указывали на нежелание посвящать себя исключительно материнству, что неизбежно при наличии большого числа детей. Также важную роль играет перспектива дальнейшей самостоятельной жизни в отсутствие родителей, когда дети смогут оказать друг другу поддержку.

Мне кажется, что двоих детей вполне достаточно. так как я считаю правильным не заниматься материнством всю жизнь, а жить ее в удовольствие, где у меня хватит сил и на себя, и на мужа, и на детей. (Женщина, 25 лет, замужем, 1 ребенок)

Двое детей — оптимальное число. Братик и сестричка. Всегда будут помогать друг другу. Сегодня в России многодетная семья — это семья от двух и более детей. (Мужчина, 31 год, женат, нет детей)

Финансово-экономические вопросы доминируют в рейтинге проблем участников онлайн-форумов. Среди наиболее острых были названы неудовлетворительные условия ипотечного кредитования, низкий уровень дохода и отсутствие рабочих мест (особенно в небольших городах), высокий уровень цен. Вследствие плотного рабочего графика возникает нехватка времени для общения с семьей,

а также девиантные привычки (употребление алкоголя). Некоторые респонденты отмечали общую низкую информированность о положенных государством субсидиях и льготах.

На мой взгляд, основной проблемой являются трудности с деньгами, поиск работы, получение адекватной заработной платы, работать приходится много, времени на семью и отдых не хватает. (Мужчина, 25 лет, не женат, нет детей)

Низкие доходы, плохо реализованы различные субсидии от государства, надо выпрашивать путевки в санаторий, про различные субсидии никто и не знает, то есть юридическая и финансовая грамотность хромает — это самые острые проблемы. (Мужчина, 31 год, женат, нет детей)

Немаловажными, по мнению респондентов, также являются психологические проблемы в российских семьях. Среди основных были названы домашнее насилие, отсутствие взаимопонимания, страх перемен. Некоторыми участниками дискуссии была акцентирована тенденция разводов и, как следствие, рост «неполных» семей.

Вследствие высокой трудовой загруженности и необходимости решения текущих бытовых вопросов довольно остро встают вопросы воспитания детей и устройства их в образовательные учреждения. Среди актуальных негативных тенденций некоторые участники дискуссии отмечали индифферентное отношение к развитию ребенка, дистанцированный контроль за его увлечениями и способами досуга.

Я считаю, что одна из главных проблем в российских семьях — это недостаточное внимание детям, так как родители только успевают работать и зарабатывать деньги. (Мужчина, 23 года, женат, нет детей)

Многим не хватает гос. поддержки, а именно денег и возможности, допустим, первоочередности в ясли/сад (есть, конечно, категории граждан, но этого недостаточно), пособия детские. (Женщина, 27 лет, не замужем, нет детей)

Многие участники дискуссии считают, что эффективная реализация текущих и потенциальных программ поддержки семьи возможна лишь при условии общей экономической стабильности в стране. В целом острые проблемы еще более обостряются в городах с небольшой численностью населения (отсутствие женских консультаций, родильных домов, возможностей для дошкольного устройства детей). Некоторыми опрошенными были высказаны мнения, что стимулировать рождаемость нужно еще начиная со школы, вводя уроки семейного воспитания, где пропагандировались бы забота о здоровье и сохранение традиционных семейных ценностей. Раннее рождение можно стимулировать путем введения социальных льгот для женщин, решивших родить до 30 лет.

Самое главное — должно улучшать эмоциональное состояние, открытость всех субсидий — половину никто не знает. На работе должны про них рассказывать, а не «читайте сами закон и ищите по администрациям информацию». (Мужчина, 31 год, женат, нет детей)

Если выполнить хотя бы часть моих предложений, то мы с женой уже пошли бы за третьим ребенком. Если откроют роддом в нашем районе, пойдут рожать больше половины молодых людей, несмотря на то что УЗИ делать в соседнем районе. (Мужчина, 33 года, женат, 2 детей)

Большинство участников дискуссии придерживаются мнения, что информационная политика в отношении стимулирования рождаемости в настоящее время находится на неудовлетворительном уровне. Основным концептуальным конструктом информационной политики должен стать контекст поддержки, помощи, однако при этом стоит избегать сюжетов с гиперболизированным позитивом. Также информационная политика должна охватывать все потенциально важные «точки» принятия решения о рождении ребенка: женские консультации, родильные дома, центры социальной помощи и т. д. Предпочтительным будет аккумулирование такой информации в централизованном источнике (сайт).

Основной посыл политики, направленной на увеличение рождаемости, должен быть «мы вам поможем, мы вас не бросим». Это страшно — взять на себя ответственность за нового человека. (Женщина, 35 лет, замужем, 2 детей)

Информационная политика — я бы не стала навязывать людям. Она должна быть легкой и непринужденной. Она должна освещать плюсы, которые ждут будущих родителей, но и показывать, что в системе есть недоработки, но о них не забыли, а наоборот — пытаются решить. (Женщина, 35 лет, замужем, 3 детей)

Выводы

Резюмируя результаты проведенных количественного и качественного исследований, можно сделать следующие выводы относительно стратегий молодежи в контексте пронаталистской социальной политики:

1. В настоящее время молодежь склонна откладывать вступление в брак и, следовательно, рождение первого ребенка. При этом в молодежной целевой аудитории бездетность не является жизненной доминантой, она скорее вызвана объективными жизненными обстоятельствами, чем личным нежеланием становиться родителем.

2. Пропаганда «традиционных» семейных ценностей во многих случаях не находит своей целевой аудитории, поскольку мир семьи в современных условиях — это мир вариативных моделей (монородительская семья, расширенная семья и т. д.). Пронаталистская политика должна учитывать разносторонние интересы молодежи, принимая во внимание широкую дифференциацию жизненных приоритетов в зависимости от социально-демографических характеристик.

3. Что касается репродуктивных планов, то молодежь демонстрирует потенциальную готовность иметь двух и более детей при наличии идеальных условий. Однако в текущих условиях молодые люди скорее предпочтут иметь одного-двух детей. С учетом того, что решение о рождении второго/последующего ребенка принимается, как правило, легче (по сравнению с первым ребенком), именно на данную группу стоит ориентироваться при конструировании мер стимулирования рождаемости.

4. Бездетные чаще ставят в приоритет материальный достаток и карьерные достижения, следовательно, могут показать эффективность те меры, которые будут стимулировать совмещение занятости и ухода за ребенком. Стигматизация определенных типов семей (бездетных) как средство стимулирования рождаемости может спровоцировать отторжение молодой целевой аудитории, цели которой несопоставимы с общим дискурсом социальной политики.

Список литературы (References)

Адлер А. Наука жить. Киев : Port-Royal, 1997.

Adler A. (1997) *The Science of Living*. Kiev: Port-Royal. (In Russ.)

Андреева А. В. Культура репродуктивного поведения в кочевой культуре народов Восточной Сибири : автореф дис. ... к. к. н. : 24.00.01. Улан-Удэ : Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, 2015.

Andreeva A. V. (2015) *Reproductive Behavior Culture in Nomadic Culture of the Peoples of Eastern Siberia*. Abstract of the PhD Dissertation in Cultural Studies. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of Culture and Art. (In Russ.)

Беляева М. А., Беляева Л. А. Культурологический анализ репродуктивного поведения человека // Вопросы культурологии. 2011. № 8. С. 13—17.

Beliayeva M. A., Beliayeva L. A. (2011) *Culturological Analysis of Human Reproductive Behavior*. *Issues of Culturology*. No. 8. P. 13—17. (In Russ.)

Борисов В. А. Демография и социальная психология. М., 1970.

Borisov V. A. (1970) *Demography and Social Psychology*. Moscow. (In Russ.)

Ильясов Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1. С. 168—177.

Ilyasov F. N. (2013) *Need for Children and Reproductive Behavior*. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 168—177. (In Russ.)

Кенрик Д. Секс, убийство и смысл жизни. СПб. : Питер, 2012.

Kenrick D. T. (2012) *Sex, Murder, and the Meaning of Life*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Копылов И. Проблема понятия «репродуктивное поведение» в отечественной исторической демографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск : Апельсин : Институт истории СО РАН, 2016. С. 248—255.

Kopylov I. (2016) *The Problem of the “Reproductive Behavior” Concept in Russian Historical Demography*. In: *Actual Problems of Historical Research: A View of Young Scientists. Proceedings of All-Russian Academic School and Conference*. Novosibirsk: Apelsin; Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 248—255. (In Russ.)

Морозова И. С., Белогай К. Н., Борисенко Ю. В., Отт Т. М. Технологии формирования конструктивной репродуктивной мотивации и профилактики абортивного поведения молодежи. Кемерово, 2014.

Morozova I. S., Belogay K. N., Borisenko Yu. V., Ott T. M. (2014) Technologies for the Formation of Constructive Reproductive Motivation and Prevention of Abortive Behavior of Youth. Kemerovo. (In Russ.)

Осипова Л. Б., Энвери Л. А. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4. С. 108—129. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6>.

Osipova L. B., Enveri L. A. (2016) Life Strategies of Young People: Sociological Research Experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 4. P. 108—129. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.4.46.6>. (In Russ.)

Петрова Р. Г. Гендерология и феминология. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007.

Petrova R. G. (2007) *Genderology and Feminology*. Moscow: Dashkov & K. (In Russ.)

Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 100—105.

Reznik T. E., Reznik Yu. M. (1995) Life Strategies of an Individual. *Sociological Studies*. No. 5. P. 100—105. (In Russ.)

Стоянова И. Я., Магденко О. В. Мотивации деторождения беременных женщин в ракурсе становления материнской идентичности // Медицинская психология в России. 2012. № 3.

Stoyanova I. Ya., Magdenko O. V. (2012) Motivation to Give Birth among Pregnant Women from the Perspective of the Formation of Maternal Identity. *Medical Psychology in Russia*. No. 3. (In Russ.)

Bhrolcháin M. N., Beaujouan É. (2019) Do People Have Reproductive Goals? Constructive Preferences and the Discovery of Desired Family Size. In: Schoen R. (ed.) *Analytical Family Demography*. Cham: Springer. P. 27—56. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-93227-9>.

Bruni L., Sugden R. (2007) The Road not Taken: How Psychology was Removed from Economics, and How it Might be Brought Back. *The Economic Journal*. Vol. 117. No. 516. P. 146—173. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2007.02005.x>.

Fischhoff B. (2006) Constructing Preferences from Labile Values. In: Lichtenstein S., Slovic P. (eds.) *The Construction of Preference*. New York, NY: Cambridge University Press. P. 653—667.

Iacovou M., Tavares L. P. (2011) Yearning, Learning, and Conceding: Reasons Men and Women Change Their Childbearing Intentions. *Population and Development Review*. Vol. 37. No. 1. P. 89—123. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00391.x>.

Rackin H. M., Bachrach C. A. (2016) Assessing the Predictive Value of Fertility Expectations through a Cognitive—Social Model. *Population Research and Policy Review*. Vol. 35. No. 4. P. 527—551. <https://doi.org/10.1007/s11113-016-9395-z>.

Trinitapoli J., Yeatman S. (2018) The Flexibility of Fertility Preferences in a Context of Uncertainty. *Population and Development Review*. Vol. 44. No. 1. P. 87—116. <https://doi.org/10.1111/padr.12114>.

Tversky A., Thaler R. H. (1990) Anomalies: Preference Reversals. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 4. No. 2. P. 201—211. <https://doi.org/10.1257/jep.4.2.201>.

